

ПУСТЫКИ ШЕДЕВРЫ ПУСТЫКИ ШЕДЕВРЫ

ПИТЕР СТРАУБ

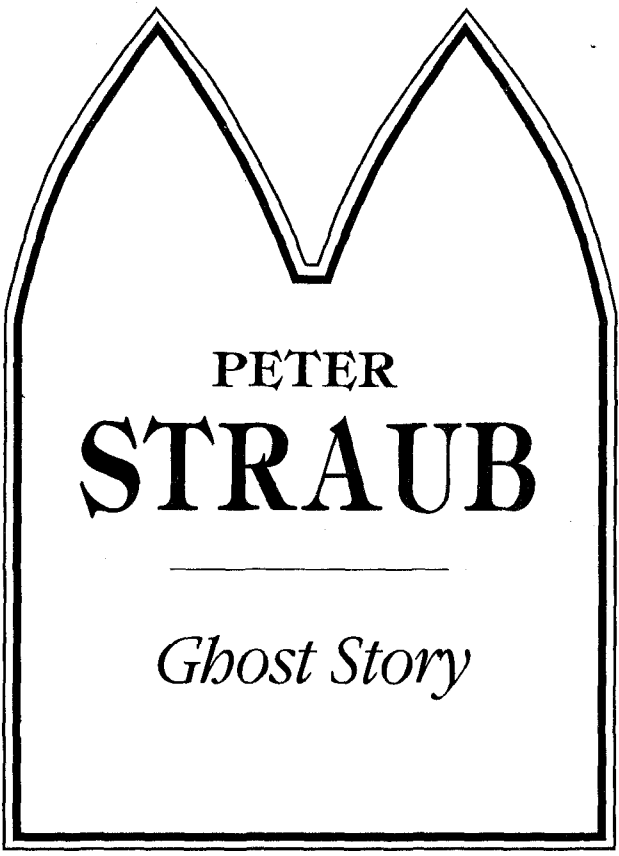
ИСТОРИЯ
С ПРИВИДЕНИЯМИ

ПУСТЫКИ ШЕДЕВРЫ ПУСТЫКИ ШЕДЕВРЫ

ПИТЕР
СТРАУБ

История
с привидениями

PETER
STRAUB

Ghost Story

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2004

ПИТЕР
СТРАУБ

*История
с привидениями*

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2004

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)
С 83

**Peter STRAUB
GHOST STORY**

Copyright © 1998 by Peter Straub

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Художник *И. Жмайлова*

Страуб П.
С 83 История с привидениями: Роман / Пер. с англ.
А. Крышана. — М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Изд-во До-
мино, 2004. — 624 с. (Шедевры мистики).

ISBN 5-699-04706-9

Все началось с того, что несколько приятелей решили раз в месяц собираться по очереди у кого-нибудь дома и обмениваться друг с другом страшными историями. Так бы, наверное, и продол-
жались их невинные посиделки, если бы рассказанные «страшилки»
вдруг не стали повторяться в реальности...

Питер Страуб входит в золотую пятерку ведущих мастеров жанра.
Роман впервые издается на русском языке.

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)

ISBN 5-699-04706-9

© Издание на русском языке, оформление.
ООО Издательство «Эксмо», 2003
© Перевод. А. Крышан, 2003

Посвящается Валли Шайо и Грегорио Коону

Всюду под нами разверста мрачная бездна, и преис-
подняя — лишь преддверие ее.

Натаниель Готорн, «Мраморный фавн»

Призраки всегда алчны.

Р. Д. Джеммисон

Пролог

СЛЕДУЯ НА ЮГ

1

Каким был твой самый дурной поступок?
— *Этого я вам не скажу, но поведаю о худшем в моей жизни происшествии... о самом чудовищном...*

2

Опасаясь, что при перевозе ребенка через канадскую границу возникнут немалые проблемы, он отправился на юг, избегая городов и пользуясь уединенными трассами — словно мчался по параллельному миру. Однообразие пути так успокаивало и вдохновляло водителя, что за первый день ему удалось проехать двадцать часов кряду. Подкреплялись они в «Макдональдсах» и придорожных закусочных: проголодавшись, он съезжал с автострады и ехал по параллельной ей, второстепенной дороге, зная, что делает крюк не более 15–20 миль. Спустя некоторое время он будил ребенка, и они вдвоем вгрызались в гамбургеры.

Девочка никогда первой не заговаривала с ним, ограничиваясь только просьбами о самом необходимом. Большую часть времени она спала. Он помнил, как в первую ночь номера его машины подсвечивались лампочками, и — впоследствии оказалось, что это было ни к чему, — он съехал с автострады на неосвещенную дорогу, выкрутил лампочки и зашвырнул их в поле. Затем зачерпнутой с обочины грязью замазал номера. Вытирая руки о штаны, он вернулся к машине и открыл дверь. Девочка спала сидя, вытянувшись в кресле, сомкнув губы. Фигурка у нее намечалась ладная. Он так пока и не знал, что намерен делать с этой малышкой.

В Западной Вирджинии он вдруг очнулся как от толчка и понял, что на несколько секунд заснул за рулем.

— Сейчас съедем в сторону и немного вздремнем, — сказал он.

Девочка кивнула. Он свернул с автострады за Кларкс-бургом и ехал по шоссе до тех пор, пока не увидел большой, красный с белым, указатель с надписью «Пионер Вилледж». Держать глаза открытыми ему удавалось разве что усилием воли. И с рассудком творилось неладное: казалось, что в глазах стоят слезы и он вот-вот разрыдается. Зарулив на парковку у торгового центра, он направился к самому дальнему от въезда ряду и сдал назад к провололочной изгороди.

Позади находилось квадратное кирпичное здание фабрики, изготавливающей пластиковые копии животных, вроде тех, что устанавливались на грузовики «Golden Chicken». Фабричный асфальтированный двор был наполовину завален гигантскими пластмассовыми фигурами. В самой середине возвышался громадный голубой бык. Некрашенные, уныло-белые цыплята были крупнее небрежно составленных тут же коров.

Впереди был почти пустой ряд парковки, далее — комплекс зданий торгового центра песочного цвета.

— Можно посмотреть больших дыплат? — спросила девочка.

Он отрицательно покачал головой:

— Из машины выходить не будем, просто поспим здесь.

Он закрыл все двери на замки и поднял стекла. Под пристальным взглядом девочки нагнулся, нащупал под сиденьем и вытащил веревку.

— Вытяни руки, — велел он.

Едва заметно улыбнувшись, она протянула маленькие ручки со сжатыми кулачками. Он дважды обвязал веревкой запястья, затем связал пленнице лодыжки. Увидев, что остался запас веревки, он взял свободный конец в одну руку, а другой грубо притянул девочку к себе. Затем обвязал ее и себя и, уже растянувшись на переднем сиденье, сделал последний узел.

Теперь девочка лежала на нем, ее связанные руки упирались ему в середину живота, голова помещалась у него на груди. Она легко и ровно дышала, словно знала заранее, что он ее привяжет, и ничего другого от него не ожидала. Часы на приборной панели показывали пять тридцать, и становилось прохладнее. Он вытянул ноги, опустил голову на подлокотник и заснул под гудение транспорта.

Ему показалось, что проснулся он сразу же. Лицо было покрыто испариной, раздражал резкий запах сальных, невымытых волос девочки. Было уже темно — он проспал, наверное, несколько часов. Их так и не обнаружили — было бы интересно, если б его нашли спящим с привязанной к нему девочкой на парковке торгового центра в Кларксбурге, в Западной Вирджинии! Он зевнул, отодвинулся в сторону и разбудил ее. Как и он, девочка мгновенно проснулась; затем отклонила назад голову и внимательно посмотрела на него. В ее взгляде не было страха — только напряженность. Он поспешно развязал узлы и вытянул веревку. Шею чуть кольнуло, когда он выпрямился.

— Хочешь в туалет?

Она кивнула и тут же спросила:

— Где?

— За машиной.

— Прямо здесь? На парковке?

— Ты слышала.

Ему снова показалось, что она слегка улыбнулась. Он взглянул на напряженное лицо девочки, обрамленное темными, коротко остриженными волосами.

— Ты меняпустишь?

— Я подержу тебя за руку.

— Но ты не будешь подглядывать? — Впервые в ее словах прозвучала уверенность.

Он помотал головой.

Девочка протянула руку, чтобы открыть дверь, но он снова мотнул головой и крепко взял узнику за запястье.

— Выйдешь с моей стороны.— И он открыл свою дверь, все еще стискивая костлявое запястье девочки.

Она начала пролезать к выходу — малышка семи-восьми лет в коротеньком розовом платьице и немного стоптанных сзади голубых теннисках, надетых на босую ногу. Совсем по-детски она сначала опустила на землю одну ногу, затем, развернувшись, другую и наконец выбралась из автомобиля.

Он обвел ее вокруг машины и препроводил к проводочному забору. Девочка наклонила голову и взглянула на него исподлобья:

— Ты обещал мне. Не смотри.

— Не буду.

Какое-то время он глядел в сторону, потом, когда она закончила, все же повернул голову и осмотрелся, не обойдя вниманием гротескных пластмассовых животных за забором. Потом, услышав шуршание ткани, он опустил глаза. Левую руку девочка вытянула насколько возможно, дешевое розовое платьице подняла до талии. Она тоже разглядывала пластиковых животных. Когда малышка

привела себя в порядок, он отвел от нее взгляд. Она поднялась и теперь ждала, что он прикажет делать дальше. Он повел ее назад к машине.

— Чем ты зарабатываешь себе на жизнь? — спросила девочка.

Изрядно удивленный, он громко рассмеялся: вот так светский вопрос!

— Ничем.

— А куда мы едем? Куда ты меня везешь?

Он открыл дверь и отступил в сторону, а она пролезла на свое место.

— Кое-куда, — ответил он. — Везу тебя в одно место.

Он сел в машину.

— Куда?

— Приедем — увидишь.

И снова они ехали всю ночь, и снова девочка почти все время спала, изредка просыпаясь, чтобы поглядеть в ветровое стекло (она всегда спала, сидя в кресле очень прямо, точно кукла в розовом платье и голубых теннисках) и задать ему пару-другую странных вопросов.

— Ты полицейский? — спросила она его однажды, а затем, увидев въездной знак: — А что такое Колумбия?

— Город.

— Как Нью-Йорк?

— Да.

— Как Кларксбург?

Он кивнул.

— Мы всегда будем спать в машине?

— Не всегда.

— Можно включить радио?

Он разрешил, и девочка, потянувшись вперед, нажала кнопку. Машина тут же наполнилась эфирным треском и двумя-тремя одновременно говорящими голосами. Нажала другую кнопку — тот же результат.

— Покрути настройку, — посоветовал он.

Нахмурившись, девочка с сосредоточенным лицом начала медленно вращать ручку настройки. Через мгновение она нашла чистую волну — пела Долли Партон.

— Вот это мне нравится,— заявила она.

Следующие четыре часа они катили на юг под песни и ритмы кантри. Радиостанции то возникали в эфире, то затихали, чередуясь одна за другой, диск-жокеи меняли голоса и акценты, спонсоры наперебой рекламировали страховые услуги, зубные пасты, мыло, пепси-колу, погребальные принадлежности, дешевые наручные часы, шампуни от перхоти — но музыка оставалась неизменной. Из песни в песню бесконечно переходили унылые истории, где женщины выходили замуж за разных проходимцев, однако блюли им верность до развода, где мужчины сидели в барах, полных греховных соблазнов, и мечтали вернуться домой, и однажды возвращались и воссоединялись с бывшими женами, а потом снова с досадой удалялись, унося в душе тоску о детях...

Однажды он спросил девочку:

— Ты когда-нибудь слышала о человеке по имени Эдвард Вандерлей?

Она не ответила, но взглянула на него изучающе.

— Так слышала?

— А кто это?

— Он был моим дядей,— сказал он, и девочка улыбнулась.

— А о человеке по имени Сирс Джеймс?

Она помотала головой, все еще улыбаясь.

— А о человеке по имени Рикки Готорн?

Она снова покачала головой. Не было смысла продолжать. Он сам не знал, зачем задавал ей эти вопросы. Вполне возможно, что она никогда и не слышала этих имен. Даже скорее всего не слышала.

Как-то раз, еще в Южной Каролине, ему показалось, что патрульный полицейский увязался за его машиной: автомобиль копа шел позади в 20 ярдах, сохраняя посто-

янную дистанцию. Ему даже показалось, что полицейский говорит что-то по рации. Сразу же сбросив скорость на пять миль в час, он сменил ряд, однако патрульная машина не обогнала его. Он ощутил сильную дрожь в груди и животе: он уже представлял себе, как полицейский обгоняет его, включает сирену, приказывая прижаться к обочине. Потом начнутся вопросы... Было около шести вечера, и автостраду переполняли машины. Он чувствовал, что попал в ловушку — беспомощный, пассивный участник напряженного движения, надеющийся на милость того, кто сидит в патрульной машине. Надо было что-то придумать. Его просто влекло общим потоком к Чарльстону, миля за милей по равнине, поросшей кустарником, — лишь вдали виднелись группки убогих домишек с остовами гаражей. Он не помнил номера магистрали, по которой ехал. В страхе он представил себе, как полицейский заорет ему: «Выходи!» и как закричит высоким тонким голоском девочка: «Он заставил меня поехать с ним, он даже привязывает меня к себе, когда спит!» Южное солнце, казалось, хотело истребить его лицо, вгрызаясь в каждую пору. Патрульная машина сменила ряд и начала приближаться. «Ублюдок, это не твоя девочка. Кто она?!» — уже слышалось ему. Потом его посадят в камеру и начнут бить, методично обрабатывая дубинками...

Однако ничего этого не произошло.

3

Вскоре после восьми он съехал на узкую проселочную дорогу, покрытую словно только что вырытой рыжей грязью. Он уже не был уверен, в каком штате находится — в Южной Каролине или Джорджии. Казалось, эти штаты — как, впрочем, и другие — то разбегались в стороны, то перетекали один в другой, то сливались, все время устремляясь вперед наравне с автострадами. Все было не так. И очутился он в неправильном каком-то месте: и жилья здесь не могло быть, и просто находиться здесь казалось

невозможным. Незнакомые виноградные лозы, зеленые и плетеобразные, цеплялись за бампер. Последние полчаса указатель топлива стоял на «Е». Все было не так, все. Он взглянул на девочку — девочку, которую похитил. Она спала, как кукла, — спина прямая, ноги в теннисках не доставали до пола. «Слишком много она спит. Может, больна, а может, умирает».

Она проснулась под его взглядом.

— Мне опять нужно в туалет.

— С тобой все в порядке? Ты не больна?

— Я хочу в туалет.

— Ладно, — проворчал он и потянулся открыть дверь.

— Можно я сама, я не убегу. Я ничего не сделаю, правда.

Он взглянул на ее серьезное лицо, темные глаза на фоне оливкового оттенка кожи.

— Ну куда я денусь? Я даже не знаю, где я.

— Я тоже.

— Так можно?

Когда-нибудь это должно было произойти: он не мог держать ее за руку все время.

— Обещаешь? — спросил он, зная, что задает глупый вопрос.

Она кивнула.

— Хорошо, — сказал он наконец.

— А ты обещаешь, что не уедешь?

— Да.

Она открыла дверь и вышла из машины. Это было испытанием — не следить за ней. Настоящей проверкой. Он бы очень хотел, чтобы ее запястье было сейчас привязано к его руке. Вот сейчас девчонка побежит, закричит... Но нет, она не кричала.

«Часто случается, — размышлял он, — что что-то ужасное, чего со страхом ждешь, все ж таки не происходит: злой рок дает сбой, и все встает на свои места — словно ничего и не было».

Он испытал громадное облегчение, когда девочка вернулась,— вот и опять не разверзлась под ним черная пропасть.

Он закрыл глаза и увидел разделенное белыми полосами пустое шоссе, бесконечно разматывавшееся перед ним.

— Надо найти мотель,— произнес он.

Пленница вытянулась в кресле, ожидая его приказаний. Тихонько мурлыкало радио — нежная, ласкающая слух гитара. На мгновение мелькнул образ: девочка мертва, язык высунут, глаза вылезли из орбит. Она совершенно не сопротивлялась ему! А потом он как наяву стоял посреди Нью-Йорка, на одной из тех улиц — Восточных Пятидесятых,— где хорошо одетые женщины выгуливают овчарок. И была там одна такая женщина, и тоже прогуливалась. Высокая, в красиво вытертых джинсах и дорогой рубашке, очень загорелая, со сдвинутыми высоко на лоб очками от солнца, она шла мимо него. Большая овчарка трусила позади, виляя задом. Он стоял достаточно близко к женщине, чтобы разглядеть веснушки в вырезе расстегнутого ворота ее рубашки.

Ах...

Он очнулся от своих мыслей. Тихая гитара все еще звучала, и перед тем, как включить зажигание, он потрепал девочку по голове и сказал устало:

— Поехали, найдем гостиницу.

Почти час он вел машину по совсем пустому шоссе.

— Ты не обидишь меня?

— Откуда ж мне знать.

— Не обидишь, я знаю. Ты мой друг.

Он снова «как будто» стоял на улице Нью-Йорка, на той самой улице, глядя, как загорелая женщина с собакой приближается к нему. И снова видел редкие веснушки в вырезе воротника. Он ведал, каково это на вкус — кос-

нуться языком этого места. Как это часто бывало в Нью-Йорке, солнца он не видел, но чувствовал его — тяжелое, агрессивное светило. Женщина была для него никто — так, прохожая... Он и не знал ее совсем, просто она была похожа на... Мимо пролетело такси, проплыли металлические поручни справа, надписи на стеклах французского ресторана на другой стороне улицы. Тротуар жег сквозь подошвы ботинок. Где-то наверху мужчина выкрикивал слово за словом. *Он был там, был*: очевидно, какие-то чувства отразились на его лице, потому что женщина с собакой удивленно взглянула на него, сделала строгое лицо и перешла на противоположную сторону тротуара.

Может, она сказала что-то? Могут люди в чьих-либо галлюцинациях разговаривать по-человечески? Можно ли их о чем-то спрашивать и получать ответы на свои вопросы? Он открыл было рот:

— Мне надо...

«Найти выход», — хотел сказать он, но уже снова обнаружил себя в машине. Сырой комок, являвшийся недавно картофельным чипсом, лежал у него на языке.

«Каким был твой самый дурной поступок?»

Судя по карте, он был всего лишь в нескольких милях от Валдосты. Он чисто механически вел машину, не решаясь взглянуть на девочку, но тем не менее постоянно чувствуя на себе ее взгляд. Наконец он проехал указатель, сообщавший о том, что до городка Френдлист осталось десять миль.

Это был типичный южный городок: немного промышленных зданий при въезде, мастерские, прессовальные цеха, сюрреалистические группы металлических барачков под дуговыми фонарями, уставленные огромными грузовиками дворы; далее — деревянные дома, отчаянно нуждающиеся в покраске, компании чернокожих мужчин по углам с едва различимыми в темноте лицами. Но-

вые дороги здесь внезапно возникали и так же неожиданно исчезали, все кругом поросло бурьяном; по городу бесцельно разъезжали подростки в допотопных машинах.

Он миновал низкое здание, неуместно новое — знамение Нового Юга — с вывеской «Пальметто Мотор-Ин» и сдал назад к нему.

Девушка с начесом и конфетно-розовыми накрашенными губами одарила его бессмысленной и безжизненной улыбкой и двуспальным номером «для меня и моей дочери». В регистрационном журнале он написал: «Ламар Бурже, Коннектикут, Стоунингтон, Ридж-роуд, 155». Вручив портье ночную плату, он получил взамен ключ.

В комнате были две односпальные кровати, жесткий коричневый ковер и лимонно-желтые стены, две картины — наклонивший голову котенок и индеец, глядящий с вершины утеса на укрытое листвою ущелье. Пока девочка раздевалась, он присел на банкетку.

Когда он позже взглянул на нее украдкой, девочка лежала под простыней лицом к стене. Ее одежда была разбросана по полу, почти опустошенный пакет чипсов лежал рядом на кровати.

Он забрался в ванную комнату, разделся и встал под душ. Какое блаженство... На мгновение ему показалось, что он вернулся в прежнюю жизнь, что он никакой не Ламар Бурже, а Дон Вандерлей, живший когда-то в Болинесе, автор двух романов (один из которых даже принес немного денег), бывший любовник Альмы Мобли, брат покойного Дэвида Вандерлея. Так оно и было на самом деле. И это мешало ему — он не мог выкинуть прежнее из памяти. Его память была ловушкой — он словно жил в замурованной пещере. Однако следовало вернуться к реальности. Сейчас он здесь, в мотеле «Пальметто Мотор-Ин». Он выключил душ, и от наслаждения не осталось и следа.

В маленьком номере, освещенном слабым светом прикроватного ночника, Дон снял джинсы и открыл свой чемодан. Охотничий нож лежал, завернутый в рубашку, стояло ее раскатать — нож выпал на постель.

Зажав в руке короткую костяную рукоять, он подошел к кровати девочки. Та спала с открытым ртом, капельки пота блестели на ее лице.

Вандерлей долго сидел рядом с ней, держа нож в правой руке, готовый пустить его в ход.

Но в эту ночь он не смог это сделать. Сдавшись, отступив, он долго тряс девочку за руку, пока ее ресницы не задрожали.

— Кто ты? — спросил он.

— Я хочу спать.

— Кто ты?

— Уходи. Пожалуйста.

— Кто ты? Я спрашиваю, кто ты?

— Ты знаешь.

— Знаю?

— Знаешь. Я говорила.

— Как твое имя?

— Анжи.

— Анжи?..

— Анжи Маул. Я тебе уже говорила.

Он держал нож за спиной, чтобы девочка его не видела.

— Я хочу спать, — проговорила она. — А ты меня разбудил.

Девочка снова повернулась к нему спиной. Точно загипнотизированный, он наблюдал, как она засыпает: кончики ее пальцев вздрогнули, веки сомкнулись, дыхание изменилось. Выглядело так, словно она заставила себя заснуть. Анжи — Анжела? Анжела Маул. Впервые оказавшись у него в машине, она назвалась совсем по-другому. Миносо? Миннорси? Что-то вроде этого, какое-то итальянское имя — но не Маул.

Он держал нож обеими руками, расставив локти и уперев черную костяную рукоятку в оголенный живот.. Оставалось лишь ударить им изо всех сил..

Наконец около трех утра Дон вернулся к своей кровати.

На следующее утро, уже перед самой выпиской, когда он изучал карты, девочка сказала:

— Ты не должен задавать мне такие вопросы.

— Какие вопросы?

Он сидел к ней спиной — по ее просьбе, — ожидая, пока она наденет розовое платье, и вдруг почувствовал, что должен немедленно повернуться, чтобы видеть пленницу. Вандерлей увидел свой нож в руках девочки (хотя тот лежал на дне чемодана, завернутый в рубашку), почувствовал, как острие уже прокалывает ему кожу.

— Я могу повернуться?

— Да, конечно.

Медленно, все еще чувствуя, как нож — его нож — входит в его же собственное тело, Вандерлей развернулся вместе со стулом. Девочка сидела на неубранной кровати, наблюдая за ним. Лицо напряженное, некрасивое.

— Какие вопросы?

— Сам знаешь.

— Ну, скажи.

Она покачала головой и промолчала.

— Хочешь, покажу, куда мы едем?

Девочка подошла к нему — не медленно, но размеренно, как бы не желая выказать недоверие.

— Вот сюда, — указал он точку на карте. — Панама, во Флориде.

— Мы увидим море?

— Возможно.

— И мы не будем больше спать в машине?

— Нет.

— Это далеко?

— Можно доехать за ночь. Поедем по этой дороге — вот этой, видишь?

— Угу.

Ей было неинтересно. Она немного наклонилась вбок, безучастная и скучающая, затем спросила:

— Как ты думаешь, я хорошенькая?

«Что в твоей жизни было наилучшим? То, что ты однажды ночью раздевался у кровати девятилетней девочки? Что ты держал в руке нож? Нож, которым хотел убить ее?»

Нет. Все остальное было намного хуже.

Не доезжая до широкой автострады, они остановились возле белого здания с вывеской «Бадди Саплайз».

— Анжи, пойдешь со мной?

Она открыла дверцу со своей стороны и все так же по-детски, словно спускаясь по лестнице, вылезла из машины. Он распахнул дверь в продуктовую лавку и пропустил девочку вперед. Полный мужчина в белой рубашке, похожий на Шалтая-Болтая, возвышался над прилавком.

— Вы скрываете свои доходы,— заявил хозяин Бадди.— И вы у меня сегодня первые покупатели. Можете поверить? Полтретьего, а вы — сегодня первый человек здесь... Нет,— продолжил толстяк, наклоняясь вперед над прилавком и впиваясь в вошедших взглядом,— ни черта. Ты тот самый парень, что позавчера уколошил человек пять в Таллахасси.

— Что? — опешил он.— Я вошел, только чтоб купить немного еды... Моя дочь...

— Попался,— ухмыльнулся Бадди.— Я бывший коп. Аллентаун, Пенсильвания. Двадцать лет. Купил эту лавку, потому что мне сказали, что она будет приносить больше ста долларов в неделю. Повсюду полно жуликов. Кто бы ни вошел сюда, я жулика вижу насквозь. Вот и ты попался. Ты не убийца. Ты — похититель детей.

— Нет, я...— Он почувствовал, как струйки пота потекли по бокам.— Моя девочка...

— Не вкручивай мне. Я двадцать лет в полиции.

Он в беспокойстве оглядел лавку в поисках девочки. Наконец увидел ее — малышка изучала полку, уставленную банками с ореховым маслом.

— Анжи,— позвал он.— Анжи, иди сюда.

— Да ладно,— махнул рукой толстяк.— Я просто испугал тебя. Не психуй. Хочешь орехового масла, девочка?

Анжи взглянула на него и кивнула.

— Ну, так возьми с полки и неси сюда. Что-нибудь еще, мистер? Ведь если ты — Бруно Хауптманн, я должен буду тебя задержать. У меня здесь служебный пистолет. Завалю сразу, можешь не сомневаться.

Было ясно, что хозяин просто грубо забавляется с очередным посетителем, однако он с трудом скрывал дрожь. Или, может быть, этот экс-коп заметил что-нибудь? Вандерлей повернулся к проходу между полками.

— Эй, послушай,— сказал ему в спину толстяк.— Если с тобой что не так — проваливай отсюда к черту, да поскорее.

— Нет-нет. Мне нужно купить кое-что...

— Вы с ней не очень-то похожи.

Не видя ничего перед собой, он начал снимать с полок продукты без разбору. Банка маринованных огурцов, яблочный джем, консервированная ветчина, еще какие-то две-три банки, на которые он даже не взглянул. Все это он принес к кассе.

Здоровяк Бадди подозрительно уставился на него.

— Ну, напугали вы меня,— сказал Вандерлей толстяку.— Я сегодня не выспался: едем уже несколько дней...— Фантазия иссякла.— Везу малышку к ее бабушке, в Тампу.— Анжи крутнулась на одной ноге, держа в руках две банки орехового масла, и, пока он говорил, изумленно смотрела на него.— Угу, в Тампу... По милости ее мамочки мы с женой разбежались, и мне теперь надо найти работу, чтобы как-то привести все в порядок, да, Анжи?

У девочки отвисла челюсть.

— Тебя зовут Анжи? — спросил толстяк.

Она кивнула.

— А это твой папа?

Он почувствовал, что сейчас упадет.

— Теперь — да, — сказала малышка.

Бадди рассмеялся.

— Теперь да! Вот дает! Черт возьми. Устами младенца глаголет истина. Ладно, психи, гоните монету. — Так же сидя за прилавком, он оформил их покупки. — Вам пора отдохнуть немного. Вы мне напоминаете те два миллиона жуликов, которых я перетаскал в свой участок.

Уже снаружи Вандерлей проговорил:

— Спасибо, что сказала так.

— Что сказала? — А затем, чисто механически, качая головой, как китайский болванчик: — Что сказала? Что сказала? Что сказала?

5

В Панаме он подрулил к кемпингу «Галф-Глинс» — серии убогих кирпичных бунгало вокруг парковки. Домик владельца стоял при въезде отдельно от других строений и ничем особо не выделялся — разве что большим окном, за которым на самом солнцепеке сидел тучный пожилой мужчина в очках с золотой оправой и мятой футболке. Он очень смахивал на Адольфа Эйхмана. Суровое, застывшее выражение его лица напомнило Вандерлею, что говорил экс-коп о нем и девочке: и правда, он, блондин с нежной светлой кожей, совсем не походил на ее отца.

Он подъехал к этому домику и вышел из машины. Ладони его вспотели.

Однако внутри, когда Дон попросил комнату для себя и дочери, старик лишь едва взглянул на девочку в машине и произнес:

— Десять пятьдесят в день. Запишитесь в журнале. Хотите есть — попробуйте в «Ит-Мор» через квартал от-

сюда. В бунгало не готовим. Вы планируете остановиться больше, чем на ночь, мистер... — он повернулся к журналу, — Босвелл?

— Может, даже на неделю.

— Тогда внесите задаток за два дня вперед.

Он отсчитал двадцать один доллар, и хозяин выдал ему ключ:

— Номер одиннадцать. Через парковку.

Стены комнаты были белыми, и пахло моющим средством для туалета... Он внимательно оглядел номер: такой же жесткий ковер, две узкие кровати с чистыми, но изношенными простынями, телевизор с двенадцатидюймовым экраном, две отвратительные картины с изображением цветов. Впрочем, в комнате было больше прохлады, чем она стоила.

Девочка рассматривала кровать у стены.

— Что такое «Волшебные пальчики»? Я хочу попробовать. Можно? Пожалуйста!

— Да они, наверное, не работают.

— Ну, можно? Я хочу попробовать. Пожалуйста!

— Хорошо. Ложись там. Я пойду куплю кое-какую одежду. Не уходи никуда до моего прихода. Надо опустить двадцать пять центов вот сюда, видишь? Когда я вернусь, поедим.

Лежа на кровати, девочка кивнула с нетерпением, глядя не на него, а на монету в его руке.

— Мы поедим, когда я вернусь. Попробую купить и тебе новую одежду. Нельзя носить одно и то же все время.

— Опусть монетку!

Он пожал плечами, протолкнул четвертак в щель — и сразу же послышалось жужжание. Девочка поудобнее устроилась на кровати, раскинула руки, лицо у нее напрыглось.

— О, как здорово!

— Я скоро вернусь, — сказал Вандерлей, вышел на резкий солнечный свет и впервые почувствовал запах моря.

Залив находился очень далеко отсюда, но был виден. На противоположной стороне дороги, по которой он ехал в город, земля как бы резко обрывалась, являя взору заросшие бурьяном и заваленные мусором пустыри, а дальше, за длинными складами, открывался Мексиканский залив — серый вспененный простор.

В супермаркете «Остров сокровищ» Вандерлей купил джинсы и две футболки для девочки, а себе — свежее белье, носки, две рубашки, пару брюк цвета хаки и мокасины. Затем нашел туалет и, раздевшись до пояса, умылся над раковиной. С него сошло столько грязи, что он стал мыться снова, расплескивая воду на пол и ожесточенно втирая зеленое жидкое мыло под мышки и в шею. Потом он вытерся и надел одну из новых рубашек — светло-голубую в красную полоску. Всю старую одежду засунул в фирменный пакет «Острова сокровищ».

Выйдя, он взглянул на небо — ему показалась странной его серо-голубая зернистость. Такое же небо, подумал он, висело и над флоридскими островами и топиями, что простирались дальше на юге. Небо, хранящее жару, удваивая и учетверяя ее, взывая к фантастическому росту семян и растения, заставляя их тянуться к нему ростками... Такое же небо, наверное, всегда будет над Альмой Мобли... Он сунул пакет в корзину для мусора.

Почти против своей воли, узнавая эту жутко знакомую гамму ощущений, он вышел на самое пекло: он шагал, сознательно обходя тени. За два года до того, как события сплелись в зловещий клубок, он был беззаботен и полон оптимизма — до того случая с Альмой Мобли, до смерти его брата. В каком-то смысле, косвенно или нет, он был виновником гибели Дэвида Вандерлея: он знал, что мог тогда предотвратить то, что заставило выброситься брата из окна отеля в Амстердаме. И только книга вернула его к жизни — книга *об этом*, об ужасающе сложной путани-

це в его отношениях с Альмой и Дэвидом, книга о темной силе. Так он полагал.

Панама? Флорида? Что он здесь делает — в компании со странной апатичной девочкой, которую он похитил? Кто или что влечет его на юг?

Он всегда был чужаковатым, беспокойным — в противоположность сильному Дэвиду. В экономике их семейства его нищета уравнивала успех Дэвида; его честолюбие и амбиции («Ты и в самом деле считаешь, что сможешь зарабатывать себе на жизнь писательством?» — говаривал отец) являлись противовесом здравому смыслу и трудолюбию Дэвида, его устойчивому успеху и прогрессу в правовом колледже и в его юридической конторе. А когда Дэвид неожиданно окунулся в его повседневность, это убило его.

Вот это и было самым ужасным в его жизни. До прошлой зимы. До Милбурна.

Задыхаясь от жары, Дон пошел по улице назад — туда, к перекрестку у подножия холма. И почти сразу увидел надгробие могилы брата — маленькое, из красного мрамора, со словами: «Дэвид Вэбстер Вандерлей, 1939—1975», — стоявшее у перекрестка двух дорожек.

Он побежал. Да, он видел могилу брата, только самого брата в ней не было: его кремировали в Голландии, а урну с пеплом прислали матери. Надгробие — да, было с именем Дэвида, но то, что заставило Дона почти сломя голову бежать отсюда, с холма, — это ощущение, что здесь его собственная могила, что, если упасть на колени и раскопать ее, в гробу окажется именно его разложившееся тело.

Дон вернулся в единственное здесь, дарующее прохладу место — вестибюль отеля. Надо было присесть, успокоиться. Под безучастными взглядами портье и девушки с журнальной обложки он рухнул на диван. Лицо было влажным. Чехол на диване неприятно колол спину. Ван-

дерлей выпрямился и посмотрел на часы. Следовало взять себя в руки — сделать вид, будто он просто ждет здесь кого-то, унять дрожь. Повсюду в вестибюле стояли пальмы в массивных кадках. Вверху крутился вентилятор. Худой старик в фиолетовой униформе стоял у открытого лифта и смотрел на него; поймав его взгляд, отвел глаза в сторону.

Когда Вандерлей стал различать окружающие звуки, он вдруг осознал, что с того момента, как увидел надгробие, он ничего не слышал. Пульс его сердца заглушал все. Теперь же он слышал жужжание пылесоса на невидимой отсюда лестнице, приглушенные звонки телефона, мягкое шипение закрывавшихся дверей лифта. В холле кое-где сидели группы людей, разговаривали. Он почувствовал, что может вернуться на улицу.

6

— Я хочу есть,— сказала Анжи.

— Я купил тебе новую одежду.

— Не хочу новую одежду, хочу есть.

Вандерлей пересек комнату и сел на пустой стул.

— Я думал, тебе надоело носить все время одно и то же.

— Мне все равно, что я ношу.

— Что ж...— Он бросил пакет на кровать перед ней.— Я думал, это тебе понравится.

Она не ответила.

— Я накормлю тебя, если ответишь мне на кое-какие вопросы.

Девочка отвернулась от него и начала теребить простыни, сминая, а затем разглаживая их.

— Как твое имя?

— Я говорила тебе. Анжи.

— Анжи Маул?

— Нет. Анжи Митчелл.

Пусть так.

— А почему твои родители не заявили в полицию о твоей пропаже? Почему нас до сих пор не нашли?

— У меня нет родителей.

— У всех есть родители.

— У всех, кроме сирот.

— Кто заботится о тебе?

— Ты.

— А до меня?

— Замолчи! Замолчи! — Ее лицо сделалось надутым и замкнутым.

— Ты и вправду сирота?

— Замолчи, замолчи, замолчи!!

Чтобы прервать ее крики, он достал из пакета с продуктами банку консервированной ветчины.

— Ну, ладно, давай-ка перекусим.

— Хорошо. — Она словно и не вопила только что. — И еще хочу орехового масла.

Когда Дон принялся нарезать ветчину, она спросила:

— А у тебя достаточно денег, чтоб позаботиться о нас?

Еда она довольно своеобразно: сначала набивала рот ветчиной, затем запускала пальцы в банку с ореховым маслом и, зачерпнув оттуда массу, облизывала их и жевала все одновременно, умудряясь при этом еще и приговаривать: «Вкуснятина».

— Если я посплю немного, ты не удерешь?

Она покачала головой:

— А можно погулять?

— Можно.

Теперь Вандерлей пил пиво из банки — купил упаковку в лавке на обратном пути. От сытости клонило в сон, и он чувствовал, что, если сейчас не приляжет, то заснет прямо на стуле.

— Не надо меня больше привязывать, — сказала девочка. — Я вернусь. Поверь мне, хорошо?

Дон кивнул.

— Потому что куда я могу уйти. Некуда.

— Ладно,— качнул он головой.

И опять почувствовал, что не может говорить с ней так, как он того хотел: она владела собой.

— Можешь погулять, но недолго.

Он вел себя, как отец: он знал, что Анжи навязала ему эту роль. И это было нелепо.

Вандерлей смотрел, как она выходит из комнаты. Позже, ворочаясь во сне, он смутно слышал, как щелкнула дверь, и понял, что девочка вернулась. Она была в его власти.

И в эту ночь Дон лежал на постели полностью одетый, наблюдая за спящей девочкой. Когда мышцы заныли от долгого нахождения в одной позе, он передвинулся на кровати и, еще два часа неподвижно пролежав на боку, сел, упершись локтями в колени, словно все эти положения были частью какого-то ритуала. Вандерлей почти не отрывал взгляда от девочки. Она лежала абсолютно тихо — сон унес ее куда-то, оставив лишь тело. Даже лежа здесь, в одной комнате с ним, она убежала от него.

Вандерлей поднялся, подошел к чемодану, вытащил скатанную в рулон рубашку и приблизился к кровати Анжи. Он взялся за воротник рубашки, и сила гравитации вывалила охотничий нож на постель, развернув следом и рубашку. Нож был слишком тяжелым и не отскочил. Вандерлей поднял его и взвесил в руке.

Снова держа нож за спиной, Дон потряс девочку за плечо. Ее черты словно стали размытыми. Она повернулась и уткнулась лицом в подушку. Он опять ухватил ее за плечо и почувствовал длинную тонкую косточку — словно крыло, торчащее из-за спины.

— Уходи,— пробормотала она в подушку.

— Нет. Давай поговорим.

— Уже поздно.

Вандерлей потормозил ее и, когда она не ответила, попытался развернуть лицом к себе. Маленькая и худенькая, она достаточно сильно сопротивлялась. Он так и не смог заставить ее поворотиться.

Потом она перевернулась сама, как бы в возмущении. Сердитое выражение делало ее заспанное лицо старше.

— Как твое имя?

— Анжи.— Она вдруг беззаботно улыбнулась.— Анжи Маул.

— Откуда ты?

— Ты знаешь.

Он кивнул.

— Как звали твоих родителей?

— Не знаю.

— Кто растил тебя, пока я тебя не увез?

— Не имеет значения.

— Почему же?

— Это неважно. Просто люди.

— Их фамилия была Маул?

Ее улыбка стала более дерзкой.

— А это важно? Ты прямо все хочешь знать.

— Что значит «просто люди»?

— Они просто люди, их фамилия Митчелл. Вот и все.

— И ты сама изменила свою фамилию?

— Ну и что?

— Не знаю...— Он запнулся.

Они смотрели друг на друга. Вандерлей сидел на краю кровати, держа за спиной нож, и осознавал: что бы ни случилось, он не сможет пустить его в ход. Он подумал, что Дэвид тоже не был в состоянии отнять жизнь — у кого угодно, кроме себя самого, что он и сделал. А девочка, похоже, знала, что он прячет нож. Просто не воспринимала это как угрозу. Это и не было для нее угрозой. И он сам не был ей угрозой. Она его ничуть не боялась.

— Ну хорошо, давай сначала,— сказал он.— Кто ты?

Впервые с того момента, как она оказалась в его машине, девочка по-настоящему расплылась в улыбке. Это была разительная перемена, не принесшая, однако, ему облегчения: она никогда прежде не выглядела такой взрослой.

— Ты знаешь.

— Что ты такое? — настаивал он.

Она вся осветилась улыбкой:

— Я — это ты.

— Нет, я — это я. Ты — это ты.

— Я — это ты.

— Что же ты такое?! — вырвалось в отчаянии у него.

На какой-то миг он перенесся назад, на улицу в Нью-Йорке, и перед ним была уже не загорелая, модно одетая незнакомка, а Дэвид — лицо у брата было изъедено червями, тело покрывала изорванная, гниющая одежда.

...о самом чудовищном...

Часть 1

ПОСЛЕ ВЕЧЕРИНКИ
У ДЖЕФФРИ

Как тоскливо сквозь ветви блистает луна,
Как уныло сквозь ветви блистает луна.

Блюз

I

КЛУБ ФАНТАЗЕРОВ: ОКТЯБРЬСКИЕ ИСТОРИИ

Первые литературные герои Америки
были пожилыми людьми.

Роберт Фергюссон

МИЛБУРН СКВОЗЬ ПРИЗМУ НОСТААЛГИИ

анним октябрьским утром Фредерик Готорн, семидесятилетний адвокат, вышел из своего дома на Мелроуз-авеню, Милбурн, штат Нью-Йорк, прогуляться пешком до своего офиса на Уит Роу, что начиналась сразу за площадью. Было чуть холоднее обычного для ранней осени, и Рикки оделся потеплее: зимнее твидовое пальто, кашемировый шарф и серая шляпа. Чтобы разогреться, он быстрым шагом прошелся по Мелроуз-авеню — мимо массивных дубов и стройных кленов, расцвеченных щедрыми мазками оранжевого и красного, — еще одно необычно раннее прикосновение осени. Готорн легко простужался, и, будь сейчас градусов на пять холоднее, пришлось бы ехать на машине. Однако

сегодня, укутав шарфом шею от ветра, он наслаждался прогулкой. Свернув с Медроуз-авеню к площади, он почувствовал, что достаточно согрелся, и сбавил шаг. Рикки не торопился на работу: клиенты редко приходили раньше полудня. Его партнер и друг Сирс Джеймс должен был появиться минут через сорок пять, и у Рикки оставалось достаточно времени, чтобы неспешно пройти по Милбурну, здороваясь со встречными и разглядывая то, что он всегда любил разглядывать.

А больше всего он любил разглядывать сам Милбурн — городок, в котором (за исключением тех лет, что Рикки провел в университете, правовом колледже и армии) прошла вся его жизнь. Он никогда не хотел жить где-то в другом месте, хотя первые после женитьбы годы его красивая и неутомная жена частенько жаловалась, что Милбурн скучен. Стелла решительно рвалась в Нью-Йорк. И это была одна из его побед. Рикки казалось непостижимым — как может Милбурн казаться скучным! Если семьдесят лет пристально наблюдать за жизнью города, можно услышать поступь столетия. А если столько же наблюдать за Нью-Йорком, считал Рикки, то различишь в основном лишь звуки жизни большого города. Ему казалось, что здания в Нью-Йорке появлялись и исчезали слишком быстро, а жители двигались чересчур стремительно, закованные каждый в отдельный плотный эгоцентричный кокон. Кроме того, в Нью-Йорке по меньшей мере пара сотен тысяч адвокатов, а в Милбурне — от силы пять-шесть, и они с Сирсом на протяжении уже сорока лет были из них самыми выдающимися.

Он ступил в деловой район, начинавшийся за два квартала к западу от площади и тянувшийся еще на четыре по другую ее сторону, и, проходя мимо «Риальто» — кинотеатра Кларка Маллигэна, — замедлил шаг, чтобы взглянуть на афишу. То, что он увидел, заставило его поморщиться. На постерах перед «Риальто» было окровавленное лицо

девушки. Фильмы, что любил Рикки, теперь крутили разве что по телевизору: Готорн полагал, что киноиндустрия сбилась с курса примерно тогда, когда ушел на пенсию Вильям Пауэлл. (Он полагал, что Кларк Маллигэн того же мнения.) Слишком многие современные фильмы были похожи на его сны, ставшие в последний год такими живыми и отчетливыми.

Рикки с облегчением отвернулся от кинотеатра. Время оставило заметные следы на первых многоэтажных зданиях Милбурна: даже деревья казались моложе домов. Он размеренно шел, и под носками черных отполированных туфель хрустели листья. Рикки шествовал мимо домов — близнецов тех, что на Уит Роу, а над ним летели воспоминания о его собственном детстве, связанные с этими улицами. Он улыбался — а если б кто-нибудь из тех, с кем Готорн нынче здоровался, спросил, о чем он думает, он бы, наверно, ответил (если б позволил себе такую велеречивость): «О чем? О тротуарах. Я частенько думаю о тротуарах. Одно из моих самых ранних воспоминаний — это как проложили тротуары вдоль всей Кендлмейкер-стрит, прямо отсюда — и к площади. Большие блоки приводились в движение лошадьми... Видите ли, тротуары внесли куда больший вклад в развитие цивилизации, чем двигатель внутреннего сгорания. В старину, весной и зимой, приходилось пластись по колено в грязи, и невозможно было войти в гостиную, не испачкав пола. А летом всюду столько пыли!» Разумеется, припомнил он, гостинные канули в Лету как раз тогда, когда появились тротуары.

На площади его ожидал еще один неприятный сюрприз. Некоторые деревья, окаймлявшие широкий газон, стояли почти совершенно голые, а у большинства других виднелись по крайней мере несколько полностью облетевших ветвей; и хотя, как Рикки и полагал, листва еще была полна осеннего разноцветья, последняя ночь изменила баланс, и теперь на фоне ярких листьев отчетливо

виднелись черные ветки, тянувшиеся, словно кости рук и пальцев скелета, и явственно напоминавшие: идет зима. А площадь усыпало мертвой листвой.

— Приветствую, мистер Готорн! — сказал кто-то рядом.

Он повернулся и увидел Питера Барнса, старшеклассника, чей отец был на 20 лет моложе Рикки и входил в дальний круг его друзей. Ближний же круг состоял из четырех мужчин его возраста — прежде их было пятеро, но Эдвард Вандерлей умер почти год назад... Фредерику стало совсем грустно, а грустить в его сегодняшние планы не входило.

— Привет, Питер, — отвечивал он. — Ты же должен идти в школу.

— Сегодня уроки на час позже — опять отопление неисправно.

Питер Барнс стоял рядом с ним, симпатичный парень в лыжном свитере и джинсах. Его темные волосы казались Рикки чересчур, по-девчоночьи, длинными, но разворот плеч обещал в будущем, когда юноша начнет мужать, фигуру намного крупнее, чем у отца. Хотя девушкам, скорее всего, его волосы не казались девчоночьими.

— Гуляешь?

— Точно, — ответил Питер. — Иногда приятно просто побродить по городу, посмотреть туда-сюда...

Рикки едва не просиял.

— Что ж, это верно! И я так думаю. Я всегда любил прогулки по городу. Станные мысли иногда приходят в голову. Я вот как раз думал о том, что тротуары изменили мир. Они сделали нас цивилизованней.

— Да? — удивленно поглядел на него Питер.

— Знаю, знаю — я говорю о странностях, что приходят порой мне в голову. Как поживает Уолтер?

— Прекрасно. Он сейчас в банке.

— А Кристина — тоже все хорошо?

— Конечно,— бросил Питер, и Рикки почувствовал холодок в ответе на вопрос о его матери. Что-то не так? Он вспомнил, как несколько месяцев назад Уолтер пожаловался ему, что Кристина в последнее время не в духе. Однако Готорна, знавшего поколение родителей Питера еще подростками, их проблемы казались всегда чутью надуманными: какие могут быть серьезные проблемы у людей, перед которыми открыт весь мир и вся жизнь впереди?

— Видишь ли,— произнес он,— мы в твои годы не говорили на эти темы. Отец еще не смирился с твоим решением отправиться в Корнелл?

Питер криво улыбнулся.

— Хотелось бы. Он, наверное, не знает, как трудно поступить в Йель. В его годы это было намного проще.

— Это точно,— ответил Рикки и тут же вспомнил обстоятельства его последнего разговора с Питером Барнсом. Вечеринка у Джона Джеффри — тогда погиб Эдвард Вандерлей.

— Ну, ладно, я пойду, поболтаюсь немного по универсаму,— сказал Питер.

— Конечно,— отозвался Рикки, невольно припоминая подробности того вечера. Ему казалось, что с той ночи жизнь потеряла краски, в чем-то радикально изменившись.

— Ну, я пошел...— Питер отступил на шаг.

— О, да, я тебя не задерживаю,— ответил Рикки.— Я просто задумался.

— О прогулках?

— Нет, разбойник.

Питер улыбнулся и, попрощавшись, легко зашагал через площадь.

Рикки заметил «линкольн» Сирса Джеймса, проезжавший мимо отеля «Арчер» с обычной для него скоростью (на 10 миль медленнее всех прочих машин), и по-

спешил к Уит Роу. Мрачные мысли не покидали его. Он вновь увидел голые ветви, пронзительно краснеющие последние листья, суровое окровавленное лицо девушки с киноафиши — и припомнил, что сегодня вечером его черед рассказывать историю на заседании Клуба Фантазеров. Готорн ускорил шаг и задумался: что же поколебало его сильный дух? Он знал ответ — Эдвард Вандерлей. Даже Сирс, следом за остальными членами Клуба, поддался этой депрессии. У Рикки оставалось двенадцать часов, чтобы обдумать свой рассказ.

— О, Сирс,— произнес он, поднимаясь по ступенькам здания. Его партнер в этот момент выбирался из «линкольна».— Доброе утро. Вечером встречаемся у тебя, не так ли?

— Рикки,— ответил Сирс.— В такую рань определенно не следует так щебетать.

Сирс тяжело двинулся вперед, и Рикки прошел в дверь следом за ним, оставляя за спиной Милбурн.

ФРЕДЕРИК ГОТОРН

1

Из всех комнат, в которых они по обыкновению встречались, библиотека в доме Сирса Джеймса была особо любима Рикки — ее стулья с потертыми кожаными сиденьями, высокие, застекленные книжные шкафы, напитки на маленьких круглых столиках, гравюры на стенах, заглушающий шаги старый иранский ковер под ногами и сохранившийся здесь с давних пор благородный аромат добрых старых сигар. Так и не связав себя женитьбой, Сирс никогда не изменял своей большой любви к комфорту. В течение стольких лет приходя сюда, в библиотеку дома Сирса, остальные трое мужчин всякий раз невольно испытывали удовольствие, и расслабление, и зависть — в то время как в доме доктора Джеффри, где сле-

дила за порядком вечно суетливая и чересчур деятельная экономка Милли Шин, их неизменно охватывало чувство дискомфорта. Все они — и Рикки Готорн, пожалуй, сильнее других — хотели бы иметь собственное такое же убежище. Однако у Сирса всегда было больше денег, чем у них, — так же, как и его отец был богаче их отцов. Это тянулось из глубины пяти поколений, с тех самых пор, когда провинциальный бакалейщик хладнокровно бросил вызов судьбе и обратил семейство Джеймсов в статус мелкого рантье: во времена прадеда Сирса женщины были худощавы, трепетны, декоративны и бесхозяйственны, мужчины занимались охотой и оканчивали Гарвард, и все они выезжали на лето в Саратога-Спрингс. Отец Сирса был профессором древних языков в Гарварде — там у него имелся третий по счету дом. Сам же Сирс стал адвокатом, потому что думал тогда, что мужчина без профессии — явление аморальное. Проработав около года в школе, он понял, что не может быть педагогом. Остальные его близкие родственники — родные и двоюродные братья — пали жертвами обеспеченной жизни: несчастные случаи на охоте, циррозы, сердечные приступы. Однако Сирс, старый друг Рикки, пока еще держался и считался если и не самым обаятельным стариком Милбурна — таковым был несомненно Льюис Бенедикт, — то уж во всяком случае самым утонченным и известным. Имей он бороду, он был бы точной копией своего отца — высокий, лысый, массивный, с круглым красивым лицом и голубыми, еще очень молодыми глазами.

Рикки подумал, что мог бы позавидовать и присущей Сирсу властной манере держаться. Сам же он никогда ничем особенным не выделялся. Готорн был слишком маленьким и аккуратным. Только усы выдавали его возраст, становясь все пышнее по мере того, как наливались седой. Когда со временем его щеки немного обвисли, лицо не стало более выразительным — оно просто сделалось

умнее. Впрочем, он никогда не считал себя особенно умным — иначе он бы не устроил бизнес таким образом, что в своей фирме он неофициально стал чем-то вроде постоянного младшего партнера. А ведь именно его отец, Гарольд Готорн, принял Сирса в их фирму. Все предшествовавшие этому событию годы он с радостным возбуждением ждал, когда же его друг будет взят в их семейное дело. Теперь, расположившись в удобном кресле, Рикки подумал, что до сих пор рад этому. Годы дружбы повенчали их, как повенчали его и Стеллу, и этот деловой союз был куда как более безоблачен, чем семейный, — даже в тех случаях, когда клиенты, ведя с ними переговоры, смотрели только на Сирса, а не на него. Стелла бы такого не потерпела! Хотя никто, будучи в здравом рассудке, за все годы их супружества, разговаривая с Рикки, не в силах был обойти взглядом красавицу Стеллу.

Да, подумал он в тысячный раз, ему очень нравилось здесь. Возможно, это противоречило кое-каким принципам и строгим требованиям его давно утраченной религиозности, но библиотека Сирса — да, пожалуй, и весь его прекрасный дом — была таким уголком, где мужчина чувствовал себя свободным. Стелла — без сожаления, однако, — дала понять, что в таком месте и женщина может чувствовать себя свободной. Порой она вела себя в доме Сирса, как в своем собственном. К счастью, Сирс позволял ей это. И именно Стелла во время одной из встреч (когда двенадцать лет назад вошла в библиотеку с видом, будто вела за собой взвод архитекторов) дала название их обществу. «А, вот вы где, — сказала тогда она. — Ну, прямо Клуб Фантазеров. Вы отнимаете у меня мужа на целую ночь, Сирс? Вы, ребята, еще не устали от своих сказок?» Пожалуй, именно Стелла, думал он, своей неувыдаемой энергичностью, пронизательностью и поддразниванием уберегала его от старости, что сломила Джона Джеффри. Их дружище Джон считался «старым», несмотря на то

что был на полгода моложе Готорна, на год — Сирса и всего лишь на пять лет старше Льюиса, самого молодого члена Клуба.

Льюис Бенедикт — по слухам, виновник гибели своей жены — сидел прямо напротив Рикки и, казалось, был исполнен прекрасного здоровья. Время состарило их всех, применяя закон вычитания, Льюис же с годами только приобретал. В молодости он был другим, а сейчас внешнестью очень походил на Кэри Гранта. Подбородок его не был дряблым, и волосы не выпадали. Он стал почти до нелепости красив. В этот вечер на его извечно насмешливом лице читалось ожидание. Как правило, лучшие истории рассказывались именно здесь, в доме Сирса.

— Кого поджарим сегодня? — спросил Льюис исключительно из вежливости, так как все знали правила Клуба: приходить только в смокингах (потому что тридцать лет назад эта идея понравилась Сирсу); никогда помногу не выпивать (теперь они были уже слишком стары для этого); никогда не пытаться выяснить, была ли правдивой рассказанная история (потому что даже самая наглая ложь являлась в каком-то смысле правдой), и, хотя истории рассказывались по кругу, никогда не настаивать, если кто-то оказался не готов к рассказу.

Готорн уже приготовился исповедаться, когда его прервал Джон Джеффри:

— Я все думаю... — сказал он под инквизиторскими взглядами друзей. — Нет, я знаю, что не мой черед. Но я вспомнил, что через две недели — годовщина смерти Эдварда. Он сегодня был бы с нами, если б я тогда не настоял на этой чертовой вечеринке.

— Прощу тебя, Джон, — поморщился Рикки. Он не любил смотреть на лицо Джона, когда на нем так ясно отражались чувства. Его кожа выглядела так, словно можно было проткнуть ее карандашом и не увидеть крови. — Все мы считаем, что ты не должен винить себя в случившемся.

— Да, но это произошло в моем доме,— настаивал Джеффри.

— Успокойся, док,— сказал Льюис.— Это только навредит тебе.

— Это мне решать.

— В таком случае это навредит всем присутствующим,— сказал Льюис немного шутливо.— Мы все помним эту дату. Как такое забудешь?

— Так что же делать? Вам не кажется, что вы делаете вид, будто ничего не произошло, будто все в порядке вещей? Если так, то разрешите вам сообщить, что я этого не допущу.

Джон поверг их в молчаливое изумление — даже Рикки не мог придумать, что сказать на это. Лицо Джеффри было серым, осунувшимся.

— Нет,— продолжил он.— Ни черта подобного! Вы все прекрасно знаете, что с нами происходит. Мы сидим тут и болтаем, как стая вампиров. Милли с трудом терпит нас в этом доме. А ведь мы не всегда были такими — мы говорили обо всем. Мы развлекались — и было весело. А теперь нет. Мы все напуганы. Но я не убежден, признается ли кто-нибудь из вас в этом. Да, минул год, и я это делаю первым.

— Я не уверен, что я напуган,— сказал Льюис. Он отпил виски и улыбнулся Джеффри.

— Ты просто сомневаешься,— оборвал его доктор.

Сирс Джеймс кашлянул в кулак, и все взглянули на него.

«О боже,— подумал Рикки.— Он делает, что хочет, и совсем без усилий завладевает нашим вниманием. Интересно, почему он решил, что из него не получится педагог?»

— Джон,— мягко проговорил Сирс.— Нам всем знакомы подробности. Вы все были очень любезны, придя сюда, несмотря на то что сегодня довольно холодно и мы все уже не молоды. Давайте продолжим.

— Но Эдвард умер не в твоём доме. И эта женщина по фамилии Мор, так называемая актриса, не...

— Хватит об этом! — скомандовал Сирс.

— Что ж, я надеюсь, вы помните, как это все случилось, — заключил Джеффри.

Сирс и Рикки кивнули в ответ, припоминая их первую встречу после странной гибели Эдварда. Оставшиеся четверо были тогда в замешательстве — об отсутствии Вандерлея напоминало и пустое кресло их друга. Разговор спотыкался и замирал после нескольких фальшивых стартов. Все они, чувствовал Рикки, гадали, смогут ли их встречи продолжаться теперь. И тогда на него нашло вдохновение — он повернулся к Джону Джеффри и спросил:

— Каким был твой самый дурной поступок?

Доктор Джеффри удивил его тем, что покраснел; затем, подхватив тон их прошлых встреч, проговорил:

— Этого я вам не скажу, но поведаю о худшем в моей жизни происшествии... о самом чудовищном...

И затем рассказал им историю о призраках. Она была захватывающей, удивительной, пугающей... Она отвлекала их мысли от Эдварда. И друзья продолжили собираться, как прежде...

— Вы и в самом деле думаете, что это совпадение? — спросил Джеффри.

— Не вижу связи, — проворчал Сирс.

— Вы глубоко заблуждаетесь. Мы все уже на этом пути; я — первый, после того как Эдвард...

Он не договорил, и Рикки понял, что он споткнулся, выбирая между «умер» и «был убит».

— Ушел в мир иной, — подхватил Готорн, надеясь смягчить столкновение.

Серые, продолговатые, как у ящерицы, нацеленные на него глаза Джеффри сказали ему, что его постигла неудача. Рикки откинулся на богато расписанную спинку кресла, словно надеялся слиться с ее роскошным фоном и стать

не более заметным, чем пятнышко от воды на одной из старых карт Сирса.

— С чего ты так решил? — спросил Сирс, и Рикки вспомнил, что именно таким тоном обычно говорил его отец, когда умирал клиент: «Старый Тоби Плафф умер вчера ночью... Миссис Уинтергрин — сегодня утром. Кучу денег придется выплатить по завещаниям». Он покачал головой.

— Все это так, — продолжал между тем Сирс. — Но я не знаю...

— Вот именно, — сказал Джеффри. — Творится что-то непонятное.

— И что ты посоветуешь? — поднял брови Сирс. — Я так понимаю, что все это говорится не просто для поддержания беседы?

Рикки улыбнулся поверх кончиков сплетенных пальцев, давая понять, что не обижается.

— Ну что ж, у меня есть предложение. — Джон, как подметил Рикки, определенно изо всех сил старался поддержать Сирса. — Я думаю, нам следует пригласить приехать сюда племянника Эдварда.

— А какой в этом смысл?

— Он, кажется, в какой-то мере эксперт по... по этим вещам?

— Что означает «по этим вещам»?

Джеффри выстоял атаку.

— Скажем так: по этим загадочным событиям. Я думаю... Да, я думаю, он может нам помочь. — Сирс глядел на него с нетерпением, но доктор не дал ему перебить себя. — По-моему, нам необходима помощь. Или это только у меня проблемы со сном? Мне одному по ночам снятся кошмары? — Он обвел всех тяжелым взглядом. — Рикки, ты всегда был откровенен.

— Ты не один, Джон, — ответил Готорн.

— Я того же мнения, — добавил Сирс, и Рикки удивленно взглянул на него. Его партнер прежде ничем не вы-

казывал, что его ночи тоже бывают ужасны — по крайней мере, это никогда не отражалось на его крупном безмятежном лице.

— Ты, очевидно, подразумеваешь книгу, которую он написал?

— Да, конечно. Похоже, он проводил какие-то исследования и должен иметь кое-какой опыт по этой части.

— Я полагал, он специализируется в области психологической нестабильности.

— Как раз наш случай,— храбро заявил Джеффри.— Вероятно, у Эдварда была какая-то причина для того, чтобы завещать свой дом племяннику. Я думаю, он-то как раз хотел бы видеть здесь Дональда на тот случай, если с ним что-то произойдет. Мне даже кажется, он знал, что что-то случится. И вот что я вам еще скажу. Я думаю, мы должны рассказать Дональду о Еве Галли.

— Рассказать какую-то темную историю пятидесятилетней давности? Нелепо!

— Как раз из-за того, что она темная, это и не может считаться нелепым,— возразил доктор.

Рикки заметил, насколько удивлен, даже шокирован был Льюис, когда Джеффри заговорил о Еве Галли. Эта история, как заметил Сирс, уходила в прошлое на пятьдесят лет, и с тех самых пор ни один из них не поминал о ней.

— А ты уверен, что знаешь, что же тогда случилось с Евой? — с вызовом спросил доктор.

— Э, перестаньте,— вмешался Льюис.— К чему все это? Какой в этом смысл, черт возьми?

— Смысл в том, чтобы окончательно выяснить, что же все-таки случилось с Эдвардом. Жаль, что вы не поняли этого.

Сирс утвердительно кивнул, и Рикки показалось, что на лице его старинного коллеги промелькнуло... Что же? Облегчение? Разумеется, Сирс ничем не выдал себя, но

тот факт, что какое-то чувство вообще могло отразиться на его лице, было для Рикки откровением.

— Я немного сомневаюсь в аргументациях Джеффри,— произнес Сирс.— Но если это доставит вам удовольствие, я полагаю, что мы могли бы написать племяннику Эдварда. Где-то у нас был его адрес, не так ли, Рикки? — Готорн кивнул.— Но, будучи демократичным, я бы для начала предложил проголосовать. Давайте на словах — согласны мы или не согласны, и потом проголосуем за это. Что скажете? — Он отпил виски из стакана и обвел взглядом друзей. Все вроде были согласны.— Начнем с тебя, Джон.

— Конечно, я скажу да. Вызовем его.

— Льюис?

Тот пожал плечами:

— Мне все равно, так или как-то иначе. Вызовите его, если хотите.

— Это означает «да»?

— Ну хорошо, да. Но я бы посоветовал не примешивать сюда историю с Евой Галли.

— Рикки?

Готорн взглянул на своего партнера и увидел, что Сирс уже знает его ответ.

— Нет. Определенно нет. Я считаю, что это ошибка.

— Ты бы предпочел, чтобы все шло своим чередом, как это продолжалось в течение года?

— Перемены всегда к худшему.

Сирс оживился.

— Вот фраза, достойная хорошего адвоката. Но я говорю «да», и соотношение становится: трое — за, один — против. Решено. Мы напишем ему. Поскольку мой голос был решающим, я и займусь этим.

— Я тут кое о чем подумал,— произнес Рикки.— Прошел год. А если он захочет продать дом? Ведь дом пустует со дня смерти Эдварда.

— Уф! Ты создаешь проблемы. Мы поторопим его, если он захочет продать.

— Как вы можете быть уверены, что все не изменится к худшему? Разве вы можете знать это наверняка?

Как и все эти двадцать лет, располагаясь раз в месяц в своем любимом кресле, в столь любимой им комнате, Рикки отчаянно желал, чтобы ничего не менялось, чтобы им просто позволено было и дальше так собираться и всего лишь дразнить собственные тревоги дурными снами и страшными сказками. Холодный ветер трепал деревья за окнами полутемной библиотеки Сирса, и, глядя на собравшихся, Готорн мечтал только об одном: пусть все остается так, как было прежде. Они все являлись его друзьями, он был в каком-то смысле повенчан с ними — точно так же, как он недавно определил свои отношения с Сирсом, — и Рикки постепенно начинал осознавать, как он боится за приятелей. Глядевшие на него с простодушным недоумением трое друзей казались ему такими беззащитными, будто каждый из них считал, что ничего хуже быть не может дурных снов и раз в неделю рассказанной страшилки. Они верили в могущество знаний. Но Рикки видел грань тени, отбрасываемой лампой и проходящей через лоб Джефффри, и становилось ясно: Джефффри уже погибал. Джону явилось какое-то новое знание, им до сих пор не ведомое; и то, что оно пришло в его ухоженную умную голову, было как бы смутным знамением того, что некое новое, ужасное знание где-то там, за первыми приметами зимы, и... неумолимо приближается к ним.

— Решение принято, Рикки, — молвил Сирс. — Так будет лучше. Мы больше не можем вариться в собственном соку. Итак... — Он оглядел круг собравшихся. — Итак, поскольку это уже решено, кого, как выразился Льюис, мы поджарим сегодня?

Прошлое вдруг встрепенулось в сознании Готорна так свежо и полно, что он решил сейчас же рассказать свою

историю, хотя он этого не планировал и думал, что нынче пропустит очередь; однако восемнадцать часов из 1945 года настолько ясно ожили в нем, что Рикки произнес:

— Пожалуй, это буду я.

2

Двое приятелей ушли. Льюис предложил было:

— Пойдем прогуляемся, Рикки, подрумяним твои щеки.

Но Готорн сказал им, что не торопится на холод.

Доктор Джеффри лишь кивнул — было и впрямь не по-октябрьски холодно, даже казалось, что вот-вот пойдет снег. Сирс удалился, чтобы приготовить еще по порции выпивки, и Рикки, оставшись в библиотеке один, слушал доносившееся с улицы жужжание стартера. «Морган» Льюиса пригнали из Англии пять лет назад, и это была единственная спортивная модель, которая нравилась Рикки. Впрочем, откидной верх — плохая защита в такой холодный вечер, к тому же у Льюиса, похоже, машина не заводилась. Ну же!.. Почти завелась. В Нью-Йорке в такую студеную погоду понадобилось бы что-нибудь помощнее маленького «моргана». Бедняга Джон совсем околеченеет, пока Льюис довезет его до Милли Шин и дома Джеффри на Монтгомери-стрит — за угол и семь кварталов вперед. А Милли, наверное, сейчас не спит — сидит в полутемной прихожей, готовая вскочить в любую секунду, услышав звук вставляемого в дверь ключа, помочь доктору снять пальто и подать немного горячего шоколаду. Между тем двигатель Моргана кашлянул и ожил — донесся звук удаляющейся машины, и Рикки представил, как Льюис хлопает себя по шляпе и улыбается Джону: «Я всегда говорил тебе, что эта маленькая красotka творит чудеса!» Высадив Джона, он выедет из города, влившись в движение по 17-му шоссе, докатится до леса и доберется до своих владений, которые он приобрел по возвращении.

Чем бы там Льюис ни занимался в Испании, заработал он кучу денег.

Дом же самого Рикки стоял буквально за углом, не больше пяти минут ходу — в прежние времена они с Сирсом всегда возвращались с работы пешком. Да и теперь иногда они делали это в теплую погоду. «Матт и Джеф», — называла их Стелла. Ее сарказм скорее относился к Сирсу, нежели к нему. Стелла не питала симпатии к его компаньону. Разумеется, она никогда не позволяла этой скрытой неприязни примешиваться к ее попыткам немного доминировать над мужем. И уж, конечно же, Стелла не ждала Рикки с чашкой горячего шоколада: она наверняка уже давно отправилась спать, оставив только свет в прихожей. Супруга Готорна была твердо уверена в том, что, если он не отказывает себе в удовольствии приятно провести время в кругу друзей, оставляя ее одну, он может, придя домой, сколько угодно тыкаться в темноте, ушибая колени о модную мебель со стеклом и хромом, которую она заставила его купить.

Сирс вернулся в комнату с двумя стаканами в руках и только что зажженной сигарой во рту.

— Знаешь, Сирс, — проговорил Рикки, — ты, пожалуй, единственный человек, глядя на которого, я иногда жалею, что женился.

— Не трать понапрасну свою зависть, — отозвался Сирс. — Я слишком старый, слишком толстый и слишком устал.

— Ничего подобного, — возразил Готорн, принимая из рук Сирса стакан. — Тебе просто очень нравится притворяться таковым.

— О-о, какой ты пронизательный, — протянул Сирс. — Знаешь, никому не говори то, что сейчас мне сказал, иначе повергнешь собеседника в дикое изумление. Всем известно, что Стелла — красавица. А ежели ты выскажешь подобное ей — она разmozжит тебе голову. — Он сел в свое

кресло, вытянул ноги и скрестил их.— Стелла затолкает тебя в гроб, закопает, разровняет землю и помчится прочь, расточая аромат спортивно сложенной сорокалетней женщины, пахнущей соленой водой и морским прибоем. Мне же ты можешь это говорить, потому что...— Сирс помедлил, и Рикки в страхе подумал, что тот скажет: «Я иногда тоже думаю, что лучше бы ты никогда не женился»,— потому, что я *hors de combat*... или это *hors commerce**?

Слушая со стаканом в руке своего компаньона, Рикки думал о том, что Джон Джеффри и Льюис Бенедикт сейчас спешат домой, что и его ждет отремонтированное добротное жилище,— и осознавал, сколь устоявшимся было их теперешнее существование, как много удобных мелочей было в жизни каждого из них.

— Ну, так что выберем? — спросил Сирс.

— О, что касается тебя, то *hors de combat*, конечно.— Готорн улыбнулся, остро ощущая их дружескую близость. Он вспомнил свои недавние слова «все перемены — к худшему» и подумал: «Так и есть. Господи, помоги нам». Рикки внезапно увидел их всех — и своих приятелей, и себя самого — на хрупком невидимом самолете, парящем высоко в темном небе.

— Стелла знает о твоих ночных кошмарах? — поинтересовался Сирс.

— Хм, я не знал, что у тебя — тоже,— попробовал отшутиться Рикки.

— Не вижу смысла обсуждать это.

— И давно это у тебя?..

Сирс еще больше вытянулся на стуле.

— А у тебя?

— Год.

— И у меня год. И у двоих других, по-видимому, тоже.

* «*hors de combat*», «*hors commerce*» (франц.) — «вне боя», «вне коммерции».

— Льюис не выглядит обеспокоенным.

— Его ничто не в силах обеспокоить. Когда Создатель сотворил Льюиса, он сказал: «Я дам тебе красивое лицо, статную фигуру, ровный характер — но, поскольку мир все ж таки несовершенен, я немного обделю тебя разумом». Он разбогател, потому что любил рыбацкие деревни в Испании, а отнюдь не потому, что ему суждено было стать богатым.

Рикки не придавал этому значения — Сирс всегда характеризовал Льюиса подобным образом.

— Твои кошмары начались после смерти Эдварда? — осведомился Готорн.

Сирс кивнул массивной головой.

— А как ты думаешь, что на самом деле произошло с Эдвардом?

Сирс пожал плечами. Они задавали этот вопрос много раз.

— Как ты понимаешь, мне известно не больше твоего.

— И ты думаешь, что нам станет легче, если мы узнаем правду?

— Боже, что за вопрос! На него я тоже не знаю ответа, Рикки.

— Как и я. Мне кажется, с нами случится что-то ужасное. Боюсь, что ты навлечешь на нас несчастье, если согласишься сюда молодого Вандерлея.

— Что за предрассудки, — проворчал Сирс. — Чепуха! Я считаю, что что-то ужасное с нами уже случилось, и этот молодой Вандерлей может оказаться именно тем человеком, который прояснит ситуацию.

— Ты читал его книгу?

— Вторую? Просмотрел.

Можно считать, что Сирс с ней ознакомился.

— И что ты скажешь?

— Прекрасное упражнение в жанровом стиле. Более художественное, чем большинство подобных произведе-

ний. Несколько великолепных фраз, продуманный и хорошо скомпонованный сюжет.

— А эта пронизательность...

— Я не думаю, что он сразу же распустит нас, как сборище старых идиотов. Это главное.

— О, я надеюсь! — воскликнул Рикки. — Я не хочу, чтобы кто-то внедрялся в нашу жизнь. Пусть все остается как есть.

— Однако, возможно, он и будет, как ты говоришь, «внедаться» и в результате успокоит нас сообщением, что мы просто сами себя пугаем. И тогда, наверное, Джеффри перестанет бичевать себя за тот проклятый прием. Ведь именно он настаивал на вечеринке, потому что хотел представить эту никудышнюю маленькую актрису. Эту Мор.

— Я столько думал о той вечеринке. И все пытаюсь припомнить, когда же я видел ее в тот вечер.

— Я точно видел, — сказал Сирс, — как она разговаривала со Стеллой.

— Это видели все. Все помнят, что она говорила со Стеллой. Но куда она пошла потом?

— Ты становишься прямо как Джон. Давай дождемся молодого Вандерлея. Здесь нужен свежий глаз.

— Боюсь, мы все пожалеем об этом, — попытался настоять на своем Рикки. — Это нас изничтожит. Мы будем напоминать животных, поедающих собственный хвост. Мы должны отказаться от этого шага.

— Вопрос решен. Не впадай в мелодраму.

На том и остановились — Сирс был непоколебим. Рикки задал ему еще один волновавший его вопрос:

— Во время наших встреч... ты каждый раз знаешь, о чем будет твой рассказ?

Он встретился с глазами Сирса — удивительными, безоблачно голубыми.

— А что?

— А вот я не знаю. Вернее, не всегда. Я просто сижу и жду, и потом это вдруг приходит ко мне — как сегодня вечером. У тебя так же?

— Частенько. Но это ничего не доказывает.

— А у остальных, интересно, так же?

— Почему бы и нет? А теперь, Рикки, ступай домой, я хочу немного отдохнуть. Стелла, наверно, давно тебя ждет.

Было непонятно, иронизирует Сирс или нет. Готорн коснулся узла галстука-бабочки. Эти бабочки, как и Клуб Фантазеров, были той частью его жизни, которую с трудом терпела Стелла.

— Откуда берутся эти истории?

— Из наших воспоминаний,— ответил Сирс.— Или, если хочешь, из нашего фрейдистского бессознательного. Хватит, я хочу побыть один. Мне еще надо перед сном перемыть стаканы.

— Позволь, я попрошу тебя еще раз..

— Ну, что еще?

— ...не писать племяннику Эдварда.— Рикки поднялся, от смелости сердце его забилось сильнее.

— А ты умеешь быть упорным. Конечно, просить об этом можно, но к нашей следующей встрече он уже получит мое письмо, и это, я думаю, к лучшему.

Рикки скривился.

— Да, упорным, но не агрессивным,— выдал Сирс фразу в духе Стеллы. И тут же удивил Готорна: — Это прекрасное качество, Рикки.

У выхода Сирс придержал другу пальто, пока тот просовывал руки в рукава.

— Мне показалось, что Джон сегодня выглядел хуже, чем когда-либо,— сказал Готорн.

Сирс открыл дверь в темную ночь, подсвеченную уличным фонарем. Оранжевый свет падал на небольшую мертвую лужайку и узкий тротуар, усыпанные опавшими

листьями. Массивные темные облака медленно дрейфовали по темному небу — все напоминало зиму.

— Джон умирает,— бесстрастно произнес Сирс, возвращая Рикки к его недавним мыслям.— Увидимся на Уит Роу. Передавай привет Стелле.

Дверь закрылась за его спиной — и элегантный маленький человек почти сразу начал замерзать на холодном ночном воздухе.

СИРС ДЖЕЙМС

1

Почти все рабочее время они проводили в офисе вместе, однако Рикки, чья традиция, дождался момента встречи в доме Джеффри, чтобы задать вопрос, не дававший ему покоя последние две недели:

— Ты отправил письмо?

— Разумеется. Я тебе говорил, что сделаю это.

— Что ты ему написал?

— Я сообщил ему о нашем решении. И еще упомянул о доме и выразил надежду, что он не станет продавать его без предварительного осмотра. Там остались все вещи Эдварда и, разумеется, его магнитофонные записи. Если у нас не хватило духу прослушать их, то он, надеюсь, сделает это.

Они стояли поодаль от Льюиса и Джона, прямо на пороге гостиной. Те двое уже устроились в викторианских креслах в углу соседней комнаты и разговаривали с экономкой Милли Шин, сидевшей перед ними на стуле и державшей в руках расписной поднос с напитками для них. Милли, как и жену Готорна, обижало то, что ее не допускали на их собрания; но в отличие от Стеллы она постоянно сновала туда-сюда, появляясь то с кубиками льда, то с сэндвичами или кофе, и этим раздражала Сирса, как жужжащая на оконном стекле летняя муха. Хотя во мно-

гом Милли была здесь предпочтительнее Стеллы — менее требовательная, более управляемая. И она так заботилась о Джоне! Сирс одобрял женщин, заботившихся о его друзьях, — однако вопрос, заботлива ли Стелла с Рикки, всегда оставался открытым.

Сейчас с высоты своего роста он смотрел на человека, который стал ему самым близким на свете, и знал, что Рикки думает о том, как он, Сирс, ускользнул от прямого ответа на последний вопрос, — скулы у его друга были напряжены, пронизательный взгляд выдавал нетерпение.

— Ну, хорошо, я написал ему, что мы не удовлетворены тем, что выяснили по поводу смерти его дяди. О мисс Галли я не упоминал.

— И слава богу, — ответил Рикки и направился через комнату, чтобы присоединиться к остальным.

Милли поднялась было, но Рикки улыбнулся и помахал ей, чтобы та не вставала со стула. Прирожденный джентльмен, Готорн всегда очаровывал женщин. Кресло стояло в четырех футах, но он не мог сесть, пока Милли не предложит ему сделать это.

Сирс оторвал взгляд от Рикки и оглядел знакомую гостиную. Весь первый этаж дома Джона Джеффри был отведен под офис: приемные, смотровые и аптека. Две оставшиеся маленькие комнаты первого этажа занимала Милли. Джон всегда жил здесь, наверху, где в прежние времена располагались только спальни. Сирс помнил интерьер дома Джона Джеффри, по крайней мере, в последние шестьдесят лет: в детстве он жил через два дома отсюда, на другой стороне улицы. На самом деле дом, который он всегда считал «своим домом», был здесь — именно сюда Сирс возвращался из интерната, а затем из Кембриджа. В те времена домом Джеффри владела семья Фридриксонов — у них было двое детей намного младше Сирса. Мистер Фридриксон торговал хлебом — хитрый и гороподобный любитель пива, краснолицый и рыжеволосый. Его жена была, по мнению молодого Сирса, самой

очаровательной молодой женщиной на свете. Высокая, с уложенными золотисто-каштановыми волосами, с игривым лицом кошечки и объемистой грудью. Последнее больше всего прочего гипнотизировало Сирса: разговаривая с Виолой Фридриксон, он с большим трудом заставлял свои глаза не опускаться ниже уровня ее лица.

В летнее время, возвратясь из интерната, а также в перерывах между поездками по стране он подрабатывал у них приходящей няней. Фридриксоны не могли позволить себе круглосуточную няню, хотя девушка из Холлоу постоянно жила у них, работая кухаркой и горничной. А может, тот факт, что за его детьми присматривает сын профессора Джеймса, как-то забавлял Фридриксона. Сирса же забавляло другое. Он любил хозяйских мальчишек, ему нравилось их воинственное братство, которое так напоминало братство мальчишек из школы Хилл. А когда мальчишки спали, он любил потихоньку ходить по дому и разглядывать все увиденное. Свой первый в жизни документ на французском языке он увидел в выдвижном ящике стола Абея Фридриксона. Он знал, что поступает дурно, шаря по чужим комнатам, но не мог удержаться. Однажды вечером он заглянул в комод миссис Фридриксон и обнаружил там ее фотографию — Виола выглядела на ней невероятно соблазнительной, страстной и притягательной, словно существо из неведомого ему мира. Он жадно вглядывался в фотокарточку — ее полные груди распирали блузку, и Сирс словно наяву ощутил их вес и упругость. Иллюзия была настолько сильна, что его пенис стал твердым, как ствол дерева: впервые сексуальные ощущения обрушились на него с такой силой. Со стоном сжав брюки, он отвел взгляд от фотографии и увидел одну из ее блузок, сложенных стопкой на комод. Не в силах сдержать себя, он начал ее ласкать. Он представлял себе, как блузка облегает ее тело, повторяя его формы, казалось, он чувствует под своими пальцами ее тело; и он стянул с себя брюки и достал своего дружка. Он положил его на

блузку, думая (той частью рассудка, которая еще была в состоянии думать), что это блузка заставляет его делать так — все сильнее и сильнее вжиматься воспаленной плотью к тому месту, где воображаемая грудь Виолы упруго и нежно коснется ее. Он застонал, согнулся пополам над блузкой, его тело забилося в сладкой судороге. И через мгновение юношу охватил страшный стыд — это было как удар. Он скатал блузку, сунул ее в ранец с учебниками. Возвращаясь домой, завернул в эту совершенно новую вещь камень и швырнул в реку. Никто даже не заикнулся об украденной блузке, но Фридриксоны больше никогда не приглашали его в сиделки.

Сквозь окно Сирс видел зажженный уличный фонарь на втором этаже дома, что купила Ева Галли, когда она — по случаю или нет — приехала в Милбурн. Он редко вспоминал о Еве Галли и ее доме и предположил, что сейчас подумал о ней вследствие какой-то связи между ней и всплывшей в памяти странной сценой из детства.

«Возможно, мне следовало уехать из Милбурна при первой возможности», — подумал он. Спальня, в которой умер Эдвард Вандерлей, была как раз над головой. По общей молчаливой договоренности ни один из друзей не упомянул о странном совпадении дня их встречи здесь и годовщины гибели друга. Частичка Риккиного восприятия судьбы промелькнула в сознании Сирса, и он подумал: «Старый дурак, в тебе еще живет чувство вины за ту блузку. Ха!»

2

— Сегодня моя очередь, — сказал Сирс, устраиваясь поудобнее в самом большом кресле Джеффри так, чтобы не видеть старый дом Галли. — И я хочу поведать вам истинную историю, что произошла со мной, когда я в молодости экспериментировал на преподавательской ниве в провинции, близ Эльмиры. Я сказал «экспериментиро-

вал», ибо даже тогда, в первый год работы, у меня не было твердой уверенности в том, что я правильно выбрал профессию. Я подписал двухлетний контракт, но никак не думал, что меня будут удерживать, если я захочу его расторгнуть. Итак, один из самых чудовищных случаев в моей жизни произошел там, а может, и не было его и я все напридумывал — как бы то ни было, напугал он меня до смерти и в конечном счете сделал мое пребывание там невозможным. Это самая страшная история, какую я знаю, и я хранил ее в тайне на протяжении пятидесяти лет.

Вы знаете, что в те годы входило в обязанности школьного учителя. То была не городская школа и не Хилл — один Бог ведает, что это было за учебное заведение, однако у меня тогда имелся ряд тщательно продуманных идей. Я воображал себя настоящим провинциальным Сократом, несущим свет знаний в пустыню. Именно в пустыню! Насколько я помню, в те времена местность вокруг Эльмиры была почти таковой — это теперь там все застроено. Петля развязки автомагистрали сейчас как раз над тем местом, где стояла школа. Все осталось под асфальтом. То местечко называлось Фор-Форкс, его уже не существует. Но в те времена это был обычный поселок: десять-двенадцать домов, магазин, почта, кузница, школа. Эти строения чем-то очень походили друг на друга: все были деревянные, много лет не крашенные и выглядели серыми и унылыми. Здание школы было в одну комнату, и, конечно, в этой комнате занимались все восемь классов. Когда я приехал и представился, мне сообщили, что я буду жить у Матеров и что платить мне будут по низшей ставке — вскоре я выяснил, почему, — и что мой рабочий день будет начинаться в шесть утра. Я должен буду наколоть дров для школьной печи, растопить ее как следует, сделать уборку, расставить по местам учебники, наносить воды, вымыть парты, а когда потребуется, и окна.

К половине восьмого приходили ученики. И в мои обязанности входило учить их — все восемь классов — чтению, письму, арифметике, музыке, географии, чистописанию, истории. Полный набор! Сейчас-то я сбежал бы без оглядки от подобного предложения, но тогда я был полон идей Авраама Линкольна и Марка Хопкинса и рвался в бой. Меня переполняли планы и надежды, я был одурманен ими. Думаю, уже тогда городок вымирал — но я не замечал этого. Я видел лишь блеск, величие славы и свободы.

Видите ли, я не знал, ничего не знал о своих учениках. Я понятия не имел, что большинство учителей в подобных селах — девятнадцатилетние мальчишки, несущие ученикам не больше знаний, чем имелось у них самих. Я не знал, каким грязным и скверным местом Фор-Форкс был почти круглый год. Я не знал, что едва ли не все время буду полутолодным. Также я не знал, что одной из моих обязанностей будет еженедельный воскресный отчет о работе перед церковью, что находилась в другом селении в восьми милях пути. Я не знал, как круто все обернется.

Я начал понимать кое-что, когда вечером с чемоданом в руке явился к Матерам. Некогда Чарли Матер был сельским почтмейстером, однако, когда к власти пришли республиканцы, на эту должность был назначен Ховард Хюмель, и Чарли с тех пор хранил обиду. Он был вечно всем недоволен. Когда он показал мне мою комнату, я увидел, что она не достроена: пол из неструганых досок, вместо потолка — обрешетка и черепица.

— Мы делали комнату для дочери,— сказал Матер.— Она умерла. Так что одним ртом меньше.

Постелью служили выношенный матрас, брошенный прямо на пол, и старое армейское одеяло на нем. Зимой в этой комнате замерз бы эскимос. Но я заметил письменный стол и керосиновую лампу, и я все еще оставался идеалистом, а потому сказал: прекрасно, мне нравится здесь,

или что-то в этом духе. Матер что-то недоверчиво проворчал в ответ.

На ужин была картошка и кукуруза со сметаной.

— На мясо у нас не рассчитывайте,— сообщил мне Матер.— Если хотите — экономьте и покупайте себе сами. Мне платят за то, чтоб кормить вас, а не за то, чтоб вы жирели тут.

Не думаю, что за все время я ел мясо за их столом больше шести раз, да и было это лишь тогда, когда кто-то давал им гуся и мы только им и питались каждый день, пока не съели. Со временем некоторые ученики стали приносить мне сэндвичи с ветчиной и говядиной — их родители знали натуру Матера. Сам же Чарли обильно обедал в полдень, давая мне, однако, понять, что в этот час я обязан находиться в школе — «проводя дополнительные занятия и применяя наказания».

Они все там верили в пользу физических наказаний. В первый же день своего учительства я понял это. Я сказал «учительства», хотя единственное, что мне удалось тогда,— это утихомирить их на пару часов, записать имена и задать несколько вопросов. Я был ошеломлен. Только две из старших девочек умели читать. В арифметике они ушли не дальше простого сложения и вычитания, и лишь немногие из них слышали о зарубежных странах, а один мальчик даже не верил в их существование.

— А ничего такого нет,— заявил мне этот толстый десятилетка.— Что, где-то есть место, где не живут американцы? Где даже не говорят по-американски?

Он даже не смог больше ничего сказать, громко расхохотавшись над самой абсурдностью подобной мысли, и я обратил внимание на его рот, полный ужасных, почерневших зубов.

— А как же война, придурок? — сказал ему другой мальчик.— Ты, что, не слышал о немцах?

Прежде чем я успел среагировать, первый мальчик вскочил и набросился с кулаками на второго. Он был в та-

кой ярости, будто хотел убить его. Я попытался растащить их — девчонки все завизжали — и схватил напавшего за руку.

— Он прав,— сказал я.— Он не должен был обзывать-ся, но он прав. Немцы — это люди, которые живут в Германии, и мировая война...

Я вдруг остановился, потому что мальчишка вдруг зарычал на меня. На губах выступила слюна. Он был как бешеная собака, и я впервые подумал, что он, возможно, умственно отсталый. Он был готов ударить меня.

— А теперь извинись перед своим товарищем,— сказал я ему.

— Он мне не товарищ.

— Извинись!

— Да он странный, сэр,— сказал второй мальчик. Его лицо было бледным, в глазах стоял испуг, и на лице расцветал здоровенный синяк.— Зря я обозвал его.

Я спросил первого, как его имя.

— Фэнни Бэйт,— выдавил он из себя. Он явно успокаивался. Я отправил второго на место.

— Фэнни,— сказал я.— Вся беда в том, что ты был не прав. Америка — это еще не весь мир, так же точно, как и Нью-Йорк — это не все Соединенные Штаты.

Это было слишком сложно для него. Я усадил мальчишку за первую парту и стал рисовать на доске карту:

— Вот это — Соединенные Штаты Америки, вот здесь — Мексика, а вот тут — Атлантический океан...

Фэнни упрямо качал головой.

— Враки! — бросил он.— Это все враки. Ничего там нету. Нету!!

Выкрикнув это, он с силой толкнул и опрокинул парту.

Я попросил Фэнни поднять ее, и, когда он отрицательно покачал головой, а слюна снова выступила у него на губах, мне пришлось сделать это самому. Некоторые дети раскрыли от удивления рты.

— Значит, ты никогда не слышал о картах и других странах? — спросил я Бэйта.

Тот кивнул:

— Это все брехня.

— Кто тебе это сказал?

Он покачал головой и отказался отвечать. Если бы он хоть чем-то показал свою неуверенность в сказанном, я бы подумал, что он повторяет слова своих родителей, однако ничего не отразилось на его лице — он был просто зол и мрачен.

В полдень дети, взяв с собой портфели, вышли на огибающий школу двор и принялись есть сэндвичи. Игровой площадкой этот дворик было трудно назвать, хотя за школой стояли расшатанные качели. Я наблюдал за Фэнни Бэйтом. Почти никто не подходил к нему. Когда он наконец очнулся от оцепенения и приблизился к группке ребят, те намеренно отошли в сторону, оставив его одного. Время от времени подходила и заговаривала с ним худенькая девочка со светлыми гладкими волосами — она была очень похожа на Фэнни, и я подумал, что это, наверное, его сестра. Я проверил свои записи: Констанс Бэйт, пятый класс. Одна из тихонь.

Затем, когда я снова посмотрел в сторону Фэнни, я увидел незнакомого человека, который стоял на дороге за зданием школы и наблюдал, как и я, за мальчиком. Ничего не замечающий Фэнни сидел между нами. Почему-то этот человек меня сильно шокировал. И дело было не в его странной наружности: на нем висела отвратительная старая роба, черные волосы торчали во все стороны, щеки были изжелта-бледные, хотя лицо казалось красивым, руки и плечи — мощными. Настораживало то, как он глядел на Фэнни Бэйта. Взгляд незнакомца был мрачен и дик. И от этой дикости веяло какой-то безграничной свободой, что намного глубже обычной самоуверенности. Мне же этот субъект показался необычайно опасным; мне даже почудилось, что я на мгновение перенесся туда, где

мужчины и мальчики обращаются в диких зверей. Почти напуганный дикостью его лица, я отвел взгляд, а когда снова посмотрел туда — человек исчез.

Мое знакомство с местными нравами продолжилось вечером, когда я уже практически забыл о странном человеке на дороге. Я поднялся в свою продуваемую сквозняками комнату, чтобы подготовиться к завтрашним урокам. Мне предстояло объяснять таблицу умножения старшеклассникам, а также основы географии... Короче говоря, подобные предметы полностью занимали мои мысли, когда в комнату вдруг вошла Софрония Матер. Первое, что она сделала, — закрутила фитиль керосиновой лампы, под которой я работал.

— Лампа — для полной темноты, а не для сумерек, — заявила она. — Нам не по средствам ваш аппетит на керосин. Учитесь читать свои книги при свете, что дарит вам Бог.

Ее появление в моей комнате сильно меня удивило. Во время вчерашнего ужина Софрония была так тиха, и, судя по ее лицу, узкому, с землистого цвета кожей, напоминающей барабанную, можно было бы утверждать, что ей присуща редкостная смиренность. Теперь же, уверяю вас, ее заявление было очень эмоциональным. И я понял, что в отсутствие мужа она решалась на смелые речи.

— Я пришла узнать кое-что, учитель, — сказала она. — Тут прошел слух...

— Уже?

— Вы сделали свой первый шаг, а ведь как начнешь — так оно дальше и пойдет. Я слыхала от Марианны Бердвуд, что вы терпите безобразие на уроках.

— Ничего подобного.

— А ее Этель заявляет, что это так.

Я не смог припомнить, как выглядит Этель Бердвуд, но, кажется, я вызывал ее к доске — она была старшей из девочек, лет пятнадцати.

— И какие безобразия, по словам Этель, я терплю?

— То, что вытворяет Фэнни Бэйт. Разве он не набросился с кулаками на другого мальчика? Прямо перед вашим носом?

— Я поговорил с ним.

— Поговорили?! От разговора проку нет. Почему вы не применили для наказания линейку?

— У меня ее нет.

Женщина была шокирована.

— Но вы обязаны сечь их,— наконец обрела она дар речи.— Это единственный выход. Вы должны лупить их линейкой один-два раза в день. А этого Фэнни Бэйта — чаще остальных.

— Почему же именно его?

— Потому что он плохой.

— Я заметил, что он беспокойный, заторможенный, нервный — однако вроде бы не заметил, что он плохой.

— Нет. Он плохой. И все дети считают, что его надо сечь. А если вы держитесь слишком дерзких для нас взглядов, то вам придется уйти из школы. И применения наказаний от вас ждут не только ученики.— Она повернулась, словно собираясь уходить.— Я думала, что сделаю вам доброе дело, поговорив с вами прежде, чем мой муж узнает, что вы пренебрегаете своими обязанностями. Остерегитесь и примите мой совет. Нет учебы без битья.

— Но почему все так накинудись на Фэнни? — спросил я, игнорируя ее жуткое последнее замечание.— Несправедливо наказывать мальчика, нуждающегося в помощи.

— Линейка — вот и вся помощь, что нужна ему. Он не просто плохой, он — сама испорченность и развращенность. Лупите его до крови и не давайте раскрывать рта — подавите его. Я лишь пытаюсь помочь вам, учитель. Мы должны правильно использовать те небольшие деньги, что нам за вас приплачивают.— С этими словами Со-

фрония вышла. Я даже не успел спросить ее о том необычном человеке, которого видел днем.

Однако я вовсе не собирался, как они, делать из мальчика козла отпущения и травить его...

Милли Шин, презрительно сморщившись, опустила поднос, который она якобы протираала, глянула на окно, чтобы убедиться в том, что шторы хорошо задернуты, и направилась к двери. Сирс, сделав паузу, заметил, что дверь она прикрыла неплотно.

3

Сделав паузу и с раздражением подумав, что подслушивание Милли с каждым месяцем становится все более изощренным, Сирс Джеймс не подозревал о том, что событие, произошедшее в городе ровно в полдень, повлияет на существование всех четверых друзей. Само по себе оно показалось бы незначительным: поразительно красивая девушка сошла с автобуса на углу банка и библиотеки и огляделась с выражением самоуверенности и удовлетворения на лице — такой взгляд бросает преуспевшая в жизни женщина, соскучившаяся по родному городу и приехавшая взглянуть на него. Такое впечатление и создавала эта особа, держа в руке небольшой чемоданчик и легко улыбаясь сверкающим падающим листьям, — приглядевшись к ней, можно было бы сказать, что ее успех является единицей измерения ее мести. Пышные волосы, длинное красивое пальто — она выглядела так, словно вернулась скромно отпраздновать свою победу, а также насладиться той долей удовольствий, что долго ждала здесь ее возвращения. Милли Шин, вышедшая за покупками, увидела ее возле остановки в тот момент, когда автобус покати́л в Бингэ́мптон, и на мгновение лицо женщины показалось ей знакомым — как, впрочем, и Стелле Готорн, сидевшей за чашечкой кофе у окна ресторана

Вилледж Памп. Продолжая улыбаться, темноволосая красotka прошла мимо этого окна, и Стелла, повернув голову, провожала ее взглядом до того момента, как девушка пересекла площадь и подошла к ступеням у входа в отель «Арчер». Собеседник Стеллы, ассистент профессора антропологии расположенного неподалеку колледжа Сани по имени Гарольд Симс, произнес:

— Одна красавица придирчиво разглядывает другую! Однако, Стел, прежде я никогда не замечал за тобой ничего подобного.

Стелла, которая терпеть не могла, когда ее так называли, ответила вопросом:

— Как думаешь, она красива?

— Было бы ложью отрицать это.

— Ну что ж, если ты и меня считаешь красивой, тогда все в порядке.— Она послала дежурную улыбку безумно влюбленному в нее Симсу, который был на двадцать лет ее моложе, и снова оглянувшись на отель, куда только что вошла девушка.

— А если все хорошо, что же ты высматриваешь?

— О, просто...— Стелла замолчала.— Да просто так. Вот такую женщину тебе следовало бы приглашать на ленч, а не меня — замшелую статую.

— Господи, неужели ты считаешь...— начал Симс и попытался взять ее руку под столом. Кончиками пальцев она отвела его кисть в сторону. Стелла Готорн не любила ресторанных ласк. Она бы с удовольствием сейчас хорошенько шлепнула его по руке.

— Стелла, ну пожалуйста...

Она взглянула прямо в его кроткие карие глаза и сказала:

— А не пора ли тебе вернуться к твоим милым ученикам?

Тем временем девушка оформлялась в отель. Миссис Харди, после смерти мужа управлявшая отелем вместе с сыном, появилась из своей конторки и подошла к очаро-

вательной молодой посетительнице, стоявшей по другую сторону стойки.

— Чем могу помочь? — спросила она и подумала: «Как бы уберечь моего сына от этой?»

— Мне нужна комната с ванной, — сказала девушка. — Я бы хотела остановиться здесь, пока не сниму себе дом где-нибудь в городе.

— О, как чудесно! — воскликнула миссис Харди. — Вы переезжаете в Милбурн? Это так мило! Наша молодежь просто спит и видит, как бы поскорее унести отсюда ноги. И мой Джим тоже — он отнесет ваши вещи наверх. Для него каждый день в Милбурне — словно проведенный за решеткой. Нью-Йорк — вот о чем он мечтает. Вы случаем не оттуда?

— Я жила там. Но кое-кто из моих родственников жил когда-то здесь.

— Ну что ж, вот наши расценки, а вот регистрационный журнал, — сказала миссис Харди, подавая ей документы. — Вам понравится наш милый, тихий отель. Большинство проживающих здесь — люди местные, но дисциплинированные и спокойные.

Девушка кивнула — цены ее вполне устроили — и записала свое имя в журнал.

— Пожалуйста, никаких дискотек, — продолжала хозяйка отеля, — и, хочу предупредить вас сразу, никаких мужчин в номере после одиннадцати вечера.

— Отлично, — сказала девушка, возвращая журнал миссис Харди. Та прочитала: «Анна Мостин», далее шел нью-йоркский адрес — одна из Западных Восьмидесятых улиц.

— О, благодарю вас, — произнесла миссис Харди. — Никогда не знаешь, что можно ожидать от современных девушек, но... — Она взглянула на лицо гостя и вдруг наткнулась на безразличный взгляд ее продолговатых голубых глаз. Первой, почти неосознанной мыслью миссис Харди было: как же она холодна! А второй — почти осо-

знанной — то, что она не опасна для Джима. — Анна — такое милое старомодное имя.

— Да.

Миссис Харди, все еще пребывая в некотором замешательстве, позвонила в колокольчик, вызывая сына.

— Я и сама довольно старомодна, — сказала девушка.

— Вы, кажется, упомянули, что здесь жили ваши родственники?

— Да, но это было очень давно.

— Просто мне не знакома ваша фамилия.

— И неудивительно. Здесь жила моя тетушка. Ее звали Ева Галли. Но вы, скорее всего, не знали ее.

Жена Рикки, сидя в одиночестве в ресторане, вдруг щелкнула пальцами и усмехнулась:

— Старею! — Она вспомнила, кого ей напомнила эта девушка.

Официант, такой юный, словно еще вчера окончил школу, склонился над ее столиком (он все еще сомневался, отдать ли счет посетительнице, после того как ее спутник унесся прочь) и произнес:

— М-м?

— Поди прочь, дурак, — бросила она, гадая, почему так получается, что одна половина выпускников школы похожа на головорезов, а другая — на физиков. — Хотя, постой — дай-ка мне счет, пока ты не смылся.

Джим Харди всю ее обшаривал глазами, пока они поднимались по лестнице. Отперев номер и поставив на пол чемодан девушки, он предположил:

— Надеюсь, вы проторчите в нашей дыре подольше?

— По-моему, ваша матушка сказала, что вы терпеть не можете Милбурн.

— А я его уже полюбил, — ответил Джим, посылая ей взгляд, от которого Пенни Дрэгер вчера просто растаяла на заднем сиденье его машины.

— Каким образом?

— Э...— Подавленный выражением категорического отказа на ее лице, он уже не знал, что говорить дальше.— Ну, вы знаете...

— Разве?

— Я просто хотел сказать, что вы чертовски красивая леди, вот и все. Такая манерная... — Тут он решил проявить больше смелости, нежели чувствовал в себе.— Манерные леди всегда так заводят меня.

— Неужели?

— Ну,— кивнул он. Он никак не мог ее раскусить. Если девица была опытной, так выгнала бы его сразу же. Но в то же время, хоть она и позволила ему тут трепаться, не похоже было, что она польщена его вниманием или как-то заинтересована,— ей было абсолютно все равно.

Потом она удивила его, сделав то, на что он еще чуточку надеялся: сняла пальто. Грудь ее не впечатляла, но ноги были хороши. И тут совершенно неожиданно его охватило видение ее тела — в нем всколыхнулась чистейшая чувственность, ничуть не похожая на ту скоротечную похоть, что испытывал он с Пенни Дрэгер или другими школьницами, с которыми Джим переспал; его накрыло волной странного, холодного сладострастия.

— Э...— промямлил парень, отчаянно надеясь, что она не выгонит его.— У вас здесь какие-то дела, да? Вы с телевидения или что-то в этом роде?..

— Нет.

Джим переступил с ноги на ногу:

— Ну, ладно, адресок ваш у меня есть. Может, как-нибудь договоримся, побеседуем?

— Возможно. А ты любишь беседовать?

— Ха. Ну... Мне надо идти вниз. В смысле, надо вставлять вторые рамы, а то холода...

Девушка села на кровать и вытянула руку вперед. Не очень-то охотно Джим направился к ней. Когда он дотро-

нулся до ее кисти, она вложила ему в ладонь аккуратно сложенный доллар.

— Вот что я тебе скажу,— произнесла постоялица.— Коридорные не должны носить джинсы: вид неряшливый.

Он взял доллар и, забыв от смущения поблагодарить, выбежал из номера.

«Ее звали Анн-Вероника Мор,— вспомнила Стелла.— Та самая актриска, что была на приеме в доме Джона, когда умер Эдвард.— Женщина позволила запуганному мальчишке-официанту подать ей пальто.— Анн-Вероника Мор. Почему же я вспомнила о ней? Я видела ее всего лишь несколько минут, и эта девушка совсем на нее не похожа.

4

— Итак,— продолжал Сирс,— мне было предназначено помочь несчастному Фэнни Бэйту. Я считал, что не бывает безнадежно испорченных детей, если только непонимание и жестокость окружающих не сделают их таковыми. И вот я приступил к выполнению своей программы перевоспитания. Когда на следующий день Фэнни опрокинул парту, я, к немалому презрению старших учеников, самолично поднял ее, а на время перерыва на лэнч велел мальчику остаться в классе.

Все дети вышли, жужжа всяческими предположениями,— уверен, они решили, что я удалил свидетелей предстоящей порки. Сестра же его затаилась в темном дальнем углу.

— Я не обижу его, Констанс,— успокоил я девочку.— Если хочешь, можешь остаться.

Несчастные дети! Я как сейчас вижу их испорченные зубы, драную одежду; вижу Фэнни — полного недоверия, озлобленности и страха, и Констанс — проникнувшая страхом за него.

Она забралась на стул, и я приступил к исправлению некоторых неверных представлений и заблуждений Фэнни. Я рассказал ему все, что знал о путешественниках и исследователях: о Льюисе, Кларке, Кортесе, о Нансене, Понсе де Леоне — это я планировал пройти с классом позже, — но все это не произвело ни малейшего впечатления на Фэнни. Он знал, что мир простирается не далее сорока, максимум сорока пяти миль от Фор-Форкса и что люди, живущие в этом радиусе, и составляют население земли. Он цеплялся за эту идею с неимоверным упрямством безнадежного тупицы.

— Да кто же тебе сказал все это, Фэнни? — спросил я его.

Мальчик помотал головой.

— Ты сам придумал?

Он снова затряс головой.

— Это родители тебе сказали?

В темном углу хихикнула Констанс — хихикнула без всякого намека на юмор. От ее смешка у меня холодок пробежал по спине — он вызвал в моем воображении сцены какой-то животной, скотской жизни. Очевидно, таковой она и была на самом деле — и все остальные дети знали об этом, — даже, как я выяснил позже, еще более неестественной, чем я мог себе вообразить.

Так или иначе, я взмахнул руками — то ли в отчаянии, то ли в нетерпении, — и бедная девочка, подумав, видно, что я собираюсь ударить ее брата, крикнула:

— Это Грегори!

Фэнни оглянулся на нее — клянусь, я в жизни не видел более испуганного лица. В следующее мгновение он вскочил со стула и пулей вылетел из класса. Тщетно я пытался остановить его. Он как будто спасал свою жизнь — мчался к лесу, петляя точно заяц. Девочка застыла в дверях, глядя ему вслед. Теперь уже ее охватил ужас — бедняжка вся побелела от страха.

— Констанс, кто такой Грегори? — спросил я, и губы девочки задрожали. — Это не он ли подходит иногда к

школе? У него еще вот такие волосы? — Я завел руки за голову и широко растопырил пальцы — и тут она тоже сорвалась прочь, удирая со всех ног.

Итак, в тот полдень я получил признание своих учеников. Они, конечно же, решили, что я высек обоих Бэйтов и таким образом стал полноценным участником естественного для города течения жизни. И в этот вечер я был награжден если и не добавкой картошки на ужин, то неким подобием улыбки Софронии Матер. Вероятно, Этель Бердвуд доложила своей матери, что учитель все-таки нашел причину для наказания.

Последующие два дня Фэнни и Констанс не приходили на занятия. Меня это беспокоило, и я думал, что повел себя с ними настолько неуклюже, что они больше никогда не придут. На второй день я уже не находил себе места и во время ленча от волнения мерил шагами школьный двор. Дети с удивлением глядели на меня — как на опасного лунатика. Они знали, что на большой перемене учитель обыкновенно находится в помещении и занимается поркой провинившихся. Вдруг я услышал слово, которое заставило меня замереть на месте, резко развернуться и быстро подойти к группе девочек, расположившихся на траве. Это были самые старшие, и одна из них — Этель Бердвуд. Я был уверен, что слышал, как она упомянула имя Грегори.

— Расскажи-ка мне о Грегори, Этель,— попросил я.

— О каком Грегори? — Она жеманно улыбнулась.— Здесь нет никого с таким именем.— Девушка бросила на меня волоокий взгляд. Уверен, что в этот момент она подумала о деревенской традиции женитьбы школьного учителя на одной из старших учениц. Она была очень самонадеянной девочкой, эта Этель Бердвуд, и у ее отца была репутация процветающего селянина.

Я, однако, не поддался.

— Я только что слышал, как ты упомянула его имя.

— Вы, должно быть, ошиблись, мистер Джеймс,— ответила она медовым голосом.

— Я не терплю лгунишек, — сурово сказал я. — Расскажи мне о человеке по имени Грегори.

Без сомнения, они все решили, что ей грозит линейка. Ее подружка пришла на помощь.

— Мы просто говорили, что Грегори починил вон тот желоб, — указала она на стену школы. Один из водосточных желобов был явно новым.

— Ну что ж, он больше никогда не приблизится к школе, насколько в моих силах этому помешать, — заявил я и ушел, оставив школьницу глупо хихикать.

В этот день после занятий мне пришла в голову мысль наведаться в логово льва, и я отправился к дому Бэйтов. Я знал, что это довольно далеко — примерно как от Милбурна до дома Льюиса. Выбрав кратчайшую, на мой взгляд, дорогу, я проделал уже довольно большой путь — мили три-четыре, — когда мне начало казаться, что я зашел слишком далеко. По пути мне не встретилось никакого жилья, а значит, дом Бэйтов был где-то в самом лесу, а не на его окраине, как мне представлялось. Я пошел по довольно утоптанной тропинке и решил, что рано или поздно она выведет меня к цели.

К несчастью, я заблудился. Я спускался в лощины, взбирался на холмы, продирался через кустарники, пока совсем не перестал соображать, в какой стороне дорога. Все вокруг было ужасающе однообразным. И тут, когда уже мало-помалу начали опускаться сумерки, я почувствовал, что за мной наблюдают. Это было в высшей степени жуткое ощущение — словно за моей спиной затаился тигр, изготовившийся к прыжку. Я развернулся и прижался спиной к вязу.

И тогда я увидел его. В просвете зарослей, примерно в тридцати ярдах от меня, стоял человек — тот самый, который приходил к школе. «Грегори!» — подумал я. Он молчал, я тоже. Он лишь пристально глядел на меня, абсолютно безмолвно — волосы взъерошены, лицо изжелтабледное. Я чувствовал, какая ненависть, сильнейшая нена-

висть исходит от него. Этого человека окружал ореол непомерной, вопиющей жестокости — вкупе с той особенной, необычной свободой, что я уловил в нем при первой нашей встрече. Грегори был похож на безумца. Если бы он убил меня здесь, в лесу, — никто б никогда об этом не узнал. И поверьте мне, на его лице я прочитал жажду убийства, ничего более. И в тот самый момент, когда я ожидал, что он бросится на меня, Грегори вдруг шагнул за дерево.

Очень медленно я двинулся вперед.

— Что вам надо? — крикнул я, имитируя храбрость.

Ответа не последовало. Я еще чуть-чуть прошел вперед. Наконец я приблизился к дереву, возле которого видел Грегори, но там не осталось даже его следов — он просто растаял.

Я так и не знал, куда идти, к тому же я все еще ощущал его присутствие и понимал: это была угроза. Я сделал несколько шагов наугад, прошел через очередные заросли и внезапно застыл на месте. На мгновение я испугался. Прямо передо мной, ближе, чем недавнее видение, стояла девочка с прямыми светлыми волосами, одетая в лохмотья, — Констанс Бэйт.

— Где Фэнни? — спросил я.

Она подняла костлявую руку и показала куда-то в сторону. Затем вдруг появился и мальчик — он возник, «как змея из корзинки», именно такое сравнение пришло мне на ум. Он поднялся из высокой травы с характерным для Фэнни Бэйта выражением угрюмой виноватости.

— Я искал ваш дом, — сказал я, и они оба молча показали в одном направлении. Посмотрев туда, я увидел в просвете между деревьями фанерную лачугу с окном из промасленной бумаги и маленькой тонкой печной трубой. В те времена жилища из фанерных ящиков не были редкостью, и, слава богу, в наши дни такого уже не увидишь — но грязнее и беднее той лачуги невозможно представить. Я знаю, что слыву консерватором, однако я никогда не связывал добродетель с количеством денег, а

бедность с пороком. Тем не менее эта убогая, маленькая, вонючая хижина... Глядя на нее, я силился сдерживать дыхание, словно боялся вдохнуть ее грязь. Нет, все оказалось даже гораздо хуже, чем я предполагал. Ее обитатели были не просто ожесточены нищетой — они были покалечены, духовно изуродованы... Сердце мое сжалось; я отвернулся и заметил тощую черную собаку, обнюхивающую кучку грязных перьев, что была когда-то цыпленком. Вот почему, подумалось мне, Фэнни заработал репутацию «скверного мальчика» — жители деревни взглянули однажды на его жилье и вынесли мальчику пожизненный приговор.

Желания войти в дом у меня не было. Я не верил в дьявола, но именно его присутствие я ощущал здесь.

Я повернулся к детям, в глазах которых застыл странный взгляд:

— Я хочу видеть завтра вас в школе.

Фэнни помотал головой.

— Но я же хочу помочь тебе, — сказал я, уже готовясь произнести долгую речь: я хотел дать ему понять, что собираюсь изменить его жизнь, спасти его, в известном смысле «очеловечить»... Однако эта гримаса угрюмого упрямства на его физиономии остановила меня. Что-то еще беспокоило меня, и внезапно я понял: что-то в Фэнни напоминало взгляд загадочного Грегори.

— Завтра ты должен явиться в школу, — сообщил я.

— Грегори будет против, — сказала Констанс. — Грегори велел нам быть здесь.

— А я сказал, пусть приходит, и ты — тоже.

— Я спрошу у Грегори.

— Да к черту Грегори! — заорал я. — Чтоб были оба! — И зашагал от них прочь.

Странное чувство не оставляло меня до тех пор, пока я не вышел к дороге — я будто шел, удаляясь от проклятия.

Можно не гадать, каков был результат. Они не пришли. В последующие дни жизнь текла своим чередом. Этель Бердвуд и некоторые другие старшие девочки бросали

мне недвусмысленные взгляды, когда я вызывал их к доске; я часами готовился к урокам на своем холодном чердаке и вставал с рассветом готовить класс к занятиям. Со временем Этель начала носить мне сэндвичи к ленчу, а вслед за ней и остальные мои поклонницы-ученицы. Я даже стал припасать один бутерброд себе на вечер после ужина.

По воскресеньям я проделывал долгий путь в футвилльскую лютеранскую церковь. Это оказалось совсем не так страшно, как я поначалу думал. Настоятелем там был старый немец, Франц Грюбер, называвший себя доктором Грюбером. Он вполне соответствовал этому званию — его натура была весьма утонченной, особенно в сравнении с тучным телом или размерами дома в Футвилле. Я полагал, что его проповеди должны быть интересными, и решил поговорить с ним.

Дело в том, что, когда Бэйты наконец объявились в школе, они выглядели очень утомленными, словно пьяницы с тяжелого похмелья. И это стало системой. Они пропускали пару дней, приходили, потом пропускали три, являлись на два — и с каждым разом выглядели все хуже. В особенности Фэнни — мальчик увядал на глазах. Он словно преждевременно старел — становился настолько худым, что на лице — на лбу и в уголках глаз — прорезались морщины. Мало того, он — я готов в этом поклясться — как будто ухмылялся мне. Фэнни Бэйт ухмылялся — хотя, честное слово, у него даже на такое ума бы не хватило. Это делало его лицо отталкивающим, а меня изрядно пугало.

Поэтому в один из воскресных дней, после службы, я стоял у церковных дверей. Я дождался ухода последнего прихожанина и поздоровался с доктором Грюбером за руку. Когда дорога к церкви совсем опустела, я сказал ему, что нуждаюсь в его совете в связи с одной проблемой.

Наверняка он предположил, что я хочу покаяться в адюльтере или в чем-то подобном. Однако доктор Грюбер

был очень учтив и пригласил к себе в дом, что стояла через дорогу напротив церкви.

Он очень любезно проводил меня в свою библиотеку — большую комнату, всю уставленную книгами. Подобной я не видел с тех пор, как покинул Гарвард. Это было обиталище настоящего ученого — здесь человеку, полному идей, удобно работать над их воплощением. Большинство книг были на немецком, но было много и на латыни, и на греческом. Стояли там и «Писания Отцов Церкви» — в больших мягких кожаных переплетах, — комментарии к Библии, труды по теологии и обширное пособие в помощь составителям проповедей «Библейский конкорданс*». На полке позади письменного стола я с удивлением увидел небольшую коллекцию сочинений Луллия, Бруно и кого-то еще — из тех, что считались оккультными учениями эпохи Возрождения. И с еще большим удивлением обнаружил несколько антикварных книг о колдовстве и сатанизме.

Доктор Грюбер вышел из комнаты за пивом, а когда вернулся, то застал меня разглядывающим эти книги.

— То, что вы видите, — проговорил он с гортанным акцентом, — напрямую связано с причиной вашего визита ко мне, мистер Джеймс. Полагаю, что, заметив эти книги, вы не сочли меня выжившим из ума стариком.

И, без всякого повода с моей стороны, Грюбер поведал мне свою историю, причем, как вы можете предположить, сделал это блестяще. Его уважали заслуженные деятели церкви, он написал несколько книг — но когда проявил чрезмерный интерес к «закрытым темам», как он выразился, ему приказали прекратить исследования в этом направлении. Доктор все же опубликовал еще один такого рода материал и был за это сослан в самый отдаленный лютеранский приход.

* Конкорданс (конкорданция) — книга, заключающая все слова Библии в алфавитном порядке с указанием места, где они находятся в тексте.

— Итак,— заключил он,— мои карты на столе, как говорят мои нынешние сельские прихожане. В своих проповедях я никогда не упоминаю об этих закрытых темах, однако продолжаю изучать их. Так что, прошу вас: вы вольны или рассказать мне все, или уйти — как вам будет угодно.

Это прозвучало, на мой взгляд, несколько напыщенно, и я сначала заколебался, но затем все-таки решился.

Я рассказал ему все, не опуская подробностей. Доктор Грюбер слушал с глубоким вниманием, и было ясно, что он уже слышал о Грегори и Бэйтах.

Более того, моя история очень взволновала собеседника. Когда я закончил, он спросил:

— Все произошло именно так, как вы описали?

— Разумеется.

— Вы никому об этом не говорили?

— Нет.

— Я счастлив, что вы пришли с этим ко мне...

Священник вытащил из ящика стола огромную курительную трубку, набил ее и закурил — все это он проделал, не сводя с меня взгляда выпуклых глаз. Я почувствовал себя неловко и уже наполовину пожалел, что так легко воспринял его недавние замечания.

— Ваша хозяйка не объяснила вам, почему она считает Фэнни Бэйта «самой испорченностью»?

Я отрицательно покачал головой, словно пытаюсь избавиться от недавнего чувства неловкости.

— А вы считаете, что ей следовало это сделать?

— Об этом знают все. Во всяком случае, в наших двух городках это даже в своем роде знаменитая история.

— И Фэнни на самом деле такой плохой?

— Он не плохой, а развращенный,— сказал доктор Грюбер.— Но, по вашим словам...

— Все может обстоять еще хуже? — вскинул я брови.— Прямо загадка какая-то.

— И куда большая, нежели вы можете себе представить,— спокойно сказал он.— Если я попытаюсь все вам объяснить, у вас — на основании того, что вам известно обо мне,— появится искушение объявить меня сумасшедшим.— И его глаза округлились еще больше.

— Если Фэнни развращен,— спросил я,— кто же тогда развратил его?

— О, это сделал Грегори. Несомненно, Грегори. За всем этим стоит Грегори.

— Но кто такой Грегори?

— Человек, которого вы видели. Я в этом абсолютно уверен. Вы описали его довольно точно.— И доктор Грюбер поднял короткие толстые пальцы над головой именно так, как я это показывал Констанс Бэйт.— Очень точно, уверяю вас. Однако, когда вы узнаете больше, вы не поверите мне.

— Ради бога, почему?

Он покачал головой, и я заметил, что свободная его рука подрагивает. На секунду я подумал, что втянулся в откровенный разговор с настоящим безумцем.

— У родителей Фэнни было трое детей,— сообщил он, выпустив облачко дыма.— Грегори Бэйт был первым.

— Так это их брат! — вскричал я.— Однажды мне показалось, что я вижу сходство... Да-да, я понял. Но в этом нет ничего неестественного.

— Конечно — если не считать того, какие у них отношения.

Я попытался понять его намек.

— Вы имеете в виду, что-то неестественное произошло между ними?

— Да, и с их сестрой.

Я содрогнулся от ужаса. Я словно вновь увидел его красивое лицо и полную ненависти беззаботность и самодовольство, так поразившие меня в Грегори.

— Между Грегори и его сестрой. И, как я уже сказал, между Грегори и Фэнни.

— Значит, он развратил их обоих. Почему же Констанс не подвергается таким гонениям в Фор-Форксе, как Фэнни?

— Помните, учитель, что это очень отдаленный район. И налет... неестественности... отношений между братом и сестрой в этих бедных семьях, ютящихся в лачугах, я полагаю, считается допустимым.

— Но между братьями...— Я словно на мгновение перенесся в Гарвард, на лекцию профессора антропологии о племени дикарей.

— Вот именно.

— О боже, вот именно! — вскричал я, вспоминая это нехорошее, совсем недетское выражение лица Фэнни.— И теперь он пытается убрать меня с дороги. Я мешаю ему.

— По-видимому, так. Надеюсь, вы понимаете, почему?

— Потому что я не позволю ему этого. И он хочет избавиться от меня.

— Ах, Грегори многого хочет.

— Вы хотите сказать, он хочет заполучить их навсегда?

— Обоих — и навсегда, но, судя по вашему рассказу, Фэнни — больше всего.

— Могут ли их родители помешать этому?

— Мать умерла. А отец сбежал, когда Грегори вырос настолько, чтобы лупить его.

— И они живут одни в этом жутком месте?

Доктор Грюбер кивнул.

Это было ужасно: точно ядовитые испарения, на меня накатило ощущение какого-то проклятия, исходящего от самих детей — от всего, что произошло между ними и Грегори.

— Но,— возразил я,— неужели дети не могут предпринять какие-то попытки защитить себя?

— Они это уже сделали.

— Но как? — Я мысленно взмолился, поскольку разговаривал сейчас со священником и на своем опыте убедился, чего стоила благотворительность в Фор-Форксе.

— Вы не поверите мне на слово. Поэтому лучше я покажу вам.— Он резко встал и жестом предложил подняться мне.— Выйдем.

За его оживлением проглядывало сильное беспокойство, и на мгновение мне подумалось, что я неприятен Грюберу так же, как и он мне, с его клубами табачного дыма и глазами навывкат.

Я покинул комнату и по пути к выходу из дома миновал гостиную с накрытым на одного человека столом: вкусно пахло жареной стряпней, на столе стояла открытая бутылка пива — так что, скорее всего, причиной его неприязни ко мне была всего лишь задержка обеда.

Грюбер захлопнул за нами дверь и направился к церкви. Все это было очень загадочно. Когда он перешел через дорогу, то окликнул меня, не поворачивая головы:

— Вы знаете, что Грегори был чернорабочим в школе?

— Одна из девочек что-то такое говорила об этом,— ответил я, наблюдая, как он обходит церковь.

«Что же дальше,— гадал я,— прогулка по полям? И что же мне покажут такое, во что я не должен верить?»

За церковью лежало небольшое кладбище, и я, следуя за идущим вразвалочку доктором Грюбером, мимоходом рассматривал надписи на массивных надгробиях девятнадцатого века: Джошуа Фут, Сара Фут — весь клан, основавший когда-то это селение, и другие имена, ничего для меня не значившие. Доктор Грюбер остановился, всем своим видом показывая нетерпение, у небольшой калитки в задней части кладбища.

— Смотрите,— бросил он.

«Ну, хорошо,— подумал я,— если ты так ленив, чтобы открыть ее...»,— и наклонился, чтобы отодвинуть засов.

— Не здесь,— резко сказал священник.— Взгляните вниз. Посмотрите на крест.

Я взглянул туда, куда он указывал. Это был грубо сделанный и наспех окрашенный деревянный крест, лежавший на том месте, где полагалось быть надгробию, в изго-

ловье могилы. На его горизонтальной перекладине чьей-то рукой было выведено: «Грегори Бэйт». Я обернулся на доктора Грюбера, и теперь у меня не было сомнений: он смотрел на меня с неприязнью.

— Это невозможно,— промолвил я.— Какой-то абсурд. Я же видел его.

— Поверьте мне, учитель, именно здесь похоронен ваш соперник,— сказал он, и я вновь обратил внимание на то, как своеобразно священник выбирает слова.— Во всяком случае, его телесная оболочка.

Ошеломленный, я прошептал:

— Это невозможно.

Он проигнорировал мои слова.

— Однажды ночью, год назад, Грегори Бэйт что-то чинил на школьном дворе; во время работы он взглянул наверх и заметил — я думаю, именно так все и произошло,— что водосточный желоб прохудился и требует ремонта. Он принес с заднего двора лестницу и полез наверх. Фэнни и Констанс увидели в этом шанс избавиться от тирании старшего брата и выбили из-под него лестницу. Он упал, ударился головой об угол здания и умер.

— А они что там делали ночью?

Грюбер пожал плечами:

— Он таскал их за собой повсюду. Они сидели на игровой площадке.

— Я не верю, что они убили его намеренно.

— Ховард Хюммель, почтальон, видел, как они убегали. Он и обнаружил тело Грегори.

— То есть никто не видел, как это произошло.

— Этого и не требовалось, мистер Джеймс. Всем все было ясно.

— Мне не ясно,— сказал я, и Грюбер снова пожал плечами.— И что они потом сделали?

— Сбежали. Они поняли, что добились своего. У него весь затылок был раздроблен. Фэнни и сестра исчезли на три недели — прятались в лесу. К тому времени, когда

они поняли, что им некуда деваться, и вернулись домой, мы похоронили Грегори. Ховард Хюммель рассказал, что видел, и люди приняли это как должное. Отсюда, как видите, и пресловутая «порочность» Фэнни...

— Но теперь... — произнес я, глядя на грубо подписанный крест. Я понял, что именно дети и подписали его, и сей факт вдруг показался мне самой отвратительной деталью этой истории.

— Вот-вот, теперь. Теперь Грегори хочет их вернуть себе. Из того, что вы мне рассказали, следует, что он уже вернул их. Но мне кажется, он теперь хочет вызволить Фэнни из-под вашего влияния. — Он произнес последнее слово с немецкой тщательностью.

Я похолодел:

— Отобратить его?

— Отобратить.

— Могу я спасти его? — спросил я почти с мольбой.

— Я подозреваю, что кроме вас — никто, — ответил он, глядя на меня словно издаലെка.

— Ради бога, помогите мне!

— Нет — даже ради него. Судя по вашим словам, все зашло слишком далеко. Мы, в нашей церкви, не верим в изгнание нечистой силы.

— Вы верите только в... — Взбешенный, я не мог говорить.

— В грех — да. В это мы верим.

Я отвернулся и пошел прочь. Наверное, доктор Грюбер вообразил, что я все же вернусь и буду умолять его о помощи, однако я не остановился, и он крикнул мне вслед:

— Берегите себя, учитель!

Домой я шел, как во сне: я с трудом мог поверить или допустить то, что казалось бесспорным во время разговора со священником. Тем не менее он же показал мне могилу — и я собственными глазами наблюдал странные перемены в Фэнни, и видел самого Грегори. Да и не только видел — я все это остро чувствовал.

Не дойдя примерно мили до Фор-Форкса, я вдруг остановился, пораженный доказательством того, что Грегори Бэйт уже знает о том, что мне сегодня стало известно, и знает в точности мои намерения. В том месте одно из фермерских полей широко поднималось по голому холму, хорошо просматривавшемуся с дороги,— Грегори стоял на его вершине и глядел оттуда на меня. Когда я заметил Бэйта, он не шелохнулся, но напряженность, исходящая от него, так всколыхнулась, что я подпрыгнул, должно быть, на целый фут. Он смотрел на меня так, словно читал каждую мою мысль. Высоко в небе над ним разременно кружил ястреб. Все сомнения покинули меня. Теперь я осознал: все, что рассказал мне Грюбер, являлось правдой.

Единственное, что я мог предпринять,— это постараться не бежать. Но как бы я ни трусил в тот момент, я силился не выдать своего страха. Наверняка он ждал, что я побегу: Бэйт стоял, опустив руки, его бледное лицо виднелось мутным пятном — он весь был буквально нацелен в меня. Я приказал себе спокойно продолжать путь домой.

Ужин я с трудом заставил себя проглотить и съел совсем чуть-чуть. Матер заметил:

— Если вы собираетесь морить себя голодом — мне все равно: нам больше останется.

Я взглянул ему прямо в глаза:

— А у Фэнни Бэйта, помимо сестры, был брат?

Чарли взглянул на меня с неописуемым удивлением и промолчал.

— Так был?

— Был.

— Как звали его брата?

— Его звали Грегори, но я буду премного вам благодарен, если вы воздержитесь от разговоров о нем.

— Вы его боялись? — спросил я, заметив страх на его лице и во всем облике его жены.

— Прошу вас, мистер Джеймс,— тихо проговорила Софрония Матер.— Это добром не кончится.

— Никто не говорит об этом Грегори Бэйте, — добавил ее муж.

— Что с ним случилось? — спросил я.

Он перестал жевать и положил вилку.

— Я не знаю, что вы там слышали и от кого, но вот что я вам скажу. Если и жил на свете самый худший, проклятый человек — это был Грегори Бэйт, и что бы там с ним ни случилось, он того заслужил. На этом прекратим разговор о Грегори Бэйте.

Затем он набил полный рот едой, и дискуссия закончилась. Миссис Матер за весь оставшийся ужин не проронила ни слова, упорно глядя в свою тарелку.

Я очень беспокоился: вот уже два дня ни один из Бэйтов не появлялся в школе, и казалось, что все произошедшее было всего лишь сном. Я погрузился в работу, однако мои мысли были заняты Бэйтами, особенно несчастным Фэнни, и опасностью, грозившей детям.

Страх не покидал меня — тем более что однажды в городе я вновь видел Грегори.

Так как это была суббота, в Фор-Форкс приехало много фермеров с женами — за покупками. Каждую субботу городок напоминал ярмарочную площадь — по крайней мере, по сравнению с буднями. На тротуарах было тесно, и в лавках кипела торговля. Десятки лошадей заполняли улицу, и повсюду мелькали возбужденные лица детей, глядящих из повозок широко раскрытыми глазами: поездка в город была для них событием. Во многих из них я узнавал своих учеников и приветственно махал им рукой.

Какой-то солидный фермер хлопнул меня по плечу и сказал, что я — учитель его сына и он хочет пожать мне руку. Поблагодарив, я стоял и слушал его, как вдруг за плечом этого человека возник Грегори. Тот стоял у почты, совершенно равнодушный к происходящему вокруг, и смотрел на меня — так же сосредоточенно, как накануне взирал с вершины холма. Лицо его было почти бесстрастным. У меня вдруг пересохло во рту, и, очевидно, что-то

отразилось на моем лице, поскольку отец моего ученика замолчал и спросил, хорошо ли я себя чувствую.

— О да,— ответил я, но это, надо полагать, прозвучало довольно невежливо, так как я продолжал смотреть за его плечо. Никто, кроме меня, не замечал Грегори: все проходили мимо, глядя прямо перед собой и не видя его.

То, что в этом типе мне прежде казалось безудержной свободой, теперь виделось гнусной разнузданностью.

Я извинился перед фермером — сослался на головную боль, воспалившийся зуб — и развернулся к Грегори. Бэйт исчез — буквально за те несколько секунд, что я прощался с собеседником.

Теперь я был твердо уверен, что развязка близка и что время и место он выберет сам.

Когда Фэнни с Констанс пришли в школу, я решил, что буду защищать их. Они оба были бледны и тихи, и такая аура загадочности окружала их, что остальные дети к ним в тот день и не приставали. Это было спустя четыре дня после того, как я видел их брата возле почты. Я не представлял себе, что с ними происходило со дня последней нашей встречи, но выглядели они, словно после тяжелой болезни, потерянными и обессиленными, эти несчастные, оборванные, робкие детишки. Я исполнился решимости отстоять их.

После уроков, когда все устремились по домам, я оставил Бэйтов в классе. Покорно и молча они сели за парты.

— Почему он отпустил вас в школу? — спросил я.

Фэнни тупо взглянул на меня и сказал:

— Кто?

Я поразился:

— Грегори, разумеется.

Фэнни помотал головой, словно разгоняя туман:

— Грегори? Мы его уже давно не видели. Нет, вообще-то не очень давно.

Я был шокирован — они тосковали по нему, их выматало его отсутствие!

— Тогда чем же вы занимаетесь одни?

— Мы переходим.

— Переходите?

Констанс кивнула, соглашаясь с Фэнни:

— Переходим.

— Переходите — куда? Что переходите?

Теперь они оба смотрели на меня, раскрыв от удивления рты, — будто пораженные моей тупостью.

— Переходите, чтобы встретиться с Грегори? — Я был в ужасе, но ни о чем больше думать не мог.

Фэнни покачал головой:

— Мы никогда не видим Грегори.

— Нет, — добавила Констанс, и я с ужасом услышал сожаление в ее голосе. — Мы просто переходим.

Фэнни, казалось, вдруг оживился на мгновение:

— Но однажды я его слышал. Он сказал, что ничего такого, что вы мне тут говорили, нет. Ну, эти ваши карты. Нет там ничего.

— Ну, хорошо, а что тогда есть? — спросил я.

— Ну... то, что мы видим, — ответил Фэнни.

— Видим?

— Когда уходим, — сказал мальчик.

— А что вы видите?

— Это так чудесно, — произнесла Констанс и положила голову на парту. — Правда, чудесно.

Я не имел ни малейшего понятия, о чем они говорили, но мне все это не очень понравилось, и я решил поговорить с ними об этом позже.

— Ну что ж, сегодня вечером никто никуда не идет, — объявил я. — Я хочу, чтобы вы оба сегодня остались здесь со мной. Я буду вас охранять.

Фэнни равнодушно кивнул, будто ему было все равно, где ночевать, а когда я взглянул на Констанс, то увидел, что она заснула.

— Ну и хорошо, — бодро сказал я. — Постели мы можем приготовить попозже, а завтра я постараюсь найти в

деревне две кровати для вас. Вы, ребята, не должны больше жить в лесу одни.

Фэнни снова безучастно кивнул, и я заметил, что он тоже задремывает.

— Опустит голову на руки, — предложил я ему.

Через несколько мгновений они оба спали, положив головы на парты. И в тот момент я был почти согласен с утверждением Грегори о том, что мир заканчивается этой деревней, этим классом, мной и этими двумя уставшими детишками в холодной школе-сараяе — мое чувство реальности подверглось слишком сильным ударам. А между тем день стал клониться к концу; в классе, сумеречном и в солнечные дни, сгустились по углам тени, сделалось темно. Я не решался зажечь свет, и мы сидели в темноте, словно на дне колодца. Я обещал детям найти кровати, но жалкая деревушка в пятидесяти шагах отсюда казалась сейчас недостижимой. И даже если бы у меня хватило сил и решимости оставить их, я не мог себе представить, кто бы ребят приютил. Если уж взять образ колодца — то это был колодезь отчаяния и безысходности, и я чувствовал себя таким же отверженным и одиноким, как эти дети.

Наконец я не выдержал и, подойдя к Фэнни, легонько потряс его за руку. Он встрепенулся как испуганный зверек, и мне пришлось силой удерживать его на стуле.

— Фэнни, я должен знать правду. Что случилось с Грегори?

— Он перешел, — ответил мальчик все так же угрюмо.

— То есть умер?

Фэнни кивнул, его рот остался приоткрытым, и я снова увидел эти жуткие гнилые зубы.

— А он возвращается?

Он снова кивнул.

— И ты видишь его?

— Он видит нас, — совсем спокойно сказал Фэнни. — Он смотрит и смотрит. И хочет потрогать.

— Потрогать?

— Как раньше.

Я приложил ладонь к своему лбу — он пылал. Каждое слово мальчика приоткрывало новую бездну.

— Это вы толкнули лестницу?

Фэнни тупо смотрел в парту, и мне пришлось повторить вопрос:

— Фэнни, это вы толкнули лестницу?

— Он все смотрит и смотрит... — произнес мальчик, словно констатируя важнейший факт в его сознании.

Я взял голову парнишки в свои ладони, чтобы заставить посмотреть на меня, и в это мгновение в окне показалось лицо его мучителя. Жуткое белое лицо — он будто хотел заставить брата не отвечать на мои вопросы. Мне вдруг стало худо, я словно полетел в какую-то яму, и в то же время я почувствовал, что наш поединок наконец начался, и прижал Фэнни к себе, пытаясь защитить его уже физически.

— Он здесь? — взвизгнул Фэнни, и от звука его голоса Констанс упала на пол и начала кричать.

— Да какая разница?! — завопил я. — Я не отдам вас ему! Вы — мои! Он знает, что потерял вас! Потерял навсегда!

— Где он?! — снова завизжал Фэнни, отталкивая меня. — Где Грегори?!

— Там, — сказал я и развернул его лицом к окну.

Его била дрожь, и мы оба глядели на пустое окно — за ним ничего не было, лишь темное небо. Ликование охватило меня — я победил! От радости я схватил Фэнни за руку — он издал вопль неподдельного отчаянья. Мальчик повалился вперед, и я обхватил его, словно удерживая от падения в самую преисподнюю. И только через несколько секунд осознал, что я схватил: его сердце остановилось, и я держал в руках безжизненное тело. Он перешел навсегда.

— Вот и все,— заключил Сирс, обводя взглядом круг друзей.— Грегори тоже исчез навсегда. Меня свалила жесточайшая лихорадка, и я пролежал три недели на своем чердаке. К тому времени, когда я поправился и смог самостоятельно ходить, Фэнни уже похоронили. Я хотел бросить все и уехать из деревни, но был связан контрактом, и мне пришлось продолжить работу. Я чувствовал себя опустошенным, но смог пересилить свои эмоции. Под конец я даже применял линейку для наказаний. Все свои либеральные порывы я растерял, и к концу контракта уже считался хорошим учителем.

Хотя... вот еще что. В день своего отъезда из Фор-Форкса я впервые пришел взглянуть на могилу Фэнни. Она была за церковью, рядом с могилой его брата. Я смотрел на две могилы — и, как вы думаете, что я чувствовал? Ничего. Пустоту. Будто ничего такого со мной не произошло.

— А что случилось с его сестрой? — спросил Льюис.

— О, с ней все в порядке. Она была тихой девочкой, и люди жалели ее. Я переоценил черствость жителей деревни. Одна семья взяла ее к себе. Насколько мне известно, там к ней относились, как к своей дочери. Кажется, она забеременела, вышла замуж и уехала из деревни. Но это произошло много лет спустя.

ФРЕДЕРИК ГОТОРН

1

Рикки шел домой, с удивлением глядя на падающий снег. «Кажется, грядет суровая зима, — думал он. — Что-то с погодой творится неладное». Освещенные желтым кругом уличного фонаря, снежинки кружились, падали и ложились на землю, чтобы через мгновение растаять. Ветер холодным языком забирался под твидовое пальто. Готорну предстояла получасовая прогулка, и он жалел, что не приехал на своей машине, старом «бьюике», к которо-

му, по счастью, Стелла отказывалась даже прикасаться. Обычно он пользовался машиной, но на этот раз пошел пешком — нужно было подумать, как бы выведать у Сирса содержание письма к Дональду Вандерлею. Сегодня это ему не удалось. Компаньон сказал ему только то, что хотел — не более того. Ошибка, по мнению Рикки, уже была сделана — какая теперь разница в том, какими словами ее сформулировали? Неожиданно для себя он громко вздохнул и заметил, как несколько крупных ленивых снежинок, закруженные его дыханием в сложный узор, растаяли на лету.

В последнее время все истории, включая его собственные, оставляли на какое-то время в душе напряженность — но этим вечером она была на редкость тяжела. Сегодня он чувствовал себя по-особенному тревожно. Ночи Рикки были теперь все одинаково страшными; сны, о которых они с Сирсом говорили, преследовали его непрерывно до самого рассвета, и он не сомневался, что в основе этих снов лежат ужасные байки, которые они друг другу рассказывают. И все же ему казалось, что нынешнее его беспокойство не связано со снами, так же как не связано и с историями, хотя сегодня Сирс поведал самую жуткую, — впрочем, все их рассказы становились с каждой встречей все мрачнее. Каждый раз Фантазеры пугали друг друга, но продолжали собираться, поскольку не собираться было бы еще страшнее. Вместе — наблюдая, как каждый из них пытается бороться, — им делалось легче. Даже Льюис был напуган — иначе зачем было ему голосовать за отправку письма Дональду Вандерлею? И мысль о том, что конверт с письмом уже в пути, очень беспокоила Рикки.

«Возможно, мне давно следовало уехать из этого города», — заключил Готорн, поглядывая на дома, мимо которых шел. Едва ли нашелся бы среди них хоть один, в котором он не побывал — заходил по делу или в гости, навещал клиента или был зван на ужин. Возможно, следо-

вало уехать в Нью-Йорк после свадьбы, как того хотела Стелла, — тогда это казалось Рикки предательством. И лишь постепенно, да и то не до конца, он сумел убедить Стеллу в том, что вся его жизнь — здесь, в Милбурне, с Сирсом и адвокатской практикой.

Холодный ветер жег шею и пытался стянуть шляпу. Завернув за угол, Готорн увидел впереди длинный черный «линкольн» Сирса, припаркованный у бордюра тротуара; в библиотеке Джеймса горел свет. Сирс не сможет сегодня заснуть — и вовсе не рассказанная им история тому причиной. Теперь они знали, к каким последствиям приводили их воспоминания о былом.

«Но это не просто байки, и это послание к Вандерлею-младшему — не просто письмо. Что-то должно случиться». Вот почему они рассказывали друг другу жуткие истории. Рикки не обладал даром предвидения, однако страх будущего, который он ощутил две недели назад в разговоре с Сирсом, снова глухо отозвался в нем. Поэтому он и подумал об отъезде из города.

Он свернул на Мелроуз-авеню — названной «авеню», по-видимому, благодаря посаженным по обеим сторонам улицы густым деревьям. В застывшем жесте они вытянули ветви, окрашенные оранжевым светом фонарей. Нынче они сбросили последние листья. Что-то должно было случиться со всем городом. Над головой у Фредерика скрипнула ветка. Далеко позади, на 17-м шоссе, переключил скорость грузовик — в эти холодные ночи звук далеко разносился по Милбурну. А вот стали видны освещенные окна спальни на третьем этаже его дома. Уши и нос пощипывало от холода.

«После столь долгих лет благоразумной жизни, — сказал себе Готорн, — нельзя позволить себе стать мистиком, старина. Нам всем необходимо собраться с силами и положиться на здравый рассудок».

И в это мгновение, когда он уже чувствовал себя в безопасности, Рикки показалось, что кто-то за ним следит.

Этот кто-то стоял за углом и пристально смотрел на него — Готорн почти физически ощущал унорный взгляд холодных глаз. Возникало такое впечатление, что эти глаза плывут в пространстве сами по себе — одни лишь глаза неотрывно следят за ним. И он почти наяву представлял их себе — светящиеся бледным светом и плывущие в воздухе на уровне его собственных глаз. Они были ужасающе безжизненны — как глаза маски.

Рикки обернулся, готовый увидеть их, настолько реальным было ощущение чужого присутствия. Встревоженный, он почувствовал, что дрожит. Конечно же, улица была нуста. Просто пустая улица, даже в темную ночь такая обыкновенная, как щенок дворняжки.

«На этот раз ты сам все нагнетаешь,— пожурил он себя,— ты да этот жуткий рассказ Сирса. Глаза! Прямотаки в духе старых фильмов Питера Лорра. Глаза... Грегори Бэйта? Проклятье. Руки доктора Орлака. Да ничего особенного не должно случиться, убеждал себя Рикки, просто мы — четверо старых, выживающих из ума простофиль. Представить только, что я подумал».

Однако он не подумал, что те глаза были за его спиной,— он знал это. Знал наверняка.

«Чепуха»,— чуть не вслух произнес он, однако прошел через входную дверь чуть быстрее, чем обычно.

Дом был погружен в темноту, как всегда по вечерам собраний Клуба. Найдя пальцами край дивана, Рикки обошел кофейный столик, на который в такие вечера он обычно натыкался и набивал шишки; успешно миновав это препятствие, он ощупью прошел за угол в гостиную и дальше — на кухню. Здесь он мог спокойно зажечь свет, не боясь побеспокоить сон Стеллы; теперь включить лампу он мог только наверху, в гардеробной, которая вместе с ненавистным итальянским кофейным столиком воплощала безрассудный замысел Стеллы. Она заявила, что их шкафы переполнены, что негде разместить несезонную

одежду, а маленькая спальня, соседствующая с их собственной, после отъезда Роберта и Джейн пустует; и вот за восемьсот долларов они переоборудовали ее в гардеробную с горизонтальными планками для вешалок, зеркала и новым ковром. Идея гардеробной доказала кое-что Рикки: жена всегда утверждала, что у него одежды превеликое множество. Это оказалось сюрпризом для Готорна, который был настолько не тщеславен, что совсем не замечал своего неосознанного щегольства.

Еще большей неожиданностью явилось то, что его руки дрожали. Он было собрался приготовить себе чашку ромашкового чая, но когда заметил, как дрожат руки, забрал к себе в кабинет бутылку виски и немного налил в стакан. «Пугливый старый идиот!» Однако обзывания не помогали, и когда Рикки поднес стакан ко рту, рука дрожала по-прежнему. Все из-за этой проклятой годовщины. Виски во рту показалось ему солярккой, и он выплюнул его в раковину. «Бедный Эдвард». Рикки сполоснул стакан, выключил свет и начал подниматься по темной лестнице.

Переодевшись в пижаму, он вышел из гардеробной и прошел через холл к спальне. Тихонько открыл дверь. Стелла спала, дыша спокойно и ровно. Если постараться прокрасться к своей половине кровати, не задевая кресло и не спотыкаясь о ее туфли, и не задерживаясь, чтобы причесаться у зеркала, — жена не проснется.

Готорн добрался до своей половины, не разбудив Стеллу, и тихонько скользнул под одеяло. Очень нежно он погладил обнаженное плечо жены. Похоже, у нее начался новый роман или, по крайней мере, очередной серьезный флирт, и Рикки подумал, что она опять встречается с профессором, с которым познакомилась год назад, — начались телефонные звонки с безмолвным дыханием, определенно принадлежащим ему. Уже давно Рикки понял, что есть на свете вещи пострашнее, чем периодические любовные интрижки жены. У Стеллы была своя жизнь, и он составлял ее большую часть. Несмотря на то, что он сам

иногда чувствовал и что высказал недавно Сирсу, — если бы он не женился, он бы непомерно обделил свою жизнь.

Рикки вытянулся на кровати в ожидании того, что должно было, как он знал, прийти. Он припомнил ощущение взгляда тех сверлящих глаз на своей спине. Порой так хотелось, чтобы Стелла помогла ему, как-то его успокоила. Но, не желая беспокоить и тревожить жену и думая, что все это как-нибудь закончится и что он не должен перекаладывать свою беду на ее плечи, он никогда не рассказывал ей о своих ночных кошмарах. Так Рикки Готорн готовился ко сну — лежа на спине, руки заложены за голову, умное лицо не отражает никаких эмоций, глаза открыты, — уставший, тревожный, ревнующий, испуганный.

2

В своем номере отеля «Арчер» Анна Мостин стояла у окна и смотрела, как летят вдоль улицы снежинки. Верхний свет был выключен, полночь уже миновала, но она была одета. Длинное пальто лежало на кровати, как будто постоялица только что вошла или собралась вот-вот уйти.

Она стояла у окна и курила — высокая привлекательная женщина с темными волосами и удлиненными голубыми глазами. Из окна, почти во всей своей протяженности, просматривалась Мэйн-стрит, виднелась одна сторона безлюдной площади с пустыми скамейками и голыми деревьями, темные витрины магазинов, ресторана «Вилледж Памп» и универсама. В двух кварталах от гостиницы зажегся зеленый свет светофора. На другой стороне площади виднелись темные фасады двух церквей, всплывавшие, как миражи, над голыми верхушками деревьев. Бронзовый генерал Гражданской войны, стоящий на площади, тянул руку с мушкетом в величественном жесте.

«Сегодня ночью или завтра?» — гадала она, затягиваясь сигаретой и изучая маленький город.

«Сегодня».

Когда Рикки Готорн наконец уснул, это совсем не походило на сон — просто его тело словно наяву перенеслось в другое помещение в ином здании. Он лежал в странной комнате, ожидая, что что-то должно случиться. Комната была пуста, здание — покинуто. Стены и пол — голые доски; окно — пустая рама. Солнечный свет сочился из многочисленных щелей, и в его застывших лучах крутились столбики пыли. Непонятно откуда, но он знал, что сейчас что-то произойдет, и боялся этого. Встать с кровати Рикки не мог; несмотря на то что мышцы его работали, он — также не зная почему — понимал, что не сможет избежать того, что приближалось. Комната была в верхнем этаже здания: в окне виднелись лишь сероватые облака и бледно-голубое небо. Но то, что приближалось, должно было прийти не оттуда, а изнутри здания.

Он был укрыт старым стеганым одеялом, настолько выплывшим, что отдельные квадратики казались совсем белыми. Его ноги словно парализовало — две вытянутые ниточки. Посмотрев вверх, Рикки заметил, что в состоянии видеть каждую деталь деревянной обшивки с необычайной ясностью: он видел, как древесное волокно струится вдоль планки, закручивается в сучках, в каких планках неплотно забиты гвозди. Сквозняки гуляли по комнате, поднимая пыль то здесь, то там...

Снизу, из самой глубины дома, донесся удар — как будто нараспашку открылась дверь, тяжелая подвальная дверь, и ударилась о стену. Даже его комната содрогнулась здесь, наверху. Готорн прислушался. Что-то большое вытягивалось из подвала — какое-то крупное, тяжелое существо, которому приходилось протискиваться через дверной проем. Раздался треск дерева, и Рикки услышал, как существо глухо ударилось в стену. Это нечто начало обследовать первый этаж, двигаясь медленно и неуклюже. Рикки как бы его глазами видел то, что видело оно, — череду таких же пустых комнат. На первом этаже сквозь

щели в полу пробивалась высокая трава. Солнечный свет падал на стебли травы и на спину того, кто так тяжело, но целенаправленно продвигался через пустые комнаты. Существо издавало всасывающий звук, затем резкий визг. Оно обнюхивало дом, зная, что в нем находится он, Рикки.

Готорн вновь попытался заставить себя подвигать ногами, однако они даже не шелохнулись. Эта тварь внизу, проходя сквозь комнаты, задевала за стены, издавая при этом скрежет; дерево трещало. Казалось, что под ней проваливаются гнилые половые доски.

Затем раздался звук, ужаснувший Рикки: чудище протиснулось сквозь следующий дверной проем, и сразу звуки, доносившиеся снизу, стали громче — теперь было слышно, как оно дышало. У первой ступеньки лестницы.

Он услышал, как тварь устремилась наверх.

Раздался грохот — как будто она рванулась сразу через пять ступенек, а затем, не удержавшись, соскользнула вниз. Она повторила попытку уже медленнее, скуля от нетерпения, перешагивая сразу через две-три ступени.

Лицо Рикки стало мокрым от пота. И больше всего его пугало то, что он до конца не был уверен, сон это или явь. Если бы он знал наверняка, что это сон, ему пришлось бы только потерпеть до его окончания, дожидаться, пока эта бестия заберется наверх и ворвется в его комнату, — тогда страх его разбудит. Но то, что творилось, совсем не напоминало сон. Его чувства были настороже, ум прояснен, а ощущениям не доставало свободной, отстраненной атмосферы сновидений. Никогда, ни в каких снах, он не потел. Если же это был не сон, тогда это нечто, грохочущее по ступеням, непременно схватит его, поскольку он недвижим.

Характер звуков изменился, и тогда до Рикки дошло, что он точно лежит на третьем этаже пустого здания, поскольку тварь, разыскивающая его, забралась на второй. Намного громче стал производимый ею шум: противный скулеж и звук скольжения, когда ее тело задевало стены и

протискивалось в двери. Почувяв добычу, чудище задвигалось быстрее.

Пыль по-прежнему клубилась и поблескивала в лучах солнечного света; редкие облака все так же скользили по белесо-голубому небу, какое бывает ранней весной.

Когда тварь вылезла на лестничную площадку, пол затрепал. Теперь он отчетливо слышал ее дыхание. Чудище бросилось к последнему лестничному пролету с грохотом железного шара, разрушающего стену дома. В животе у Рикки все точно заледенело; он даже боялся, что его вырвет — вырвет кубиками льда. Он бы закричал, но подумал — хоть и зная, что все это не наяву, — что, если он будет лежать тихо, тварь не найдет его. Она визжала и поскуливала, поднимаясь наверх. Одна ступенька треснула.

Когда чудище достигло площадки за дверью, он понял, что оно собой представляет. Паук. Это был гигантский паук. Глухо бухнуло в дверь комнаты. Рикки услышал, как тварь снова заскулила. И если пауки вообще могли скулить — наверное, именно так это и звучало. Несколько лап заскребали в дверь, и повизгиванье стало громче. Рикки объяло ужасом, каким-то первобытным страхом, ничего страшнее в жизни он не испытывал.

Но дверь не треснула — она тихо отворилась. Высокая черная фигура стояла прямо у порога. Это был не паук, и, чем бы она ни оказалась, ужас Рикки чуть схлынул. Черный силуэт в дверном проеме какое-то мгновение был неподвижен, но смотрел на него. Рикки попытался проглотить; при помощи рук ему удалось с усилием приподняться. Он прижался спиной к голой обшивке стены и вновь подумал: это не сон.

Черная фигура вошла в комнату.

Рикки увидел, что это вовсе не животное, а человек. Потом от явившегося силуэта отделилась одна черная плоскость, затем еще одна. Перед Готорном предстали три человека. Под капюшонами, закрывавшими безжизненные лица, он разглядел знакомые черты. Сирс

Джеймс, Джон Джеффри и Льюис Бенедикт стояли перед ним, и он знал, что они мертвы.

С криком он проснулся и увидел такое обычное на Медроуз-авеню утро — теплых тонов спальню с графикой на стенах, что привезла Стелла из последней поездки в Лондон, окно на задний двор, рубашку, свешивавшуюся со стула. Мягкая рука Стеллы легонько сжимала его плечо. В комнате, казалось, как-то загадочно не хватало света. Необъяснимое побуждение заставило Рикки вскочить с кровати — насколько это позволяли ноги семидесятилетнего — и подойти к окну.

— Что там? — спросила за спиной Стелла.

Рикки не знал, что искал, но то, что он увидел, было для него неожиданностью: весь задний двор и крыши соседних домов были припорошены снегом. Небо казалось хмурым.

— Всю ночь шел снег, Стелла. Джон Джеффри не должен был устраивать эту проклятую вечеринку.

4

Стелла села на кровати и заговорила с ним так, будто он сказал что-то вразумительное.

— Разве это было не год назад, Рикки? Я не вижу никакой связи с выпавшим ночью снегом.

Он потер глаза и сухие щеки, пригладил вниз усы.

— Прошлым вечером исполнился год. — Затем он наконец уразумел, что говорит. — Нет, конечно, нет. То есть никакой связи.

— Ляг, пожалуйста, и расскажи мне, что не так, милый.

— О, со мной все в порядке, — сказал он, но вернулся-таки в кровать.

Когда он потянул одеяло, чтобы укрыться им, Стелла сказала:

— Неправда, милый. У тебя, похоже, был жуткий сон. Ты не хочешь рассказать мне его?

— Да он какой-то бессмысленный.

— И все же попытайся.

Жена принялась гладить его спину и плечи, и Рикки обернулся взглянуть на нее. Сирс верно сказал, что Стелла красавица — она была невероятно красива в день их первой встречи и, очевидно, останется такой до конца жизни. Ее наружность не имела ничего общего с пухлой милашкой на коробке шоколадных конфет. Красивая форма скул, правильные черты лица, тонкие черные брови. Волосы Стеллы совсем поседели после тридцати, и она решила не осветлять их, на много лет вперед предвидя, сколь сексуальным станет сочетание седой шевелюры с молодым лицом, — и сейчас ее седые волосы оставались густы, а лицо казалось не намного старше, чем тогда. Было бы правильнее сказать, что ее лицо никогда не было очень уж молодым, да и особенно стареть не собиралось: выходило так, что с каждым годом, почти до пятидесятилетия, Стелла набирала свою красоту и теперь обрела ее в полной мере. Она была на десять лет моложе Рикки, но при хорошем самочувствии все еще выглядела чуточку за сорок.

— Скажи мне, Рикки, — попросила она, — что, черт возьми, происходит?

Он начал рассказывать Стелле свой сон и видел, как участие, ужас, любовь и страх то и дело отражались на ее прекрасном лице. Слушая, она продолжала гладить его спину, затем грудь.

— Родной, — произнесла она, когда Рикки закончил, — и каждую ночь ты видишь такие сны?

— Нет, — сказал он, глядя на нее и видя под внешними эмоциями момента эгоцентризм и изумление, всегда присущие Стелле и соединенные воедино. — Этот был самым плохим. — Затем, чуть улыбаясь, поскольку догадывался, к чему приведут эти ее поглаживания, добавил: — Этот был лауреатом.

— В последние дни ты такой напряженный... — Стелла подняла руку и коснулась его губ.

- Я знаю.
- Вам всем снятся кошмары?
- Кому всем?
- Клубу Фантазеров.— Она прижала руку к его щеке.
- Думаю, да.
- Понятно.— Женщина села, скрестив перед собой

руки локтями вперед, и начала стягивать через голову ночную рубашку.— А не кажется ли вам, старым дурачкам, что вам следует что-то с этим делать? — Сняв ночную рубашку, она движением головы откинула назад волосы. Двое детей оттянули ее груди, соски сделались большими и коричневыми, но тело Стеллы состарилось едва ли чуть больше, чем лицо.

— Мы не знаем, что делать,— признался он.

— Зато я знаю.— Стелла откинулась на спину и протянула к нему руки.

Если Рикки когда-либо и мечтал оставаться холостяком, как Сирс, то только не в это утро.

— Старый развратник,— сказала ему Стелла, когда они закончили.— Если б не я, ты б давно уже забыл, что это такое. Если б не я, ты бы считал ниже своего достоинства когда-либо скидывать одежду.

— Неправда.

— Неужели? А что б ты тогда делал? Гонялся бы за маленькими девочками, как Льюис Бенедикт?

— Льюис не гоняется за маленькими девочками.

— Ну, за двадцатилетками.

— Нет. Не стал бы.

— Вот. Я права. Ты бы вообще не занимался сексом — прямо как твой драгоценный Сирс.— Она поправила простыню и одеяла на своей половине кровати и встала.— Я первая в душ.— Каждое утро Стелла подолгу там плескалась. Она надела серый с белым халат.— Я скажу тебе, что следует сделать. Прямо сейчас позвони Сирсу и опиши ему свой жуткий сон. Вам надо, по крайней мере, переговорить об этом — для начала. Насколько я знаю тебя

и Сирса, вы можете неделями сидеть рядом и ничего не рассказывать друг другу о себе. Это отвратительно. О чем вы вообще говорите, скажи мне, пожалуйста?

— О чем говорим? — Ее вопрос застал Рикки врасплох. — Мы говорим о законах.

— Ах, о законах, — хмыкнула Стелла и решительно направилась к ванной.

Когда спустя почти полчаса она вернулась, Готорн сидел на кровати со смущенным видом. Мешки под глазами были больше обычного.

— Газету еще не принесли, — пробурчал он. — Я спустился посмотреть.

— Ну, разумеется, не принесли, — сказала Стелла, бросив полотенце и коробку салфеток на кровать и повернувшись, чтобы уйти в гардеробную. — Как ты думаешь, сколько сейчас времени?

— Времени? Да, кстати, который час? Мои часы — на столе.

— Всего лишь начало восьмого.

— Восьмого?

Раньше восьми они, как правило, не вставали, и до ухода на работу в офис на Уит Роу в девять тридцать Рикки обычно бездельничал. И хотя ни он, ни Сирс не признавались в этом — работы у них стало намного меньше. Время от времени заглядывали старые клиенты, велись несколько сложных тяжб, которые, похоже, затягивались до следующей декады, всегда в активе были пара завещаний или проблем с налогами — тем не менее два дня в неделю они могли спокойно сидеть дома, и никто бы этого не заметил. Как-то раз, читая на своей половине офиса второй роман Дональда Вандерлея, Рикки попытался убедить себя в том, что хотел бы видеть автора в Милбурне.

— Зачем же мы так рано встали?

— Позволь тебе напомнить: нас разбудил твой крик, — откликнулась Стелла из гардеробной. — У тебя были какие-то проблемы с монстром, который хотел тебя съесть, вспомнил?

— Угу. Я думал, еще темно.

— Не хитри! — крикнула Стелла. Через пару минут она стояла рядом, полностью одетая. — Если во сне ты начинаешь кричать, то самое время начать воспринимать всерьез все происходящее с тобой. Я знаю, ты не пойдешь к врачу...

— Я не пойду даже к главному врачу, — перебил ее Рикки. — Мой рассудок в рабочем состоянии.

— Я и говорю. Однако, по крайней мере, тебе надо потолковать об этом с Сирсом. Мне не нравится смотреть, как ты изводишь себя. — С этими словами она вышла и стала спускаться вниз.

Рикки, озадаченный, снова лег. Как он признался Стелле, это был самый жуткий из его ночных кошмаров. Даже просто вспоминать о нем было тревожно, даже просто отпускать жену из спальни... Сон запечатлелся в памяти необычайно ярко, с подробностями и красками реальности. Он вспомнил лица своих друзей, несчастные покинутые трупы, безжизненные оболочки. Это казалось диким, даже в какой-то мере безнравственным, и шок от этого ощущения ужаснул его больше, чем тот страх, что вызвал утром его крик. Возможно, Стелла была права. Не зная еще, как он объяснит причину звонка Сирсу, Готорн все же снял трубку телефона, стоявшего у кровати. С первым ответным гудком Рикки понял, что действует весьма для себя не характерно и что не имеет ни малейшего понятия, почему Стелле пришло в голову, что Сирс скажет ему что-то стоящее.

Но когда передумывать было уже поздно, Сирс поднял трубку.

— Сирс? Это Рикки.

Несомненно, сегодня было утро демонстрации собственной непоследовательности: кто еще, кроме Сирса, мог ответить по телефону?

— Рикки, слава богу! Я как раз собирался звонить тебе. Ты не мог бы заехать за мной через пять минут?

— Через пятнадцать,— сказал Рикки.— Что стряслось? — И затем, вспомнив свой сон, добавил: — Кто-то умер?

— Почему ты спрашиваешь? — резко спросил Сирс.

— Так просто. Расскажу позже. Я так понимаю, мы не поедем на Уит Роу?

— Нет. Мне только что позвонил Наш Вергилий. Требуется, чтоб мы приехали к нему,— он желает засудить всех и вся. Как, осилим?

— Эльмер хотел, чтобы мы оба приехали к нему на ферму? Что все же случилось?

В голосе Сирса мелькнуло нетерпение:

— Что-то из ряда вон. Жми, Рикки.

5

В то время как Рикки второпях принимал обжигающий душ, Льюис Бенедикт бежал трусцой по тропинке через свой лес. Каждое утро, перед тем, как приготовить завтрак себе и очередной подружке, с которой провел ночь в своем доме, он делал пробежку в две мили. Впрочем, сегодня, как всегда после вечера заседания Клуба (и намного чаще, чем представляли себе его друзья), никакой девушки в его доме не было, а Льюису бежалось тяжелее, чем обычно. В эту ночь ему приснился кошмар, самый страшный в его жизни. Впечатления еще жили в нем, и Бенедикт думал, что хорошая пробежка выветрит их: в то время как кто-либо другой на его месте схватился бы за дневник, или пожаловался жене, или опрокинул стаканчик, Льюис предпочитал тренироваться. И сейчас в голубом спортивном костюме и тапочках «Адидас» он пыхтел по лесной тропинке.

В собственность Льюиса входили лес и пастбище с каменной фермой, которые он приобрел сразу же, как только увидел их. Ферма напоминала крепость с бойницами: громоздкое здание, построенное в начале века богатым человеком, которому нравились виды замков с иллюстра-

ций к романам сэра Уолтера Скотта, любимого писателя его жены. Льюис не слышал об Уолтере Скотте, и ему было наплевать на него, но с годами, проведенными в отеле, у Бенедикта возникла потребность окружить себя множеством комнат. В маленьком коттедже у него развилась бы клаустрофобия. Он решил продать свой «отель» по цепочке, и это завершилось бы в конце концов получением неплохого куша (после уплаты налогов). Он планировал приобрести дом в Милбурне или его окрестностях и обставить его по своему вкусу. Отделка жилища, а также пушки и копья не всегда приходились по душе его гостям женского пола (Стелла Готорн, которая провела три рискованных дня на ферме Льюиса сразу после его возвращения, заявила, что ей прежде не приходилось бывать в офицерской столовой). Он побыстрее продал пастбищную землю, но оставил себе лес, потому что ему нравилось чувство обладания им.

Во время своих лесных пробежек он всегда подмечал что-то, что обостряло его жизненные ощущения: то спрятавшиеся в низинке у ручья подснежники, в другой раз — большого, величиной с кошку, краснокрылого дрозда, черным глазом уставившегося на него с кленовой ветки. Однако сегодня он не смотрел по сторонам — просто бежал по заснеженной тропке и мечтал о том, чтобы поскорее закончилось то необъяснимое, что творилось в последние дни. Возможно, молодому Вандерлею удастся поставить все на свои места: судя по его книге, ему самому пришлось несколько раз побывать в подобных ситуациях. Возможно, Джон прав, и племянник Эдварда сможет выяснить, что происходит с ними. Это не может быть возмездием — столько лет минуло после той истории с Евой Галли, что, казалось, участниками ее были пятеро совсем других людей из совсем другой страны. Да и если взглянуть на землю и сравнить ее с той, что была в двадцатые годы, никогда не подумаешь, что это то самое место, — вон даже лес подрос с тех пор.

На бегу Льюис любил поразмышлять о древних лесах, что когда-то покрывали почти всю территорию Северной Америки: необъятный пояс деревьев и растительности, девственный и тихий, в котором жили только он да индейцы. И немножко духов. Конечно, под бесконечными лесными сводами нельзя не верить в духов. Индейская мифология полна ими — они очень гармонируют с ландшафтом. Увы, мир супермаркетов «Кингбургер» и «Пигли-Вигли» и гольф-клубов вроде «Питч-н-Патт», должно быть, вытеснил их.

«Еще не вытеснил, Льюис. Пока еще нет».

Словно чужой голос заговорил в нем самом.

«Черта с два не вытеснил, — возразил он самому себе. — Не отсюда. Пока еще. Черт».

Он сам себя пугал. Он был все еще под впечатлением от проклятого сна. Наверное, им пора собраться и поговорить о своих ночных кошмарах — рассказать их друг другу. Предположим, им снится один и тот же сон. О чем это говорит? Дальше этого рассуждения Льюиса не шли. Ну, что-нибудь это да значит: по крайней мере, это надо обсудить, глядишь — поможет. Он вспомнил, с каким испугом проснулся нынче утром.

Под ногой шлепнула слякоть, и перед глазами вновь возник финал сна: двое мужчин снимают капюшоны, чтобы показать безжизненные лица...

«Пока еще не вытеснил. Черт побери».

Льюис остановился — почти на полпути — и вытер лоб рукавом спортивной куртки. Ему очень захотелось, чтобы это был уже конец пробежки, чтобы он оказался сейчас на своей кухне, чтобы пахло свежим кофе и жареным беконом. На мгновение он облокотился на забор в конце тропинки — там, где она заворачивала обратно в чащу, — и взглянул на поле, что он уже продал. Сейчас это бутристое пространство слегка припорошило снегом. Все это тоже являлось когда-то лесом. Обычным лесом, в котором живут темные силы.

«О, дьявол... Ну что ж, если и так, то их пока не видать».

Воздух был тяжел и пуст, и равнина впереди просматривалась до того места, где проходило 17-е шоссе, по которому тяжелые грузовики шли в Бингэмптон и Эльмиру или куда-то в направлении Нейбурга или Поукипси. На какое-то мгновение ему вдруг стало не по себе — что-то было в лесу за его спиной. Льюис повернулся, но увидел лишь пустую тропинку, ныряющую в чащу, услышал лишь недовольное цоканье белки — она словно жаловалась на грядущую голодную зиму.

«У нас у всех голодные зимы, приятель».

Он думал о тех годах, что минули после смерти Линды. Ничто так не отпугивает гостей, как публичное самоубийство... Где же миссис Бенедикт? Ах да, это она истекает кровью на внутреннем дворике, ах, как странно у нее вывернута шея... Они исчезли один за другим, оставив его с растущим двухмиллионным долгом и без всякого дохода. Ему пришлось распустить три четверти штата, а оставшимся платить из собственного кармана. Три года пролетели, прежде чем дела наладились, и шесть — пока он не развязался с долгами.

Ему вдруг остро захотелось не кофе и бекона, а бутылочку пива «О'Кифи». А лучше — целый галлон. В горле пересохло, и грудь болела. «Да, приятель, у всех у нас зимы голодные». Галлон «О'Кифи»? Да он сейчас выпил бы бочку. Воспоминания о нелепой, непостижимой гибели Линды всегда вызывали у него желание напиться в усмерть.

Пора было возвращаться. Взволнованный воспоминаниями — все эти девять лет лицо Линды с необычайной реальностью каждой черты частенько возникало перед ним, словно требуя ответа, — он отвернулся от забора и глубоко вздохнул. Вылечит не галлон пива, а хорошая пробежка. Лесная тропинка длиной в полторы мили, казалось, стала уже и темнее.

«Твоя беда, Льюис, в том, что ты желтый».

Наверняка это сон окунул его в мир воспоминаний. Сирс и Джон в этих мрачных саванах, с такими безжиз-

ненными лицами... А как же Рикки? Если там были двое живущих ныне членов Клуба Фантазеров, то почему не оказалось Готорна?

Льюис начал потеть еще до того, как побежал обратно.

Прежде чем повернуть прямо к дому, тропинка забирала далеко налево: раньше этот крюк был для Льюиса любимым участком утренней пробежки. Уже через пятнадцать шагов своды леса смыкались, пряча за спиной открытое поле. И именно на этом участке пути лес напоминал собой тот, древний: огромные густые дубы и девически светлые березки боролись за корневое пространство, высокие папоротники подступали к самой тропинке. Сегодня же все это совсем мало радовало Бенедикта. Все эти деревья, их обилие и густота таили в себе неясную угрозу: чем дальше уходя от дома, тем в меньшей безопасности он себя чувствовал. И сейчас Льюис с трудом преодолевал последний отрезок пути к дому сквозь витавшую в воздухе снежную пыль.

Когда новое ощущение ударило его в первый раз, он проигнорировал его, поклявшись самому себе держать себя в руках: хватит на сегодня волнений. А показалось ему, что кто-то стоит за спиной, в самом начале его тропинки — там, где она ныряла в лес. Он знал, что никого там быть не может: никто не мог пройти незамеченным через поле. Однако странное ощущение не проходило, и от него было никак не избавиться. Чьи-то, следящие за ним глаза, казалось, не отставали, проникая вместе с ним все глубже в чащу. Прямо над головой у него с ветвей дуба сорвалась стая ворон. В любой другой день это позабавило бы Льюиса, но сейчас гвалт вороньей стаи так напугал его, что он подпрыгнул и едва не унал.

Затем ощущение изменилось и усилилось. Некто за спиной теперь двигался за ним, сверля взглядом огромных глаз. Презирая самого себя, Льюис в панике бросился к дому, не осмеливаясь оглянуться. Он чувствовал на себе

этот взгляд до самого момента, как выбежал из леса на дорожку, ведущую к саду на заднем дворе и дверям кухни.

Он пронесся по дорожке, жадно хватая воздух, дернул ручку двери и вскочил в дом. Захлопнув за собой дверь, подбежал к окну. Тропинка была пуста — лишь отпечатки его ног. Все еще испуганный, Льюис вгляделся в опушку леса. Промелькнула предательская мыслишка: а может, продать здесь все и переехать в город? Между тем чужих следов не виделось. Да и никого здесь быть не могло: никто не прятался под деревьями на опушке леса, и не стоило бояться выходить из дома — из того дома, который так нужен был ему, который служил ему убежищем в его комфортабельной изоляции от неуютного столпотворения города. И этого решения, принятого в день первого снега, он будет придерживаться и дальше.

Льюис поставил на плиту чайник, достал с полки банку кофе, наполнил кофемолку зернами «Блю Маунтин» и включил ее. «О, дьявол!» Он вынул из холодильника бутылку «О'Кифи» и, открыв ее, влил в себя почти все, не глотая и не ощущая вкуса. Когда пиво охладило желудок, двугранная мысль удивила его: «Как бы я хотел, чтобы Эдвард был жив; как бы я хотел, чтобы Джон тогда так упорно не настаивал на проклятом званом ужине».

6

— Ну, рассказывай,— поднял брови Рикки.— Что, опять нарушают владения? Мы ведь объясняли ему нашу позицию по этому вопросу. Он должен знать, что, даже если он и выиграет тяжбу, судебные издержки не покроют его убытков.

Они подъезжали к подножьям холмов Кайута Вэлли, и Рикки вел старый «бьюик» с большой осторожностью. На дорогах было скользко, и хотя он обычно перед восьмимильной поездкой на ферму Эльмера Скейлса ставил зимнюю резину, сегодня, по милости Сирса, на это не хва-

тило времени. Сам же Сирс, большой и неуклюжий в черной шляпе и черном зимнем пальто с меховым воротником, похоже, тоже осознавал это.

— Повнимательнее за рулем,— проворчал он.— На подъездах к Дамаскусу может быть гололед.

— Мы едем не в Дамаскус,— подметил Рикки.

— В любом случае.

— Почему ты не взял свою машину?

— Мне сегодня утром ставят зимнюю резину.

Рикки удивленно хмыкнул. Сирс сегодня явно пребывал в своем непримиримом расположении духа — как и обычно в тех случаях, когда предстоял разговор с Эльмером Скейлсом. Это был один из самых трудных их клиентов. (Эльмер пришел к ним впервые пятнадцатилетним парнишкой с длиннющим списком людей, которых он хотел засудить. Им никогда не удавалось отделаться от этого типа, а он все так же был верен своей привычке немедленно разрешать конфликты только в судебном порядке.) Тощего, всегда возбужденного, с торчащими ушами и тонким голосом Скейлса называли «Нашим Вергилием» за его стихи, которые он регулярно отсылал в редакции католических журналов и местных газет. Рикки знал, что редакции журналов так же регулярно отсылали их обратно — Эльмер однажды показал ему подшивку со штампами отказа,— однако местные газеты таки напечатали два-три его стихотворения. Они были очень вдохновляющими, их образы черпались из сельской жизни Эльмера — коровы мычат, овцы блеют, поступь Божьей славы слышна в раскатах грома. Таким был Эльмер Скейлс. У него имелись четверо детей и неуываемая страсть к судебным процессам.

Один-два раза в год кого-нибудь из них вызывали к Скейлсу на ферму, и Эльмер демонстрировал дыру в заборе в том месте, где какой-нибудь охотник либо подросток переходили его поле. Хозяин частенько идентифицировал нарушителей с помощью бинокля и требовал возбужде-

ния иска. Обычно удавалось отговорить его, однако он всегда имел про запас две-три тяжбы другого характера. Но на этот раз, подозревал Рикки, дело было намного серьезнее, чем обычно: прежде он никогда не просил (точнее, не приказывал) приехать их обоих.

— Насколько тебе известно, Сирс,— сказал Рикки,— я могу вести машину и думать одновременно. И еду я очень осторожно — тридцать миль в час. Думаю, ты можешь спокойно рассказывать мне, что там у Эльмера стряслось.

— Умерли несколько его животных,— едва приоткрыв рот, процедил Сирс, намекая на то, что из-за его рассказа они в любую минуту могут оказаться в кювете.

— Тогда зачем мы едем? Мы их ему не вернем.

— Он хочет, чтоб мы взглянули на них. Он также вызвал Уолтера Хардести.

— Значит, они не просто умерли?

— С этим Эльмером — разве что поймешь? А теперь, пожалуйста, Рикки, сосредоточься на том, чтобы благополучно добраться до места. Нам и так хватает неприятностей...

Рикки взглянул на компаньона и впервые за сегодняшнее утро заметил, как бледно его лицо. Под гладкой кожей кое-где проглядывали голубые жилки, под молодыми глазами лежали серые складки кожи.

— Смотри на дорогу,— велел Сирс.

— Ты выглядишь ужасно.

— Я не думаю, что Эльмер это заметит.

Рикки перевел взгляд на узкую дорогу, и это дало ему право говорить.

— Опять плохой сон?

— Похоже, начинает таять,— произнес Сирс.

Поскольку это была явная ложь, Рикки ее проигнорировал.

— Ответь мне.

— Наблюдательный Рикки. Да.

— У меня тоже. Стелла считает, что мы должны обсудить это.

— Почему? Ей тоже снятся кошмары?

— Она думает, что обсуждение как-то нам поможет.

— Типично женская логика. Разговоры только расстраивают раны. Молчание же лечит их.

— В таком случае приглашение Дональда Вандерлея было ошибкой.

Сирс возмущенно хмыкнул.

— Извини... Это было несправедливо с моей стороны,— сказал Рикки.— Однако я считаю, что нам надо обсудить это, по той же причине, по какой ты решил, что нам следует вызвать сюда этого юношу.

— Он не юноша, ему лет тридцать пять. А может, сорок.

— Ты меня понял.— Рикки глубоко вздохнул.— Теперь я заранее прошу у тебя прощения, поскольку собираюсь рассказать свой сегодняшний сон. Стелла сказала, что я проснулся с криком. В любом случае, этот кошмар был самым жутким.

По тому, как переменялся в машине эмоциональный климат, Рикки понял, что Сирс мгновенно заинтересовался.

— Я находился в пустом доме, на верхнем этаже, и какое-то таинственное чудовище пыталось меня найти. Я пропущу развитие событий, но вот чувство опасности было непреодолимым. Под конец сна оно пробралось в комнату, где лежал я, но оказалось, что это уже не чудовище. Это были ты, Льюис и Джон. И все мертвые.— Боковым зрением он видел щеку Сирса, изгиб поля шляпы.

— Значит, ты видел нас троих.

Рикки кивнул.

Сирс прокашлялся, а затем опустил окно на четверть. Морозный воздух ворвался в машину, поток воздуха пригладил мех воротника его пальто. Сирс глубоко вздохнул.

— Поразительно. Ты сказал, нас было трое?

— Да. А что?

— Поразительно. Потому как я видел в точности такой же сон. Но когда это чудище ворвалось в мою комнату, я увидел только двоих. Льюиса и Джона. Тебя там не было.

Рикки понадобилось какое-то мгновение, чтобы распознать оттенки интонации в голосе друга, и, когда это ему удалось, его удивление было настолько сильным, что весь остаток пути до фермы Скейлса он просидел молча: в словах Сирса чувствовалась зависть.

«Наш Вергилий», — произнес Сирс, обращаясь к самому себе. Когда они медленно подъезжали к одинокому двухэтажному зданию фермы, Рикки увидел поджидавшего их на крыльце, явно взволнованного Скейлса в шапке и клетчатом пиджаке и подметил, что ферма напоминает ему здание с картины Эндрю Уайета. Сам же Скейлс напоминал персонаж с портрета Уайета или, скорее, Нормана Рокуэлла. Из-под ушанки торчали красные уши. Серый «додж-седан» стоял на свободном месте позади крыльца, и когда Рикки припарковался рядом с ним, он заметил на двери эмблему шерифа. «Уолт уже тут», — сообщил он, и Сирс кивнул.

Они вышли из машины, поплотнее запахивая воротники пальто. Скейлс, по бокам которого уже стояли двое дрожащих детей, не двинулся с крыльца. На лице его держалось выражение, неизменно присущее ему при самых драматичных судебных процессах. Тонкий голос фермера воззвал к прибывшим:

— Долго же вы, адвокаты, ехали! Уолт уже десять минут как здесь.

— Ему ближе добираться, — проворчал Сирс. Поля его шляпы загибались под порывами ветра, беспрепятственно летящего над полями.

— Сирс Джеймс, едва ли есть на свете человек, за которым при разговоре с вами будет последнее слово. Ну-ка,

дети! Быстро домой, пока кишки не отморозили.— Он шлепнул одновременно обоих, и мальчишки шмыгнули в дверь. Мрачно ухмыляясь, Скейлс возвышался над пожилыми адвокатами.

— В чем дело, Эльмер? — спросил Рикки, плотно удерживая пальто у шеи. Его ноги в тщательно начищенных черных туфлях уже замерзли.

— Вам надо это видеть. Вы, городские ребята, неподходяще оделись для прогулки через поле. Что ж, считайте, вам не повезло. Погодите секунду, я позову Хардести.— Он ненадолго скрылся в доме и появился уже с шерифом, Уолтом Хардести, одетым в отороченное овчиной джинсовое пальто и ковбойскую шляпу. Предупрежденный замечанием Скейлса, Рикки взглянул на ноги шерифа — грубые кожаные туристские ботинки.

— Мистер Джеймс, мистер Готорн, — кивнул им шериф. Парок изо рта у него летел сквозь усы, более густые и длинные, чем у Рикки. В этом ковбойском наряде Хардести выглядел лет на пятнадцать моложе.— Теперь, когда вы приехали, Эльмер может показать нам, что тут у него за тайна.

— И еще как покажу, черт меня дер! — заголосил фермер, протопал по крыльцу и повел их от дома, направляясь по тропинке к занесенному снегом овину.— Вот идите за мной и увидите, что я вам покажу.

Хардести двинулся рядом с Рикки. Сирс — отдельно, с большим достоинством, следом за ними.

— Холод собачий, — буркнул шериф.— Похоже, будет чертовски длинная зима.

— Надеюсь, нет, — отозвался Рикки.— Я слишком стар для такой погоды.

Преувеличенно жестикулируя и с торжествующим выражением на худом лице, Эльмер Скейлс отворил грубую калитку в заборе, который вел к дальнему пастбищу.

— А теперь повнимательнее, Уолт, — обернулся он.— Посмотрим, удастся ли тебе обнаружить какие-нибудь следы. — Он показал рукой на неровную цепочку сле-

дов.— Эти — мои, утром я прошел туда и вернулся.— Расстояние между отпечатками в обратном направлении было намного шире, как будто Скейлс бежал.— Где твой блокнот? Ты что, не собираешься записывать?

— Угомонись, Эльмер,— отмахнулся шериф.— Я сначала должен узнать, в чем проблема.

— Ты довольно ловко строчил в своем блокноте, когда мой старший врезался на машине.

— Да ладно, Эльмер. Показывай, что хотел.

— А вы, городские ребята, загубите свои туфли,— покачал головой фермер.— Ничем тут не поможешь. Идите за мной.

Хардести послушно зашагал рядом с Эльмером. Рикки оглянулся на Сирса, который в этот момент приближался к воротам, с отвращением оглядывая заснеженное поле.

— Мог бы и предупредить, что понадобятся снегоступы.

— Да он забавляется,— предположил Рикки.

— Вот он позабавится, когда я подхвачу пневмонию и вчиню ему иск,— пробормотал Сирс.— Что ж, поскольку выбора у нас нет — идем.

Сирс храбро ступил шикарным ботинком на поле, и тот сразу же погрузился в снег по самые шнурки.

— Уф! — Он поднял ногу и потряс ею. Остальные перешли уже почти половину поля.— Дальше не пойду,— заявил Сирс, засовывая руки в карманы дорогого пальто.— Черт возьми, он мог бы сам приехать в офис.

— Ну, тогда хоть я схожу туда,— сказал Рикки и отправился вслед за остальными.

Уолт Хардести обернулся взглянуть на них, пригладил усы — пограничник, заброшенный на заснеженное поле в штате Нью-Йорк. Он, похоже, улыбался. Эльмер Скейлс брел в одиночестве. Рикки старался идти след в след. За спиной он услышал, как Сирс сделал выдох, способный наполнить воздушный шар, и двинулся за всеми.

Единой группой, возглавляемой неумно болтающим и жестикулирующим Эльмером, они перешли поле.

С необъяснимым выражением ликования на лице Эльмер остановился на пригорке. Рядом с ним, наполовину занесенные снегом, лежали словно кипы грязного белья. Хардести подошел к одной из них, опустился на корточки и ткнул ее; затем, крикнув от напряжения, потянул на себя, и Рикки увидел четыре аккуратные овечьи ноги.

Его туфли протекали, и ноги были мокрые; Рикки подошел поближе. Сирс, балансируя руками, все еще продвигался к ним, поля его шляпы загибало ветром.

— А я не знал, что ты еще держишь овец, — раздался голос Хардести.

— Нет, уже нет! — завопил Скейлс. — У меня было всего четыре, вот эти, а теперь и их не стало! Кто-то прикончил их. Я держал их на черный день. У моего папы было несколько сотен, а теперь на этих тупых тварях ни черта не заработаешь. Дети их любили, вот и весь прок.

Рикки взглянул на мертвых животных: они все лежали на боку, глаза открыты, снег в спутанной шерсти. Он спросил невинно:

— Отчего они пали?

— Да! Вот именно! — Эльмер сам себя заводил до истерики. — Отчего! Ведь вы же представляете здесь закон, так объясните мне!

Хардести, стоя на коленях у грязно-серой овечьей туши, которую он перевернул, неприязненно посмотрел на Скейлса:

— То есть ты даже не знаешь, своей ли смертью умерли твои животные, Эльмер?

— Я знаю! Знаю! — Скейлс картинно поднял руки: настоящая летучая мышь в полете.

— Откуда ты знаешь?

— Да потому что ничто не может убить чертову овцу, вот что я знаю! А от чего могут умереть четыре сразу? От инфарктов? О господи!

Сирс уже подошел к ним, его фигура казалась огромной по сравнению с сидящим Хардести.

— Четыре мертвые овцы,— констатировал он, глядя вниз.— Полагаю, ты хочешь подать иск.

— Что? Найти лунатика, сделавшего это, и притащить его в суд?

— А кого тогда?

— Не знаю. Но...

— Что — но? — Хардести взглянул на него снизу и поднялся с колен.

— Я скажу, когда вернемся в дом. А пока, шериф, осмотри их всех хорошенько и запиши подробно, что он с ними сделал.

— Он?

— Дома расскажу.

Нахмурившись, Хардести ощупывал тушу.

— Эльмер, здесь нужен не я, а ветеринар.— Его руки добрались до шеи животного.— Ого!

— Что? — Скейлс чуть не подпрыгивал от нетерпения.

Вместо ответа Хардести по-крабьи переполз на четвереньках к другой овце и глубоко запустил пальцы в шерсть на ее шее.

— Вы должны увидеть это сами,— сказал он и, ухватив овцу за нос, запрокинул ей голову назад.

— Господи! — выдохнул Скейлс.

Оба адвоката молчали. Рикки смотрел вниз на открытую рану: широкий, длинный разрез на шее животного.

— Аккуратная работа,— прокомментировал Хардести.— Очень аккуратная. Ладно, Эльмер, убедил. Пошли в дом.— Он вытер пальцы о снег.

— Господи,— повторил Эльмер.— Перерезаны глотки? У всех?

Хардести задрал головы у двух оставшихся овец.

— У всех.

Голоса прошлого вдруг явственно прозвучали в голове у Рикки. Они с Сирсом взглянули друг на друга и сразу же отвели взгляды.

— Я душу из него выну, засужу к черту — кто бы это ни был! — визжал Скейлс. — Черт! Я знал: здесь что-то не так! Я знал! Проклятье!

Хардести оглядел пустое поле.

— Ты уверен, что ходил сюда только один раз и вернулся прямо домой?

— Угу.

— А почему ты решил, что что-то не так?

— Потому что утром я видел их из окна. Я по утрам умываюсь возле окна и первое, что я вижу, — этих глупых животных. Видишь? — протянул он руку в направлении дома. Блестящее на солнце оконное стекло кухни было напротив. — Здесь под снегом трава. Они тут целыми днями шляются, набивают брюхо. А когда совсем снегом заваливает, я загоняю их в овин. А сегодня глянул в окно — они все тут, лежат. Ну, чую, что-то случилось, оделся и пошел сюда. Потом позвонил тебе и адвокатам. Я подаю в суд, я хочу, чтоб ты арестовал того, кто это сделал!

— Кроме твоих, других следов здесь нет, — сказал Хардести, поглаживая усы.

— Да знаю, — ответил Скейлс. — Он их замел.

— Возможно. Однако это был первый снег.

«Господи, она пошевелилась. Не может быть, она же мертва...»

— И еще кое-что, — прервал Рикки звучавший в нем голос, нарушив подозрительное молчание, что воцарилось между двумя мужчинами. — Крови не видно.

Какое-то мгновение все четверо смотрели на мертвую овцу, лежащую на нетронutom снегу. Это была сушая правда.

— Может, уже пора покинуть эту степь? — произнес Сирс.

Эльмер все еще глядел вниз, на снег. Сирс двинулся к дому, и вскоре остальные последовали за ним.

— Ну-ка, дети, выметайтесь с кухни. Быстро наверх! — заорал Скейлс, когда они вошли в дом и сняли пальто. — Нам надо поговорить по душам. Кыш, мерзавцы! — замахал он руками на детишек, столпившихся в гостиной и глазевших на пистолет Хардести. — Сара! Мишель! Быстро наверх!

Фермер пригласил их на кухню; когда они вошли туда, женщина, еще хуже Эльмера, быстро поднялась со стула.

— Мистер Джеймс, мистер Готорн, — поприветствовала она адвокатов. — Не желаете ли кофе?

— Будьте добры, салфетки, миссис Скейлс, — попросил Сирс. — А потом — кофе.

— Салфетки?..

— Вытереть ботинки. Мистеру Готорну несомненно необходима та же услуга.

Женщина с отвращением взглянула вниз, на его туфли.

— О небеса. Вот... Разрешите, я вам помогу. — Она вытащила рулон бумажных полотенец из буфета, оторвала от него большую полосу и уж было собралась опуститься на колени у ног Сирса.

— В этом нет необходимости. — Сирс забрал скомканную бумагу из ее рук. И только Рикки знал, насколько был взволнован Сирс, а не просто груб.

— Мистер Готорн?.. — Слегка оглушенная холодностью Сирса, женщина повернулась к Рикки.

— Да, благодарю вас, миссис Скейлс. Вы очень добры. — Он тоже взял немного бумаги.

— Им перерезали глотки, — сообщил Скейлс жене. — Что я тебе говорил? Там точно был какой-то псих И, — его голос повисился, — этот псих умеет летать, потому что он не оставляет следов.

— Расскажи им, — ответила жена.

Эльмер резко взглянул на супругу, и она отвернулась, засуетилась, готовя кофе.

— Что — расскажи? — спросил Хардести. Сняв костюм Уайета Эрпа*, шериф опять выглядел на свои пятьдесят. Он определенно прикладывался к бутылке чаще, чем прежде, подумал Рикки, видя красные прожилки, испещрявшие лицо Хардести, и отмечая его возросшую нерешительность. Более того, несмотря на свой бравый вид техасского рейнджера, ястребиный нос, острые скулы и пронзительно голубые глаза, Уолт Хардести был слишком ленив для хорошего шерифа. Это было так характерно для него: он не осматривал вторую пару мертвых овец, пока его не пришлось об этом попросить. И Эльмер Скейлс был прав: шерифу следовало вести протокол.

Теперь Эльмер весь светился от самодовольства — он приготовился нанести последний сокрушительный удар. Жилы на его шее напряглись, оттопыренные уши сделались пунцовыми:

— Черт меня побери, я видел *его*, понятно? — С комично раскрытым ртом он обвел всех изучающим взглядом.

— Его, — иронически отозвалась за его спиной жена.

— Черт возьми, женщина! — Скейлс грохнул кулаком по столу. — Давай неси кофе и не встречай! — Он повернулся к мужчинам. — С меня ростом! Даже выше! Пялился на меня! Страшнее дряни вы в жизни не видели! — Довольный собой, фермер вытянул руки вперед. — Вот так близко, совсем рядом со мной! Каково, а?!

— Вы узнали его? — спросил Хардести.

— Не разглядел. Я вам расскажу, как все было. — Не владея собой, он кружил по кухне, и Рикки припомнил свое давнишнее мнение о Скейлсе: «Наш Вергилий» писал стихи, потому как в силу импульсивности своей натуры никак не мог поверить, что он на это не способен. — Вчера вечером, поздно. Я стоял тут. Не спалось, как всегда.

— Как всегда, — эхом отозвалась его жена.

* Уайет Эрп (1848–1929) — шериф, легендарная фигура в истории американского фронта XIX в.

Сверху донеслись визги и грохот.

— Да брось ты этот кофе, сходи наверх, приструни их! — скомандовал Скейлс.

Он дождался, пока жена вышла из кухни. Вскоре ее голос присоединился к какофонии наверху; затем шум прекратился.

— Ну так вот, я сидел здесь, листал каталоги по оборудованию и семенам. И тут! Слышу — что-то там, во дворе, у овина. Воры! Черт! Подскакиваю к окну, смотрю. Вижу — валит снег. Ого, работенка назавтра, говорю себе. Потом увидел *его*. У овина. Вернее, между овином и домом.

— Как он выглядел? — спросил Хардести, так ничего и не записывая.

— Не знаю! Темно было! — Его голос взмыл с альта на сопрано. — Просто вижу: стоит там и смотрит.

— Вы его видели в такой темноте? — монотонным голосом спросил Сирс. — Двор не был освещен?

— Мистер адвокат, вы, наверно, шутите — с такими-то тарифами за электроэнергию? Нет. Но я видел его и знал, что он большой.

— Откуда ты это знал, Эльмер? — спросил Хардести.

Миссис Скейлс между тем спускалась по лестнице, не покрытой дорожкой: топ, топ, топ — стучали грубые туфли по ступеням. Рикки чихнул. Наверху кто-то из детей принялся свистеть и резко прекратил, как только стихли шаги на лестнице.

— Потому что я видел его глаза! Вот! Он пялился на меня! Шесть футов над землей.

— Вы видели только его глаза? — скептически спросил Хардести. — И что же, черт возьми, глаза этого типа там делали, Эльмер? Сияли в темноте?

— Именно, — ответил Эльмер.

Резко повернув голову, Рикки взглянул на Эльмера, смотревшего на него с явным удовлетворением, и затем — непроизвольно — через стол на Сирса. Услышав

последний вопрос Хардести, Готорн весь напрягся и застыл, стараясь, чтобы ничего не отразилось на его лице,— и на лице у компаньона он прочитал такие же усилия. Значит, и Сирс. Для него тоже это был не просто вопрос.

— Теперь, я полагаю, Уолт, вы его поймаете, а вы, мои адвокаты, возьмете его за задницу и засудите на всю катушку,— подвел итог Скейлс.— Прошу прощения, милая, за мой язык.

Его жена в этот момент входила в маленькую кухню: она кивнула в знак прощения и подтверждения перед гостями высокой нравственности и добродетельности своего супруга, погладила его по щеке и направилась к плите со вскипающим кофе.

— А вы что-нибудь видели прошлой ночью, миссис Скейлс? — спросил ее Хардести.

— Все, что я видела,— это страшно перепуганный муж. Это, пожалуй, единственное, что я могу добавить.

Эльмер звучно прокашлялся; двигавшийся по горлу кадык резко выпирал.

— Такие дела...

— Что ж,— произнес Сирс,— думаю, мы узнали все, что требовалось. Теперь, если позволите, мы с мистером Готорном должны возвратиться в город.

— Может, выпьете сначала кофе, мистер Джеймс? — предложила миссис Скейлс, поставив на стол перед ним пластмассовую чашку с дымящимся кофе.— Если вы собираетесь взять за задницу и засудить на всю катушку эдакого монстра, вам необходимо подкрепиться.

Рикки выдавил улыбку, а Уолт Хардести загоготал.

Уже во дворе Хардести, снова облачившись в защитную оболочку техасского рейнджера, наклонился к открытому на три дюйма окну машины со стороны Сирса и тихо спросил:

— Вы сейчас едете в город? Не могли бы мы встретиться где-нибудь, перекинуться парой слов?

— Это так важно?

— Может, да, может, нет. В любом случае есть разговор.

— Хорошо. Едем к вам в офис.

Хардести потер подбородок рукой в перчатке:

— Мне не хотелось бы, что б мои ребята нас слышали...

Рикки сидел, опустив руки на руль и повернув встревоженное лицо к Хардести, но в голове крутилось лишь одно: «Оно начало действовать, а мы даже понятия не имеем, что это было».

— Ваше предложение, Уолт? — спросил Сирс.

— Какое-нибудь тихое местечко, где нам не помешают... А знаете «Хемфрис Плэйс» на Севен Майл-роуд?

— Пожалуй, да.

— Я частенько пользуюсь их задней комнатой для конфиденциальных встреч. Давайте там и встретимся?

— Если вы настаиваете, — согласился Сирс, не утруждая себя посоветоваться с Рикки.

Они пристроились за машиной Хардести и ехали немного быстрее, чем сюда. Их обоюдное осознание того, что они знают, что именно напугало Эльмера Скейлса, делало разговор невозможным. Когда Сирс наконец заговорил, тема была заведомо нейтральной:

— Хардести — некомпетентный глупец. «Для конфиденциальных встреч». Его конфиденциальные встречи — с бутылкой «Джим Бима».

— Зато теперь мы знаем, чем он занимается днем.

Рикки свернул с шоссе на Севен Майл-роуд. Кабачок — единственное в поле видимости здание, представлявшее собой серую конструкцию из углов и ребер, — оказался в двухстах ярдах впереди справа.

— Несомненно. Накачивается дармовым виски в задней комнате у Хемфри Стэлледжа. Лучше б съездил на обувную фабрику в Эндикотте.

— Как ты думаешь, о чем будет разговор?

— Скоро узнаем. А вот и он.

Хардести уже поджидал их возле своей машины на широкой, сейчас пустовавшей автостоянке. «Хемфрис Плэйс» являло собой заурядную придорожную забегаловку с длинным фасадом, остроконечной крышей и двумя большими, из темного стекла окнами: в одном из них светилося неонов название заведения, в другом вспыхивала и гасла надпись: «Utica Club». Рикки припарковался близ машины шерифа, и оба адвоката вышли на холодный ветер.

— Прощу за мной,— пригласил их Хардести с фальшивым дружелюбием в интонации. С равным чувством неловкости компаньоны переглянулись и спустились за шерифом по бетонным ступеням. Рикки дважды чихнул.

Омар Норрис, один из немногочисленных городских пьяниц, сидел у стойки бара и удивленно глядел на них; пухлый Хемфри Стэлледж двигался между столиками, протирая пепельницы.

— Приветствую, Уолт! — крикнул он, затем кивнул Рикки и Сирсу.

Хардести сразу приосанился, его поведение изменилось: здесь, в баре, он казался выше ростом, более значительным, и его позиция по отношению к двум пожилым мужчинам за спиной словно подразумевала, что они пришли сюда именно по его совету.

Стэлледж повнимательнее всмотрелся в Рикки:

— Мистер Готорн, не так ли? — Потом улыбнулся и сказал: — Ну-ну.

— Задняя комната свободна? — спросил Хардести.

— Для вас — всегда.— Хозяин махнул рукой в сторону двери с надписью «Служебное помещение», прятавшейся позади стойки бара, и проводил взглядом четырех мужчин.

Омар Норрис, все еще недоумевая, наблюдал за ними: Хардести, вышагивавший с видом агента ФБР, затем Рикки, заметный лишь своей удивительной скромностью и опрятностью, и, наконец, Сирс, своим внушительным ви-

дом напоминавший (это сравнение приходило в голову только Рикки) Орсона Уэлса.

— У тебя сегодня достойная компания, Уолт,— сказал им вслед Стэлледж, и Сирс выдал один из своих горловых звуков, означающих крайнее отвращение.

Хардести царственным жестом распахнул перед ними дверь.

Но уже внутри, по пути к комнатке в конце полутемного зала, его плечи снова опустились, мышцы лица расслабились, и он произнес:

— Заказать вам что-нибудь?

Оба отрицательно покачали головами.

— Сам-то я, пожалуй, выпью, а то жарковато...— сказал, скривившись, Хардести и побрел обратно.

Не говоря ни слова, адвокаты прошли через зал и ступили в грязную заднюю комнату. Старый стол, весь в рубцах от тысяч сигарет, стоял в центре, окруженный шестью стульями. Между скрытой от взоров лампой и столом громоздились почти до потолка ящики с бутылками. Вся комната пропахла табаком и выдохшимся пивом; даже при включенном свете передняя половина комнаты была почти погружена в темноту.

— Что мы здесь делаем? — спросил Рикки.

Сирс тяжело опустился на один из стульев, вздохнул, снял шляпу и осторожно положил ее на стол.

— Если ты подразумеваешь, что мы вынесем полезного из этой фантастической экскурсии,— ничего, Рикки, ничего.

— Сирс,— начал Рикки.— Мне кажется, нам следует поговорить о том, что увидел Эльмер.

— Только не при Хардести.

— Согласен. Сейчас.

— Не сейчас. Пожалуйста.

— Ноги никак не могут согреться,— посетовал Рикки, и Сирс подарил ему свою редкую улыбку.

Они услышали, что дверь в конце зала открылась. Вошел Хардести, неся в одной руке полупустую бутылку «Ла

Ботта», а в другой — ковбойскую шляпу. Лицо его слегка порозовело, как от холодного ветра.

— Пиво прекрасно освежает пересохшее горло,— возвестил он. Под камуфляжной пивной «завесой», вылетевшей с его первыми словами, чувствовался крепкий, густой и острый запах виски.— И хорошо охлаждает трубы.— Рикки прикинул, что Хардести умудрился проглотить порцию виски и полбутылки пива за те несколько мгновений, что находился в баре.— Кто-нибудь из вас бывал здесь?

— Нет,— отозвался Сирс.

— Неплохое местечко. Такое уединенное... У Хемфри можно быть уверенным, что никто не помешает приватной беседе и никто наверняка не заметит, как шериф с двумя достойнейшими адвокатами проскользнули в этот кабачок.

— Никто. За исключением Омара Норриса.

— Точно, но он наверняка не запомнит.

Хардести перекинул ногу через стул — будто через огромную собаку, на которой собрался поехать верхом,— опустился на него и швырнул свою шляпу на стол, где она ткнулась в шляпу Сирса. Следом на столе появилась бутылка «Ла Ботта»; пока шериф, приложившись к ней, делал большой глоток, Сирс отодвинул свою шляпу на пару дюймов поближе к себе.

— С вашего позволения, я повторю вопрос, который только что задал мой партнер: что мы здесь делаем?

— Мистер Джеймс, мне надо вам кое-что рассказать.— Глаза шерифа блестели пьяной искренностью.— И тогда вы поймете, зачем надо было уехать подальше от Эльмера. Нам никогда не поймать *того* (или *то*), кто убил его овец.— Он сделал еще один глоток и подавил отрыжку, прикрыв рот тыльной стороной ладони.

— Неужели? — Отвратительные манеры шерифа наконец оторвали Сирса от самосозерцания; он сымитировал удивление и заинтересованность.

— Это не удастся. Никак и нигде. Подобный случай — не первый.

— В самом деле? — заинтересовался Рикки. Он тоже сел, недоумевая, почему ничего не слышал о массовом убийстве скота в окрестностях Милбурна.

— И не так давно. Не здесь, правда, но в других штатах такие случаи были.

— О! — Рикки откинулся на спинку расшатанного стула.

— Если вы помните, несколько лет назад я ездил на Национальный полицейский съезд в Канзасе. Прилетел туда, жил там неделю. Отлично прошвырнулся...

Рикки эту его поездку помнил, потому что по возвращении шериф выступал с докладом в Лайон-клубе, в Киванисе, Ротери, Джейси и Эльксе, в Национальной ассоциации стрелков, Национальной ассоциации лесничих — иначе говоря, в тех организациях, что спонсировали его поездку, и с каждой третьей из них Рикки сотрудничал. Тема доклада звучала: «Современное и грамотное применение силы закона для поддержания правопорядка в небольшом американском землячестве».

— Ну вот, — продолжал Хардести, держа в руке бутылку, словно хот-дог, — как-то вечером, вернувшись в отель, я разговорился с несколькими шерифами. Это были ребята из Канзаса, Миссури и Миннесоты. Ну, вы знаете. Разговор шел о серии странных нераскрытых преступлений. Теперь о главном. По крайней мере, двое-трое из них столкнулись с точно таким же случаем, что и мы сегодня. Стадо животных на поле: раз — и вдруг все неожиданно отбросили копыта. И никакой видимой причины, пока не осмотрели их и не увидели — вы уже догадываетесь, что. Предельно аккуратные раны — прямо хирургические. И никакой крови. Обескровленные — так они это называли. Один из ребят рассказал, что волна подобного падежа скота прокатилась в долине реки Огайо в конце шестидесятых. Лошади, собаки, коровы... Мы первые со

своими овцами. Я все это припомнил, мистер Готорн, когда вы обратили внимание, что крови нет. По идее, из этих овечек кровь должна была фонтаном хлестать. А близ Канзас-Сити то же самое произошло за год до конференции, под Рождество.

— Чепуха,— сказал Сирс.— Я не собираюсь больше слушать эти бредни.

— Извините, мистер Джеймс, это не бредни. Все было на самом деле. Можете прочитать об этом в номере «Канзас-Сити Таймс». Декабрь 1973-го. Умерщвленное стадо, следов нет, крови нет — и все произошло по первому снегу, как и сегодня.— Он взглянул через стол на Рикки, моргнув, отпил пива.

— Арестов не было? — спросил Рикки.

— Никаких. Никого не напали. Словно какая-то беда явилась в город, дала шоу и снова исчезла. Сам я думаю, это что-то вроде дурацкой шутки.

— Что? — взорвался Сирс.— Вампиры? Демоны? Идиотство.

— Нет, я не об этом. Черт, я в курсе, что нет никаких вампиров, как нет и этого дурацкого монстра в Шотландии.— Хардести выпрямился на стуле, закинув руки за голову.— Но ведь никто так ничего и не нашел и не найдет. И искать бесполезно... Надо просто время от времени радовать Эльмера сообщениями о том, что расследование ведется.

— Именно этим вы и собираетесь заниматься? — скептически спросил Рикки.

— Ну, еще можно послать человека, чтоб походил там, спрашивал местных фермеров, видел ли кто что-нибудь необычное в ту ночь. Но не более того.

— И вы привезли нас сюда только затем, чтобы рассказать это? — спросил Сирс.

— Именно.

— Поехали, Рикки! — Сирс оттолкнул назад свой стул и потянулся за шляпой.

— И еще я считаю, что двум достойнейшим нашим адвокатам мне есть что сказать.

— Вы правы, однако я сомневаюсь, что вы будете слушать.

— Немножко поменьше высокомерия, мистер Джеймс. Мы ведь заодно, не так ли?

Опередив неизбежное «пфф!» Сирса, Рикки сказал:

— Каких же слов вы ждете от нас?

— Вы что-то знаете о том, что Эльмер видел ночью, — улыбнулся шериф, коснувшись указательным пальцем лба. — Вас, приятели, аж столбняк пробрал, когда Эльмер начал рассказывать. Значит, вы или слышали о чем-то или знаете что-то такое, о чем не захотели сообщить Эльмеру Скейласу. Надеюсь, вы не откажетесь оказать содействие местному шерифу и поделитесь, а?

Сирс тяжело поднялся со стула.

— Я видел четырех мертвых овец. Я ничего не знаю. Вот и все, Уолтер. — Он схватил со стола шляпу. — Рикки, поехали, займемся чем-нибудь полезным.

— А ведь он прав, а? — проронил Рикки, когда они поворачивали на Уит Роу. Массивное серое здание собора Св. Михаила нависало над ними справа; головы и плечи каменных святых, застывших над входом и по сторонам окон, были укутаны снегом.

— Ты о чем? — Сирс махнул в направлении их офиса: — Чудо из чудес, можно припарковаться прямо напротив дверей.

— О том, что видел Эльмер.

— Ну, если это очевидно для Уолта Хардести — значит, это в самом деле очевидно.

— А ты правда видел что-то?

— Кое-что видел, только не там. Какая-то галлюцинация. Я всего лишь это допускаю — я тогда переутомился и к тому же пребывал под эмоциональным воздействием рассказанной мной истории.

Рикки включил заднюю передачу и аккуратно припарковал машину у высокого деревянного фасада здания.

Сирс кашлянул, взялся за ручку дверцы и замер; Рикки показалось, что его друг уже заранее пожалел о том, что собирался сказать:

— Я так понимаю, Рикки, ты видел что-то похожее на то, что видел Наш Вергилий.

— Да.— Он помедлил.— Нет. Скорее, я это только чувствовал, но понял, что это было.

— Ну...— Он снова кашлянул, и нетерпение Рикки возросло.— А я видел Фэнни Бэйта.

— Мальчика из твоего рассказа? — Рикки был поражен.

— Мальчика, которого я пытался учить. Мальчика, которого я погубил... способствовал его гибели.

Сирс отпустил дверцу, и его рука безвольно упала на сиденье. Теперь наконец-то он решился на разговор. Рикки отважился начать первым.

— Честно говоря, я не совсем уверен, что...— Он запнулся на половине фразы, сознавая, что нарушает одно из правил Клуба.

— ...что моя история достоверна? О, она абсолютно достоверна, Рикки. Абсолютно. Фэнни Бэйт жил на свете, и он умер.

Рикки вспомнил, как он видел ночью свет в окнах Сирса.

— Ты увидел его из окон библиотеки? — предположил он.

Сирс покачал головой:

— Я поднимался вверх. Было уже очень поздно, около двух часов ночи. Помыв тарелки, я заснул в кресле. Я неважно себя чувствовал и, наверно, чувствовал бы еще хуже, знай я, что Эльмер Скейлс собирается меня разбудить в семь утра. Я выключил свет в библиотеке, закрыл дверь и начал подниматься по лестнице. И тогда я увидел его: он сидел там, на ступеньках. И как будто спал. Одет он был в те же самые лохмотья, и ноги его были босы.

— И что ты сделал?

— Я был слишком испуган, чтобы делать что-то. Я уже не тот отважный двадцатилетний юноша. Рикки, я просто остановился и стоял... не знаю, как долго я стоял. Мне казалось, я вот-вот рухну. Чтобы не упасть, я положил руку на перила, и в этот момент он проснулся.— Сирс сжимал ладони, и Рикки видел, с какой силой он это делал.— У него не было глаз. Просто два провала. А на лице была улыбка.— Сирс прижал ладони к лицу.— Господи, Рикки! Он хотел поиграть.

— Хотел поиграть?

— Это пришло мне на ум. Я был в таком шоке, что с трудом соображал. Когда он — этот призрак — поднялся, я побежал вниз и заперся в библиотеке. Там я лег на диван. Я чувствовал, что он уже ушел, но не мог заставить себя вернуться на лестницу. В конце концов я заснул и видел сон, о котором мы с тобой говорили. Утром я, разумеется, понял, что произошло. Как говорят крестьяне, я «видел нечистого». Но я не думал и не думаю теперь, что такие вещи — в компетенции Уолта Хардести. Или Нашего Вергилия.

— О боже, Сирс,— проговорил Рикки.

— Забудь, Рикки. Просто забудь все, что я тебе сказал. По крайней мере до приезда молодого Вандерлея.

«Господи, она пошевелилась, это невозможно, она же мертва»,— снова прозвучало в голове Рикки, он оторвал взгляд от приборной панели, где его глаза отдыхали те мгновения, когда Сирс просил его о невозможном, и посмотрел прямо в бледное лицо своего партнера.

— Больше не могу,— выдохнул Сирс.— Что бы это ни было, я больше не могу. Это уже слишком.

«...нет, сначала положите ее ноги...»

— Сирс...

— Не надо, Рикки.— Джеймс с трудом вылез из машины.

Готорн тоже вышел и посмотрел в спину Сирсу — внушительному, во всем черном. В воображении Рикки лицо

старого друга на мгновение приняло черты восковой маски, что приснилась недавно.

Весь город был наполнен зимним ветром и, казалось, уже не жил.

— Вот что я тебе скажу, Рикки,— обернулся Сирс.— Как бы я хотел, чтобы Эдвард был жив. Очень часто я желаю этого.

— Я тоже,— прошептал Рикки, но Сирс уже снова повернулся к нему спиной и начал подниматься по ступеням к входной двери. Усиливающийся ветер больно жег Рикки лицо и ладони, и он, опять чихнув, поторопился за Сирсом.

ДЖОН ДЖЕФФРИ

1

Доктора, о званом ужине у которого все вспоминали, разбудил кошмар как раз в тот момент, когда Рикки Готорн и Сирс Джеймс шли через поле к убитым овцам. Со стоном Джеффри оглядел спальню. Что-то незаметно изменилось, что-то было неудобно не так. Даже обнаженное плечо Милли Шин, спавшей рядом, было каким-то не таким — круглое плечо Милли казалось странно нереальным, как и розовый туман, висящий в воздухе. То же самое ощущение нереальности вызывала сама спальня. Выцветшие обои (голубые полосы и синие розы), стол с аккуратными столбиками монет на нем, библиотечная книга «Как стать хирургом» возле лампы, дверцы и ручки высокого белого шкафа, его серый в полоску костюм, который он надевал вчера, и жилет, небрежно брошенный на спинку стула,— все предметы будто переливались многоцветными оттенками, прозрачными, как облако. И Джеффри больше был не в силах находиться в этой комнате, такой знакомой и чужой одновременно.

«Господи, она пошевелилась...» — его собственные слова закружились и угасли в клубящемся воздухе, словно он произнес их вслух. Преследуемый ими, он поспешно поднялся с кровати.

«Господи, она пошевелилась...» — теперь явственно услышал он. Голос был ровный, без оттенков и вибрации, и не его собственный. Прочь из дома! Из своего сна он помнил лишь одно потрясающее видение: сначала он лежал парализованный в пустой комнате, где он никогда не бывал в реальной жизни, и к нему приближался жуткий зверь, обернувшийся вдруг мертвым Сирсом и мертвым Льюисом. Он предположил, что им всем приснился этот сон. Однако видение, гнавшее его из комнаты, было иным: лицо, все в синяках, ссадинах и потеках крови, — лицо молодой женщины, такой же мертвой, как и Сирс с Льюисом в том сне, лицо, пристально глядящее на него горящими глазами и с ухмыляющимся ртом. Это было реалистичнее всего остального, даже более настоящее, чем он сам.

«Господи, она пошевелилась, это невозможно, она же мертва».

Однако она пошевелилась. Она села и мрачно ухмыльнулась.

«Вот и все, мне конец, — подумал Джон, — вот так же и Эдвард погиб». Он почувствовал благодарность и облегчение.

Слегка удивившись, что его руки не прошли сквозь призрачные медные ручки платяного шкафа, Джеффри открыл его, вытащил носки и белье. Неземной розовый свет наполнял спальню. Доктор быстро натянул на себя что попало, хватая одежду без разбора, и вышел из спальни, затем спустился на первый этаж. Там, повинуясь многолетней привычке, он зашел в маленький офис, открыл шкафчик и взял оттуда два пузырька и два одноразовых шприца. Затем сел на вращающийся стул, закатал левый

рукав, распаковал шприцы и положил один из них перед собой на металлическую поверхность стола.

Девушка сидела на залитом кровью сиденье автомобиля и ухмылялась ему сквозь оконное стекло: «Поторапливайся, Джон».

Он проколол первым шприцом резиновую пробку пузырька с инсулиновым составом, наполнил шприц и ввел иглу в вену. Когда шприц опустел, он вынул его и бросил под стол в мусорную корзину; затем наполнил второй шприц раствором морфия из другого пузырька и ввел содержимое в ту же вену.

«Скорее, Джон».

Никто из друзей Джеффри не знал, что он болен диабетом, и болен уже давно, лет десять; и никто из них не знал о его пристрастии к морфию, владевшем им с того времени, когда он сам себе начал выписывать лекарства, — приятели только замечали, как последствия его ежедневной процедуры мало-помалу съедали его.

Взяв корзину с двумя шприцами на дне, доктор Джеффри прошел в приемную. Ровный ряд пустых кресел тянулся вдоль стены; на одном из них появилась девушка в разорванном платье, с красными разводами на лице; кровь заструилась у нее изо рта, когда она сказала: «Скорее, Джон».

Он открыл шкаф, чтобы достать пальто, и удивился тому, что его рука действует. Кто-то за его спиной, казалось, помог ему продеть руки в рукава пальто. Не глядя, он схватил шляпу с полки над вешалкой. Выходя из дома, он споткнулся на пороге.

2

Лицо улыбалось ему из окна лестничной клетки старого дома Евы Галли. «А теперь уходи, быстро». Двигаясь чуть неуверенно, как пьяный, он пошел по улице — ноги в домашних тапочках не чувствовали холода — и повернул в сторону центра. Пока Джон шел до угла, он чувствовал

присутствие того дома за своей спиной; когда же он в расстегнутом пальто, хлопающем полами по брюкам, и в жилете все-таки дошел до угла, он вдруг мысленным взором увидел, что тот дом весь объят пламенем — сплошная стена огня, греющего его спину. Но, обернувшись, обнаружил, что дом вовсе не горит, нет никакого пламени и никакой стены огня — все спокойно.

Итак, когда Рикки Готорн и Сирс Джеймс сидели с Уолтом Хардести в фермерской кухоньке в ожидании кофе, доктор Джеффри — тощая фигура в рыбацкой кепке, в расстегнутом пальто, в брюках от одного костюма, в жилете — от другого и в мягких домашних тапочках — как раз проходил мимо фронтона отеля «Арчер». Он отчасти сознавал, что делает, поскольку иногда отворачивался от ветра, запахивающего назад полы его пальто и хлопающего ими за спиной. Элеонора Харди, пылесосившая ковер в вестибюле отеля, увидела, как он бредет мимо, придерживая рукой кепку, и подумала: «Бедный доктор Джеффри, ему приходится выходить в такую погоду, чтобы навестить больного». Высота окна не позволяла ей увидеть его тапочки. Миссис Харди бы еще больше расстроилась за-за него, если б видела, как он немного постоял в нерешительности на углу и побрел по левой стороне площади — то есть обратно.

Когда он проходил мимо больших окон ресторана «Вилледж Памп», Вильям Вебб — тот самый юный официант, которого перепугала Стелла Готорн, — менял на столах скатерти и приборы, двигаясь в глубь зала и собираясь там передохнуть за чашечкой кофе. Поскольку он находился ближе к доктору Джеффри, чем Элеонора Харди, то в деталях разглядел бледное, растерянное лицо доктора под рыбацкой кепкой, голую шею, не укрытую расстегнутым пальто, жилет от смокинга поверх пижамы. «Старого дуракахватила амнезия», — пришло ему в голову. Раз пять Билл Вебб видел доктора Джеффри в ресторане — тот читал книгу прямо за едой и всегда оставлял

мизерные чаевые. Поскольку Джеффри вдруг заторопился — хотя лицо его свидетельствовало, скорее, о том, что он не совсем соображает, куда идет,— Вебб бросил приборы на стол и рванулся из ресторана.

Доктор Джеффри зашлепал дальше по тротуару. Вебб припустил за ним и нагнал его у светофора в конце квартала: бегущий доктор напоминал неуклюже ковыляющую птицу. Вебб коснулся рукава его черного пальто:

— Доктор Джеффри, вам помочь? Доктор Джеффри!

Остановившись перед Веббом, готовый было уже перебежать улицу, нимало не заботясь о транспорте, которого для него явно не существовало, Джеффри повернулся и... Билли испытал самое тревожное впечатление в своей жизни: человек, который был ему знаком, человек, который ни разу не взглянул в его сторону даже с вежливым удивлением, теперь смотрел на него с непередаваемым ужасом, впечатавшимся в каждую клеточку. Оторопевший Вебб и понятия не имел, что вместо его простого, чуть напоминавшего лягушачье лица тот видел маску мертвой девушки, кроваво ему ухмылявшуюся.

— Я иду,— сказал доктор, лицо его все еще искажал ужас.— Я уже иду.

— Да... Конечно,— пробормотал Вебб.

Доктор повернулся и побежал. Он удачно пересек улицу, продолжив свой ковыляющий птичий бег по левой стороне Мэйн-стрит — локти в стороны, пальто развеивается за спиной,— и Вебб, застывший в тревожном недоумении, глядел с раскрытым ртом ему вслед до тех пор, пока вдруг до него не дошло, что он стоит раздетый в квартале от ресторана.

3

В уме доктора Джеффри сложилась и приобрела законченные реальные формы картина — он видел ее намного отчетливее, чем те здания, мимо которых бежал. Это был железный мост через узкую речку, в которую

Сирс Джеймс когда-то бросил блузку с завернутым в нее большим камнем. Порыв ветра вдруг сорвал с его головы рыбацкую кепочку, и она плавно уплыла в серую дымку.

— Я уже иду,— снова сказал он.

В любой другой день Джон Джеффри мог бы пройти к мосту напрямую, не задумываясь, какие улицы туда ведут, однако сегодня он кружил по Милбурну со всевозрастающей паникой, не в силах отыскать путь. Мысленно он прекрасно представлял себе мост — он видел даже круглые шляпки заклепок, ровную серую поверхность металла,— но где находится мост, вспомнить не мог.

Близлежащие здания? Он повернулся к Мэйн-стрит, готовый увидеть мост, возвышающийся между «Бургер Кинг» и «А & Р». Забываясь только о том, чтобы увидеть мост, он забывал о реке.

Деревья? Парк? Картина, которую будили эти слова, была так реальна, что он удивился, покинув Маркет-стрит и найдя только голые деревья да снег, наметенный у бордюра тротуара.

«Поторопись, доктор».

Он заковылял дальше, взяв курс на вывеску парикмахерской.

Деревья? Какие-то отдельно стоящие деревья? Нет. И не эти блуждающие здания.

Пока доктор почти слепо плутал по когда-то знакомым ему улицам, сворачивая к югу с площади на Вашингтон-стрит, затем к Милгрим-лэйн и вниз по ней, минуя квартал маленьких деревянных домиков, зажатых между автомойками и аптеками,— к Холлоу, району трущоб, где его почти никто не знал так, как его знали и знают в Милбурне (если б не было так холодно, здесь он мог запросто нарваться на неприятности; правда, главная неприятность с ним уже случилась),— кое-кто видел его. Жители Холлоу, обратившие на него внимание, репили, что это всего лишь очередной сумасшедший, нелепо одетый и обреченный. Когда он вдруг случайно повернул в правиль-

ном направлении и вновь вернулся к затихшим улицам с аллеями голых деревьев, видевшие его решили, что машина доктора где-то поблизости, поскольку он немного сбавил шаг и был без головного убора. Почтальон, ухвативший его за рукав и спросивший: «Мужчина, вам помочь?» — беспомощно застыл, шокированный тем же полным ужаса взглядом широко раскрытых глаз, который остановил Билла Вебба. В конце концов доктор Джеффри пришел обратно в деловой район города.

Когда он дважды обошел по кругу площадь Бенджамина Харрисона, каждый раз проходя мимо Бридж Эпроач-лэйн, упирающуюся в мост, спокойный голос в его голове скомандовал: «Пройди по кругу еще раз и сверни на второй улице направо, доктор».

— Благодарю, — прошептал он, услышав веселые и вместе с тем настойчивые нотки в голосе, который прежде звучал в нем нечеловечески бесстрастно.

Чуть живой и наполовину замерзший, Джон Джеффри заставил себя еще раз пройти мимо шиномонтажных мастерских и ремонтных боксов площади Бенджамина Харрисона и, с трудом поднимая негнувшиеся ноги, как старая лошадь-молоковоз, наконец-то повернул на Бридж Эпроач-лэйн.

— Ну, конечно же, — всхлипнул он, видя наконец серую арку моста через медлительную речку. Бежать он уже не мог и едва брел. Один тапочек слетел где-то по пути, и нога, на которую он был надет, ничего не чувствовала. В груди слева нарастала острая боль, сердце бешено колотилось, легкие превратились в один сплошной комок боли. Мост был ответом на его мольбу. Джон с трудом потащился к нему. Это было именно здесь, где стоял мост, — здесь, на холодном ветру, где кончались старые кирпичные дома и начиналось заросшее травой болото, здесь, где ветер словно сильной рукой отталкивал его назад.

«Сейчас, доктор».

Он кивнул и, подходя ближе, увидел, где можно встать. Четыре огромные металлические арки, каждая с пере-

крепящимися балками, составляли волнообразную линию по обеим сторонам моста. В его центре, между вторым и третьим изгибом, далеко вверх выдавалась толстая стальная ферма.

Джеффри не заметил, как под ногами асфальт улицы сменился металлом, но ощутил, как дышит под ним мост, слетка приподнимаясь при каждом особенно сильном порыве ветра. Дойдя до пролета моста, он двинулся вдоль перил. Достигнув центральной арки, он ухватился за один поручень, поставил замерзшие ноги на нижнюю перекладину и попытался подтянуться на верхнюю.

И не смог.

На какое-то мгновение он застыл: руки на одной перекладине перил, ноги — на другой, словно вися в воздухе; тяжелое дыхание напоминало рыдание. Наконец ему удалось поставить ногу в тапке на следующую перекладину. Затем из последних сил он подтянулся выше. Лоскут кожи его босой ноги, примерзший к железу, оторвался и остался на нижней перекладине. Тяжело дыша, Джон остановился и увидел, что ему предстоит преодолеть еще две, чтобы добраться до цели.

Одну за другой он перенес руки на следующую перекладину. Затем переставил ногу в тапочке и с героическим (как ему показалось) усилием — вторую.

Боль пронизывала всю ногу, и он перенес вес тела на руки, поджав босую ногу. Ступня вся горела, и на мгновение он испугался, что болевой шок сбросит его обратно. А оказавшись внизу, он уже не в силах будет вскарабкаться наверх.

Осторожно, одними пальцами больной ступни, он оперся на перекладину. Этого было достаточно для опоры. Вновь он перенес вверх ноющие руки. Обутая нога перенеслась на следующую перекладину — как бы сама по себе. Он попытался подтянуться, но руки просто дрожали и не слушались. Ему казалось, что мышцы в плечах отделялись от костей. В конце концов он просто рванулся на-

верх, поддержанный (как ему показалось) толчком чьей-то руки ему в спину,— его пальцы ухватились за последнюю перекладину, и он оказался почти у цели.

Тут он впервые заметил свою голую ступню, пятнавшую кровью металл. Боль возросла; теперь вся нога, казалось, пылала огнем.

Далеко внизу тускло блестела вода. Ветер раздувал его волосы и пальто.

Прямо перед ним, на платформе серого ветра, в твидовом пиджаке и с бабочкой, стоял Рикки Готорн. Ладони Рикки были сжаты в характерном жесте у пряжки ремня.

— Молодец, Джон,— сказал он своим спокойным сухим голосом. Лучший из них, самый добрый, обманутый муж, маленький Рикки Готорн.

— Ты слишком много слушаешь болтовни Сирса,— прошептал Джон Джеффри.— Как и прежде.

— Я знаю,— улыбнулся Рикки.— Я по натуре подчиненный. А Сирс всегда был генералом.

— Ошибаешься,— попытался возразить Джеффри.— Он не генерал, он...— Мысль вдруг угасла.

— Это неважно,— прозвучал мягкий голос.— Просто сделай шаг вперед, Джон.

Доктор Джеффри теперь смотрел вниз на серую воду.

— Нет, я не могу. Я хотел что-то другое... Я собирался...— Смутившись, он замолчал.

Когда он снова поднял глаза, у него перехватило дыхание. Эдвард Вандерлей, самый близкий ему человек, стоял на ветру там, где до этого был Рикки. Как и в ту памятную вечеринку, на нем были черные туфли, серый фланелевый костюм, цветная рубашка. Дужки очков в черной оправе соединял серебристый шнурок. Красивый, с театрально-седыми волосами и в дорогой одежде Эдвард тепло улыбнулся ему с сочувствием и пониманием:

— Прошло совсем немного времени.

Доктор Джеффри зарыдал.

— Хватит валять дурака,— сказал ему Эдвард.— Нужен всего лишь шаг. Это чертовски просто, Джон.

Доктор Джеффри кивнул.

— Ну, так сделай его, Джон. Ты слишком устал, чтобы сделать что-то другое.

Доктор Джеффри шагнул вперед.

Внизу, на уровне воды, но защищенный от ветра толстой стальной пластиной, Омар Норрис увидел, как человек ударился об воду. Тело доктора сразу же погрузилось, мгновением позже появилось на поверхности, чуть развернулось и лицом вниз поплыло, влекомое течением.

«Черт!» — выругался Норрис. Он нашел единственное место, где, как он думал, сможет спокойно прикончить пинту «Бурбона» без опаски быть застуканным адвокатами, шерифом, женой или кем-то, кто станет ему указывать, что, мол, валит снег и надо чистить улицы. Он глотнул еще «Бурбона» и прикрыл глаза. Когда он вновь открыл их, тело все еще виделось, но уже чуть больше погруженное в воду из-за намокшего тяжелого пальто. «Черт!» Он завинтил бутылку, поднялся и пошел звать на помощь.

II

ВЕЧЕРИНКА У ДЖЕФФРИ

Расступитесь-ка, дамы, в стороны, прочь!
Перестаньте болтать и кичиться собою!
Двери настежь — сейчас войдет Она
И всех вас затмит своей красотой.

«Хвала его даме».

Альманах Тоттела, 1557

1

писываемые далее события произошли ровно год и один день назад, в последний день золотой эры. Никто из них не подозревал ни о том, что эта эра была золотой, ни о том, что финал ее близок, — фактически Фантазеры продолжали бы воспринимать свою жизнь так, как и все достаточно обеспеченные люди: комфортабельное существование, определенный круг друзей, гарантированный сытный стол — то есть как процесс постепенного, хоть и порой незаметного усовершенствования. Давно пережив кризис молодости и зрелости, приятели считали, что у них достаточно мудрости, чтобы встретить приближающуюся старость; они прошли через войны, адюльтеры, компромиссы и реформы и думали,

что повидали в своей жизни почти все, что могли,— им уже нечего было требовать от нее.

Однако существовало на свете нечто, о чем они даже не подозревали, и им предстояло с этим столкнуться.

Основной чертой золотой эры была некая стабильная каждодневность, возможность вкушать радость от всякого прожитого дня. И Рикки, как никто другой из членов их Клуба, знал и ценил это. Со временем это осознали и остальные.

2

— Идем или как?

— Что? Ты же всегда любила приемы, Стелла.

— А этот вызывает во мне какое-то странное предчувствие.

— Ты не хочешь познакомиться с этой актрисой?

— Желание встречаться с девятнадцатилетними красавицами у меня всегда ограничено.

— Эдвард, похоже, всерьез ею увлечен.

— О, Эдвард...— Стелла, причесывавшаяся у зеркала, улыбнулась отражению Рикки.— Думаю, нам стоит пойти разве что затем, чтобы посмотреть, какотреагирует Льюис Бенедикт на находку Эдварда.— Затем ее улыбка слегка переменялась.— Это, по крайней мере, чем-то напоминает приглашение на заседание Клуба Фантазеров.

— Это не заседание, а званый ужин,— тщетно попытался оправдаться Рикки.

— Я всегда считала, что вам следует допускать женщин на эти ваши знаменитые вечера.

— Я знаю,— насупился Рикки.

— Вот поэтому я и собираюсь пойти.

— Но это не Клуб Фантазеров. Это просто вечеринка.

— Хорошо, тогда скажи мне, пожалуйста, кого Джон пригласил на нее — помимо тебя и этой его маленькой актриски?

— Да всех, пожалуй,— честно ответил Рикки.— А о каком предчувствии ты говорила?

Стелла вскинула голову, коснулась губ помадой и, взглянув на себя в зеркало, сказала:

— Не по себе мне что-то...

3

Сидя рядом с Рикки в машине, Стелла — как-то необычно притихшая с момента выхода из дома — сказала:

— Что ж, если там и вправду будут все, то можно надеяться увидеть кого-нибудь новенького.

Рикки вдруг показалось, что жена поддразнивает его, и почувствовал укол ревности.

— Невероятно, правда? — Голос Стеллы был высоким, певучим, искренним, словно то, что она собиралась сказать, не являлось чем-то поверхностным и малосодержательным.

— Ты о чем?

— О том, что один из вас устраивает званый ужин. Единственные, известные нам здесь люди, которые устраивают приемы, — это мы с тобой, и делаем мы это всего два раза в год. Непостижимо — Джон Джеффри! Удивительно, как это Милли Шин ему разрешила.

— Волшебная сила искусства,— предположил Рикки.

— Для Милли не существует иной волшебной силы, кроме Джона Джеффри,— отозвалась Стелла и засмеялась, представив себе экономку их друга, в каждом жесте которой светится любовь к нему. Стелла, будучи в отдельных практических аспектах мудрее любого мужчины ее возраста, порой сама себя приятно возбуждала мыслью о том, что доктор Джеффри допустил такую глупость; а еще она была убеждена, что Милли и ее хозяин спят в одной кровати.

Обдумывая свой ответ, Рикки не заметил пронизательной ремарки жены. Эта «волшебная сила искусства»,

как нечто отдаленное и чуждое здесь, в Милбурне, на самом деле полностью захватила воображение Джеффри: доктор, чей энтузиазм не поднимался выше подсечки форели, в течение последних трех недель был страстно увлечен молодой гостью Эдварда Вандерлея. Сам же Эдвард таинственно помалкивал о девушке. Она была приезжей, очень молодой, на тот момент считалась так называемой «звездой», а подобные личности всегда пополняли коллекцию Эдварда — не исключено, что он сам уговорил ее подыграть выдуманной биографии. По давней традиции новоявленная личность надиктовывала на магнитофон Эдварда свою автобиографию в течение стольких недель, сколько длился их взаимный интерес. Затем с большой ловкостью и умением он переносил эти звучащие мемуары на страницы книги. Незавершенная часть исследования подчищалась уже путем переписки или по телефону — с теми, кто знал или что-то слышал о предмете поиска: генеалогическое расследование было частью метода Эдварда. Магнитофонные записи производились в его доме в любой подходящий момент; полки на стенах его кабинета были уставлены магнитофонными кассетами с записями — разумеется, порой весьма скандального и непристойного содержания. Сам Рикки питал довольно отвлеченный интерес к пристрастиям и интимной жизни актеров, и остальные его друзья, как он считал, — тоже. Однако, когда в пьесе «Все видели солнце», в которой была занята Анн-Вероника Мор, в течение месяца произошло перераспределение ролей, Джон Джеффри заработал себе очко, задавшись целью пригласить молодую актрису в гости. Еще большей загадкой было то, что его интриги и намеки увенчались успехом — девушка дала согласие прийти на званый ужин в ее честь.

— Боже мой! — воскликнула Стелла, увидев, сколько машин выстроилось у тротуара перед домом Джеффри.

— Джон закатил бал, — сказал Рикки. — Хочет продемонстрировать свои достижения.

Они поставили машину кварталом дальше и прогулялись по холодку до парадной двери. Голоса, музыка далеко разносились вокруг дома.

— Ничего себе! — удивился Рикки. — Он задействовал и свои кабинеты.

Так оно и было. Молодой человек, прижатый толпой к дверям, посторонился и пропустил их в дом. Рикки узнал в нем последнего обитателя дома Евы Галли. С равнодушной ухмылкой он принял слова благодарности Рикки и затем улыбнулся его жене.

— Миссис Готорн, не правда ли? Я встречал вас в городе, но мы ни разу не были представлены друг другу. — И прежде чем Рикки вспомнил его имя, молодой человек протянул Стелле руку и произнес: — Фредди Робинсон, из дома напротив.

— Рада познакомиться, мистер Робинсон.

— Знатная вечеринка!

— О, надеюсь, — отозвалась Стелла, и тусклеящая из ее улыбок тронула уголки губ.

— Раздеться можете здесь, в кабинете врача, напитки наверху. Буду счастлив принести вам что-нибудь выпить, а ваш муж пока позаботится о пальто.

Стелла окинула взглядом его блейзер, клетчатые брюки, мягкий бархатный галстук-бабочку, нелепо напряженное лицо.

— Уверена, в этом нет необходимости, мистер Робинсон.

Вместе с Рикки они улизнули в кабинет, где повсюду были развешаны пальто.

— О боже, — вздохнула Стелла. — Чем, интересно, этот молодой человек зарабатывает себе на жизнь?

— Я думаю, продажей страховых полисов.

— Мне следовало бы знать это. Отведи меня наверх, Рикки.

Держа прохладную руку жены, Рикки вывел ее из кабинета к лестнице. Здесь, на первом этаже, был «первый

уровень»: портативный проигрыватель на столе с грохотом извергал диск, вокруг бесновалась молодежь.

— Джон, видать, помешался,— пробормотал Рикки.

— Или получил солнечный удар,— подхватила Стелла.

— Хей, мистер Готорн! — крикнул мальчишка, дозревающий подросток, сын одного из его клиентов.

— Здравствуй, Питер. Здесь шумновато для нас. Пойду поищу, где тут слушают Гленна Миллера.

Чистые голубые глаза Питера бесстрастно смотрели на него. Неужели он казался таким чужим для молодежи?

— Послушайте, а что вы скажете о Корнелле? Я вот думаю попробовать поступить туда. Салют, миссис Готорн!

— Это неплохой колледж. Надеюсь, тебе повезет,— сказал Рикки. Стелла легонько ткнула его в спину.

— Запросто. Я уверен, что поступаю. У меня почти высший балл по аттестату. Папа наверху. Слыхали?

— Нет.— Стелла снова ткнула его в спину.— О чем?

— Нас всех пригласили, потому что мы почти ровесники с Анн-Вероникой Мор, да только они ее сразу же утащили наверх, как только пришел мистер Вандерлей. Так что мы, —показал он рукой на толчею танцующих в маленькой комнате пар,— даже и не поговорили с ней. Хотя Джим Харди успел поцеловать ей ручку. Он в своем репертуаре — всех обскачет.

Рикки увидел сына Элеоноры Харди, исполняющего серии ритуальных телодвижений в танце с темноволосой девушкой,— это была Пенни Дрэгер, дочь аптекаря, тоже его клиента. Девушка дернулась, скрючилась, подняла ногу, а затем опустила ее прямо на промежность Харди.

— Он разговаривает, как многообещающий юноша,— промурлыкала Стелла.— Питер, будь добр, сделай нам одолжение.

— О, конечно,— вздохнул паренек.— Слушаю.

— Расчисти нам с мужем путь наверх.

— Ладно. Но знаете что? Нас пригласили только встретить ее, а потом мы должны идти по домам. Миссис

Шин сказала, что нам нельзя даже подниматься наверх. Они, наверно, боятся, что мы ее потащим танцевать и все такое, но они даже не пускают ее сюда. Миссис Шин сказала, что в десять она всех нас отсюда вышвырнет. Кроме него, пожалуй,— кивнул он в сторону Фредди Робинсона, положившего руку на плечи хихикающей школьнице.

— Жутко нечестно,— отметила Стелла.— А теперь будь паинькой, проводи старичков наверх.

— Конечно, сейчас.

Он провел их через битком набитую комнату к лестнице с таким видом, будто выводил на прогулку пациентов местной психбольницы. Когда они благополучно добрались до ступенек и Стелла начала царственный подъем, Питер потянулся вперед и шепнул Рикки в ухо:

— Разрешите вас попросить, мистер Готорн?

Тот кивнул.

— Передайте ей от меня привет, ладно? Она настоящая красотка!

Рикки громко рассмеялся, и Стелла обернулась к нему с вопросительным взглядом.

— Ничего, ничего, дорогая,— сказал он, и они стали подниматься к более тихим помещениям.

Наверху, в коридоре, стоял Джон Джеффри и потирал руки. Спокойная фортепианная музыка плыла из гостиных.

— Стелла! Рикки! Как чудесно, не правда ли? — указал он энергичным жестом в сторону комнат.

Там было такое же столпотворение, как и на первом этаже, но в этих комнатах собрались мужчины и женщины среднего возраста — родители веселившихся внизу подростков, соседи Джеффри и знакомые. Рикки заметил двух-трех процветающих фермеров из провинции, аптекаря Ролло Дрэгера, Луиса Прайса — агента по продаже продуктов потребления, подкинувшего ему когда-то пару неплохих идей, своего дантиста Харлана Ботца, уже, похо-

же, подвыпившего, а также нескольких незнакомых Готорну мужчин — скорее всего, из университета, где у Милли Шин преподавал племянник; Кларка Маллигэна, владельца городского кинотеатра; Уолтера Барнса и Эдварда Винутти из банка — оба красовались в белоснежных манишках; Неда Роулза, издателя местной газеты. Элеонор Харди, держа обеими руками на уровне груди высокий бокал, склонила лицо с высоко поднятыми бровями к Льюису Бенедикту. Сирс стоял, прислонившись к книжному шкафу, и казался здесь лишним. Затем толпа вдруг разделилась, и Рикки не понял отчего. Аптекарьша Ирменгард Дрэгер в этот момент трещала ему на ухо: «...Я ушла к Скидмору, что ж, он был у меня три года, пока я не встретила Ролло, как вы думаете, заслуживаю я чего-то более достойного, чем этот паршивый городишко, или нет? Откровенно говоря, если бы не Пенни, я б давно собрала вещи и сию минуту уехала бы отсюда...». Ее речь звучала как музыкальный фон, правда не очень лиричный, и Ирменгард умудрилась втиснуть в эту мелодию последние десять лет своей жизни.

— Не понимаю, почему я прежде никогда не устраивал вечеров,— сказал Джон с сияющим лицом.— Сегодня я чувствую себя так молодо, как ни разу за это десятилетие.

— Как мило, Джон,— сказала Стелла, потянувшись к нему, чтобы поцеловать в щеку.— А что по этому поводу говорит Милли?

— Да особенно ничего,— смутился он.— Милли не могла взять в толк, чем так важна эта вечеринка и зачем вообще надо было приглашать на нее мисс Мор.

В этот момент показалась и сама Милли — женщина держала поднос с канapé перед банкирами Барнсом и Винутти, и, судя по красноречивому выражению ее круглого лица, сама идея этого мероприятия была ей глубоко противна.

— А зачем ты пригласил ее?

— Извини, Джон, я пойду перекушу,— сказала Стелла.— Рикки, не беспокойся о напитке для меня, я стяну себе у кого-нибудь, кто не пьет.

Она двинулась по коридору по направлению к Неду Роулзу. Лу Прайс, похожий на мафиози в своем двубортном костюме в полоску, взял ее за руку и клонул в щеку.

— Она — восхитительная девчонка,— сказал Джон Джеффри, и оба проследили, как Стелла отмела Лу Прайса одной фразой и двинулась дальше к Неду Роулзу.— Я бы хотел, чтоб таких был миллион.

Роулз в этот момент повернулся к Стелле, и его лицо осветилось радостью. Пиджак из рубчатого вельвета, волосы песчаного цвета, серьезное лицо — Нед Роулз напоминал своим видом скорее студента факультета журналистики, чем издателя. Он тоже поцеловал Стеллу, но в губы, и взял обе ее руки в свои.

— Зачем я это сделал? — Джон вздернул голову, и четыре глубокие морщины обозначились на его шее.— Точно не могу сказать, не знаю. Она так очаровала Эдварда, что мне захотелось с ней познакомиться.

— Вот как? Очаровала?

— Именно так. Погоди немного, сам увидишь. И потом, знаешь, я встречаюсь только со своими пациентами, да с Милли, да с Клубом Фантазеров. Я решил, что пора кутнуть немного. Повеселиться, пока не помер.

Это было слишком легкомысленное для Джона заявление, и Рикки внимательно взглянул на друга, отведя глаза от жены, которая все еще держалась за руки с Недом Роулзом.

— А ты знаешь, через что мне пришлось пройти? Одна из самых знаменитых актрис Америки — сейчас здесь, в моем доме!

— Эдвард с ней?

— Он сказал, что присоединится к нам через пару минут. Он, наверно, помогает ей снять пальто или что-то в

этом роде.— Обычно такое опустошенное, лицо Джеффри просто победно сияло.

— Я не думаю, что она одна из самых знаменитых актрис Америки, Джон.— Рикки заметил, что Стелла пошла дальше, а Нед Роулз принялся что-то страстно доказывать Эду Винути.

— Ну, так будет. Эдвард тоже так считает, а он в таких вещах знает толк. Рикки! — Джеффри сжал его локоть.— Ты видел — там, внизу, молодежь танцует? Фантастика, правда? Дети отрываются в моем доме! Я думаю, они с удовольствием познакомятся с ней. Знаешь, это большая, это великая честь. Она еще пробудет в городе лишь пару дней. Эдвард уже почти закончил магнитофонные записи, и ей пора возвращаться в Нью-Йорк, в свою труппу. А сейчас она здесь, в моем доме! Господи, Рикки!

У Готорна возникло ощущение, что Джону необходим ледяной компресс.

— А ты знаешь, что она появилась буквально ниоткуда? Что она была самой многообещающей студенткой в своей драмстудии и что на следующей неделе она получит главную роль во «Все видели солнце»?

— Нет, Джон.

— У меня только что родилась замечательная мысль. Я ждал прихода мисс Мор и стоял здесь, слушая диско, доносящееся снизу, и обрывки записей Джорджа Шеринга, доносящиеся отсюда. И вот я подумал: там, внизу,— грубая, животная жизнь, дети, беснующиеся под этот бит, а на этом этаже — интеллектуальная жизнь, доктора и адвокаты, все люди среднего достатка, наверху царят изящество, талант, красота — душа. Понимаешь? Это как эволюция. И она — самое неземное существо, какое ты когда-либо видел. И ей всего лишь восемнадцать!

Никогда в жизни Рикки не слышал, чтобы Джон Джеффри выражал свои чувства в такой странной, причудливой манере. С беспокойством он подумал, что у того, наверное, подскочило давление. Они оба услышали звук

закрывшейся двери наверху, на следующей площадке, и затем — густой голос Эдварда, говорящего что-то с озорной, шутилой интонацией.

— А Стелла мне говорила, ей девятнадцать,— сказал Рикки.

— Ш-ш-ш...

Красивая невысокая девушка спускалась к ним по лестнице. Простое зеленое платье, облако волос. Через секунду Рикки заметил, что цвет платья был подобран к цвету ее глаз. Двигаясь с почти ритмической точностью, она одарила их едва уловимой — и все же восхитительной — улыбкой и прошла мимо, на ходу легонько похлопав кончиками пальцев по груди доктора Джеффри. Рикки глядел ей вслед, взволнованный и удивленный. Он не встречал ничего подобного с тех пор, как видел Луизу Брукс в «Ящике Пандоры».

Затем он взглянул на Эдварда Вандерлея и сразу понял, что Джон Джеффри был прав. Эдвард весь сиял. Было совершенно очевидно, что девушка вскружила ему голову, и также очевидно, что ему с трудом удастся дождаться, пока она перездорывается с его друзьями. Все трое направились в гостиную.

— Рикки, ты отлично выглядишь,— сказал Эдвард, кладя руку ему на плечо и подталкивая друга в гостиную,— Вандерлей был на полфута выше Готорна. Рикки ощутил запах его дорогого одеколona.— Просто здорово. Но когда же ты прекратишь носить эти бабочки? Эра Артура Шлезингера канула в прошлое.

— Эта эра началась сразу после моей,— ответил Рикки.

— Да нет, слушай, мужчина ведь не старше, чем он себя чувствует. Я и галстуки перестал носить. А через десять лет восемьдесят процентов американцев будут надевать галстуки только на свадьбы и похороны. А Барнс и Винутти будут одеваться вот так разве что на работу в банк...— Он оглядел комнату.— Черт, куда она ушла?

Рикки, в котором новые бабочки будили желание надевать их чуть ли не в постель, взглянул на необремененную шею Эдварда, который обшаривал глазами гостиную, и заметил, что морщин на ней больше, чем на шее у Джона Джеффри, и решил все же не изменять своим привычкам.

— Я общался с этой девушкой три недели, и, поверь мне, она самое необыкновенное существо на свете. И если мы успеем закончить материал, то это будет моя самая выдающаяся книга. У нее была ужасная жизнь, ужасная. Услышишь такое — и зарыдаешь. Я и то слушал ее и плакал. Знаешь, она долго проторчала в этой дыре на Бродвее, на вторых ролях, и совсем понапрасну. Она будет великой трагической актрисой... Когда чуть подрастет. — Раскрасневшийся, Эдвард загоготал над произнесенной им же нелепостью. Как и Джон, он тоже был окрылен.

— Вы двое словно заболели ею, — проворчал Рикки.

Джон хихикнул, а Эдвард сказал:

— Да скоро весь мир заболеет ею, Рикки. У нее настоящий дар!

— О, — выставил палец Готорн, припомнив кое-что, — книга твоего племянника Эдварда, похоже, пользуется большим успехом. Поздравляю.

— Да, приятно сознавать, что я не единственный талантливый ублюдок в семье. Это должно помочь ему пережить смерть брата. Странная это была история, очень странная — они, кажется, были оба помолвлены с одной женщиной... Однако давайте не будем сегодня думать о мрачных вещах. Будем веселиться!

Джон Джеффри радостно кивнул.

4

— Видел твоего сына внизу, Уолт, — сказал Рикки Барнсу, старшему из двух банкиров. — Он рассказал мне о своем решении. Надеюсь, у него получится.

— Да, Пит все же остановился на Корнелле. Я всегда надеялся, что он хотя бы попытается поступить в Йель, я ведь учился там. И я все еще надеюсь на это.— Грузный мужчина с упрямым, как и у сына, лицом, Барнс не был расположен принимать поздравления Рикки.— А он и слышать не хочет об этом. Говорит, Корнелл для него достаточно хорош. Достаточно хорош! Его поколение еще более консервативно, чем мое. Корнелл — это же несомненно. Они там до сих пор, говорят, даже за еду дерутся. Лет десять назад я боялся, что мой Пит вырастет в радикала с бородкой и бомбой в руках, теперь же я боюсь, что он будет довольствоваться меньшим, чем может получить.

Рикки сделал неуловимое движение, воспринятое как сочувствие.

— А как поживают твои дети? Они оба до сих пор на Западном побережье?

— Да. Роберт преподает английский в средней школе. У Джейн муж стал вице-президентом.

— Вице-президентом по какой части?

— По безопасности.

— Ну и хорошо.

Они оба прильнули к своим бокалам, воздерживаясь от комментариев, поскольку вице-президентство по безопасности означало работу в страховой компании.

— Собираются приехать сюда на Рождество? — спросил Барнс.

— Не думаю. Они оба ведут довольно активную жизнь.

В действительности ни тот, ни другой не писали Рикки и Стелле на протяжении вот уже семи месяцев. Они росли сперва счастливыми детьми, потом замкнутыми подростками; теперь, когда им обоим подкатывало под сорок, стали неудовлетворенными жизнью взрослыми, однако остались во многом теми же подростками. Несколько писем Роберта были едва завуалированными

просьбами о деньгах; письма Джейн внешне казались радостными, но Рикки читал между строчек отчаянье. («Я начинаю нравиться самой себе» — утверждение, которое, по мнению Готорна, должно было пониматься с точностью до наоборот. Бойкость этого заявления заставляла Рикки поморщиться.) Дети Рикки, когда-то частички его души, казались теперь недостижимыми планетами. Их письма вызывали боль; видеть же их было бы еще больнее.

— Нет, — добавил он. — Я думаю, в этот раз они не смогут приехать.

— Джейн — такая симпатичная девушка, — сказал Уолтер Барнс.

— Вся в мать.

Рикки машинально начал оглядываться в поисках жены и увидел Милли Шин, которая представляла Стеллу высокому сутулому и толстогубому мужчине. Университетскому племяннику.

— Вы видели актрису Эдварда? — спросил Барнс.

— Она где-то здесь. Я видел, как она спускалась.

— Джон Джеффри, похоже, необычайно возбужден.

— Она из тех красавиц, в присутствии которых не расслабишься, — пошутил Рикки и рассмеялся. — Эдварду тоже никак не расслабиться.

— Пит читал в журнале, что ей всего лишь семнадцать.

— В таком случае она социально опасна.

Когда Рикки, оставив Барнса, подошел к жене и Милли Шин, он поймал взгляд маленькой актрисы. Она танцевала с Фредди Робинсоном под пластинку Каупт Бэси и двигалась с грацией точного, хрупкого механизма, зеленые глаза мисс Мор искрились; обнимавший ее Робинсон был словно одурманен счастьем. Да, глаза девушки искрились — вот только удовольствием или насмешкой? Девушка повернула голову, послав Готорну выразительный взгляд через всю комнату, — и Рикки увидел в ней ту, какой мечтала стать его дочь Джейн, теперь располневшая и

неудовлетворенная жизнью. Наблюдая, как юная актриса танцует с поглупевшим Фредди Робинсоном, адвокат понял, что перед ним та, у которой никогда не возникнет причины произнести убийственную фразу «я начинаю нравиться самой себе», — она была словно символ самообладания.

— Здравствуйте, Милли, — молвил Готорн. — У вас сегодня полно работы.

— Ох, когда я стану слишком стара, чтобы работать, я лягу и помру. Вы чего-нибудь поели?

— Нет пока. А это, наверное, ваш племянник?

— О, простите. Вас еще не представили. — Она коснулась руки очень высокого мужчины, стоявшего за ее спиной. — Это самый мозговитый из нашей семьи, Гарольд Симс. Он профессор в колледже и как раз только что очень мило говорил с вашей супругой. Гарольд, это Фредерик Готорн, один из ближайших друзей доктора. — Симс послал ему сверху улыбку. — Мистер Готорн — полноправный член Клуба Фантазеров, — завершила его представление Милли.

— Я слышал о вашем Клубе, — сказал Гарольд Симс. У него оказался очень низкий голос. — Звучит интересно.

— Боюсь, все что угодно, кроме интересного.

— Я говорю с антропологической точки зрения. Я занимаюсь изучением темпорально обусловленного взаимодействия в группе мужчин. Ритуальная суть всегда очень сильна. А это правда, что все... члены Клуба Фантазеров на свои заседания надевают смокинги?

— Пожалуй, что так. — Рикки взглянул на Стеллу, ища поддержки, но та, занятая своими мыслями, лишь невозмутимо смотрела на них двоих.

— А все же почему?

У Рикки было такое чувство, что профессор уже готов достать блокнот из кармана.

— Когда-то давным-давно это показалось нам неплохой идеей. Милли, зачем Джон пригласил сюда полгорода,

если он позволяет Фредди Робинсону монополизировать мисс Мор?

Прежде чем экономка успела ответить, Симс спросил:

— А вы знакомы с работой Аайонела Тайгера?

— Боюсь, что я крайне невежествен, — ответил Рикки.

— Мне было бы очень интересно понаблюдать за ходом одного из ваших собраний. Полагаю, это будет не трудно устроить?

Стелла наконец рассмеялась и взглянула на него с выражением, означавшим «боже упаси!».

— Я полагаю, не совсем так, — возразил Рикки. — Но мне, возможно, удастся провести вас на следующее заседание в Киванисе.

Симс тут же отступил, и Рикки заметил, что профессор явно усомнился в его способности шутить.

— Мы всего лишь пятерка стариканов, которые любят собраться вместе, посудачить... — быстро проговорил он. — В антропологическом отношении мы — пустая порода. И никому не интересны.

— Ты мне интересен, — сказала Стелла. — Почему бы тебе не пригласить мистера Симса и свою жену на следующее заседание?

— Да! — Симс начал проявлять опасный рост энтузиазма. — Для начала я хотел бы кое-что заснять, а потом, используя... используя видеоэлемент...

— Видите того мужчину, вон там? — Рикки кивнул в направлении Сирса Джеймса, который нынче, как никогда, напоминал грозное облако в человеческом обличье. Было очень похоже на то, что Фредди Робинсон, которого наконец отделили от мисс Мор, пытался пристроить ему страховку. — Крупный такой? Так вот, он перережет мне плотку, если я сделаю что-нибудь подобное.

Милли выглядела крайне возмущенной. Стелла подняла подбородок, поглядела на профессора:

— Было очень приятно познакомиться с вами, мистер Симс, — и пошла прочь.

— С антропологической точки зрения,— заговорил Гарольд Симс,— это очень любопытное заявление.— Теперь он разглядывал Рикки с еще большим профессиональным интересом.— Клуб Фантазеров, очевидно, очень дорог вам.

— Несомненно,— ответил Рикки.

— Насколько я могу судить по вашим словам, можно допустить, что человек, на которого вы только что указали, является главной фигурой в вашей группе.

— Вы очень проникательны,— чуть качнул головой Рикки.— А теперь, если вы позволите, мне нужно кое с кем перекинуться парой слов.

Повернувшись и отойдя на несколько шагов, Готорн услышал, как Симс спросил Милли:

— А эти двое — правда муж и жена?

5

Рикки устроился в уголке и решил наблюдать за ходом событий. Отсюда хорошо просматривалась вся вечеринка: он был бы счастлив стоять здесь и просто созерцать — до тех пор, пока не настанет время возвращаться домой. Пластинка кончилась, Джон Джеффри вмиг возник у переносного проигрывателя и поставил другую. Льюис Бенедикт, проплыв мимо него, заметно повеселел, и, когда из динамиков понеслась музыка, Рикки понял почему. Зазвучала песня Ареты Франклин — Рикки слышал эту певичку только по радио. Где же Джон Джеффри откопал эту запись и какими немыслимыми путями? Небось, купил специально для сегодняшнего вечера. Эту мысль стоило как следует обдумать, однако размышления Рикки прервало вторжение в его уголок процессии из нескольких человек.

Первым, кто его нашел, был Кларк Малайгэн, владелец «Риальто» — единственного в Милбурне кинотеатра. Его туфли были непривычно чисты, брюки отпарены, живот

удачно спрятан под застегнутым пиджаком — Кларк старательно привел себя в порядок перед визитом. По-видимому, он знал, что приглашен сюда из-за своей причастности к шоу-бизнесу. Рикки подумал, что Кларк впервые оказался в гостях у Джона. Готорн рад был видеть его, он всегда симпатизировал Маллигэну. Тот был единственным в городе, кто разделял его любовь к старым фильмам. Голливудские сплетни наскучили Рикки, но фильмы золотых дней Голливуда он любил.

— Кого она тебе напоминает? — спросил он Маллигэна.

Кларк украдкой глянул на девушку через комнату. Актриса скромно стояла у противоположной стены, слушая Винути.

— Мэри Майлс Минтер?

— По-моему, она похожа на Луизу Брукс. Хотя у той вроде бы глаза были не зеленые.

— Кто ее знает... Тем не менее она, кажется, чертовски хорошая актриса. Возникла буквально ниоткуда. Никто о ней ничего не знает.

— Эдвард знает.

— О, он готовит очередную книгу, не так ли?

— Этап интервьюирования уже закончен. Эдварду всегда было трудно расставаться со своими респондентами, а нынче-то и подавно. Боюсь, он влюбился в нее.

И в самом деле, Эдвард явно ревновал Эда Винути и пытался встрять в разговор банкира с маленькой актрисой.

— Я бы тоже в такую влюбился, — улыбнулся Маллигэн. — Как только их мордашки появляются на экране, я тут же во всех них влюбляюсь. А вы видели Март Келлер? — спросил Кларк, округлив глаза.

— Нет еще, но, судя по тем фотографиям, что мне встречались, она очень похожа на Констанс Талмэдж наших дней.

— Шутите? А разве не на Полетт Годдард?

Потом их разговор мирно перешел на тему Чаплина, «Мсье Верду», Нормы Ширер и Джона Форда, Юджина Поллетта и Гарри Кэри-старшего; они долго говорили о «Дилижансе» и «Худом человеке», о Веронике Лэйк и Алане Лэдде, о Джоне Гилберте и Рексе Белле, Джин Харлоу, Чарли Фарелле, Джанет Гэйнор, о «Носферату» и Мэй Уэст — об актерах и фильмах, что Рикки любил в молодости и продолжал любить теперь, и живая память о них притупила неприятное воспоминание о тех словах, что молодой человек сказал о нем и его жене.

— Это был случайно не Кларк Маллигэн? — Вторым его собеседником стала Сонни Винути, жена Эда. — Он ужасно выглядит.

Сама Сонни за последние несколько лет из стройной, привлекательной дамы с милой улыбкой превратилась в костлявую женщину с постоянно тревожным и каким-то оцепенелым выражением глаз. Жертва супружеской жизни. Три месяца назад она пришла к Рикки в офис и заявила, что хочет получить развод: «Я, правда, еще окончательно не решила, но уже твердо подумываю об этом. Я должна наконец выяснить, кто я такая». Да, у нее был другой, но Сонни не упомянула его имени. «Вот что я вам скажу. Хотя он и просто хорош собой, и интеллигентен — он такой сложный, утонченный, как никто в этом городе». У Рикки не осталось сомнений: разговор шел о Льюисе. Женщины подобного типа всегда напоминали Фредерику Готорну его дочь, и он очень деликатно рассказал миссис Винути, что ее ждет, подробно описывая каждый этап процедуры развода, объясняя все точно и лаконично, несмотря на то что уже знал: Сонни к нему более не обратится...

— Она красива, не правда ли?

— О, вполне.

— Мне удалось с ней чуток поговорить.

— Правда?

— Ей со мной было неинтересно. Ее интересуют только мужчины. Ей бы понравились вы.

В этот момент актриса разговаривала со Стеллой не далее десяти футов от них, что ставило под сомнение правоту утверждения миссис Винути. Рикки наблюдал за их беседой, не слыша слов; Сонни же развивала тему, объясняя Готорну, почему он непременно должен понравиться актрисе. Между тем предмет ее рассуждений, мисс Мор, стояла напротив Стеллы и то слушала ее, то отвечала — обе женщины были милы, сдержанны и определенно увлечены разговором. Затем мисс Мор сказала нечто такое, что привело Стеллу в полное замешательство: жена Рикки моргнула, раскрыла рот, тут же его сомкнула, прикоснулась рукой к своей прическе — будь она мужчиной, то наверняка бы поскребла голову. Затем Анн-Вероника Мор, сопровождаемая Эдвардом Вандерлеем, удалилась.

— Ну ладно, посмотрим,— продолжала Сонни Винути.— Может, она и выглядит ангелочком, однако женщины такого типа любят превращать мужчин в ничто.

— Ящик Пандоры,— сказал Рикки, вспомнив свое первое впечатление от актрисы.

— Что? О, да, я знаю, это старый фильм. Когда я была у вас последний раз, вы дважды упомянули Кэтрин Хэпберн и Спенсера Трейси.

— А как сейчас твои дела, Сонни?

— Пытаюсь начать сначала. Господи, как я пытаюсь! Разве можно добиться развода в Милбурне? Но я все еще надеюсь выяснить, кто я.

Рикки подумал о дочери, и его сердце дрогнуло.

Следующим к Рикки в уголок пришел Сирс Джеймс.

— Долгожданное уединение,— проворчал он, поставив фужер на столик и тяжело привалившись к книжному стеллажу.

— Не обольщайся.

— Отвратительный молодой человек только что пытался продать мне страховку. Он живет напротив.

— Я знаю его.

Поскольку они пришли к полному согласию относительно характеристики Фредди Робинсона, им больше

нечего было друг другу сказать. Наконец Сирс прервал молчание:

— Льюису, возможно, понадобится помощь, чтоб добраться до дому. Он малость перебрал.

— Ничего страшного, это ж не собрание нашего Клуба.

— Хм-м... Надеюсь, он подцепит какую-нибудь девочку, которая отвезет его домой.

Рикки с любопытством посмотрел на него: может, Сирс имел в виду кого-то персонально? — но тот просто любезно поглядывал на гостей и явно скучал.

— Ты разговаривал с почетной гостьей?

— Я даже не видел ее.

— Увидеть ее непросто. Кажется, она вон там... — Готорн качнул бокалом в том направлении, где он последний раз видел мисс Мор, однако актрисы там уже не обнаружилось. Эдвард разговаривал с Джоном — скорее всего, о ней, но Анн-Вероники Мор в комнате уже не было. — Ты последи за Эдвардом. Он отыщет ее.

— А там, у стойки бара, — сын Уолтера Барнса?

Хотя шел уже одиннадцатый час, Питер Барнс и его девушка надежно обосновались за стойкой, и официант, отпустивший Милли передохнуть, смешивал им напитки. У экономки доктора Джеффри не хватило духу разогнать подростков по домам, и самые смелые из них втянулись в ряды гостей наверху. Мелодия фортепиано, сменившая Арету Франклин, резко оборвалась, и Рикки увидел Джима Харди, который крутил в руках альбомы с пластинками, пытаясь выяснить, какой из них не самый древний.

— Ого, — сказал Готорн Сирсу. — У нас новый диско-жокей.

— Вот-вот, — вздохнул Сирс. — Я устал и ухожу домой. Шумная музыка будит во мне желание огреть кого-нибудь.

Он тяжело зашагал к выходу. Милли Шин встала у него на пути и что-то взволнованно начала рассказывать. Рик-

ки решил, что ее тревожит нашествие подростков. Сирс пожал плечами — это было не в его компетенции.

Рикки тоже захотелось домой, но Стелла пошла танцевать с Недом Роулзом, и вслед за ней несколько женщин заманили своих мужей поближе к проигрывателю. Подростки танцевали энергично, порой даже элегантно; взрослые рядом с ними выглядели нелепыми имитаторами. Рикки застонал: похоже, вечер затягивался далеко за полночь. Все заговорили громче, бармен смешивал по полдесятка коктейлей одновременно, пронося перевернутую вверх дном бутылку над выстроившимися в ряд бокалами со льдом. Сирс дошел наконец до дверей и исчез.

Кристина Барнс, высокая блондинка с алчным лицом, возникла перед Рикки.

— Поскольку командование возглавил мой сын, не потанцуешь ли со мной, Рикки?

— Боюсь, я не смогу быть кавалером, Кристина, — улыбнулся он. — Я не танцевал уже сорок лет.

— Видать, ты хорош в чем-то другом, если умудрился удерживать Стеллу все эти годы.

Судя по всему, дамочка переборщила с напитками.

— Да, — кивнул он. — А знаешь, в чем? Я никогда не теряю чувство юмора.

— Рикки, ты великолепен. Как бы я хотела как-нибудь на днях позвать тебя потереть мне спинку и выяснить, из чего ты сделан.

— Из старых отрывков карандашей и сводов законов.

Она неуклюже поцеловала его, ударив слегка по челюсти.

— Сонни Винути к тебе заходила пару месяцев назад? Я бы хотела переговорить об этом.

— Тогда приходи ко мне в офис, — сказал Рикки, зная, что она не явится.

— Прошу прощения, Кристина, — прервал их Эдвард Вандерлей, подойдя со стороны Готорна.

— Я оставляю вас, секретничайте. — И Кристина удалилась в поисках партнера для танца.

— Ты не видел ее? Не в курсе, где она? — Широкое лицо Эдварда выглядело по-мальчишески расстроенным.

— Мисс Мор? Понятия не имею. Ты потерял ее?

— Проклятье! Она просто испарилась.

— Да она, может, в туалете.

— Двадцать пять минут? — Вандерлей потер лоб.

— Не переживай за нее так, Эдвард.

— Я не переживаю. Я просто хочу найти ее. — Он приподнялся на цыпочках и, все еще потирая лоб кулаком, начал оглядывать комнату поверх голов танцующих. — Как ты думаешь, может, она вышла с одним из этих жутких мальчишек?

— Не могу сказать.

Эдвард хлопнул его по плечу и быстро пошел в глубь комнаты.

Кристина Барнс и Нед Роулз возникли на левом углу ковра, где только что стоял Эдвард, и Рикки обошел их, решив отыскать Стеллу. Через мгновение он увидел ее с Питером Барнсом — она явно отказывалась от предложения поучиться танцу живота. Увидев мужа, Стелла облегченно вздохнула и оставила мальчишку.

Музыка гремела с такой силой, что им пришлось говорить друг другу прямо в уши.

— Это самый выдающийся юноша, которого я знаю.

— Что он говорил тебе?

— Сказал, что я похожа на Энни Бэнкрофт.

В этот момент музыка резко оборвалась, и ответ Рикки слышали все:

— Надо запретить пускать в кино тех, кому не исполнилось тридцать.

Все, за исключением Эдварда Вандерлея, который насмешливо наблюдал за оцетинившимся Питером Барнсом, повернулись и посмотрели на Рикки и Стеллу. Затем неунывающий, оптимистичный Фредди Робинсон взял за руку подружку Джима Харди, следующая пластинка опустилась на проигрыватель, и все снова занялись делом, на-

зываемым вечеринкой. Эдвард говорил что-то мягко и настойчиво, но обиженный голос Питера Барнса все же успел долететь до Рикки за мгновение до начала музыки:

— Господи, да, может, она наверх ушла...

— Ну что, поедем? — спросил он Стеллу. — Сирс недавно ушел.

— О, давай еще немного побудем тут. Мы уж тысячу лет ничего подобного не делали. Мне так весело, Рикки! — Но, взглянув на его расстроенное лицо, попросила: — Потанцуй со мной, Рикки. Хоть разочек.

— Я не танцую, — ответил он, не слыша своего голоса из-за грохота музыки. — Наслаждайся. Но давай договоримся, что через полчаса уйдем, хорошо?

Она подмигнула ему, повернулась и тут же стала жертвой мафиози Лу Прайса.

Эдвард, не видя ничего перед собой, пронесся мимо.

Рикки бродил вокруг танцующих, отказавшись от предложения бармена выпить. Он поговорил с Милли Шин, устало сидевшей на диване.

— Думать не думала, во что это выльется, — пожаловалась Милли. — Мне часами придется все это отмывать.

— Заставь Джона помогать.

— Он всегда помогает. — Ее простое круглое лицо просияло. — В этом он великолепен.

Рикки пошел бродить дальше и в конце концов очутился на верхнем этаже. Здесь царила тишина. Может, актриса где-то тут, с одним из юношей? Он улыбнулся и тихо спустился вниз.

Смотровые доктора были пусты. Горел свет, на полу валялись растоптанные окурки сигарет, полупустые стаканы стояли на всех возможных поверхностях. Комнаты пропахли потом, пивом, табаком. Маленький портативный проигрыватель крутился в центре комнаты, щелкая иглой по пустым желобкам. Рикки поднял звукосниматель, опустил его на подставку и выключил проигрыватель. У Милли завтра будет много работы. Он взглянул на

часы. Двенадцать тридцать. Сверху, сквозь потолок, слышались пульсации баса и отдаленная мелодия.

Рикки сел в одно из кресел приемной, прикурил сигарету, затянулся и расслабился.

Несколько минут спустя он, слегка задремав, очнулся от звука шагов. Он выпрямился в кресле, услышав, как кто-то внизу открыл дверь.

— Кто здесь? — позвал он, не желая спугнуть единившуюся парочку.

— Кто это? Рикки, ты? — Джон Джеффри остановился у входа в приемную. — Что ты делаешь здесь? Ты не видел Эдварда?

— Я спустился сюда, здесь тихо. Эдвард носился повсюду и искал мисс Мор. Может, он поднялся наверх?

— Я очень беспокоюсь за него, — сказал Джон. — Он выглядел таким... взвинченным. Анн-Вероника танцует с Недом Роулзом. Неужели он не видел?

— Она недавно исчезла. Потому-то он и расстроился.

— Бедняга Эдвард. Ему не стоит так волноваться за нее. Она — золото. Ты бы видел ее! Она необыкновенно мила. А сейчас она еще краше, чем в начале вечера.

— Ну, что ж. — Готорн оттолкнулся руками от жесткого кресла и встал. — Помочь тебе найти Эдварда?

— Нет-нет-нет! Отдыхай. Я сам его найду — поищу в спальнях. Хотя, что он может там делать...

— Все так же искать ее, я полагаю.

Джон развернулся, проворчав, что беспокойство его не покидает, и вышел. Рикки неспешно последовал за ним.

Гарольд Симс танцевал со Стеллой, крепко прижав ее к себе, и что-то безостановочно говорил ей в ухо. Музыка была такой оглушающей, что Рикки хотелось кричать. Никто, кроме Сирса, не ушел, и молодые люди, многие уже подвыпившие, отплясывали вовсю — волосы развевались, руки мелькали. Маленькая актриса скакала с изда-

телем, Льюис беседовал с Кристиной Барнс на диване. Их абсолютно не заботило присутствие Милли Шин, дремавшей тут же, на диване, в нескольких дюймах от них. Рикки отчаянно мечтал очутиться сейчас в своей кровати. От шума разболелась голова. Его старые друзья, за исключением Сирса, совсем, казалось, потеряли рассудок. Льюис держал руку на колене Кристины, и его глаза пьяно косили. Неужели он на самом деле пытался соблазнить жену своего банкира? На глазах у мужа и сына?

Наверху упало что-то тяжелое, но услышал это только Рикки. Он вышел на площадку и увидел Джона Джеффри, стоящего наверху лестницы.

— Рикки...

— Что случилось, Джон?

— Эдвард... Это Эдвард...

— Он что-то уронил?

— Поднимись сюда, Рикки.

Готорн двинулся наверх, понемногу раздражаясь с каждой ступенькой. Джон выглядел потрясенным.

— Он что-нибудь опрокинул на себя? Поранился?

Джеффри стоял с раскрытым ртом. Наконец звуки снизу стали глуше.

— Это я опрокинул кресло. Я не знаю, что делать...

Рикки дошел до площадки и взглянул на опустошенное лицо Джеффри.

— Где он?

— Во второй спальне...

Поскольку Джон не двигался, Рикки один миновал холл и приблизился ко второй двери. Затем оглянулся — Джеффри кивнул, шумно слотнул и наконец подошел к нему.

— Здесь.

У Рикки пересохло во рту. Мечтая быть сейчас где-нибудь в другом месте и делать что-нибудь другое, он взялся за дверную ручку и повернул ее. Дверь отворилась.

Спальня оказалась холодная и почти пустая. Два пальто, Эдварда и актрисы, были кинуты поперек незастеленных матрасов. Эдвард Вандерлей лежал на полу — обе руки прижаты к груди, ноги сильно согнуты в коленях. Лицо его было ужасно.

Рикки отступил на шаг и чуть не упал, наткнувшись на кресло, которое перевернул до него Джон Джеффри. Без сомнения, Эдвард был мертв — Рикки не знал, как он это понял, но это было так. Тем не менее он спросил:

— Ты пощупал пульс?

— У него нет пульса. Он скончался.

Джон дрожал на пороге комнаты. Музыка и голоса доносились с лестницы.

Рикки заставил себя опуститься на колени возле Эдварда. Он дотронулся до руки приятеля, вцепившейся в зеленую рубашку, попытался нащупать пульс. И ничего не почувствовал — но ведь он не был врачом.

— Как ты думаешь, что с ним стряслось?

Готорн все еще был не в силах смотреть на перекошенное лицо Эдварда.

Джон сделал шаг в комнату.

— Сердечный приступ? Как ты думаешь, что это было?

— Не знаю... Да, вероятно. перевозбуждение. Но...

Рикки поднял глаза на Джеффри и убрал свою руку с еще теплого запястья Эдварда.

— Что — но?

— Не знаю. Не могу сказать. Но, Рикки, посмотри на его лицо.

Готорн посмотрел: сведенные судорогой мышцы, рот распахнут, словно в крике, пустые глаза. Это было лицо человека, которого жестоко пытали, заживо сдирали кожу.

— Рикки, — промолвил Джон. — Это прозвучит как не вполне медицинская формулировка, но... но впечатление такое, что его до смерти напугали.

Адвокат кивнул и поднялся. Именно так Эдвард и выглядел.

— Нельзя сюда никого пускать. Я спущусь и вызову «скорую».

6

На этом и закончилась вечеринка у Джеффри: Рикки Готорн вызвал по телефону «скорую», выключил проигрыватель, сообщил, что с Эдвардом Вандерлеем «случилось несчастье» и что помочь ему никто не в силах, и отправил три десятка гостей по домам. Он никому не разрешил подниматься наверх. Готорн искал Анн-Веронику Мор, но та уже ушла.

Полчаса спустя, когда тело Эдварда было на пути в больницу или морг, Рикки вез Стеллу домой.

— Ты не обратила внимание, когда она ушла? — спросил он жену.

— Минуту она потанцевала с Недом Роулзом, в следующую минуту была уже на пороге. Я подумала, что она собралась в уборную. Рикки, это ужасно.

— Да. Ужасно.

— Бедный Эдвард! Я все еще не могу поверить.

— И я. — Глаза наполнились слезами, и несколько секунд он вел машину вслепую. Чтобы только не молчать, чтобы только не вспоминать лицо Эдварда, он спросил: — Что она такого сказала тебе, что так тебя изумило?

— Что? Когда? Я едва обмолвилась с ней парой слов.

— В разгар вечеринки. Я видел, как вы беседовали, и мне показалось, что она тебя чем-то сильно удивила.

— О-о, — повысила голос Стелла. — Она спросила, замужем ли я. Я ответила, что да, я — миссис Готорн. И тогда она сказала: «О, я видела вашего мужа. Похоже, он будет достойным противником».

— Тебе, наверное, слышалось.

- Нет.
- Но это бессмыслица.
- Она так сказала.

А через неделю, когда Рикки позвонил в театр, в котором работала девушка, чтобы попытаться вернуть ей пальто, ему сообщили, что мисс Мор вернулась в Нью-Йорк — на следующий день после вечеринки неожиданно бросила пьесу и уехала из города. Никто не знал, где ее искать. Она просто исчезла, и слава богу — она была слишком молода, слишком нова здесь и оставила не слишком много воспоминаний о себе, чтобы стать легендой. В тот вечер, который тогда казался последним заседанием Клуба Фантазеров, Готорн, вдохновленный, повернулся к печальному Джону Джеффри и спросил:

— Каким был твой самый дурной поступок?

И Джон спас их, откликнувшись:

— Этого я вам не скажу, но поведаю о худшем в моей жизни происшествии. — И рассказал историю о призраках.

Часть 2

МЕСТЬ ДОКТОРА
РЭБИТФУТА

Идешь за тенью — она ведет тебя;
Попробуешь убежать — она преследует тебя.

Бен Джонсон

I

ДРУГАЯ НИВА, НО ЧТО ТАМ ПОСЕЯНО...

1

ИЗ ДНЕВНИКА ДОНА ВАНДЕРЛЕЯ

авнишняя идея о Докторе Рэбитфуте... идея новой книги, повесть о том, как Доктор Рэбитфут разрушает маленький город; как странствующий балаганщик раскидывает свой шатер на его окраине, торгует эликсирами, и снадобьями, и панацеей (чернокожий?) и даже показывает небольшую интермедию — джаз, танцовщицы, тромбоны и т. п. Зрители и воздушные шарики. И Милбурн — самое подходящее для этого место.

Прежде всего о самом городке, потом — о Докторе. Городишко моего дяди, Милбурн, — из тех населенных пунктов, жители которых сперва находят себе некое место заточения, а потом выют там гнездо. Он и не город, и не пригород — так себе, что-то среднее, слишком маленькое для первого и слишком емкое для второго, к тому же

преисполнено самосознанием собственного статуса. (Местная газета называется «Горожанин». Милбурн, похоже, гордится даже своими малюсенькими трущобами — районом в несколько улиц, именуемым Холлоу,— и словно выпячивает их напоказ: дескать, смотрите, у нас есть такие места, где надо соблюдать осторожность после захода солнца, мы и с годами не стали отсталыми, старомодными и непорочными. Комедия, да и только. Если когда-нибудь в Милбурн придет беда, она появится уж точно не из Холлоу.) Три четверти мужского населения работает где-то на стороне — в основном в Бингэмптоне,— так что дорога жизни питает город. Милбурн навеивает впечатление странно основанного и заселенного, неподвижного, тяжелого и в то же время весьма нервного поселения. (Они наверняка там без конца сплетничают друг о друге.) Нервного оттого, что его жителей, должно быть, не покидает чувство, что они навсегда что-то упустили, что долгие годы все-таки сделали их отсталыми и непорочными. Вероятно, я сумел это почувствовать, поскольку очень силен контраст сих мест с Калифорнией — там такого рода волнения незнакомы. Это очень похоже на ту особенную тревожную озабоченность, свойственную подобным городкам на северо-востоке. В общем, самое место для Доктора Рэбитфута.

(К слову о тревогах, эти трое пожилых мужчин, с которыми я познакомился сегодня — друзья моего дяди,— просто всецело охвачены ими. Несомненно, надо как-то разобраться с причиной, что заставила их пригласить меня,— они и не ведали, сколь тяжко мне было оставаться в Калифорнии и что я готов был уехать куда угодно, где бы смог продолжать работать.)

Чисто внешне, несомненно, эти места очень милы. Даже в коричневых тонах Холлоу есть какая-то неуловимая прелесть 30-х годов. Здесь имеются обязательная городская площадь, обязательные аллеи с деревьями — кленами, лиственницами, дубами; леса полны замшелого буре-

лома — такое впечатление, что леса и рощи вокруг города куда сильнее и здоровее, нежели зеленые насаждения в его центре. Кроме того, приехав сюда, я увидел большие дома, которые вполне заслуживают того, чтобы называться особняками.

И все же... это местечко — поистине великолепное, благословенное для начала романа о Докторе Рэбитфуте.

Нет, определенно он чернокожий. Он одет ярко, празднично, в старомодном стиле: короткие гетры, большое жабо, крикливый жилет. Он весел, сыплет словами. Немного зловещий тип — буги-мэн. Чуть зазеваетесь — и вы в его власти. Он обведет вас вокруг пальца. У него улыбка убийцы.

Увидеть его можно только ночью, в пустынном месте — вот он, тут как тут, стоит на помосте перед своей палаткой, вертит тростью под музыку своей джаз-банды. Его повсюду сопровождает приятная музыка — она струится сквозь его густые темные волосы, от саксофона кривятся губы. Он смотрит вам в глаза. Он приглашает вас полюбоваться его шоу, купить за доллар бутылочку его эликсира. Он говорит, что он славный Доктор Рэбитфут и что у него есть все, что душе угодно.

А что, если душе угодно бомбу? Или нож? Или медленную смерть?

Доктор Рэбитфут многозначительно подмигивает тебе. Ты готов. Просто достань доллар из кармана джинсов.

Теперь не забыть упомянуть то, что кажется очевидным: за персонажем, что я годами вынашиваю в себе, стоит Альма Мобли. Для нее тоже очень характерно давать то, чего пожелают...

И всегда за его воровской улыбкой, беспокойными руками, бесцветными и сверкающими глазами — зловещее веселье. А как насчет маленькой Альмы Мобли, юноша? Вообрази, ты закрываешь глаза и видишь ее — что тогда? Ну, видишь ее, хи-хи? Ты касался когда-нибудь при-

зрака? Ты притрагивался когда-нибудь к белой коже призрака? А тебя не преследуют кроткие глаза твоего брата?

2

Я отправился в офис написавшего мне адвоката, Сирса Джеймса, сразу, как приехал в город. Сурового вида белое здание на городской площади. День, серый с утра, выдался солнечным и холодным, и, прежде чем я увидел в приемной секретаршу, я подумал: может, это начало нового этапа моей жизни, но секретарша сказала мне, что оба — мистер Джеймс и мистер Готорн — на похоронах. И недавно нанятая секретарша тоже туда поехала, но это довольно бесцеремонно с ее стороны, ведь она не знала доктора Джеффри. О, они сейчас, наверное, на кладбище. А вы — мистер Вандерлей, которого они ждут? Вы, наверное, тоже не знали доктора Джеффри? О, он был такой славный, такой славный, он работал врачом в Милбурне лет сорок, он был добрейший в мире человек — не добренький, понимаете, — он прикасался к вам ладонями, и вы чувствовали, как добро льется из них... Женщина трещала и трещала, разглядывая, изучая меня и пытаясь понять, за каким дьяволом вызвал меня ее босс, а затем пожилая секретарша с сердитой улыбкой прикрыла коммутатор и бросила на стол свою козырную карту: дескать, разумеется, вы не в курсе, но он покончил с собой пять дней назад. Он прыгнул с моста — представляете? Такая трагедия! Мистер Джеймс и Рикки Готорн были потрясены. Они до сих пор так переживают... Теперь по милости этой девушки Ланны им приходится выполнять двойную работу, а еще этот ненормальный Эльмер Скейлс названивает каждый день, кричит на них из-за этих своих чetyрех овец... Что же может заставить такого человека, как доктор Джеффри, сотворить с собой такое, а?

«Он послушался Доктора Рэббитфута, леди».

О, вы все же хотите поехать на кладбище?

Да, он этого хотел. Ехать было недалеко — женщина ему подробно рассказала, как доехать. Вдоль дороги под названием Плэзант Хилл умирали под снегом, налетевшим слишком рано, бесконечные поля, и то здесь, то там ветер срывал с верхушек сугробов снежные нити, и они взмывали на мгновение вверх и опадали — словно руки в мольбе. *«Сколь удивительно заброшенной кажется эта местность, несмотря на то что за сотни лет люди исходили ее вдоль и поперек. Она словно раздавлена и печальна, ее душа или умерла, или ушла в себя в ожидании чуда, способного пробудить ее».*

Надпись «Кладбище Плэзант Хилл» была выбита во всю длину на узкой металлической полосе, приделанной к одному из железных заборных столбов; если б не эти большие ворота у проема, служившего входом на кладбище, Дон, сочтя это проездом на очередное холмистое поле, проехал бы мимо. Подкатив ближе, он с недоумением взглянул на ворота: какому же крестьянину пришла в голову грандиозная идея поставить баронские ворота над тракторным проездом; затем Дон притормозил, взглянул на тянущуюся вверх узкую дорогу — пошире тракторной колеи — и увидел полдюжину машин на вершине холма. Затем он заметил маленькую табличку: «Такая же нива, как и все, но, боже, что здесь посеяно». Он проехал через ворота.

Дон оставил свою машину несколько в стороне от других, на полпути до вершины, и оставшееся расстояние преодолел пешком. Ближе к нему оказалась старая часть кладбища. Покосившиеся надгробные плиты со следами давних надписей. Каменные ангелы вздымались руки, утяжеленные снегом. Гранитная девушка прикрыла глаза гранитной драпировкой, ниспадающей с предплечий. Скелеты растений венчали наклонившиеся надгробия. В конце старого кладбища узкая дорога раздваивалась и вела к обширному участку аккуратных маленьких над-

гробий. Пурпурные, серые и белые — они уменьшались по мере того, как земля все дальше откатывалась от них по склону: через мгновение Дон разглядел вдали изгородь, окаймляющую кладбище. В конце спуска виднелся катафалк; водитель в черной шляпе курил, пряча сигарету в кулак, чтобы этого не видели люди, кучкой сгрудившиеся у свежей могилы. Женщина в бесформенном, просторном голубом пальто держалась за другую, ростом повыше; остальные присутствующие застыли, прямые и недвижные, как столбы кладбищенского забора.

«Когда я увидел двух пожилых мужчин, стоявших рядом у края могилы, я сразу понял, что это и есть те два адвоката. Я стал спускаться по узкой дороге по направлению к ним. Затем я подумал: если покойный был врачом, то почему же так мало людей пришли с ним проститься, где все его пациенты?»

Мужчина с серебристо-седыми волосами, стоявший рядом с двумя адвокатами, заметил Дона первым и тихонько толкнул локтем одного из них, массивного, в черном пальто с меховым воротником. Здоровяк посмотрел на Вандерлея, затем — на своего низкорослого приятеля, стоявшего рядом и выглядевшего сильно простуженным, и тот, оторвав взор от священника, тоже вопросительно уставился на Дона. Даже пастор умолк на мгновение, опустил замерзшую руку в карман пальто и взглянул на молодого человека с удивленным смущением.

И наконец — контрастом к их внимательному изучению — доброжелательный взгляд одной из красавиц (дочери?) донес до него легкую, восхитительную улыбку.

Мужчина с серебристо-седой головой, выглядевший так, будто он только что сошел с киноэкрана, медленно приблизился к Дону.

— Вы друг Джона? — прошептал он.

— Меня зовут Дон Вандерлей, — так же тихо произнес Дон в ответ. — Я получил письмо от человека по имени Сирс Джеймс, и секретарша в его офисе сказала, что я могу найти его здесь.

— Черт, вы даже немного похожи на Эдварда.— Льюис сжал его руку повыше локтя.— Слушай, парень, нам сейчас не до тебя, побудь тут поблизости и ничего не говори, пока все не закончится. У тебя есть, где остановиться на ночь?

«Итак, я присоединился к ним, наполовину ловя их взгляды, наполовину избегая их. Женищина в бледно-голубом пальто согнулась подле другой — вызываясь красивой,— что ее подддерживала, и с искаженным лицом заголосила: «О, нет, о, нет, о, нет!» Скомканные цветные салфеточки у ее ног взлетали и кружились на ветру, хозяйничающем в низине. Время от времени одна из них улетала, словно пастельный фазан, и попадала в сеть изгороди. Ко времени нашего ухода десятки их прилипли к проволоке».

4

ФРЕДЕРИК ГОТОРН

«Какая молодец Стелла»,— отметил Рикки. В то время как трое оставшихся членов Клуба пытались бороться со своим горем, одна она подумала о положении Милли Шин. Сирс и Льюис, вероятно, как и он сам, решили, что она просто останется жить в доме Джона. Или же, если ей покажется одиноко в пустом доме, она переселится в отель «Арчер» и проживет там, пока не решит, как быть дальше. Он и Сирс знали, что финансовые затруднения ей не грозят: в своем завещании Джон Джеффри оставил ей дом и все, что имелось на его банковских счетах. Если сложить все вместе, она унаследовала что-то около ста тысяч долларов,— и если она решит остаться в Милбурне, то после уплаты налогов может обеспечить себе довольно комфортную жизнь. «Мы — адвокаты,— признался он самому себе,— и таков наш образ мыслей. И ничего с собой поделатъ не можем: во главу угла мы ставим крючкотворство, а люди отходят на второй план».

Конечно же, друзья думали о Джоне Джеффри. Новости обрушились на них около полудня того дня, когда сила воспоминаний Рикки достигла своего апогея. Он понял, что стряслось что-то ужасное, как только услышал на другом конце телефонной линии дрожащий голос Милли Шин.

— Это... Это...— невнятно говорила она прерывающимся голосом.— Мистер Готорн?

— Да, это я, Милли. Что случилось? — Он нажал кнопку селектора, соединяющего его с кабинетом Сирса, и попросил того включить свой динамик.— Что стряслось, Милли? — Он подумал о том, что у Сирса его голос, должно быть, звучит слишком громко; однако тихо говорить он не мог: динамики, воспроизводя голос клиента с нормальной громкостью, в то же время утраивали громкость голоса любого, находящегося на линии в офисе.

— Ты порвешь мне барабанные перепонки,— пожаловался Сирс.

— Извини,— сказал Рикки.— Милли, вы здесь? Сирс, Милли звонит.

— Я понял. Милли, чем могу помочь?

— О-о-о-о! — взывала она, и шею его словно обдало холодом.

В трубке стихло.

— Позови ее,— скомандовал Сирс.

— Милли, вы тут?

Рикки услышал, как телефон ударился обо что-то твердое.

Затем раздался голос Уолта Хардести:

— Алло, это шериф. Мистер Готорн?

— Да. Мистер Джеймс тоже на линии. Что происходит, Уолт? С Милли все в порядке?

— Она стоит, смотрит в окно. А кто она ему, жена? Я думал, жена.

Сирс не вытерпел и ворвался в их разговор — его голос прогрохотал в кабинете Рикки, как залп орудия:

— Она — его экономка. Теперь скажите нам, что у вас там происходит.

— А убивается прямо как жена. Вы — адвокаты доктора Джеффри?

— Да,— сказал Рикки.

— Вы еще не слышали про него?

Оба партнера молчали. Возможно, Сирс чувствовал то же, что и Рикки, но горло у него сдавило слишком сильно, чтобы говорить.

— Ну... он тут решил попрыгать,— сказал Хардести.— Эй, леди, успокойтесь, присядьте, что ли...

— Он... Что?!! — взревел Сирс.

— Ну, сиганул с моста с утра пораньше. Я и говорю — прыгун. Леди, успокойтесь, дайте поговорить.

— Леди зовут миссис Шин,— сказал Сирс, взяв себя в руки.— Она станет более управляемой, если вы удосужитесь называть ее так. А теперь, поскольку миссис Шин, очевидно, хотела поговорить с нами и не смогла, будьте добры, потрудитесь объяснить, что случилось с Джоном Джеффри.

— Он нырнул с...

— Следите за своей речью. Он упал с моста. С какого моста?

— Черт, да с моста через реку, с какого еще?

— В каком он состоянии?

— Мертв, как гвоздь, в каком же еще? Скажите, кто позаботится об опознании, оформлении и все такое? Эта леди не в себе...

— Мы,— сказал Рикки.

— И еще мы позаботимся кое о чем другом,— прорычал Сирс.— Ваше поведение позорно! Ваша манера выражаться постыдна! Вы болван, Хардести!

— Да погодите, черт вас...

— И еще! Если вы берете на себя ответственность заявлять, что доктор Джеффри совершил самоубийство, вы,

несомненно, на ложном пути, мой друг, и я советовал бы вам держать подобные домыслы при себе.

— Да Омар Норрис видел, как все было,— сказал Хардести.— Нам сейчас необходимо провести опознание перед вскрытием, так может, закончим разговор и вы подъедете сюда?

Через пять минут после того, как Рикки повесил трубку, на пороге появился Сирс, уже надевающий пальто.

— Это какая-то ошибка, но все равно поехали туда.

Телефон зазвонил снова.

— Не отвечай,— сказал Сирс, но Рикки снял трубку.

— Да?

— В приемной молодая женщина, она хочет вас видеть, мистер Джеймс,— доложила секретарша.

— Попросите ее прийти завтра, миссис Куаст. Сегодня утром скончался доктор Джеффри, и сейчас мы с мистером Джеймсом едем к мистеру Хардести.

— А что...— Едва не переступив черту осторожности, миссис Куаст сменила тему.— Я вам очень сочувствую, мистер Готорн. Вы хотите, чтоб я сообщила миссис Готорн?

— Да, и передайте, пожалуйста: я позвоню ей, как только смогу.

Сирс весь извелся от нетерпения, и когда Рикки выходил из-за стола, его компаньон стоял уже в коридоре, крутя в руках шляпу. Рикки схватил пальто и бросился догонять его.

Вдвоем они спустились в отделанный панелями холл.

— Этот мерзкий, безмозглый урод...— грохотал Сирс.— Как будто можно верить байкам Омара Норриса о чем-то, кроме виски и снегоочистителя.

Рикки остановился и притронулся к руке Сирса.

— Нам надо хорошенько все обдумать, Сирс. Джон ведь и в самом деле мог покончить с собой.— Эта мысль еще неглубоко проникла в него, и он заметил, что Сирс был полон решимости не давать ей просочиться.— У него

никогда не возникло бы ни желания, ни причины гулять по мосту, в особенности в такую погоду.

Лицо Сирса налилось кровью:

— Если ты так думаешь, значит, ты такой же болван! Мне плевать, может, он там ворон считал — но пошел он туда неспроста! — Он избегал смотреть Рикки в глаза. — Не знаю и не представляю, но *что-то* все же было. Разве вчера вечером он похож был на самоубийцу?

— Нет, но...

— Значит, оставим спор. Едем к нему домой. — Он обогнал Рикки и влетел в приемную, распахнув дверь ударом плеча. Рикки поспешил за ним следом и был слегка удивлен, увидев Сирса остановившимся напротив высокой темноволосой девушки с точеными чертами овального лица.

— Сирс, некогда ведь, скажи девушке, пусть зайдет завтра.

— Она говорит... — Сирс снял шляпу. Он выглядел так, словно его только что огрели доской по голове. — Повторите ему, что вы мне сказали, — обратился он к девушке.

— Я племянница Евы Галли, и я ищу работу.

Миссис Куаст отвернулась от девушки, которая скромно улыбалась ей, и покраснела, набрав номер Готорнов. Девушка отошла и принялась разглядывать китайскую графику, которой Стелла два-три года назад заменила висевшие там гравюры Одебона*. Новое и малопонятное — таково было суждение миссис Куаст и о графике, и о девушке.

— Нет, — вскрикнула Стелла Готорн, услышав о докторе Джеффри. — О, бедная Милли! Бедные все, конечно... Но я должна как-то помочь Милли...

Вытаскивая штекер из гнезда, миссис Куаст подумала: «Боже мой, какой здесь яркий свет! — А потом: — Ну и

* Джон Дж. Одебон (1758–1815) — американский натуралист, рисовавший и описывавший птиц Северной Америки.

ну, как же здесь темно, темно, как в аду. Видать, свет отключился и потом сразу включился.— Лампа на ее столе как будто и не гасла, и женщина потеряла глаза и тряхнула седой головой.— Да, Милли Шин жилось неплохо — в смысле, бывала в обществе, да и работка не пыльная...» И она расстроилась из-за печальной вести о докторе Джеффри, и оттого ей трудно говорить этой ничтожной девчонке, чтоб приходила завтра утром,— с ней поговорят о какой-нибудь секретарской работе для нее. «И вообще, что за чертовщина здесь творится?»

Между тем Рикки, глядя на Сирса, недоумевал. Секретарь? У них уже работает секретарша на полставки — Мэвис Ходж — и выполняет почти всю печатную работу; чтобы достаточно загрузить новую девушку, ей придется поручить разбор ненужной, лишней почты. Но, без сомнения, отнюдь не нехватка пары рук побудила Сирса так расспрашивать девушку, а имя — Ева Галли,— которое подействовало примерно так, как если выпить стакан портвейна, никогда прежде не пробовав его.. Сирс вдруг показался ему предельно уставшим. Бессонница, и ночные кошмары, и видение Фэнни Бэйта, и Эльмер Скейлс с его чертовыми овцами, и теперь смерть Джона («прыгуна») — все, разом обрушившееся, подкосило его. Рикки улавливал страх и усталость в своем давнем друге и видел теперь, что даже Сирс может расклеиться.

— Да, приходите завтра,— сказал он девушке, заметив, что правильные черты ее овального лица были более чем привлекательными, и уразумев: если что-то в этот момент не следовало напоминать Сирсу, то это имя «Ева Галли».

Миссис Куаст не сводила с них глаз, и Рикки попросил ее придумать, что отвечать на все звонки.

— Вероятно, умерший был вашим другом, — сказала Рикки девушка.— Мне так неловко, что я пришла в такой час.— Она печально улыбнулась, что было похоже на

искреннее сочувствие.— Пожалуйста, не задерживайтесь из-за меня.

Перед тем как повернуться к Сирсу, стоящему у двери, Рикки еще раз взглянул на ее хорошенькое лицо — бледный Сирс тем временем автоматически застегивал пуговицы пальто, — и Готорну показалось, что, возможно, наитие не обмануло его приятеля, возможно, появление этой девушки является частью некоей головоломки и ничто уже теперь не будет казаться случайным. Словно существовал какой-то план, и если они соберут воедино все детали головоломки, они ее разгадают.

— Может, это и не Джон вовсе, — буркнул Сирс в машине. — Хардести настолько непрофессионален, что я не удивляюсь, что у него Омар Норрис в свидетелях...

Его голос утас; они оба понимали, сколь призрачна эта надежда.

— Как холодно, — пожаловался Сирс, по-детски надув губы.

— Чертовски холодно, — согласился Рикки. Наконец подумав о другом, произнес: — По крайней мере, Милли не умрет с голоду.

Сирс вздохнул и словно оживился:

— И что тоже неплохо: она лишилась работы, дающей ей право подслушивать.

И опять воцарилось молчание, словно они вновь осознали, что уже примирились с тем фактом, что Джон Джеффри упал с моста и утонул в замерзающей реке.

Когда они, подобрав Хардести, приехали в крохотную тюрьму, где тело было временно оставлено до прибытия машины из морга, стало ясно, что Омар Норрис не ошибся. Покойный являлся Джоном Джеффри. Он казался более изможденным, чем при жизни. Редкие волосы прилипли к черепу, губы ввалились — он выглядел в точности, как в том кошмаре Рикки Готорна.

— Господи Иисусе... — прошептал Рикки.

Уолт Хардести ухмыльнулся:

— У него другое имя, господин адвокат.

— Выдайте нам бланки, Хардести,— тихо произнес Сирс и, будучи Сирсом Джеймсом, добавил: — Его вещи мы тоже заберем с собой, если вы не умудрились их потерять, как его зубные протезы.

Они надеялись найти хоть малейшую зацепку, осмотрев кучку принадлежавших Джеффри мелочей в конверте, что отдал им шериф. Однако среди предметов, собранных из карманов Джона, ничего такого не оказалось. Расческа, шесть запонок, экземпляр «Как стать хирургом», шариковая ручка, связка ключей в потертом кожаном мешочке, три четвертака и один дайм*.— Сирс разложил все это у себя на бедре, сидя на переднем сиденье старого «бьюика» Рикки.

— Эх, если б была записка...— вздохнул Сирс, тяжело отвалился на спинку сиденья и потер глаза.— Я начинаю ощущать себя представителем биологического вида, находящегося под угрозой исчезновения.— Он снова выпрямился и взглянул на разложенные предметы.— Хочешь взять себе что-нибудь из этого, или мы просто отдадим все Милли?

— Может, Льюис захочет взять запонки?

— Давай отдадим их ему. Кстати, Льюис! Надо сообщить ему. Будем возвращаться в офис?

Потрясенные, они молча сидели на теплых сиденьях старой машины. Сирс достал длинную сигару, отрезал кончик и, исключив обычный ритуал разглядывания и обнюхивания, поднес к ней зажигалку. Рикки безропотно опустил со своей стороны стекло: он знал, что Сирс курит, скорее, машинально, даже не осознавая этого.

— Странно, Рикки,— сказал адвокат.— Джона больше нет, а мы говорим о запонках.

Рикки запустил двигатель:

— Поехали на Мелроуз-авеню и выпьем там.

* Дайм — монета в полцента.

Сирс убрал скорбную коллекцию обратно в конверт, сложил его пополам и опустил в карман пальто.

— Следи за дорогой. Ты разве не заметил — опять снег пошел?

— Нет, не заметил,— помотал головой Рикки.— Если он выпал так рано и будет сыпаться и дальше, то нас завалит еще до зимы. Может, пора запастись консервами, на всякий случай?

Рикки включил фары, зная заранее, что, если он этого не сделает, Сирс вскорости скамандует ему. По серому небу, уже несколько недель висевшему над городом и сейчас потемневшему почти до черноты, волнами катились облака.

— П-ф-ф,— недовольно фыркнул Сирс.— Последний раз такое было в...

— Я тогда вернулся из Европы. 1947-й. Жуткая выдалась зима.

— А еще до этого — в двадцатые годы.

— В 1926-м. Снегу было почти до крыш.

— И были жертвы. Моя соседка погибла под этим снегом.

— Кто это был? — спросил Рикки.

— Ее звали Виола Фридриксон. Застряла в автомобиле. Замерзла насмерть. Фридриксоны, кстати, были владельцами дома Джона.— Сирс снова устало вздохнул, когда Рикки, повернув на площадь, проезжал мимо отеля — его темные окна перечеркивались летящими хлопьями снега, крупными, как ватные шарики.— Господи, Рикки, у тебя открыто окно! Ты что, хочешь нас заморозить? — Он поднял руки, чтобы прикрыть подбородок воротником пальто, и тут заметил сигару, зажатую между пальцами.— О, прости. Привычка...— Он чуть приоткрыл свое окно и выбросил в него окурок.— Какая гадость!

Рикки вспомнились тело Джона Джеффри, распростертое на столе в камере, голубоватая кожа черепа; он

подумал о том, что надо сообщить страшную новость Льюису.

Сирс кашлянул:

— Не пойму, почему до сих пор ничего не слышно от племянника Эдварда.

— Может, он появится неожиданно.

Снегопад как будто немного утих.

— Так-то лучше,— пробормотал Рикки. Затем подумал: «А может, и нет». Висели какие-то необычные полуденные сумерки, и свет фар не улучшал видимость — буквально перед капотом он рассеивался. Зато дома и другие разрозненные городские объекты, казалось, светились сами по себе, но не желтым светом автомобильных фар, а белым — белым светом, отраженным от облаков, что кипели и клубились над головой; там светилась ограда полицейского участка, здесь — дверь и лепное украшение. Тут — отдельные камни в стене, там — тополя на аллее. Их бескровная белизна напоминала Рикки зловещий оттенок лица Джона Джеффри. А небо над этими отдельными сияющими предметами и над клубящимися облаками стало еще темней.

— Как ты считаешь, что произошло? — спросил Сирс. Рикки свернул на Мелроуз-авеню.

— Не хочешь заскочить домой, взять что-нибудь?

— Нет. У тебя есть мнение или нет?

— Я бы хотел знать, что случилось с овцами Эльмера Скейлса.

Они подъезжали к дому Рикки, и Сирс выказал нетерпение:

— Да черт с ними, с овцами Нашего Вергилия.

Он захотел поскорее выйти из машины, прекратить дискуссию, а если б Рикки напомнил ему о видении босоногого Фэнни Бэйта на лестнице, Сирс заревел бы медведем. Рикки все это понял, но все же, когда они оба вышли из машины и стали подниматься к дверям, спросил:

— Кстати, эта девушка, сегодня утром...

— И что девушка?

Рикки вставил ключ в дверь.

— Если хочешь сделать вид, что нам нужна секретарша,— отлично, но...

Стелла открывала дверь и сразу же заговорила:

— Я так рада, что вы оба здесь. Я так боялась, что вы поедете к себе на дурацкую Уит Роу и будете притворяться, будто ничего не произошло. Будете якобы работать и держать меня в неведении! Сирс, пожалуйста, входи, а то мы так дом выстудим. Входите же!

Они прошаркали в прихожую, двигаясь, как две усталые клячи, и сняли пальто.

— Вы оба ужасно выглядите. Ошибка исключена? Это был Джон?

— Это был Джон,— отозвался Рикки.— Больше нам ничего не известно, Стелла. Похоже, что он на самом деле прыгнул с моста.

— О боже...— сказала Стелла, и вся ее кратковременная живость улетучилась.— Бедный Клуб Фантазеров...

— Аминь,— выдохнул Сирс.

По завершении позднего ужина Стелла сказала, что приготовит и отнесет поднос для Милли.

— Может, покают чуть-чуть.

— Милли? — спросил Рикки.

— Милли Шин, разрешите вам напомнить. Я же не могла оставить ее метаться по огромному дому Джона. Сходила и привела ее сюда. Она совершенно разбита, бедняжка, и я уложила ее в постель. Сегодня утром она проснулась и все искала Джона по дому, пока не приехал этот жуткий Уолтер Хардести.

— Хорошо,— сказал Рикки.

— Он говорит, хорошо! Если б ты и Сирс не были так заняты собой, то могли бы и о ней подумать.

Лтакованный, Сирс поднял голову и моргнул:

— Милли не о чем беспокоиться. Ей остается дом Джона и несообразно крупная сумма денег.

— Несообразно, Сирс? Почему бы тебе самому не отнести ей поднос наверх и не сказать, какой благодарной она должна быть? Ты думаешь, ей станет легче от этого? От того, что Джон Джеффри завещал ей несколько тысяч долларов?

— Едва ли несколько тысяч, Стелла,— вмешался Рикки.— Джон завещал Милли почти все свое имущество.

— Ну, значит, так и должно было быть,— заявила Стелла и, чеканя шаг, вышла из кухни, оставив их в недоумении.

Сирс спросил:

— У тебя никогда не возникало трудностей с расшифровкой ее высказываний?

— Периодически возникают,— грустно улыбнулся Рикки.— Где-то была книга с шифрами, но думаю, что она ее выкинула сразу после свадьбы. Будем звонить Льюису? Мы и так уже слишком затянули.

— Дай мне телефон.

5

ЛЬЮИС БЕНЕДИКТ

Льюис не был голоден и готовил себе завтрак, скорее, по привычке: творог, болонская копченая колбаса с хлебом и толстый кусок сыра от Отто Грубе, который тот делал на своей маленькой сырной фабрике, что находилась в паре миль от Эфтона. Немного расстроенный утренними событиями, Льюис с удовольствием подумал об Отто. Отто Грубе был легким в общении человеком, крупным, почти как Сирс, но с сутулой от многолетнего стояния над чаном спиной; он обладал красным жизнерадостным лицом клоуна и огромными плечами и руками. Отто так комментировал смерть его жены:

— С тобой беда приключилась в Испании, да? Мне говорили в городе... Это очень грустно, Льюис.

После всех дежурных соболезнований от знакомых это глубоко тронуло Льюиса. Отто с его молочно-белой от многочасовой работы на сыроварне кожей, Отто с его собаками для охоты на енотов отличался поистине нестигаемым духом.

Заканчивая завтрак, Льюис подумал, что надо бы на днях съездить к нему; он возьмет ружье, и они с Отто и его собаками пойдут поохотиться на енотов, если снег прекратится. Немецкая прямота Отто — вот чего ему сейчас не хватало.

Но снег опять повалил; собаки, наверное, сейчас гавкали в вольерах, а Отто сливал сыворотку, кляня раннюю зиму.

«Очень грустно»... Грустно то, что случилось, а в особенности с Джоном. Какая-то загадка. Как, впрочем, и с Эдвардом.

Он резко поднялся, собрал тарелки и положил их в мойку, затем взглянул на часы и застонал. Одиннадцать тридцать, и ленч уже окончен; конец дня еще очень далеко, словно маячащие вдали альпийские вершины. Льюис даже не позаботился о том, чтоб пригласить какую-нибудь девушку поболтать, скоротать вечерок, не предвиделось и более утонченного удовольствия — встречи с Кристиной Барнс.

Льюису Бенедикту с успехом удавалось то, что в таком маленьком городишке, как Милбурн, казалось невозможным: с первого же месяца, как вернулся из Испании, он организовал свою личную жизнь так, что она стала для всех секретом. Он соблазнял студенток колледжа, молодых учительниц, косметологов, хрупких девушек, торговавших косметикой в универсаме «Янг Бразерс», — буквально любую, показавшуюся ему достаточно хорошенькой. Пуская в ход свою приятную внешность, естественное обаяние и юмор, а также деньги, Льюис способствовал тому, что в городской мифологии сделался довольно комичной фигурой: таким стареющим плейбо-

ем, пожилым Кавалером-Петухом. Живой, веселый, удивительно беззаботный, Льюис возил своих подружек в лучшие рестораны в радиусе сорока миль, заказывал лучшие вина и блюда. Он приглашал в свою спальню (или его приглашала в свою) чуть ли не каждую пятую из всех этих девиц — тех, что своим смехом давали понять, что никогда не смогут воспринимать его всерьез. Когда какая-нибудь пара — скажем, Уолтер и Кристина Барнс — отправлялась в «Олд Милл» у Кирквуда или в «Кристо» между Белденом и Харпурсвиллем, она вполне могла увидеть там седую голову Льюиса, наклонившуюся вперед к хорошенькой мордашке развеселившейся девушки втрое моложе его. «Ты только взгляни на этого старого плута, — сказал бы тогда Уолтер Барнс. — Опять за свое». Его жена улыбнулась бы в ответ, но трудно было бы сказать, что означает ее улыбка.

А Льюис между тем под своей комичной репутацией замаскировывал серьезные привязанности и пользовался публичными романами, чтобы скрыть более глубокие, истинные взаимоотношения с женщинами. Он проводил вечера или ночи с девушками; с женщинами же, которых любил, он встречался раз-два в неделю и, как правило, в середине дня, когда их мужья были на работе. Первой из них была Стелла Готорн — хотя в некоторых отношениях и наименее утоленная его любовь, однако как бы служившая образцом для остальных увлечений. Стелла была чересчур бесцеремонной и остроумной, она держалась с ним слишком легкомысленно. Она просто развлекалась — а простое развлечение могли подарить ему молоденькие учительницы и косметички. Он же хотел чувства, он хотел душевного волнения. Стелла была единственной женой в Милбурне, которая, преподнося ему себя, ускользала от такого чувства. Она вернула ему его образ плейбоя — сознательно. Его любовь к ней была краткой и всеобъемлющей, но их потребности абсолютно не совпа-

дали. Стелла совершенно не хотела Sturm und Drang*; Льюис же в глубине своего требующего сердца знал, что он ищет и желает вновь обрести те чувства, которые дарил ему Аинда. Ветренный Льюис был ветренным только внешне. С большой печалью в душе он расстался со Стеллой: она не поняла или не приняла ни одного из его намеков, предложенные ей чувства не тронули ее. Он знал: она решила, что он просто ударился в серию пустых интрижек с девчонками.

Однако, несмотря ни на что, он попробовал сначала, восемь лет назад, с Леотой Маллигэн, женой Кларка. После Леоты — с Сонни Винути, затем — с Лаурой Ботц, женой дантиста Харлана Ботца, и, наконец, год назад — с Кристиной Барнс. Он заботливо ухаживал за каждой из этих женщин. Он любил в них цельность, их привязанность к своим мужьям, их потребности, чувство юмора. Он любил в них недостаток ребячества. Аюбил их дома и машины. Аюбил просто поговорить с ними. Они понимали его, и каждая из них прекрасно сознавала, что он им мог дать: скорее тайное замужество, нежели интрижку.

Когда чувство утрачивало новизну и начинались повторения — все заканчивалось. Льюис до сих пор любил каждую из них; он все еще любил Кристину, но...

«Но» состояло в том, что перед ним была стена. Стеной Льюис называл тот момент, когда он начинал думать, что глубокие поначалу взаимоотношения обернулись очередной тривиальной интрижкой. Тогда приходилось их «вытаскивать». Частенько, во время вот таких «вытаскиваний», он обнаруживал, что думает о Стелле Готорн.

Разумеется, не было и речи о том, чтоб мечтать провести вечер со Стеллой. Это означало бы признаться самому себе в абсолютной глупости.

* Sturm und Drang — «буря и натиск» (нем.) — от названия литературного движения в Германии XVIII в., характеризовавшегося резкостью и эмоциональностью.

А что могло быть глупее этого странного видения нынче утром? Льюис оторвал взгляд от мойки, чтобы взглянуть в окно на тропинку, убегающую в лес. Он вспомнил, как мчался по ней, задыхаясь, как заходило от ужаса сердце, — ну разве не осел? Падал пушистый снег, такой знакомый лес тянул белые руки-ветви, тропинка, такая мирная, делала вираж в никуда.

— Когда падаешь с лошади, ты встаешь и садишься на нее снова, — самому себе сказал Льюис. — Ты просто начинаешь все сначала.

Что такое? Что он слышит — голоса? Нет, это его мысли вслух. Это он сам себя испугал, припомнив слишком детально последний вечер в жизни Линды. Воспоминание о тех событиях вкупе с ночным кошмаром — приближавшимися к нему Сирсом и Джоном — настолько мистифицировало его ощущения, что он вел себя, как персонаж одной из историй Клуба Фантазеров. Не было никакого жуткого незнакомца на той тропке; невозможно пройти незамеченным и неслышанным через его лес. Все это ясно как божий день.

Льюис поднялся в спальню, скинул мокасины, надел сапоги, натянул свитер и лыжную куртку и спустился к двери на кухню.

Его утренние следы наполнялись снегом. Воздух был восхитителен — морозный и хрустящий, как яблоко; по-прежнему падал легкий снег. Если не выйдет поохотиться с Отто Грубе, надо будет покататься на лыжах. Льюис прошел через двор и ступил на тропинку. Темное небо над головой облегал облака, но день все же был наполнен серым светом. Снег на еловых лапах блестел по-особенному — словно при лунном свете.

Он сознательно пошел по тропинке в том направлении, откуда бежал утром. И удивился своему страху, вызвавшему колики в животе.

— Ну вот, я здесь — приди, возьми меня! — произнес он и улыбнулся.

Он почувствовал, что кругом ни души — лишь день, лес, его дом за спиной; через мгновение он понял, что страх тоже исчез.

И сейчас, двигаясь к лесу по свежему снегу, Льюис вдруг обрел новое ощущение. Вероятно, это объяснялось тем, что он смотрел на лес в непривычном ракурсе, идя к нему в обратном направлении, — а может, потому, что впервые за много недель он не бежал через лес, а шел пешком. Как бы там ни было, лес теперь казался ему иллюстрацией с книжной страницы — не настоящим, а нарисованным на листе бумаги. Это был лес из волшебной сказки, слишком отчетливый, слишком спокойный — будто выведенный черной тушью, — чтобы казаться реальным. Даже тропинка, игриво заворачивающаяся в никуда, виделась сказочной тропинкой.

Перед ним была ясность, порождающая тайну. Каждая веточка, каждое сплетение тонких стволов — все вырисовывалось отдельно, играя своей собственной жизнью. Какое-то неправильное, искаженное волшебство реяло отовсюду. Углубившись дальше в лес, куда не проник свежевыпавший снег, Льюис увидел свои утренние следы — и они тоже показались призрачными, нереальными, явившимися из сказки, — эти отпечатки на снегу, бегущие ему навстречу.

Льюис был слишком возбужден, чтобы после такой прогулки сидеть дома. Пустота дома свидетельствовала, что в нем нет женщины и в ближайшее время не предвидится, если только не появится Кристина Барнс — для финального скандала. Кое-какие работы по дому уже несколько недель ждали завершения: следовало проверить отстойник канализации, стол в гостиной был в плачевном состоянии и требовал полировки, так же как и почти все столовое серебро, — однако эти дела могли подождать еще столько же. Так и не сняв свитер и парку, он бродил

по дому с одного этажа на другой, не задерживаясь ни в одной комнате.

Он вошел в гостиную. Большой стол красного дерева смотрелся укором хозяйину: его поверхность потускнела, там и сям виднелись царапины оттого, что на него ставили керамическую посуду без скатерти. Букет цветов в вазе посередине стола увял; несколько лепестков лежали под вазой, напоминая мертвых пчел.

— Неужели ты предполагал кого-то увидеть здесь? — спросил он себя. — И разочарован тем, что не увидел?

«Ну, хорошо». Он помотал головой, отнес цветы на кухню и бросил их в мусорную корзину. «Так кого ты хотел встретить? Себя?» Льюис вдруг покраснел.

Он поставил опустевшую вазу на полку и, выйдя из дому, пересек двор, направляясь к бывшей конюшне, которую один из прежних владельцев переоборудовал в гараж и мастерскую. «Морган» стоял рядом с верстаком, заваленным отвертками, плоскогубцами и кисточками в банках. Льюис нагнулся, открыл дверь машины и сел за руль. Он выехал из гаража, свернул налево, вышел из машины и закрыл дом. Затем развернул машину и по дорожке вырулил на шоссе. Он сразу же почувствовал себя в родной стихии: ветер поднял на дыбы откидной верх «моргана», прижал и разделил пополам волосы Льюиса. Бак был почти полон.

Через пятнадцать минут его уже окружали холмы и поля. Он выбирал дороги поменьше и попустынее, разгоняясь до семидесяти, иногда — восьмидесяти миль, когда видел перед собой прямой участок. Порой на поворотах маленькую машину заносило, но Льюис умелой рукой выправлял «моргана», даже об этом не задумываясь. Он очень хорошо водил машину.

В конце концов он осознал, что повторяет свой маршрут, которым, будучи еще студентом, возвращался из Корнелла. Разница была лишь в том, что максимальная скорость тогда была тридцать миль в час.

После двухчасовой езды по узким дорогам, мимо ферм и парков его лицо просто ныло от холода. Он оказался в округе Томпкинс, близ Итаки, и местность вокруг была более лиричной, чем у Бингэмптона,— поднимаясь на вершины холмов, он видел черную ленту дороги, уносящуюся вперед и вниз. Небо потемнело, хотя был еще только полдень: Льюис подумал, что к ночи опять повалит снег. Затем впереди показался участок дороги, на котором, он знал, его «морган» могло развернуть почти на сто восемьдесят. Однако Льюис напомнил себе, что ему шестьдесят пять лет — слишком много для таких финтов. И повернул в сторону дома.

Снизив скорость, он миновал долину по направлению к Харфорду, двигаясь обратно на восток. На прямых участках Бенедикт опять разгонялся, но не выше семидесяти. Скорость, холодный бриз и изящество его маленькой машины все еще доставляли удовольствие, как и не покидавшее его ощущение — словно он был тем самым юношей, мчавшимся из университета домой.

Понемногу начинался снегопад.

Недалеко от аэродрома близ «Глен Обри» он миновал лесопосадку с голыми кленами и увидел в них сверкающие, четкие контуры своего леса. Они были пронизаны волшебством, каким-то скрытым смыслом, являвшимся частью запутанной сказки, в которой герои-лисы оказывались заколдованными ведьмой принцами. Он даже увидел следы, бегущие к нему.

«...вообрази, что ты вышел на прогулку и увидел самого себя, бегущего к тебе,— твои волосы развеваются, лицо искажено страхом...»

Внутри у него вдруг похолодело — как его замерзшее лицо. Впереди, прямо на дороге стояла женщина. Он успел лишь заметить испуг и смятение в ее позе, волосы, развевающиеся за плечами. Льюис крутанул руль, гадая, откуда, к черту, она здесь взялась («Господи, она просто рвется под колеса!»),— и в то же мгновение понял, что

мчится прямо на нее. Машину повлекло в занос и начало разворачивать.

Задняя часть корпуса «моргана» медленно приблизилась к девушке. Затем машину отбросило к обочине, она какое-то время пла на боку, и Льюис потерял девушку из виду. В панике он вывернул руль в другую сторону. Время словно черствыми ломтями отрезалось и падало, заключив его в твердую оболочку, — он сидел в летящей машине, бессильный что-то изменить. Затем структура мгновения изменилась, оболочка лопнула, и время потекло, и он — пассивный, каким ни разу в жизни не был, — понял, что машину снесло с дороги: все это происходило невероятно медленно, с какой-то ленцой, а «морган» просто плаыл.

Через мгновение все кончилось. Машина с диким утробным скрежетом остановилась на поле, капотом к дороге. Девушки, которую он, вероятно, сбил, не было видно. Рот наполнился вкусом крови; сжимавшие руль руки тряслись. Наверняка он сбил девушку, и тело ее отлетело в кювет.

Льюис с трудом открыл дверь и выбрался наружу. Ноги тоже дрожали. Он сразу понял, что «морган» застрял: задние колеса прочно вцепились в мерзлую грязь борозды, которая словно болтами притянула машину к полю. Понадобится тягач.

— Эй! — крикнул он. — Где вы, с вами все в порядке?!

Ноги его не шли. Шатаясь, Льюис побрел к шоссе. Он увидел следы сумасшедших виражей своей машины. Мышцы бедер ныли. Он чувствовал себя полным стариком.

— Эй! Леди!

Девушки нигде не было видно. Сердце заходило; ковыляя, он перешел через дорогу, страшаясь того, что может обнаружить в кювете: руки-ноги раскинуты в стороны, голова набок... Однако в кювете, как в колыбели, лежал лишь чистый нетронутый снег. Он взглянул вверх и вниз вдоль шоссе — никого.

Наконец Бенедикт сдался. Возможно, женщина как-то незаметно ушла — так же, как и появилась. Или помешалась ему. Он потерял глаза. Бедро все еще ныло. Льюис с трудом двинулся вниз по дороге, надеясь увидеть какую-нибудь ферму, откуда можно позвонить в аварийную службу. Когда он наконец нашел жилье, мужчина с густой черной бородой и злыми глазами разрешил ему воспользоваться телефоном, однако прибытия аварийки заставил ждать на крыльце.

Он попал домой только к семи вечера. Голодный, Льюис все еще был раздражен. Девушка появилась только на мгновение, выпрыгнула, как олень, на дорогу, и когда машину занесло, он потерял ее из виду. Но на такой прямой дороге — куда она могла деться, куда успеть убежать после того, как он приземлился на поле? Может, она погибла и осталась в кювете? Да нет, даже от столкновения с собакой на корпусе «моргана» осталась бы большая вмятина, однако машина была цела.

— Дьявол! — громко выругался он.

Машина все еще стояла на подъездной аллее; он пробыл дома совсем недолго — только успел согреться. Его дневное беспокойство, то неодолимое чувство, что, если он будет сидеть на месте, случится что-нибудь дурное, вновь вернулось — что-то похуже сегодняшней аварии грозило ему, словно ствол нацеленного на него ружья. Льюис поднялся в спальню, снял parky и свитер, надел свежую рубашку, репсовый галстук и двубортный блейзер. Он решил отправиться в «Хемфрис Плэйс» и подкрепиться гамбургером и парой пива.

Стоянка была почти забита, и Льюису пришлось оставить машину около шоссе. Легкий снегопад стих, но воздух был так холоден и колюч, что казалось, махнул рукой — и он разлетится мелкими осколками. С витрины бара мигала реклама пива, через парковку доносилось

треньканье кантри — квартет исполнял «Крутящееся нукеечное ядро».

Когда он вошел, резкий звук скрипки больно резанул слух, и Льюис нахмурился, взглянув на музыканта, пилившего на сцене, — волосы до плеч, левое бедро и правая ступня дергались в такт странной мелодии, глаза закрыты. Буквально через мгновение музыка снова стала похожа на музыку, но головная боль осталась. В баре было многолюдно и так жарко, что Льюис почти сразу же начал потеть. Крупный, бесформенный Хемфри Стэлледж, в фартуке поверх белой рубашки, сновал туда-сюда за стойкой. Все столики у эстрады были заняты молодежью, дующей пиво из кувшинчиков. Глядя на их затылки, Льюис не мог отличить парней от девушек.

«А что, если ты увидишь себя самого, бегущего себе навстречу, бегущего навстречу свету фар твоей машины, — волосы твои развеваются, лицо искажено страхом...»

— Принести тебе что-нибудь, Льюис? — спросил Хемфри.

— Две таблетки аспирина и пиво. Жутко болит голова. Да, и гамбургер, Хемфри. Спасибо.

В другом конце бара, забравшись подальше от музыкантов, вспотевший и немый Омар Норрис развлекал группу мужчин. Рассказывая что-то, он выпучивал глаза, размахивал руками, и Льюис знал, что если стоять рядом с ним, то слюна Омара непременно забрызгает лацканы пиджака. Когда Омар был моложе, его байки о том, как он улизнул из-под надзора жены или окружного инспектора по уборке, о хитростях, к которым он прибегал, чтобы увернуться от любой работы, кроме как Санта-Клаусом в универсаме и очистки улиц от снега, были достаточно остроумны и веселы, но сейчас Льюис немного удивился тому, что Норрису удалось заставить кого-то его слушать. Кое-кто даже покупал ему выпить. Стэлледж принес аспирин и поставил на стол стакан пива.

— Гамбургер на подходе,— сообщил он.

Льюис положил таблетки на язык и запил их. Группа наконец отыграла про крутящееся ядро и завела другую песню, ему не знакомую. Одна из девушек за столиком напротив сцены обернулась и посмотрела на него. Льюис кивнул незнакомке.

Допив пиво, Бенедикт оглядел сидящих в баре. У фронтальной стены было несколько свободных мест. Он подал знак Хемфри, указав глазами на свой пустой стакан, и когда его наполнили, Льюис поднялся и пошел через зал. Если сейчас не занять стул, ему придется коротать вечер у стойки. На полпути он кивнул фармацевту Ролло Дрэгеру — вырвался из дому отдохнуть от бесконечных жалоб Ирменгард — и запоздало узнал парня, сидящего с девушкой, которая недавно смотрела на него. Это был Джим Харди, сын Элеоноры, в последнее время обычно гулявший с дочерью Дрэгеров. Он оглянулся на парочку и увидел, что они оба смотрят на него. «Подозрительный парень,— подумал Льюис.— Блондин, широкий в кости, сильный — но словно какой-то неистовый, необузданный. И всегда ухмыляется». Хардести говорил Бенедикту, что Джим Харди, вероятно, был одним из тех, кто поджег брошенную конюшню Пафа и близлежащее поле. И сейчас парень по своему обыкновению ухмылялся Льюису. Девушка, сидевшая с ним, была старше Пенни Дрэгер и, пожалуй, симпатичнее.

Припомнив давние времена, когда все было гораздо проще, Льюис представил, будто бы он сидел сейчас рядом с девушкой, слушал выступление группы — Нобла Сисси или Бенни Гудмана — и увидел себя, пылающего юношу. Память автоматически заставила его оглядеться в поисках строгого лица Стеллы Готорн, хотя, едва войдя сюда, Льюис непроизвольно отметил, что ее здесь нет.

Появился Хемфри с гамбургером, взглянул на его стакан и сказал:

— Если твой стакан так быстро пустеет, может, дать тебе кувшинчик?

Льюис даже не заметил, когда он прикончил вторую порцию пива.

— Отличная идея!

— Ты что-то неважно выглядишь,— заметил Хемфри.

Оркестр, недолго что-то обсуждавший, с шумом взялся за работу и избавил Льюиса от необходимости отвечать. Две барменши — помощницы Хемфри, Анни и Энни,— вошли в бар, запустив волну холодного воздуха. В облике Анни было что-то цыганское — волна кудрявых черных волос и круглое чувственное лицо; Энни была похожа на скандинавку — сильные, хорошей формы ноги, красивые зубы. Им обоим было чуть больше тридцати, а разговаривали они, как настоящие интеллектуалки. У каждой из них имелся мужчина, обе жили в провинции и были бездетны. Льюис просто обожал обеих и приглашал иногда одну или другую пообедать. Анни заметила его и помахала рукой, он — ей в ответ, и тут музыкант, сменивший скрипку на гитару, взвыл:

Ты растеряла свой пыл, я — свой,
Где ж теперь найти нам сад,
Чтобы взрастить наши мечты?..

Хемфри отошел, чтобы дать инструкции помощницам. Льюис принялся за гамбургер.

Когда он поднял глаза, перед ним стоял Нед Роулз. Льюис, дожевывая, привстал со стула и кивнул Роулзу, чтоб тот присаживался рядом. Нед тоже нравился ему; он сделал «Горожанина» интересной газетой — не провинциальным листком с хронологией пикников, отчетами пожарной службы и объявлениями о бакалейной распродаже.

— Помоги допить,— предложил он и наполнил пустой стакан Неда пивом из своего кувшинчика.

— А мне? — прозвучал из-за плеча низкий, с хрипотцой голос, и вздрогнувший Бенедикт, обернувшись, увидел Уолта Хардести. Это объясняло, почему Льюис, войдя,

не заметил Неда: они с Хардести сидели в задней комнате, где Хемфри хранил ящики с пивом. Льюис знал, что Хардести, все дальше отступавший в своей борьбе с бутылкой (точно так же, как и Омар Норрис), иногда днем посиживал в этой комнате: он не пил на глазах у своих избирателей.

— Конечно, Уолт,— кивнул он.— Извини, я тебя не заметил. Пожалуйста, присоединяйся.

Роулз странно глядел на него. Льюис был уверен, что издателя утомлял Хардести (как и его самого) и сейчас Нед решил избавиться от него, бежав в компанию Льюиса,— может, он хотел, чтоб Льюис попросил шерифа уйти? Что бы ни означал его взгляд, Роулз подвинулся к нему вместе со стулом и освободил местечко у стола для Хардести. Шериф все еще не снял теплой куртки — верно, в задней комнате было холодно. Нед же, как и в юношеские годы, был верен себе: даже зимой он не носил ничего теплее твидового пиджака.

Затем Льюис заметил, что они уже оба странно глядят на него, и сердце екнуло: неужели он все-таки сбил девушку? И кто-то успел записать номер его машины? Он сбил человека и сбежал!

— Что, Уолт,— спросил он, одновременно наполняя стакан шерифа,— что-то новенькое или просто пива хочешь?

— Погодите, мистер Бенедикт, вот глотну пивка...— сказал Хардести.— Ну и денек!

— Да...— скромно поддержал Льюис.

— Жуткий день,— подхватил Нед Роулз, убрав рукой волосы со лба. Он глазами подавал какие-то знаки Льюису.— Ты сегодня выглядишь не блестяще, приятель. Может, поедешь домой, отдохнешь?

Льюис все больше недоумевал. Если он все-таки сбил девушку и они узнали об этом, то шериф не отпустит его домой.

— О-о,— протянул он,— дома такая тоска... И я буду чувствовать себя гораздо лучше, если мне перестанут говорить, что я ужасно выгляжу.

— Да... Такое дело...— неопределенно проговорил Ролз.

— Да уж, черт возьми,— подхватил Хардести, допив пиво и наливая еще.

На лице Неда появилось тягостное выражение. Сочувствие? Льюис подлил себе пива. Скрипач опять взялся за гитару, и музыка стала такой оглушающей, что им пришлось пригнуться и вытянуть шеи к центру стола, чтобы слышать друг друга. Льюис даже разбирал отдельные фрагменты песни, выкрикиваемой в микрофоны:

...ты ошибаешься, бэби... ты ошибаешься...

— Я только что вспоминал то время, когда был мальчишкой и часто ходил посмотреть на Бенни Гудмена,— сказал Льюис.

Нед резко выпрямился и выглядел смущенным.

— Бенни Гудмена? — фыркнул Хардести.— А мне вот нравится кантри. Только настоящее — Хэнк Вильямс, а не эта мурра, что здесь поют. Или же взять, к примеру, Джима Ривза. Вот что я люблю.

Льюис с отвращением слышал запах дыхания шерифа — пиво пополам с какой-то дрянью, словно тот закусывал из помойного ведра.

— Вы моложе меня,— сказал он, отстраняясь.

— Я пришел, чтобы сказать тебе, как мне жаль,— вмешался Нед, и Льюис стрельнул в него взглядом, пытаясь понять, в какую же беду он попал. Хардести послал сигнал скандинавке Энни на предмет еще одного кувшинчика пива. Когда барменша поставила его на стол, через край пролилось немного пены. Отходя от них, она подмигнула Льюису.

В какие-то мгновения этого утра, вспоминал Льюис, и во время его дневной поездки... мимо голых кленов... у него

появлялось чувство странной, нереальной ясности и четкости видения окружающего — словно при разглядывании гравюры... Призрачный лес, замок, окруженный остроконечными елями...

...ты ошибаешься, бэби, ты ошибаешься...

Теперь же он чувствовал себя совсем сбитым с толку. Все происходящее было таким странным, и то, как Энни подмигнула... — словно какой-то сюрреалистический фильм...

...ошибаешься...

Хардести подался вперед и открыл рот. Льюис заметил у него на левом глазу маленькое кровавое пятнышко, плавающее под голубой радужной оболочкой, как оплодотворенное яйцо.

— Я вот говорю, — прокричал ему Хардести, — имеются четыре дохлые овцы. Глотки перерезаны, крови нет, отпечатков следов нет. Что вы об этом думаете?

— Вы здесь закон — что думаете вы? — повысил голос Бенедикт, чтобы перекрыть рев группы.

— А я думаю, что странные вещи творятся, — кричал ему Хардести. — Страннее некуда. И еще скажу, что ваши два дружка-адвоката кое-что об этом знают, вот.

— Вряд ли, — с сомнением сказал Нед Роулз. — Но я хотел бы, чтобы кто-нибудь из них написал в газету заметку о докторе Джоне Джеффри. Если, конечно, это не хотите сделать вы, Льюис.

— Заметку о Джоне в «Горожанине»? — удивился Льюис.

— Небольшую, на сто—двести слов... что-нибудь о вашем друге.

— Но зачем?

— Господи, да затем, что вы же, наверно, не хотите, чтоб Омар Норрис был единственным... — Хардести замолчал с открытым ртом, явно огорошенный.

Льюис выгнул шею, чтоб взглянуть на Омара Норриса: тот еще что-то лепетал, размахивая руками, на стойке перед ним выстроилась уже целая батарея напитков. Чувство беды, не отпускавшее Льюиса весь день, усилилось. Фальшивая нота скрипки прошла сквозь него, как стрела: вот оно, вот оно...

Нед Роулз протянул через стул руку и коснулся ладони Льюиса:

— Ох, Льюис. Я думал, ты в курсе.

— Меня весь день не было,— сказал Бенедикт.— Я был... Да что случилось?

«Вчера была годовщина смерти Эдварда»,— подумал он и понял, что Джона Джеффри нет в живых. Затем до него дошло, что сердечный приступ свалил Эдварда после полуночи, а это означало, что годовщина — сегодня.

— Он, оказывается, был прыгуном,— высказался Хардести, и Льюис подумал, что шериф где-то вычитал это слово и решил, что сейчас самый подходящий случай его вернуть.— Свалился нынче утром с моста. И, скорее всего, уже в полете был дохлый, как макрель. Омар Норрис все это видел.

— Свалился с моста...— проговорил Льюис. Почему-то в этот момент он пожалел, что не сбил машиной девушку: эта мысль была лишь мгновенной, но давала надежду на то, что с Джоном все в порядке.— Боже мой...

— Мы думали, что Сирс и Рикки сообщили вам,— подал голос Нед Роулз.— Они согласились похлопотать о похоронах.

— Господи, о похоронах — Джона...— промолвил Льюис, и глаза его наполнились слезами. Он поднялся и стал неуклюже выбираться из-за столика.

— Чувствую, ничего полезного вы мне не скажете,— сказал Хардести.

— Нет... Нет... Мне надо ехать. Я ничего не знаю... Мне надо повидать друзей...

— Если нужна помощь, позвони мне,— крикнул сквозь шум Нед.

Как в тумане, ничего не видя перед собой, Льюис наткнулся на Джима Харди, давно, оказывается, стоявшего рядом с их столиком.

— Извини, Джим.— Льюис попытался обойти его и девушку, но Харди крепко ухватил его за руку.

— Эта леди хочет познакомиться с вами,— сказал парень, неприятно ухмыляясь.— Вот я и знакомлю. Она остановилась в нашем отеле.

— Я очень спешу... мне надо ехать...— сказал Льюис, но Джим крепко сжимал его предплечье.

— Погодите. Я должен выполнить ее просьбу. Мистер Бенедикт, разрешите представить вам Анну Мостин.

Впервые с того момента, как он, входя сюда, поймал на себе ее взгляд, Льюис взглянул на девушку. «Пожалуй, и не девушку,— подумал он,— ей лет тридцать, плюс-минус. Однако она совсем не похожа на подружку Харди».

— Анна,— продолжал между тем Джим,— разрешите вам представить мистера Льюиса Бенедикта. Он, моему, самый симпатичный старый хлыст в ближайших пяти-шести округах, а то и в целом штате, и он об этом знает.

Девушка казалась все более изумительной, чем дольше Льюис на нее смотрел. Кого-то она ему смутно напоминала — не Стеллу ли Готорн? И следом пришла другая мысль: он не мог вспомнить, какой была Стелла в свои тридцать.

Омар Норрис — скорбная фигура, словно сошедшая с картины о жизни нищеты,— показывал на него слушателям. Все еще свирепо ухмыляясь, Джим Харди ослабил хватку. Парень со скрипкой по-девчоночьи откинул назад длинные волосы и объявил следующую песню.

— Я понимаю, вам надо ехать,— произнесла Анна. Голос ее был низким, негромким, но отчетливо слышным сквозь шум.— Джим рассказал мне о несчастье, случив-

шемся с вашим другом, и я только хотела сказать, как я вам сочувствую.

— Я сам только что узнал,— сказал Льюис, с тоской думая, что надо уходить из бара.— Рад был познакомиться, мисс...

— Мостин,— негромко, но внятно подсказала она.— Думаю, мы будем видеться чаще. Я буду работать в фирме у ваших друзей.

— Да? Ну, что ж...— До него наконец дошел смысл ее слов.— Сирс и Рикки дали вам работу?

— Да. Мне кажется, они знавали мою тетюшку. Может, и вы тоже? Ее звали Ева Галли.

— О боже,— выдохнул Льюис, чем испугал Джима Харди, сразу выпустившего его руку. Бенедикт метнулся внутрь бара, потом, опомнившись, устремился к выходу.

— Симпатия, похоже, наложил в штаны,— сказал Джим.— О, простите, леди. То бишь мисс Мостин.

6

Откидная крыша «моргана» скрипела, холод врывается в салон — Льюис мчался к дому Джона на максимальной скорости. Он не знал, что ждет его там: может, последнее заседание Клуба Фантазеров — Рикки и Сирс с жуткой рациональностью беседуют у открытого гроба. А может, Рикки и Сирса тоже нет в живых — и три облаченных в черные саваны тела лежат в спальне верхнего этажа, как в том сне...

«Да нет пока»,— подсказал рассудок.

Он подъехал к дому на Монтгомери-стрит и вышел из машины. Ветер завернул полы пиджака: Льюис только сейчас заметил, что он, как и Нед Роулз, был без пальто. В отчаянии он взглянул на темные окна и подумал, что, может, хотя бы Милли дома. Бенедикт протрусил по дорожке к двери и нажал на кнопку — далеко и слабо ответил в доме звонок. Тут же, чуть ниже, была кнопка звон-

ка для пациентов Джона, Льюис нажал и на нее — послышался трезвон сразу за дверью. Стоя на холоде, он уже начал дрожать, щеки покрылись стылой влагой. Сначала он решил, что это снег, потом понял, что опять плачет.

Льюис еще постучал в дверь — также безрезультатно, — затем развернулся, бросил взгляд на другую сторону улицы и увидел старый дом Евы Галли.

И ему стало невыносимо холодно. Он даже как будто увидел, как она, такая очаровательно юная, мелькнула в окне первого этажа.

На мгновение его осязание вновь обрело ту необычайную ясность, что поразила Бенедикта нынче утром, и он почувствовал, что замерзает уже изнутри. Потом он увидел, как в том доме открылась дверь и к нему направился мужчина. Льюис вытер лицо ладонью. Мужчина явно хотел заговорить с ним. Как только он приблизился, Льюис узнал Фредди Робинсона, страхового агента. Он тоже был завсегдатаем «Хэмфри Плэйс».

— Льюис? — крикнул он. — Льюис Бенедикт? Рад видеть вас!

Льюису показалось, что он снова в баре, и ему захотелось немедленно уйти.

— Да, это я, — сказал он.

— Вот так так! Старина Джеффри... Какая жалость, а? Я узнал сегодня днем. Он ведь был вашим дружкой, да? — Робинсон подошел достаточно близко для рукопожатия, и ладони Льюису не удалось избежать холодных пальцев агента. — Чертовски неприятное известие, а? Я бы сказал, настоящая трагедия! — Фредди все тряс и тряс его руку. — Я вот что вам скажу. Старый доктор Джеффри был себе на уме, но я любил его. Честно. Когда он пригласил меня на ту вечеринку в честь актрисы, я просто обалдел. И, бог мой, что за вечеринка была! Никогда не забуду, как было здорово! Знатная вечеринка... — Он, наверное, заметил, как Льюис весь напрягся, потому что добавил: — Кроме концовки, разумеется.

Бенедикт смотрел себе под ноги, не собираясь отвечать на его пошлости, и Фредди Робинсон нарушил тишину:

— Что-то вид у вас траурный. И негоже вам тут на морозе стоять — может, зайдем ко мне, выпьем? Рассказали б что-нибудь о жизни, посплетничали. Я бы проверил ваше положение на предмет страхования — так, для проформы только, все равно дома сейчас никого...

Как и Джим Харди в баре, он ухватил Льюиса за руку, и тот, сам сейчас такой взволнованный и несчастный, все же уловил безграничное отчаянье и одиночество этого человека. Льюис почувствовал, что если с Робинсоном дать слабину, он прилипнет и уже не отвяжется.

— Боюсь, не получится,— сказал он мягко, не выказывая Робинсону, что почувствовал подтекст его просьбы.— Мне надо кое с кем поговорить.

— То есть с Сирсом Джеймсом и Рикки Готорном, да? — сказал, уже сдаваясь, Робинсон. Он отпустил руку Льюиса.— Черт возьми, вы такие классные мужики — в смысле, я просто восхищаюсь вами, этим вашим Клаубом, и вообще...

— Господи, пожалуйста, только не восхищайтесь нами,— обронил Льюис, уже идя к машине.— Кто-то прихлопывает нас, как мух.

Пробормотав это совершенно произвольно, просто чтобы отвязаться от Фредди, Льюис через пять минут уже не помнил этих слов.

Он поехал через девять кварталов сразу к Рикки, потому что было бы невероятным, чтобы Милли забрал к себе Сирс, и когда оказался на месте, понял, что угадал. Старый «бьюик» Рикки стоял на подъездной дорожке.

— Ты уже знаешь...— сказал Рикки, открыв ему дверь.— Хорошо, что ты приехал.— Нос у Готорна покраснел. «Наверное, от слез»,— подумал Льюис, но потом заметил, что у того насморк.

— Да, Хардести и Нед Роулз мне все рассказали. А кто вам сообщил?

— Хардести позвонил в офис...

Они вошли в гостиную, и Льюис увидел в кресле Сирса, который нахмурился при упоминании о шерифе.

Вошедшая Стелла ахнула и подбежала к нему, чтобы обнять.

— Мне так жаль, Льюис. Такое несчастье!

— Это невозможно...— сказал Льюис.

— Хорошо бы... Однако именно Джона сегодня днем привезли в окружной морг,— пробасил Сирс.— Нет ничего невозможного... Мы все сейчас так издерганы. Может, завтра я упаду с моста.

Стелла еще раз сжала Льюиса в объятиях, отошла и села рядом с Рикки на диван. Итальянский кофейный столик перед ним казался осколком зимнего катка.

— Тебе необходимо выпить кофе,— сказала Стелла, взглядевшись в Льюиса повнимательнее, и отправилась на кухню.

— Тебе может показаться странным,— не раздражаясь, что его прервали, продолжил Сирс,— то, что нам, трем взрослым мужчинам, следует держаться вместе, чтобы как-то согреть наши души,— однако мы все тут.

Стелла вернулась с кофе для всех, и бессвязный разговор ненадолго прекратился.

— Мы пытались найти тебя,— сказал Рикки.

— Я выезжал покататься.

— А ведь это была идея Джона — написать молодому Вандерлею,— сказал чуть погодя Рикки.

— Кому написать? — не поняла Стелла. Сирс и Рикки объяснили.— Ну, знаете, это, по-моему, самая большая нелепость, о которой я когда-либо слышала. Это все равно, как если бы вы зашились с работой и попросили кого-то постороннего разрешить ваши проблемы. Этого я от Джона не ожидала.

— Молодой Вандерлей, похоже, эксперт в подобных делах, Стелла,— сказал Сирс недовольно.— Насколько я понял, самоубийство Джона только доказывает, что мы сейчас нуждаемся в этом человеке больше, чем никогда.

— Ну, и когда он приезжает?

— Не знаю,— признался Сирс. Он выглядел взъерошенным, как старый жирный индюк в конце зимы.

— Если вы меня спросите, что вам следует сделать, так я скажу: прекратите эти свои заседания Клуба Фантазеров,— заявила Стелла.— Они губительны. Рикки сегодня проснулся с воплем, а все трое вы уже сами похожи на призраков.

Сирс оставался бесстрастным:

— Двое из нас видели тело Джона. От одного этого будущее выглядеть соответствующе.

— А как...— начал было Льюис и замолчал. Как он выглядел? Это уж точно глупый вопрос.

— Как — что? — спросил Сирс.

— Как вы умудрились нанять на работу секретаршей племянницу Евы Галли?

— Она искала работу,— сказал Сирс.

— Ева Галли? — удивилась Стелла.— Эта та богачка, что когда-то очень давно приехала сюда? Я ее плохо знала — она была намного меня старше. Она, кажется, собиралась здесь за кого-то замуж? А потом вроде внезапно уехала из города?

— Она собиралась замуж за Стрингера Дэдама,— нетерпеливо проговорил Сирс.

— Точно, Стрингер Дэдам,— вспомнила Стелла.— О, он был таким красавчиком! С ним произошло какое-то несчастье, на его ферме?

— Ему отрезало обе руки молотилкой,— сообщил Рикки.

— Фу! Что за разговор! Небось, как одно из ваших заседаний.

Все трое мужчин думали как раз об этом.

— А кто тебе рассказал о мисс Мостин? — спросил Сирс. — Миссис Куаст такая сплетница...

— Нет, я ее саму встретил. Они с Джимом Харди были в «Хемфрис Плэйс». Она представилась мне.

Разговор снова угас.

Сирс спросил Стеллу, есть ли в доме бренди, и она, сказав, что принесет всем выпить, опять удалилась на кухню. Джеймс сердито одернул пиджак, пытаясь поудобней устроиться в кресле из кожи и металла.

— Прошлой ночью ты отвозил Джона домой. Ничего не заметил в нем необычного?

Льюис покачал головой:

— Мы почти не говорили. Он сказал, что твоя история была хороша.

— Что-нибудь еще он сказал?

— Сказал, что холодно.

— Уфффф.

Вернулась Стелла с бутылкой «Реми Мартин» и тремя большими рюмками на подносе.

— Видели б вы себя. Три сыча.

Мужчины лишь кивнули.

— Джентльмены, я оставляю вас с вашим бренди. Уверена, вам есть о чем поговорить — Стелла властно и снисходительно оглядела их всех, как учительница первоклашек, а затем, не простившись, стремительно вышла из комнаты. Остались витать лишь ее неодобрение и недовольство.

— Она очень расстроена, — извинился за нее Рикки. — Впрочем, как и все мы. Но Стелла огорчена этим намного сильнее, чем она хочет показать. — Словно возмещая отсутствие в комнате жены, Рикки налил себе в рюмку необычно большую порцию коньяка. — Мне это тоже сейчас необходимо. Льюис, я просто ума не приложу, что его толкнуло на это. Почему Джон Джеффри покончил с собой?

— Не знаю,— сказал Льюис, беря одну из рюмок.— И пожалуй, рад, что не знаю.

— Что за бестолковый разговор, — проворчал Сирс.— Мы же люди, Льюис, а не животные. И нам не следует забиваться в угол и трястись от страха. — Он тоже взял рюмку и отпил из нее.— И как представители биологического вида мы жаждем знаний, просвещения.— Его светлые глаза сердито остановились на Льюисе.— Или, может, я ошибся, и ты вовсе не собирався отстаивать невежество?

— Давишь, Сирс,— вступился Рикки.

— Поменьше жаргона, Рикки,— парировал Сирс.— «Давишь»! Это может впечатлеть Эльмера Скейлса и его овец, но только не меня.

Овцы? Кто-то что-то говорил ему об овцах — Льюис не мог припомнить.

— Я не собирався отстаивать невежество, Сирс,— молвил Бенедикт.— Я всего лишь имел в виду... Черт, да ничего я не знаю! Я хотел сказать, что мне было бы очень тяжело узнать об этом.— Краешком сознания он понимал, что просто боится слишком близко подходить к истокам любого самоубийства, будь это его друг или жена.

— Да,— выдохнул Рикки.

— Чушь,— бросил Сирс.— Мне было бы легче, знай я, что Джон это сделал просто в отчаянии. Однако другие объяснения меня страшат...

— У меня такое ощущение, что я чего-то не знаю,— сказал Льюис, и Рикки в тысячный раз убедился, что он отнюдь не такой олух, каким его считает Сирс.

— Прошлой ночью,— заговорил Рикки, держа обеими руками рюмку и фаталистически улыбаясь,— когда мы все разошлись, Сирс на своей лестнице видел Фэнни Бэйта.

— Боже...

— Достаточно! — предостерег Сирс.— Рикки, я запрещаю тебе говорить об этом. Льюис, наш друг имеет в

виду, что я подумал, что видел его. Я был сильно напуган. Это была галлюцинация — нечистый, как говорят местные жители.

— Ты споришь уже сам с собой,— подметил Рикки.— Со своей стороны, я был бы счастлив знать, что ты прав. Я не хочу видеть здесь молодого Вандерлея. И все мы должны сожалеть о том, что уже слишком поздно отменить его приезд.

— Ты неправильно меня понял. Я хотел, чтоб он приехал и сказал: «Бросьте это дело. Мой дядя Эдвард умер от курения и перевозбуждения, а Джон Джеффри был психически неуравновешенным человеком». Вот почему я принял предложение Джона. И заявляю теперь: пусть приезжает, и чем скорее — тем лучше.

— Если ты так чувствуешь, я солидарен с тобой,— сказал Льюис.

— А это честно по отношению к Джону? — спросил Рикки.

— Это честно по отношению к его памяти,— сказал Сирс. Он допил свой коньяк и потянулся за бутылкой.

Внезапные шаги на лестнице заставили всех троих повернуть головы к входу в гостиную.

Развернувшись в кресле, Льюис поглядел в окно и снова удивился, заметив, что пошел снег. Сотни крупных снежинок разбивались о казавшееся черным стекло.

Вошла Милли Шин, волосы с одной стороны приплюснуты, с другой — растрепаны. На ней был один из старых халатов Стеллы, в который женщина с трудом втиснулась.

— Я все слышала, Сирс Джеймс! — Ее голос напоминал вой сирены «скорой помощи». — Вы задираете Джона, даже когда его уже нет в живых!

— Милли, у меня и в мыслях не было ни малейшей непочтительности... — возразил Сирс. — Не следует ли вам...

— Нет! Сейчас вам не удастся выгнать меня. И я не принесу вам кофе и не поклонюсь! Я скажу вам кое-что. Джон не покончил с собой. Льюис Бенедикт, вы тоже слу-

шайте! Не он убил себя. Он бы никогда не сделал этого. Джона убили!

— Милли...— начал Рикки.

— Вы думаете, я глухая? Вы думаете, я не знаю, что происходит? Джона убили, а вы знаете — кто? Зато я знаю.— Послышались шаги, на этот раз Стелла торопилась по ступенькам.— Я знаю, кто убил его. Вы! Вы — ваш Клуб Фантазеров. Вы убили его своими жуткими историями. Вы отравили его — вы и ваши Фэнни Бэйты! — Лицо ее скривилось. Стелла ворвалась слишком поздно, и Милли успела прокричать: — Теперь вас надо прозвать «Клуб Убийц»! «Убийцы Инкорпорэйтэд»!

7

И вот они, «Убийцы Инкорпорэйтэд», стояли под ясным октябрьским солнцем, полные горя, негодования, чувства вины,— в течение всего года они с маниакальным упорством вели беседы о трупах и могилах и сейчас хоронили одного из друзей. Неожидаанные результаты вскрытия поразили их и причинили новые страдания; Сирс взорвался, не поверив услышанному. Рикки поначалу тоже не мог допустить, что Джон был наркоманом. «Очевидное свидетельство пристрастия к постоянному и долговременному введению в больших дозах наркотического вещества...», далее следовали многочисленные и непонятные медицинские термины — однако вся беда была в том, что коронер публично опозорил Джона Джеффри. Разглагольствования Сирса были бесполезны: человек не в силах изменить свое прошлое. Да и Сирс не мог бы изменить своего мнения о том, что только из-за результатов вскрытия человек из опытного профессионала превратился в некомпетентного и опасного идиота. Коронерские изыскания быстро распространились по Милбурну. Некоторые горожане заявили, что они, как и Сирс, не верят этим фактам, некоторые согласились с заключением

вскрытия, однако ни один не пришел на похороны. Даже Нейл Вилкинсон был очень взволнован. Похороны самоубийцы и наркомана — ну и ну!

Новая девушка, Анна, была великолепна: она отлично ладила с яростным Сирсом, уберегая от его наиболее свирепых нападков миссис Куаст, она была так же внимательна и предупредительна с Милли Шин, как и Стелла, и она просто преобразила их офис. Анна Мостин заставила Рикки убедиться в том, у «Готорн и Джеймс» полным-полно работы, когда Готорн и Джеймс этого хотят. Даже в жуткий период ритуальных хлопот и в день похорон доктора Джеффри, когда Сирс подбирал в шкафу костюм Джону и покупал гроб, выяснилось, что компаньонам приходится отвечать на такое количество писем и телефонных звонков, какое у них раньше накапливалось за несколько недель. Они потихоньку готовились к пенсии, рекомендовали своим клиентам других адвокатов, особо об этом не задумываясь, полуавтоматически, а Анна Мостин словно вдохнула в них жизнь. О своей тетушке она упомянула лишь однажды, причем совершенно безобидно: спросила их, как та выглядела.

Сирс слегка покраснел и пробормотал:

— Такая же привлекательная, как вы, но не такая энергичная.

И еще она твердо была на стороне Сирса в отношении к результатам вскрытия.

— Даже коронеры порой допускают ошибки,— заметила она спокойно и твердо.

Рикки пребывал в сомнениях; впрочем, он даже не был уверен, что это вообще важно. Главное — Джон был отличным врачом; он не сберег собственное тело, однако заботливо и грамотно следил и ухаживал за телами своих подопечных. На самом ли деле «постоянное и долговременное» употребление наркотика являлось причиной физического угасания Дэвида? Должно быть, ежедневные инъекции инсулина приучили Джона к игле. И еще Го-

торн понял: даже если выяснилось, что его друг был наркоманом, это нисколько не изменило его, Рикки, мнения о нем.

И еще: это делало самоубийство Джона объяснимым. Не пустоглазый босоногий Фэнни Бэйт, не «Убийцы Инкорпорэйтэд» со своими рассказами погубили его — наркотик пожирал его мозг так же, как и его тело. Или Джон более не в силах был терпеть «стыд» за свое пагубное пристрастие. Или что-то еще...

«Что-то еще» оставалось более убедительным.

А между тем нос у него совсем расклеился, в груди цекотало. Готорну хотелось посидеть, хотелось тепла. Милли Шин всецело захватила Стеллу, словно обе они были застигнуты ураганом; то и дело Стелла тянулась рукой к коробочке с салфетками, вытирала женщине слезы и выбрасывала салфетку.

Рикки вытянул из кармана сырой платок, осторожно вытер нос и положил платок обратно.

Все они слышали, как вверх по холму, в сторону кладбища, прошла машина.

8

ИЗ ДНЕВНИКА ДОНА ВАНДЕРЛЕЯ

Похоже, я удостоился чести стать членом Клуба Фантазеров. Это довольно странно — странно и как-то тревожно. Возможно, самое странное в моем пребывании здесь заключается в том, что друзья моего дядюшки, кажется, очень боятся стать участниками какой-то реальной ужасной истории — истории, похожей на сюжет моего «Ночного сторожа». И пригласили они меня сюда из-за «Ночного сторожа». Они видят во мне этакое закопанного в броню профессионала, эксперта по сверхъестественному — они видят во мне Ван Хельсинга! Первые мои впечатления оказались верными: они все заражены совершенно отчетливым дурным предчувствием — я бы

сказал, они вот-вот начнут бояться собственной тени. И моя роль — исследовать все происходящее с этими людьми. Они мне не сказали прямо, но намекнули, что ждут от меня вывода: дескать, все в порядке, ребята, волноваться нет причин. Это, мол, разумное и обоснованное объяснение всему и вся. Да только есть у меня кое-какие сомнения.

А еще они хотят, чтобы я продолжал писать, и твердо настаивают на этом. Сирс Джеймс провозгласил: «Вызывая вас сюда, мы вовсе не собирались как-то помешать вашей карьере!» Так что они хотят, чтобы одну половину дня я посвящал Доктору Рэбитфуту, а другую — им. Похоже, весь смысл их половины сводится к тому, чтобы просто поговорить, пообщаться с ними. Сами с собой они слишком долго общались.

Когда новая секретарша, Анна Мостин, сообщила, что бывшая экономка покойного хочет прилечь, Стелла Готорн повела разбитую горем женщину наверх. Вернувшись, миссис Готорн дала всем нам большие стаканы с виски. В высшем свете Милбурна — а хозяева, несомненно, его представляли — виски пьют по-английски, неразбавленным.

Разговор был вялый, с частыми запинками. Стелла Готорн сказала:

— Надеюсь, вы вобьете им в головы хоть немного здравого смысла.

И это озадачило меня. Они еще не объяснили мне причину, по которой просили сюда приехать.

Я кивнул, а Льюис предложил:

— Вот об этом и поговорим.

Опять помолчали.

— О вашей книге,— снова сказал Льюис,— мы тоже должны поговорить.

— Хорошо,— ответил я.

Снова воцарилось молчание.

— Мне, кстати, еще надо кормить вас, трех сычей,— заявила Стелла.— Мистер Вандерлей, будьте добры, вы не можете мне?

Я пошел за ней на кухню, готовясь нагрузиться тарелками. И уж чего я никак не ожидал, так это того, что элегантная миссис Готорн вдруг развернется, захлопнет за собой дверь и выпалит:

— Эти три идиота сказали вам, зачем они вас сюда вызвали?

— Кажется, они немножко лукавят.

— Что ж, я думаю, вам придется постараться, мистер Вандерлей,— потому что надо быть как минимум Фрейдом, чтобы сговориться с этими троими. Я хочу, чтоб вы знали: я не одобряю вашего присутствия здесь. И считаю, что люди должны сами решать свои проблемы.

— Они намекнули, что хотели просто поговорить со мной о моем дяде,— сказал я и подумал, что, даже такая седая, миссис Готорн, должно быть, не старше сорока шести или семи, и что она удивительно красива и строга, словно фигура на носу парусника.

— О вашем дяде? Да, может, и о нем. Они не снизошли до того, чтоб рассказать мне,— вскинула Стелла бровь, и я отчасти понял причину ее гнева.— Насколько хорошо вы знали своего дядюшку, мистер Вандерлей?

Я попросил ее называть меня по имени.

— Не так чтобы очень хорошо,— отвечал я.— После того как я поступил в колледж и переехал в Калифорнию, мы с ним виделись не чаще, чем раз в два года. И в течение последних нескольких лет до самой его смерти мы не встречались.

— Но он завещал вам свой дом. Не показалось ли вам странным, что эти три оригинала не предложили вам остановиться в нем? — Прежде чем я успел ответить, она продолжила: — Нет? А вот мне — кажется. И не столько странным, сколько печальным. Они боятся входить в дом Эдварда. Они пришли к этакому... молчаливому соглаше-

нию. И никогда не переступают порог того дома. Потому как они очень суеверны.

— Мне показалось, что я почувствовал... Видите ли, когда я был на похоронах, я заметил...— Тут я замялся, не будучи уверен, насколько я могу этой женщине доверять.

— Великолечно,— сказала она.— Надеюсь, вы не такой болван, как они. Но вот что я вам скажу, Дон Вандерлей: если по вашей милости им станет хуже, чем сейчас, вам придется держать ответ передо мной.— Миссис Готорн уперла руки в бока, устремив на меня испепеляющий взгляд, и шумно выдохнула. Затем взгляд ее изменился, она невесело, натянуто улыбнулась: — Давайте-ка займемся тем, для чего пришли сюда, а то они еще начнут сплетничать о нас с вами.

Она открыла холодильник и вытянула блюдо с жареным боком поросенка:

— Как вы относитесь к холодной жареной свинине? Ножи — в ящике справа от вас. Нарезайте.

Только после того как Стелла довольно поспешно улизнула из дома — как она сказала, «на встречу»,— трое друзей наконец открылись мне... Нет, неудачное выражение: они вовсе не «открылись» — по крайней мере, это произошло не в тот день,— но после ухода Стеллы трое пожилых мужчин наконец решились рассказать, зачем я им здесь понадобился.

Это было похоже на интервью.

— Ну, что ж, вот вы и с нами, мистер Вандерлей,— сказал Сирс Джеймс, снова подлив себе коньяку и вынув из внутреннего кармана пиджака пухлый портсигар.— Сигару? Могу ручаться за их качество.

— Нет, спасибо,— сказал я.— И прошу вас, называйте меня Доном.

— Отлично. Я вас не очень любезно приветствовал, Дон, но я сделаю это сейчас. Все мы были большими друзьями вашего дяди Эдварда. Я и мои друзья, от имени

которых я сейчас говорю, очень благодарны вам за то, что вы, проделав путь через всю страну, приехали к нам. Мы верим, что вы нам поможете.

— Это имеет отношение к смерти моего дяди?

— Отчасти. Мы хотели бы, чтоб вы поработали на нас.

Затем он спросил меня, можем ли мы поговорить о «Ночном стороже».

— Конечно.

— Это роман, следовательно, большая его часть является вымыслом — но был ли вымысел основан на реальных фактах? Мы полагаем, что для работы над книгой вы провели определенное исследование. И вот что важно нам узнать: нашли ли вы в процессе этого исследования какие-то подтверждения тем идеям, что высказаны в вашей книге. Или, может быть, на проведение исследования вас вдохновило какое-то необъяснимое событие в вашей собственной жизни.

Я ощущал их напряженность чуть ли не кончиками пальцев, и, возможно, они так же чувствовали мою. Они ничего не знали о смерти Дэвида, но просили меня раскрыть главную тайну «Ночного сторожа» и всей моей жизни.

— Вымысел, как вы это сформулировали, действительно был основан на реальном событии, — сказал я, и напряженность вмиг исчезла.

— Не могли бы вы рассказать об этом?

— Нет. Мне самому еще не все ясно. К тому же это очень личное. Прошу меня извинить, но я не могу...

— Мы уважаем ваши чувства, — кивнул Сирс Джеймс. — Похоже, вы нервничаете.

— Да, — признался я и рассмеялся.

— В основе «Ночного сторожа» лежит реальное событие, о котором вы знали? — переспросил Рикки Готорн, будто бы не слышал, о чем говорилось только что, или же не поверил услышанному.

— Да, это так.

— А вы слышали о других похожих случаях?

— Нет.

— Но вы не отрицаете безоговорочно сверхъестественное? — спросил Сирс.

— Трудно сказать, да или нет, — ответил я. — Впрочем, как и большинство людей.

Льюис Бенедикт выпрямился в кресле и пристально посмотрел на меня:

— Но вы только что сказали...

— Нет, не сказал, — перебил Рикки Готорн. — Он сказал лишь, что его книга основана на реальном событии, но не повторяет его в точности. Так, Дон?

— Более или менее.

— А как же ваше исследование? — спросил Льюис.

— Я мало чего добился, — сказал я.

Готорн вздохнул и взглянул на Сирса, похоже, с иронией: мол, я же говорил...

— Я думаю, вы в любом случае можете помочь нам, — сказал Сирс, словно ему кто-то противоречил. — Ваш скептицизм очень пригодится.

— Возможно, — пробормотал Готорн.

Меня так и не покидало чувство, что они исподволь, ощупью проникают в самые глубины моего внутреннего мира.

— А какое все это имеет отношение к сердечному приступу моего дяди? — В моем вопросе скрывалась самозащита, но это был правильный и своевременный вопрос.

Это сработало — Джеймс решился рассказать мне все.

— ...И с тех пор нас преследуют невыносимые ночи. Я знаю, что Джон страдал тем же. Не будет преувеличением сказать, что нас это очень пугает. Надеюсь, друзья, вы не будете возражать?

У Готорна и Льюиса Бенедикта был такой вид, будто они вспоминали то, что предпочли бы не вспоминать, — оба покачали головами.

— Итак, мы бы хотели получить вашу помощь — помощь эксперта — в таком объеме, на какой вы только способны, — заключил Сирс. — Очевидное самоубийство Джона глубоко потрясло нас всех. Даже если он и злоупотреблял наркотиками, в чем я очень сомневаюсь, я не считаю его потенциальным самоубийцей.

— Как он был одет? — спросил я. Это была случайная мысль.

— Одет? Не помню... Рикки, ты обратил внимание на его одежду?

Готорн кивнул:

— Мне пришлось выбросить ее. Поразительный подбор вещей — жилет от смокинга, пижамная куртка, брюки от другого костюма. Носков не было.

— Это то, что Джон надел в то утро? — поразился Льюис.

— Меня это тоже сначала шокировало, потом я забыл. Слишком много событий...

— Но он был таким изысканным мужчиной, — продолжал Льюис. — Черт, если в одежде Джона была такая путаница, значит, и в голове у него то же самое.

— Совершенно верно, — сказал Сирс и улыбнулся мне. — Дон, ваш вопрос был очень пронизательным. Ни один из нас не подумал об этом.

— Но это вовсе не упрощает все до такой степени, чтобы можно было сделать однозначный вывод о путанице в его голове, — заметил я. — В том самом случае, на котором я основывался в своем романе, мужчина убил себя, и я нисколько не сомневаюсь, что его разум был в смятении, — но я так и не выяснил, что же произошло на самом деле.

— Вы говорите о своем брате, не так ли? — спросил умница Рикки Готорн. Этого следовало ожидать: они таки все знали; очевидно, дядя рассказывал им о Дэвиде. — Это был тот самый случай, на который вы ссылаетесь?

Я кивнул.

— Ничего себе,— буркнул Льюис.

— Я обратил все это в историю с привидениями. Я не знаю, что произошло на самом деле.

Некоторое время все трое выглядели очень взволнованными.

— Что ж...— произнес наконец Сирс Джеймс.— Даже если вы не привыкли проводить расследование, я уверен, вам это по плечу.

Рикки Готорн откинулся на спинку своего экстравагантного дивана; бабочка у него оставалась безукоризненной, но нос был покрасневший, глаза усталые. Он казался таким маленьким и потерянными посреди своей огромной мебели.

— Вы очень поддержите обоих моих друзей, если поживете немного в Милбурне, мистер Вандерлей.

— Дон.

— Хорошо, Дон. Поскольку вы, кажется, готовы к этому и поскольку я очень устал, предлагаю нам всем попрощаться. Вы останетесь на ночь у Льюиса?

— Прекрасная мысль,— кивнул Льюис и поднялся.

— У меня один вопрос,— сказал я.— Вы просите меня подумать об этом... сверхъестественном... или как вам будет угодно это называть — чтобы себя самих избавить от этих мыслей?

— Проницательно, но неточно,— сказал Сирс Джеймс, нацелившись на меня холодными голубыми глазами, точно двумя стволами.— Мы постоянно об этом думаем.

— Да, чуть не забыл,— сказал Льюис.— Встреч Клуба Фантазеров больше не будет? Кто-нибудь считает, что нам надо их прекратить?

— Нет,— сказал Рикки со странной горячностью.— Ради бога, давайте не будем прекращать. И ради нас самих — будем встречаться, как прежде. И пусть Дон участвует.

Вот так. Каждый из этих старых друзей моего дядюшки был по-своему замечателен — но не сходили ли они с ума? Я даже не мог быть до конца уверен, что они рассказали мне все. Они были очень напуганы, а двое из их компании уже умерли; и недавно я писал здесь, в дневнике, что Милбурн видится мне благодатной почвой для «Доктора Рэбитфута».

Как только я начинал воображать, что все происходящее вокруг является сюжетом одной из моих книг, я чувствовал, что реальность ускользает от меня. Вся беда была в том, что это увязывалось в воображении как-то само собой. Совпадение этих двух самоубийств, Дэвида и доктора Джеффри,— вот в чем главная трудность. (А Клуб Фантазеров не проявлял никаких признаков понимания того, что это совпадение и есть главная причина моей заинтересованности в их проблеме.) Во что меня здесь втягивают? В историю с привидениями? Или во что-то другое, не просто историю? Эти трое пожилых мужчин слышали лишь отголоски событий двухлетней давности и вряд ли могли знать, что просят меня вновь коснуться наиболее странного и необъяснимого периода моей жизни, заставить меня перелистать назад календарь самых тяжелых, самых кризисных моих дней, вернуть меня на страницы моего романа, который стал моей попыткой как-то согласовать эти события с реальной действительностью. Но разве возможна здесь какая-то реальная связь, даже если одна история с привидениями вытекла из другой,— как это произошло с Клубом Фантазеров? И возможна ли какая-то фактическая связь между «Ночным сторожем» и тем, что случилось с моим братом?

II АЛЬМА

Все, обладающее красотой, имеет тело

и является телом;

все, реально существовавшее, существовало во плоти;

а источник всех снов — это реальные тела.

Д. Г. Лоуренс, «Бесплотный Бог»

ИЗ ДНЕВНИКА ДЭВИДА ВАНДЕРЛЕЯ

1

Есть только один путь к ответу на этот вопрос. Мне необходимо потратить какое-то время, неделю или две, чтобы записать в подробностях факты — какими я их помню — о себе, Дэвиде и Альме Мобли. Описав их в романе, я неизбежно преувеличил их и, поступив так, сфальсифицировал свои же собственные воспоминания. Если б меня это удовлетворило, я бы, конечно, не стал писать роман о Докторе Рэбитфуте — он ведь та же Альма, только с черным лицом, с рогами, хвостом и музыкальным сопровождением. Точно так же, как и Рэйчел Вэрни в «Ночном стороже» — не более чем Аль-

ма в маскарадном костюме. Альма намного удивительнее Рэйчел. Что я хочу попытаться сейчас сделать — это не создавать вымышленные ситуации и вымышленные особенности и странности, но проанализировать особенности и странности, которые существовали на самом деле. В «Ночном стороже» все разрешилось, все стало на свои места; в жизни же ничего не разрешилось и ничего не стало на свои места.

Мы познакомились с Альмой не так, как Соул Малкин впервые встретился с Рэйчел Вэрни — в парижском кафе, — обстановка была намного банальнее. Это произошло в Беркли, где у меня, работавшего там по годичному контракту преподавателем, появились первые наброски для книги. Должность моя была удачной для начинающего писателя, и я отнесся к ней весьма серьезно. В университете я читал курс писательского мастерства и два раздела американской литературы. Вторая дисциплина занимала основную часть моей деятельности, и мне приходилось столько изучать малознакомых мне произведений, классифицировать такой колоссальный объем материала, что времени на писательство оставалось совсем немного. И если я едва был знаком с Хоэлсом или Купером, то уж с критическими статьями, обязательными в структуре курса, — и подавно. Я оказался с головой погруженным в рутину своих лекций: брал с собой домой материал по писательскому мастерству, чтобы пробежать его за ленчем или ужином в баре или кафе, а вечера проводил в библиотеке, роюсь в библиографиях. Порой мне удавалось поработать дома и над собственной книгой; но чаще в глазах у меня рябило, желудок бурчал от выпитого на английском факультете кофе, а мои инстинкты прозаика притуплялись школярским вздором. Время от времени я приглашал с собой перекусить одну девушку с факультета — недавнюю дипломантку по философии из университета Висконсин. Ее звали Хелен Кайон; в преподавательской было

двенадцать столов, и наши с ней — рядом. Она читала мою первую книгу, но та ее не впечатлила.

Хелен была строга к литературе, немного страшилась преподавания, равнодушно относилась к своей внешности и не питала надежд найти спутника жизни. Интересы ее лежали в области шотландских современников Чосера и лингвистического анализа; в двадцать три года в ней уже ощущалась, пока едва уловимая, неприступность старой девы. «Мой отец изменил фамилию с Кайинского, я наполовину полячка», — говорила она, но это выглядело классическим самообманом; она была наполовину шотландкой со своими чосеристами-шотландцами. Хелен являла собой крупную девушку в больших очках и с распущенными волосами, которые лежали каждый раз по-новому, — волосы «несбывшихся мечтаний о замужестве». Когда-то она решила для себя: единственное, что она может предложить мужчинам университета, да и всего мира, — свой интеллект. Это единственное, во что она верила, на что в душе надеялась. Я предложил ей пообедать со мной после нашей третьей встречи в преподавательской. Она в этот момент корректировала статью и чуть не подпрыгнула на месте. Я подумал, что стал первым мужчиной в Беркли, пригласившим ее на ленч.

Несколькими днями спустя мы встретились с ней в преподавательской вскоре после моих лекций. Она сидела за своим столом, уставившись в пишущую машинку. Наш ленч прошел как-то неуклюже: она, сравнивая статьи, которые пыталась писать, с моей книгой, воскликнула: «Но я же говорю о реальных вещах!»

— Я уйду, — сказал я. — Почему бы нам не уйти вместе? Зайдем куда-нибудь, выпьем.

— Не могу. Терпеть не могу бары, да мне еще и поработать надо, — ответила она. — О, слушай! Может, ты проводишь меня до дому? Хорошо? Это недалеко — чуть подняться в горку. Тебе по дороге?

— Я как раз там и живу.

— Сил нет, уже сыта этим по горло... А что ты читаешь? — увидела она у меня в руках книгу.— О, Натаниель Готорн. Твой курс.

— Либерман взял и поставил меня перед фактом: через три недели проводишь обзорную лекцию по Готорну. Последний раз я читал «Дом о семи фронтонах» в средней школе.

— Либерман становится все больше ленив.

Мне пришлось невольно согласиться: трое других его ассистентов тоже проводили за него лекции.

— Да ничего страшного, управлюсь,— отмахнулся я,— поскольку уже в состоянии увязать это все воедино. Мне бы только успеть прочитать весь материал по теме.

— По крайней мере, тебе не надо беспокоиться об испытательном сроке,— сказала она, указывая на машинку.

— Нет, только о еде,— намекнул я на наш ленч.

— Извини.— Она опустила голову, уже начиная переживать, и я, дотронувшись до ее плеча, сказал, чтобы она не принимала все так всерьез.

Когда мы спускались вместе по лестнице — Хелен тащила потертый пухлый портфель с книгами и брошюрками, у меня же в руках были только «Семь фронтонов», — незнакомая высокая девушка, блондинка с веснупчатым лицом, проскользнула между нами. Первое впечатление об Альме Мобли — ее бледность, какая-то удивительная нечеткость ее удлиненного бесстрастного лица и прямых соломенных волос. Ее округлые глаза были светло-светло-голубыми. Я почувствовал странную смесь притягательности и антипатии; на сумрачной лестнице она выглядела симпатичной девушкой, которая провела всю жизнь в пещере,— она, казалось, сама была призрачной тенью.

— Мистер Вандерлей? — спросила она.

Когда я кивнул, она пробормотала свое имя, но я не расслышал.

— Я аспирантка с английского факультета,— сказала она.— И хотела попросить разрешения присутствовать

на вашей лекции по Готорну. В расписании профессора Либермана в преподавательской я прочитала ваше имя.

— Пожалуйста, приходите,— сказал я.— Но это всего лишь обзорная лекция. Вы, возможно, только потеряете время.

— Спасибо,— проговорила она и быстро побежала наверх.

— Откуда она меня знает? — шепнул я Хелен, пряча удовольствие от того, что я считал своей тогдашней скрытой популярностью.

Хелен щелкнула по книге, что была у меня в руке.

Она жила всего лишь в трех кварталах от меня; ее квартира представляла собой беспорядочную череду комнат на верхнем этаже старого здания, и она снимала ее на пяях с двумя другими девушками. Комнаты, казалось, были расположены совершенно произвольно, равно как и вещи в них,— словно кто-то решил оставить шкафы, столы, книжные полки и стулья на тех местах, куда их поставили, когда внесли, грузчики. Там настольная лампа стояла на полу у кресла, здесь стол, заваленный книгами, приткнулся к окну — да и прочее было расставлено в таком случайном порядке, что приходилось ходить крутами и лавировать между мебелью, чтоб пробраться к гостиной.

Соседки моей коллеги тоже казались случайными. Хелен описала мне их, пока мы поднимались вверх по холму к ее дому. Одна из них, Мерedit Полк, родом тоже из Висконсина, была новым преподавателем на ботаническом факультете. Они с Хелен познакомились во время совместных поисков жилья, выяснили, что заканчивали один университет, и решили поселиться вместе. Третья девушка была аспиранткой театрального факультета, ее звали Хилари Лихарди.

— Хилари никогда не выходит из своей комнаты и, похоже, вообще сидит целыми днями дома,— сообщила о ней Хелен.— Гоняет рок-музыку по ночам — я сплю с

затычками в ушах. Мередит мне больше по душе. Она очень настойчивая и немного странная, но я думаю, мы с ней друзья. Она пытается меня оберегать.

— Оберегать? От чего?

— От подлости.

Обе соседки были дома, когда мы пришли. Как только я вошел вслед за Хелен, крупная, полная, темноволосая девушка в голубых джинсах и в свитере выскочила из кухни и уставилась на меня сквозь мощные линзы очков. Это и была Мередит Полк. Хелен представила меня как писателя с английского факультета, на что Мередит протянула: «Да-а?» — и стремительно убралась обратно на кухню. Из соседней комнаты неслась громкая музыка.

Стоило Хелен выйти за напитком для меня, как очкастая черноволосая дева опять вынеслась из кухни. Она пробралась по лабиринту мебели к дачному креслу у стены, вдоль которой вытянулась батарея горшочков с кактусами и цветами. Сунув в рот сигарету, Мередит уставилась на меня с напряженным подозрением.

— Вы не университетский? Не из основного штата?

— Нет, я всего лишь на годичном контракте. Я писатель.

— О-о! — Она посмотрела на меня еще немного, затем сказала: — А, вы тот самый, что водил ее обедать.

— Тот самый.

— Ага.

Музыка между тем била басом в стену.

— Это Хилари, — сообщила Мередит, — наша соседка.

— Она вас не очень беспокоит?

— Да я почти никогда ее не слышу. Концентрация. И потом, это полезно растениям.

Наконец вошла Хелен. В принесенном ею стакане оказалось многовато виски, единственный кубик льда плавал на поверхности, как дохлая золотая рыбка. Себе девушка налила чашку чаю.

— Прощу прощения, — бросила Мередит и рванулась в направлении своей комнаты.

— Господи, как приятно видеть мужчипу в этой жуткой норе,— вздохнула Хелен. На мгновение выражение обеспокоенности и застенчивости исчезло с ее лица, и под внешностью университетской умницы я заметил истинную интеллигентность. Теперь моя подруга выглядела более ранимой, но не настолько, как мне поначалу показалось.

Спустя неделю она осталась у меня на ночь. Она не была девственницей и хранила твердую уверенность, что влюбленность ей не грозит. Фактически она пришла к этому решению с той же порывистой аккуратностью, с какой работала над своими шотландскими чосеристами.

— Ты никогда не влюбишься в меня,— сказала она.— И я не жду этого. Так лучше.

Тогда она провела у меня две ночи. По вечерам мы вместе ходили в библиотеку и исчезали в кабинках для индивидуальной работы, как будто нас ничто не связывало. Единственный раз я убедился в том, что это не так, когда однажды вечером, неделю спустя, придя домой, увидел у дверей своей квартиры Мередит Полк. Она была в том же свитере и джинсах.

— Вы дерьмо,— зашипела она, и я поспешно открыл дверь и впустил ее.— Бессердечный ублюдок! — продолжила она, войдя.— Вы собираетесь лишить ее шансов на получение должности. Вы разбиваете ей сердце. Вы обращаетесь с ней, как со шлюхой. Она слишком хороша для вас. Вы и мизинца ее не стоите. Хелен посвятила себя преподаванию, и это главное в ее жизни. Я-то это поняла, но не думаю, что вы тоже. И я не думаю, что вы посвятили себя чему-то, кроме секса.

— Давайте по порядку,— сказал я.— Каким образом я могу лишить ее шансов на получение должности?

— Это ее первый семестр здесь. Вы же знаете, за нами наблюдают. И как это выглядит — новенькая преподавательница прыгает в постель к первому встречному?

— Это Беркли. Я не думаю, что кто-то обратил на нас внимание или кому-то до этого есть дело.

— Свинья! Это вы не обращаете внимания и вам ни до чего дела нет — вот и вся правда. Вы любите ее?

— Уходите,— сказал я, теряя терпение. Мередит была похожа на рассерженную лягушку, что квакала на меня, защищая свою территорию.

Сама Хелен появилась через три часа, бледная и потерянная. Она не стала обсуждать поразительные обвинения Мередит Полк, но сказала, что прошлым вечером у них состоялся разговор.

— Мередит необычайно любит покровительствовать,— вздохнула Хелен.— Она, наверно, показалась тебе ужасной. Мне так стыдно, Дон.— На глазах у нее выступили слезы.— Нет, не сердись на меня. Не надо. Это так глупо — все оттого, что последние две ночи я не могла работать. Я чувствую себя такой несчастной, когда тебя нет рядом.— Хелен потерянно взглянула на меня: — Мне не следовало этого говорить. Но ты же не любишь меня, да? Ты не можешь ведь, так?

— У меня нет ответа... Давай-ка я тебе приготовлю чашечку чая.

Свернувшись калачиком, она лежала на кровати в моей маленькой квартирке, причитая:

— Я чувствую себя такой виноватой.

Вскоре я вернулся с чаем.

— Как бы я хотела отправиться путешествовать с тобой. В Шотландию. Все последние годы я читаю о Шотландии, но никогда там не бывала.— Ее глаза казались огромными за толстыми стеклами очков.— Господи, какая же я размазня! Зачем только я приехала сюда. Я была так счастлива в Мэдисоне. Не надо было мне приезжать в Калифорнию.

— Ты здесь больше на своем месте, чем я.

— Нет,— отвернулась она, пряча лицо.— Ты можешь уехать куда угодно, и тебе там будет хорошо. А из меня ничего путного, кроме рабочей лошадки, не получится.

— Какую последнюю, по-настоящему хорошую книгу ты читала? — спросил я.

Хелен перекатилась обратно, чтобы взглянуть на меня, — и на ее лице любопытство уже одерживало верх над страданием и взволнованностью. Слегка скосив глаза, она на мгновение задумалась.

— «Риторика иронии» Уэйна Бута. Только что прочла.

— Ты явно на своем месте в Беркли.

— Мое место в зоопарке.

Это было извинение за все разом — как за Мередит Полк, так и за ее эмоции, — но я уже понял, что, если мы не расстанемся, я только сделаю ей больнее. Хелен была права: я не мог полюбить ее.

Впоследствии я думал, что моя жизнь в Беркли была как бы выкройкой, по которой потом начинала выстраиваться вся моя дальнейшая жизнь. И за исключением работы она была, по существу, бессодержательна и пуста. Но не лучше ли было продолжать видеться с Хелен, чем ранить ее, настаивая на разрыве? В том мире, в котором я жил, целесообразность виделась мне синонимом доброты. Когда мы утром расстались, между нами было понимание того, что мы не встретимся через день или два, но что все будет продолжаться, как прежде.

Однако неделю спустя моя прежняя, устоявшаяся жизнь закончилась; после этого я видел Хелен Кайон лишь дважды.

2

Подготовка к лекции о Готорне и мои студенты занимали все мое время в течение оставшихся до выступления пяти дней. С Хелен мы виделись мимолетно, и я обещал ей, что мы съездим куда-нибудь на уикенд, как только разделаюсь со срочной работой. У моего брата был коттедж в Стилл Вэлли, за Мендесино, и он говорил, что я могу в любой момент приехать туда отдохнуть, когда мне надоест Беркли. Это была обычная для Дэвида заботливости, однако из-за своего упрямства я доселе не пользовался его предложением. Я не хотел чувствовать себя обязанным

брату. После лекции я намеревался отвезти Хелен в Стилл Вэлли и сразу убить двух зайцев.

В то утро я перечитал главу из книги Д. Г. Лоуренса о Готорне и обратил внимание на строки:

И первое, что она делает,— соблазняет его.

И первое, что он делает,— соблазняется.

И второе, что они делают,— лелеют свой грех
в тайне, и торжествуют, и пытаются осознать.

Таков миф о Новой Англии.

Вот что я так долго искал! Я поставил на стол чашку кофе и начал переделывать свои записи. Проницательность Лоуренса расширила мое видение, теперь я воспринимал все книги совсем в другом свете. Я принялся выбрасывать целые абзацы и вставлять другие, писал поверх перечеркнутых строчек... Я забыл позвонить Хелен!

Во время самой лекции я уже очень скупо пользовался записями. Один раз, в поисках метафоры, я потянулся к подставке для книг и увидел Хелен с Мередит Полк, пристроившихся на одном из нижних рядов аудитории. Мередит Полк сидела хмурая, подозрительная, точно местный коп. Когда ученые слушают то, что говорится в литературных аудиториях, они частенько выглядят именно так. Хелен же казалась просто заинтересованной, и я был благодарен этой девушке, что она пришла.

Когда все закончилось, профессор Либерман поднялся со стула в проходе и подошел ко мне сказать, что ему очень понравились мои комментарии, потом поинтересовался, не хотел бы я взять его лекцию о Стивене Крэйне и провести ее через два месяца. Ему, дескать, необходимо отправиться на конференцию в Айову и, поскольку я продемонстрировал такую «образцовую» работу, особенно принимая во внимание, что я не числюсь в основном штате... Короче, он предполагал, что есть возможность продлить мой контракт на второй год.

Меня ошеломила не столько эта взятка, сколько его высокомерие. Либерман был еще молодой, но уже из-

вестный — не как филолог, а как критик, этакий Эдмонд Уилсон; я был невысокого мнения о его книгах, но предполагал, что он способен на большее.

Студенты стекались к выходам — плотная, однородная масса футболок и джинсов. Тут я заметил повернутое ко мне в ожидании лицо и стройное тело, облаченное не в джинсу, а в белое платье. Либерман вдруг показался мне помехой, досадным препятствием, и я поспешил дать согласие провести лекцию о Крэйне, только б от него отделаться.

— Очень хорошо, Дональд, — сказал Либерман и удалился.

Все произошло так быстро: только что молодой профессор был передо мной, а в следующее мгновение я уже смотрел в лицо девушке в белом платье. Той самой аспирантке, что недавно остановила нас с Хелен на лестнице.

Сейчас она выглядела совершенно иначе: прежняя бледность пропала, легкий золотистый загар покрывал лицо и руки. Прямые светлые волосы блестели. Блестели и ее бледные глаза: в них искрился kaleidoscope разноцветных осколков света. В уголках рта едва виднелись две тоненькие ироничные скобочки. Она была восхитительна, она казалась очаровательнейшей из всех девушек, каких я когда-либо встречал, — это не голословное заявление, поскольку Беркли был населен таким количеством красавиц, что всякий раз, кидая взгляд с кафедры на аудиторию, я видел два-три новых миловидных лица. Между тем в особе, что стояла передо мной, не было ни той нескладности, ни самоуверенности, ни «проверочной» вульгарности, обычно присущих студенткам-выпускницам: она просто выглядела очень правильным человеком, который пребывает полностью в ладах с самим собой. У Хелен Кайон теперь не было и шанса.

— Это было прекрасно, — произнесла девушка, и едва заметные складочки в уголках ее рта изогнулись и стали шутовскими. — Я так рада, что пришла послушать.

Впервые я заметил южный акцент — веселую медлительную певучесть.

— И я,— сказал я.— Благодарю за комплимент.

— Желаете насладиться успехом в одиночестве?

— Это приглашение? — Тут я спохватился, что, польщенный, слишком тороплю события.

— Что, простите? Нет, я так не думаю.— Ее губы дрогнули: мол, что за мысли.

Я взглянул на верх амфитеатра аудитории. Хелен и Мередит были уже в проходе и спускались к двери. Хелен, наверно, пошла сразу же, едва увидела, как я смотрю на блондинку. Если она знала меня так хорошо, как утверждала, то она сразу же поняла, что я чувствовал. Хелен вышла через дверь, не оборачиваясь, но Мередит Полк попыталась уничтожить меня взглядом.

— Вы кого-то ждете? — спросила девушка.

— Да так, ничего существенного. Разрешите пригласить вас на ленч? Я не успел перекусить и теперь умираю с голоду.

Я понимал, что веду себя как последний эгоист; однако я понимал и то, что девушка, стоявшая передо мной, уже больше значила для меня, нежели Хелен, и, отпуская Хелен вот так, сразу — как настоящий ублюдок, по словам Мередит,— я выкидывал недели, а то и месяцы душераздирающих сцен. Я не лгал Хелен: она всегда сознавала хрупкость наших отношений.

Мы шагали по территории университета. Моя спутница была вся пронизана женственностью: даже тогда, когда я наконец взглянул на нее при солнечном свете, она казалась бесконечно юной, нестареющей, неувядающей — удивительно вечной, лучащейся какой-то священной, мифической красотой. Самоотрешенность Хелен начисто лишала ее изящества, и сейчас она казалась лишь кратким мгновением моей жизни — как отблеск льдинки на горизонте. Мое первое впечатление от Альмы Мобли: с такой же легкой грацией она могла бы шествовать и по

итальянской пьятце шестнадцатого столетия, и в двадцатые годы нынешнего (это, впрочем, вероятнее) мимо отеля «Плаза», провожаемая одобрительным взглядом Скотта Фицджеральда, который залюбовался бы ее потрясающими ногами. Это, конечно, звучит абсурдно... Несомненно, я сразу обратил внимание на ее ноги, я чувствовал все ее тело; однако видения средневековой Италии и Фицджеральда у «Плазы» не были метафорами, маскирующими похоть. Просто каждая ее клеточка излучала изящную непринужденность и свободу — это было совсем не типично для обыкновенной аспирантки английского факультета Беркли.

Все эти впечатления копились на протяжении шести месяцев, а я пытаюсь здесь описать их как первые и сиюминутные — и все же моим оправданием служит то, что начальные их ростки уже появились, когда мы вышли из университета и направились к ресторану. То, что она приняла мое приглашение с таким желанием, с такой беззаботностью, наводило на мысли о ее проницательности, трезвости ума и даже некой пассивности — иронической пассивности красавицы из разряда тех, кого собственная красота держит в заточении, как принцессу в башне.

Я повел ее в тот самый ресторан, о котором Либерман говорил, что он слишком дорог для студентов. Впрочем, для меня — тоже. Но церемония шикарного обеда как нельзя больше устраивала и ее, и меня, и праздничную атмосферу нашей встречи.

И тут же я понял, что именно ее хотел бы отвезти в дом Дэвида в Стилл Вэлли.

Звали ее Альма Мобли, она была родом из Нового Орлеана. Я догадался по ее манерам, что росла она в обеспеченной семье; отец ее был художником, и в детстве Альма подолгу жила в Европе. Рассказывая о своих родителях, она употребляла прошедшее время, и я понял, что их уже нет в живых. Это тоже накладывало отпечаток на ее поведение, на некую ауру отрешенности от всего, кроме себя.

Как и Хелен, она получила образование на Среднем Западе. Училась в чикагском университете (это казалось таким диссонансом: Альма — в Чикаго, в этом сумасшедшем городе!), затем в Беркли, на философском факультете. Из ее рассказа я понял, что она просто дрейфует по университетской жизни и, в отличие от Хелен, не чувствует в себе никакого глубокого предназначения. Она стала аспиранткой, потому что обладала способностями к механике литературной работы и была в ней безупречна; она считала, что больше ни на что не способна. И приехала она сюда, в Калифорнию, потому что ей не нравился чикагский климат.

И вновь я подивился необычайно сильному ощущению некоей неуместности всего ее окружения, странно-му несоответствию обстановки ее жизни — самой девушке, ее инертной самодостаточности. Я не сомневался, что она могла бы с блеском завершить работу над своей диссертацией (по Вирджинии Вулф), а затем успешно преподавать в любом из маленьких колледжей, разбросанных вверх и вниз по побережью. И тут, внезапно и с потрясающей силой, когда она подносила ко рту ложку мятно-зеленого авокадо, меня поразило видение. Я вдруг увидел ее шлюхой, проституткой из романа начала века — волосы были экзотически завиты и начесаны, мелькающие в танце ноги обнажены, все ее нагое тело предстало передо мной во всех подробностях. «Еще одно явление из области профессиональной отстраненности», — подумал я, опомнившись, однако это не уменьшило его силы. Оно чрезвычайно взволновало меня — взволновало сексуально. Альма говорила о книгах — причем не так, как Хелен, а как простой читатель, — а я смотрел на нее через столик и мечтал стать единственным для нее, хотел ухватить эту пассивность, встряхнуть и заставить ее настоящему взглянуть на меня.

— У вас есть друг? — спросил я ее.

Девушка покачала головой.

— Так вы не влюблены?

— Нет.— И она улыбнулась прозрачности вопроса.— Был мужчина в Чикаго, но все в прошлом...

— Один из тамошних профессоров?

— Один из моих адъюнкт-профессоров.— Девушка улыбнулась она.

— Вы были влюблены в него? Он был женат?

На мгновение взгляд ее стал серьезным:

— Нет. Это было не то, что вы имеете в виду. Он не был женат, а я не была влюблена в него.

Даже тогда я начал понимать, что лжет она с легкостью. Новое открытие не оттолкнуло меня; наоборот, это доказывало, сколь легкими были прикосновения судьбы в ее жизни, и было частью того, что я уже мечтал в ней изменить.

— Значит, он был влюблен в вас,— сказал я.— Вы из-за этого уехали из Чикаго?

— Нет, к этому времени все закончилось. Алан так ни на что и не решился. И сам себя поставил в глупое положение. Вот и все.

— Алан?

— Алан Маккични. Он был очень сентиментален.

— Сентиментальный дурак.

— А вы, что, хорошо знаете его? — спросила она с присущей только ей особенностью приносить мягкую, почти неудовимую иронию в вопрос любой важности.

— Да нет, просто интересно.

— Что ж...— Ее глаза встретились с моими.— Особенно рассказывать нечего. Он... очень увлекся. Я ходила к нему на консультации. Нас было всего четверо в группе — три парня и я. Консультации проводились дважды в неделю. Я заметила, что он обратил на меня внимание, но он был очень застенчив. И очень неопытен с женщинами.— И вновь я уловил легкое несоответствие выражения ее

глаз и интонации.— Несколько раз он увозил меня куда-нибудь пообедать. Он не хотел, чтоб нас видели вместе, и мы встречались в местах, не похожих на Гайд-Парк.

— Например?

— Например, в барах отелей. В кафе, что по кольцевой дороге. Мне кажется, это был его первый опыт общения со студенткой, и он очень нервничал. Я не думаю, что жизнь его была веселой. В итоге я стала очень много значить для него. А я поняла, что такой он мне не нужен. Я догадываюсь, о чем вы хотите спросить, поэтому скажу сразу. Да, я спала с ним. Недолго. Нам не было вместе хорошо. Алан был... не очень хорош... физически. Я даже начала думать, что он, скорее, мечтает переспать с мальчишкой, хотя, разумеется, это только догадки. Вряд ли он на это был способен.

— И долго это продолжалось?

— Год.— Она закончила есть и уронила салфетку рядом с тарелкой.— Не понимаю, зачем мы говорим об этом.

— Что вы больше всего любите?

— Дайте подумать...— Альма сделала вид, что всерьез отнеслась к вопросу.— Если честно... Лето. Фильмы. Английские романы. Вставать в шесть утра и смотреть в окно, как рождается утро: все такое чистое, всюду так пусто... Чай с лимоном. Что еще? Париж. И Ниццу. Я так люблю Ниццу! Когда я была маленькой, мы ездили туда на все лето четыре или пять раз. А еще люблю вкусно поесть — вот как сейчас.

— Не похоже, что вы созданы для университетской жизни,— усмехнулся я. Она словно рассказала мне все и ничего.

— Похоже, что не похоже? — рассмеялась девушка.— Мне кажется, все, что мне нужно,— это Большая Любовь.

Такой она была — принцессой, заточенной в башню чувством собственного достоинства.

— Пойдемте завтра вечером в кино,— сказал я, и Альма согласилась.

На следующий день я уговорил Рекса Лесли, чья преподавательская была этажом ниже, поменяться со мной столами.

В кинотеатре шла «Большая иллюзия» Ренуара, которую Альма никогда не смотрела. Потом мы пошли в кафе, всегда полное студентов, и обрывки их разговоров долетали до нашего столика. Как только мы уселись, я вдруг ощутил мимолетный стыд и чувство вины и секундой позже понял: я боялся, что нас увидит Хелен Кайон. Однако это местечко было не в ее духе, да в любом случае Хелен наверняка сейчас, как обычно, сидела в библиотеке.

— Какой красивый фильм,— сказала Альма.— Я все еще живу в нем.

— Вы очень глубоко воспринимаете фильмы.

— Конечно,— удивилась она.

— А литературу?

— Конечно.— Она вновь взглянула на меня.— Вообще-то... не знаю. Люблю читать — вот и все.

Бородатый парень за соседним столиком между тем говорил соседу:

— Веннер наивен, как и его журнал. Я начну опять покупать его, только когда увижу на обложке фото Джерри Брауна.

Его приятель ответил:

— Веннер и есть Джерри Браун.

— Это Беркли,— сказал я.

— Кто такой Веннер?

— Странно, что вы не знаете Ианна Веннера.

— Кто он?

— Выпускник Беркли. Он был создателем «Rolling Stone».

— Это такой журнал?

— В вас столько неожиданностей! — изумился я. — Неужели никогда не слышали?

— Большинство журналов совершенно не интересны мне. Я их никогда не читаю. Что это за журнал? Его название как-то связано с названием рок-группы?

Я кивнул. Об этом, по крайней мере, она слыхала.

— Какую музыку вы любите?

— Я не очень интересуюсь музыкой.

— Ну, хорошо, попробуем несколько имен. Вы знаете, кто такой Том Сивер?

— Нет.

— Вы слышали о Вилли Мэйсе?

— Он, кажется, спортсмен? Спортом я тоже не интересуюсь.

— Чувствуется. — В ответ она хихикнула. — Вы меня все больше заинтриговываете. А как насчет Барбары Стрейзанд?

Она очаровательно надула губки:

— Разумеется, слышала!

— Джон Форд?

— Нет.

— Артур Фонцарелли.

— Нет.

— Дези Арнац?

— Нет.

— Джон Дин?

— Нет... Остановитесь! Или я начну отвечать «да».

— Чем вы занимаетесь? — спросил я. — Вы уверены, что вообще живете в этой стране?

— Давайте-ка я попытаю вас. Говорят ли вам что-нибудь имена: Энтони Пауэлл, Джин Рис, Айви Комптон-Барнетт, Элизабет Джейн Ховард, Пол Скотт, Маргарет Дрэббл и...

— Это английские романисты, и я слышал обо всех, — прервал ее я. — Но я вас понял. Вы не интересуетесь тем, что вам не интересно.

— Вот именно.

— И никогда не читаете газет.

— Не читаю. И никогда не смотрю телевизор.— Альма улыбнулась.— Вы думаете, меня надо поставить к стенке и расстрелять?

— Мне просто интересно, с чем и с кем вы дружите.

— С вами. Вы же друг мне, правда? — За этим вопросом, как и за всем нашим разговором, была та же видимость безучастной иронии. На мгновение мне подумалось, что Альма была существом из другого мира: ее почти полное невежество в общедоступных областях культуры ясно демонстрировало то, как мало ее заботило, что люди о ней мнили. И еще я подумал о том, что ее неосведомленность гораздо шире, чем я мог себе представить. Возможно, шестая часть аспирантов в Калифорнии и не слыхала о таком атлете, как Сивер,— однако вряд ли нашелся бы во всей Америке человек, ничего не знавший о Фонце.

— Но у вас наверняка есть друзья. Мы же только на днях познакомились.

— О, конечно, есть.

— На английском факультете? — Такое было возможно: насколько я знал, среди моих временных коллег имелось несколько знатоков Вирджинии Вулф, и они тоже не читали газет. Однако в их кругу подобная отрешенность от всего остального показалась бы жеманством; для Альмы же она была в порядке вещей.

— Нет. Я немногих там знаю. Но я знакома с людьми, интересующимися оккультизмом.

— Оккультизмом? — Я не представлял себе, что она имела в виду.— Спиритические сеансы? Мадам Блаватская?

— Нет. Они занимаются более серьезными вещами. Они члены Ордена.

Я был ошеломлен; я точно рухнул в бездну. Я уже рисовал в своем воображении сатанизм, ведьминский шабаш, калифорнийский психоз в его худшей форме.

По моему лицу она это поняла:

— Нет, я сама не принимаю в этом участия. Я просто знакома с ними.

— Как этот Орден называется?

— Х.Х.Х.

— Но... — Я вытянулся вперед, не веря своим ушам и думая, что ослышался. — Не может быть... Х.Х.Х.? Хала...

— Хала Халиог Хлати.

Шокированный, я отказывался поверить; глядя на ее красивое лицо, я испытывал удивление и страх. Х.Х.Х. были незаурядной шайкой калифорнийских сумасбродов, наряжающихся в балахоны, — это были ужасные люди. Они славились своей жестокостью, граничащей с дикостью; они были как-то замешаны в деле семьи Мэнсонов, и я слышал о них только в связи с этим. После завершения дела Мэнсона они, кажется, подались куда-то — вроде бы в Мексику. Неужели они все еще в Калифорнии? Уж лучше бы она мне сказала, что знакома с главарями мафии: от мафии можно ожидать каких-то мотивов, рациональных или же нет, мафия, по крайней мере, являлась спутником капитализма. Х.Х.Х. — это уже из области ночных кошмаров.

— И эти люди — ваши друзья?

— Вы сами спросили.

Я покачал головой, все еще не оправившись от потрясения.

— Не беспокойтесь об этом. Или о них. Вы их никогда не увидите.

Теперь я совсем по-другому представлял себе ее жизнь, она показалась мне какой-то зловещей. Анна сидела напротив, легко улыбаясь, — а мне вдруг стало страшно. Я словно ступил с освещенной солнцем тропинки в темные джунгли; и я вспомнил о Хелен Кайон, что трудилась сейчас в библиотеке со своими шотландскими чосерианцами.

— Я очень редко вижусь с ними, — сказала Альма.

— Но вы ходите на их собрания? Бываете в их домах?
Она кивнула:

— Я же говорю — это мои друзья. Но не волнуйтесь так об этом.

Возможно, это и было ложью — еще одной ложью, поскольку мне показалось, что она не совсем искренна со мной. Однако все ее поведение, даже ее участие по отношению ко мне свидетельствовало о том, что она говорит правду. Девушка поднесла ко рту чашку с кофе, сочувствующе улыбаясь мне, и я увидел ее стоящей у костра с чем-то кровоточащим в руках...

— Нет, вы в самом деле волнуетесь. Я не состою в их организации. Я лишь знакома с людьми из нее. Вы спросили меня. И я решила, что вам следует это знать.

— Вы бывали на их собраниях? Что там происходит?

— Не могу сказать. Это всего лишь другая часть моей жизни. Совсем маленькая. И она не затронет вас.

— Пойдемте отсюда, — предложил я.

Думал ли я уже тогда, что Альма даст мне материал для романа? Скорее, нет. Я подумал, что ее контакт с этой группой был еще менее значительным, чем она это представила; я смог убедиться в этом лишь однажды и намного позже. Девушка приукрашивала, преувеличивала факты, убеждал себя я. ХХХ.— и Вирджиния Вулф? И «Великая иллюзия»? Совсем не вяжется...

Нежно, почти дразняще Альма пригласила меня к себе в гости. Это было рядом с кафе. Когда мы оставили позади шумную улицу и свернули в менее освещенный квартал, она ни с того ни с сего начала рассказывать мне о своей жизни в Чикаго. Поэтому мне не пришлось спрашивать ее о прошлом. Мне даже послышалось облегчение в ее голосе: оттого ли, что она «созналась» в своей связи с ХХХ.? Или потому, что я не пристававал с расспросами? Скорее всего последнее. Стоял обычный вечер уходящего лета, теплый и прохладный одновременно. Несмотря на не-

приятное признание, молодая женщина рядом со мной — ее непринужденная грация и такая же природная мудрость, вложенная в ее речь, почти неземная ее красота — так вдохновляла меня, что впервые за много месяцев я чувствовал себя беспредельно счастливым. Я словно пробудился от зимней спячки.

Мы дошли до ее дома.

— Первый этаж, — сказала она и поднялась по ступеням к двери.

Я чуть задержался, чтобы полюбоваться ею. Воробей вспорхнул на перила и наклонил головку; я чувствовал запах нагретых за день листьев. Девушка обернулась, и лицо ее было бледным, едва различимым в тени крыльца. Однако — чудо! — я отчетливо видел ее глаза, как если бы они светились, будто кошачьи.

— Ну что, будете обдумывать свой роман или, может, пойдете со мной?

Я отметил, что Альма читала и мою книгу, и, возможно, даже критику на нее, и поднялся вслед за ней.

Я не представлял себе, какой могла быть ее квартира, но мне следовало бы и раньше догадаться, что она не имела ничего общего с неопрятным жильем Хелен. Альма жила одна — как я и предполагал. В большой комнате, куда она меня привела, все объединялось единым вкусом, единой точкой зрения: это была одна из самых шикарных комнат, какие я когда-либо видел. Длинная толстая бухарская дорожка, бегущая через всю комнату; расписной камин, а по обеим его сторонам — дорогие столики. Широкий письменный стол у окна. Шикарные полосатые кресла; большие диванные подушки; лампа от Тиффани на столе. Я оказался прав, полагая, что ее родители были обеспеченными людьми.

— Вы не совсем типичная аспирантка, не так ли?

— Я решила, что окружить себя этими вещами было бы куда благоразумнее, чем держать их на складе. Еще кофе?

Я кивнул. Теперь я видел ее в несколько ином свете. Если Альма и казалась столь непохожей на других, непонятной — это оттого, что она была особенной; она получила такое необычное воспитание, о существовании которого девяносто процентов американцев не подозревают и допускают только теоретически, — воспитание, я бы сказал, ультрароскошной богемы. И если в ее природе была инертность — это оттого, что ей никогда не приходилось принимать самостоятельных решений. В свои домыслы я привнес кормилиц и нянюшек, школьные годы в Швейцарии, каникулы на яхтах. Это, думал я, и объясняло ту ауру безвременья, вечности, окружавшую Альму Мобли; вот почему я вообразил ее летящей мимо отеля «Плаза» в двадцатые годы, годы Фицджеральда: подобное богатство — из другой эпохи.

Когда она вернулась с кофе, я сказал:

— Как вы смотрите на то, чтобы отправиться попутешествовать на недельку-другую? Мы могли бы остановиться в доме в Стил Вэлли.

Альма подняла брови и вскинула голову. Меня поразило то, что ее пассивность была какой-то двунолой, как, наверно, бывают двуполыми проститутки.

— Вы удивительная девушка, — сказал я.

— Ага, герой «Ридерс Дайджест».

— Едва ли.

Она сидела передо мной, поджав под себя ноги, на пухлой диванной подушке — такая невероятно притягательная, соблазнительная и в то же время такая неземная, божественная, что я отбросил мысль о двуполости. Мне даже показалось невероятным, как такое могло прийти мне в голову. Я страстно хотел ее; я знал, что она будет моей, и сознание этого подстегивало меня.

Деньги на стол, приятель...

К утру я уже был от нее без ума. Мы отправились в постель совершенно буднично; после того, как мы проговорили час или два, Альма спросила:

— Вы не хотите уходить, правда?

— Не хочу.

— Ну что ж, тогда оставайтесь ночевать.

То, что за этим последовало, вовсе не было страстным слиянием тел, скорее наоборот — она была так же пассивна в постели, как и в жизни. Правда, она без усилий испытывала оргазмы, сначала во время прелюдии, потом — в процессе самого акта; она, как ребенок, держалась за мою шею, сжав меня бедрами и сцепив ноги у меня на спине; и даже полностью покорившись, Альма оставалась по-прежнему отрешенной.

— О, я люблю тебя,— сказала она, собрав мои волосы в кулаки, когда мы начали в третий раз, но сжатие ее рук было таким же легким, как и ее голос.

Раскрывая очередную ее тайну, я видел уже следующую. Казалось, чувство Альмы имело один источник с ее прочими особенностями. Я знал десяток девушек, которые были лучше в постели, чем она, но ни с одной из них не охватывала меня такая тонкая, деликатная нежность, такая легкая, естественная и непринужденная игра светотени ее чувств. Я был словно на пороге какого-то неведомого мне откровения — словно перед еще не открытой дверью.

Впервые я понял, почему женщины влюблялись в донжуанов, почему унижали себя, преследуя их и добиваясь их любви.

Она дала мне богатую пищу для размышлений, рассказав о своем прошлом. Я убедился, что Альма настолько неординарна, какой только может быть женщина. Это все было очень созвучно с ХХХ, с внезапным ее бегством из Чикаго; неординарность казалась неотъемлемой чертой образа жизни Альмы.

Чего я желал — это, конечно же, вытеснить, заменить собой всех живущих в ее сердце; приоткрыть ту заветную дверь и разгадать все тайны девушки; хотел, чтобы ее благосклонность и нежность были обращены лишь ко мне одному. В одной суфийской притче слон влюбился в светлячка и вообразил, что тот светит только для него одного; и когда светлячок отлетал от слона на некоторое расстояние, гиганту казалось, что букашка своим светом вычерчивает контуры слона.

3

Мало сказать, что эта любовь поставила меня на колени. Все мои порывы продолжать книгу быстро угасли. Я не в силах был выдумывать чувства, поскольку столько отдавал своих собственных; загадка Альмы была такой завораживающей, что все тайны моих персонажей казались чересчур надуманными и поддельными. И я все откладывал работу над ними, пока не выведаю эту, главную тайну.

Беспрестанно думая об Альме Мобли, я ловил каждую возможность, чтобы видеть ее; все последующие десять дней я оказывался рядом с ней каждую минутку, не занятую преподаванием. На моем столе росла пачка непрочитанных студенческих работ, догоняя по высоте стопку очерков по «Алой букве». В этот период наша сексуальная бравада была просто невероятной. Мы занимались любовью в опустевших на перемены аудиториях, в незакрывающейся преподавательской; однажды я даже последовал за Альмой в дамский туалет и овладел ею, когда она балансировала на унитазе. Как-то на лекции, после моего очень уж пылко-го выступления, один студент литературного факультета спросил меня:

— А как бы вы охарактеризовали человека — в общих чертах?

— Сексуальный и несовершеннолетний, — отвечивал я.

Я сказал, что проводил с ней «почти» все время, не занятое лекциями. Исключением были два вечера, когда она уезжала, как она сказала, навестить тетушку в Сан-Франциско. Она сообщила мне имя тети — Флоренс де Пейсер, — но, когда уехала, меня замучили сомнения. Однако, когда Альма вернулась, я не почувствовал никаких признаков другого любовника. И никаких признаков Х.Х.Х. — что меня тревожило еще больше. И она окружила миссис де Пейсер таким количеством обстоятельных деталей (йоркширский терьер по кличке Снупи, полный гардероб платьев от Халстона, служанка по имени Росита), что все мои подозрения улетучились. Невозможно же, проведя вечер с кровожадными зомби из Х.Х.Х., вернуться с кучей рассказов о собаке по кличке Снупи. Если и были когда-то у Альмы другие любовники или та неразборчивость в связях, которую я почувствовал в ней в нашу первую ночь, — сейчас от этого не осталось и следа.

Лишь одно озадачило меня — не гипотетический соперник, а, казалось бы, незначительное ее высказывание наутро после возвращения. Возможно, она сказала это невольно, под воздействием охватившего ее чувства — не знаю.

— Тебя одобрили.

Мне на мгновение показалось, что она имеет в виду окружающую нас обстановку ее дома: эту китайскую вазу на столике у кровати, рисунок Пикассо в раме, ворсистый ковер... Все это будило во мне чувство неуверенности и ненадежности.

— Потому что одобрила ты, — улыбнулся я.

— Не я. Нет, и я, разумеется, в первую очередь, но не я одна. — И она прижала палец к моим губам.

Через день-другой я уже забыл об этой незначительной загадке.

И, конечно же, я забыл о своей работе, об основной ее части. Даже по прошествии самых бурных наших недель я посвящал преподаванию намного меньше времени, чем

прежде. Никогда в жизни я не был так влюблен: вся моя прежняя жизнь казалась мне какой-то шуткой, я смотрел на нее искоса, не понимал ее; только Альма повернула меня лицом к ней и заставила взглянуть прямо в глаза. Все, что вызывало в возлюбленной сомнения, сгорало в пламени моего чувства. А если я чего-то о ней не знал — черт с ним: мне хватало с лихвой и того, что мне было известно.

Я уверен, что именно она первой заговорила о нашей свадьбе. Это звучало примерно так: «Когда мы поженимся, нам надо будет как следует попутешествовать» — или: «В каком домике ты хотел бы жить, когда мы поженимся?» Наши разговоры соскальзывали к этой теме как-то сами собой, без всякого напряжения — и я не ощущал никакого принуждения, а лишь чувствовал себя еще счастливее.

— О, теперь ты окончательно одобрен,— сказала она.

— Ты меня как-нибудь познакомишь со своей тетуськой?

— Лучше я приберегу тебя. Если на следующий год поженимся, давай проведем лето на островах в Греции. На Поросе остались друзья отца — мы можем остановиться у них.

— Их одобрение я тоже должен получить?

— Одобрят они или нет — мне все равно,— сказала она, беря мою руку, и мое сердце забилося сильнее.

Через несколько дней она сказала, что после Пороса она хотела бы съездить на месяц в Испанию.

— А как же Вирджиния Вулф? Твой диплом?

— Я не очень прилежная студентка.

Близился день моей лекции о Стивене Крэйне, и я, наконец осознав, что совершенно к этому не готов, сказал Альме, что как минимум пару вечеров мне придется провести в библиотеке.

— Хоть и выйдет жуткая халтура и хоть мне наплевать, продлит Либерман мой контракт еще на год или нет,— поскольку мы с тобой решили уехать из Беркли,— однако мне все-таки надо собраться с мыслями.

— Отлично,— отозвалась она и сообщила, что все равно планировала съездить к миссис де Пейсер на ближайшие два-три дня.

Нежно и крепко обнявшись на прощание, мы расстались. Альма уехала. Я отправился в библиотеку.

На первом этаже библиотеки я увидел Хелен Кайон — впервые после последней нашей встречи в лектории, когда с ней была Мередит Полк. Она не заметила меня; она ждала лифта с Рексом Лесли, тем самым преподавателем, с которым мы обменялись столами. Они увлеченно разговаривали, Хелен положила ладонь Рексу Лесли на спину. Я улыбнулся, мысленно пожелав ей удачи, и свернул на лестницу.

Весь этот и следующий вечер я тщетно бился над предстоящей лекцией. Мне было нечего сказать о Стивене Крэйне, мне был неинтересен Стивен Крэйн — всякий раз, взглядывая на страницу, я видел Анну Мобли, ее искристые глаза и улыбающиеся губы.

Отправившись следующим вечером за пиццей и пивом, я увидел Альму в тени у бара «Ласт Риф»; заведение это слыло сомнительным, поскольку его завсегдатаями были байкеры и голубые, занимающиеся подпольной торговлей. Я остолебенел: в первое мгновение я почувствовал не предательство, а страх. Она стояла не одна, и мужчина рядом с ней определенно являлся посетителем бара — он держал кружку пива,— но явно не был ни байкером, ни голубым, высматривающим себе партнера. Он был высоким, с бритой головой и в черных очках. И очень бледным. И хотя одет он был неопишимо — в рыжевато-коричневые брюки и жилет для игры в гольф (похоже, на голое тело; еще мне показалось, что я разглядел какие-то цепи у него на шее),— он походил на зверя, на голодного волка в человеческом обличье. Маленький мальчик, изнуренный и босой, сидел на тротуаре у его ног. Вся троица, прячущаяся в тени возле бара, выглядела шокирующе странной. Альма, похоже, держалась с мужчи-

ной совершенно непринужденно — что-то изредка спрашивала, тот отвечал, причем они показались мне дружнее, чем Хелен с Рексом, хотя не обменялись ни одним дружеским жестом. Мальчишка, сидевший у ног мужчины, иногда начинал дрожать, словно боясь, что его ударят. Эти трое смотрелись жутко — эдакие гости из ночи, как ночное семейство Чарльза Адамса. Характерная грация Альмы, ее манера держаться рядом с этим, похожим на оборотня человеком и жалким мальчишкой казалась нереальной и какой-то порочной. Я попятился, решив почему-то, что если мужчина заметит меня, он вмиг рассвирепеет.

«Именно так, наверно, и выглядит оборотень», — подумал я, потом вспомнил: Х.Х.Х.

Мужчина резко вздернул вверх мальчишку, кивнул Альме и сел в машину со стороны водителя, все еще держа в руках пиво. Мальчик забрался на заднее сиденье. Через мгновение машина с ревом умчалась.

Этим же вечером, позднее, думая, что совершаю ошибку, но не в силах ждать до утра, я набрал ее номер.

— Я видел тебя часа два назад. Я не хотел беспокоить тебя, но... Я думал, ты в Сан-Франциско.

— Мне там было так скучно, и я приехала раньше. Я не звонила, чтоб не мешать тебе работать. О, Дон, бедненький, ты, наверно, напридумывал себе что-нибудь ужасное!

— Что это за тип, с которым ты разговаривала? Бритый, в черных очках, и рядом с ним мальчик — у байкерского бара?

— О, этот! Это с ним ты меня видел? Его зовут Грег. Мы знакомы еще по Новому Орлеану. Он приехал сюда учиться и бросил. А мальчик — это его младший брат, их родители умерли, и Грег заботится о нем. Правда, я б сказала, не очень хорошо заботится. Мальчик умственно отсталый.

— Он из Нового Орлеана?

— Ну, конечно.

— Как его фамилия?

— А что, ты в чем-то сомневаешься? Его фамилия Бентон. Бентоны жили на одной улице с нами.

Все это звучало убедительно, если не думать о том, как выглядел парень по имени Грег Бентон.

— Он из Х.Х.Х.?

Она рассмеялась:

— Бедный мой, ты перетрудился! И зачем я тебе сказала...

— Ты в самом деле знаешь людей из Х.Х.Х.? — потребовал я.

Она заколебалась:

— Очень немногих.

Я вздохнул с облегчением: я думал, она приукрашивает себя. Может, и вправду этот «оборотень» был ее старым орлеанским знакомым; на самом деле, то, каким я увидел его в тени бара, напомнило мне, как я впервые встретил саму Альму: бесцветную, как привидение, на сумрачной лестнице университета.

— А чем этот... Бентон занимается?

— По-моему, чем-то вроде неофициальной торговли лекарствами.

Теперь все встало на свои места. Это соответствовало и его внешнему виду, и тому, что он болтался у такого бара, как «Ласт Риф». Альма же была немного взволнована — я никогда за ней такого не замечал.

— Ну, если ты освободился, то, пожалуйста, приходи и поцелуй свою подружку, — сказала она. И я был у нее за порогом раньше чем через минуту.

Два своеобразных события произошли в эту ночь. Мы с Альмой лежали в кровати под пристальным вниманием предметов, уже мною упомянутых. Всю ночь я скорее дремал, чем спал. Я потянулся коснуться оголенной руки Альмы — не хотелось ее будить. Но едва мои пальцы кос-

нулись ее руки, я почувствовал шок: это было похоже не на удар электрическим током, а скорее на удар сконцентрированного чувства, удар отвращения — я словно приотронулся к слизи. Я отдернул руку, а она повернулась и пробормотала:

— Все хорошо, милый?

Я пробурчал что-то в ответ. Альма погладила меня по руке и опять заснула. Немного позже она приснилась мне. Я видел лишь ее лицо; но это было не то лицо, которое я знал, и его отчужденность заставила меня застонать от страха и тревоги. На этот раз я окончательно проснулся, не до конца осознавая, где я и с кем лежу рядом.

4

Наверное, с того дня и начались перемены, хотя наши отношения оставались незыблемыми до поездки на уик-энд в Стилл Вэлли. Мы по-прежнему часто и счастливо занимались любовью, Альма продолжала восторженно говорить о том, как мы заживем после свадьбы. А я продолжал любить ее, несмотря на мои сомнения в полной правдивости некоторых ее высказываний. Впрочем, сам я, будучи писателем, не был ли тоже в какой-то мере лжецом? Ведь в основе моей профессии лежали вымысел, придумывание событий и окружение их деталями, достаточными для того, чтобы вымысел стал правдоподобен; если же кто-то другой занимался приукрашиванием фактов, это меня не так уж и расстраивало. Мы решили пожениться в Беркли в конце весеннего семестра, и предстоящая свадьба казалась официальной гарантией нашего счастья. Но думаю, что перелом тогда уже произошел, и то мое отвращение при ночном прикосновении к ее коже было признаком того, что начался он уже давно, а я этого просто не замечал.

Еще одним свидетельством перемен было, конечно, то загадочное «одобрение», которое я заслужил. В конце

концов утром, перед самой лекцией по Крэйну, я спросил ее об этом напрямик; в то утро я нервничал и был напряжен — поскольку знал, насколько недобросовестную работу мне предстояло вынести на люди,— и я сказал:

— Послушай, это одобрение, о котором ты все время твердишь,— оно твое, или миссис де Пейсер, или чье-то еще? Я что-то теряюсь в догадках. Надеюсь, не твоего знакомого торговца лекарствами? Или его ненормального брата?

Альма подняла на меня глаза, слегка удивившись. Затем улыбнулась:

— Мне следовало давно тебе рассказать. Мы с тобой уже достаточно близки.

— Надеюсь.

Она продолжала улыбаться:

— Это может показаться немного странным.

— Неважно. Я просто устал от неведения.

— Человек, одоббивший тебя,— мой давнишний любовник. Погоди, Дон, не смотри так. Я с ним больше не встречаюсь. Я не могу с ним больше встречаться. Он умер.

— Умер? — Я сел. В моем вопросе было немало удивления, однако мне и в голову не приходило, насколько странным будет то, что я услышу далее.

Альма кивнула; лицо ее было серьезным и игривым одновременно — эффект «увертки».

— Да. Его имя Таскер Мартин. Я с ним в контакте.

— Ты с ним в контакте?

— Постоянно.

— Постоянно?

— Да. Я разговариваю с ним. Ты нравишься Таскеру, Дон. Ты очень ему нравишься.

— И он, значит, дает тебе добро на меня.

— Правильно. Я ничего от него не скрываю. И он все время твердит мне, что мы хорошо подходим друг другу. И ты вправду нравишься ему, Дон. Если б он был жив, он был бы нашим хорошим другом.

Я глядел на нее, не в силах вымолвить ни слова.

— Я предупреждала тебя, что это покажется немного странным.

— Да уж.

Она всплеснула руками:

— Ну и что?

— Хм... И давно... Таскер умер?

— Давно. Пять или шесть лет назад.

— Еще один друг из Нового Орлеана...

— Да.

— И вы были очень близки.

— Мы были любовниками. Он был старше — намного. Таскер скончался от инфаркта. А две ночи спустя он заговорил со мной.

— Ему просто понадобилось двое суток, чтобы сменить номер телефона.— Альяма не ответила на это.— Он и сейчас говорит с тобой?

— Он слушает. И он рад, что ты теперь знаешь о нем.

— Не уверен, что я этому очень рад.

— Тебе просто надо привыкнуть к этой мысли. Он любит тебя, Дон. Все будет хорошо — так же, как и прежде, ничего не изменится.

— А Таскер, так сказать, выходит на связь, когда мы ложимся в постель?

— Не знаю. Наверное. Ему такие вещи всегда нравились.

— А он подкидывает тебе какие-нибудь идеи о нашей будущей совместной жизни?

— Иногда. Именно Таскер напомнил мне о друзьях моего отца на Поросе. Он думает, тебе понравится остров.

— А что Таскер думает по поводу моей реакции на твой рассказ о нем?

— Он говорит, что ты какое-то время будешь расстраиваться, думать, что я слегка не в своем уме, но потом просто свыкнешься с мыслью о нем. В конечном счете, он здесь и никуда исчезать не собирается, и ты здесь, со

мной, и мы поженимся. Дон, прошу тебя, постарайся воспринимать Таскера просто как часть меня, вот и все.

— Да, наверно, так и есть,— пробормотал я.— Я просто не могу поверить, что ты на самом деле в постоянном контакте с человеком, умершим пять лет назад.

Честно говоря, меня просто заворожило все это. Дошедшая из девятнадцатого века практика общаться с духами усопших очень подходила к Альме — это гармонизовало даже с ее инертностью. И в то же время вызывало страх. Разговорчивый дух Таскера Мартина, несомненно, был иллюзией, и у кого-то, кроме Альмы, подобное воспринялось бы как симптом психического заболевания. Пугающей также была идея получения «одобрения» от прежних любовников.

Я посмотрел через стол на Альму, глядевшую на меня мягко и выжидательно, и подумал: нет, она явно двуполая. Она запросто могла бы быть хорошеньким девятнадцатилетним худеньким юношей.

Альма все еще смотрела на меня с мягкой настороженностью. Я и хотел ее, и одновременно чувствовал в себе отчуждение. На полированной деревянной столешнице лежали ее длинные красивые пальцы; ладони и запястья были также изящны и красивы. И тоже привлекали и вместе с тем отталкивали.

— У нас будет красивая свадьба,— проронила Альма.

— Ты, я и Таскер.

— Вот видишь, он был прав: поначалу именно так ты и должен реагировать.

По пути в лекторий я вспомнил человека, которого видел с ней — Грегга Бентона из Луизианы с его мертвенным, свирепым лицом,— и содрогнулся.

Уже одно то, что Альма была не похожа ни на кого из моих знакомых, что в ее мире могли существовать духи-консультанты и мужчины с наружностью обратной, красноречиво свидетельствовало об ее аномальности. Я не знаю, как другими словами это выразить. Я имею в виду

то, что она заставила меня поверить в атрибуты сверхъестественного — она утверждала, что подобные вещи незримо обитают рядом с нами. Ступаешь на кажущуюся твердой почву — а она проваливается под ногой; смотришь вниз — и вместо предполагаемой травы, земли и твердости почвы видишь глубокую расщелину, в темные закоулки которой расползаются сумрачные твари, спеша укрыться от света. Вот она, расщелина, этакая глубокая трещина — насколько она глубока? Куда ведет? А может, она всюду под нами, и твердая почва, земля — всего лишь мост, перекинутый через нее?

«Нет, конечно, это не так: скорее всего, не так. Я люблю, я очень люблю Альму, — убеждал я себя. — Следующим летом мы поженимся». Я представлял ее невероятной красоты ноги, ее такое милое, любимое лицо; я думал о своем чувстве к этой женщине — и казалось, будто я глубоко втянулся в некую, полупонятную мне, игру.

Моя вторая лекция была сущей катастрофой. Я выдавал второсортные идеи, безуспешно пытался как-то увязать их между собой и путался в своих же записях, самому себе противореча. Занятый мыслями о другом, я заявил, что «“Алый знак доблести” есть история с привидениями, в которой, собственно, привидения ни разу не появляются». Недобросовестная подготовка лекции и мое равнодушие к ее теме были видны невооруженным глазом. Когда я покидал подиум, раздалось несколько иронических хлопков. Я был счастлив, что Либерман в тот день оказался в Айове.

После лекции я отправился в бар, где заказал двойной «Джонни Уокер Блэк». Перед уходом я нырнул в телефонную кабинку и нашел раздел «Сан-Франциско». Сначала я искал на букву «П» и, ничего не обнаружив, от волнения взмок. Зато на «Д» я увидел «де Пейсер», а также и адрес этой дамы. Может, земля под ногами все же не так зыбка — ну конечно нет.

На следующий день я позвонил в офис Дэвиду и сказал, что хотел бы поехать в Стилл Вэлли.

— Фантастика,— изумился он.— И очень кстати. У меня есть там кое-кто — присматривают за домом, чтоб ничего не украли,— но я бы очень хотел, чтоб ты сам там пожил, Дон.

— Я был жутко занят.

— Как тебе местные женщины?

— Странные и удивительные,— ответил я.— Кстати, по-моему, я обручен.

— Звучит не слишком уверенно.

— Я обручен. Следующим летом женюсь.

— Черт побери, как же ее зовут? Ты кому-нибудь рассказывал? Ну и ну! Ты всегда был немного скрытен, но..

Я назвал брату ее имя.

— Дэвид, я ничего еще не говорил родителям. Если будешь звонить им, передай, что я скоро напишу. Мое состояние обрученного поглощает все свободное время.

Он рассказал, как добраться до дома, как зовут соседей, у которых ключи, и добавил:

— Слушай, братишка, я так рад за тебя!

Прощаясь, мы обменялись дежурными обещаниями писать друг другу.

Дэвид приобрел недвижимость в Стилл Вэлли, когда работал в адвокатской фирме в Калифорнии. С присущей ему дальновидностью он выбрал хорошее местечко, принимая во внимание, что будущий дом будет служить местом отдыха, и что окружать его должен большой участок земли — восемь акров,— и что рядом океан, после чего потратил все имевшиеся у него наличные на полную перестройку, отделку и обстановку дома. Когда брат улетал в Нью-Йорк, он оставил дом за собой, зная, что цены на недвижимость в Стилл Вэлли будут стремительно расти. С тех пор дом его подорожал как минимум вчетверо, что еще раз доказывало, что Дон не дурак.

После того как мы с Альмой забрали ключи у художника и его жены, живших в нескольких милях ниже по шоссе, мы выехали на грязную дорогу, ведущую к берегу. Дыхание и запах океана мы услышали прежде, чем обнаружили дом. И когда Альма увидела его, она сказала:

— Дон, именно здесь мы должны провести медовый месяц!

Прежде, рассказывая о доме, Дэвид всегда упоминал слово «коттедж». И я ожидал увидеть двух-, трехкомнатный домик с туалетом на улице — уютный сарайчик, чтоб попить пива, сыграть в покер, переночевать... На самом деле он выглядел таким, каким и был на самом деле — роскошной игрушкой богатого адвоката.

— И твой брат позволяет ему вот так простаивать? — спросила Альма.

— Я думаю, он приезжает сюда на две-три недели раз в году.

— Ну-ну.

Я впервые видел ее такой пораженной.

— А что думает Таскер?

— Он думает, что это потрясающе. Он говорит, что это так напоминает Новый Орлеан.

Мне следовало бы это знать.

И все же описание оказалось не очень точным: «коттедж» Дэвида был высоким двухэтажным деревянным зданием, ослепительно белым и по стилю испанским, с коваными черными балконами перед окнами второго этажа. По бокам от массивной входной двери высились колонны. Чуть дальше вниз, за домом, виднелся бесконечный синий океан. Я вытащил из багажника наши чемоданы, поднялся по ступеням и открыл дверь. Альма двинулась следом.

Пройдя через изразцовую прихожую, мы попали в просторную залу, отдельные части которой располагались на разных уровнях. Весь пол ее устилал толстый белый ковер. Массивные диваны и столики со стеклянными сто-

лешницами стояли там и тут. Некрашенные, отполированные балки блестели, перекрещиваясь, на потолке.

Я уже знал заранее, что мы еще увидим здесь: и сауну, и джакузи, и дорогую стереоустановку, и кухонную автоматiku, и книжные полки в спальне с познавательным образовательным порно — все это мы обнаружили, бродя по дому. А еще всякие декоративные безделушки, кровать размером с бассейн, биде в каждой уборной... Почти мгновенно я почувствовал себя в ловушке чужой фантазии. Я понятия не имел ни о том, что Дэвид столько зарабатывал в Калифорнии, ни о подобных его вкусам богача.

— Тебе не нравится, да? — спросила Альма.

— Я просто очень удивлен.

— Как зовут твоего брата?

Я сообщил.

— А где он работает?

Она кивнула, когда я назвал фирму, — не так, как это бы сделала Рэйчел Вэрни, с отстраненной иронией, а словно сверялась со списком.

И, разумеется, она была права: мне не нравилось роскошествование Дэвида.

Что ж, нам предстояло провести в Стилл Вэлли три ночи, и Альма чувствовала себя здесь, как дома. Но пока она готовила на полной всяческих безделушек кухне, восторгаясь дорогой коллекцией игрушек Дэвида, я скисал все больше и больше. Я думал о том, что она уже вжилась в этот дом — в результате какого-то зловещего процесса, неуловимо и ловко превратившись из студентки, изучавшей творчество Вирджинии Вулф, в жену провинциала: я вдруг вообразил, как она обслуживает покупателей за прилавком дешевого супермаркета.

Я снова сжимаю все мои размышления об Альме в один абзац, но на сей раз это были наблюдения трех дней, а не месяцев; и происходившие в ней изменения имели просто иную степень. Кроме того, во мне еще жило неприятное чувство, что, как в богатой обстановке соб-

ственного дома Альма была воплощением девушки из богемы, так и здесь, у Дэвида, она сбросила с себя последние покровы индивидуальности: в роскошном окружении джакузи и домашних саун она оказалась в своем мире. Предположения о том, как мы заживем после свадьбы, стали более пространными: я выяснил, откуда мы начнем путешествовать (из Вермонта), сколько у нас будет детей (трое) и так далее и тому подобное.

И что еще хуже, она начала беспрестанно говорить о Таскере Мартине.

— Таскер был крупным мужчиной, Дон, у него были красивые седые волосы и волевое лицо с пронзительно голубыми глазами. Таскеру очень нравилось... Я тебе не рассказывала, что Таскер... Как-то раз мы с Таскером...

Это более чем все остальное убивало мою страстную влюбленность. Но даже тогда мне было трудно признать-ся самому себе, что мои чувства переменились. Пока она разглагольствовала о характерах наших будущих детей, я вдруг поймал себя на том, что мысленно скрепчиваю пальцы («Боже сохрани!»). Осознав, что я делаю, я спрашивал себя: «Но ведь ты любишь ее, не так ли? Ты ведь даже способен смириться с бредовой фантазией о Таскере Мартине, да? Ради нее?»

Из-за погоды обстановка в Стилл Вэлли делалась еще более мрачной. Несмотря на то что приехали мы в теплый солнечный день, первый же наш вечер в доме Дэвида утонул в плотном промозглом тумане, так и не рассеявшемся в течение оставшихся трех дней. Когда я смотрел из задних окон в сторону океана, мне казалось, что эта пелена, серая и звуконепроницаемая, окружила нас, отделив от остального мира. Порой из тумана проступала часть дороги, ведущей в низ долины, а порой видимость кончалась на расстоянии вытянутой руки. Фонарик в этой сырой тьме был просто бесполезен.

Так мы и проводили дни в доме Дэвида; серый туман плыл мимо окон, а шум прибоя, лизавшего пляж далеко

внизу, пугал жуткой фантазией: будто вот-вот из-под дверей начнет пробиваться морская вода. Альма уютно устраивалась на одном из диванов, держа в руке чашку кофе или блюдо с апельсином, разделенным на аккуратные дольки.

— Таскер частенько говорил, что я стану одной из красивейших женщин Америки, когда мне исполнится тридцать. Что ж, мне уже двадцать пять, и я думаю, я его разочарую... Таскер часто...

Единственное, что я чувствовал,— это ужас.

На вторую ночь она вдруг поднялась с постели, совершенно обнаженная, и я проснулся. Я сел, протирая глаза в полумраке. Альма прошла через холодную спальню к окну. Мы не задергивали штор, и Альма стояла спиной ко мне, глядя на... Там не на что было глядеть. Окна спальни выходили на океан, но, хотя и слышался шум волн, окно смотрело в никуда — стоял плотный серый туман. Я ждал, что она заговорит. В сумрачной комнате ее спина казалась слишком длинной и бледной.

— Что там, Альма? — спросил я.

Она не пошевелилась и не ответила.

— Что-то не так? — Ее спина казалась безжизненной, как белый холодный мрамор.— Что случилось?

Альма слегка повернулась ко мне и проговорила:

— Я видела привидение.

(То же самое сказала Рэйчел Вэрни Соуду Малкину. Но не послышалось ли мне: «Я — привидение»? Я не был уверен: она говорила очень тихо. Я был сыт по горло Таскером Мартином, и первой моей реакцией явился стон. Но если б она четко сказала: «Я — привидение»,— среагировал бы я как-то иначе?)

— О, Альма,— простонал я. Холод в комнате, темное окно и длинное белое тело девушки — все это делало присутствие Таскера, как никогда прежде, более реальным. Мне стало немного страшно.— Скажи ему, пусть убирается. Иди ко мне.

Бесполезно. Она подобрала с кровати свой халат, закуталась в него и села, развернув кресло к окну.

— Альма?.. — Она не откликнулась и не оборачивалась. Я лег и в конце концов уснул.

После этого уикенда финал был неотвратим. Я все чаще думал о том, что Альма на пути к безумию. Она так и не объяснила свое поведение в ту ночь, и, после того что случилось с Дэвидом, я гадал: не забавлялась ли она, сознательно манипулируя моим рассудком и чувствами. Богатая пассивная девица, террористка от оккультизма, аспирантка, занимающаяся Вирджинией Вулф, временами лунатичка — это все никак не увязывалось вместе.

Альма, как и прежде, продолжала планировать наше будущее, но после Стилл Вэлли я начал придумывать поводы избегать ее. Я думал, что люблю ее, но любовь мою все больше затмевал ужас. Таскер, Грег Бентон, зомби из Х.Х.Х. — как мог я жениться на всем этом?

А потом я начал испытывать к ней физическое отвращение наряду с моральным. Спустя два месяца после того уикенда мы уже почти не занимались любовью, хотя иногда и ночевали в ее спальне. Когда я целовал Альму, когда обнимал ее или просто прикасался к ней, каждый раз мой внутренний голос подсказывал: осталось недолго.

Преподавание курса писательского мастерства за редкими озарениями стало казаться мне чужим и скучным; роман свой я тоже забросил. Однажды Либерман попросил меня зайти к нему в кабинет и, когда я пришел, сказал:

— Один из ваших коллег подробно описал мне ход вашей лекции по Стивену Крэйну. Вы и в самом деле изрекли, что «Алый знак доблести» — это история с привидениями без привидений?

Когда я кивнул, он спросил:

— Будьте добры, потрудитесь объяснить, что это значит?

— Я не знаю, что это значит. Наверно, я бредил. Риторика вышла из-под контроля.

Профессор взглянул на меня с отвращением:
— Мне показалось, что вы хорошо начинали.

И я понял: вопрос о продлении контракта на следующий год уже не стоит.

5

Альма исчезла. Сперва она заставила меня — как обычно зависимые люди вынуждают других делать то, что они хотят, — дожидаться ее и в ресторанчике около университетского городка. Я пришел, занял столик, прождал полчаса и понял, что она не придет. Я пребывал в напряженном ожидании новых историй о нашей будущей поездке в Вермонт, есть мне не хотелось — однако, когда я понял, что сегодня ее не увижу, я с облегчением съел салат и отправился домой.

Вечером она не позвонила. Мне приснился сон — Альма сидела на носу маленькой лодки, плывущей по течению по узкому каналу, и загадочно улыбалась мне, словно, подарив мне день и ночь свободы, открывала последний этап некой шарады.

Под утро я начал волноваться. Несколько раз в течение дня я звонил ей — никто не снимал трубку. (Я вспомнил: частенько, когда мы были у нее, она умышленно не брала трубку, пока звонки не прекращались.) К вечеру я уже вообразил, что освободился от Альмы окончательно, и уже радовался безответным звонкам. К двум ночи я написал ей послание о нашем разрыве.

Перед первой лекцией я пошел к ее дому. Сердце учащенно билось: я боялся случайно встретиться с ней и даже заготовил на этот случай несколько фраз, объясняющих содержание письма. Я поднялся по ступенькам — и тут заметил, что ее окна занавешены. Толкнул дверь — закрыта. И чуть было не нажал на кнопку звонка. Вместо этого я просунул письмо между оконными рамами так, чтобы, как только она поднимется по ступеням к двери,

ей были видны конверт и надпись на нем: «Альме». И затем я — другого слова нет — сбежал.

Следующий день стал репетицией последнего. Я волновался: вдруг она покончила с собой; потом успокаивался, уходил на лекции.

Днем я позвонил ей и не получил ответа. Пообедал в баре; потом пошел на улицу, где жила Альма, и увидел, что прямоугольник конверта с моим отвержением все еще белеет за ее окном. Вернувшись домой, я несколько раз в сомнении было поднимал, но тут же опускал трубку телефона, уговаривая себя: вдруг она все же позвонит...

На другой день лекция по американской литературе была у меня в два часа. Чтобы попасть в то крыло здания, где она должна была проходить, требовалось пересечь широкую мощеную площадь. Она всегда была полна народу. Студенты расставляли там столы, на которых любой мог расписаться под петицией за легализацию марихуаны, защиту китов или объявить свое одобрение гомосексуализма; всюду толкалась молодежь. В самом центре я заметил Хелен Кайон — впервые после того вечера в библиотеке. Рекс Лесли шел рядом, держа ее за руку. Они казались очень счастливыми — физические радости окружали их, точно оболочки радужных пузырей. Я нырнул в толпу, чувствуя себя изгоем. До меня вдруг дошло, что я уже двое суток не брился, не видел себя в зеркале и не переодевался.

Когда я повернулся спиной к Хелен и Рексу, я увидел высокого бледного парня с бритой головой и в черных очках, стоявшего у фонтана и пристально смотревшего на меня. Мальчик с отсутствующим лицом, босоногий и в рваных штанах, сидел у его ног. Грег Бентон показался мне еще более жутким, чем тогда, у «Ласт Рифа»; стоя на самом солнце у фонтана, он и его брат представлялись какими-то странными призраками — точно пара тарантулов. Даже студенты Беркли, повидавшие много странных людей на своем веку, явно сторонились их. Заметив, что я

увидел его, Бентон не произнес ни слова, не двинулся ко мне, но сам вид его, наклон его бритой головы, осанка — все это было единым, едва уловимым жестом. Все это выражало злость, гнев — будто я разъярил его, что-то отняв. Он был словно темная клякса на залитой солнцем площади — как раковая опухоль.

Потом я понял, что Грег по какой-то причине беспомощен. Он сверлил меня взглядом, потому что это было единственное, что он мог сделать. Я с облегчением благословил защиту тысяч студентов и тут же подумал: Альма в беде. В опасности. Или мертва.

Я отвернулся от Бентона и его брата и поспешил к воротам у входа на площадь. Перейдя улицу, я оглянулся на Бентона: я чувствовал, как он наблюдает за моим бегством — с ледяным удовлетворением. Но они с братом уже исчезли. Фонтан яростно разбрызгивал воду, галдели студенты. Я даже увидел мельком Хелен и Рекса — но черная клякса растаяла.

К тому времени, когда я дошел до улицы Альмы, мой страх уже казался мне абсурдом. Я осознал, что это было моей реакцией на чувство собственной вины. Но разве она не дала мне понять о нашем разрыве тем, что не пришла в ресторан? А мое беспокойство о ее безопасности, очевидно, было ее последней манипуляцией. Тут у меня перехватило дыхание. Я увидел, что шторы на ее окне раздвинуты, а конверта нет.

Я рванулся к дому и взбежал по ступеням. Вытянувшись вбок, я заглянул в окно. Все исчезло. Комната была абсолютно пуста. На половицах, когда-то застеленных дорожками Альмы, я увидел свой конверт. Он не был вскрыт.

6

Домой я возвращался, как в тумане, и провел в таком состоянии несколько недель. Я не понимал, что произошло. Я чувствовал огромное облегчение и колоссальную

потерю одновременно. Она, наверное, уехала в тот день, когда мы договорились пообедать в ресторане, — но что было у нее на уме? Прощальная шутка? Или Альма уже поняла, что между нами все кончено, поняла еще в Стилл Вэлли? Была ли она в отчаянии? В это верилось с трудом.

И если я так страстно желал отделаться от нее — отчего же мне стало так больно, отчего все окружающее казалось мне теперь таким незначительным? Альмы нет, я остался один в мире причин и следствий, в этом арифметическом мире — если и без пугающей угрозы, которую она несла в себе, то и без тайны тоже. Единственная тайна, которая мне осталась, — это куда она уехала; и еще бо́льшая загадка — кто она такая.

Я начал крепко выпивать и пропускал лекции: спал целыми днями. Меня словно охватило какое-то общее заболевание, которое отнимало все мои силы и не оставляло мне ничего, кроме мыслей об Альме и желания спать, спать... Спустя неделю, почувствовав себя лучше, я вспомнил Бентона на площади и подумал, что злость его была вызвана тем, что он знал: я уходил, унося с собой свою жизнь.

Когда я снова начал появляться на лекциях, я встретил в коридоре Либермана. Поначалу он едва кивнул мне и хотел пройти мимо, однако передумал и сказал, сверкнув на меня глазами:

— Зайдите на минутку ко мне в кабинет, мистер Вандерлей, будьте добры.

Профессор смотрелся очень злым, но с его злостью я мог бороться — по крайней мере, его злость была всего лишь человеческой. Хотя бывает разве какая-то другая злость? Например, оборотня?

— Я знаю, что разочаровал вас, — сказал я. — Дело в том, что у меня серьезные проблемы в личной жизни. Я болен. Я закончу курс как можно более достойно.

— Разочаровал? Это слишком мягко сказано! — Либерман выпрямился в кожаном кресле, глаза его метали

искры.— По-моему, нас никогда еще так не подводил ни один контрактник. Я доверил вам провести такую важную лекцию, а вы наплевательски отнеслись к ней и устроили из нее цирк...— Наконец он взял себя в руки.— И вы умудрились пропустить столько занятий, сколько никто не пропустил за всю историю университета — за исключением одного поэта-алкоголика, пытавшегося поджечь отдел кадров. Короче, вы были необязательны, небрежны, ленивы — вы были отвратительны. Я просто хотел, чтоб вы знали, что я о вас думаю. Кроме того, вы поставили под угрозу срыва всю программу пестования будущих писателей. А эта программа, как вам известно, инспектируется. Мы отчитываемся о ней перед руководством. И мне придется защищать вас перед ним, хоть мне противна сама мысль об этом.

— Что ж, я не виню вас за ваши чувства,— пожал я плечами.— Просто я попал в странное положение... Я, так сказать, разваливаюсь на части.

— Интересно, когда же вы, так называемые люди творчества, поймете, насколько недалеко вы ушли от преступников? — Выговорившись, Либерман почувствовал себя спокойнее. Он сцепил пальцы рук и взглянул поверх них на меня.— Надеюсь, вы не ждете от меня блестящей рекомендации?

— Разумеется.— Тут я кое о чем подумал.— Разрешите задать вам вопрос?

Он кивнул.

— Вы слышали когда-нибудь о профессоре факультета английской литературы чикагского университета Алане Маккични? — Его глаза расширились; он расцепил пальцы.— Я, честно говоря, не знаю точно, в чем смысл моего вопроса. Просто скажите, что вам о нем известно?

— О чем вы, черт возьми?

— Интересуюсь им, вот и все.

— Ну, что ж...— Либерман поднялся. Подошел к окну, открывающему прекрасный вид на площадь.— Видите

ли, я терпеть не могу сплетни...— Я, однако, знал, что он их обожает, как всякий университетский работник.— Я едва знал Алана. Хотя он известная личность. Пять лет назад мы были вместе на симпозиуме по Роберту Фросту. Сдержан, приятен в общении. Наверное, хороший семьянин.

— У него была жена, дети?

Либерман взглянул на меня с подозрением:

— Ну, конечно. В этом вся трагедия. Помимо его вклада в науку, разумеется.

— Да, конечно, я забыл.

— Послушайте, а что вам известно? Я не собираюсь перемывать своему коллеге кости ради... ради...

— Там была замешана девушка...— сказал я.

— Да, это так,— кивнул он.— Мне рассказывал один из его знакомых по факультету... Его соблазнили. Эта девушка просто преследовала, упорно домогалась его. *La belle dame sans merci* — одним словом, он поддался и потерял голову. Она была его аспиранткой. Такие вещи, конечно, не редкость, они были и будут. Девушка присматривает себе профессора, умудряется его соблазнить, порой вынуждает его бросить жену, хотя чаще ей это не удается... Большинство из нас обладает здравым рассудком...— Он кашлянул, а я подумал: «Лицемер».— Ну... а он, выходит, им не обладал. Девушка просто опустошила его. В итоге он убил себя. А девица неожиданно упорхнула. Только какое отношение это имеет к вам?

Почти все рассказанное Альмой о Маккични оказалось неправдой. Я гадал, что же еще было в ее рассказах ложью. Придя домой, я позвонил де Пейсер.

Сняла трубку женщина.

— Миссис де Пейсер?... Прошу извинить меня за звонок, который может оказаться ошибочным, миссис де Пейсер, это Ричард Вильямс из Ферст Нэшнл, Калифорния. Мы получили запрос на ссуду от мисс Мобли, упомянувшей ваше имя для связи с ней. Я просто провожу обычную в таких случаях проверку. Она упомянула вас как свою тетю.

— Как свою... что? Как ее имя?

— Альма Мобли. Дело в том, что она забыла сообщить ваш адрес и телефон, а в этом районе несколько миссис де Пейсер, и мне необходимо уточнить информацию.

— Ну, тогда это не я! Я никогда не слышала ни о какой Альме Мобли. Уверю вас.

— Так у вас нет племянницы по имени Альма Мобли, аспирантки Беркли?

— Конечно, нет. Советую вам обратиться к мисс Мобли и спросить у нее адрес ее тетушки, а не терять время понапрасну.

— Я прямо сейчас так и сделаю, миссис де Пейсер.

Весь второй семестр лил дождь. Я бился над книгой, но дело не двигалось. Я не знал, что делать с образом Альмы: была ли она, как выразился Либерман, *la belle dame sans tégis* или девушкой с сильными умственными отклонениями? Я не знал, как описать ее. Я чувствовал, что книге не хватает нового элемента, который мне еще предстоит увидеть, прежде чем что-то у меня получится.

Дэвид позвонил мне в апреле. Он был возбужден, счастлив, казался совсем юным:

— У меня потрясающие новости,— сообщил он.— Сногсшибательные. Я даже не знаю, с чего начать.

— Роберт Редфорд купил твою биографию для экранизации?

— Что? О, отстань. Нет, правда, мне трудно говорить тебе об этом.

— Тогда начни сначала.

— Ладно, так и сделаю, умник. Два месяца назад, третьего февраля,— он говорил, как адвокат на процессе,— я был в Коламбусе, встречался с клиентом. Погода была жуткая, и мне пришлось взять такси, чтобы вернуться на Уолл-стрит. Невеселое начало, да? Однако, забравшись в машину, я обнаружил, что сижу рядом с красивейшей из женщин. То есть она была так хороша, что у меня

пересохло во рту. Не знаю, откуда взялась смелость, но к тому времени, как мы подъехали к парку, я уже пригласил ее поужинать со мной. Ты знаешь, я обычно такими вещами не занимаюсь!

— Знаю.— Дэвид был слишком законопослушен, чтобы назначать свидания незнакомкам. Он никогда не посещал бары встреч*.

— Вот так и начались наши отношения. Ту неделю я встречался с ней каждый вечер. И встречаюсь сейчас. И мы собираемся пожениться. Это половина новостей.

— Поздравляю,— сказал я.— Надеюсь, тебе повезет больше, чем мне.

— Теперь самое трудное. Имя этой потрясающей девушки Альма Мобли.

— Не может быть.

— погоди, погоди секунду. Дон, я знаю, ты шокирован. Она рассказала мне обо всем, что произошло между вами, и я думаю, тебе просто необходимо знать, как она сожалеет, что все так получилось. Мы много говорили об этом. Она сознает, что сделала тебе больно, но уверена, что она не та девушка, какая нужна тебе. И что ты не совсем подходишь ей. А еще ей было не по себе в Калифорнии. Она, говорит, была сама не своя. Она боится, что у тебя о ней сложилось не совсем верное впечатление.

— Вот именно,— сказал я.— Все, что касается ее,— неверное. Она своего рода ведьма. Она погубит тебя...

— Остановись. Я решил жениться на ней, Дон. Ты заблуждаешься на ее счет. Господи, сколько мы с ней говорили об этом! Нам с тобой точно надо встретиться и о многом поговорить. Вообще-то, я надеюсь, что ты сядешь на самолет и прилетишь в эту пятницу в Нью-Йорк, и мы все обсудим. Я буду рад отплатить тебе добром.

— Странно. Спроси ее о Маккични. Что, интересно, она тебе расскажет. И тогда я скажу тебе правду.

* Бар встреч — место знакомства одиноких мужчин и женщин.

— Нет, погоди, дружище, мне все это уже известно. Я знаю, что она тебе все наврала про Маккични. Представляешь, как она переживала? Дон, пожалуйста, приезжай! Нам троим очень надо поговорить.

— Ни за что,— сказал я.— Альма — настоящая Цирцея.

— Слушай, я сейчас говорю из офиса, но я потом перезвоню тебе на неделе, хорошо? Надо поставить точки над «и». Я не хочу, чтоб мой брат плохо думал о моей жене.

Плохо думал? Когда я думал о ней, меня охватывал ужас.

Вечером Дон позвонил опять. Я спросил его, не успел ли он познакомиться с Таскером? И не узнал ли о связи Альмы с Орденом Тамплиеров?

— Послушай, откуда ты набрался этих странных мыслей? Она мне все объяснила. Она была немножко не в себе на побережье. Да и кто воспримет всерьез все это? Никто здесь, в Нью-Йорке, даже не слышал о Х.Х.Х. В Калифорнии любят болтать о пустяках.

— Разреши спросить тебя, Дэвид,— сказал я,— когда-нибудь — может, всего лишь однажды — ты, приглядываясь или прикасаясь к ней, не чувствовал... ну, что-то необычное? Как будто что-то в ней — независимо, насколько ты увлечен Альмой,— отталкивало тебя?

— Ты шутишь, что ли?

Дэвид не давал мне полностью избавиться от мыслей об Альме, как мне хотелось бы. Он названивал мне из Нью-Йорка по два-три раза в неделю, все больше расстраиваясь оттого, что я отказывался видеть смысл в нашей встрече.

— Дон, нам необходимо обсудить это. Я ужасно беспокоюсь за тебя.

— Не стоит.

— Мне просто непонятна твоя позиция. И я уверен, что ты страшно обижаешься. Господи, да если б все обернулось по-другому и Альма ушла из моей жизни и вышла

за тебя замуж, я бы умер с горя! Но до тех пор, пока в тебе живет обида, мы так и не сможем уладить наши отношения.

— Я ни на кого не обижаюсь, Дэвид.

— Оставь, братишка, приезжай, поговорим... Мы оба, я и Альма, так считаем.

Главная проблема была в том, что я не знал, до какой степени правильны предположения Дэвида. Я в самом деле обижался на них обоих: но только ли из-за обиды я с таким отвращением думал об их свадьбе?

Примерно через месяц, после беспрестанно повторявшихся телефонных переговоров, Дэвид позвонил мне.

— Ты сможешь пока отдохнуть от докучливого брата. У меня небольшое дельце в Амстердаме, так что завтра я вылетаю туда на пять дней. Альма не была в Амстердаме с детства и летит со мной. Я пришлю тебе открытку оттуда. Но прошу тебя, обдумай пока нашу ситуацию, хорошо?

— Постараюсь,— ответил я.— Однако и я тебя попрошу: отнесись серьезно ко всему, что я об этом думаю, и будь осторожен.

— Для меня всегда было важно, что ты думаешь.

— Хорошо,— сказал я.— Будь осторожен.

Что я имел в виду? Порой мне казалось, что мы оба недооценили ее. Предположим, думал я, что Альма заранее спланировала свою встречу с Дэвидом. Предположим, что она сознательно вычислила его. Когда я думал об этом, Грег Бентон и рассказы о Таскере Мартине казались более зловещими — словно они, как и сама Альма, охотились за Дэвидом.

Через четыре дня мне позвонили из Нью-Йорка и сообщили, что Дэвид мертв. Это был один из его партнеров, Брюс Путнэм; ему в офис пришло сообщение из голландской полиции.

— Вы полетите туда, мистер Вандерлей? — поинтересовался Путнэм.— Нам бы хотелось, чтобы вы нам сооб-

пили обо всем. Просто держите нас в курсе, ладно? Мы так любили и уважали вашего брата. Никто не понимает, что там стряслось. Сказали только, что он выпал из окна.

— Это вам сказала его невеста?

— О, у него была невеста? Представьте себе, он не упоминал об этом. Она была с ним?

— Разумеется, они были вместе,— с досадой сказал я.— Она должна была все видеть. И, наверное, в курсе, что случилось. Я вылетаю ближайшим самолетом.

На следующий день я уже был в аэропорту «Схибол» и на такси добрался до полицейского участка, из которого пришло сообщение о смерти брата. Я узнал совсем немного: Дэвид упал с балкона с оградой высотой по пояс. Хозяин отеля слышал только крик — никаких голосов, никакой ссоры. Альма, похоже, скрылась; когда полиция вошла в номер, в шкафах ее одежды не было.

Я съездил в отель, осмотрел высокий железный балкон, вернулся в номер, открыл шкаф. Там висели три костюма Дэвида от «Брукс Бразерс», под ними стояли две пары его туфель. Учитывая то, как он был одет в момент гибели, он взял с собой в поездку четыре костюма и три пары обуви на пять дней. Бедный Дэвид.

7

Я все подготовил к кремации и через два дня стоял в холодном зале крематория, глядя, как гроб с телом Дэвида скользит по рельсам к зеленой бахромчатой занавеси.

Спустя еще два дня я вернулся в Беркли. Моя маленькая квартирка показалась мне совершенно чужой. Словно я стал невосполнимо далеким от того человека, который рылся в справочниках в поисках материала о Джеймсе Фениморе Купере. Я начал наброски «Ночного сторожа», имея лишь некие смутные идеи, а также стал готовиться к лекциям. Как-то вечером я позвонил в квартиру Хелен Кайон, думая, что мне удастся пригласить ее

выпить со мной и рассказать об Альме и Дэвиде, но Меридит Полк сообщила, что Хелен на прошлой неделе вышла замуж за Рекса Лесли. Часто днем я прикладывался вздремнуть, а вечером отправлялся спать сразу после девяти; я много пил, но не слишком пьянел. «Если я выживу в этом году,— устало думал я,— уеду в Мексику, лягу на солнышке и буду работать над книгой».

И избавляюсь от галлюцинаций. Однажды около полуночи я проснулся, услышав чьи-то шаги на кухне. Когда я встал с постели и пошел проверить, что там, я увидел Дэвида, стоявшего у плиты с кофейником в руках.

— Ты слишком много спишь, малыш,— произнес он.— Хочешь чашечку кофе?

А в другой раз, читая лекцию о романе Генри Джеймса, я увидел на одном из стульев не рыжеволосую девушку, обычно сидевшую на этом месте, а опять Дэвида — лицо его было покрыто кровью, костюм изорван; он радостно кивал мне, гордясь моей блестящей трактовкой «Женского портрета».

Перед отъездом в Мексику я сделал для себя еще одно открытие. Однажды я отправился в библиотеку и вместо того, чтобы подойти к стеллажам с критической периодикой, повернул к справочному отделу и отыскал там экземпляр «Кто есть кто» за 1960 год. Я почти случайно выбрал год выпуска — однако если Альме было двадцать пять, когда мы познакомились с ней, значит, в 1960-м ей было лет девять-десять.

Роберт Мобли имелся в справочнике. Статью о нем я помню не совсем точно — хотя перечитал ее несколько раз и на всякий случай снял копию.

«МОБЛИ, РОБЕРТ ОСГУД, художник и акварелист, род. в Новом Орлеане, Лос-Андж., 23 февр. 1909, сын Феликса Мортонна и Джессики (Осгуд); в 1927 оконч. Йель; жен. на Элис Уитни 27 авг. 1936; дети — Шелби Эдам, Уитни Осгуд; выставлялся в галереях... коллекции его картин в

музеях... служил старшим лейтенантом ВМС США в 1941—1945. Член обществ... академий... клубов... Автор книги «Таким был мой путь»; имеет дома в...»

Итак, у этого состоятельного светского человека и художника было два сына, но не было дочери. Все, что Альма рассказывала мне — и наверняка Дэвиду, — было вымыслом от начала до конца. Фальшивое имя и отсутствие прошлого — она сама могла быть привидением. Потом я подумал о Рэйчел Вэрни, темноглазой брюнетке с внешними атрибутами богатства и смутным прошлым, — и я понял, какого элемента мне не хватало в книге: это был Дэвид.

8

Почти три недели я потратил, чтобы написать все это — только для того, чтобы помнить все обстоятельства, поскольку я ни на йоту не приблизился к пониманию случившегося.

Правда, к одному — возможно, дурацкому — заключению я все же пришел. Сейчас я уже не могу напрочь отвергать идею о возможной связи «Ночного сторожа» с тем, что произошло с Дэвидом и со мной. Я обнаружил себя в том же положении, что и Клуб Фантазеров, — не в состоянии постичь смысл происходящего. Если мне когда-нибудь на их заседании предложат рассказать историю, я расскажу им то, что описал здесь. Моим вступительным взносом в Клуб Фантазеров будет не «Ночной сторож», а повесть об Альме. Значит, я не тратил время понапрасну; я сам себе подарил основу сюжета для романа о Докторе Рэбитфуте, и я готов сменить свой образ мыслей в очень важном аспекте — может, единственно важном, — и готов сделать это прямо сейчас. Я начал эти свои записи сразу после похорон доктора Джеффри, и мне показалась деструктивной идея внедрить самого себя

в атмосферу одной из моих книг. А если разобраться — там, в Беркли, не был ли и я в подобной атмосфере? Мое воображение могло быть более точным, чем я думал.

Между тем в Милбурне творится нечто странное. Несколько домашних животных, коров и лошадей, разом погибли, перебитые неведомым зверем, — я слышал, как в аптеке кто-то рассказывал о существах, вылезших из летающей тарелки и истребивших несчастную скотину. И более серьезное происшествие: умер или был убит мужчина. Его тело нашли под насыпью заброшенной железнодорожной ветки. Им оказался страховой агент Фредди Робинсон. Особенно тяжело воспринял его смерть мистер Бенедикт, хотя, похоже, это был несчастный случай. С Льюисом вообще с тех пор творится неладное: он стал рассеянным и раздражительным, словно винит в смерти Робинсона себя.

Меня тоже не оставляет какое-то странное чувство, которое я попробую описать, рискуя показаться идиотом. Чувство совершенно необоснованное — скорее даже предчувствие, нежели чувство. Словно, если я более внимательно вгляжусь в Милбурн и сделаю то, о чем меня просит Клуб Фантазеров, я выясню, что же швырнуло Дэвида через ограду балкона в Амстердаме.

Но самое странное ощущение — из тех, что заставляет выделяться адреналин, — это то, что я почти на пороге собственного разума. И я готов пуститься в путешествие по своему роману, на этот раз лишенное столь удобной возможности художественного вымысла. Никакого Соула Малкина — лишь я один.

III ГОРОД

Нарцисс плакал, глядя на свое отражение в пруду.

Его друг, проходя мимо, спросил:

— Нарцисс, отчего ты плачешь?

— Оттого, что лицо мое изменилось, — отвечал Нарцисс.

— Ты плачешь оттого, что постарел?

— Нет. Я понял, что потерял невинность. Я так долго смотрел и смотрел на себя, что перестал быть невинным.

1

Как уже отметил в своих записях Дон, в то время как он сидел в 17-м номере отеля «Арчер», вспоминая месяцы, проведенные с Альмой Мобли, Фредди Робинсон расстался с жизнью. И, как тоже отметил Дон, три коровы, принадлежавшие фермеру по имени Норберт Клайд, были убиты — мистер Клайд, проходя по своему коровнику вечером в канун несчастья, видел нечто такое ужасающее, что «едва дух не испустил». Он сломя голову помчался в дом и трясся там от страха, боясь выходить за порог, до самого рассвета,

когда настала пора очередной дойки. Описание виденного им существа дало новую пищу для слухов, распространяемых самыми впечатлительными милбурнцами о пришельце из летающей тарелки. И Уолт Хардести, и окружной сельхозагент, осматривавшие коров, слышали его рассказ, однако оба были не настолько легковжны, чтоб всерьез это воспринять. У шерифа, как мы уже знаем, имелись свои соображения на этот счет: он пребывал в твердой уверенности, что еще немного животных будет обескровлено и на этом все закончится. Сирс Джеймс и Рикки Готорн посоветовали Уолту держать эти соображения при себе и не делиться ими с сельхозагентом, который пришел к собственному заключению, что где-то в этом районе орудует громадных размеров собака-убийца. Шериф составил рапорт о происшествии и с чувством исполненного долга вернулся в свой кабинет в участке. Эльмер Скейлс, прослышавший о беде Норберта Клайда и уже отчасти расположенный поверить в пришельцев, просидел у окна с 12-зарядным ружьем на коленях три ночи подряд («Ну, давай, марсианин, иди сюда, посмотрим, как ты засветишься, когда схлопочешь добрый заряд»). Вероятно, он не предполагал, что просидит вот так два месяца. Уолт Хардести, мечтавший как-то развязаться с расследованием дела Скейлса, довольствовался тем, чтобы максимально все упростить, пока не случилась очередная резня, и теперь подумывал о том, как бы «расколоть» двух стариков-адвокатов и их приятеля мистера Льюиса Сноба Бенедикта. Они определенно что-то знали об этом, но помалкивали, а еще они кое-что знали о своем старом дружке докторе Джоне Наркомане Психе Джеффри. Их реакция была ненормальной — убеждал себя Хардести, устроившись прилечь на раскладушке в задней комнате своего кабинета. Рядом с собой он поставил на пол бутылку «Каунти Фэр». «Это уж как пить дать, сэр. Мистер Рикки Сноб Готорн-с-Рогами и мистер Сирс Баран Сноб Джеймс ведут себя абсолютно неадекватно!»

Но Дон не знал, а следовательно, не мог записать в своем дневнике, что после того, как Милли Шин покинула дом на Монтгомери-стрит и вернулась в дом, где она жила с Джоном Джеффри, однажды утром вспомнила вдруг, что доктор никогда не утруждал себя закрыванием ставен. И вот она схватила пальто и выскочила на улицу посмотреть, удастся ли ей самой это сделать,— и когда она с отчаянием возвела взор вверх, на окна (сознавая, что одной ей не под силу закрыть такие тяжелые ставни), доктор Джеффри вышел из-за угла дома и улыбнулся ей. На нем был надет тот самый костюм, который подобрал ему Рикки для похорон, но на ногах не имелось ни носков, ни туфель, и поначалу женщину шокировал больше тот факт, что он бос, а не его появление.

— Милли,— произнес он,— скажи всем, пусть уезжают — пусть все уезжают. Я был по ту сторону, Милли, и там ужасно.— Его губы шевелились, но звук был невнятен, как в старом заезженном фильме.— Ужасно. Обязательно расскажи им всем,— повторил он, и Милли упала без чувств.

Отключившись лишь на несколько секунд, она пришла в себя, начала всхлипывать; бедро саднило от удара при падении. Но, даже не опомнившись от испуга, женщина заметила, что на снегу рядом с ней никаких следов нет, и поняла, что ей все почудилось,— и она никому об этом не станет рассказывать.

— Хватит с меня и этих проклятых сказок, и этого мистера Сирса Джеймса,— пробормотала она себе под нос, поднимаясь и ковыляя к двери.

Сидя в одиночестве в своем 17-м номере, Дон, конечно, не знал о многих событиях, произошедших в Милбурне за те три недели, что он путешествовал по собственному прошлому. Он едва замечал снег, продолжавший упорно заваливать город,— Элеонор Харди больше уже не сэкономила на отоплении, и он не мерз. Между тем однажды ночью Милли Шин различила сильный шум ветра,

встала с кровати взять второе одеяло — и увидела звезды в разрывах туч. Вернувшись в постель, она лежала без сна и слышала, как еще больше крепчал ветер, тряся оконную раму и стремясь ворваться внутрь. Шторы колыхались, быстрые тени пугали. Проснувшись утром, она обнаружила на подоконнике сугроб.

Вот они — эти события двух недель жизни Милбурна, произошедшие в то время, как Дон Вандерлей — сознательно, намеренно и обстоятельно — вызывал духа Альмы Мобли.

Уолтер Барнс сидел в своей машине на заправочной Лена Шоу и думал о своей жене, пока Лен Шоу наполнял бак. Вот уже два месяца Кристина хандрит и была ко всему безучастной, подолгу глядела на телефон и готовила изрядно подгорелый ужин — он начал догадываться о том, что у жены роман. Он все еще с беспокойством вспоминал, как набравшийся Льюис Бенедикт гладил колени Кристины на той трагической вечеринке у Джеффри, и как пьяная Кристина позволяла ему это. Да, она все еще была привлекательной женщиной, а он превратился в толстого банкира захолустного городка — причем отнюдь не такого финансово могущественного, каким он себя когда-то представлял: большинство мужчин их круга в Милбурне с удовольствием бы переспали с ней, а вот на него уже лет пятнадцать не смотрела с кокетством ни одна женщина. Он чувствовал себя несчастным и обездоленным: сын через год уедет, и они с Кристиной останутся вдвоем — притворяться, будто счастливы.

Лен кашлянул и сказал:

— Как поживает ваша приятельница миссис Готорн? Мне показалось, она как-то осунулась в последнее время — подхватила простуду?

— Да нет, с ней все в порядке, — ответил Барнс, подумав о том, что Лен, как и девяносто процентов мужчин в Милбурне, жаждал Стеллу — как, впрочем, и он сам. Вот

что следовало ему сделать: забрать Стеллу Готорн, поскорее уехать — куда-нибудь в Паго-Паго — и забыть, что он был когда-то женат и так одинок в супружестве. Он не догадывался, что скоро на него обрушится такое одиночество, какое он едва мог бы себе представить.

Сын банкира, Питер Барнс, сидел в другой машине с Джимом Харди — они ехали, превышая на двадцать миль разрешенную скорость, в сторону кабачка. Питер слушал Джима, мускулистого парня ростом шесть футов два дюйма, какого сорок лет назад назвали бы «прирожденным висельником»; Джима, который поджег старую конюшню Пуфа, потому что слышал, что сестры Дэдам держат там лошадей; который рассказывал ему сейчас о своих сексуальных отношениях с новой женщиной из отеля, с этой Анной, — о том, чего никогда не было...

Кларк Маллигэн сидел в аппаратной будке своего кинотеатра, в шестидесятый раз смотрел Кэрри и беспокоился о том, что снегопад может сказаться на его бизнесе; о том, что хорошо бы Леота приготовила на ужин, кроме гамбургера, еще и запеканку; и о том, случится ли еще когда-нибудь с ним что-то такое необычайное...

Льюис Бенедикт мерил шагами комнаты своего огромного дома, мучимый невероятным предположением: что женщина, которая внезапно возникла перед ним на шоссе и которую он чуть не убил, — его мертвая жена. Пожатость плеч, облако волос... Чем чаще он возвращался мысленно в то мгновение, тем мимолетнее и неуловимее оно становилось.

Стелла Готорн лежала в номере мотеля в постели с племянником Милли Шин, Гарольдом Симсом, гадая, когда же он прекратит болтать:

— А потом, Стел, кое-кто из ребят моего факультета исследует миф о выживании среди америндов, и они го-

ворят, что вообще теория групповой динамики — это мертвое слово в науке, ты представляешь? Черт, я всего четыре года назад закончил свою диссертацию, а теперь все коту под хвост — устарело, видите ли! Джонсон и Ледбитер даже не упоминают Лайонела Тайгера, они отправляются на полевые работы, а на другой день, господи боже, меня в коридоре останавливает один тип и спрашивает, читал ли я когда-нибудь о Маниту — Маниту, господи боже! Миф выживания, господи боже...

— Что за Маниту? — спросила его Стелла, но не потрудилась выслушать ответ — какую-то сказку про индейца, много дней преследовавшего оленя: все выше и выше шел тот за животным в гору, а когда добрался до вершины, олень вдруг остановился, обернулся к нему — и тут выяснилось, что это уже вовсе не олень...

Закутанный по горло мистер Готорн, проезжая по Уит Роу (он наконец поставил зимнюю резину), однажды утром увидел на северной стороне площади мужчину в жилете в горошек и голубой бейсболке, который лупил мальчишку. Рикки сбросил скорость и успел заметить, что мальчик был бос. В первое мгновение он был настолько шокирован, что даже не знал, что предпринять; и все же он прижался к поребрику, затормозил и вышел из машины.

— Перестаньте! — крикнул он. — Достаточно!

Но мужчина и мальчик одновременно обернулись и уставились на него так, что он опустил поднятую руку и ретировался в машину.

Вечером следующего дня, потягивая ромашковый чай, Готорн взглянул в окно и чуть не выронил чашку, увидев глядящее на него бледное, жалкое лицо, которое исчезло в то мгновение, когда Рикки отпрянул в сторону. В следующее мгновение до него дошло, что лицо было его собственное...

Питер Барнс и Джим Харди хорошо посидели в загородном баре, и Джим, бывший наполовину трезвее Питера, сказал:

— Эй, гаденыш, у меня классная идея, — и смеялся почти всю дорогу назад в Милбурн...

Темноволосая женщина в темном номере отеля «Арчер» сидела у окна и, глядя на падающий снег, улыбалась своим мыслям...

В шесть тридцать вечера страховой агент Фредди Робинсон закрылся в своей комнате, позвонил секретарше Джеймса и Готорна Флоренс Куаст и сказал:

— Да нет, я думаю, не стоит их беспокоить. Возможно, их новенькая секретарша сможет ответить на мои вопросы? Не будете ли вы так любезны сообщить мне ее имя? И где она остановилась?..

Женщина в отеле сидела и улыбалась, а тем временем еще несколько животных — жертвы чьей-то очередной страшной выходки — были зарезаны: две телки в коровнике Эльмера Скейлса (фермер заснул с ружьем на коленях) и одна из лошадей сестер Дэдам.

2

А вот что случилось с Фредди Робинсоном. Он приготовил полис для обеих сестер Дэдам — дочерей полковника и сестер давно умершего Стрингера Дэдама. Все забыли о сестрах Дэдам: они обитали в своем старом доме на Уиллоу Майл-роуд; они держали лошадей, но редко продавали — держали их просто так, для себя. Почти ровесницы членов Клуба Фантазеров, они тоже не сильно состарились — большей частью потому, что все эти годы говорили о Стрингере, который не сразу скончался после того, как молотилкой отрезало ему обе руки. Несчастливого внес-

ли на кухню и положили на стол, завернув в три одеяла (хотя на дворе стоял душный августовский день); он что-то лепетал, терял сознание, потом приходил в себя и снова лепетал, пока не испустил дух. Обитателям Милбурна порядком надоела история о том, что, умирая, пытался сообщить Стрингер, — прежде всего оттого, что смысла в его рассказе не виделось никакого. Даже сестры Дэдам не могли, в сущности, объяснить, что же такое важное содержалось в его последних словах: как будто Стрингер увидел *нечто*, и будто бы по какой-то причине он очень расстроился, и вроде бы он не был таким дураком, чтоб самому сунуть руки в молотилку... И, кажется, сестры Дэдам во всем винили невесту Стрингера, мисс Галли. Некоторое время жители городка в недоумении скидывали брови, когда она встречалась им на улице; но потом мисс Галли внезапно уехала из города, и жители перестали интересоваться тем, что сестры Дэдам думали о ней. Тридцать лет спустя уже немногие помнили Стрингера Дэдама, который был хорош собой, слыл настоящим джентльменом и мог бы обратить неумелое хобби своих стареющих сестриц в процветающий коннозаводческий бизнес. А сестры Дэдам сами уже устали от своей навязчивой идеи — после стольких лет они уже не были уверены, что Стрингер пытался что-то поведать о мисс Галли, — и решили, что их лошади — куда лучшие друзья им, чем люди в Милбурне. Через двадцать лет Нетти парализовало после сердечного удара, и большинство молодых милбурнцев ни одну из них никогда не видели.

Вскоре после своего переезда в Милбурн Фредди Робинсон как-то проезжал мимо их фермы, но, заметив табличку на почтовом ящике «Полк. Т. Дэдам» (он не знал, что Ри Дэдам обновляла табличку раз в два года), повернул к их дому. Даже несмотря на то что полковник Томас Дэдам умер от малярии в 1910-м, его сестра была слишком суеверна, чтобы снять табличку. Ри объяснила это агенту; и ей было так приятно видеть у себя, за столом напротив,

элегантного молодого человека, что она с ходу купила у него полис на три тысячи долларов. А застраховала она своих лошадей. Поступая так, женщина думала о Джиме Харди, но не сказала об этом Фредди Робинсону. Джим Харди был хулиган, к тому же он затаил злобу на сестер Дэддам еще с той поры, как Ри выгнала его, тогда еще совсем мальчишку, из конюшни. Судя из того, что Фредди ей объяснил, небольшая страховка была как раз тем, что нужно, если Джим Харди вдруг вернется с канистрой бензина и спичками.

В то время Фредди был еще новичком в страховом бизнесе и мечтал стать членом Крутого Стола Миллионеров; восемь лет спустя он уже весьма приблизился к своей мечте, но потерял интерес к делу — сообразил, что давно бы добился всего, живи он в крупном городе. Робинсон достаточно много поездил по конференциям и собраниям страховых агентов, чтобы понять: он знает о страховом бизнесе почти все, что требуется; Фредди теперь ведал, как этот бизнес работает, знал, как всучить страховой полис на жизнь и имущество напуганному молодому фермеру, заложившему душу банку и отдавшему последнее своей молочной ферме, — такому просто необходима страховка. Однако восемь лет, проведенных в Милбурне, преобразили Фредди Робинсона. Он уже не гордился своей возможностью продавать, потому как понял, что она зависит от возможности спекулировать на страхе и зависти; и он научился презирать чуть ли не половину своих коллег-агентов — «парней-что-надо», как называли их в компании.

Причиной произошедших в нем перемен были не его женитьба и не рождение детей, а тот факт, что жил он в доме напротив Джона Джеффри. Поначалу, видя, как старики раз в месяц вышагивают к дому доктора, Фредди потешался: они казались ему невероятно надутыми и комичными. Поедатели ужинов! Они выглядели непереда-

ваемо серьезными — пятеро Мафусаилов из далекого прошлого.

Потом он начал подмечать за собой то, что с облегчением вздыхал, возвращаясь с собраний агентов в Нью-Йорке; и с супружеской жизнью дело обстояло плохо (выяснилось, что его скорее привлекают старшие школьницы, нежели родившая и вырастившая двоих детей жена). Однако его домом был не только особняк на Монтгомери-стрит — его родной Милбурн теперь казался тише и милее всех городов, где он бывал. Постепенно он начал понимать, что с Милбурном его связывают особые отношения; жена и дети казались неизменными и вечными, а Милбурн — временным прибежищем, благословенным оазисом, а отнюдь не провинциальным болотом, как он поначалу считал. Однажды на конференции новый агент, сидевший с ним рядом, отколол свой значок «парня-что-надо» и бросил под стол, заявив: «Я многое могу вытерпеть, но от этой микки-маусовой чуши хочется лезть на стену!»

Два последующих события, таких же вроде бы незначительных, как и предыдущее, способствовали глубокой перемене во Фредди. Как-то ночью, прогуливаясь по Милбурну, он проходил мимо дома Эдварда Вандерлея на Хавен-лэйн и увидел в окне всех пятерых членов Клуба Фантазеров. Мафусаилы сидели и беседовали; один поднял руку, другой улыбнулся. Фредди было одиноко, а они казались такими близкими друг другу. Он остановился поглядеть на них. Когда он приехал в Милбурн, ему было двадцать шесть, теперь — тридцать один, и эти мужчины уже не казались ему такими уж стариками; в то время как они, казалось, не менялись, он слегка приблизился годами к ним. Фредди уже не видел в них ничего смешного или гротескного — они выглядели достойно. А еще — прежде он никогда не думал об этом — им было очень хорошо вместе. Робинсон гадал, о чем же была их беседа, и вдруг с жаром подумал: это что-то секретное, тайное — не биз-

нес, не спорт, не секс, не политика. Он с полной для себя ясностью осознал, что это нечто такое, о чем ему в жизни не приходилось и слышать. Через две недели он пригласил в ресторанчик в Бингэмптоне школьницу и видел там Льюиса Бенедикта, сидевшего за столиком с официанткой из бара Хэмфри Стэлледжа (они вежливо отказались от приглашения Фредди присоединиться). Он начал завидовать Клубу Фантазеров, а очень скоро уже полюбил то, что эти пятеро, как ему казалось, представляли собой: некое сочетание культуры и приятного, спокойного времяпрепровождения.

Льюис же сфокусировал на себе все симпатии Фредди. По возрасту мистер Бенедикт был к нему ближе остальных, он казался ему тем, кем Робинсон мог бы со временем стать.

Он наблюдал за своим кумиром в «Хэмфрис Плэйс», подмечая, как тот приподнимает брови, прежде чем ответить на вопрос, и как слегка склоняет набок голову — в основном когда улыбается, — и как смотрит. Фредди начал подражать этим жестам. Он принялся также копировать и то, что, на его взгляд, составляло сексуальный стиль Льюиса, снижая, однако, возрастную планку девушек — с двадцати пяти-двадцати шести у Льюиса до семнадцати-восемнадцати для себя. Он даже покупал себе такие же пиджаки, какие носил Льюис.

Когда доктор Джеффри пригласил его на вечеринку в честь Анн-Вероники Мор, Фредди показалось, что для него открылись врата рая. В его воображении рисовался тихий вечер, Клуб Фантазеров, и он, и юная актриса, — и он велел жене остаться дома; однако, увидев у доктора целую толпу гостей, он растерялся и повел себя как последний глупец. Расстроенный, он стеснялся подняться наверх, чтоб наконец-то подружиться со своими кумирами; он строил глазки Стелле Готорн; когда он все же собрался с духом и подошел к Сирсу Джеймсу — всегда внушавшему ему ужас, — то на свою беду вдруг невольно заговорил с

ним о страховке. Когда обнаружили тело Эдварда Вандерлея, Фредди ушел вместе с остальными гостями.

Самоубийство доктора Джеффри повергло Фредди в отчаянье. Клуб Фантазеров разваливался, а он так и не успел доказать, что он нужен им. В тот вечер он увидел, как Льюис подъехал к дому доктора и выбежал, чтоб успокоить его — обратить на себя внимание кумира. И опять ничего не получилось. Фредди слишком нервничал, до этого поругавшись с женой, и опять не смог удержаться от разговоров о страховке; он опять потерял Льюиса.

Поэтому, ничего не зная о том, что пытался сказать перед смертью Стрингер Дэдам, истекавший кровью на кухонном столе, Фредди Робинсон, чьи дети уже всю бегали и чья жена хотела развода, понятия не имел, что его ожидало, когда Ри Дэдам однажды утром позвонила ему и попросила приехать на ферму. То, что агент увидел там — клочок шелкового шарфика, трепыхавшийся на проволочной изгороди, — как он полагал, мог открыть ему путь в столь желанную, любезную компанию друзей.

Поначалу это показалось обычным вызовом — очередная утренняя рутинная скукота. Ри Дэдам заставила его ждать десять минут на обледелом крыльце. Время от времени из конюшен доносилось ржание лошадей. Наконец она появилась — старенькая, сморщенная, закутанная в плед поверх одежды. Мисс Дэдам сказала, что знает, кто это сделал.

— Да, я знаю, но я просмотрела свой полис, и там нигде не сказано, что вы не получите обратно своих денежек, если вы знаете, правильно? Не желаете ли кофе?

— Да, спасибо, — сказал Фредди и вытащил кое-какие бумаги из портфеля. — Вам следует заполнить все эти бланки, чтобы компания могла начать расследование как можно скорее. И, конечно, мисс Дэдам, мне необходимо все осмотреть, чтобы определить степень нанесенного ущерба. Насколько я понял, здесь произошел несчастный случай?

— Я же говорю,— сказала Ри Дэдам,— я знаю, кто это сделал. Это не несчастный случай. Мистер Хардести скоро тоже подъедет, так что вам придется дожждаться его.

— В таком случае, это убытки, понесенные в результате преступления,— сказал Фредди, сверившись с бумагами.— Не могли бы вы рассказать мне своими словами о случившемся?

— А других слов у меня и нет, мистер Робинсон, но все же вам следует дожждаться приезда мистера Хардести. Я слишком стара, чтоб дважды рассказывать об этом. И я не собираюсь второй раз выходить на этот холод, даже за деньги. Бр-р-р! — Обхватив себя костлявыми руками, женщина притворно задрожала.— А теперь посидите спокойно и налейте себе кофе.

Фредди, которому ужасно неудобно было держать в руках и документы, и ручку, и портфель, осмотрелся в поисках свободного стула. Кухня сестер Дэдам была похожа на грязную захлавленную пещеру. На одном из стульев стояли две настольные лампы, на другом пылилась стопка пожелтевших от времени выпусков «Горожанина». Высокое настенное зеркало с рамкой в виде дубовых листьев вернуло ему тусклое отражение — саму бюрократическую некомпетентность в обрамлении вороха бумаг. Он отошел к другой стене, нагнулся и, садясь, зацепил картонную коробку, стоявшую на стуле. Она с грохотом свалилась на пол.

— Господи,— вздрогнула Ри Дэдам.— Какой шум!

Фредди осторожно вытянул ноги и разложил на коленях документы:

— Умерла лошадь, так?

— Так. И вы мне должны кое-что заплатить — много заплатить, насколько я понимаю.

Фредди услышал, как что-то тяжелое покатилося по направлению к кухне, и беззвучно застонал.

— Я еще только начал уточнять подробности,— сказал он и повернулся на стуле так, чтобы не видеть Нетти Дэдам.

— Нетти хочет поздороваться с вами,— сказала Ри, и ему невольно пришлось обернуться к двери.

Мгновением позже дверь, скрипнув, отворилась, впускающая гору одеял на инвалидной каталке.

— Здравствуйте, мисс Дэдам,— сказал Фредди, встав с портфелем в одной руке и документами в другой. Он коротко взглянул на нее и уткнулся в свои бумаги.

Нетти издала глухой звук. Ее голова казалась Фредди сплошным провалом распахнутого рта. Она до подбородка была укутана одеялами, голову же старушки запрокинуло назад каким-то жутким сокращением мышц, так что рот ее держался постоянно открытым.

— Помнишь милого мистера Робинсона,— спросила Ри Дэдам у своей сестры, ставя чашки с кофе на стол. Ри, наверное, всегда ела стоя; она и сейчас, похоже, не собиралась присесть.— Он поможет нам получить компенсацию за бедняжку Шоколадика. Он оформляет документы, не так ли? Он оформляет документы.

— Руар,— пробормотала Нетти, трясая головой.— Глоррор.

— Вернет нам наши денежки, правильно,— подтвердила Ри.— Нетти согласна, мистер Робинсон.

— Я бы так не сказал...— произнес он, вновь отводя взгляд.— Давайте о деле, хорошо? Я так понял, что животное звали...

— А вот и мистер Хардести! — перебила Ри.

Фредди услышал, как к дому подъехала машина, и положил ручку на документы, разложенные на коленях. Невольно он взглянул на Нетти, которая шевелила ртом и мечтательно глядела в грязный потолок. Ри поставила свою чашку на стол и начала пробираться к двери. «А вот Льюис вскочил бы и открыл ей дверь»,— подумал Фредди.

— Да сидите вы, ради бога,— отрывисто сказала Ри.

Башмаки Хардести проскрипели по занесенному снегом крыльцу. Он успел дважды постучать, прежде чем Ри доковыляла до двери.

Фредди слишком часто видел Уолта Хардести в «Хэмфрис Плэйс» (тот проскальзывал в заднюю комнату в восемь и, шатаясь, выбирался оттуда к двенадцати), чтобы всерьез воспринимать его как шерифа. Тот выглядел, как вечно недовольный неудачник. Когда Ри открыла дверь, Хардести стоял на крыльце — руки в карманах, глаза скрыты забралом черных очков — и не двигался с места.

— Здрсте, мисс Дэдам,— бросил он.— Ну, что тут у вас?

Ри плотнее укуталась в шаль и вышла к нему. Фредди малость помедлил, но понял, что женщина не собирается возвращаться в дом; он сгрузил бумаги на стул и последовал за ней. Нетти затрясла головой, когда он проходил мимо нее.

— Я знаю, кто это сделал,— услышал он, приближаясь к ним. Голос старушки был высок и полон негодования.— Джим Харди, вот кто!

— Да ну? — хмыкнул Хардести. Фредди присоединился к ним, и шериф приветствовал его кивком.— А вы уже тут как тут, мистер Робинсон?

— Служба...— пробормотал Фредди.— Приходится оформлять документы.

— Что б вы без бумаг делали...— натянуто улыбнулся ему шериф.

— Это точно Джим Харди,— настаивала Ри.— Мерзкий мальчишка!

— Ладно, поглядим...— сказал Хардести. Они уже почти подошли к конюшне.— Кто обнаружил мертвое животное — вы?

— У нас сейчас один юноша подрабатывает,— сообщила Ри.— Он приходит кормить, поить, убирать навоз... Он гомосексуалист,— добавила она, и Фредди удивленно вздернул голову. Запахло навозом.— Это он обнаружил Шоколадика. Шестьсот долларов чистого мяса, мистер Робинсон, независимо от того, кто это сделал.

— Ох, откуда у вас такая цифра? — спросил Фредди.

Хардести тем временем открывал дверь конюшни. Лошади всегда внушали Робинсону страх. Они раздували широкие ноздри и косили на него огромными глазами.

— А оттуда, что его папа был Генерал Херши, а мама — Белозубка, и они тоже были прекрасными лошадьми, так-то вот. Мы могли бы продать его как племенного жеребца кому угодно. Нетти всегда говорила, что он — вылитый Сухарик.

— Сухарик, — процедил сквозь зубы Хардести.

— Вы слишком молоды, чтобы помнить хоть одну настоящую лошадь, — насупилась Ри. — Обязательно запишите. Шестьсот долларов. — Она шла впереди, и лошади в стойлах испуганно шарахались или оборачивались — в зависимости от своего темперамента.

— Грязноватые у вас животные, — сказал Хардести.

Фредди взглянул повнимательнее и заметил на боках у некоторых лошадей пятна сухой грязи.

— Пугливые, — добавил он.

— Один говорит — пугливые, другой — грязные. Я слишком стара — вот в чем проблема. А вот бедный Шоколадик...

Этого она могла и не говорить; двое мужчин смотрели через решетчатую дверь стойла на тело крупного рыжеватого коня, что лежало на заваленном соломой полу. Фредди оно показалось огромной дохлой крысой.

— Черт! — выругался Хардести и открыл дверь стойла. Он перешагнул через окоченевшие ноги и направился к шее. В соседнем стойле заржала лошадь, и Хардести чуть не упал. — Дьявол! — Он оперся о стенку стойла, чтобы сохранить равновесие. — Дьявол, даже отсюда видно.

Он потянулся к носу лошади и запрокинул ей голову.

Ри Дэдам закричала.

Они то тащили, то помогали идти Ри, вытаскивая ее из конюшни мимо испуганных животных.

— Да тихо, тихо, — приговаривал Хардести, словно обращаясь не к старушке, а к лошади.

— Кто, черт возьми, способен на такое, а? — спросил Фредди, все еще шокированный видом длинной раны на шее жеребца.

— Норберт Клайд утверждает, что марсиане. Говорит, видел одного. Вы что-нибудь об этом слышали?

— Кое-что, — сказал Фредди. — Вы собираетесь поинтересоваться у Джима Харди, где он находился прошлой ночью?

— Мистер, знаете, я чертовски радуюсь, когда никто не сует нос в мои дела и не подсказывает, что мне следует сделать, а что — нет. — Он наклонился к старушке: — Мисс Дэдам, вы пришли в себя? Хотите присесть? — Та кивнула, и Хардести сказал Фредди: — Я ее придержу, а вы пойдите откройте дверь моей машины.

Они втащили старушку на сиденье, ноги ее болтались снаружи.

— Бедный Шоколадик... Бедный Шоколадик, — причитала она. — Какой ужас... Бедный Шоколадик...

— Все нормально, мисс Дэдам. Послушайте-ка... — Хардести подался вперед и поставил ногу на бампер. — Это не Джим Харди, слышите? Джим с Питом Барнсом всю ночь дули пиво в баре. Они ездили в пивбар, за город, в Глен Обри, и нам точно известно, что они проторчали там до двух ночи. Я в курсе, что вы с Джимом немного не в ладах, и заранее навел справки.

— Он мог успеть и после двух, — заметил Фредди.

— Они с Питом до рассвета играли в карты в подвале у Барнсов. Во всяком случае, так утверждает Пит. Джим почти все время болтается с Питом, но я думаю, сын Барнсов не из тех, кто стал бы покрывать подобные вещи, а вы?

Фредди покачал головой.

— А когда Джим был не с Питом, он был с этой приезжей дамочкой — вы понимаете, о ком я. Симпатия такая — фотомодель, да и только.

— Я знаю, о ком вы. Я видел ее.

— Вот-вот. Так что не убивал он ни эту лошадь, ни овец Эльмера Скейлса. Сельхозагент говорит, что это собака-убийца. Так что, если увидите летающую собаку с клыками, точно бритвы, значит, это она и есть.— Шериф тяжело взглянул на Фредди, затем повернулся к Ри Дэдам: — Вы в состоянии дойти до дому? Тут слишком холодно для вас, мамаша. Я отведу вас в дом, а потом вернусь, вызову кого-нибудь убрать лошадь.

Фредди шагнул назад, уступая дорогу Хардести:

— Вы же знаете, это никакая не собака.

— Точно!

— А что вы думаете? Что происходит?

Робинсон огляделся, словно упустил какую-то деталь. И в тот момент увидел ее и удивленно открыл рот — это была яркая тряпочка, трепетавшая на колючей проволоке изгороди у конюшни.

— Вы что-то хотели сказать?

— Крови нет,— сказал Фредди, глядя на клочок.

— Молодец! Сельхозагент сделал вид, что не заметил этого. Поможете мне управиться с мамашей?

— Я уронил там кое-что,— сказал Фредди и пошел обратно к конюшне. Он слышал, как Хардести крикнул, поднимая мисс Дэдам. Подойдя к конюшне, Робинсон оглянулся и увидел, как шериф ведет старушку к двери. Фредди направился к изгороди и отцепил длинный лоскут ткани. Шелк. Он был оторван от шарфика, и Фредди вспомнил, на ком он видел такой шарфик.

И Фредди начал прикидывать план дальнейших действий.

Вернувшись домой, он отпечатал и отправил по почте рапорт и подписанные бланки в управление, после чего набрал номер телефона Льюиса Бенедикта. Вообще-то он не знал, что будет ему говорить, но ему казалось, что он наконец нашел то, что так долго искал.

— Привет, Льюис,— сказал он.— Как дела? Это Фредди.

— Фредди?

— Фредди Робинсон.

— А, да...

— Э... Вы сейчас не очень заняты? Мне необходимо кое-что обсудить с вами.

— Я слушаю вас,— произнес Льюис без энтузиазма.

— Да... Я вас не очень задерживаю?.. Ну, хорошо. Вы слышали об этих животных — тех, что убили? Знаете, тут еще один случай. Убили лошадь, одну из тех, что у сестер Дэдам. Я ездил туда оформлять документы... Я вовсе не думаю, что это дело рук марсиан. А вы? — Он выждал немного, но Льюис молчал.— В смысле это сумасбродство какое-то. Ух, слушайте, а эта женщина, что недавно приехала сюда, ну, та, что иногда гуляет с Джимом Харди,— она случайно не работает у Сирса и Рикки?

— Я что-то об этом слышал,— сказал Льюис, и Фредди по его интонации понял, что ему следовало сказать «у мистера Готорна и мистера Джеймса».

— А вы ее хорошо знаете?

— Совсем не знаю.

— Видите ли, я думаю, во всем происходящем есть кое-что, чего не знает шериф Хардести.

— Нельзя ли поподробней, Фредди?

— Не по телефону. Не могли бы мы с вами встретиться и поговорить об этом? Знаете, я кое-что нашел на ферме Дэдам и не хочу это показывать Хардести, пока не переговорю с вами или с э-э... с мистером Готорном и мистером Джеймсом.

— Фредди, я никак не возьму в толк, о чем вы.

— Ну, по правде говоря, я и сам не очень уверен, но мне хотелось бы встретиться с вами, выпить пару пива и потолковать кое о чем. Может, придумаем, что со всем этим делать...

— Да с чем с этим, господи?

— Есть у меня кое-какие соображения. Вы, по-моему, мировые ребята, вы очень нравитесь мне, и... и мне хотелось бы вас предостеречь от кое-чего...

— Фредди, у меня уже есть все необходимые страховки,— сказал устало Льюис.— Я не в настроении идти куда-то. Извините.

— Тогда, может, как-нибудь при встрече в «Хэмфрис Плэйс»? Поговорить можно и там.

— Возможно,— сказал Льюис и повесил трубку.

Фредди положил трубку, удовлетворенный: на этот раз, кажется, ему удалось заинтересовать Льюиса. Тот обязательно перезвонит ему, когда хорошенько обдумает все, что Робинсон ему сказал. Вообще-то, если то, что он думал, являлось правдой, то его долгом было бы отправиться к шерифу; однако это всегда успеется — сначала надо хорошенько все додумать до конца. Фредди хотел убедиться в том, что Клубу Фантазеров ничто не угрожает. Его мысли текли примерно в такой последовательности: он видел шарф, клочок которого остался на проволоке, на шее девушки, которую Хардести называет «новая женщина». Шарф был на ней в тот день, когда она встречалась с Джимом Харди в «Хэмфрис Плэйс». Ри Дэдам подозревала Джима Харди в убийстве лошади; Хардести что-то упомянул о давней «вражде» между Харди и сестрами Дэдам. Клочок шелка доказывал, что девушка побывала на ферме — тогда почему не вместе с Харди? И если эти двое по какой-то причине убивают лошадей, то почему бы и не другую скотину? Норберт Клайд видел что-то громадное, с какими-то там необычными глазами: это вполне мог быть Харди, освещенный лунным светом. Фредди читал о современных ведьмах — сумасшедших женщинах, управлявших мужчинами на своих шабашах. Может, эта девушка из их числа? Джим Харди был бы находкой для любого лунатика, спустившегося с неба, чтоб пошуровать тут. Однако если все это так и если все выйдет наружу, то репутация Клуба Фантазеров серьезно пострадает. Джи-

му можно заткнуть рот, но девушку придется рассчитать и заставить уехать из города.

Два дня Робинсон ждал ответного звонка Льюиса. Не дождавшись, он решил, что пора перейти в наступление, и вновь набрал его номер.

— Это опять я, Фредди Робинсон.

— А, я узнал, — сухо отозвался Льюис.

— Нам необходимо встретиться. А? Честно, Льюис. У меня кое-что важное для вас. — Затем, не дождавшись ответа на свой призыв, добавил: — Что, если следующим найдут труп человека, Льюис? Прошу вас, подумайте об этом.

— Вы угрожаете мне? О чем вы, черт побери?

— Вовсе нет! — Фредди выдохся. Льюис не так его понял. — Послушайте, давайте завтра, в это же время?

— Я еду охотиться на енотов, — быстро проговорил Льюис.

— О черт. — Фредди поразила еще одной гранью личности своего кумира. — Я не знал, что вы увлекаетесь этим. Охота на енота? Здорово как!

— Это расслабляет. Мы пойдем вместе с одним моим пожилым приятелем, у него есть несколько собак. Мы просто выезжаем в лес и бродим, дышим воздухом. Приятно слышать, что вы восторгаетесь этим.

Фредди различил в голосе Льюиса грустные нотки и тоже расстроился, а потому не смог вовремя ответить.

— Что ж, до свидания, — попрощался Льюис и повесил трубку.

Робинсон посмотрел на телефон, выдвинул ящик стола, в котором лежал обрывок шарфа, взглянул на него. Если Льюис едет на охоту — он тоже пойдет поохотится. Не сознавая, отчего ему казалось, что это необходимо, он подошел к двери своего кабинета и запер ее. Он попытался вспомнить имя пожилой секретарши адвокатов: точно, Флоренс Куаст. Потом он отыскал в справочнике ее номер и заинтриговал ее пространной историей о несущее-

ствующей страховке. Когда она предложила ему перезвонить или мистеру Джеймсу или мистеру Готорну, Робинсон сказал:

— Да нет, я думаю, не стоит их беспокоить. Может, их новенькая секретарша сможет ответить на мои вопросы. Не будете ли вы так любезны сообщить мне ее имя? И где она остановилась?

(«А тебе, Фредди, не пришло в голову, что очень скоро она поселится в твоём доме? Поэтому ты запер кабинет на ключ? Ты не хотел впускать ее?»)

Несколько часов спустя он потер в задумчивости лоб, застегнул пиджак, вытер ладони о брюки и позвонил в отель «Арчер».

— Да, конечно, я буду рада видеть вас, мистер Робинсон,— очень спокойно сказала девушка.

(«Фредди, ты совсем не боишься встречаться с очаровательной девушкой в столь поздний час, чтоб мило побеседовать? Что с тобой, Фредди? И откуда тебе известно, что она точно знает, о чем ты собираешься говорить с ней?»)

3

— Понимаешь? — спросил Гарольд Симс Стеллу Готорн, рассеянно лаская ее правую грудь.— Это же просто сказочка. И ее исследованием вплотную занялись мои коллеги. Сказка!.. Весь смысл ее в том, что тот, кого преследовал индеец, вынужден был показать свое истинное лицо, не в силах больше сдерживать себя,— а это не просто вредная затея, это в конечном счете просто ни к чему. И от меня ждут, что я буду рассказывать эти тупые страшилки, эти дурацкие нелепицы...

— Ну, ладно, Джим, что за идея? — спросил Питер Барнс.— Что ты там надумал?

Морозный воздух, врывавшийся в машину Джима Харди, заметно протрезвил Питера: теперь, когда он на-

конец смог сконцентрироваться, он видел уже не четыре луча фары, а два. А Харди все посмеивался — противно и злорадно, словно решившись на что-то, и Питер понял, что Джим твердо задумал что-то с кем-то сотворить, независимо от того, заодно с ним Питер или нет.

— О, это будет классно! — ухмыльнулся Харди и погудел клаксоном. Даже в темноте было видно, каким красным у него сделалось лицо и как сузились глаза: именно так Харди выглядел, когда репался на свои самые отчаянные выходы.

Когда Питер Барнс вспоминал об этом, он с радостью думал о том, что уже через год уедет поступать в колледж и расстанется с дружкой, казавшимся в подобные моменты сущим безумцем. Джим Харди, пьяный или просто притворявшийся таковым, порой просто пугал своим неистовством. Что было стоящего в нем (или более пугающего?), так это то, что, независимо, насколько он был пьян, он никогда не терял своей деловитости — ни на словах, ни на деле. Будучи полупьяным, как теперь, он никогда не шатался, и язык у него никогда не заплетался; а напиваясь в стельку, он становился просто неуправляем.

— Попробуем подорвать основы!

— Здорово, — отозвался Питер. Он знал: лучше согласиться и не протестовать.

Джиму почему-то все сходило с рук, что бы он ни вытворял. Еще с тех пор, как Барнс познакомился с ним в начальной школе, Джим с неизменной удачливостью избегал неприятностей — он был неистов, но отнюдь не глуп. Даже у Уолта Хардести ничего на него не было — даже после поджога старой конюшни Пуфа (тупица Пенни Дрэггер сказала ему, что там держат лошадей сестры Дэдам, которых он ненавидел).

— Надо хорошенько повеселиться перед твоим отъездом в Корнелл, точно? — сказал Джим — Надо хорошенько оторваться напоследок, вкусить все прелести, потому как Корнелл — настоящая тюрьма. — Джим всегда

говорил, что не видит смысла поступать в колледж, но порой в его словах проскальзывала обида на то, что Питер его покидает. Барнс знал: Джиму хотелось бы, чтоб они вот так отрывались всю жизнь...

— Да Милбурн-то не лучше,— сказал Питер.

— Точно, сын мой. Поганый городишко. Но давай-ка мы с тобой его растормошим, а? Вот этим-то мы и займемся сегодня ночью, Присцилла. А если ты думаешь, что в нашем путешествии тебе грозит жажда, ты заблуждаешься — твой старый друг Джеймс позаботился об этом.— Харди расстегнул куртку и вытащил бутылку бурбона.— Оп-па! — Он отвинтил пробку одной рукой и, не останавливая машину, отпил; его лицо покраснело еще больше и стало напряженнее.— Глотнешь?

Питер покачал головой; его мутило от запаха виски.

— Болван-бармен на миг повернулся спиной, чуешь? Вжжик! Этот дубина понял, что бутылочка тю-тю, но попробовал бы он мне что-то сказать! Слышь, Питер? Когда тебе не сопротивляются, становится скучно.— Он засмеялся, Питер тоже.

— Так чем займемся?

Харди опять протянул ему бутылку, и на этот раз Питер отпил глоток. Лучи фар снова разделились — их опять стало четыре, и он потряс головой, пытаясь заставить их вернуться на место.

— Ха! Мы с тобой будем подглядывать, мой мальчик, полюбуемся одной дамочкой.— Харди забрал бутылку себе и глотнул, пролив немного виски на подбородок.

— Подглядывать? — Голова Барнса непроизвольно повернулась к Джиму, который мог вот так наливаться до самого утра и весь следующий день, не пьянея — лишь становясь все менее предсказуемым.

— Подглядывать. Подсматривать. Смотреть. На голую тетеньку. Не хочешь — прыгай на ходу.

— На женщину?

— Ну, не на мужика же, урод.

— Что, спрятаться в кустах и смотреть через...
— Не совсем так, не совсем так. Есть местечко по-лучше.

— А на кого?

— На эту сучку из отеля.

Питер почувствовал, что смущен, как никогда:

— Это та, о которой ты говорил? Которая из Нью-Йорка?

— Ну.— Джим пронесся по периметру площади мимо отеля, даже не взглянув на него.

— Я думал, ты спишь с ней.

— Да ладно, чувак, я наврал, подумаешь! Слегка преувеличил. А суть в том, что она не дает мне даже прикоснуться к себе. Ну, приврал чуток, извини, ладно? Когда я с ней, я чувствую себя сопляком. А я-то отвез ее в «Хэмфрис», лез из кожи вон... А теперь хочу посмотреть на нее, когда она не чувствует, что я рядом.

Джим нагнулся и, не глядя на дорогу, начал шарить под сиденьем. Когда он вынырнул, лицо его расплылось в широкой ухмылке — в руке его была длинная, блестящая медью подозрительная труба.— Вот эта штукавина нам поможет. Обалденная оптика, юноша, шестьдесят баксов отдал.

— М-м-м,— Питер бессильно откинулся на спинку,— круче не бывает.

Мгновением позже до него дошло, что Джим тормозит. Он подался вперед и взглянул через переднее стекло:

— О, нет, только не здесь!

— Здесь, мой маленький. Пошевеливайся.

Харди ткнул его в плечо, и Питер, открыв дверь, чуть не вывалился из машины. Перед ним возвышался собор Св. Михаила, огромный, темный и неприступный.

Мороз пробивал насквозь холодные ветровки, и оба парня дрожали, когда подошли к задней двери собора.

— Ну, и что теперь? Высаживать дверь? Видишь, тут замок висит.

— Заткнись. Я работал в отеле, помнишь? — Харди вытащил из-под куртки связку ключей на кольце. В другой руке он держал подозрную трубу и бутылку. — Можешь отойти в сторонку и пописать, пока я подберу ключ.

Он поставил бутылку на ступеньку и склонился над замком.

Питер немного прошел вдоль длинной стены собора, остановился, расстегнул штаны и с огромным облегчением выполнил распоряжение Джима, забрызгав ботинки. Затем, опершись одной рукой на стену, наклонился, и его вырвало. Барнс уже подумывал, не вернуться ли домой, когда его окликнул Джим:

— Пошли, Кларабелла!

Когда Питер подошел к двери, Харди ухмылялся ему, покачивая перед носом ключами и бутылкой; дверь была открыта. Он напоминал одну из горгулий с фасада собора.

— Нет, — сказал Питер.

— Пошли. Или ты не мужик?

Барнс с трудом сделал шаг вперед, и Харди подтолкнул его к входу.

Внутри собора было холодно и темно, как в морской пучине. Питер замер, стоя на каменном полу и чувствуя беспредельный простор вокруг. Он вытянул руки и словно коснулся морозного воздуха собора. Он услышал, как за спиной возится Харди, пытаясь рассовать по карманам свои штуковины:

— Эй, где твоя чертова рука? Подержи-ка.

Подозрная труба уткнулась ему в ладонь. Шаги Харди, гулко отзываясь в тишине, стали удаляться в сторону.

Он повернулся и увидел смутное пятно его светлых волос.

— Да шевелись ты! Здесь где-то были ступеньки...

Питер сделал шаг вперед и с грохотом врезался во что-то вроде скамьи.

— Тихо!

— Я не вижу тебя.

— Черт, иди сюда.— Он уловил какое-то движение в темноте и, поняв, что это Джим машет рукой, направился к нему.

— Видишь лестницу? Поднимемся по ней. Там, наверху, что-то вроде балкона.

— Ты уже проделывал это,— удивленно высказал догадку Питер.

— Ну, конечно. Не будь ослом. Мы с Пенни иногда тут разминались на церковных скамеечках. А что такого? Она тоже не католичка.

Глаза Питера постепенно привыкали к темноте, и рассеянный свет из высокого круглого окна помогал рассмотреть интерьер собора. Ему не приходилось бывать здесь. Это сооружение было куда больше той белой загородной коробочки, в которой его родители проводили часок на Пасху и Рождество. Высоченные колонны разграничивали обширное пространство; убранство алтаря призрачно мерцало во тьме. Желудок опять свело, и Питера чуть не вырвало. Лестница, на которую указывал Джим, была широкой, каменной и плавно огибала внутреннюю стену собора.

— Мы поднимемся и окажемся прямо напротив площади. Ее окно тоже выходит на площадь, понял? В хорошую подзорную трубу все будет, как на ладони.

— Но это глупо.

— Да ладно, умник, сам потом поймешь. Полезли.— И он начал быстро подниматься по ступеням.

Питер все так же стоял.

— Погоди-ка,— сказал Харди, развернувшись и спустившись на пару ступенек.— На-ка, перекури.

Он ухмыльнулся Питеру, вытащил пачку и протянул сигарету.

— Прямо здесь?

— Черт, а где еще? Да никто тебя не увидит.— Он прикурил сам, потом дал Питеру; пламя зажигалки осветило красным стены, спрятав все остальное. Дым приглу-

шил противный привкус рвоты во рту Питера.— Допинг. Полегчало, чувствуешь?

Питер снова затянулся. Харди был прав: курение успокоило его.

— Ну, теперь можно идти.— Джим опять начал подниматься, и Питер отправился следом.

Наверху, под самым куполом собора, они прошли по узкой галерее вокруг здания к фронтону. Окно с широким каменным подоконником выходило на площадь. Когда Питер догнал Джима, тот уже сидел на подоконнике, задрав и уперев ноги в стену.

— Ты не поверишь,— сказал он,— однажды мы с Пенни провели восхитительные мгновения прямо вот на этом месте.— Он бросил окурок на пол и затоптал его.— Они просто сходят с ума от злости: понять не могут, кто же это здесь курит. На, выпей,— протянул он бутылку.

Питер покачал головой и дал ему подозрную трубу:

— Ну, мы на месте. Теперь растолкуй.

Он сел на холодный подоконник и сунул руки в карманы ветровки. Харди посмотрел на часы:

— Для начала немного волшебства. Взгляни в окно.

Питер взглянул: площадь, темные дома, голые деревья. Ни в одном окне отеля не было света.

— Раз, два, три! — На счет «три» фонари на площади погасли.— Два часа.

— Тоже мне, волшебство.

— Ну, если ты такой крутой, зажги фонари.— Харди развернулся, вставая на колени, и поднес подозрную трубу к глазам. — У нее выключен свет, это плохо. Но если она подойдет к окну, я увижу ее. Хочешь взглянуть?

Питер взял подозрную трубу и повел по окнам отеля.

— Она в номере над входной дверью. Прямо напротив и чуть вниз.

— Окно выжу. Пусто.— Затем он увидел красный огонек в темноте комнаты.— Погоди. Она курит.

Харди выхватил у него подозрную трубу.

— Точно, сидит и курит.

— Объясни, зачем надо было вламываться в церковь, чтобы полюбоваться, как она курит?

— Ну, когда она только поселилась в отеле, я попытался снять ее. Она меня отшила. Потом, немного погодя, она попросила меня свозить ее куда-нибудь. Сказала, что хочет в «Хэмфрис Плэйс». Я отвез ее туда, но она едва обращала на меня внимание. Начисто игнорировала, понимаешь? А знаешь почему? Хотела познакомиться с Льюисом Бенедиктом. Знаешь его, да? Ну, тот мужик, который вроде как укокошил свою жену во Франции.

— В Испании,— поправил его Питер, у которого было довольно сложное отношение к Льюису.

— Какая разница. Так вот, я так думаю, что за этим она меня туда и вытащила. Она, наверно, балдеет от женоубийц.

— По-моему, он никого не убивал,— помотал головой Питер.— Он хороший мужик. В смысле, я думаю, что он хороший мужик. Мне кажется, что женщины иногда... понимаешь...

— Черт, да мне наплевать, убивал или нет... О, встала! — Джим замолчал. Через мгновение подозрная труба ткнулась в руку Питеру, и юноша вздрогнул.— Смотри. Скорее.

Питер поднял трубу, отыскал окно над буквой «А» вывески отеля, навел резкость... И невольно попятился. Женщина стояла у окна с сигаретой в руке и улыбалась, глядя прямо ему в глаза. Он почувствовал, что его сейчас опять вырвет.

— Она смотрит на нас!

— Не дури. До нас целая площадь. И кругом темень. Но ты видишь то, о чем я говорил?

Питер вернул подозрную трубу Джиму.

— И что ты на это скажешь?

— Странная какая-то. Два часа ночи, сидит одетая, без света, курит...

— И что? — вновь спросил Питер.

— А то, что я всю жизнь прожил в этом отеле, понял? Поэтому знаю, как люди ведут себя в гостиницах. Даже те старые пердуны, которые там прописались навсегда. Они смотрят телевизор, они хотят, чтоб у них убирали, они разбрасывают одежду по всему номеру; ты собираешь бутылки в туалетах и пробки на столах; иногда они устраивают небольшие пьянки, и потом приходится отскребать ковер. А по ночам слышно, как они разговаривают сами с собой, сморкаются, плюют — вся жизнь как на ладони. Слышно даже, как они сидят на горшке. Стены толстые, а двери — нет, понимаешь? И если сидеть в коридоре, то можно даже услышать, как они чистят зубы!

— И что? — повторил Питер.

— Да то, что она ничего этого не делает! Она вообще не шумит. Она совсем не смотрит телевизор. В ее номере всегда чисто. И кровать всегда заправлена. Странно, а? Она, что, спит на покрывале? Стоит столбом ночи напролет?

— Она еще там?

— Ну.

— Дай посмотреть.— Питер взял подозрную трубу. Женщина по-прежнему стояла у окна, едва улыбаясь, словно зная, что они говорят о ней. У Питера прошел холодок по спине. Он вернул трубу.

— И это еще не все. Я нес ее чемодан, когда она оформлялась. Я на своем веку перетаскал миллион чемоданов, поверь, — а этот был пустым. Разве что пара газет в нем — и все. Однажды, когда она была на работе, я заглянул в ее шкафы — ничегошеньки. Никакой одежды. Но она не всегда ходит в одном и том же. Она, что, переодевается у адвокатов? Через два дня я опять проверил, и на этот раз в шкафах было полно одежды — как будто она знала, что кто-то проверял ее. В тот вечер она попросила отвезти ее в «Хэмфрис», и я уж было размечтался, что она решила меня поиметь. Черта с два — она почти не разговаривала

со мной. Единственное, что я услышал: «Познакомь меня с этим человеком». «С Льюисом Бенедиктом?» — спросил я, и она кивнула, словно уже знала его имя. Я подвел ее к нему, представил — а он сбежал, как кролик.

— Бенедикт? Сбежал? Почему?

— Мне показалось, он ее боится. — Джим опустил подозрную трубу, прикурил, не отрывая взгляда от Питера. — И знаешь что? Я тоже. У нее иногда такой странный взгляд...

— Как будто знает, что ты шуровал в ее номере.

— Может быть. Тяжелый взгляд, скажу я тебе. Прямо не по себе. И еще кое-что скажу. Если пройти вечером по коридорам, можно заметить, горит в номерах свет или нет, так? Его видно из-под дверей, там щели. А у нее никогда ничего не видно, она не включает свет. Никогда. Но однажды ночью... Нет, это бред какой-то!

— Скажи.

— Однажды ночью я увидел, как что-то мерцает под ее дверью. Эдакий мерцающий свет — как радий или что-то в этом роде, — знаешь, такой зеленоватый... Холодный свет. Это было не пламя, и наши лампы так не светят.

— Ерунда.

— Сам видел.

— Но это ничего не значит — подумаешь, зеленый свет.

— Не совсем зеленый — как будто искрящийся. Серебристый такой. В общем, потому я и решил, что нам надо бы последить за ней.

— Ладно, последили и пошли домой. Отец будет ругаться, что я так поздно.

— Погоди... — Джим снова посмотрел в трубу. — Кажется, что-то там происходит. Ее нет у окна! О, дьявол! — Он опустил подозрную трубу. — Она открыла дверь и вышла. Вышла в коридор!

— Она идет сюда! — Питер скатился с подоконника и рванулся по галерее к лестнице.

— Не намочи штаны, Присцилла. Она не идет сюда. Она не могла заметить нас. Но куда-то она ведь направилась? Я хочу это выяснить. Ты со мной или как? — Он спешно собирал ключи, сигареты, бутылку. — Поторапливайся. Через пару минут она выйдет.

— Да тороплюсь я, тороплюсь!

Они спустились вниз. Харди толкнул дверь, внутри стало чуть светлее, и это помогало спотыкавшемуся Питеру уворачиваться от колонн и скамеек. Выскочив в ночь, Джим повесил обратно и защелкнул замок и побежал к машине. Сердце Питера громко колотилось — отчасти от облегчения, что они наконец-то выбрались из собора. Но напряженность не исчезла до конца. Воображение рисовало ему картину: женщина, идущая через площадь к ним, злая и страшная Снежная Королева, женщина, которая никогда не включает в номере свет, не ложится спать и взгляд которой пронзает расстояние от отеля до соборного окна.

Барнс вдруг понял, что голова у него полностью прояснилась. Когда он влез в машину, то сказал Джиму:

— Страх отрезвляет.

— Да не сюда она шла, идиот, — прошептал Джим, когда они доехали до угла. Вглядываясь в отель сквозь голые деревья, Питер увидел женщину, идущую неспешно по тротуару. Она была в длинном пальто, развевающемся шарфе, в шляпе. Свернув на нутынную в этот час улицу, она выглядела так невероятно обыденно, что Питер вздрогнул и рассмеялся одновременно.

Джим выключил фары и медленно доехал до светофора, переключившегося на красный. Впереди слева женщина, перейдя улицу, скрылась в темноте.

— Слушай, может, лучше по домам? — предложил Питер.

— На фиг. Я хочу посмотреть, куда она пошла.

— А если она нас заметит?

— Не заметит.

Он повернул налево, медленно миновал площадь, проехав мимо отеля; фары по-прежнему были выключены. Несмотря на то что фонари на площади не горели, на улицах свет не отключали до утра, и парни увидели женщину в круге света в конце первого квартала на Мэйн-стрит. Джим медленно тронулся, затем опять подождал, пока она не дошла до второго квартала.

— Да она просто вышла подышать,— предположил Питер.— Может, у нее бессонница, и она гуляет по ночам.

— Черта с два.

— Не нравится мне все это.

— Хорошо, хорошо, вылезай из машины и топай домой,— свирепо прошептал Джим. Он протянул руку и открыл ему дверь.— Уматывай!

Задохнувшись от холода, ворвавшегося в открытую дверь, Питер замер, почти решившись уйти.

— И ты тоже.

— Госсподи! Да черт бы тебя побрал! Или выходи, или закрой дверь,— зашипел Джим.— Эй, погоди!

Они оба увидели машину, выехавшую на улицу впереди и притормозившую у фонаря в двух кварталах от них. Женщина спокойно села в нее, дверь хлопнула, и машина уехала.

— Я знаю, чья это машина,— сказал Питер.

— Не сомневаюсь, дуралей. Голубой «камаро» 1975 года — этого индюка, Фредди Робинсона.— Он начал набирать скорость, когда машина Робинсона скрылась из виду.

— Ну, теперь ты знаешь, куда она ходит по ночам.

— Возможно.

— Возможно? А что еще? Робинсон женат. А моей матери миссис Винути говорила, что его жена хочет с ним развестись.

— Это потому, что он снимает школьниц, понял? Все знают, что Фредди Робинсон обожает молоденьких. Ты что, ни разу не видел его с девчонкой?

— Ну, видел...

— С кем?

— С одной из нашей школы, — сказал Питер, не уточняя, что это была Пенни Дрэггер.

— Ясно... Ну, и куда же он, черт возьми, едет?

А ехал Робинсон через северо-запад Милбурна, делая странные, на их взгляд, повороты и все больше удаляясь от центра города. Это черное небо над темными спящими домами, летящий снег — все казалось Питеру зловещим: ночь была такой огромной, всепоглощающей по сравнению с кукольными домиками, с ними самими. Задние габаритные огни машины Робинсона светились впереди, как кошачьи глаза.

— Кажется, ясно. Сейчас посмотрим — по-моему, он собирается свернуть направо и выехать на Бридж-роуд.

— Откуда ты... — Питер замолчал, увидев, что Робинсон свернул именно туда. — Куда он?

— Туда, где нет качелей на заднем дворе.

— Старый железнодорожный вокзал.

— Поздравляю, вы выиграли сигару! Или лучше сигарету.

Они оба закурили «Мальборо»; через минуту машина Робинсона свернула на парковку заброшенного вокзала. Администрация много лет пыталась продать это здание — пустой каркас с деревянным полом и окопечком билетной кассы. Старые вагоны стояли на заросших путях — ребята помнили их еще с детства такими же.

Сидя в темной машине на Бридж-роуд, они увидели, как сначала женщина, за ней и Робинсон вышли из «камаро». Питер испуганно взглянул на Джима, догадавшись, что тот собирается сделать. Харди дождался, пока те двое скроются за углом старого вокзала, и открыл дверь.

— Нет, — сказал Питер.

— Отлично. Оставайся тут.

— Ну, зачем?! Застукать их без штанов?

— Да они вовсе не этим собираются заниматься, идиот! Что, прямо там? На ледяном полу, в компании с крысами? У него достаточно денег, чтоб снять номер в отеле.

— Тогда зачем? — взмолился Питер.

— Вот я и хочу послушать, что она скажет. Это ведь она притащила его сюда, правильно?

Он закрыл дверь и пошел вверх по Бридж-роуд.

Питер коснулся ручки двери, нажал — и услышал щелчок замка. Джим Харди сошел с ума: с какой стати он, Питер Барнс, пойдет за ним — искать на свою голову неприятности? И так достаточно: вломились в церковь, курили и пили там виски, а Джиму все мало, теперь он пошел еще за этими двумя.

Что такое? Земля задрожала, и совершенно ниоткуда на него обрушился порыв ветра. Несколько голосов, казалось, взметнулись над вокзалом, вплетаясь диким визгом в шум ветра. Питеру почудилось, будто чья-то рука колотит его по черепу — изнутри.

Ночь разрасталась над ним, и ему показалось, что он теряет сознание; он смутно услышал, как впереди Джим Харди упал в снег, а потом их и старый вокзал вдруг на мгновение залило ярким светом.

Барнс стоял у машины, чувствуя, как земля качается под ногами, и смотрел на Джима: его друг сидел на снегу, облепившем все тело; его брови зелено мерцали, как циферблат часов, — так снег порой сверкает в лунном свете...

Внезапно Джим вскочил и побежал к вокзалу, и Питер обрел способность думать: вот сейчас ему точно не сойдет с рук, он не просто неистовый, он все доводит до конца...

И тут оба они услышали крик Фредди Робинсона.

Питер присел за машину, словно ожидая выстрелов. Он слышал, как звук шагов Джима удаляется в направлении вокзала. Вот они внезапно затихли; вне себя от страха Питер осторожно выглянул из-за крыла. Спина и ноги в снегу — Джим поравнялся с углом здания.

Как бы он хотел оказаться в двухстах ярдах отсюда и наблюдать все это в подзорную трубу.

Джим прокрался еще на несколько ярдов вперед: теперь ему должны быть видны вся задняя часть вокзала, ступени, спускавшиеся с той стороны платформы к рельсам, два старых вагона, утонувшие в бурьяне тупика.

Он помотал головой и увидел Джима — тот, пригнувшись, бежал к машине. Джим ничего не сказал и даже не взглянул на него — распахнул дверь и вскочил внутрь. Питер тоже забрался на сиденье — колени ныли от стояния на снегу, — сразу после Джима.

— Ну, что там?

— Заткнись.

— Что ты видел?

Харди утопил педаль газа, и машина с ревом рванулась вперед. Куртка и джинсы Джима были все в снегу.

— Видел что-нибудь?

— Нет.

— Ты заметил — земля дрожала? Почему Робинсон орал?

— Не знаю. Он лежал на рельсах.

— А ее не видел?

— Нет. Она, наверно, была с той стороны.

— Ты ж видел что-то — неся как уторелый.

— В отличие от тебя я хоть ходил туда!

Упрек заставил замолчать Питера, однако Харди разошелся:

— А ты, трус вонючий, сидел за машиной, как сопливая девчонка, цыпленок драный... А теперь слушай: если кто-нибудь тебя спросит, где ты был сегодня ночью, — ты играл со мной в покер, мы играли в покер у тебя дома, в подвале, всю ночь, усек? Ничего не было, понял? Мы выпили по паре пива и просто продолжили отложенную со вчерашнего вечера партию. Ладно?

— Ладно, но...

— Ничего себе ладно! — Харди повернулся к Питеру. — Хочешь знать, что я видел? Во всяком случае меня уж точно видели. Знаешь кто? Какой-то ребенок сидел на крыше и, кажется, все это время наблюдал за мной.

Это было полной неожиданностью:

— Ребенок? Бред. Уже почти три часа утра. И холодна... Да и на крышу никак не залезть. Мы в детстве много раз пытались — никак.

— А он там сидел и глазел на меня. И еще одна пикантная подробность. — Харди свирепо бросил машину в крутой поворот за угол и чуть не снес ряд почтовых ящиков на тротуаре. — Он был босиком. Мне показалось, что и без рубашки к тому же.

Питер совсем притих.

— Он мне сделал ручкой. Я и смотался. А Робинсон — покойник, я думаю. Так ты понял? Если спросят — мы всю ночь дулись в покер.

→ Как скажешь.

— Как скажу.

У Омара Норриса было тяжкое пробуждение. После того, как жена вышвырнула его из дома, он провел ночь в своем, как он считал, последнем прибежище — в одном из старых вагонов близ заброшенного железнодорожного вокзала. И если Норрис, совершенно отупевший от пьянства, и слышал во сне какой-то шум, то он уже не помнил об этом. Поэтому он страшно разозлился, рассмотрев в том, что он поначалу принял за кучу старых грязных тряпок на путях, труп человека. Он не сказал: «Опять!.. Только не это!» (сказал-то он: «Черт, дело дрянь!»), — но: «Опять!.. Только не это!» — прозвучало в его душе.

4

В течение последующих нескольких дней и ночей в Милбурне происходили события разной степени значимости. Некоторые из них показались обыденными вовле-

ченным в них людям, некоторые — сбивающими с толку и досадными, отдельные — важными и судьбоносными. Однако все они являлись частью единой системы, которая со временем должна была привнести массу изменений в жизнь города, и как часть системы все они были важны.

Жена Фредди Робинсона узнала, что страховка жизни ее мужа оказалась невероятно скудной и что «парень-что-надо» Фред, будущий член Круглого Стола Миллионеров, оценил свою смерть всего лишь в пятнадцать тысяч долларов. Вся в слезах она позвонила своей незамужней сестре в Аспен, штат Колорадо, которая сказала:

— Я всегда говорила тебе, что он дешевка. Почему б тебе не продать дом и переехать сюда — здесь, по крайней мере, климат здоровее? А что за несчастный случай с ним произошел?

Тот же вопрос задавал себе коронер округа Брум, глядя на труп тридцатичетырехлетнего мужчины, в котором отсутствовали почти все внутренние органы и вся кровь. Сначала в графе «Причина смерти» он хотел написать «Потеря крови», но, подумав, сделал запись: «Обширное внутреннее кровоизлияние», — сопроводив ее простран-ным комментарием, заканчивающимся предположением, что причиной «кровоизлияния» могло быть хищное животное.

Эльмер Скейлс каждую ночь сидел с ружьем на коленях, не зная, что его последняя корова уже убита и что существо, которое ему однажды довелось увидеть, уже готовилось к игре большего размаха.

Уолт Хардести, угостив Омара Норриса выпивкой в «Хэмфрис Плэйс», выудил из него почти бессвязный рассказ о том, как той злополучной ночью Омар вроде бы слышал, как подъехала машина или две, и было вроде бы

что-то еще — как будто какой-то шум и какой-то вроде бы свет.

— Шум? Свет? Пошел отсюда к черту! — сказал в сердцах Хардести, а сам остался допивать пиво, гадая, что же за дьявольщина творится.

Прекрасная молодая женщина, нанятая Джеймсом и Готорном, сообщила своим работодателям, что хочет переехать из отеля «Арчер», так как слышала, что миссис Робинсон выставляет свой дом на продажу, и попросила, не могли бы они переговорить с другом из банка, чтоб уладить финансовые вопросы в этом аспекте? У нее, как выяснилось, были приличные сбережения и ссуда в Сан-Франциско.

Сирс и Рикки взглянули друг на друга с чувством, похожим на облегчение, потому что им совсем не нравилась мысль о том, что тот дом будет пустовать, и пообещали Анне договориться с мистером Барнсом.

А Льюис Бенедикт пообещал себе позвонить своему другу Отто Грубе, чтобы назначить день их поездки на енотовую охоту.

Ларри Маллигэн, готовя тело Фредди Робинсона к похоронам, смотрел на лицо мертвеца и думал: парень, похоже, видел лицо дьявола, пришедшего по его душу.

Нетти Дэдам, пригвожденная к своему креслу и обездвиженная параличом, сидела и смотрела в окно гостиной, что она всегда делала, когда Ри уходила вечером кормить лошадей, и выгнула голову, чтобы обозреть поле, освещенное закатом. Потом старушка увидела чей-то силуэт, и, поскольку в Нетти оставалось рассудка гораздо больше, чем думала ее сестра, она со страхом следила за тем, как силуэт приближается к дому и конюшне. Она издала пару сдавленных звуков, зная, однако, что Ри ее не услышит. Силуэт приближался, странно, навязчиво знакомый. Нет-

ти боялась, что это тот самый мальчишка из города, о котором Ри говорила, — тот хулиган был зол на Ри, и его имя Ри сообщила полиции. Она дрожала, видя, как он все ближе подходит к дому, со страхом думая, во что превратится ее жизнь, если этот парень сотворит что-нибудь с Ри; затем женщина жалобно вскрикнула в ужасе и чуть не вывалилась из каталки. Мужчина, идущий к конюшне, был ее брат Стрингер, и на нем виднелась коричневая рубашка, та самая, что в день его смерти: она была перемазана кровью — как тогда, когда его положили на стол и закутали в одеяла, — но сейчас руки его были целы. Стрингер взглянул через двор на ее окно, затем руками разорвал пряди колючей проволоки, перешагнул через изгородь и, подойдя к окну, улыбнулся мотавшей головой Нетти, после чего повернулся и направился к конюшне.

Питер Барнс, спустившись на кухню, чтобы, как всегда, наспех позавтракать — еще более наспех в эти дни, когда его мать стала деятельнее обычного *so introspective*, — застал там отца, который должен был уехать на работу еще пятнадцать минут назад, сидевшего перед чашкой остывшего кофе.

— Привет, пап, — сказал Питер, — опаздываешь.

— Знаю, — отозвался отец. — Есть разговор. Мы в последнее время так мало говорим с тобой, Пит.

— Нечасто. Может, потом, а? Мне в школу надо...

— Можно и потом... Хотя нет, я не думаю, что стоит откладывать. Я уже несколько дней думаю об этом.

— Да? — Питер налил в кружку молока, понимая, что сейчас лучше не дурачиться.

— Мне кажется, что ты слишком много времени проводишь с Джимом Харди. Он нехороший парень и не научит тебя хорошему.

— Я так не считаю, — сказал уязвленный Пит. — Я достаточно взрослый, чтобы иметь собственные привычки. К тому же Джим не настолько плох, как о нем болтают, он просто иногда слишком необузданный.

— В субботу ночью он тоже был необузданным?

Питер поставил чашку и с притворным спокойствием взглянул на отца:

— Нет, а что, мы очень шумели?

Уолтер Барнс снял очки и протер их краешком жилета.

— Ты все еще пытаешься убедить меня в том, что в ту ночь вы были здесь?

Питер понял, что сейчас лучше не цепляться за ложь. Он отрицательно покачал головой.

— Я не знаю, где вы были, и не собираюсь допытываться. Тебе восемнадцать, и ты имеешь право на личную жизнь. Но я хочу, чтоб ты знал, что в три часа ночи твоей матери слышался какой-то шум, и мне пришлось встать и обойти дом. Внизу, в гостиной, не оказалось ни тебя, ни Джима Харди. Вас в доме не было — нигде. — Уолтер надел очки и серьезно посмотрел на сына, и Питер понял, что сейчас он услышит главное.

— Я не сказал твоей матери, потому что не хотел, чтоб она из-за тебя волновалась. Она и так в последнее время нервничает.

— Да, пап, а что она такая сердитая?

— Не знаю, — сказал отец, имевший, однако, смутные догадки на этот счет. — По-моему, ей одиноко.

— Но ведь у нее куча друзей — миссис Винути, например, они чуть ли не каждый день видятся и...

— Не пытайся сбить меня с толку. Я хочу задать тебе пару вопросов, Пит. Ты, конечно, не имеешь отношения к убийству лошади девиц Дэдам, не так ли?

— Нет, — выдавил потрясенно Питер.

— И я также не думаю, что ты слышал об убийстве Ри Дэдам?

Питеру девицы Дэдам всегда казались чем-то вроде иллюстрации из исторического романа.

— Убийству? Господи, я... — Он беспомощно огляделся. — Я и понятия об этом...

— Так я и думал. Я сам узнал об этом только вчера. Мальчик, который приходит к ним убирать конюшни, нашел ее вчера днем. Сегодня это появится в новостях. И в вечерней газете.

— Но причем здесь я?

— Потому что болтают о том, что Джим Харди может быть к этому причастен.

— Чушь!

— Надеюсь, что так — хотя бы ради Элеонор Харди. Я, честно говоря, тоже не верю, что ее сын способен на такое.

— Нет, он не мог, он просто немного психованный, он не останавливается в тот момент, когда другой парень на его месте бы... — Питер резко замолчал, прислушавшись к своим словам.

Его отец вздохнул:

— Я очень беспокоился... Все знают, что Джим имеет что-то против этих несчастных старушек. Что ж, думаю, с этим ничего уже не поделаешь, но Хардести наверняка допросит его... — Он взял сигарету, но не стал прикуривать. — Ладно... Знаешь, старина, мне кажется, нам надо держаться вместе. Поближе друг к другу. На будущий год ты уедешь в колледж, и тебе лишь пару месяцев осталось жить вместе с нами. Через неделю мы планируем устроить дома вечернику, и я хотел бы, чтоб ты подтянулся, привел себя в порядок и был в этот день с нами. Договорились?

Вот оно — главное.

— Конечно, — с облегчением произнес юноша.

— Побудешь с нами весь вечер? Мне бы очень хотелось, чтоб ты перестал болтаться, чтоб влился в ритм нормальной жизни.

— Договорились. — Глядя на него, Питер неожиданно для себя сделал открытие: как постарел отец. Его лицо стало одутловатым, и появилось много морщин — следов жизненных забот и огорчений.

— И по утрам мы будем общаться почаще?

— Да, пап. Как скажешь... Конечно.

— И ты станешь реже болтаться по пивбарам с Джимом Харди.— Это был уже не вопрос, а приказ, и Питер кивнул.— С ним ты точно попадешь в беду.

— Он не такой плохой, это все сплетни,— возразил Питер.— Он просто не знает меры, понимаешь, он просто не останавливается и...

— Достаточно. Беги в школу. Или тебя подбросить?

— Нет, я пешком. И так приду раньше времени.

— Толай, скаут.

Через пять минут с книгами под мышкой Питер вышел из дому. Где-то в душе у него еще ютился страх, охвативший паренька, когда отец спросил о субботней ночи,— этот эпизод он решил по возможности полностью вычеркнуть из памяти,— и этот страх маячил зыбким островком, окруженным морем самоуспокоенности. Его отец был больше озабочен тем, чтобы они стали ближе, нежели тем, что сын может вляпаться в неприятности с Джимом Харди: а субботняя ночь сама потом отойдет в прошлое и станет чем-то далеким — как сестры Дэдам.

Юноша завернул за угол. Тактичность его отца пролегла между ним и теми загадочными событиями, что произошли две ночи назад. В какой-то мере отец был его защитой от них; ничего ужасного ему не грозило — Питера защищала даже его незрелость. Если он не сделает ничего плохого, ничего страшного с ним не случится, а страхи останутся позади.

Дойдя почти до середины площади, он уже было совсем забыл о своем страхе. Ежедневный путь в школу пролегал мимо отеля, но в этот раз он свернул на Уит Роу. Морозный ветер бил в лицо; воробьи с чириканьем летали стайкой через занесенную снегом площадь, то и дело меняя направление. Мимо проехал длинный черный «бьюик», и на переднем сиденье он разглядел двух старых адвокатов, друзей отца. Питер помахал им, и Рикки Готорн поднял руку в ответ.

Он был уже почти в конце Уит Роу и проходил мимо припаркованного «бьюика», когда его внимание вдруг привлекла какая-то суматоха на площади. Не знакомый ему мускулистый мужчина в солнцезащитных очках бродил там по снегу. На нем были жилет в горошек и вязаная шапочка, но по белизне кожи за ушами Питер определил, что голова у человека выбрита. Незнакомец хлопал в ладоши, заставляя воробьев испуганно вспархивать, как от выстрела, — он вел себя совершенно неразумно, как животное. И никто — ни бизнесмен, поднимавшийся по красивым восемнадцатого века ступеням Уит Роу, ни шедшие за ним следом длинноногие секретарши в коротких пальто — не замечал его. Мужчина снова хлопнул в ладоши, и до Питера дошло, что тот смотрит только на него. Его ухмылка напоминала оскал голодного леопарда. Он двинулся по направлению к Барнсу — Питер же, застыв, чувствовал, что мужчина движется быстрее, чем шагают его ноги. Он повернулся, чтобы убежать, и увидел сидящего у собора на одном из покосившихся надгробных камней маленького мальчика со спутанными волосами и ухмылкой на изможденном лице. Мальчонка, не такой свирепый, как тот мужчина, между тем был с ним единой сути, единой крови. Мальчишка тоже пристально смотрел на Питера, вспомнившего в этот момент, что же такое видел Джим Харди на заброшенном вокзале. Глупое лицо его сморщилось и затряслось — ребенок захихикал. Питер, чуть не выронив учебники, рванулся бежать, боясь оглянуться.

5

А ТЕПЕРЬ НЕСКОЛЬКО СЛОВ СКАЖЕТ НАША МИСС ДЭДАМ

Трое мужчин сидели в коридоре третьего этажа университетского госпиталя в Бингэмптоне. Ни один из них не испытывал никакой радости от нахождения тут: Хардести — поскольку он чувствовал, что глупо выглядит в го-

роде крупнее Милбурна, где никому нет дела до его власти, а еще ему казалось, что приехал он сюда напрасно; Нед Роулз — оттого, что ему не нравилось так далеко и надолго уезжать от своего кабинета в редакции «Горожанина», полностью перекладывая на плечи служащих верстку и редактуру; а Дон Вандерлей — потому что он устал слишком долго колесить по незнакомым обледелым дорогам Восточной Америки.

Предложение исходило от Рикки Готорна.

— Я не виделся с ней целую вечность и понимаю, что она уже давно парализована, однако, может быть, удастся хоть что-то узнать от нее. Если вы, конечно, решитесь на поездку в такую погоду.

Хмурый полдень напоминал вечерние сумерки; выюга как будто копила силы, чтобы вот-вот обрушиться на город.

— Вы полагаете, что между смертью ее сестры и вашим... делом может существовать какая-то связь?

— Все может быть... — допустил Рикки. — Я, конечно, не уверен, но кто знает... Разве можно сказать наверняка? Но поверьте мне, я чувствую, что это важно. Поскольку вы здесь, с нами, мы ничего не станем скрывать от вас. Сирс, возможно, не согласится со мной, а вот Льюис — пожалуй, да. — И тут же быстро добавил: — Может, для вашей же пользы вам следует уехать из Милбурна, и как можно скорей.

И поначалу это предположение казалось верным. Бингэмpton, в четыре-пять раз крупнее Милбурна, даже в такой темный, гнетущий день казался другим, более светлым миром: оживленное уличное движение, новые здания, молодежь, гомон городской жизни — все соответствовало своему времени; Бингэмpton словно отталкивал маленький Милбурн назад, в сентиментальный век дешевого готического романа. Этот город помог Дону понять, каким отрезанным, отсталым был Милбурн, как неизбежно способствовал он порождению необузданных фан-

тазий Клуба Фантазеров. И всем этим Милбурн всколыхнул в воображении Вандерлея образ Доктора Рэбитфута: это *его город*. В Бингэмптоне не витали в воздухе мрачные предчувствия смерти, не было всяческих аномалий, прячущихся в рассказах и ночных кошмарах стариков.

Однако сейчас на третьем этаже больницы правил Милбурн. Милбурн проявлялся в неуверенности и волнении Хардести, в его грубом: «А какого черта вы сюда притащились? Вы из города. Я видел вас — в “Хэмфрис Плэйс”». Милбурн сквозил даже в гладких волосах Неда Роулза, в его мятом костюме — дома Роулз выглядел всегда опрятным и хорошо одетым, здесь же он смотрелся провинциалом. Бросалось в глаза то, что его жилет слишком короток, а брюки мятые и вытянутые на коленях. И манеры Роулза, в Милбурне сдержанные и приветливые, здесь казались раздражающе застенчивыми.

— Прямо как снег на голову, старушка Ри — сразу вслед за Фредди Робинсоном. Он ведь приезжал к ней, за неделю до ее смерти, знаете?

— А как она умерла? — спросил Дон. — И когда мы можем повидаться с ее сестрой? Здесь, наверное, часы приема?

— Ждем ее лечащего врача, — сказал Роулз. — А что касается ее смерти, я решил не сообщать подробностей в газете. Но, наверно, в городе и так знают.

— Я работаю дома и почти совсем не выхожу.

— А, новая книга. Замечательно!

— Так вот это кто! — воскликнул Хардести. — Только писателя нам и не хватало. Бог ты мой! Мне предстоит допрос свидетеля в присутствии отважного редактора и какого-то писателя. А эта старушенция — откуда она, к черту, узнает, кто я такой? Как она узнает, что я шериф?

«Вот что его волнует, — подумал Дон, — он похож на Уайета Эрпа — настолько не уверен в себе, что хочет, чтобы все знали: у него есть значок шерифа и пистолет».

Очевидно, эта мысль отразилась на его лице, потому что Хардести вдруг сделался более агрессивным:

— Так, а пока слушаем ваш рассказ. Кто вас прислал? Зачем вы приехали в Милбурн?

— Он племянник Эдварда Вандерлея, — устало произнес Роулз. — Он выполняет кое-какую работу для Сирса Джеймса и Рикки Готорна.

— Господи, опять эта парочка! — простонал Хардести. — Это они попросили вас навестить старуху?

— Мистер Готорн, — ответил Дон.

— Ха, мне, наверно, надо грохнуться на пол и прикинуться красной дорожкой. — Хардести закурил, игнорируя запрещающий знак на стене в конце коридора. — Эти двое опять темнят. Хитрецы. Ха! Круто...

Роулз отвернулся, явно взволнованный; Дон взглянула на него, ожидая объяснений.

— Давай, храбрец, скажи ему. Он спрашивал, как она умерла.

— Это довольно неприятно...

— Ничего, он уже большой мальчик. И крепкий — если удирать придется, да?

«Еще одна черта шерифа: прикидывать, насколько другой мужчина физически слаб или силен по сравнению с ним».

— Валяй. Тоже мне, государственная тайна.

— Что ж... — Роулз устало привалился к стене. — Умерла от потери крови. Ей отрезало обе руки.

— Боже мой! — прошептал Дон и сразу пожалел, что приехал. — Да кто ж мог...

— Ясно вам? — прорычал Хардести. — Может, ваши богатенькие приятели и подкинут мне ниточку-другую. Вы мне лучше вот что скажите: кто ж это у нас так аккуратненько режет скотину, как у мисс Дэдам? А до того — у Норберта Клайда? А еще раньше — у Эльмера Скейлса?

— Вы считаете, что всему этому — одно объяснение? — Именно это, как Дон предполагал, и просили его выяснить друзья дядюшки.

Мимо прошла медсестра и нахмурилась, посмотрев на Хардести; он затоптал окурок.

— Можете войти,— сказал им доктор, выйдя из палаты.

Первой мыслью шокированного Дона, когда он увидел старушку, было: она тоже мертва. Но он заметил блестящий глаз Нетти, с паническим взглядом перескакивающий с одного вошедшего на другого, потом увидел, как шевелится ее рот, и понял, что поговорить с мисс Дэдам не удастся.

Хардести, резко подавшись вперед, нисколько не обратил внимания на распахнутый рот и очевидное смятение больной.

— Я шериф, мисс Дэдам,— громко сказал он,— Уолт Хардести, шериф из Милбурна!

Дон взглянул на панически выпученный глаз Нетти Дэдам и мысленно пожелал ему удачи. Потом повернулся к редактору.

— Я знал, что у нее был удар,— тихо сказал Роулз,— но не думал, что она настолько плоха.

— Я приезжал к вам,— продолжал Хардести,— и говорил с вашей сестрой. Помните? Когда убили лошадь?

Нетти Дэдам издала резкий звук.

— Это означает «да»?

Звук повторился.

— Хорошо. Значит, вы помните, кто я.— Он сел и заговорил более спокойным голосом.

— По-моему, Ри Дэдам могла понимать ее,— произнес Роулз.— Они с сестрой были когда-то красавицами. Я помню, как мой отец рассказывал о девицах Дэдам. Сирс и Рикки тоже должны их помнить.

— Наверно.

— Теперь я хотел бы спросить вас о смерти вашей сестры,— говорил Хардести.— Мне очень важно все, что бы вы ни сообщили. Говорите, а я попытаюсь понять, хорошо?

— Гл.

— Вы помните этот день?

— Гл.

— Бесполезно,— шепнул Дон Роулзу, который обошел кровать и встал у окна; лицо его подергивалось. Небо было черным с лиловыми отблесками неона реклам.

— Вы сидели в таком месте, откуда вам была видна конюшня, где нашли тело вашей сестры?

— Гл.

— Это «да»?

— Гл.

— Видели ли вы кого-нибудь, идущего к конюшне незадолго до смерти вашей сестры?

— Гл!!

— Смогли бы вы опознать этого человека? — Хардести весь подался вперед.— Скажем, если бы я привел его сюда, могли бы вы издать какой-то звук, подтверждающий, что это он?

Старая женщина издала звук, по которому Дон определил, что она плачет. Он чувствовал себя здесь лишним.

— Это был молодой человек?

Еще одна серия сдавленных звуков. Возбуждение Хардести перерастало в резкое нетерпение.

— Хорошо, допустим, это был молодой человек. Это был сын Харди?

— Правила допроса свидетеля,— пробормотал Роулз в окно.

— Плевал я на правила! Это был он, мисс Дэдам?

— Глуурф,— простонала старушка.

— Черт. Вы хотите сказать «нет»? Не он?

— Глуурф.

— Может, попытаетесь назвать человека, которого вы видели?

Нетти Дэдам била дрожь:

— Глнгр. Глнгр.— Она делала такие невероятные усилия, что Дон чуть ли не физически ощутил их.— Глнгр!

— А, ладно, оставим пока. Еще пару вопросов.— Шериф развернулся и сердито взглянул на Дона, которому тоже показалось взволнованным лицо шерифа. Хардести опять повернулся к старушке и понизил голос, но Дон все слышал: — Я не думаю, что вы слышали какой-то необычный шум? Или заметили какие-то странные огни или что-то в этом роде?

Голова женщины тряслась, глаза метались.

— Какие-нибудь необычные огни или шум, мисс Дэдам?

Хардести уже с отвращением задавал ей вопросы. Нед Роулз и Дон переглянулись, удивленные и заинтригованные.

Наконец, сдаваясь, Хардести вытер лоб:

— Ну, вот и все. Без толку. Похоже, что она видела что-то, но кой черт ее поймет? Я сваливаю. Хотите — оставайтесь, мне плевать.

Дон вышел из комнаты вслед за шерифом и подождал, пока тот поговорит с доктором. Когда из палаты выступил Роулз, его лицо стареющего мальчика было задумчивым и сосредоточенным.

Хардести повернулся и взглянул на Роулза:

— Вы что-нибудь поняли из этого бреда?

— Нет, Уолт. Бред — он бред и есть.

— А вы?

— Ничего,— ответил Дон.

— Будь я проклят, если скоро не начну верить в пришельцев или вампиров, или во что-то этакое,— сказал Хардести и зашагал по коридору.

Нед Роулз и Дон Вандерлей направились следом. Когда они дошли до лифтов, в одном из них стоял Хардести и тыкал пальцем в кнопку. Перед носом Дона дверь с шипением закрылась — очевидно, шериф хотел от них избавиться.

Мгновением позже подошел другой лифт, и они вошли в кабину.

— Я все думаю о том, что пыталась сказать Нетти, — заговорил Роулз. Дверь закрылась, и лифт мягко поехал вниз. — Хотя, уверяю вас, моя догадка тоже покажется бредовой.

— Я в последнее время ничего другого и не слышу.

— И вы — тот самый человек, кто написал «Ночного сторожа».

«Начинается», — подумал Дон.

Он застегнул пальто и пошел вслед за Недом к стоянке. Несмотря на то что на Роулзе был только костюм, газетчик, казалось, не замечал мороза.

— Пожалуйста, сядьте на минутку в мою машину, — сказал редактор.

Дон забрался на пассажирское сиденье спереди и взглянул на Роулза, потиравшего в задумчивости лоб. В машине газетчик выглядел намного старше: морщинки наполнялись тенями.

— Глнгр? Она произнесла это несколько раз. Согласны? Или, во всяком случае, что-то очень похожее по звучанию, не так ли? Так вот. Я лично никогда не видел его, но давным-давно у девиц Дэдам был родной брат, и, кажется, после его смерти они только о нем и судачили...

Шоссе, по которому Дон возвращался в Милбурн, шло через поля; свинцово-серое небо расчерчивали пылающие лиловатые полосы. Назад, назад в Милбурн, с частичкой истории о Стрингере Дэдаме в душе; назад в Милбурн, где люди начинали замыкаться в себе все больше по мере того, как усиливался снегопад, росли сугробы, а дома, ка-

залось, таяли и сливались один с другим; туда, где умер его дядя и где его друзей мучили страшные сны; прочь из двадцатого века — в темницу Милбурна, все более и более напоминавшую ему собственный внутренний мир.

6

ВЗЛОМ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Отец сказал мне, чтоб я больше не гулял с тобой.

— Ну и что? А ты послушался, паинька? Тебе сколько лет, пять?

— Он почему-то волнуется. И чем-то здорово расстроен.

— «Чем-то расстроен», — передразнил Джим. — Он просто старый. В смысле... сколько ему — пятьдесят пять? Ему осточертела старая работа и старая машина, и он слишком растолстел, и его любимый сыночек скоро упорхнет из гнездышка почти на год. Да ты посмотри вокруг, дружище. Много ли стариков ты видишь с радостными улыбками на морщинистых лицах? Город переполнен этими жалкими старикашками. И каждого слушаться, что ли? — Джон откинулся на спинку стула и улыбнулся Питеру, самонадеянно полагая, что его неизменный аргумент по-прежнему убедителен.

А Барнс тонул в неуверенности и неопределенности. Тревоги его отца не совпадали с его тревогами. И дело не в том, что он не любил своего отца — Питер любил его, — а в том, следовало ли ему подчиняться нечастым отцовским приказам или, как сказал Джим, «слушаться его».

И в конечном счете разве они с Джимом сотворили что-то плохое? Ведь, с точки зрения Джима, они даже не вламывались в церковь; они всего лишь следили за женщиной. Делов-то! Фредди Робинсон умер, и этот факт был сам по себе печален, хотя оба юноши и не любили этого страханта, — но ведь никто не говорил о том, что его смерть не была естественной. Может, его свалил сердечный приступ или он упал с перрона и разбил голову...

И не было никакого ребенка на вокзальной крыше.

И не было никакого ребенка на надгробной плите...

— Мне что, в ножки поклониться твоему старику за то, что он разрешил нам встретиться сегодня вечером?

— Да нет, все нет так плохо. Он просто считает, что нам с тобой надо пореже гулять вместе, а не то чтоб вообще не встречаться. Ему, наверно, просто не нравится, что я бываю в таких местах.

— В таких? А чем они плохи? — Харди комичным жестом обвел жалкое помещение бара и крикнул: — Эй, Солнышко! Тут чертовски клевое местечко, а? — Чернокожий бармен оглянулся на него через плечо и глупо скривился. — Обалденно цивилизованное, леди Джейн! Герцог, вы согласны со мной? Я знаю, чего твой старик боится. Он не хочет, чтоб ты попал в плохую компанию и вяпался в дерьмо. А плохая компания — это, всем известно, я. Но если я такой — значит, и ты тоже. Так что самое страшное уже случилось, а поскольку ты здесь — расслабься и повеселись.

Если записать все высказывания Харди и потом прочитать, в них сыщется много чего неправильного — однако, слушая его, соглашаешься со всем.

— Понимаешь, то, что эти старики называют сумасшествием, на самом деле — всего лишь другой образ мышления. Поживи столько же в этом городишке, и у тебя короеды в башке заведутся, и тебе придется постоянно напоминать себе, что весь мир — это не просто один большой Милбурн. — Джим глянул на приятеля, отпил пива и ухмыльнулся, и Питер заметил странно преломленный свет в его глазах; он давно уже понял, что под «другим образом мышления» как раз и скрывалось настоящее «сумасшествие». — Вот, например, скажи-ка, Пит, не возникало ли у тебя таких моментов, когда тебе хотелось бы увидеть, как весь этот чертов город горит синим пламенем? Весь, до основания — чтоб одни головешки остались? Мужик, это город призраков, понял? Целый город Рипов Ван Винклей, один Рип Ван Винкль погоняет дру-

гим Рипом Ван Винклем, стая Рипов Ван Винклей с вакуумом вместо мозгов, с шерифом-хроником и вонючими забегаловками для удовлетворения социальных нужд населения...

— А куда подевалась Пенни Дрэгер? — прервал его Питер. — Я тебя не видел с ней уже недели три.

Джим ссутулился над стойкой бара.

— Первое: она узнала, что я повез мадам Мостин в кабак, и послала меня подальше. Второе: ее родичи, старый Ролли и Ирменгард, прослышали, что она пару раз гуляла с покойным мистером Робинсоном. Поэтому они засадили ее дома и не пускают никуда. Мне она об этом не говорила. И слава богу. Я бы тоже ей выдал будь здоров...

— Ты думаешь, она гуляла с ним, потому что ты возил эту женщину в «Хэмфрис»?

— Да черт ее знает, что у нее на уме. Ты считаешь, из-за этого, сын мой?

— А ты? — Иногда безопаснее было отвечать Джиму вопросом на вопрос.

— Черт... — Он вытянулся вперед и опустил косматую голову на влажное дерево стойки бара. — Не пойму я этих женщин, — проговорил Джим мягко, словно с сожалением, но Питер видел, как сверкали его глаза сквозь завесу ресниц, и понял, что это была игра. — М-да... Может, ты и прав. Может, и есть тут взаимосвязь, Кларабелла. Скорее всего. И если есть, значит, эта мадам Анна, помимо того, что, раздразив меня, мне не дала, она еще и обломала мне интимную жизнь. А коли так, то, значит, за ней должок.

Джим склонил голову набок и сверкнул глазами на Питера:

— Такие вот дела, старина.

Согнувшись, он продолжал сидеть в этой странной позе — его голова при этом смотрелась неким посторонним предметом на стойке бара — и безумно ухмылялся Питеру.

Барнс нервно сглотнул.

Джим резко выпрямился и постучал по стойке:

— Еще две чарки!

— Что ты собираешься делать? — спросил Питер, зная, что неизбежно будет в это втянут, и с тоской взглянул на грязные окна кабачка: на темных стеклах белели крапинки снежинок.

— Посмотрим. Что я собираюсь?

Джим задумался, и Питер понял: его дружок уже давно знал, что он будет делать, и это приглашение съездить попить пивка было только началом претворения его плана. И то, как его вовлекли в этот разговор, и то, как привезли за город, и все остальное, весь этот треп о «другом образе мышления» и о городе-призраке — все было четко пронумеровано в плане, сидевшем у Харди в голове.

— Что я собираюсь делать? — вскинул он голову. — Даже этот сказочный дворец становится скучным после доброй порции пива, поэтому возвращение в наш милый маленький Милбурн доставит нам удовольствие. Да! Мы определенно должны вернуться в милый маленький Милбурн.

— Давай держаться от нее подальше, — буркнул Питер.

Джон игнорировал его просьбу:

— А знаешь, наша милая сексуальная леди выехала из отеля две недели назад. О, как ее там не хватает, как по ней скучают! По ней тоскуют, Пит. Как мне плохо оттого, что я не могу больше полюбоваться этой аккуратной попкой, поднимающейся по лестнице. Я скучаю по этим глазам, вспыхивающим во тьме коридоров. По ее пустому чемодану. По знойному телу. И я уверен, ты уже знаешь, куда она переехала.

— Мой отец готовил закладную. Его дом, — кивнул Питер более энергично, чем хотел, и понял, что снова пьянеет.

— Твой старик — настоящий добрый гном, да? — спросил Джим, приятно улыбаясь. — Хозяин! — грохнул он кулаком по стойке. — Мне и моему другу — по порции твоего лучшего «Бурбона». — Бармен с обиженным видом

налил им такого же виски, какое в прошлый раз стащил Джим.— Так, вернемся к теме. Наша подружка, по которой так искренне скучают, покидает первоклассный отель и поселяется в доме Робинсона. Не кажется ли вам странной эта цепь совпадений? Очевидно, только два человека на свете, я и ты, Кларабелла, могут дать ответ. Потому как только мы с тобой знаем, что она была на вокзале в момент смерти старины Робинсона.

— Его сердце...— пробормотал Питер.

— О, она поражает в самое сердце. И в другие органы. Однако странно, не правда ли? Фредди падает на рельсы... Я сказал «падает»? Нет — планирует. Я все видел, помни. Он опускается вниз, легко и плавно, как салфетка. Затем она лезет из кожи вон, чтоб заполучить его дом. Одно к одному, а, старина? Ты тоже видишь в этом совпадение, Кларабелла?

— Нет,— прошептал Барнс.

— Ну-ка, Пит, вспомни, как ты заработал право поступить экстерном в Корнелл. Пошевели могучими мозгами, малыш.— Он положил ладонь на спину Питеру и пригнулся к нему, дыша перегаром прямо в лицо.— Наша сексуальная подружка явно что-то ищет в доме. Чувак, я заинтригован, а ты? Ты только представь ее там. Эта аппетитная леди шастает по старому дому Фредди. Что она ищет? Деньги? Драгоценности? Наркотики? Кто знает? Но она определенно что-то ищет там. Ее шикарное тело двигается по комнатам, заглядывает в разные углы... На это стоит посмотреть, а?

— Я не смогу,— отозвался Питер. «Бурбон» противно перекачивался у него в желудке.

— Я думаю,— сказал Джим,— что нам пора двигать в сторону нашего транспортного средства.

Питер очнулся на морозе у машины Джима: он никак не мог припомнить, почему оказался в одиночестве. Барнс потопал ногами, покрутил головой и позвал:

— Эй, Джим!

Харди возник мгновением позже, ухмыляясь как акула:

— Простите, что заставил вас ждать. Просто сказал на прощанье нашему другу, как нам понравилось его общество. Правда, он, кажется, не поверил, поэтому пришлось повторить несколько раз. Он продемонстрировал, так сказать, отсутствие заинтересованности. К счастью, мне удалось позаботиться о нашем питьевом довольствии на оставшуюся часть приятного вечера.— Джим чуть растегнул молнию куртки и показал горлышко бутылки.

— Ты ненормальный.

— Я не ненормальный, я хитрый — ты это имел в виду? — Джим сел машину и, вытянувшись, открыл дверцу Питеру.— Давайте вернемся к предмету нашего недавнего обсуждения.

— Нет, тебе точно надо учиться в колледже,— сказал Питер, пока Джим запускал двигатель.— С твоими способностями трепаться из тебя бы вышел классный лидер «Фи-Бета-Каппа»*.

— Я частенько думаю о том, что из меня вышел бы классный адвокат,— удивил признанием Джим и протянул Питеру бутылку.— На-ка, глотни. Что есть хороший адвокат как не первоклассный трепач? Вспомни старого Сирса Джеймса, чувак. Вот кто умеет вешать лапшу на уши...

Питер вспомнил свою последнюю встречу с Сирсом Джеймсом — тот грузно сидел в своей машине, на его бледное лицо падал блик от ветрового стекла. Потом почему-то вспомнилось лицо мальчишки, сидевшего на надгробии перед собором Св. Михаила.

— Слушай, давай с ней не связываться,— снова предложил Барнс.

* «Фи-Бета-Каппа» — американская студенческая организация, занимающаяся учебными, профессиональными и внеаудиторными делами; название состоит из трех букв древнегреческого алфавита: «Phi-Beta-Kappa».

— Именно это я и хотел обсудить.— Харди совершенно трезвым взглядом посмотрел на Питера.— Мы остановились на том, что она бродит по дому и что-то ищет. Если мне не изменяет память, Кларабелла, я пригласил тебя взглянуть на это собственными глазами.

Питер уныло кивнул.

— И верни мне бутылку, если не знаешь, что с ней делать. Так вот. В этом доме что-то есть, согласен? Не желаешь ли узнать, что именно? В любом случае что-то такое затевается, а мы с тобой, старина, единственные, кто знает об этом. Я прав или не прав?

— Может быть...

— Господи!! — неожиданно взвыл Харди, и Питер даже подпрыгнул.— Ты кретин! Ну, что непонятного? Ей зачем-то нужен именно этот дом, и это единственный разумный вывод.

— Думаешь, Робинсон ей мешал, и она избавилась от него?

— Вот этого я не знаю. Я видел только, как он уплывает вниз, на пути. Черте что! Одно скажу: я хочу взглянуть на этот дом.

— О нет, не надо,— взмолился Питер.

— Да чего ты боишься? — возмутился Джим.— Она обыкновенная баба. У нее странные привычки, но она всего лишь женщина, Кларабелла. Вообще-то я не такой дурак, чтоб соваться в дом, когда она там. А если ты опять наложил в штаны — можешь проваливать прямо сейчас.

Все дальше и дальше разматывалось пригородное шоссе, темная дорога влекла их в Милбурн.

— А как ты узнаешь, там она или нет? Ты ж говоришь, она сидит в темноте ночи напролет.

— Позвоним в дверь, чучело.

У подножья последнего холма, перед поворотом к городу, Питер, чуть живой от волнения, посмотрел на дорогу и увидел огни Милбурна — скучковавшиеся в низине,

они выглядели так, словно кто-то необъятной ладонью мог бы сгрести их в пригоршню. Милбурн казался случайным, временным, как палаточный городок кочевников, и хотя Питер Барнс знал его всю свою жизнь — вообще-то это был единственный город, который он знал, — сейчас он представлялся юноше незнакомым и чужим.

Потом он понял, почему.

— Джим, смотри. В западной части города нет света.

— Снегопад оборвал провода.

— Но снег уже не идет.

— Шел — когда мы сидели в баре.

— А ты правда видел в ту ночь ребенка на крыше вокзала?

— Не-а. Просто подумал, что видел. Это, наверно, был сугроб. Или старая газета, или что-то еще... Черт, Клара-белла, да как туда залезет ребенок? Сам знаешь, это невозможно. Если честно, Кларабелла, мне той ночью было страшно-важно...

7

А там, в городе, Дон Вандерлей сидел за письменным столом в западном крыле отеля «Арчер». Он заметил, как внезапно непроглядная тьма пала на улицу за окном его номера — настольная лампа между тем по-прежнему горела.

И Рикки Готорн удивленно открыл рот, когда его гостиная погрузилась в темноту и Стелла попросила зажечь свечи; именно в этой части города свет гас по меньшей мере дважды каждую зиму.

И Милли Шин, направившись за свечами, услышала неспешный стук во входную дверь, к которой она никогда, ни за что, никогда в жизни не собиралась подходить.

И Сирс Джеймс, которого в библиотеке темнота застала врасплох, услышал быстрые веселенькие шажки по лестнице и стал убеждать себя, что это ему лишь показалось.

И Кларк Маллигэн, уже две недели крутивший фантастику и фильмы ужасов и вконец одуревший от кишащих там зловещих образин (*«Можешь это показывать в своем кинотеатре, но никто ж не заставляет тебя смотреть»*), запустив очередной ролик, вышел из «Риальто» подышать свежим воздухом и увидел во внезапно обрушившейся темноте мужчину, который волчьими скачками неся куда-то через улицу — со страшной поспешностью, с некой зловещей целью (*«Мужик, никто тебя не заставляет смотреть эту муть...»*).

8

ВЗАОМ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Джим остановил авто за полквартила до дома.

— И какого черта свет погас...

Они оба смотрели на темный фасад здания, на голые, без занавесок, окна, за которыми не было ничего — ни силуэта, ни огонька свечи.

Питер Барнс думал о том, что видел Джим Харди, — о теле Фредди Робинсона, планирующем на заросшие бурьяном железнодорожные пути, и о маленьком мальчике, которого там якобы не было, но который сидел на крыше и на надгробном камне. Потом явилась мысль: «Я тогда был прав. Страх отрезвляет». Когда он поднял глаза на Джима, то заметил, как тот весь напрягся от возбуждения.

— Думаю, она в любом случае не включит свет.

Джим нехорошо ухмыльнулся.

— В подобном месте, — он показал на respectableные трехэтажные дома по соседству, — наша дамочка будет чувствовать себя как рыба в воде. Она может даже не выключать света у себя: никто не заметит ничего странного. — Он склонил голову набок. — Помнишь дом на Хавенлэйн, в котором жил старый писатель — Эдвард Вандерлей? Ты ходил когда-нибудь мимо него ночью? Все дома

вокруг освещены, а в доме Вандерлея темно, как в могиле. Жуть берет.

— Меня от этого дома жуть берет,— признался Питер.— И, кроме того, это незаконно.

— Слушай, ну ты и зануда! — Харди резко повернулся на сиденье и уставился на Питера, который прочитал в его взгляде едва сдерживаемый порыв двигаться, действовать, немедленно воплощать задуманное, биться лбом об стену и крушить все препятствия на пути.— Думаешь, наша дамочка задумывается, что законно, а что нет? Думаешь, заполучив этот дом, она шибко беспокоилась о чертовых законах и законниках — о Хардести, например? — И Джим помотал головой с показным, а может, и подлинным отвращением. Питер подозревал, что тот заводил себя, готовил к бою — даже если сомневался в победе.

Джим отвернулся от него и включил передачу; Барнс какое-то мгновение надеялся, что его друг объедет квартал и вернется к отелю, но Харди, ведя машину на первой скорости, миновал квартал и остановился прямо напротив дома.

— Или ты со мной, или ты просто сопьяк, — заявил он.

— Что ты собираешься делать?

— Для начала выйти, потом заглянуть в окна нижнего этажа. На это тебе хватит духу, Кларабелла?

— Ничего ты не увидишь.

— Господи...— вздохнул Харди и вылез из машины.

Питер колебался не дольше секунды, затем тоже вышел и последовал за другом через заметенный снегом газон за угол здания. Оба парня двигались быстро, пригнувшись, чтобы не заметили соседи.

Через несколько мгновений они сидели на корточках под одним из окон бокового фасада.

— Ну что, Кларабелла, заглянешь в окошко?

— Не зови меня так,— прошептал Питер,— надоело.

— Нашел время,— ухмыльнулся ему Джим, затем поднял голову до уровня подоконника.— О, взгляни-ка.

Питер медленно приподнял голову над подоконником. За окном была небольшая комната, которая хорошо просматривалась в лунном свете, падавшем из-за их спин. В комнате не было ни ковра, ни мебели.

— Странная леди,— сказал Харди, и Питер услышал в его голосе насмешку.— Зайдем с тыла.

Все так же пригибаясь, Джим побежал. Питер устремился за ним.

— Я так думаю, ее здесь нет,— шепнул Харди, когда Питер оказался позади здания. Джим выпрямился, привалившись спиной к простенку между маленьким окошком и задней дверью.— Такое чувство, что дом вообще пустой.— Здесь, за домом, где их никто не мог видеть, ребятам было спокойнее.

Обширный задний двор заканчивался белым пригорком — заметенным снегом кустом; пластмассовая кормушка для птиц и полный снега бассейн, похожий на огромный белый торт, отделяли их от изгороди. Даже в лунном свете все это казалось таким обыденно-домашним. «Нечего бояться, если рядом с тобой такие предметы»,— подумал Питер и через силу улыбнулся.

— Ты что, мне не веришь? — с вызовом спросил Харди.

— Не в этом дело.

Оба говорили во весь голос.

— Лады, тогда ты смотришь первым.

— Лады.— Питер развернулся и смело шагнул к окну. Он увидел тускло блестевшую раковину, половые доски, плиту, оставленную миссис Робинсон. Одинокий стакан стоял на столе на самом краешке лунного луча, еще один пылился на полке. Если кормушка для птиц выглядела по-домашнему, то эти предметы казались брошенными; Питер сразу понял, что приятель прав: дом пуст.

— Никого,— сказал он стоявшему рядом Джиму.

Харди кивнул, затем вскочил на цементную ступеньку перед дверью.

— Чувак, если что услышишь — сваливай. — И он нажал на кнопку звонка.

Трезвон пронизал весь дом.

Ребята напряглись, затаили дыхание. Ни шагов, ни голосов в ответ.

— Ну, — сказал Джим, ангельски улыбаясь Питеру, — что я говорил?

— Все равно мы не правы, — сказал Питер. — Нам надо вернуться к парадной двери и сделать вид, как будто мы только что пришли. Если кто-то увидит нас — мы просто ищем ее. Если она не ответит на звонок в дверь, сделаем то, что в таких случаях все делают, — заглянем в окна. А если увидят, что мы тут крадемся, как только что, они вызовут полицию.

— Неплохо, — помедлив, сказал Джим. — Ладно, попробуем. Но если никто не откроет, я иду к задней двери и открываю ее. Как действуем, помнишь?

Питер кивнул. Словно тоже испытав облегчение от того, что больше не нужно прятаться, Джим совершенно спокойно выступил к переднему фасаду дома и, перейдя газон, приблизился к парадной двери. Питер, чуть поотстав, подошел сзади.

— Вперед, спортсмен, — скомандовал Харди.

Питер стоял рядом с ним и думал: «Я не смогу войти». Пустой, с покинутыми комнатами и атмосферой человека, избравшего его своим жилищем, дом казался обманчиво безмолвным.

Джим позвонил.

— Зря теряем время, — проворчал он, выдав свое волнение.

— Да подожди ты. Просто держись естественно.

Джим сунул руки в карманы куртки и попрыгал у порога:

— Долго еще?

— Еще немножко.

Джим шумно выдохнул, выпустив клуб пара:

— Хорошо, еще пару секунд. Одна, две, три. Теперь что?

— Позвони еще раз. Как будто ты думаешь, что она дома.

Джим нажал на кнопку второй раз: резкая трель, прозвонев, затерялась в глубине дома.

Питер оглядел дома вверх и вниз по улице. Ни машин, ни огней. Тусклый свет свечи мерцал в окне четвертого дома, но ни одно любопытное лицо не выглянуло — никому не было дела до двух мальчишек, стоявших у порога дома их новой соседки. Старый дом доктора Джеффри скорбно темнел напротив.

Абсолютно ниоткуда, совершенно необъяснимо, донеслось вдруг дуновение музыки. Гудящий тромбон, вкрадчивый саксофон — где-то очень далеко играл джаз.

— М-м? — Джим поднял голову и отвернулся от двери. — Это что за звуки?

Питеру вдруг представились ярмарочные шатры, темнокожие музыканты..

— Похоже на карнавал.

— Точно. Они здесь часто бывают в ноябре.

— Наверно, запись.

— У кого-то окно открыто.

— Наверно.

И все же — словно сама идея внезапного появления карнавальных музыкантов в Милбурне была пугающей — ни один из мальчишек не желал допустить мысли, что эти веселые звуки слишком живые, чтобы быть записью.

— Может, наконец заглянем в окошко, — предложил Джим.

Он соскочил со ступенек и подошел к большому окну. Питер остался на крыльце, тихонько хлопая в ладоши и прислушиваясь к замирающим звукам музыки. Оркестр как будто двигался к центру города, к площади. Но какой в этом смысл?.. Вскоре музыка стихла совсем.

— Ни за что не догадаешься, на что я сейчас смотрю, — сказал Джим.

Вздвогнув, Питер взглянул на друга. Лицо Джима было абсолютно спокойным.

— На пустую комнату,— предположил Барнс.

— Да не совсем.

Он знал, что Джим не скажет и придется посмотреть самому. Питер соскочил со ступеньки и подошел к окну.

Сначала он разглядел то, что и ожидал: голая комната, в которой снят ковер и повсюду лежит невидимая в ночи пыль. В одной половине окна — темная арка дверного прохода; в другой — отражение его собственного лица.

На мгновение он испугался, что попадет там в ловушку — как его отражение,— или что его заставят пройти через темную арку, ступить на голые доски пола. Этот страх имел в себе не больше смысла, чем игра призрачного оркестра, но был сродни ей, таился там.

Потом Барнс наконец понял, о чем говорил Джим. У стены, рядом с плинтусом, на полу лежал коричневый портфель.

— Это ее! — прошептал Джим прямо ему в ухо.— Теперь дошло?

— Она там... Она там!

— Нет. То, что она хотела найти,— все еще там.

Питер попятился от окна и взглянул на застывшее красное лицо Джима.

— Ладно, хватит здесь торчать,— сказал Джим,— я иду в дом. Ты со мной, Кларабелла?

Питер молчал, не в силах дать ответ. Джим обошел его и скрылся за углом дома.

Несколько секунд спустя слышался удар и звон разбитого стекла. Питер тихонько простонал. Повернувшись, он вновь увидел свое лицо в окне — испуганное и нерешительное.

«Уходи отсюда. Нет. Надо ему помочь. Уходи. Нет, надо...»

Он пошел за дом, едва сдерживаясь, чтобы не побежать.

Джима он увидел на заднем крыльце — рука просунута в отверстие разбитого дверного окошка. В сумрачном свете согнувшийся Харди походил на ночного взломщика, и Питеру вспомнились слова Джима: «Самое страшное уже случилось, и поскольку ты здесь — расслабься и повеселись».

— А, явился,— сказал Джим.— Вообще-то ты уже должен быть в кровати.

— А что, если она вернется домой?

— Удерем, идиот. В доме два выхода, помнишь? Или ты думаешь, что она бежит быстрее тебя? — Его лицо на мгновение застыло, сосредоточенное; затем замок щелкнул и открылся.— Идешь?

— Наверно. Но воровать не собираюсь. И ты тоже.

Джим презрительно фыркнул и вошел в дверь.

Поднявшись по ступенькам, Питер взгляделся в темноту. Харди прошел через кухонную дверь, углубляясь в дом и не оглядываясь.

«Расслабься и повеселись». Барнс шагнул вперед. Его друг уже топал по коридору, открывая все двери подряд.

— Тихо,— зашипел Питер.

— Сам тихо,— отозвался Джим, однако шуметь перестал, и Питер понял, что Джиму — допускал он такую мысль или нет — тоже было страшно.

— Что ты ищешь? — спросил Питер.

— Откуда я знаю? Найдем — увидим.

— Слишком темно, чтоб увидеть что-нибудь. Снаружи было лучше видно.

Джим вытащил из кармана спички и зажег одну.

— А так?

По правде говоря, так оказалось еще хуже: если раньше коридор едва просматривался, то теперь видимость была ограничена трепещущим оранжевым кругом света.

— Ладно, только давай держаться вместе,— прошептал Питер.

— Если разделимся — быстрее обойдем дом.

— Ни за что.

Джим пожал плечами:

— Как хочешь.

Он повел Питера по коридору к гостиной. Сейчас эта комната показалась ему более безжизненной, чем с улицы. На обоях, детской рукой там и сям изрисованных цветными карандашами, виднелись бледные прямоугольники, оставленные снятыми картинками. Джим двигался по периметру комнаты, простукивая стены и зажигая одну спичку за другой.

— Смотри, чемодан.

— О, точно, чемодан.

Джим присел и открыл его.

— Пустой.

Через плечо приятеля Питер пронаблюдавал, как тот перевернул чемодан, потряс и положил обратно на голый пол.

— Ничего мы тут не найдем,— шепнул Барнс.

— Господи, да мы осмотрели только две комнаты, а ты уже готов сдать.— Джим резко поднялся, и спичка погасла.

На мгновение крошечная тьма окружила их.

— Зажги другую,— шепотом попросил Питер.

— Нет, так лучше. Снаружи не увидят. Погоди, глаза сейчас привыкнут.

Пять-шесть секунд они молча стояли в темноте, пока глаза не освоились во мраке; потом еще немного — пока окружающие предметы не приняли обычные очертания.

Внезапно Питер услышал какой-то шум в доме и подпрыгнул.

— Да не дергайся ты!

— Что это было? — шепнул Питер и услышал в своем голосе нотки истерики.

— Ступенька скрипнула. Задняя дверь захлопнулась. Ничего.

Питер коснулся пальцами лба и почувствовал, как они дрожат.

— Слушай. Мы разговаривали, стучали по стенам, мы разбили окошко. Как думаешь, она бы вышла, будь она дома?

— Наверно.

— Вот именно. Посмотрим на втором этаже.

Джим схватил его за рукав куртки и потащил из гостиной обратно в коридор. Там он отпустил Питера и повел к лестнице.

Наверху было совсем темно — там начиналась другая территория. Глядя на исчезающие в сумраке ступени, Питер ощутил куда большее беспокойство, чем когда он только вошел в дом.

— Ты поднимайся, я постою здесь.

— Хочешь побыть один, в темноте?

Питер попытался слотннуть, но не смог. Он покачал головой.

— Хорошо. Но все равно надо сходить, наверху точно что-то есть.

Джим поставил ногу на вторую ступеньку. Лестница была не покрашена, дорожка отсутствовала. Он сделал шаг наверх, оглянулся.

— Идешь? — И начал подниматься, шагая через ступеньку.

Некоторое время Питер только смотрел: когда Джим одолел половину лестницы, он заставил себя идти следом.

Свет включили, когда Джим был уже наверху, а Питер поднялся на две трети.

— Здравствуйте, молодые люди, — донесся глубокий, спокойный голос с нижней ступеньки.

Джим Харди взвизгнул. Питер скатился на несколько ступенек и, наполовину парализованный страхом, увидел, что летит прямо в объятия мужчины, глядевшего на них снизу.

— Разрешите проводить вас к хозяйке,— продолжил человек, одарив их мертвенной улыбкой.

Питеру он показался невероятно странным: голубая вязаная шапочка поверх светлых вьющихся волос, на носу — черные очки; одет в рабочий комбинезон, а лицо — изжелта-бледное, цвета слоновой кости. Это был тот, с площади.

— Она будет очень рада снова встретиться с вами,— сказал мужчина.— Поскольку вы первые ее гости, вас ждет особо теплый прием.— Незнакомец широко улыбнулся и начал подниматься по ступеням к ним.

Поднявшись лишь на пару ступенек, он поднял руку и стянул голубую шапочку. Светлые завитушки — парик — сползли вместе с ней.

Когда он снял очки, друзья увидели его глаза — немигающие, горящие золотисто-желтым светом.

9

Стоя у окна своего номера и глядя на обесточенную часть Милбурна, Дон услышал отдаленные пассажи саксофонов и тромбонов и подумал: «Доктор Рэбитфут в городе».

За спиной зазвонил телефон...

Сирс смотрел на дверь библиотеки, прислушиваясь к быстрым шажкам на лестнице, когда зазвонил телефон. Не отвечая, он отпер дверь, распахнул ее. Лестница была пуста.

Он повернулся, чтобы снять трубку...

Льюис Бенедикт, чей особняк находился в самой отдаленной части района, оставшегося без электричества, не слышал ни музыки, ни топота детских шагов. Слышал он — принесенный то ли ветром, то ли воспоминаниями, то ли просто сквозняком — самый для него мучительный из всех звуков на земле. Это был печальный и едва улови-

мый голос его покойной жены, зовущий снова и снова: «Льюис... Льюис...» Уже много дней он слышал его. Когда зазвонил телефон, Бенедикт вздохнул с облегчением.

И с тем же облегчением он услышал в трубке голос Рикки:

— Я тут в темноте совсем с ума схожу. Я говорил с Сирсом и с племянником Эдварда, и Сирс любезно согласился с тем, что мы могли бы все собраться сейчас у него. Я думаю, это просто необходимо. Согласен? Что ж, приезжай, пожалуйста, хорошо?

Рикки подумал, что молодой человек выглядит, как истинный член Клуба Фантазеров. Под маской общительности Дона Вандерлея, однако, пряталось крайне нервное состояние. Вытянувшись в одном из восхитительных кожаных кресел Сирса, он потягивал виски и (с некоторым удивлением, как когда-то его дядюшка) осматривал интерьер заветной библиотеки (казалась ли она ему такой же старомодной, какой считал ее Эдвард?); он говорил очень спокойно, с расстановкой, но за всем этим явно скрывалось напряжение.

«Возможно, это роднит его с нами»,— думал Рикки. Он видел в Доне человека такого типа, с которым они могли бы сдружиться много-много лет назад; родись он лет на сорок раньше, он стал бы одним из них, словно имея «право по рождению».

Однако Дон все еще хранил в себе загадку. Рикки не мог уразуметь, что он имел в виду, спрашивая Фантазеров о том, слышали ли они нынче вечером музыку. Несмотря на их настойчивость, Дон избегал объяснений; они не отступали, и Вандерлей наконец сказал:

— У меня возникло чувство, что все происходящее имеет прямое отношение к моему роману.

Это утверждение, в любое другое время показавшееся бы эгоистичным, разволновало друзей: каждый заерзал в своем кресле.

— Не то ли это, для чего мы вас сюда пригласили? — спросил Сирс.

И тогда он начал объяснять. Рикки с удивлением слушал рассказ Вандерлея о замысле его новой книги, и о характере Доктора Рэбитфута, и о том, как Дон услышал музыку перед самым звонком Рикки.

— Не хотите ли вы сказать, что происходящее в нашем городе является событиями из ненаписанной книги? — спросил недоверчиво Сирс. — Это чистейшей воды вздор.

— Или же... — задумчиво произнес Рикки. — Если нет, я даже не знаю, как правильно выразиться. Или же события, происходящие здесь, в Милбурне, не сфокусировались в последнее время... на чем-то, чего не было прежде.

— То есть этим фокусом стал я, — продолжил Дон.

— Не знаю.

— Вздор, — вмешался Сирс. — Сфокусировались, расфокусировались... Просто мы умудрились запугать и продолжаем себя запугивать все больше и больше — вот и все, что случилось. Вот он где, ваш фокус. И видения романиста тут абсолютно ни при чем.

Льюис, внешне безучастный ко всему, сидел, весь погруженный в какую-то свою тайну. Рикки спросил его, что он думает по этому поводу, и тот ответил:

— Извини. Я думал о другом. Разреши, я себе приготовлю еще выпить, Сирс?

Сирс мрачно кивнул. Льюис пил вдвое больше обычно, словно тот факт, что на сегодняшнее заседание он приехал в старой рубашке и твидовом пиджаке, давал ему право нарушать еще одну традицию Клауба.

— И что же якобы свидетельствует об этом загадочном фокусе? — задиристо спросил Сирс.

— Вам это известно так же, как и мне. Прежде всего — смерть Джона.

— Совпадение, — парировал Сирс.

— Овцы Эльмера, да и все убитые животные.

— Ха, марсиане Хардести!

— А вы не помните, что говорил нам Хардести? Что это своего рода игра — развлечение какого-то неизвестного нам существа. Более того — Фредди Робинсон, бедняжка Ри Дэдам. Я чувствовал, еще за месяцы до всего этого, что наши истории пробуждают к жизни что-то такое... И я боюсь, очень боюсь, что это не последние человеческие жертвы. Я утверждаю, что нашим жизням и жизням многих жителей города может грозить опасность.

— Тем не менее я остаюсь при своем. Вам, несомненно, удалось запугать себя, — упорствовал Сирс.

— Мы все запуганы, — уточнил Рикки. Голос его был хриплым от простуды, в горле першило, но он заставил себя продолжать: — Да, все мы. Но вот о чем я думаю. Приезд Дона был последней частью головоломки и когда мы с ним объединились, то некие силы — или, не знаю, назовите это как угодно — точно всколыхнулись. Это пробудило их к жизни. Мы с нашими историями, Дон со своей книгой и воображением — мы все видим, но не верим своим глазам; мы чувствуем: какие-то люди наблюдают за нами, кровавые события преследуют нас — но не признаемся себе в этом и отвергаем, гоним от себя как глупые фантазии. Нам снятся кошмары, но мы пытаемся забыть их. А между тем три человека уже погибли.

Льюис посмотрел на ковер под ногами, затем нервно покрутил пепельницу, стоявшую перед ним на столе:

— Мне сейчас припомнились мои слова, что я сказал Фредди Робинсону, когда недавно вечером он подкараулил меня у дома Джона. Я сказал, что кто-то прихлопывает нас, как мух.

— Но почему ты считаешь молодого человека, которого до недавних пор никто из нас в глаза не видел, решающим звеном или, как ты выразился, «последним элементом»? — повернулся Сирс к Готорну.

— Может, потому, что он — племянник Эдварда? — ответил вопросом Рикки. И вдруг с огромным облегчени-

ем подумал: «Слава богу, мои дети не приедут сюда на Рождество». — Да. Потому что он — племянник Эдварда.

Трое пожилых мужчин почти осязаемо чувствовали опасность тех, как сказал Рикки, «неких сил», что грозили им. Трое запуганных мужчин, освещенные жарким пламенем свечей, оглядываясь назад, взирали на свое прошлое.

— Может, и так, — наконец откликнулся Льюис. Он осушил стакан. — Вот только я не понимаю, причем здесь Фредди Робинсон. Он просил меня встретиться с ним — дважды звонил мне. А я просто отделаюсь от него. Смутным обещанием как-нибудь где-нибудь встретиться.

— Он хотел что-то рассказать тебе? — спросил Сирс.

— Я не дал ему даже попробовать. Боялся, что он попытается продать мне страховку.

— Почему ты так решил?

— Потому что он говорил что-то о том, что нам якобы угрожало.

Снова воцарилось молчание.

— Возможно, — сказал Льюис, — если б я с ним встретился, он был бы сейчас жив.

— Льюис, ты сейчас говоришь, как Джон Джеффри, — сказал Рикки. — Тот так же корил себя в смерти Эдварда.

Какое-то мгновение все трое смотрели на Дона Вандерлея.

— Вы знаете, может быть, я здесь не только из-за смерти дяди, — проговорил Дон. — Я хочу купить себе членство в Клубе Фантазеров.

— Что? — взорвался Сирс. — Купить?

— Заплатить своей историей. Вы позволите? — С вопросительной улыбкой он обвел взглядом троих стариков. — Она еще очень свежа в моей памяти, поскольку я недавно записал ее в свой дневник. И это не выдумка, — невольно нарушил Дон еще одно из их правил. — Все произошло именно так, как я расскажу; эту историю также нельзя считать вымыслом, поскольку у нее нет заверше-

ния. Ее просто оттеснили на задний план другие важные события. Но если мистер Готорн...

— Рикки,— выдохнул адвокат.

— ...прав, тогда погибли пять человек, а не четыре. И мой брат был первым.

— Вы были оба обручены с одной девушкой,— вспомнил Рикки одно из последних высказываний Эдварда.

— Мы были оба обручены с Альмой Мобли, с девушкой, с которой я познакомился в Беркли,— начал Дон свою страшную историю, и все четверо поудобнее устроились в креслах.— Я думаю, это настоящая история с привидениями,— продолжал он, «достав доллар из кармана джинсов» для Доктора Рэбитфута.

Вандерлей поведал им свою историю, обращаясь к пламени свечей, точно к беспокойному уголку своей души; он рассказывал не все и не так детально, как написал в своем дневнике — где он тщательно припоминал каждую подробность,— но не утаил почти ничего. Его рассказ длился полчаса.

— А сведения из «Кто есть кто» окончательно подтвердили, что все сказанное Альмой было ложью,— закончил Дон.— Дэвид погиб. А она просто-напросто исчезла.— Он провел по лицу ладонью, громко вздохнул.— Вот и все. Настоящая история с привидениями, не так ли? Как по-вашему?

Какое-то мгновение все молчали. «Расскажи ему, Сирс,— беззвучно умолял Рикки. Он поднял голову и взглянул на старого друга, скрестившего пирамидкой пальцы перед лицом.— Скажи, Сирс. Расскажи ему».

Его глаза и глаза Сирса встретились. «Он знает, о чем я думаю».

— Что ж...— отозвался Сирс, и Рикки прикрыл глаза.— По-моему, это очень напоминает одну из наших историй. Не те ли это события, что послужили сюжетом для вашей книги?

— Пожалуй.

— Они сплелись в историю, гораздо более интересную, чем сама книга.

— Но у них нет финала.

— Вероятно, пока нет.— Сирс прищурился на свечи в серебряных подсвечниках, сторевающие почти до самых чашечек. «Сейчас»,— молил его Рикки, все еще не открывая глаз.— Этого молодого человека, что, по-вашему, был похож на оборотня, как его звали... Грег? Грег Бентон?

Рикки открыл глаза, и если бы кто-то взглянул на него в этот момент, заметил бы благодарность в каждой черточке его лица.

Дон кивнул, явно не понимая всей важности этого уточнения.

— Я знал его под другим именем,— сказал Сирс.— Когда-то очень давно его звали Грегори Бэйт. А его полумного брата звали Фэнни. Фэнни умер у меня на глазах.— Джеймс с горечью улыбнулся, словно человек, которого заставили есть ненавистную ему пищу.— Очевидно, незадолго до вас он — этот Бентон — решил однажды пощеголять своей бритой головой.

— Если он в состоянии появиться дважды, значит, можно ожидать и третьего появления,— сказал Рикки.— Не далее двух недель назад я видел его на площади...

Резко ударил по глазам, которые уже привыкли к свечам, внезапно вспыхнувший электрический свет. Словно хранимые пламенем свечей, различия и своеобразная обособленность четверых мужчин, сидевших в библиотеке Сирса, вдруг стерлись, исчезли при более ярком освещении — сейчас они выглядели просто испуганными. «Мы похожи на полумертвых»,— подумалось Рикки. Как будто тепло свечей и очередная история с привидениями объединяли их в неразрывный, безопасный дружеский круг — теперь же их отделило друг от друга, разбросало по мрачной зимней обнаженности.

— Похоже, он услышал тебя,— сказал уже опьяневший Льюис.— Может, именно это и видел Фредди Робинсон — как Грегори превращается в волка. Ха!

ВЗЛОМ. ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Питер будто в тумане поднялся по ступеням и остановился рядом с Джимом на площадке.

Оборотень медленно, неумолимо приблизился к ним:

— Хотите повидаться с ней, не так ли? — Его ухмылка была совершенно дикой. — Она будет так рада. Вас ожидает теплый прием, уверяю вас.

Питер в смятении огляделся; из-под двери комнаты сочился фосфоресцирующий свет.

— Правда, она сейчас не совсем готова принять вас, она немножко не в форме, но это как раз и интересно, не так ли? Все мы любим видеть наших друзей без масок.

«Он нас заговаривает, чтоб мы не двигались, — подумал Питер. — Гипнотизирует».

— Вы, юноши, любите научные эксперименты, исследования, наблюдения? Например, с помощью подзорной трубы? Как приятно познакомиться с двумя молодыми людьми, обладающими пытливыми умами, с двумя приятелями, такими любознательными, постоянно расширяющими свой кругозор. А ведь так много праздной молодежи, так много боящихся рисковать. А про вас такого не скажешь, правда?

Питер взглянул на Джима — тот стоял с раскрытым ртом.

— Нет, вы настоящие смельчаки! Я присоединюсь к вам буквально через минутку, а вы пока постарайтесь расслабиться и, пожалуйста, дождитесь меня... Просто расслабьтесь и подождите.

Питер стукнул друга тыльной стороной ладони по ребрам, но Джим не двигался. Харди смотрел через плечо на приближающуюся жуткую фигуру, делая страшную ошибку: он уставился прямо в пустые золотисто-желтые глазницы. И тут Питер услышал голос, ниоткуда не исхо-

дящий, а звучащий прямо в его мозгу: «Расслабься, Питер, расслабься, сейчас ты увидишь ее...»

— Джим!! — закричал он.

Харди весь содрогнулся, и Питер понял: Джима он уже потерял.

«Тихо, мальчик, успокойся, зачем так шуметь...»

Человек с золотыми глазами был уже совсем рядом и тянул к ним левую руку. Питер шагнул назад, слишком объятый ужасом, чтобы связно мыслить.

Белая ладонь незнакомца плавно скользила все ближе и ближе к левой руке Джима.

Питер развернулся и проскочил следующие полпролета наверх. Оглянувшись, он увидел, что свет из-под двери полился таким мощным потоком, что уже и стены стали зеленеть, — в этом свете Джим тоже казался зеленым.

— Возьми мою руку, — сказал человек. Он стоял уже на две ступеньки ниже Джима, и их руки почти соприкасались.

Харди протянул руку.

Питер отчаянно взглянул на ступени, идущие наверх, но не в силах был бросить Джима.

Незнакомец внизу гадко захихикал. Сердце Питера екнуло, и он посмотрел вниз. Человек сжимал запястье Джима левой рукой. Волчьи глаза его расширились и засветились ярче.

Джим пронзительно завизжал.

Человек отпустил его руку и, схватив Джима за горло, с невероятной силой крутанул его тело так, что голова парня ударилась о стену. Незнакомец сделал шаг наверх и, утвердившись покрепче на площадке, еще раз с силой ударил Джима головой о стену.

«Теперь твоя очередь».

Джим сполз по стене на площадку, и человек отшвырнул его в сторону, словно это был невесомый бумажный куль. Яркий мазок крови — словно ребенок провел пятерней — остался на стене.

Питер неся по коридору с множеством дверей; открыл одну наугад, влетел в комнату...

И замер на пороге. Контур человеческой головы показался на фоне окна.

— Добро пожаловать, — прозвучал его бесстрастный голос. — Так ты еще не познакомился с ней? — Он поднялся с кровати. — Не успел? Это незабываемое впечатление! Потрясающая женщина.

Человек — вернее, лишь его контур на сером фоне окна — начал перемещаться в сторону Питера, застывшего у двери. Когда он приблизился, Питер узнал его: Фредди Робинсон.

«Попался».

Шаги в коридоре остановились за дверью спальни.

«Время. Время. Время».

— Знаешь, я не очень хорошо помню...

В панике Питер бросился на Робинсона, вытянув вперед руки, чтобы сбить его с дороги: в первое мгновение пальцы почувствовали его рубашку, затем Фредди вдруг рассыпался в бесформенное облако светящихся точек, уколов ему пальцы. Он исчез полностью, в одно мгновение, и Питер пронесся через то место, где призрак только что стоял.

— Выходи, Питер, — донеслось из-за двери. — Мы все ждем тебя.

А другой голос бился в мозгу: «Время, время, время».

Замерев перед кроватью, Питер услышал, как поворачивается дверная ручка. Он вскочил на кровать и ребрами ладоней врезал по верхней части оконной рамы.

Рама поднялась без усилий, словно хорошо смазанная. Морозный воздух ударил в лицо. Чей-то мысленный приказ догнал его, веля вернуться к двери, не дуришь и спрашивая, не хочет ли он пойти убедиться, что с Джимом все в порядке.

«Джим!»

В то самое мгновение, как открылась дверь, он выбрался из окна. Что-то устремилось к нему, но юноша уже по-

бежал по крыше, затем спрыгнул на нижний уступ. Отсюда он перепрыгнул на крышу гаража, а с гаража — в сугроб.

Пробегая мимо машины Джима, он покосился на дом — здание выглядело таким же обыкновенным, как и в самом начале: лишь лестница и гостиная были освещены, отбрасывая манящий прямоугольник желтого света на тротуар. И это словно говорило Питеру Барнсу: представь себя мирно лежащим со скрещенными на груди руками, представь себя спящим под толщей льда...

Всю дорогу домой он бежал сломя голову.

11

— Льюис, ты уже пьян,— резко сказал Сирс.— Не строй из себя большего осла, чем ты есть.

— Сирс,— вздохнул Льюис,— это, конечно, странно, но, говоря о таких вещах, довольно трудно не выглядеть ослом.

— Верно подмечено. Но, ради бога, остановись, не пей больше.

— Знаешь, Сирс,— отозвался Льюис,— наш маленький выдуманный этикет уже больше никому не нужен.

Рикки повернулся к нему:

— Ты хочешь, чтоб мы прекратили наши сборища?

— Ну, а кто мы такие, черт возьми? Три мушкетера?

— В какой-то мере,— сказал Рикки.— Мы — то, что от нас осталось. Мы — последние. Плюс Дон, конечно.

— О Рикки,— улыбнулся Льюис,— самое приятное в тебе: ты чертовски преданный друг.

— Я предан только тому, что или кто этого заслуживает,— сказал Рикки и дважды чихнул.— Простите. Мне, наверное, пора домой. Ты правда хочешь, чтоб собраний больше не было?

Льюис оттолкнул стакан к центру стола и сполз в кресле вниз.

— Не знаю. Наверно, нет. Если б мы не встречались дважды в месяц, мне бы не довелось курить великолепные сигары Сирса. А теперь у нас и новый член Клуба... — Видя, что Сирс был готов взорваться, Льюис невозмутимо обвел друзей взглядом; он был хорош собой, как никогда прежде. — Боюсь, что мне было бы страшно больше не встречаться с вами. Возможно, я верю всему тобой сказанному, Рикки. С начала октября — с той самой ночи, когда Сирс рассказал о Грегори Бэйте, — со мной произошла пара странных случаев.

— И со мной, — сказал Сирс.

— И со мной, — эхом откликнулся Рикки. — Об этом и разговор.

— Значит, мы должны не падать духом, а постараться вынести это, — сказал Льюис. — Вы, ребята, по сравнению со мной — из высшей интеллектуальной лиги, и этот паренек, видать, тоже. Но я считаю, что порознь мы или заодно — разница существенная, а? Порой, когда я выхожу из дома, мне становится не по себе — такое чувство, как будто кто-то отсчитывает секундошки, выжидая, чтобы прихлопнуть меня. Как он или оно прихлопнуло Джона.

— А мы, что, верим в оборотней? — спросил Рикки.

— Нет, — сказал Сирс, а Льюис покачал головой.

— И я не верю, — сказал Дон, — но есть что-то... — Он помедлил, задумавшись, а когда поднял голову, то заметил, что все трое выжидательно смотрят на него. — Я еще пока не пришел ни к какому выводу. Это лишь смутная идея. Я хотел бы еще поразмыслить над этим, прежде чем попытаюсь объяснить вам.

— Ну, что ж, со светом как будто все в порядке, — многозначительно сказал Сирс, — и мы послушали интересную историю. Возможно, мы даже достигли небольшого прогресса — не понимаю, правда, каким образом. Если братья Бэйты в Милбурне, то беру на себя смелость предположить, что они будут вытворять здесь все, что нам рассказывает этот мерзкий Хардести, до тех пор, пока им не надоест с нами возиться.

Дон встретился глазами с Рикки и кивнул.

— Погодите,— сказал Готорн.— Извини, Сирс, но я просил Дона съездить в больницу повидаться с Нетти Дэ-дам.

— Вот как? — спросил Сирс устало.

— Да, я ездил к ней,— подхватил Дон.— И встретил там шерифа и мистера Роулза. Всем нам явилась в голову одна и та же мысль...

— Узнать, сможет ли она что-нибудь рассказать,— закончил Рикки.

— Она не рассказала. Не смогла.— Дон взглянул на Рикки.— Вам следовало сначала позвонить в больницу.

— Я звонил,— сказал Рикки.

— Однако когда шериф спросил ее, видела ли она кого-нибудь в день смерти ее сестры, она попыталась назвать имя. Было очень заметно — она изо всех сил пыталась это сделать.

— И что за имя? — спросил Сирс.

— Она вымолвила набор звуков — это прозвучало как «Глнгр. Глнгр». Она несколько раз повторила это. Хардести отмахнулся — он не увидел в этом никакого смысла.

— Сомневаюсь, что вообще кто-нибудь увидел бы тут какой-то смысл,— сказал Льюис, глядя на Сирса.

— Мистер Роулз отозвал меня на парковке в сторону и сказал, что ему показалось, будто Нетти пыталась выговорить имя своего брата. Стрингер? Правильно?

— Стрингер? — повторил Рикки. Он прикрыл глаза ладонью.

— Мне кое-что не ясно,— сказал Дон.— Не мог бы кто-нибудь объяснить мне, в чем тут дело?

— Я знал, что это случится,— вымолвил Льюис.— Я так и знал...

— Держи себя в руках, Льюис,— приказал Сирс.— Дон, сначала нам необходимо обсудить это между нами. Однако я думаю, что за нами долг — мы расскажем вам историю, очень похожую на вашу. Сегодня вы уже не

услышите ее, но после нашего обсуждения, думаю, вы будете располагать полной информацией о Клубе Фантазеров.

— И да защитит нас Всевышний до того момента,— сказал Льюис.

— И да защитит Он нас и после него,— добавил Сирс.

12

Питер Барнс вошел в спальню родителей и присел на кровать, наблюдая, как мать расчесывает волосы. Она по-прежнему пребывала в своем странном, отрешенном настроении: вот уже несколько месяцев ее кидало то в чрезмерную холодность — готовила ужины по телерецептам и проделывала долгие одинокие прогулки, — то в назойливое материнство. В такие дни мама дарила сыну новые свитера, ворковала с ним во время ужина и заботливо интересовалась его уроками. В «материнские» периоды Питер частенько чувствовал, что она вот-вот готова расплакаться: бремя невыплаканных слез ощущалось в каждом ее слове или жесте.

— Мам, что сегодня на ужин?

Она вскинула голову и мгновение смотрела на отражение сына в зеркале.

— Сардельки с квашеной капустой.

— О-о! — Питер обожал сардельки, но отец терпеть их не мог.

— Ты об этом хотел спросить, Питер? — Она уже не смотрела на него, а следила за движением своей руки со щеткой в зеркале.

Питер давно начал понимать, что его мать — исключительно привлекательная женщина; может, и не столь изумительная красавица, как Стелла Готорн, но более чем просто симпатичная. Она была моложава и хороша, как долго остаются хороши стройные миловидные блондинки; она выглядела свободной и легкой, как наполненный

ветром летящий белый парус на горизонте. Мужчины заглядывались на нее — Питер знал это, хотя ему и не хотелось об этом думать; однажды, на вечеринке в честь заезжей актрисы, он видел, как Льюис Бенедикт гладил ее колени. До того времени Питер слепо (как теперь он думал) верил, что зрелость и женитьба означали освобождение от чувственных смущений юности. Но его мать и Льюис Бенедикт вполне могли быть на месте Джима Харди и Пенни Дрэгер; и смотрелись они более гармоничной парой, чем она с отцом. Вскоре после этой вечеринки Питер начал чувствовать, что супружеская жизнь родителей рассыпается.

— Нет... не совсем,— ответил он.— Люблю смотреть, как ты расчесываешь волосы.

Кристина Барнс замерла с поднятой рукой; затем опустила ее мягким движением. Она вновь отыскивала в зеркале его глаза и тут же, почти виновато, отвела взгляд.

— А кто у нас будет на завтрашней вечеринке? — спросил он.

— Да все те же. Друзья твоего отца. Эд и Сонни Винути. Немного. Рикки Готорн с женой. Сирс Джеймс.

— А мистер Бенедикт придет?

На этот раз мать намеренно встретила его взгляд:

— Не знаю. Может быть. А что? Тебе не нравится Льюис?

— Иногда мне так кажется. Вообще-то я его редко вижу.

— А его все редко видят, милый,— сказала она, немного поднимая сыну настроение.— Льюис живет затворником — до тех пор, пока не заметит симпатичную девушку.

— Он ведь когда-то был женат?

Она снова взглянула на него, на этот раз более резко:

— Что за расспросы, Питер? Дай мне причесаться.

— Да, извини.— Питер в волнении водил ладонью по стеганому одеялу.

— Ну?

— Я просто пытаюсь понять, счастлива ли ты.

Мать положила щетку на трельяж, стукнув ее костяной ручкой о дерево.

— Счастлива? Ну, конечно, родной. А теперь ступай вниз и скажи папе, что сейчас будем ужинать.

Питер вышел из спальни и спустился в маленькую боковую комнатку, где его отец обычно смотрел телевизор. Это был еще один признак того, что в семье не все ладно: Питер не припоминал, чтоб его отец когда-нибудь по вечерам сидел у экрана, но последние несколько месяцев, забирая с собой портфель и говоря, что ему необходимо поработать с кое-какими документами, отец регулярно уединялся в эту комнатку; через минуту оттуда доносилась приглашенная мелодия из «Старски и Хатч» или «Ангелов Чарли».

Он тихонько заглянул в комнату: кресло напротив мерцающего экрана с «Компанией Брэди», на столе паке-тик соленых орешков, рядом с ним пачка сигарет и зажигалка — но отца не было. Его портфель, закрытый, лежал на полу у кресла.

Юноша поспешил прочь из комнатки, затем, с беспкойным чувством неудержимо ускользающего семейного спокойствия, вниз — на кухню. Когда Питер вошел, Уолтер Барнс в коричневом костюме и поношенных коричневых замшевых туфлях бросал две оливки в мартини.

— Питер, старина, привет,— сказал он.

— Привет, пап. Мама сказала, скоро будем ужинать.

— Что бы это значило? Через час — или полтора? А что она приготовила, не знаешь?

— Сардельки.

— Уф... Хм-м... Господи. Я думаю, мне надо немножко выпить, а, Пит?

Он поднял стакан, улыбнулся сыну и отпил.

— Пап...

— Да?

Питер шагнул в сторону, сунул руки в карманы, помолчал.

— А ты очень ждешь своей вечеринки?

— Конечно,— сказал отец.— Мы неплохо проведем время, вот увидишь. Получится просто замечательно.

Уолтер Барнс пошел было из кухни к телевизионной комнате, но что-то заставило его оглянуться на сына, качавшегося с пяток на носки и все еще державшего руки в карманах, со сложной гаммой переживаний на лице.

— Эй, скаут, что с тобой? В школе нелады?

— Нет,— отозвался с несчастным видом Питер, покачиваясь туда-сюда, туда-сюда...

— Пойдем-ка со мной.

Питер поплелся за ним через гостиную. В дверях боковой комнатки отец сказал:

— Говорят, твой дружок Джим Харди все еще не вернулся.

— Нет.— Питера кинуло в пот.

Отец поставил мартини на столик и тяжело опустился в кресло. Некоторое время они оба смотрели на экран. Почти все дети Брэди вместе со своим отцом ползали по гостиной — она очень походила на гостиную Барнсов,— пытаясь найти пропавшую черепаху или котенка (или, поскольку дети Брэди были находчивыми маленькими плутами,— домашнюю крысу).

— Его мать страшно волнуется,— сказал отец и набил полный рот орешков. Прожевав и проглотив, он продолжил: — Элеонор — прекрасная женщина. Но она никогда не понимала своего сына. Ты не догадываешься, куда он мог уехать?

— Нет,— буркнул Питер, наблюдая за мышиною возней на экране, словно пытаясь увидеть в ней подсказку, как исправить положение в их семье.

— Просто сел в машину и был таков.

Питер кивнул. На следующий день после его бегства из *того дома* он прошел по Монтгомери-стрит — машины там не было.

— По крайней мере, Ролли Дрэгер вздохнет с облегчением,— сказал Уолтер Барнс.— Пенни еще повезло, что не успела забеременеть.

— Угу.

— Так ты не догадываешься, где он? — Отец посмотрел на него.

— Нет.— Питер рискнул поднять на него глаза.

— Он ничего не сказал тебе при очередной вашей пивной вылазке?

— Нет,— отвечал Питер с совсем несчастным видом.

— Ты, наверное, скучаешь по нему,— продолжал отец.— Волнуешься... Так?

— Да.— Питер уже чуть не плакал, как недавно его мать.

— Ну, не стоит. Парни, как он, другим всегда приносят беспокойства гораздо больше, чем себе. И вот что я еще скажу тебе: я знаю, где он.

Питер поднял глаза на отца.

— Он в Нью-Йорке. Точно. Решил сбежать по той или иной причине. Интересно, имел он все-таки какое-то отношение к тому, что случилось с Ри Дэдам, или нет? Странное исчезновение, а, как думаешь?

— Нет, он здесь ни при чем,— сказал Питер.— Он просто не мог.

— И все ж тебе лучше побыть со своими старичками, нежели болтаться с ним, как ты считаешь? — Так как Питер не ответил ожидаемым согласием, Уолтер Барнс протянул к сыну руку и коснулся его ладони.— Запомни одну очень важную в этой жизни вещь, Пит. Люди, приносящие беду, могут выглядеть какими угодно славными, чертовски компанейскими, но лучше обходить их стороной. Держись поближе к таким, как наши друзья, как те, с которыми ты завтра вечером увидишься и поговоришь,— и ты не собьешься с пути. По жизни очень трудно пройти, не оступившись, особенно когда тебе помогают найти проблемы.— Он отпустил руку Питера.— А знаешь, тащи

сюда кресло, давай с тобой посмотрим телевизор, хорошо? Проведем вечерок вместе?

Питер сел рядом и сделал вид, что смотрит телевизор. Время от времени с улицы доносился шум снегоуборочной машины, медленно проезжавшей мимо их дома к площади и обратно.

13

К следующему дню атмосфера в их доме — и внутренняя, и внешняя — переменилась. Мать Питера не была ни в одном из ее обычных настроений, а счастливая сновала по дому, пылесосила и протирая пыль, треща по телефону, слушая радио. Питер у себя наверху слушал музыку, то и дело прерываемую сообщениями о снегопаде. Дороги были так плохи, что занятия в школах отменили. Отец отправился в банк пешком: из окна своей спальни Питер видел, как тот надел шапку, пальто, резиновые сапоги и стал похож на маленького русского. Несколько русских, их соседей, присоединились к Уолтеру Барнсу, когда он дошел до конца квартала. А репортажи повторялись с унылой монотонностью: «поломки снегоочистителей... дети... восемь дюймов за последнюю ночь и еще больше ожидается в ближайшую неделю... Авария на 17-м шоссе перекрыла движение между Дамаскусом и Виндзором... Авария на 79-м шоссе перекрыла движение между Оуогой и центром... перевернувшийся фургон на 11-м шоссе в четырех милях к северу от Касл Крик...» Омар Норрис появился со своим бульдозером перед самым полуднем и похоронил под снегом два автомобиля.

После обеда мать заставила Питера взбивать яичные белки. День был серым и казался бесконечно тягучим.

Вернувшись в свою комнату, он нашел в справочнике «Робинсон, Ф.» и набрал номер. Сердце бешено колотилось. Кто-то ответил после второго гудка, и Питер сразу повесил трубку.

А радио все вещало о несчастьях. «В Лестере пятидесятидвулетняя женщина, расчищая дорожку к дому, умерла от сердечного приступа; двое детей погибли, когда машина их матери врезалась в опору моста в Хиллкресте. Пожилой мужчина в Стэмфорде скончался от гипотермии — у него не было денег на отопление».

В шесть вечера бульдозер снова прогрохотал мимо дома. В это время Питер уже сидел в телевизионной и ждал выпуска новостей. Заглянула мать — ее светловолосая головка была полна кухонных забот.

— ...И не забудь переодеться к ужину, Пит. Почему бы тебе не надеть пиджак и галстук?

— Неужели в такую погоду кто-то придет? — показал он рукой на экран: снежные заносы, заблокированные шоссе. Люди, выносящие на носилках жертву переохлаждения, семидесятишестилетнего Элмора Виси, из занесенной снегом трухлявой развалюхи.

— Конечно. Они все рядом живут, — необъяснимо счастливая, мать скрылась за дверью.

Через полчаса вернулся отец, взглянул на Питера и сказал:

— Салют, Пит. Порядок? — И пошел наверх принимать ванну.

В семь отец присоединился к нему у телевизора с «Мартини» и пакетиком кешью в руках.

— Твоя мать говорит, что хочет видеть тебя сегодня при галстуке. Поскольку она сегодня в хорошем настроении — почему бы тебе не отблагодарить ее?

— Хорошо, — отозвался Питер.

— От Джима по-прежнему ничего?

— Ничего.

— Элеонор, наверно, с ума сходит.

— Я думаю.

Юноша поднялся к себе в комнату и завалился на кровать. Он с тоской думал о том, что придется торчать тут целый вечер, отвечать на надоевшие вопросы («Ждешь не

дождешься Корнелла?»), обносить всех закусками и напитками... Он бы с удовольствием закутался в одеяло и провалялся на кровати столько, сколько ему позволят. Тогда ничего с ним не случится. Снег будет заносить дом, термостаты будут щелкать, включаясь и выключаясь, а он будет спать, спать...

В семь тридцать прозвенел звонок, и Питер поднялся с постели. Он услышал, как отец открыл дверь, слышались голоса, предложения выпить: прибыли Готорны и с ними какой-то мужчина, голоса которого парень не узнал. Питер стянул через голову рубашку и надел свежую. Затем повязал галстук, причесался пятерней и вышел из комнаты.

Дойдя до площадки лестницы, откуда была видна входная дверь, он увидел отца, развешивающего пальто гостей. Незнакомец оказался высоким мужчиной лет тридцати — густые светлые волосы, квадратное дружелюбное лицо, твидовый пиджак и голубая рубашка без галстука. «Не адвокат», — решил Питер.

— Писатель, — сообщила через мгновение его мать, причем ее голос был чуть выше обычного. — Как интересно!

Питер недовольно поморщился.

— А это наш сынок Пит, — сказал его отец, и трое гостей подняли головы взглянуть на юношу: Готорны — с улыбкой, незнакомец — с интересом. Спустившись, Питер пожал им руки, а коснувшись руки Стеллы, подумал, как всегда, когда виделся с ней: как такая пожилая женщина умудряется оставаться такой красавицей — прямо кинозвездой.

— Рад видеть тебя, Питер, — сказал Рикки Готорн, его рукопожатие было быстрым и сухим. — Ты что-то не весел сегодня.

— Да нет, я в порядке, — ответил он.

— А это Дон Вандерлей, он писатель, мистер Вандерлей был его дядей, — сообщила его мать. Рука писателя

была теплой и сильной.— О, надо непременно поговорить о ваших книгах. Питер, будь добр, сходи на кухню за льдом.

— Вы немного похожи на своего дядюшку.

— Благодарю.

— Пит, лед.

Стелла Готорн сказала:

— В такой вечер я бы предпочла кипящие напитки.

Мать оборвала его смех:

— Пит, пожалуйста, принеси лед,— и повернулась к Стелле с быстрой, нервной усмешкой.

— Да нет, сейчас на улице немного лучше,— услышал Питер слова Рикки Готорна, обращенные к его отцу.

Он отправился на кухню и стал крошить лед. Голос матери, непривычно оживленный и громкий, не умолкал. Через мгновение она была уже рядом с ним — вытаскивала что-то из гриля и загружала духовку.

— Оливки и рисовые крекеры взял?

Питер кивнул.

— Теперь разложи все это на подносе и предложи гостям, пожалуйста.

«Все это» означало дольки яиц и куриную печенку, запеченную в беконе. Выкладывая закуски на поднос, Питер обжег пальцы, и мама, наклонившись, поцеловала его в щею.

— Питер, ты такой милый! — Еще даже не пригубив спиртного, она вела себя как хмельная.— Так, что еще осталось? «Мартини» готово? Так... Когда вернешься с подносом,хвати кувшин и поставь на другой поднос вместе с бокалами, хорошо? Попроси отца помочь. Так. Что я хотела? Да, перемешай каперсы и анчоусы, чтоб положить их в горшочек. Ты такой хорошенький сегодня, Питер, я так рада, что ты надел галстук.

Опять послышался звонок в дверь — и снова знакомые голоса. Харлан Ботц, дантист, и Лу Прайс, похожий на злодея из гангстерского фильма. А также их жены, полногрудые и кроткие.

Питер обходил гостей с первым подносом, когда пришли Винуги. Сонни Винуги положила яичную дольку в рот, сказала: «Теплая!» — и чмокнула его в щеку. Она была пучеглаза и выглядела уставшей. Эд Винуги, партнер его отца,дохнул ему в лицо джином:

— Ждешь не дождешься Корнелла, сынок?

— Да, сэр.

Но тот уже не слушал, а повернулся к отцу Питера, наполнявшему свой стакан.

Когда он протянул поднос Харлану Ботцу, дантист шлепнула его ладонью по спине и сказала:

— Бьюсь об заклад, ты спишь и видишь Корнелл, а, парень?

— Да, сэр.— И Питер скрылся на кухне.

Там суежилась мать — сыпала ложкой мелко рубленную зелень в кастрюлю с чем-то кипящим.

— Кто еще пришел?

Питер сказал.

— Пожалуйста, досыпь эту массу и поставь в духовку,— протянула она сыну пакет.— Я схожу поздороваться. О, я такая праздничная сегодня!

Мать вышла, оставив его одного на кухне. Питер высыпал остатки зелени в кастрюлю и помешал ложкой. Когда он ставил кастрюлю в духовку, появился отец.

— А где поднос с напитками? Не надо было мне делать столько «Мартини» — у нас куча любителей виски. Ну, что ж, кажется, все собрались, Пит. Тебе стоит поговорить с этим писателем, он интересный парень. Кажется, автор ужастиков — помню, мне что-то говорил об этом Эдвард. Интересно тебе, нет? Уверен, не пожалеешь, если пообщаешься с нашими друзьями. Как считаешь?

— Что? — Питер закрыл дверцу духовки.

— Не пожалеешь, говорю.

— Конечно.

— Вот и отлично. Давай заканчивай здесь и ступай к гостям.— Он, словно в удивлении, покачал головой: —

Боже, твоя мать совсем замоталась. Она сегодня в ударе. Так отрадно видеть ее такой.

— Да,— буркнул Питер и поплелся в гостиную с подносом канаше, забытым матерью.

Отец прав, она явно «замоталась», в прямом и переносном смысле: мама громко и много говорила, металась в сигарном и сигаретном дыму от Сонни Винуты к плошке с маслинами, затем — к Харлану Ботцу...

— Говорят, если так пойдет дальше, Милбурн будет полностью отрезан,— сказала Стелла Готорн; ее голос был более глубокий и приятен для слуха, чем голос его матери или Сонни Винуты. Вероятно, по этой причине все разговоры прекратились.— А у нас только один бульдозер — окружные снегоуборочные все брошены на расчистку автострад.

Лу Прайс, сидя на диване рядом с Сонни Винуты, сказал:

— И посмотрите, кто им управляет! Как будто больше некого посадить за руль. Омар Норрис постоянно в таком подогреве, что не соображает, куда он едет.

— О, Лу, он сейчас весь в работе: только сегодня он дважды тут проезжал,— кинулась его мать самозабвенно защищать Омара Норриса. Питер заметил, как она поглядывает на входную дверь, и понял, что ее лихорадочное вдохновение вызвано ожиданием кого-то, кто еще не пришел.

— В эти дни он ночует в брошенных вагонах,— продолжал Лу Прайс.— В вагонах или в своем гараже, если жена подпустит его на такое расстояние. И вам нравится, что такой балбес на двухтонном бульдозере чистит снег на улице рядом с вашей машиной? Да он раздавит кого угодно и не заметит!

В дверь позвонили, и мать чуть не выронила свой бокал.

— Я открою,— сказал Питер и пошел к двери.

Это явился Сирс Джеймс. Его лицо под широкими краями шляпы было усталым и бледным, а щеки казались почти голубыми.

— Здравствуй, Питер,— произнес он. Сняв шляпу, Сирс преобразился, начал извиняться за опоздание.

В течение двадцати минут Питер разносил канapé, наполнял фужеры и избегал разговоров.

Сонни Винути ущипнула его щеку двумя пальцами:

— Готова спорить, ты спишь и видишь, как бы поскорее унести ноги из этой дыры и начать гоняться за девчонками из колледжа, признайся, Питер?

Когда бы он ни взглядывал на мать, то заставлял ее говорить, а глазами она все стреляла в сторону входной двери. Лу Прайс что-то громко объяснял Харлану Ботцу о закупке соевых; миссис Ботц надоедала Стелле Готорн советами по ремонту внутренней отделки дома. («Уверю вас, палисандровое дерево лучше всего».) Эд Винути, Рикки Готорн и его отец обсуждали в уголке исчезновение Джима Харди. Питер ретировался в никем не нарушаемую мирную атмосферу кухни, ослабил узел галстука и положил голову на полку буфета. Через пять минут раздался телефонный звонок.

— Нет, Уолт, не беспокойся, я подойду,— услышал он выкрик матери из гостиной.

Параллельный кухонный телефон перестал звонить через несколько секунд. Питер взглянул на белый аппарат на стене. Может, это был не тот, о ком он подумал; может, это Джим Харди — «Эй, чувак, не тревожься, я в Эппл...» Это необходимо было узнать. А даже если это и тот, о ком Питер подумал... Он снял трубку — только одну секундочку послушать.

Он узнал голос Льюиса Бенедикта, и сердце екнуло.

— ...не могу приехать, нет, Кристина,— говорил Льюис.— Просто никак. Мою дорогу завалило снегом на шесть футов.

— Кто-то на линии,— сказала его мать.

— Не сходи с ума,— говорил Льюис.— К тому же, Кристина, если б я и приехал, то напрасно бы потерял время. Ты же знаешь.

— Пит? Это ты? Ты подслушиваешь?

Питер затаил дыхание, но трубку не повесил.

— Ох, да с какой стати Питер будет подслушивать?

— Черт возьми, это ведь ты? — Голос матери был резкий, как жужжание шершня.

— Кристина, мне очень жаль. Все хорошо, мы по-прежнему друзья. Возвращайся к гостям и отдохни как следует.

— Не думала, что ты такое ничтожество! — И мать с треском бросила трубку. Секундой позже шокированный Питер повесил свою.

Ноги у юноши подкашивались — услышанное почти полностью подтвердило его опасения. Слепо он повернулся к кухонному окну. Раздались шаги. Дверь за спиной открылась и закрылась. За его смутным отражением — он вдруг вспомнил, как отражалось его лицо в окне на Монгомери-стрит, — появилось отражение рассерженного лица матери.

— Ну что, доволен, шпион, наслушался?

Потом вдруг возникло еще одно отражение — словно какое-то белесое пятно между лицами его и матери. Оно приблизилось, и Питер попытался взглянуть. Это было не отражение, и находилось оно за окном — умоляющее, скривившееся лицо ребенка. Мальчик просил, чтобы его впустили внутрь.

— Говори, маленький шпион, — приказала мать.

Питер закричал; он сжал кулак зубами, чтоб заглушить свой вопль. В ужасе парень закрыл глаза.

Потом руки матери обвили вокруг него, ее голос успокаивал и шептал извинения, по щекам потекли уже не сдерживаемые теплые слезы. На фоне ее слов Питер слышал, как Сирс Джеймс говорил с пафосом:

— Да, Дон приехал вступить во владение своим домом, а также помочь нам с одной проблемой — исследовательского характера.

Потом донесся чей-то приглушенный голос, кажется Сонни Винути.

Сирс ответил:

— Мы хотели бы, чтобы он ознакомился с биографическими материалами той девушки, Мор, исчезнувшей актрисы.

Опять приглушенные голоса: легкое удивление, легкое сомнение, легкое любопытство.

Питер вынул кулак изо рта.

— Все в порядке, мама,— произнес он.

— Питер, прости меня.

— Я никому не скажу.

— Не за это... Питер, это совсем не то, что ты думаешь.

Не расстраивай себя понапрасну.

— Я думал, может, это Джим Харди...

Звонок в дверь.

Кристина ослабила объятия.

— Бедный мой малыш, и друг твой сумасшедший сбежал, и мать у тебя психованная.— Она поцеловала сына в затылок.— Ой, рубашку тебе слезами закапала...

Опять звонок в дверь.

— О, еще один гость,— сказала Кристина Барнс.— Папа приготовит напитки. Давай мы с тобой немного побудем тут и придем в себя, прежде чем появиться на публике, хорошо?

— Там кто-то из приглашенных?

— Ну, конечно, Пит, кто же еще может быть?

— Не знаю...— сказал он и вновь взглянул в окно: никого — лишь отражения лица матери и его собственного, слегка размытые, как свечи за стеклом.— Никто.

Она выпрямилась и вытерла глаза:

— Вытащу-ка я еду из духовки. А ты лучше сходи поздоровайся.

— Кто это?

— Какой-то друг Рикки и Сирса.

Питер побрел к двери и оглянулся, но она уже, наклонившись, открывала духовку — обыкновенная женщина, занятая приготовлением праздничного ужина.

«Я уже не знаю, не понимаю, что реально, а что нет», — подумал он и, повернувшись к матери спиной, вышел в гостиную. Племянник мистера Вандерлея стоял возле арки гостиной и говорил:

— То, чем я сейчас занимаюсь, это попытка отыскать границу между вымыслом и реальностью. Например, не слышали ли вы случаев музыки несколько дней назад? Где-то на окраине города играл оркестр.

— Да нет, — выдохнула Сонни Винути. — А вы?

Питер, проходя через арку, замер и уставился на писателя.

— Эй, Пит, — махнул рукой отец, — тебе надо познакомиться с тем, кто сядет рядом с тобой за стол.

— О, рядом с этим очаровательным юношей хочу сидеть я, — прогудела Сонни Винути, улыбаясь ему глазами навывкате.

— А вам навязали меня, — пошутил Лу Прайс.

— Подойди-ка сюда, скаут, — позвал Питера отец.

Он с неохотой отвел взгляд от Дона Вандерлея, смотревшего на него с удивлением, и повернулся к отцу. Во рту вдруг пересохло. Отец стоял, обняв одной рукой высокую стройную женщину с миловидным, напоминающим лисье лицом.

— Анна, познакомьтесь с моим сыном Питом. Питер, это мисс Мостин.

Ее глаза скользнули по юноше. На мгновение он понял, что стоит на полпути между женщиной и Доном Вандерлеем, Сирсом Джеймсом и Рикки Готорном, которые наблюдали за всем происходящим, как за теннисным матчем; но сам он, и женщина, и Дон Вандерлей составляли вершины длинного узкого треугольника, похожего на зажигательное стекло, и когда гостья вновь взглянула на

Питера, он уже осознавал степень грозившей ему опасности.

— О, мне кажется, нам с Питером будет много о чем поговорить,— сказала Анна Мостин.

14

ИЗ ДНЕВНИКА ДОНА ВАНДЕРЛЕЯ

То, что должно было стать моим выходом в высший свет Милбурна, обернулось бедственной неразберихой.

Питер Барнс, высокий черноволосый юноша, выглядевший восприимчивым и чувственным, оказался бомбой замедленного действия. Поначалу он смотрелся нелюдимым — непонятная черта для семнадцатилетнего паренька, выполнявшего роль слуги на вечеринке его родителей. Я уловил всплески дружеской теплоты по отношению к Готорнам — кстати, он тоже равнодушен к Стелле. Но под всем этим чувствовалось что-то еще. Постепенно я начал понимать — паника? Отчаянье? По-видимому, родители посчитали причиной его замкнутости неожиданное исчезновение друга. Хотя дело явно было не только в этом; мне показалось, его гложет страх — возможно, мысль об этом мне навеял Клуб Фантазеров с его неодолимыми страхами. Когда я высказывал свои высокопарные сентенции Сонни Винутти, Питер, проходя мимо, вдруг остановился и уставился на меня; он буквально впился в меня изучающе-вопрошающим взглядом, и я почувствовал, что ему крайне необходимо поговорить со мной — причем не о книгах. Пугающим было и то, что мне подумалось, он тоже слышал музыку Доктора Рэбитфуга.

И если это так...

Если это правда...

Значит, реванш, месть Доктора Рэбитфуга начала набирать свой размах, и мы — в ее эпицентре. И весь Милбурн скоро взлетит на воздух.

Странно: Анна Мостин что-то сказала такое, от чего Питер потерял сознание. При виде ее юношу охватила дрожь: я уверен в этом. Он ее боялся. Сама Анна Мостин почти красавица, в чем-то даже удивительно похожая на Стеллу Готорн, — такие необычайные глаза, вызывавшие ассоциации с Норфолком и Флоренцией, откуда, по ее словам, были родом ее предки. По-видимому, она явилась просто находкой для офиса Сирса и Рикки; но главной ее заслугой оказалось то, что она была чрезвычайно с ними вежлива, покладиста, полезна в работе — особенно в памятный день похорон. Анна расточает доброту, и симпатию, и рассудительность, и интеллигентность — однако не подавляет своим превосходством. Она сдержанна, спокойна и полна самообладания. Она в высшей степени скромна. И в то же время как-то необъяснимо тревожно порочна. Она кажется бесстрастной, чувственно холодной: ее чувственность словно обращена лишь к ней самой.

Во время ужина я случайно поймал ее, застывший на Питере Барнсе, косой, вызывающий взгляд. Юноша не поднимал глаз от своей тарелки, что побуждало его отца слишком громко шутить, а мать — раздражаться; он ни разу не взглянул на Анну Мостин, хотя сидел рядом с ней. Остальные гости не замечали этого и только и болтали что о погоде. Ох, как Питеру не терпелось улизнуть из-за стола! Анна приподняла рукой его подбородок, и я понял, какой взгляд был обращен к нему. Потом она очень тихо сказала парнишке, что хотела бы перекрасить кое-какие комнаты в своем новом доме и что ей кажется, что кто-нибудь из его одноклассников мог бы прийти к ней поработать. Питер упал в обморок. Это старомодное слово очень подходит к данной ситуации. Он отключился, потерял сознание, повалился вперед — самый настоящий обморок. Я сначала подумал, что это от перевозбуждения: столько народу... Стелла Готорн всех нас успокоила, помогла Питеру выбраться из-за стола, и отец отвел его наверх. Вскоре за этим ужин закончился.

И тут до меня впервые дошло: Альма Мобли, Анна Мостин. Инициалы, необычайное сходство имен и фамилий. Имею ли я теперь право какое-то совпадение называть «простым совпадением»? Хотя она абсолютно не похожа на Альму Мобли — тем не менее она как Альма.

И я понял, в чем различие и сходство — в этой их ауре безвременья, вечности: но там, где Альма представлялась проплывающей мимо отеля «Плаза» двадцатых годов, Анна Мостин виделась сидящей в этом отеле и улыбающейся, глядящей, как мужчины перед ней кривляются с бутылками в карманах, суетятся, говорят о новых автомобилях и о биржевых акциях, выворачиваются наизнанку, чтоб сразить ее.

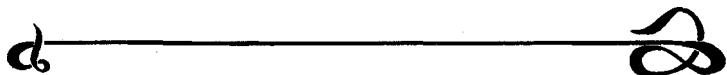
Сегодня ночью я соберу все мои странички, посвященные Доктору Рэбитфуту, снесу их в гостиничный инсинератор и спалю.

Часть 3
ОХОТА
НА ЕНОТА

Цивилизованная человеческая личность, какой бы ее ни называли — капиталистической, буржуазной или же просто культурной,— не может избавиться от ощущения сверхъестественного.

Томас Манн, «Доктор Фаустус»

I

ЕВА ГАЛЛИ И МАНИТУ

Был октябрь в тот мучительный год!
Видел я этот склеп... этот свод...
Что за демон как раз через год
Вновь под тот же привел меня свод?*

Э. А. По, «Уяляюм»

АБЮИС БЕНЕДИКТ

а два дня погода переменилась: снег прекратился, и вернулось солнце. И словно вместе с солнцем на два дня воцарилось бабье лето. Температура впервые за последние полтора месяца была плюсовой. Городская площадь превратилась в кашу, даже голуби облетали ее стороной; в то время как таял снег, речка — еще более серая и стремительная, чем в тот день, когда Джон Джеффри упал в нее с моста, — грозила выйти из берегов. Впервые за пять лет Уолту Хардести и его помощникам пришлось укладывать вдоль нее мешки с песком во избежание наводнения. Своего костюма образ-

* Перевод Н. Чуковского.

ца времен освоения Дикого Запада Хардести не снимал в течение всех долгих дней столь тяжелой работы — разгрузки мешков с грузовика, — а помощник по имени Леон Черчилль разделся до пояса и думал, что, может, самое плохое уже позади — по крайней мере до весеннего разлива.

Образно говоря, большинство милбурнцев воспрянули духом. Омар Норрис с радостью возобновил свои возлияния — без перерывов на уборку снега, — а когда жена опять выгнала его из дому, без всяких колебаний вернулся в старый вагончик и молился там горлышку полупустой бутылки, уповая на то, что снегопады канули в прошлое. Город отдыхал в эти дни временного потепления. Уолтер Барнс надевал на работу в банк вызывающую рубашку, розовую в голубую полосу, и восемь часов с восхитительным наслаждением не чувствовал себя банкиром. Сирс и Рикки отпускали изношенные шуточки по поводу возможного иска Эльмера Скейлса к городскому синоптику на предмет несостоятельности прогнозов. Два дня в обеденные часы «Вилледж Памп» переполнялся любителями загородных поездок. За последние двое суток, что Кларк Маллигэн крутил фильм с Винсентом Прайсом в главной роли, доходы его удвоились, и он продлил прокат этой картины на следующую неделю.

В стоки бежали черные ручьи; стоило зазеваться — и проезжающие машины окатывали тебя с ног до головы. Пенни Дрэггер, бывшая подружка Джима Харди, нашла ему замену — приезжего с бритой головой и черными очками, который просил называть его Джи и казался восхитительно загадочным, и приехал неизвестно откуда, и сказал, что он моряк, — для Пенни круче не придумаешь.

Залитый солнцем, наполненный звенящей капелью и ручейками, Милбурн казался большим городом. Жители, приберегая обувь, надевали резиновые сапоги и выходили погулять, подышать воздухом. Милли наняла мальчика из соседнего квартала привести в порядок ставни, и он сказал ей:

— Да что вы, миссис Шин! Они ж вам не понадобятся аж до самого Рождества!

Стелла Готорн, лежа в ароматной ванне, решила, что пора отправить Гарольда Симса к его старым девам-библиотекаршам, на которых он наверняка произведет большее впечатление, — лучше она сделает себе новую прическу.

Таким образом, в течение двух дней принимались важные решения; длинных поездок никто не боялся; мужчины не возмущались, выезжая по утрам на шоссе и направляясь на службу. Ложная весна звала в дорогу, поднимая дух.

Однако Элеонор Харди все больше теряла голову от беспокойства и натирала полиролью гостиничные перила и мебель по два раза в день; Джон Джеффри, Эдвард Вандерлей и другие покоились в земле; Нетти Дэдэм, по-прежнему пытавшуюся что-то сообщить людям и беспрестанно мычавшую два непонятных слова, забрали в институт на обследование; и без того костлявое тело Эльмера Скейлса, постоянно дежурившего у окна с ружьем на коленях, совсем высохло. С каждым вечером все раньше садилось солнце, а по ночам Милбурн словно сжимался, замерзая. Дома казались сросшимися друг с другом; улицы, днем такие искрящиеся, темнели и делались узкими, как в средневековом городе; черное небо тяжело опускалось вниз. Три старых члена Клуба Фантазеров забывали свои вялые шутки и странствовали в пугающих снах. Два просторных дома злоеже темнели в ночи. Дом на Монтгомери-стрит был полон ужасов, мерцавших и блуждавших из комнаты в комнату, с этажа на этаж; а все, что жило в доме Эдварда Вандерлея на Хавен-лэйн, было окутано тайной — и когда Дон Вандерлей столкнется с ней, эта тайна забросит его в Панаму, штат Флорида, вместе с маленькой девочкой, которая улыбнется ему: «Я — это ты».

Первый из этих дней Льюис посвятил расчистке подъездной дорожки, самозабвенно насилуя себя и работая с таким усердием, что его спортивный костюм и куртка цвета хаки пропотели насквозь; к полудню руки и спина у него так разболелись, словно он никогда в жизни не занимался физическим трудом. После ленча Льюис прилег вздремнуть на полчаса, потом принял душ и заставил себя закончить начатое утром. К половине седьмого последний участок дорожки был очищен от снега. Льюис вернулся в дом, опять принял душ, снял и положил рядом с аппаратом телефонную трубку, выпил четыре бутылки пива и умаял два гамбургера. Ему казалось, что у него не хватит сил подняться в спальню. Когда он все-таки добрал до кровати, то, морщась от боли, стащил с себя одежду, бросил ее на пол, рухнул на одеяло и мгновенно заснул.

Он так и не понял, было ли это сном: ночью он слышал пугающий шум, вой ветра, сдувавшего весь убранный накануне снег обратно на дорожку. Происходившее казалось явью; и еще он как будто уловил другой звук — что-то напоминающее музыку в завывании ветра. Льюис подумал: «Мне это снится». Но когда он поднялся с постели, мышцы его ныли и голова кружилась. Он подошел к окну, выходящему с бокового фронтона дома на крышу бывшей конюшни и первую треть его дорожки. Полная на три четверти луна висела над унылыми голыми ветвями. Следующее, что Бенедикт заметил, настолько напоминало сценку из какого-нибудь курьезного фильма, что так любил Рикки, что позже он, как ни пытался, не мог в деталях описать увиденное. Разгулялся ветер, чего Льюис и опасался, и прозрачные лоскутья поземки начали понемногу заметать его дорожку. Все вокруг было контрастно черно-белым. Человек в одежде менестреля стоял на вершине сугроба. Он играл на саксофоне. Льюис смотрел, и ничто в затуманенном рассудке не подсказывало ему увидеть в происходящем какой-то смысл. Музыкант выдул несколько едва слышных тактов, опустил саксофон и подмигнул. Его кожа казалась одного цвета с черным небом;

словно невесомый, он стоял на снегу, в который должен был бы провалиться по грудь. *«Это не лесной дух, Льюис, он не зарится на твою собственность, на твои подснежники и твоих дроздов; возвращайся в постель и спи спокойно»*. Но, одуревший от потрясения, Бенедикт продолжал смотреть, и ночной гость преобразился — и вот уже Джон Джеффри ухмылялся ему с призрачной сцены, с черными, как гуталин, лицом и руками и с контрастно белыми глазами и зубами. Льюис, спотыкаясь, вернулся в кровать.

После долгого горячего душа боль в мышцах немного улеглась, Льюис спустился вниз и с удивлением посмотрел из окна гостиной. Почти весь снег под деревьями у дома растаял, и стволы влажно блестели на солнце. Черные лужи пятнали мощеный двор от дома до самой конюшни. Со вчерашнего дня снежный покров потерял половину своей толщины. Оттепель продолжалась. Небо было безоблачным. Льюис обвел взглядом осевшие сугробы и покачал головой: опять сон. Это племянник Эдварда посеял в его голове мираж — по праву ведущего персонажа своей ненаписанной книги — видение чернокожего дирижера со странным именем. «Он заставляет нас грезить своими книгами и тянет из наших грез свои сюжеты», — подумал Льюис и улыбнулся.

Он пошел в прихожую, скинул мокасины и надел ботинки.

Набросив на плечи куртку, Льюис прошел через дом на кухню. Там он наполнил чайник холодной водой, поставил на плиту кипятиться и посмотрел в окно. Как и деревья перед домом, его лес влажно сверкал и искрился; сырой осевший снег лежал в низине, а дальше, под деревьями, он был белее. Пока закипает чайник, он сходит прогуляется, а затем вернется и позавтракает.

Выйдя из дому, Льюис удивился тому, как было тепло; более того, теплый воздух, казалось, служил ему защитой,

обволакивая безопасным коконом. Угрожающе манящий лес исчез — теперь стволы деревьев играли тускловатыми красками коры и лишайников, а снег под ними словно раскрасился пятнами и полосами светлой акварели; лес Бенедикта ничем не напоминал гравюрной четкости, как недавно.

Он вновь пошел по задней тропинке, широко шагая и глубоко дыша; ему казалось, что он слышит запах прелых листьев под снегом. Чувствуя себя молодым и сильным, с полной восхитительного воздуха грудью, Льюис сожалел, что так много выпил тогда у Сирса. И было глупо корить себя в смерти Фредди Робинсона; а шепоты и голоса, вызывающие к нему, — разве он не слышал их на протяжении стольких лет? Да это просто снег, подтаявший и упавший с ветки, — ничего не значащий шорох, которому его кающаяся душа придала значение.

Ему нужна была женщина — просто для компании, для беседы. Теперь, поскольку у них с Кристиной Барнс все закончилось, он мог пригласить Энни, светловолосую официантку из «Хэмфрис», — пусть приезжает к нему домой, они славно поужинают, и он послушает ее рассказы о художниках и книгах. Ее интеллигентный разговор снимет с Льюиса злые чары, тяготившие его все эти месяцы; а можно пригласить заодно и Анни, и пусть они обе поговорят о картинах и книгах — а он послушает. Ему, конечно, будет трудно поддерживать их беседу, но зато он узнает что-нибудь новенькое.

А затем он подумал: может, ему удастся на пару часов умыкнуть Стеллу Готорн — и аж дух захватило от предвкушения видеть ее, с прекрасным лицом и колючей натурой, сидящей за столом напротив.

Блаженный, Льюис повернул обратно и понял, отчего он всегда бежал этой тропкой в другом направлении: на обратном пути, состоявшем из двух частей под углом друг к другу, дом представлялся совсем рядом, хотя и не был виден. Если же бежать так, как он всегда делал, в нем дольше жила иллюзия, которой он забавлялся: один на один с

древним девственным лесом, раскинувшимся по всему континенту. Сейчас его окружали безмолвные деревья, и капель, и белый снег...

Два момента разрушили игру Льюиса в Даниэля Буна, проторяющего путь сквозь враждебную первозданную лесную пустыню, и с первым из них он столкнулся после десяти минут прогулки: он увидел крышу желтого масловоза (нижнюю часть его отрезало поле на горизонте) — машина шла в Бингемптон. Это совершенно не вязалось с образом Буна. Льюис повернулся и двинулся к дому, к двери, ведущей на кухню.

Сейчас он чувствовал, как проголодался, и похвалил себя за то, что не забыл купить бекон и яйца во время последней поездки в Милбурн. Оставалось поджарить и намолоть кофейные зерна, обжарить помидоры, приготовить тосты. После завтрака он позвонит девушкам и пригласит обеих к себе на ужин, и пусть они скажут ему, какие книги стоит почитать. А Стелла подождет.

Льюис уже был на полпути к дому, когда почувствовал запахи еды. Пораженный, он вскинул голову. Ошибки быть не могло: пахло его завтраком — в точности тем завтраком, который он себе вообразил. Кофе, бекон, яйца. «Ого,— подумал он,— Кристина». Вероятно, дождавшись, когда Уолтер уйдет на работу, а Питер — в школу, она села в свой пикап и приехала закатить сцену. У нее оставался ключ от задней двери.

Когда он подошел настолько близко, что дом уже маячил в просветах деревьев, запахи завтрака усилились. Льюис прибавил шагу, думая о том, как начать разговор с Кристиной. Это будет нелегко, особенно если сейчас она впала в состояние покорности и раскаяния, что подтверждали запахи завтрака, а значит... И тут, у последних деревьев, до Бенедикта дошло, что ее машины перед гаражом нет.

А, вот где она, должно быть, поставила машину: место парковки отсюда не просматривалось, оно было с другой

стороны, перед задней дверью — там обычно все и парковались. Однако на мощеном дворе не оказалось вообще никакой машины — он был пуст.

Льюис приостановился и внимательно оглядел серую каменную громаду своего жилища. Всего несколько деревьев отделяли его от дома, но на фоне большого строения они смотрелись совершенно незначительными — тонкие стебельки. На мгновение Бенедикту показалось, что дом стал выше и шире.

Легкий ветерок вновь принес запахи кофе и бекона, а Льюис все стоял и с удивлением глядел на дом, словно впервые; находчивый архитектор срисовал проект с изображения шотландского средневекового замка — причудливая серая твердыня влажно блестела, как и окружающие ее деревья. Долгожданный приют странствующего рыцаря, финал сказки. Льюис, в промокших ботинках и с урчащим от голода желудком, вгляделся в дом, и сердце его болезненно сжалось. Окна, забранные в старинные переплеты, играли солнечными бликами.

Это был замок мертвой, а не плененной принцессы.

Медленно Льюис приблизился к дому, выйдя из-под спасительного лесного крова. Он пересек мощный булыжником двор, где должна была стоять машина. Запахи еды стали теперь раздражающе сильны. Льюис осторожно открыл дверь на кухню, вошел.

Кухня была пуста, но здесь определенно кто-то похозяйничал. Повсюду виднелись следы чьей-то активности. Две тарелки стояли на кухонном столе — из его лучшего китайского сервиза. Полированные серебряные приборы помещались рядом с тарелками. Две свечи, незажженные, стояли в серебряных подсвечниках перед тарелками. Банка замороженного апельсинового сока истекала капельками рядом с миксером. Льюис повернулся к плите: пустые сковородки стояли на невключенных горелках. Запах еды был повсюду.

Чайник свистел, и Льюис снял его с плиты.

Два ломтика хлеба лежали рядом с тостером.

— Кристина? — позвал он, полагая не совсем логично, что это, должно быть, такая шутка.

Ответа не последовало.

Бенедикт снова повернулся к плите и понюхал воздух над сковородками. Бекон. Яичница с маслом. Не веря своим глазам, он притронулся рукой к металлу — холодный.

В отличие от кухни гостиная пребывала в нетронutom состоянии. Он взял книгу с подлокотника кресла и удивленно посмотрел на нее, хотя именно он оставил книгу на этом месте вчера вечером. Принюхиваясь к запахам еды, которую никто не готовил, Льюис немного постоял в гостиной, куда никто не входил, — словно эта комната была ему убежищем.

— Кристина? — позвал он. — Эй, кто-нибудь!

Наверху щелкнула, закрывшись, дверь.

— Кто здесь?

Льюис подошел к лестнице и посмотрел вверх.

— Кто там?

Солнечный свет лился из окна на площадку лестницы; тускло поблескивая, лениво крутились над ступенями пылинки. Тишина.

Льюис прокашлялся.

— Кто здесь?

Он все же решил подняться по лестнице. Дойдя до площадки, он, помедлив, заглянул в маленькое оконце: солнце, влажные деревья — и пошел вверх.

Коридор был светел, тих и пуст. Спальня Льюиса располагалась справа — убрав стену, он объединил в одну две прежние комнаты. Одна из старых дверей была заделана, вторая — заменена дверью с ореховой планкой искусной ручной работы. Из-за своей тяжелой медной ручки эта дверь закрывалась с характерным щелчком, и как раз этот звук он и слышал снизу.

Льюис стоял перед дверью, не в силах заставить себя открыть ее. Он опять кашлянул. Мысленным взором он

видел свою обширную спальню, ковер, тапочки у кровати, пижаму, брошенную на спинку кресла, окна, из которых смотрел сегодня утром. А страшился он одного: на кровати ему представлялось разложившееся за четырнадцать лет тело жены. Льюис поднял руку, чтобы постучать; задержал ее в дюйме от двери, опустил. И коснулся массивной дверной ручки.

Он все же заставил себя повернуть эту ручку. Замок, открываясь, щелкнул. Льюис закрыл глаза и толкнул дверь.

Открыв глаза, он обнаружил солнечный свет, льющющийся из окон, что были прямо напротив двери, пижаму в голубую полоску на спинке кресла... и зловоние разложившейся плоти.

«Добро пожаловать, Льюис».

Льюис храбро обошел дверь и шагнул в омут утреннего света, заливавшего комнату. Взглянул на пустую кровать. Жуткий запах улетучился так же мгновенно, как и возник. Теперь он слышал лишь легкий аромат срезанных цветов на столе у окна. Он подошел к кровати и нерешительно коснулся нижней простыни. Она была теплой.

Через минуту он стоял внизу с телефонной трубкой в руках:

— Отто. Ты не боишься егерей?

— Ах, Лью-исс. Завидев меня, они бегут без оглядки. Хороший денек, и ты решил погулять с собаками? Приезжай, лучше шнапсу выпьем.

— Да нет, давай лучше побродим, хорошо? — предложил Льюис. — Прощу тебя.

2

Когда прозвенел звонок, Питер вышел из класса и направился по коридору к своему шкафчику. В то время как большинство его одноклассников устремились в кабинет истории, он задержался в раздевалке, сделав вид, что ищет

учебник. Тони Дрекслер, его приятель, назойливо околачивался рядом, а потом наконец спросил:

— Есть новости от Харди?

— Нет,— сказал Питер, еще глубже наклоняясь в шкафчик.

— Он, наверно, уже в Гринвиче.

— Ну.

— Давно не попадал в историю. Уроки делал?

— Нет.

— Не свисти,— рассмеялся Дрекслер.— Ладно, я пошел.

Питер кивнул. Вскоре он остался один. Сложил учебники в шкафчике, забрал пальто, с лязгом захлопнул железную дверцу и побежал по коридору в туалет. Закрывшись в кабинке, он дождался звонка на урок.

Минут через десять Питер выскользнул из туалета. Коридор был пуст, и парень помчался к выходу. Никто не заметил, как он покинул школу.

В ста ярдах справа на грязном поле потели первоклассники на уроке гимнастики; две девчонки уже отработывали наказание — пробежку вокруг школьного стадиона. Никто не обратил на него внимания: школа включилась в размеренный ритм работы, подчиненный звонкам.

В квартале от Скул-роуд Питер свернул в переулок и оттуда направился окольными путями к центру, обходя стороной площадь и торговый квартал, пока не дошел до Андерхилл-роуд, ведущей к 17-му шоссе. Пройдя полмили по Андерхилл-роуд, он уже прилично удалился от города — вокруг начинались голые поля, вдали окаймленные лесом.

Когда показалось шоссе, юноша перелез через алюминиевое ограждение, перебежал через одну полосу трассы, переждал проходящие машины и перебежал через вторую. Там он поднял руку и пошел вдоль обочины.

Ему необходимо было встретиться с Льюисом — поговорить с ним о матери.

Питер представил себе, как он бросается на Льюиса, молотит кулаками по лицу этого красавчика...

Потом ему представился другой Льюис, улыбающийся, говорящий ему: мол, не волнуйся ни о чем, я вернулся из Испании не затем, чтобы сбивать с толку ваших мамочек.

Если б он слышал эти слова от Льюиса, он бы все рассказал ему о Джиме Харди.

Питер голосовал минут пятнадцать; наконец голубая машина притормозила около него. Средних лет мужчина, вытянувшись, открыл правую дверь:

— Куда тебе надо, сынок?

Он был коренаст, в помятом сером костюме с голубым галстуком, слишком туго затянутом. Рекламные брошюры в беспорядке валялись на заднем сиденье.

— Да просто вперед по шоссе, миль шесть-семь,— сказал Питер.— Я скажу, когда будем подъезжать.

Он забрался в машину.

— Вообще-то это противоречит моим принципам,— сказал мужчина, выруливая с обочины.

— Простите?

— Противоречит, говорю, моим принципам. Ездить автостопом довольно опасно, особенно для таких симпатичных ребят, как ты. Думаю, тебе не следует этим увлекаться.

В ответ Питер громко рассмеялся, удивив водителя и себя самого.

Машина остановилась у начала дорожки Льюиса, но водитель не отпустил его, не дав на прощание еще совет.

— Послушай меня, сынок. Никогда не знаешь, кто тебе встретится на этих дорогах. Это может быть какой угодно негодяй или извращенец.

Он ухватил Питера за руку в тот момент, когда парень открывал дверь.

— Обещай мне, что это в последний раз. Обещай мне, сынок.

— Хорошо, обещаю,— сказал Питер.

— Всевышний знает о твоём обещании,— возвестил мужчина и отпустил его руку.

Питер наконец выбрался из машины.

— погоди, сынок. Ещё секундочку...

Питер, в нетерпении переминаясь, ждал. Водитель тем временем, потянувшись, взял одну из брошюрок с заднего сиденья.

— Это поможет тебе, сын мой. Прочти и храни при себе. Здесь ты найдёшь ответ на все.

— Ответ?

— Верно. И покажи её своим друзьям.— Он вручил Питеру дешёвого вида брошюрку «Сторожевая Башня».

Машина укатила; Питер сунул брошюру в карман и повернулся к дорожке Льюиса. Глядя на неё, юноша подумал, что ещё ни разу толком не видел его дома — лишь серые пики издали мелькнули над лесом, когда он подъезжал. Сейчас, шагая по дорожке, он их не видел. Снег почти растаял, и дорога блестела, отражая солнце сотнями маленьких зеркал. Увидев верхушки башенок с шпоссе, Питер не подозревал, как далеко ему ещё идти и как глубоко в лесу прячется дом. Дойдя до первого поворота, когда уже можно было разглядеть часть фасада за деревьями, парень впервые задумался, что же он делает.

Он подошел ближе. Дорожка раздваивалась, и одна её ветвь убегала прямо к переднему фасаду, казавшемуся величиной с городской квартал. Окна в переплетениях рам блистали солнцем. Другое ответвление огибало дом и упиралось в мощный двор, окаймленный небольшим строением («Конюшня», — предположил Питер, видя лишь угол постройки). Он не мог представить себя вторгающимся в такое импозантное место: казалось, здесь можно неделю бродить, не находя выхода. Очевидность затворничества Льюиса, его непохожести на всех других ставило планы Питера под сомнение.

Входить сюда было равносильно вторжению в дом на Монтгомери-стрит.

Питер обошел дом сзади, пытаясь сопоставить размах серой громады с тем, что он знал о Льюисе. Для Питера, ничего не ведавшего об истории дома, он казался настоящим королевским дворцом: он требовал совершенно иного восприятия своего владельца. А с тылу дом все-таки казался скромнее: дверь на кирпичном крыльце, простая, «домашняя», деревянная отделка стен конюшни — в такой обстановке юноше было уютнее. Но едва он обратил внимание на две тропинки, убегające в лес, как услышал голос у себя в мозгу:

«А теперь, Питер, вообрази Льюиса в постели с твоей матерью. Представь себе его лежащим на ней».

— Нет,— прошептал он.

«Пофантазируй, Питер, — как она, обнаженная, двигается под ним. Представь...»

Питер замер, и голос сразу исчез. С шоссе на дорожку свернула машина. Должно быть, Льюис вернулся. Юноша сначала подумал: может, ему дождаться Бенедикта здесь, чтоб тот увидел его, подъезжая,— но машина быстро приближалась к дому, и Питера перестало волновать, заметит его Льюис или нет. Он побежал к конюшне и спрятался за углом. Пикап его матери выкатился на двор перед домом.

Питер тихонько застонал и услышал тихий смех, прошепелестивший вдоль деревянной стены конюшни. Затем он постарался успокоиться и увидел, как его мать выбирается из пикапа. Ее лицо было расстроенным, бледным, напряженным — и таким сердитым, каким Питер никогда его не видел. Из-за угла он наблюдал, как мать протянула руку в салон машины и дважды просигналила. Затем выпрямилась, обошла пикап спереди и направилась к маленькой двери в задней части дома. «Сейчас она постучит»,— подумал парень, однако, немного порывшись в сумочке, мать достала ключ и открыла дверь. Он услышал, как она зовет Льюиса.

Бенедикт объехал большую лужу на изрезанной колеями дороге, ведущей к сырной фабрике. Та представляла собой квадратный, похожий на бунгало, деревянный дом — Отто сам построил его здесь, в долине близ Эфтона, у подножья лесистых холмов. В вольерах за фабрикой таякали собаки.

Остановив машину у пандуса, служившего для погрузки продукции, Льюис вскочил на него, распахнул настежь металлические створки дверей и вошел в помещение фабрики. В нос ударил запах скисшего молока.

— Лью-исс!

Отто стоял у противоположной стены маленького цеха, окруженный механизмами и аппаратами, и пробоval сыр в круглых деревянных формах. Когда формы наполнялись, его сын Карл отвозил их на весы, записывал вес и номер формы, а затем складывал в углу. Отто сказал что-то Карлу и двинулся по деревянному полу навстречу Льюису, протягивая руку.

— Как я рад видеть тебя, дружище. Но, Лью-исс, ты выглядишь страшно усталым! Тебе точно нужно немножко моего домашнего шнапсу!

— А ты выглядишь крайне занятым,— сказал Льюис,— но я буду очень благодарен за угощение.

— Занятым! Не беспокойся о моей занятости. Карл теперь может обо всем позаботиться, правда, Карл? Он стал настоящим сыроваром. Почти как я.

Льюис улыбнулся, и Отто, хлопнув его по спине, захромал в конторку — крошечную пристройку у пандуса. Там он опустился в старинное кресло за столом, и пружины застонали; Льюис присел напротив.

— Сейчас, дружище,— Отто нагнулся и достал из ящика стола две рюмки и графинчик,— сейчас мы с тобой отведаем доброго напитка. Твои щеки снова порозовеют.

Он наполнил рюмки.

Спиртное обожгло Льюису горло, на вкус же оно напоминало нектар, собранный со всевозможных цветов.

— Восхитительно!

— Еще бы! Я сам его приготовил. Ты, конечно, захватил ружье, Лью-исс?

Тот кивнул.

— Ладно. Я думал, ты такой друг, что заходит навесить меня в конторе, и пьет мой шнапс, и ест мой чудный сыр...— Отто, оттолкнувшись, поднялся с кресла и шагнул к приземистому холодильнику.— Но который не перестает думать, как бы поскорее умотать в лес и кого-нибудь там подстрелить.— Он поставил на стол перед Льюисом головку сыра и разрезал ее на секции. Этот сыр был из особого ассортимента: Отто называл его своим именем.— Теперь отвечай: я прав?

— Ты прав.

— Я тоже так думаю. Но это прекрасно, Лью-исс. Я купил новую собаку. Очень хорошую собаку. Эта собака видит на две-три мили, а чует — за все десять! Кажется, скоро я поручу этой собаке выполнять работу Карла.

Сыр был так же прекрасен, как и шнапс Отто.

— А тебе не кажется, что в лесу сыровато для собаки?

— Нет, нет! Под такими огромными деревьями не будет сыро. Мы с тобой отыщем настоящую дичь! Может, даже и лису, а?

— И ты не боишься егелей?

— Нет! Завидев меня, они бегут прочь! Они говорят: «У! У! Это тот самый сумасшедший старый немец — да еще с ружьем!»

Сидя в его конторке с рюмкой крепчайшего ароматного бренди, с восхитительным вкусом во рту и слушая похвалу Отто Грюбе, Льюис подумал, что Отто для него — нечто вроде альтернативы Клубу Фантазеров: менее сложная, но такая же ценная дружба.

— Пойдем посмотрим на собачку,— предложил он.

— Посмотрим, а? Лью-исс, когда ты увидишь мою новую собаку, ты падешь перед ней на колени и попросишь ее руки!

Они оделись и вышли из конторки. На пандусе Льюис заметил высокого тощего паренька примерно одних лет с Питером Барнсом. На нем были фиолетовая рубашка и джинсы в обтяжку, он складывал тяжелые формы под погрузку. Какое-то мгновение он смотрел на Льюиса, затем наклонил голову и улыбнулся.

По дороге к вольерам Льюис спросил:

— Ты нанял помощника?

— Да. Видел его? Это тот бедняга, что обнаружил тело старушки, хозяйки лошадей. Она жила неподалеку от тебя.

— Ри Дэдам.— Он посмотрел через плечо: паренек продолжал смотреть на него с полуулыбкой. Льюис слотнул. И отвернулся.

— Я... Он очень переживал и больше не мог там жить, он очень впечатлительный юноша, Лью-исс, и он снял комнату в Эфтоне, а меня попросил взять его к себе на работу. Ну, я и вручил ему метлу и разрешил прибирать, чистить оборудование, складывать сыр. Но это временно, после Рождества нам будет не потянуть еще одного работника.

Ри Дэдам, Эвард и Джон — это преследовало его даже здесь.

Отто выпустил новую собаку из вольера и присел перед ней на корточки. Это была гончая — серая, худощавая, с мускулистыми плечами и ляжками. Сука не тявкала, как другие собаки, и не прыгала от радости, что ее выпустили, — она стояла рядом с Отто, настороженно осматриваясь голубыми глазами. Льюис тоже склонился погладить ее, собака позволила ему это и обнюхала его ботинки.

— Познакомься: Флосси, — сказал Отто. — Ничего собачка, а? Ты моя красавица! Флосси, какая ж ты красавица. Ну что, взять тебя с нами, моя Флосси?

Впервые сука подала признаки оживления, опустив голову и замотав хвостом. Хорошо обученное животное, угощение Отто, близость леса и запах сыроварни — все это, казалось, отделяло Льюиса от паренька в голубых джинсах позади и от Клуба Фантазеров, словно притаившегося за спиной этого паренька, и он произнес:

— Отто, я хочу рассказать тебе одну историю.

— Ja? Хорошо. Расскажи, Лью-исс.

— Я хочу рассказать тебе о том, как умерла моя жена.

Отто вскинул голову и мгновение очень напоминал гончую, сидевшую у его ног:

— Ja... Хорошо.— Он кивнул и в задумчивости почесал пальцем собаку за ушами.— Ты расскажешь, когда мы будем в лесу, через часок, хорошо? Я рад, Лью-исс. Я рад.

Свое хобби Отто с Льюисом называли охотой на енота, и Грюбе всегда радостно возбуждался, когда заходила речь о возможности встретить лису, — однако вот уже, по крайней мере, год им не удавалось никого подстрелить. Ружья и собака являлись лишь поводом для долгой прогулки по лесу, начинавшемуся сразу за сыроварней; для Льюиса это занятие, хотя и более насыщенное, было сродни его ежедневным утренним пробежкам. Иногда приятели падали из ружей, иногда одна из собак загоняла кого-нибудь на дерево — может, Льюису и удалось бы сделать удачный выстрел, но Отто, глядя на загнанного, сердитого зверька высоко на ветке, обычно смеялся:

— Да брось, Лью-исс, он такой симпатичный, давай поищем кого пострашнее.

Льюис подозревал, что, если они попробуют поступить так же и сегодня, им придется сначала как-то объяснить все Флосси. Четвероногая красавица выглядела исключительно деловой. Она не гонялась за птицами или белками, как добрая половина других собак, а трусила перед охотниками, поводя из стороны в сторону опущенным носом и помахивая хвостом.

— Флосси готовит нам работу,— сказал Льюис.

— Я. Я отдал двести долларов не для того, чтоб выглядеть дураком рядом с ней, а?

По мере того как они, поднявшись из долины, углублялись в лес, Льюис чувствовал себя все менее напряженным. Отто посылал собаку вперед, посвистывая ей, подавая команду забегать подальше, потом снова свистел, подзывая ее.

Теперь они шли уже густым лесом. Как и предсказывал Отто, здесь было холоднее и суше, чем в долине. На открытых участках снег таял и бежали ручейки; там же, где он еще лежал, земля чавкала под ногами и проступала мутная жижа, однако под кронами хвойных деревьев снег оставался нетронутым — словно и не было оттепели. Льюис порой минут на десять терял из виду Отто, потом снова ловил взглядом его красный жилет, мелькавший за пушистой хвоей, и слышал, как приятель разговаривает с собакой. Льюис вскинул «ремингтон» к плечу и прицелился в шишку; гончая сорвалась и метнулась вперед, ища след.

Спустя полчаса, когда она что-то учуяла, Отто уже слишком устал, чтобы следовать за ней. Собака вдруг залаяла и метнулась вправо от них. Отто опустил свой мушкетон и сказал:

— А, да отпусти его, Флосси, пусть бежит.

Гончая заскулила, обернулась на них, словно не веря своим ушам: «Да что ж вы, клоуны, вытворяете?» Затем, опустив хвост, поплелась обратно. Не дойдя до людей десяти ярдов, села и начала вылизывать ляжку.

— Флосси послала нас подальше, — усмехнулся Отто, — мы не ее класса. Отпей глоточек. — Он протянул фляжку Льюису. — Пора согреться, а, Лью-исс?

— Не мог бы ты соорудить здесь костер?

— Конечно. Только что проходил мимо замечательной валежины — здесь полно сухих веток. Пойду схожу, а ты пока разгреби снег до земли и приготовь кремьень и кресало.

Видя, что до вершины холма осталось всего ярдов двадцать, Льюис решил подняться туда, пока Отто собирает валежник. Флосси, потеряв ко всему интерес, наблюдала, как он, спотыкаясь, карабкается к вершине.

Оглядевшись там, Бенедикт удивился: он никак не ожидал, что они забредут так далеко. Внизу, вдоль заросшего лесом подножья холма, серела лента автострады. На другой ее стороне тоже темнел лес, однако и шоссе, и редкие машины все портили — они нарушали столь хрупкое спокойствие Льюиса.

Между тем сам Милбурн настиг его даже тут: в одной из несущихся по автостраде машин он узнал автомобиль Стеллы Готорн.

— О господи,— пробормотал Льюис, глядя, как ее «вольво» мчится в его направлении. И машина, и сидевшая за рулем женщина снова вернули его в сегодняшнюю ночь и утро. С таким же успехом он мог бы поставить палатку на городской площади; даже здесь, далеко в густом лесу, Льюису слышались шепоты Милбурна. Поворотник машины замигал, и Стелла свернула на парковочную площадку у шоссе. Немного погодя туда же подъехала вторая машина и остановилась рядом. Из нее вышел мужчина, подошел к окну со стороны Стеллы и стучал в него до тех пор, пока та не открыла ему дверь.

Льюис отвернулся и стал спускаться по скользкому склону к Отто.

Костер уже начал разгораться. На дне выкопанной в снегу лунки, в объятиях очага из круглых камней, маленький огонек лизал сухой мох и сучья. Грюбе подложил веточку потолще, затем еще одну, затем сразу несколько — и вокруг одного язычка появилась еще дюжина собратьев. Поверх Отто соорудил из толстых сучков пирамидку высотой около фута:

— Ну вот, Лью-исс,— сказал он,— теперь можешь согреть руки.

— А шнапс остался?

Льюис взял фляжку и присел рядом с приятелем на толстый ствол упавшего дерева. Порывшись в карманах, Отто достал домашнюю сардельку, разрезанную на две аккуратные половинки. Одну он дал Льюису, а вторую отправил в рот. Огонь уже охватил пирамидку, и Бенедикт чувствовал, как костер греет лодыжки сквозь кожу ботинок. Вытянув ноги и руки к огню и дожевывая сардельку, он начал:

— Как-то вечером мы с Линдой отправились на ужин в один из домиков принадлежавшего мне гостиничного комплекса. Она не дожидая до утра. Отто, мне кажется, то, что убило мою жену, сейчас преследует меня.

4

Питер поднялся из-за угла конюшни, пересек двор и заглянул в окно кухни. Сковородки на плите, круглый стол накрыт на двоих: вероятно, маму пригласили на завтрак. Парень слышал ее шаги где-то в глубине дома — наверное, она искала Льюиса Бенедикта. И что же мать будет делать, когда выяснится, что его нет?

Конечно, ей ничего не грозит тут, убеждал он себя: это не *тот* дом. Она в безопасности. Вскоре она поймет, что Льюис уехал, и вернется домой. Но все происходящее было так похоже на недавнее, когда он смотрел в окно и ждал у двери, прислушиваясь, как другой человек бродит по пустому дому. Мама походит там немного и уедет домой. Он легонько толкнул дверь, убежденный, что она заперта, однако дверь приоткрылась на дюйм.

Нет, в этот раз он не будет входить. Слишком много он боялся — и меньше всего хотел, чтобы мать его тут заметила и ему пришлось бы придумывать оправдания своему присутствию в доме Льюиса.

Однако, если постараться, можно найти повод. Например, он хотел поговорить с Льюисом о... ну, например, о Корнелле. О студенчестве.

Он вспомнил вдруг, как разбитая голова Джима Харди сползала по стене, оставляя кровавую полосу.

Питер отдернул руку от двери и шагнул со ступеньки вниз на двор. Затем немного прошел вдоль задней стены дома, глядя на нее вверх и представляя, как мать рассерженно выговаривает ему, что не потерпит вранья ни о каком Корнелле и студенчестве.

Так и шел он вдоль стены, глядя вверх, а дом Льюиса, суровая серая крепость, казалось, не только не кончался, а следовал за ним. В окне дрогнула штора, и Питер замер. Кто-то стоял за ней, и этот кто-то не был его матерью. Он видел лишь белые пальцы, оттягивающие край тяжелой материи. Питер хотел побежать, но ноги не двигались.

Смутно различимый силуэт с бледными пальцами приблизил лицо к стеклу и знакомо ухмыльнулся. Джим Харди!

Из дома донесся крик матери.

Ноги Питера словно отпустил кто-то, и он рванулся через двор к заднему крыльцу, распахнул дверь, промчался через кухню и очутился в столовой. За широким дверным проемом просматривалась мебель гостиной, из окон лился свет.

— Мам! — Юноша бросился в гостиную. Два кожаных дивана стояли у камина, старинное оружие украшало стену. — Мама!

В комнату, улыбаясь, вошел Джим Харди. Он показал ему руки ладонями наружу, словно желая убедить Питера в своих мирных намерениях.

— Привет, — сказал Джим, но голос слышался чужой. Голос вообще был не человеческий.

— Ты умер, — произнес Питер.

— Знаешь, это так странно, — ответил лже-Харди. — Совершенно не помнишь, как все произошло. И совсем не чувствуешь боли, Пит. Даже почти приятно. Нет, правда, приятно. И уже не надо ни о чем волноваться. Никаких забот. Это большой плюс.

— Что ты сделал с моей матерью?

— О, да с ней все отлично! Он там с ней наверху. Тебе нельзя туда. А мне велели пока поболтать с тобой. Хи-хи!

Питер дико взглянул на стену, увешанную дротиками и пиками, но она была слишком далеко.

— Да ты просто не существуешь! — закричал он, чуть не плача. — Они убили тебя!

Барнс схватил лампу со столика у одного из диванов.

— Едва ли, — возразил Джим. — Ты ошибаешься, утверждая, что меня нет, поскольку вот он — я. Разве это не я только что сказал «привет»? Давай мы с тобой...

Питер со всей силы запустил лампу ему в грудь.

Пока лампа летела, Джим еще продолжал говорить:

— ...присядем и...

Попав в него, лампа взорвалась облаком света, состоящим из маленьких молний, и врезалась в стену.

Питер пробежал через гостиную, почти рыдая от нетерпения и страха за мать. В дальнем конце комнаты он миновал арку, и его ноги заскользили по черно-белым изразцовым плиткам. Справа была массивная парадная дверь, слева — усталая ковровой дорожкой лестница. Питер метнулся вверх.

Добежав до первой площадки, он остановился: лестница кончилась. Впереди, в конце коридора, напоминающего галерею, он увидел подножие другой лестницы, ведущей, очевидно, в другую половину дома.

— Мама!

И тут он различил тихий всхлип — совсем рядом. Он повернулся к красивой двери спальни Льюиса и толкнул ее — и опять услышал жалобный стон матери. Питер влетел в комнату.

И замер. Незнакомец из дома Анны Мостин стоял у большой кровати. Полосатая пижама свисала с кресла. Мужчина был в черных очках и вязаной шапочке. Его руки сжимали горло Кристины Барнс.

— Мастер Барнс, — молвил он. — Как же вы, молодежь, осточертели, шляетесь всюду. И суете свои очаро-

вательные носики в чужие дела. Мне кажется, ты заслуживаешь порки.

— Мам, они не существуют, их нет! — сказал Питер умоляюще. — Только скажи — и он исчезнет!

Глаза матери вылезли из орбит, тело сотрясали конвульсии.

— Ты не слушай их, они влезают в голову и гипнотизируют.

— О, да не нужны нам такие сложности, — сказал незнакомец.

Юноша сделал шаг к столу у окна и взял вазу с цветами.

— Пацан! — скомандовал мужчина.

Питер согнул руку. Лицо матери посинело, язык вывалился. Его горло издало яростный мяукающий звук — и парень замахнулся на очкастого. Внезапно две холодные маленькие ручки сомкнулись вокруг его запястья. Удушливая волна смрада, вони давно сдохшего и полежавшего на солнце животного окатила его.

— Молодец, пацан, — сказал человек в очках.

5

ШАЯПНАЯ БУААВКА

Гарольд Симс сердито ввалился в машину, и Стелле невольно пришлось отодвинуться к двери.

— Ну, в чем дело? Что ты вытворяешь?

Стелла достала из сумочки пачку сигарет, прикурила и молча протянула пачку Гарольду.

— Я спрашиваю, в чем дело? Мне пришлось пилить двадцать пять миль, чтоб сюда добраться. — Симс оттолкнул ее руку.

— Вообще-то это была твоя идея встретиться. Во всяком случае по телефону это прозвучало именно так.

— Я имел в виду встретиться у тебя дома, черт возьми! И ты прекрасно это знаешь.

— А я передумала и назначила встречу здесь. Мог бы и не приезжать.

— Но я хотел тебя видеть!

— Тогда какая тебе разница — здесь или в Милбурне? Можешь и здесь все рассказать.

Симс врезал кулаком по приборной доске:

— Черт бы тебя побрал! На меня давят. И давят здорово. И я не хочу, чтоб еще ты мне создавала проблемы. Какой смысл было назначать встречу на этом богом забытом шоссе?

Стелла взглянула на него:

— О, мне кажется, здесь очень мило. А тебе? Такая красота кругом. Но, отвечая на твой вопрос, скажу: все дело в том, что я не хочу, чтоб ты приходил в мой дом.

— Ты не хочешь, чтоб я приходил в твой дом,— повторил он и какое-то мгновение выглядел настолько глупо, что Стелла поняла: она для него осталась полной загадкой. Мужчины, не понимающие ее, были ей совершенно не нужны.

— Именно,— сказала она мягко,— не хочу.

— Но, боже мой, можно же было встретиться где-нибудь в баре, в ресторане, или ты могла бы приехать в Бингэмптон...

— Я хотела, чтоб нам не мешали.

— Ладно, сдаюсь,— поднял он руки.— Похоже, тебя совершенно не интересуют мои трудности.

— Гарольд, уже на протяжении нескольких месяцев я только и слышу, что о твоих проблемах и трудностях, и все это время я выслушиваю тебя очень внимательно.

Он резко и шумно выдохнул, накрыл ладонью ее руку и сказал:

— Давай уедем? Я хочу, чтоб ты уехала отсюда со мной.

— Это невозможно.— Стелла погладила его ладонь, затем убрала руку.— Даже и не думай, Гарольд.

— Тогда после Нового года. В этом случае у нас будет достаточно времени, чтоб поставить в известность Рикки.— Симс снова сжал ее руку.

— Оказывается, ты не только грубиян, ты еще и наивен. Тебе сорок шесть. Мне шестьдесят. И у тебя здесь работа...— У Стеллы было такое чувство, словно она говорит с одним из своих детей. На этот раз она довольно решительно убрала свою руку и положила ее на руль.

— О проклятье! — простонал Симс.— О черт! О дьявол! Да, мой контракт истекает в конце года. Факультет не дает мне рекомендацию на повышение, а это означает, что я должен уйти. Холцз меня сегодня обрадовал. Он сказал, что ему очень жаль, что это он придумал новое направление в исследовательской работе, а я, видите ли, не очень удачно вписываюсь в коллектив. А еще, мол, у меня слишком мало научных публикаций. Ну да, я уже два года ничего не публиковал, но это не моя вина, ты знаешь. Я приготовил три статьи, а любой другой антрополог в стране публикует...

— Я уже все это слышала,— прервала Стелла. Она придавила окурок в пепельнице.

— Ну, да... Но сейчас это особенно важно. Эти молоко-сосы просто подсиживают меня. Самый шустрый из них собирается в следующем семестре поехать пожить в индейской резервации и заключить контракт с издательством «Принстон Юниверсити Пресс», а у Джонсона вот-вот выходит книга, и... В общем, надо мной топор.

— То есть не хочешь ли ты сказать, Гарольд, что предлагаешь мне бежать с тобой в тот момент, когда ты практически остаешься без работы?

— Я хочу, чтоб ты была со мной.

— И куда ты собрался?

— Не знаю. Может, в Калифорнию.

— О, Гарольд, ну нельзя же быть таким невыносимо банальным! — взорвалась она.— Ты хочешь жить в автофургоне? Питаться бутербродами? Вместо того, чтобы плакаться мне, тебе следовало бы строчить письма, резюме, искать работу! И почему ты считаешь, что я с радостью брошу все и буду нищенствовать с тобой? Я была

твоей любовницей, но не женой.— Она помедлила, но все же добавила: — И слава богу.

— Я не могу без тебя,— приглушенно произнес Гарольд.

— Да это просто смешно.

— Не могу, поверь, просто не могу без тебя.

Стелла видела, что он с трудом сдерживает слезы.

— А сейчас ты не просто банален, ты к тому же и очень жалеешь себя. Как ты себя жалеешь, Гарольд! Я долго этого не понимала, но недавно, думая о тебе, я представила тебя с плакатом на груди: «Достойный сожаления». Согласись, Гарольд, в последнее время наши отношения совсем разладились.

— Что ж, если я так тебе противен, зачем ты продолжаешь встречаться со мной?

— Просто у тебя было мало конкурентов. И, кстати, встречаться с тобой я больше не намерена. В любом случае ты будешь слишком занят поисками работы, чтобы удовлетворять моим капризам. И я буду слишком занята ухаживанием за мужем, чтобы выслушивать твои жалобы.

— За мужем? — переспросил Симс, уже просто ошеломленный.

— Да. Он значит для меня намного больше, чем ты, а в настоящий момент он очень нуждается в моей помощи. Так что, боюсь, все кончено. Больше я тебя не увижу.

— Этот высохший, маленький... эта старая кляча?... Да не может быть!

— Поосторожней! — предупредила Стелла.

— Да он такой ничтожный... незначительный! — взвыл Симс.— И ты столько лет дурачишь его!

— Все, хватит. Он какой угодно, только не высохший, и я больше не намерена слушать, как ты оскорбляешь его. Если и был у меня экспериментальный подход к мужчинам в течение моей жизни, то Рикки всецело удовлетворяет ему — чего, осмеливаюсь сказать, тебе никогда не удастся, а если я кого и дурачила — так это только саму

себя. Я думаю, мне пора в отставку — в респектабельность и в границы светских приличий. И еще. Если ты не в состоянии понять, что Рикки раз в пять тебя значительно, — значит, ты просто обманываешь себя.

— Господи, да ты, оказывается, можешь быть настоящей сукой, — сказал Гарольд, и его маленькие глазки расширились, насколько это было возможно.

Она улыбнулась:

— «Ты самое ужасное и жестокое существо, какое я когда-либо знала», — как сказал Мелвин Дуглас Джоане Кроуфорд. Не помню, правда, как называется тот фильм, но Рикки в восторге от этой фразы. Почему бы тебе не позвонить ему и не узнать название картины?

— Да-а, представляю, каково было тем мужикам, которых ты превращала в собачье дерьмо.

— Некоторые из них потом довольно успешно трансформировались в мужиков.

— Сука ты... — Рот Гарольда опасно утончился.

— Знаешь, как и все мужчины, необычайно жалеющие себя, ты очень груб, Гарольд. Пожалуйста, выйди из моей машины.

— Ты рассердилась, — поразился он. — Я остаюсь без работы, ты бросаешь меня — и ты еще сердисься?

— Да. Пожалуйста, выйди, Гарольд. Возвращайся в свой маленький эгоистичный раек.

— Я могу. Могу и уйти прямо сейчас... — Он подался вперед. — А могу и силой заставить тебя делать то, что тебе всегда так нравилось.

— Понятно. Ты угрожаешь изнасиловать меня, Гарольд?

— Это больше, чем просто угроза.

— Ага, это обещание, не так ли? — спросила Стелла, впервые увидев в его облике звериную жестокость. — Ну что ж, прежде чем ты начнешь слюнявить меня, я тебе тоже кое-что пообещаю. — Стелла подняла руку к лацкану и вытащила из-под него длинную шляпную булавку: она уже много лет не расставалась с ней — с того дня, как

однажды какой-то мужчина целый день, пока она ездила по магазинам, следовал за ней.— Если ты сделаешь хоть одно движение ко мне, я обещаю воткнуть эту штуковину тебе в шею.— И улыбнулась такой улыбкой, которая не оставляла сомнений в ее решительности.

Симс подскочил на сиденье, словно ужаленный, и, выбравшись из машины, с силой хлопнул дверью. Стелла подала «вольво» назад, переключила скорость и вылетела на полосу.

— Проклятье!! — Гарольд ударил кулаком в ладонь.— Чтоб ты разбилась!

Он поднял камень с обочины и швырнул его через шоссе. Какое-то время Симс стоял, тяжело дыша.

— Господи, ну и сука! — Он запустил пятерню в густые волосы.

Он был слишком разозлен, чтобы ехать в такую даль в университет. Гарольд стоял и смотрел на лес, что вздымался сразу за кюветом, на круглые ледяные лужицы меж деревьев, на четыре полосы шоссе, которое поднималось по подсыхающему склону холма.

6

РАССКАЗ

— Мы только что поругались,— продолжал Льюис.— Ссорились мы редко, но когда это все же случалось, чаще не прав был я. На этот раз ссора произошла оттого, что я уволил одну из служанок. Это была девушка из деревни близ Малаги. Мне уже не вспомнить ее имени, помню лишь, что она была со странностями, а может, мне лишь так казалось...— Он кашлянул и подвинулся к огню поближе.— А уволил я ее из-за того, что она помешалась на оккультизме. Она верила в колдовство, в злых духов — типичный спиритизм испанских крестьян. Собственно, увлечение этой девицы мало меня тревожило, хотя она постоянно пугалась, видя во всем знамения: птиц на лу-

жайке, неожиданный дождь, разбитый стакан — такие вот знамения. Причиной для увольнения послужил ее отказ прибирать в одной из комнат отеля.

— Да уж, чертовски уважительная причина,— вставил Отто.

— Я тоже так думал. Но Линда сочла, что я был несправедлив к девушке. Прежде она никогда не отказывалась убирать в этой комнате. Девушку чем-то расстроили постояльцы, она сказала, что они злые или что-то в этом духе. Звучало это абсурдно.

Льюис сделал еще один глоток из фляжки, а Отто подложил ветку в костер. Флосси подошла ближе и легла у самого огня.

— А эти постояльцы — они были испанцами, Льюисс?

— Американцами. Женщина из Сан-Франциско по имени Флоренс де Пейсер и маленькая девочка, ее племянница. Алиса Монттомери. Прелестная малышка лет десяти. И с ними была служанка, метиска по имени Росита. Они занимали большие апартаменты на верхнем этаже. Знаешь, Отто, трудно представить себе более жуткую троицу. Несомненно, Росита была в состоянии следить за чистотой помещения, и она, скорее всего, так и делала, но в обязанности нашей служанки входила уборка, а потому раз в день она должна была заходить к ним. И вот однажды она отказалась сделать это... В общем, я уволил девицу. Линда же требовала, чтобы я изменил график дежурств — так, чтобы другая убирала у них.

Льюис усталился на огонь.

— Люди слышали, как мы тогда ссорились, и это тоже было редкостью. Мы были не в доме — в розовом саду, и, кажется, я кричал. Мне тогда казалось, что это дело принципа. И Линде — тоже. Разумеется... я вел себя глупо. Надо было переделать график, как просила Линда. Я заупрямился — через день-другой жена бы наверняка меня отговорила, однако она не дождалась... — Льюис откусил кусочек сардельки и медленно жевал его, какое-то время не

чувствуя вкуса.— В тот вечер миссис де Пейсер пригласила нас на ужин к ним в номер. Обычно мы ели у себя, стараясь не попадаться на глаза постояльцам, но время от времени кто-то из них приглашал нас на ленч или ужин. Я подумал, что миссис де Пейсер хочет продемонстрировать нам свое великодушие, и дал согласие.

Этого делать не стоило. Я был таким уставшим — просто без сил. В тот день свалилось, как никогда, много работы. Помимо тяжелого спора с Линдой, я еще помог перегрузить двести ящиков вина с машины на склад и днем отыграл обязательные встречи в нашем теннисном турнире. Все, что мне следовало сделать,— это наскоро перекусить и завалиться спать, а мы пошли к ним ужинать; это было около девяти часов. Миссис де Пейсер предложила нам напитки, затем мы договорились с официантом, что еду он подаст без пятнадцати десять. Росита нас обслужит за столом, а официант вернется в ресторан.

Ну, вот... Я прикончил один стакан, и голова пошла кругом. Флоренс де Пейсер дала мне еще один, после чего я годился лишь на то, чтоб попытаться побеседовать с Алисой. Она была милой девочкой, но никогда не заговаривала первой. Чувствовалось, что она буквально напичкана благовоспитанностью,— она была настолько апатичной и вялой, что порой казалась туповатой. Видно, родители сплавляли ее на лето к тетушке.

Позже я начал подозревать, не подмешали ли мне в напиток какой-то гадости. Я довольно странно себя чувствовал: я точно не был пьян, мне не было плохо, но я чувствовал какую-то... раздвоенность, что ли. Словно парил над самим собой. Флоренс предложила нам прокатиться на ее яхте — конечно, мы стали отказываться. Линда обратила внимание, что мне нехорошо, однако миссис де Пейсер не придавала этому значения. Разумеется, я сказал, что чувствую себя прекрасно.

Мы сели ужинать. Я умудрился чуть перекусить, но испытывал сильнейшее головокружение. Алиса во время

еды не произнесла ни слова, но время от времени застенчиво поглядывала на меня, как на диковинку. Тогда я этого не почувствовал. Мои ощущения были совершенно непонятными: пальцы немели, челюсти — тоже, цвета окружающих предметов казались бледнее, чем на самом деле, и я абсолютно не ощущал вкуса еды.

После ужина тетушка отправила Алису спать. Росита принесла коньяк, к которому я не притронулся. Я был в состоянии говорить и, возможно, казался нормальным всем, за исключением Линды, но единственное, чего я хотел, — это поскорее лечь. Их номер, такой просторный, казалось, давил на меня — давил на нас троих, сидящих за столом. А миссис де Пейсер все говорила и говорила, удерживая нас.

Затем из спальни послышался голос девочки — она тихонько звала меня:

— Мистер Бенедикт, мистер Бенедикт! — снова и снова.

Миссис де Пейсер попросила:

— Будьте добры, сходите к ней. Вы ей так понравились.

— Конечно, — ответил я, — с радостью схожу и пожелаю ей спокойной ночи.

Но Линда меня опередила. Она поднялась из-за стола и сказала:

— Дорогой, ты слишком устал. Разреши, я подойду к ней.

— Нет, — возразила миссис де Пейсер, — ребенок зовет его.

Но было поздно. Линда уже подходила к спальне девочки.

А потом стало поздно и вообще для чего-либо. Линда вошла в спальню, и через секунду я понял: что-то не так, что-то жутко не так. Потому что оттуда не доносилось ни звука. Я ведь слышал полусшепот девочки, когда она звала меня, и я наверняка должен был слышать, как Линда говорит с ней. Это была самая оглушающая тишина в моей

жизни. Я был как в тумане, однако чувствовал, что миссис де Пейсер пристально смотрит на меня.

Тишина тикала, стучала, отсчитывала мгновения.

Я поднялся и пошел к спальне. Я был на полпути, когда Линда начала кричать. Это были жуткие крики... такие пронзительные... — Льюис покрутил головой. — Я ударом распахнул дверь и ворвался в комнату как раз в тот момент, когда услышал звон разбитого стекла. Линда замерла в окне, повсюду осколки. Потом она упала. Я был слишком потрясен и испуган, чтобы окликнуть, остановить ее. Секунду я не мог двигаться. Я смотрел на девочку, на Алису. Она стояла на кровати, прижавшись спиной к стене. На миг — менее чем на секунду — мне показалось, что она самодовольно ухмыляется, глядя на меня.

Я подбежал к окну. За спиной раздались рыдания Алисы. Увы — помощь Линде уже была не нужна. Мертвая, она лежала на асфальте дворика. Маленькая кучка людей, вышедших из ресторана после ужина подышать вечерним воздухом, обступила ее тело. Некоторые посмотрели наверх и увидели меня, высовывающегося из разбитого окна; женщина из Йоркшира закричала.

— Она решила, что ты столкнул ее, — предположил Отто.

— Да. Она доставила мне много неприятностей, когда позже давала показания в полиции. Я мог провести остаток жизни в испанской тюрьме.

— Лью-исс, а эта миссис де Пейсер и маленькая девочка — разве они не объяснили, как все произошло на самом деле?

— Они сразу выписались. У них было забронировано еще на неделю, однако, пока меня допрашивали в полиции, они собрались и уехали.

— И полиция не пыталась найти их?

— Не знаю. Я их так и не нашел. И еще одну странную вещь я тебе скажу, Отто. У этой истории был просто анекдотичный финал. Выписываясь и оплачивая счет за гостиницу, миссис де Пейсер предъявила карточку «Америкэн

Экспресс». Она произнесла перед клерком маленькую речь — будто очень сожалеет, что вынуждена уехать, что очень хотела бы как-то помочь мне, но это невозможно, так как она и Алиса испытали такое потрясение, что не в силах здесь оставаться. Через месяц мы получили уведомление от «Америкэн Экспресс» о том, что карточка недействительна. Настоящая миссис де Пейсер давно умерла, и компания не вправе начислять новые долги на ее счет.— Льюис, как ни странно, рассмеялся. Одна из прогоревших веток упала на угли, взметнув облачко искр над снегом.— Она надула меня,— сказал он и вновь рассмеялся.— Вот и все. Как тебе моя история?

— Я бы сказал, это очень американская история,— ответил Отто.— Тебе следовало расспросить ребенка, что у них там произошло,— по крайней мере, почему она стояла на кровати.

— Да неужто я не спрашивал?! Я схватил ее и встряхнул, как куклу. Но она лишь плакала. Затем я потащил ее к тете так быстро, как только мог. Другой возможности поговорить с ней у меня не оказалось. Отто, почему ты сказал, что это очень американская история?

— Потому, мой друг, что в твоём рассказе сплошные призраки. Даже кредитная карточка. А сам рассказчик — больше всего. И это, мой друг, и называется *echt Amerikanisch*.

— Ну, не знаю...— произнес Льюис.— Отто, я схожу прогуляюсь немного. Просто похожу вокруг пару минут, не возражаешь?

— Захватишь свое модное ружьецо?

— Да нет, никого убивать я не собираюсь.

— Возьми с собой бедняжку Флосси.

— Отлично. Пойдем, Флосси!

Собака вскочила, снова напряженная и настороженная, и Льюис, который теперь был просто не в силах сидеть спокойно и делать вид, что его совершенно не тревожат нахлынувшие воспоминания, медленно углубился в лес.

СВИДЕТЕЛЬ

Питер Барнс, едва не теряя сознание от трупного смрада, выронил вазу. Он услышал визгливое хихиканье; его запястье замерзло, схваченное не видимым ему «пацаном». Уже зная, кого он увидит, парень обернулся. Тот самый мальчик, что сидел тогда на плите, держал его запястье обеими руками и смотрел Питеру в лицо с тем же идиотским весельем. Провалы его глазниц были пусты и золотисто-желты.

Питер ударил его свободной рукой, не сомневаясь, что тщедушный вонючий ребенок тоже разлетится на мелкие брызги, как «Джим Харди». Однако мальчишка уклонился от удара и сделал ему подсечку — Питеру показалось, что по лодыжкам врезали кувалдой. Он упал.

— Присмотри за ним, шалун,— сказал мужчина.

Мальчишка подскочил сзади, ухватил голову Питера ледяными руками и с силой развернул его. От вони резало глаза. Питер понял, что лицо мальчика было прямо за его затылком, и закричал:

— Пусти меня!

Но руки, сжимавшие голову, сдавили еще сильнее.

— Пусти!! — взвыл он, на этот раз испугавшись, что его череп треснет.

Глаза матери были закрыты. Язык высунулся еще больше.

— Ты убил ее,— выдавил Питер.

— О, нет, она еще не умерла,— сказал мужчина.— Она всего лишь без сознания. Она нам нужна живой, правда, Фэнни?

За спиной Питера раздалось жуткое повизгивание.

— Ты задушил ее,— пробормотал он.

Давление рук немного ослабло, однако ему все еще казалось, что голова зажата в тисках.

— Пока не насмерть,— сказал очкастый, придав голову насмешливо-педантичное выражение.— Я, вероятно,

чуть сильнее положенного придавил ей кадык, и у бедняжки сейчас очень болит горлышко. У нее такая красивая шея, не правда ли, Питер?

Он опустил одну руку и удерживал Кристину Барнс другой, словно женщина весила не больше кошки. На открывшейся части шеи проступали огромные багровые подтеки.

— Не мучай ее,— попросил Питер.

— Боюсь, не получится. И единственное, о чем я сейчас мечтаю,— это проделать то же и с тобой. Оказать тебе маленькую услугу. Но наш покровитель — очаровательная женщина, чей дом вы с дружкой взломали,— решила приберечь тебя для себя. В настоящий момент она занята другим делом. Впрочем, большие наслаждения еще ждут тебя, мастер Барнс,— тебя и твоих друзей постарше. Однако к тому времени никто из вас уже не будет в состоянии понимать, что происходит, и никто из вас не будет в состоянии сознавать, сеете ли вы или жнете,— так, мой придурочный братишка?

Мальчонка больно сжал юноше голову и радостно заржал.

— Что же ты есть? — спросил Питер.

— Я — это ты, Питер,— продолжал мужчина, по-прежнему держа мать одной рукой.— Все так удивительно просто, не правда ли? Естественно, это не единственный ответ. Человек по имени Гарольд Симс, знакомый с твоими старшими друзьями, несомненно назвал бы меня «Маниту». Мистеру Дональду Вандерлею сказали, что меня зовут Грегори Бентон и что я родился в Новом Орлеане. Да, я провел несколько веселых месяцев в Новом Орлеане, но не могу утверждать, что я родом оттуда. При рождении мне дали имя Грегори Бэйт, под этим именем меня и знали до самой моей смерти в 1929 году. К счастью, я вошел в соглашение с изумительной женщиной, Флоренс де Пейсер, убивавшей меня своим пренебрежительным отношением, что меня очень настораживало и

пугало. А чего боишься ты, Питер? Ты веришь в вампиров? Или в оборотней?

Звучный голос все тек и тек в сознание Питера, убаюкивая, успокаивая и завораживая его, и он не сразу понял, что ему задали прямой вопрос.

— Нет,— прошептал он.

«Лжец!» — пронеслось в голове в ответ. Мужчина, державший его мать за горло, вдруг переменялся, и Питер каждой клеточкой осознал, что он смотрит не просто на зверя, а на сверхъестественное существо в образе зверя, чье назначение — лишь убивать, сеять ужас и хаос и отнимать жизнь самым зверским способом, какой только возможен. Юноша видел, что в этом существе нет ни капельки человеческого — лишь телесная оболочка, когда-то им присвоенная. И еще он смог разглядеть, что столь разрушительная сила этому зверю не подвластна, как не подвластен хозяин своей собаке, и другой, исполненный зла, разум направляет их действия. Все это Питер понял в течение секунды. И следующий миг принес еще более мрачное откровение: во всей этой черноте жило некое фатальное очарование.

— Я не... — промямлил он дрожа.

— Да нет, веришь. — Оборотень надел черные очки. — Я отлично вижу, что веришь. Я мог бы с легкостью стать вампиром. Это даже импозантнее. И, пожалуй, ближе к правде.

— Что же ты на самом деле? — снова спросил Питер.

— Ну... можешь называть меня Доктором Рэбитфуттом, — ответил тот. — А можешь — Ночным Сторожем.

Питер моргнул.

— А теперь, боюсь, нам придется вас покинуть. Нашей покровительнице нужно успеть подготовить встречу с тобой и твоими приятелями. Но перед уходом нам необходимо утолить голод. — Оборотень сверкнул ослепительно белыми зубами. — Держи его очень крепко! — скомандовал он, и голову Питера страшно сдавило. Юноша закричал.

Продолжая улыбаться, очкастый притянул Кристину Барнс к себе и впился в ее шею зубами. Питер дернулся, но ледяные маленькие ручки мертвой хваткой удерживали его. Оборотень начал есть.

Питер пытался кричать, но державший его мертвый мальчишка закрыл ему рот ладонью, прижав голову пленника к своей груди. От запаха мертвечины, от ужаса и отчаянья, от страха быть раздавленным ледяными ладонями и еще большего страха за мать юноша потерял сознание.

Очнулся он в одиночестве. Запах разложения еще реял в воздухе. Питер застонал и с трудом поднялся на колени. Ваза, что он уронил, лежала на боку рядом. Цветы, по-прежнему прекрасные, рассыпались веером по ковру. Поднеся руки к лицу, он почувствовал, что от них все еще пахнет мертвецом, державшим его. Барнс икнул, закашлялся.

Он выбежал из спальни в коридор в поисках ванной. Включив горячую воду, Питер тер и тер руки и лицо, намыливая их и смывая, вновь беря мыло и втирая его в ладони. Рыдания душили его. Мать была мертва: она приехала повидаться с Льюисом, а они убили ее. Они сделали с ней то же, что и с теми животными: это были неживые существа и питались они, как вампиры, кровью. Однако это были не вампиры и не оборотни — они лишь внушали подобную мысль. Давным-давно они продали свои души кому-то, кто теперь управлял ими. Питеру вспомнился зеленый свет, струившийся из-под двери, и его чуть не вырвало в раковину. Она была их хозяйкой. И эти создания являлись ее ночными сторожами. Питер намылил кожу вокруг рта мылом Льюиса и принялся с ожесточением втирать душистую пену, пытаясь заглушить вонь ладоней Фэнни.

Затем юноша вспомнил, как Джим Харди, сидя в загородном баре, спрашивал, хотел бы он увидеть Милбурн горящим,— и Питер понял: то, что может случиться с

Милбурном, будет пострашнее огня. Ночные сторожа будут методично разрушать город — превращать его в город-призрак — и уйдут, оставив после себя лишь зловоние смерти.

«Потому что именно этого они и хотят,— сказал себе Барнс, вспоминая лицо Грегори Бэйта,— единственное, чего они хотят,— разрушения». Перед мысленным взором встало напряженное лицо Джима Харди, лицо пьяного Джима и Джима, бросающегося к старому вокзалу; лицо Сонни Винутти с глазами навывкате; своей матери, выходящей из пикапа на мощеный двор. И с ужасом Питер вспомнил лицо маленькой актрисы на прошлогодней вечеринке, глядевшей на него с улыбкой на губах и равнодушными глазами.

Барнс уронил полотенце на пол.

Они и раньше появлялись здесь!

Помочь Питеру мог только один человек — тот, кому в голову бы не пришло, что он лжец или сумасшедший. Надо вернуться в город и увидеться с писателем, живущим в отеле.

И тут мысль о гибели матери вновь обрушилась на него, он заплакал... Однако времени лить слезы не оставалось. Юноша вышел в коридор, миновал красивую тяжелую дверь спальни.

— О мамочка,— сказал он,— я останавливаю их. Я поймаю их. Я...

Но слова эти были лишь мальчишеским вызовом. «Они хотят, чтоб ты именно так и думал».

Убегая по дорожке, Барнс не оглядывался на дом, но чувствовал, как он глядит вслед, насмехаясь над наивными намерениями молодого человека — словно зная, что свобода Питера была свободой цепной собаки. В любой момент его могли дернуть назад, сдавить шею, вышибить из него дух...

И, дойдя до места пересечения дорожки с шоссе, он понял причину этого чувства: на обочине стояла машина, и подвозивший его сюда свидетель Иеговы сидел в ней и

глядел на него. Фары мигнули Питеру — как два желтых глаза.

— Иди сюда,— позвал мужчина,— иди, сынок!

Питер рванулся через шоссе. Проезжавшая машина, завизжав покрышками, вильнула в сторону, другая резко затормозила; несколько автомобилей отчаянно загудели. Парень достиг разделительной полосы и перебежал на другую сторону. До него все еще доносился голос свидетеля:

— Вернись, сынок! Хуже будет.

Питер скрылся за придорожным кустарником. Сквозь шум движения он услышал, как свидетель завел двигатель, очевидно, намереваясь сопровождать его по пути в город.

8

Уже через пять минут после того, как он оставил Отто у костра, Льюис почувствовал усталость. Спину ломило от вчерашней уборки снега, ноги дрожали. Гончая трусила перед ним, вынуждая следовать за собой, а он мечтал спуститься с холма к своей машине — даже несмотря на то, что идти туда пришлось бы, по меньшей мере полчаса. Нет, лучше погулять с собакой, успокоиться, а потом вернуться к костру.

Флосси обнюхала корни дерева, обернулась, будто проверяя, здесь ли охотник, и потрусила дальше.

Хуже всего, размышлял он, было то, что он позволил Линде одной идти в комнату к ребенку. Сидя за столом с миссис де Пейсер, одурманенный, еще более усталый, чем был сейчас, Льюис чувствовал тогда всю нереальность ситуации, ее фальшивость — казалось, он был участником чьей-то игры. Об этом он умолчал в своем рассказе. Сидя за столом, пробуя еду и не ощущая ее вкуса, слушая безостановочную болтовню миссис де Пейсер, он чувствовал себя марионеткой в руках кукловода. А если так, то почему же он продолжал сидеть, почему не боролся с

собой, не пытался как-то привести себя в чувство — почему он не взял Линду за руку и не убрался вон?

Дон тоже что-то упоминал об ощущении участника в чужой игре.

«Потому что они настолько хорошо изучили тебя, что знали наперед, что ты будешь делать. Вот поэтому ты и остался сидеть. Потому что они знали, что ты будешь сидеть».

Прошелестел легкий ветерок; стало холоднее. Собака подняла нос, принюхалась и повернулась туда, откуда прилетел порыв ветра. Она ускорила шаг.

— Флосси! — крикнул он. Гончая, отбежавшая от него уже на тридцать ярдов, показалась впереди на опушке и, обернувшись, посмотрела через плечо на Льюиса. Затем она очень удивила его: пригнула голову и зарычала. В следующее мгновение собака скрылась в зарослях.

Глядя вперед, Льюис видел лишь густые пирамиды елей, иногда перемежавшиеся с сухими скелетами других деревьев, да пятна проталин. Ноги его замерзли. Наконец он услышал лай собаки и пошел на звук.

Когда он наконец увидел Флосси, она жалобно скулила. Гончая стояла на дне небольшого ледникового распада, а Льюис находился у его верхнего края. Крупные гранитные валуны, будто истуканы с острова Пасхи, усыпанные кварцевой крошкой, громоздились внизу. Собака подняла голову, посмотрела на него, опять заскулила, подалась вперед, а затем застыла у одного из голышей.

— Ко мне, Флосси, — позвал он.

Собака припала к земле, виляя хвостом.

— Что там?

Он сделал шаг вперед и съехал вниз, в холодную грязь. Собака коротко гавкнула, сделала маленький круг, вернулась на прежнее место и вновь прижалась к земле. Взгляд ее был прикован к группке елей, растущих в дальнем конце расщелины. Пока Льюис с трудом шлепал по грязи, Флосси начала ползком подкрадываться к этим зарослям.

— Не лезь туда,— бросил он.

Собака, поскуливая, замерла у ближайшей ели; потом нырнула под ветки и исчезла. Он пытался звать ее, но гончая не возвращалась. Ни звука не доносилось из-за плотной стены словых ветвей.

Расстроившись, Льюис поднял голову: северный ветер принес тяжелые облака. Двухдневная передышка закончилась.

— Флосси!

Собака не появлялась, но, взглядываясь в гущу елей, Бенедикт поразился: в пушистом кружеве хвои явственно вырисовывались контуры двери. Завиток темных иголок закручивался в форме ручки. Это был удивительнейший оптический обман: можно было даже различить петли и замочную скважину.

Льюис сделал шаг вперед. Он стоял на том месте, где Флосси припадала к земле. Детали иллюзии по мере приближения вырисовывались все четче. Теперь рисунок иголок складывался в текстуру полированного дерева. Это была игра света и теней — и очертания казались невероятно знакомыми. Это была дверь его спальни.

Бенедикт медленно приблизился к двери. Он стоял достаточно близко, чтобы коснуться гладкой поверхности ореховых планок. Ему захотелось отворить дверь.

Льюис стоял в мокрых ботинках на холодном, усиливающемся ветру и знал, что все непостижимые случайности его жизни, начиная с 1929 года, привели его сюда: это они поставили его перед несуществующей дверью в ожидании непредвиденного события. Если он только что думал, что история гибели Линды не имела финала — как и история Дона об Альме Мобли,— то сейчас, в этом месте Льюис понял: вот он, финал, за этой дверью. Даже если эта дверь была началом не одной, а множества комнат.

Он был не в силах устоять. Отто, потиравший руки над костром, был слишком незначительной толикой реально-

сти, чтобы удержать его здесь. Льюису, уже принявшему решение, его прошлое — в особенности последние годы в Милбурне — казалось тяжелым бременем, полным неутрахающей тоски и бессмысленности, и путь к исходу ему только что указали.

Поэтому Льюис повернул медную ручку — и занял свое место в шараде.

Бенедикт вошел, как он понял, в свою спальню. Он тотчас узнал ее: залитая солнцем, уставленная испанскими цветами — та самая комната на первом этаже отеля, где жили они с Линдой. Шелковистая китайская дорожка убегала из-под его ног; свежесрезанные цветы в вазах, еще тянувшиеся к солнцу. Обернувшись, Льюис увидел закрывающуюся дверь и улыбнулся. Солнце лилось в комнату сквозь сдвоенные окна. А за ними виднелись зеленая лужайка, железное ограждение над обрывом и начало лестницы, что спускалась к морю, тускло блестевшему далеко внизу. Льюис подошел к кровати под балдахином. Аккуратно сложенный, темно-синий вельветовый халат лежал на ней. Окутанный тишиной и покоем, Льюис продолжал оглядывать очаровательную комнату.

Дверь из гостиной отворилась, и Льюис повернулся, улыбаясь жене. Не помня себя от счастья, он подался навстречу, раскрывая объятия. И остановился: она плакала.

— Родная, что с тобой? Что случилось?

Линда подняла руки: на них лежало тело маленькой короткошерстой собачки.

— Один из постояльцев нашел ее на дворе. Все как раз собирались к завтраку, и, когда я пришла туда, они стояли вокруг и смотрели на бедняжку. Какой ужас, Льюис!

Он чуть наклонился, вытянувшись над телом собаки, и поцеловал жену в щеку:

— Я позабочусь о ней, Линда. Но как же это случилось?

— Говорят, кто-то выбросил ее из окна... Ох, Льюис, да у кого же рука поднялась на такое?

— Я все устрою. Господи, как жаль. Присядь, отдохни чуток.— Он взял у нее трупик.— Не переживай.

— Но что ты с ней собираешься делать? — запричитала Линда.

— Похороню в розовом саду, рядом с Джоном.

— Вот и хорошо. Как славно...

С собакой на руках он направился к двери гостиной, затем остановился:

— А в остальном лень прошел хорошо?

— О, замечательно! Флоренс де Пейсер ждет нас у себя сегодня к ужину. Как же ты пойдешь после тенниса? Не забывай, тебе уже шестьдесят пять.

— Да бог с тобой! — удивленно взглянув на нее, воскликнул Льюис.— Мы ведь еще женаты — значит, мне пятьдесят. Рановато ты меня состарила.

— О, прости,— сказала Линда,— я так расстроилась...

— погоди чуток, я сейчас вернусь, у меня есть замечательная идея,— сказал Льюис и вышел в гостиную.

Собака вдруг стала невесомой и исчезла — и все вдруг изменилось. К нему шел отец и говорил:

— ...И еще два момента, Льюис. Твоя мать несомненно заслуживает, чтобы с ней считались. Ты ведешь себя здесь, будто это не наш дом, а гостиница. Возвращаешься поздно ночью.— Отец миновал кресло, за которым стоял Льюис, повернул к камину, затем направился к противоположной стене комнаты, продолжая говорить: — Люди судачат, что ты порой даже употребляешь спиртное. Я никогда не был ханжой, но подобного не потерплю. Тебе едва исполнилось шестьдесят пять...

— Семнадцать,— поправил Льюис.

— Да, семнадцать. Не перебивай. Несомненно, ты считаешь себя уже достаточно взрослым. Но пока ты живешь с нами под одной крышей, ты не будешь выпивать, это понятно? И я очень хочу, чтобы ты доказал то, что ты повзрослел, каким-нибудь другим способом — например, помогал бы матери с уборкой. Впредь ты будешь от-

ветствен за чистоту и порядок в этой комнате. Ты должен будешь делать здесь уборку раз в неделю. И каждое утро проверять камин. Ты все понял?

— Да, сэр, — ответил он.

— Хорошо. Это первое. Второе — это твои друзья. Мистер Джеймс и мистер Готорн — прекрасные молодые люди, и я бы сказал, у меня прекрасные отношения с ними обоими. Но годы и обстоятельства разделяют нас. Я не могу называть их своими друзьями, так же как и они меня не могут считать своим другом. С одной стороны, они члены епископальной церкви, а это почти то же, что и папизм. С другой, оба юноши — обладатели приличного состояния. А мистер Джеймс-старший, должно быть, один из самых богатых людей в Нью-Йорке. Ты понимаешь, что это означает сейчас, в 1928 году?

— Да, сэр.

— Это означает, что его сын мне не ровня. Точно так же, как и сын мистера Готорна. Мы ведем достойную и праведную жизнь, но мы небогаты. И если ты будешь продолжать общаться с Сирсом Джеймсом и Рикки Готорном, тебе грозят пагубные последствия. У них привычки и увлечения юношей из богатых семей. Ты знаешь, я планирую осенью отправить тебя в университет, однако ты будешь одним из самых бедных студентов Корнелла, и ты не должен перенимать подобные привычки, Льюис, они губительны. Я всю жизнь буду с сожалением вспоминать о великодушии твоей матери, потратившей свои личные сбережения на то, чтобы купить тебе автомобиль. — Отец начал второй круг по комнате. — И еще. Люди уже начали сплетничать о вас троих и этой итальянке с Монтгомери-стрит. Я знаю, что сыновей священнослужителей многие считают диковатыми и нецивилизованными, однако... Нет, у меня просто нет слов! — Он остановился на полпути от угла комнаты и серьезно посмотрел в глаза сыну. — Полагаю, что ты понял меня.

— Да, сэр. Я понял. Это все?

— Нет. Я не знаю, что вот с этим делать.— И отец протянул ему трупик маленькой короткошерстой собаки.— Я нашел ее мертвой на дорожке к церковной двери. Что, если кто-то из прихожан увидел бы ее там? Я хочу, чтобы ты немедленно убрал это.

— Хорошо, оставь ее,— сказал Льюис.— Я похороню ее в розовом саду.

— Пожалуйста, сделай это немедленно.

Льюис взял собаку и пошел к выходу из гостиной, но в последнюю секунду оглянулся спросить:

— Вы готовы к воскресной церемонии, отец?

Никто не ответил. Он оказался в нежилой спальне верхнего этажа дома на Монтгомери-стрит. Единственной мебелью в комнате являлась кровать. Половые доски были голы, к оконной раме прищиплена промасленная бумага. Поскольку у машины Льюиса спустило колесо, Сирс и Рикки отправились просить у Уоррена Скейлса его старенькую развалюху. Уоррен с беременной женой приехали в город за покупками. На кровати лежала женщина, но она не ответила на вопрос Льюиса, потому что оказалась мертва. Тело ее было укрыто простыней.

Льюис мерил шагами комнату, с нетерпением ожидая, когда его друзья вернутся с машиной фермера. Он не хотел смотреть в сторону укрытого тела на кровати, а потому подошел к окну. Сквозь бумагу проглядывал лишь мутный оранжевый свет. Льюис украдкой оглянулся на постель.

— Линда,— с болью прошептал он.

Теперь он стоял в обшитой металлом комнате, кругом были серые железные стены. Одинокая лампочка свисала с потолка. Его жена лежала под простыней на металлическом столе. Льюис склонился над ней и зарыдал.

— Я не буду хоронить тебя в пруду,— проговорил он.— Я отнесу тебя в розовый сад.

Льюис коснулся ее холодных пальцев и почувствовал, как они дрогнули. Он отшатнулся.

В ужасе он смотрел, как руки Линды заскользили под простыней; затем белые пальцы взялись за край покрывала и отогнули его от лица. Она села, открыла глаза.

Льюис попятился и сжался в дальнем углу маленькой комнаты. Когда его жена свесила ноги со стола морга, он закричал. Она была обнажена, левая половина лица оказалась разбита. В детском защитном жесте он вытянул перед собой руки. Линда улыбнулась ему и сказала:

— А как же бедная собачка? — Она показала на непокрытую поверхность стола, где в луже крови лежала на боку маленькая короткошерстая собака.

Оторвав взгляд от животного, Льюис вновь с ужасом посмотрел на жену, но рядом с ним уже возник Стрингер Дэдам — с отрезанными по локоть руками, в коричневой рубашке, скрывавшей окровавленные культы.

— Что ты видел, Стрингер? — спросил Льюис.

— Я видел тебя, — кроваво улыбаясь, ответил Стрингер. — Поэтому я выпрыгнул из окна. Не прикидывайся дурачком.

— Меня?

— Я разве сказал — тебя? Ну, значит, это я дурак. Я не видел тебя. Тебя видела твоя супруга. А вот я видел свою невесту. Заглянул в ее окно и увидел — в то самое утро, когда возился с молотилкой. Господи, каким же я был идиотом!

— Но что же такого необычного ты видел? Что она делала? И что ты пытался сказать своим сестрам?

Стрингер запрокинул голову и рассмеялся, изо рта хлынула кровь. Он закашлялся.

— Святые угодники! Это было настолько удивительно, дружище, что я глазам своим не поверил. Ты когда-нибудь видел змею с отрубленной головой? Видел, как голова ее валяется отдельно, маленькая такая — с ноготок, и стреляет своим язычком? Ты видел, как туловище извивается в пыли и бьет себя хвостом? — Стрингер хохотал, пуская кровавые пузыри. — Святой Моисей, Льюис, что за

гадость! Честно тебе скажу, с того самого момента я перестал четко соображать, у меня словно мозги расплавились и вытекли через уши. Это стряслось в 1940 году, помнишь? Меня хватил паралич, и вся левая половина тела отнялась? И ты кормил меня с ложечки, как ребенка? Гррр, такая гадость!

— Это был не ты,— возразил Льюис,— а мой отец.

— Да? Постой, о чем я тебе говорю?.. Все так перепуталось... Будто мне оторвали голову, а язык продолжает болтать.— Стрингер смущенно улыбнулся.— Скажи-ка, ты случаем не собирался забрать эту бедную собачку и утопить ее в пруду?

— О да, когда они вернутся,— кивнул Льюис.— Нам нужна машина Уоррена Скейлса. Его жена беременна.

— Жена римско-католического фермера в настоящий момент меня не волнует,— сказал его отец.— Год, проведенный в колледже, дурно повлиял на тебя, Льюис, ты стал груб.— Он посмотрел на сына долгим и грустным взглядом.— И я понял, что это грубый век. Грешный и порочный, Льюис. Наш век обречен. Мы рождены в проклятии, и дети наши обречены на прозябание во тьме. Ах, если б я мог вырастить тебя в более стабильное время, Льюис,— когда наша страна была настоящим раем! Раем! Поля — насколько хватало глаз. Поля, щедро одаренные Господом. Сын, когда я был мальчиком, я находил Писание в каждой паутинке. Всевышний тогда наблюдал за нами, Льюис, и его присутствие ощущалось и в солнечном свете, и в шуме дождя... А нынче мы — словно пауки в огне.— Он глянул вниз, на воображаемый огонь, греющий его колени.— И все началось с железных дорог. Это точно, сынок. Железные пути дали деньги тем людям, что в жизни своей не держали в руках больше двух долларов одновременно. Железный конь испоганил землю, и теперь финансовый кризис расплзается по стране, как позорное пятно.— Отец смотрел на Льюиса пронзительно синими глазами Сирса Джеймса.

— Я пообещал ей, что похороню ее в розовом саду,— сказал Льюис.— Они вот-вот должны вернуться с машиной.

— С машиной! — Отец с отвращением отвернулся.— Ты никогда не слушаешь, когда я говорю с тобой о серьезных вещах. Ты отрекся от меня, Льюис.

— Вы слишком возбуждаете себя, отец,— сказал Льюис.— Так вы доведете себя до инсульта.

— На то воля Божья.

Льюис взглянул на прямую спину отца:

— Я все понял.

Отец не отвечал.

— До свидания.

Не оборачиваясь, отец вновь заговорил:

— Ты никогда меня не слушаешь. Но помни мое слово, сын, это вернется и будет преследовать тебя всю жизнь. Ты сам себя совратил, Льюис. Для мужчины нет ничего печальнее этого достижения. Красивое лицо и опилки в голове. Ты унаследовал внешность и повадки от Лео, дяди твоей матери. Когда ему было двадцать пять, он сунул руку в печь и держал там ее, пока она не стала похожей на обуглившееся ореховое полено.

Льюис прошел через дверь столовой. В свободной комнате наверху Линда пыталась отлепить от голого тела приставшую простыню. Она улыбнулась ему окровавленными зубами:

— Как бы то ни было, дядюшка твоей матери Лео всю свою жизнь был набожным человеком.— Ее глаза лихорадочно горели.

Линда села на кровати, свесив ноги. Льюис попятился и прижался спиной к голым деревянным доскам стены.

— И потом, он видел Писание в паутинках, Льюис.— Она медленно двинулась к нему, привлекая сломанную ногу.— Ты хотел бросить меня в пруд. Ты видел Писание в пруду, Льюис? Или ты не доверяешь отражению своего красивого лица?

— Все давно кончено, разве не так? — спросил Льюис.

— Да.— Жена была настолько близко, что он чувствовал густой темно-коричневый запах смерти.

Льюис, вытянувшись, впечатался в грубую обшивку стены:

— Что ты видела в спальне девочки?

— Я видела тебя, Льюис. То, что предполагал увидеть ты. Примерно так.

9

Пока Питер прятался в кустарнике, он был в безопасности. Сплетение гибких ветвей делало его невидимым с шоссе. По другую сторону зарослей, в десяти—пятнадцати ярдах за его спиной, начинался лес — такой же, как перед домом Льюиса. Питер продрался к нему, чтобы надежнее укрыться от человека в машине. Свидетель Иеговы не сменил полосу движения: отсюда Питер видел крышу его машины — ярко-голубой прямоугольник над безлистными кустами ежевики. Пригибаясь, Питер перескакивал от одного ствола к другому — и дальше. Машина тоже двигалась — дюйм за дюймом. Какое-то время они продолжали в том же духе, как акула и рыба-лоцман. Иногда машина свидетеля подавалась вперед, иногда сдавала чуть назад, но каждый раз не более пяти—десяти ярдов в одном направлении, и лишь одно чуть успокаивало Питера: ошибки водителя подтверждали, что тот не видел его и гонял машину вхолостую, выжидая, когда Питер выйдет на открытое место.

Питер попытался представить себе характер местности по эту сторону шоссе и припомнил, что всего примерно в миле от дома Льюиса начиналось бесконечное поле, граница с которым обозначалась на карте окраины Милбурна парой забегаловок и заправочных. Как только кончится лес, мужчина в машине сразу увидит его.

«Выходи, сынок».

Свидетель наугад выстреливал свои призывы, пытаясь уговорить юношу вернуться к нему в машину. Питер, как

только мог, попытался абстрагироваться от шепотов и прыжками помчался через лес. Может, если он будет продолжать бежать, свидетель удалится вниз по шоссе достаточно далеко, чтобы не сбивать его с мыслей.

«Вернись, мальчик. Вернись ко мне. Позволь отвезти тебя к ней».

Все еще защищенный высоким кустарником и деревьями, Питер бежал, пока не увидел между массивными стволами дубов серебристые нити проволоки. Сразу за изгородью начиналось поле — пустынная белая ширь. Машины свидетеля нигде не было видно. Питер покрутил головой, пытаясь оглядеться, но лес был слишком плотный и кусты ежевики — слишком высоки: отсюда шоссе не просматривалось. Питер добежал до самого крайнего дерева, остановился у проволоки и посмотрел вперед на поле, гадая, как же перебраться через него незамеченным. Если свидетель увидит его на поле, думал Питер, деваться будет некуда. Можно, конечно, бежать, но эта тварь схватит его — так же, как схватила Джима в доме на Монтгомери-стрит.

«Она ждет тебя, Питер».

Это был еще один выстрел наугад.

«Она исполнит все твои желания».

Она даст тебе все, что захочешь».

Она вернет тебя к маме».

Голубая машина показалась в поле зрения и остановилась точно в том месте, с которого начиналось поле. Питер в страхе попятился назад в лес. Человек в машине крутил головой, положив одну руку на спинку правого сиденья, и, сидя так, спокойно и терпеливо дожидался, когда Питер начнет пересекать поле.

«Ну же, выходи, мы отвезем тебя к маме».

Точно. Именно это они и собираются сделать. Они вернут ему мать. И она будет такой же, как Джим Харди и Фредди Робинсон, с пустыми глазами, бесстрастной речью и не более материальной, чем луч лунного света.

Питер сел на мокрую землю, пытаясь вспомнить, есть ли поблизости другая дорога. Ничего не остается делать, как идти через лес — в противном случае мужчина поймает его, как только Питер выйдет на поле. Неужели нет никакой параллельной дороги в Милбурн?

Он вспоминал ночи сумасшедшей езды с Джимом по окраинам, походы в лес по уикендам и на летних каникулах: можно было с уверенностью утверждать, что он знал округ Брум так же хорошо, как собственную комнату.

Но терпеливый свидетель в голубой машине мешал ему думать. Питер никак не мог вспомнить, что было за этим лесом — новые застройки, фабрика? Какое-то мгновение его память отказывалась выдавать информацию, несомненно хранившуюся в ней. И вместо четких образов готовых к продаже новых домов мелькали какие-то темные тени. Но что бы там, за лесом, ни было — другой дороги не оставалось.

Питер неслышно поднялся, немного отступил подальше от края леса, прежде чем повернуться спиной к шоссе и пуститься бежать. Через пару секунд он все-таки вспомнил, куда его влекло. Где-то в том направлении находилось старое, двухполосное, щебеночное шоссе — в Милбурне его называли «старой бингэмptonской дорогой», потому что когда-то лишь она связывала два города. Ныне разбитую, пустынную и небезопасную — ее избегали теперь почти все водители. Когда-то вдоль нее стояли кое-какие строения: фруктовый рынок, мотель, магазинчики всяких мелочей. Теперь почти все они пустовали, а некоторые давно снесли. Один лишь универсам «Бэй Три» процветал: он щедро спонсировался богатыми милбурнцами. Мама только туда и ездила за овощами и фруктами.

Если он правильно помнит расстояние между новым шоссе и старой дорогой, ему понадобится меньше двадцати минут, чтобы добраться до универсама. А там можно поймать машину и безопасно доехать до отеля.

Через пятнадцать минут ноги промокли, в боку кололо, рукав куртки порвало сучком, но Питер уже был твердо уверен, что дорога где-то рядом. Деревья стали тоньше, а земля пошла чуть заметно под уклон.

Увидев за деревьями впереди серый просвет, он понял, что не промахнулся. Показалась изгородь, парень сбавил шаг и последние тридцать ярдов старался идти как можно тише. Правда, он все еще не был уверен, где он выйдет — справа от универсама или слева, и насколько далеко от него. Единственное, на что он надеялся, — это чтобы магазин был виден и автостоянка перед ним не оказалась пустой.

Хлюпая промокшими ботинками и напряженно вглядываясь в крайние деревья, юноша подходил к дороге.

«Зря теряешь время, Пит. Неужели ты не хочешь поглядеться с мамой?»

Он застонал, услышав гадкое прикосновение разума свидетеля. Сердце екнуло: голубая машина стояла на обочине дороги прямо перед ним. На сиденье виднелся нечеткий контур — Питер знал, что это свидетель, развернувшись в кресле, ждет его появления.

Универсам «Бэй Три» виднелся в полумиле слева от Питера, нос машины смотрел в противоположную сторону. Если попробовать сделать рывок, свидетелю придется разворачиваться на узкой старой дороге.

И все равно он не успеет.

Питер вновь взглянул на универсам — на парковке стояло полно машин. По крайней мере, хоть одна из них наверняка принадлежала какому-нибудь его знакомому. Надо было лишь успеть добежать.

На мгновение он почувствовал себя пятилетним испуганным мальчиком, беспомощным и безоружным против жестокого и невероятно сильного существа, поджидавшего его в машине. Разорвать ветровку на полосы, связать их, сунуть ему в бензобак и поджечь? Дурацкая

идея из еще более дурацких фильмов. Да ему ни за что не подобраться к машине незамеченным.

Что ж, единственное, что оставалось — помимо того, чтобы тупо броситься на свидетеля, — это просто в открытую побежать через поле к универсаму и... будь что будет. Мужчина смотрел в другую сторону, и это давало Питеру хоть капельку форы.

Питер раздвинул проволоку, обмотанную вокруг ствола, и пролез под ней. Он задержал дыхание и помчался через поле.

За спиной в три приема развернулась машина и поравнялась с ним — он видел ее боковым зрением.

«Какой отважный мальчик! Ты помнишь, мальчик, как опасно голосовать на дороге? Мальчики не должны ездить автостопом, ты помнишь?»

Питер зажмурился и упрямо продолжал путь.

«Глупо, смельчак!»

Интересно, каким образом свидетель попытается остановить его?

Тот не заставил себя ждать.

— Питер, мне надо поговорить с тобой. Открой глаза, Питер.— Это был голос мистера Бенедикта. Питер открыл глаза и увидел Льюиса в двадцати ярдах от себя, одетого в мешковатые брюки, ботинки и незастегнутую армейскую куртку-хаки.

— Тебя здесь нет,— сказал Барнс.

— Не говори глупости, Питер,— возразил Льюис и стал медленно приближаться к нему.— Ты же видишь меня. Разве нет? Ты слышишь меня? Здесь я, здесь. Пожалуйста, выслушай меня. Я хочу рассказать тебе кое-что о твоей маме.

— Она умерла,— сказал Питер и остановился, чтобы не подходить к лже-Льюису.

— Нет, не умерла.— Льюис тоже остановился, словно не желая спугнуть Питера. А на дороге, вровень с ними, остановила движение машина.— Ты видишь лишь чер-

ное и белое. Когда ты видел ее в моем доме, она ведь была жива, не так ли?

— Нет, не так.

— Ошибаешься, Питер. Она просто потеряла сознание, как ты на вечеринке.— Льюис развел руками и улыбнулся ему.

— Нет! Они перерезали... они перерезали ей горло. Они убили ее. Как и тех животных.— Парень вновь закрыл глаза.

— Пит, ты ошибаешься, и я могу доказать это. И ты напрасно опасаясь этого человека в машине. Пойдем к нему.

Питер открыл глаза:

— А ты правда спал с моей матерью?

— Аюди в наши годы порой совершают ошибки. Они делают вещи, о которых потом очень сожалеют. Но это не имеет значения, Пит. Ты все поймешь, когда вернешься домой. А сейчас тебе надо сесть к нам в машину, и, когда мы отвезем тебя домой, ты найдешь там маму — живую и невредимую.— Льюис мягко и участливо улыбался ему.— Не суди ее строго за эту единственную ошибку.— Он вновь двинулся к Питеру.— Доверься мне. Я всегда думал, что мы с тобой друзья.

— Я тоже так думал, но сейчас ты не друг мне, потому что ты умер,— сказал Питер. Он нагнулся, набрал в обе ладони снега и слепил крепкий снежок.

— Хочешь запустить в меня снежком? Ты уже не ребенок.

— Мне очень жаль тебя,— сказал Питер и швырнул снежок. Лже-Льюис вмиг растворился в облаке опадающих светлячков.

Пулей юноша рванулся вперед, прямо через то место, где только что стоял Льюис. Холодный воздух покалывал лицо. Зов свидетеля тут же догнал Питера и коснулся его разума, и мысленно парень напрягся.

Но слов не последовало. Вместо них на Барнса обрушилась такая горечь и злоба, что чуть не свалила с ног.

Он уже сталкивался с подобным чувством — когда существо, державшее его мать за горло, сняло очки. Тогда исходившая от него волна зверской, необузданной, дикой ярости потрясла Питера. Однако сейчас в этой ярости он ощутил стойкий привкус поражения.

С удивлением Питер взглянул вправо — голубая машина, набирая скорость, удалялась по щебенке.

От невероятного облегчения подогнулись колени. Он не знал, как это ему удалось, — но он победил. Питер тяжело осел на землю и неуклюже бухнулся лицом в снег, изо всех сил стараясь не заплакать.

Немного погодя он поднялся и побрел к парковке. Навалилась страшная усталость; парень с трудом заставлял себя сосредоточиться, а ноги — передвигаться. Шаг, за ним другой... Ноги очень замерзли. Еще шаг. Ну вот, почти дошел.

И тут еще большее облегчение и радость наполнили все его существо: через парковку со всех ног к нему мчалась мама.

— Пит! — закричала она, чуть не рыдая. — Слава богу!

Она добежала до крайних машин и выбежала на поле. Захлебнувшись накотившимися чувствами и от этого не в силах говорить, Питер замер и какое-то мгновение смотрел, как мама приближалась, затем бросился ей навстречу. На ее щеке темнел огромный кровоподтек, а волосы были растрепаны, как у цыганки. Из-под косынки на шее чуть выглядывала багровая полоса шрама.

— Ты спаслась! — совершенно одурев от радости, проговорил Питер.

— Они вывели меня из дома... Этот человек... — Мать была уже в нескольких ярдах от него. — Он чуть не перерезал мне горло... Я отключилась... Я так боялась за тебя!

— Я думал, они тебя убили, — сказал юноша. — О мамочка!

— Бедный мой Пит! — Кристина обхватила себя руками. — Пойдем скорей отсюда. Надо возвращаться в город. И занесла же нас нелегкая в такую даль!

Видя, что она пытается шутить, Питер чуть не заплакал. Он прикрыл глаза рукой.

— Потом поплачем, — сказала мать. — Когда я приеду домой и сяду, я буду плакать, наверно, целую неделю. Пойдем, поищем машину.

— Как же тебе удалось вырваться от них? — Парень пошел рядом, собираясь обнять ее, но мать отстала на шаг, пропуская его первым на парковку.

— Наверно, они думали, что я совсем без сил от страха. А когда они меня вывели на двор, свежий воздух словно оживил меня. Этот человек чуть ослабил руку, которой меня придерживал, я вывернулась и врезала ему сумочкой. И побежала в лес. Я слышала, как они искали меня. Мне никогда, никогда в жизни не было так страшно! А потом они, видно, махнули на меня рукой. Они гнались за тобой?

— Нет, — сказал Питер, и напряжение совсем оставило его. — Нет. Был там кое-кто другой, но он остался... В общем, я тоже убежал.

— Ну, теперь они оставят нас в покое, — сказала мама. — Мы в безопасности.

Юноша заглянул ей в лицо, и мать встретила его взгляд.

— Ох, Питер, я тебе столько должна объяснить... Только не сейчас. Все, что я хочу, — поскорее вернуться домой и как следует перевязать горло. И нам с тобой надо подумать, что мы скажем папе.

— Ты не хочешь ему рассказать обо всем, что с нами было?

— Мы же с тобой можем оставить все между нами, правда? — Кристина умоляюще посмотрела на него. — Я все тебе объясню — со временем. Давай просто порадуемся, что остались живы.

Они ступили на площадку автостоянки.

— Ладно,— согласился Питер,— мама, я так...— Расчувствовавшийся, он пожал плечами, но так и не нашел слов. — Знаешь, нам надо с кем-то поговорить, рассказать все. Тот человек, что мучил тебя, убил Джима Харди.

Юноша немного отстал, и матери пришлось обернуться, чтоб посмотреть на него:

— Я знаю.

— Знаешь?

— То есть догадывалась. Поторопись, Пит. Так болит шея! Хочу поскорее домой.

— Ты сказала «знаю».

Она раздраженно махнула рукой:

— Не устраивай мне перекрестный допрос, Питер!

Питер дико огляделся и увидел голубую машину, высушившую нос из-за угла универсама.

— О, мама! — простонал он.— Они все-таки сделали это. Тебе не удалось убежать...

— Питер, хватит об этом. Кажется, я вижу, кто нас подбросит.

Голубая машина начала разворачиваться к ним, и Питер подошел к матери:

— Хорошо, я готов.

— Отлично. Питер, все будет, как прежде. У нас с тобой был совершенно жуткий день, но горячая ванна и хороший сон — и мы будем как новенькие.

— Тебе придется наложить швы на шею,— подходя еще ближе, сказал Питер.

— Да нет, что ты! — улыbnулась ему мать.— Надо только перевязать. Это же всего лишь царапина. Питер, что ты делаешь? Не трогай, мне больно! Сейчас опять пойдет кровь!

Голубая машина приближалась. Питер почти дотронулся до шеи матери.

— Не надо, Пит, сейчас уже поедem...

Он резко зажмурился и с силой выбросил руку к голове матери. Через секунду пальцы закололо. Он вскрикнул: прямо за спиной пугающе резко взревел мотор.

Когда он открыл глаза, лже-матери не было, а голубая машина неслась прямо на него. Питер юркнул в сторону, за припаркованные автомобили, как раз в тот момент, когда свидетель промчался по тому месту, где парень только что стоял, и со скрежетом зацепил одну из машин.

Питер проследил взглядом, как она пронеслась в конце проезда и начала разворачиваться. Тут он увидел Ирментард Дрэгер, мать Пенни, выходящую из универсама с большим пакетом, и рванулся к ней.

10

ИСТОРИИ

Когда юноша вбежал в холл отеля, миссис Харди удивленно посмотрела на него, однако сообщила, в каком номере поселился Дон Вандерлей, и проследила взглядом, как Питер поднимается по лестнице. Он чувствовал, что должен обернуться и сказать что-нибудь матери Джима, но боялся, что после всего, что с ним случилось, у него не хватит выдержки даже на поверхностный разговор, что они вели с миссис Дрэгер по дороге сюда.

Он постучал в дверь номера Дона.

— Мистер Вандерлей, — сказал он, когда писатель открыл дверь.

Между тем Дон словно поджидал юношу — появление потрясенного паренька на пороге его номера стало для Вандерлея еще одним подтверждением его догадок. Период, когда последствия очередной истории Клауба Фантазеров грозили лишь круту его членов и отдельным посторонним людям, заканчивался. Горе и потрясение на лице Питера говорили Дону: то, что угрожающе зрело за пределами его гостиничного номера, уже больше не принадлежало только ему и оставшимся членам Клауба.

— Заходи, Питер, — сказал Вандерлей. — Я подумывал о том, что мы с тобой скоро встретимся.

Парень качаясь вошел в комнату и упал в кресло.

— Простите,— начал он,— я хотел... Мне надо...— Барнс часто заморгал, явно не в силах продолжать.

— Погоди секундочку,— сказал Дон и, подойдя к бару, достал бутылку виски. Он наполнил стакан примерно на дюйм и протянул Питеру.— Выпей вот этого и постарайся успокоиться. А потом просто расскажи обо всем, что произошло. И не трать зря время, гадая, поверю я тебе или нет, поскольку я тебе поверю. Как поверят мистер Готорн и мистер Джеймс, когда я передам им твой рассказ.

— «Мои старшие друзья».— Питер отпил немного виски.— Это он их так называет. Он сказал, вы думаете, что его зовут Грег Бентон.

Питера передернуло, когда он произнес это имя, а Дона насквозь пронизала сильнейшая уверенность: чем бы ему это ни грозило, он уничтожит Грег Бентона.

— Ты познакомился с ним?

— Он убил маму,— уже спокойно сказал Питер.— Его брат держал меня, чтоб я все видел. По-моему... Кажется, они пили ее кровь. Как у тех животных, помните? И Джима Харди убили они. Тоже на моих глазах, но я тогда сбежал...

— Продолжай,— сказал Дон.

— А еще он говорил, что кто-то — не могу вспомнить имя — назвал бы его «Маниту». Вы не знаете, что это?

— Немного.

Юноша кивнул, словно удовлетворенный ответом.

— Потом он превратился в волка. Я видел. Видел, как он это сделал.— Питер поставил стакан на пол, затем посмотрел на него, снова поднял и сделал еще глоток. Руки его так тряслись, что он едва не расплескал виски.— Они воняют... как трупы... Я еле отмылся... Фэнни держал меня.

— Ты видел, как Бентон превратился в волка?

— Да. Вообще-то нет. Не совсем так. Он снял очки. У них желтые глаза. Он дал мне увидеть себя. Он был... Я увидел только ненависть и смерть. Как лазерный луч.

— Я понял тебя,— кивнул Дон.— Я тоже видел его. Но без очков — ни разу.

— Когда он снимает их, он как бы подчиняет вас себе. Он может говорить твоим внутренним голосом. А еще они могут заставить видеть мертвых — ну, призраков,— но если к этим призракам прикоснуться, они как бы взрываются. Но вот *они* — не взрываются. Они хватают тебя и убивают. Но они тоже мертвые. И ими кто-то управляет... они называют ее покровительницей. Они делают все, что приказывает она.

— Она? — переспросил Дон и сразу вспомнил красивое лицо женщины, взявшей за подбородок Питера на вечеринке в его доме.

— Это Анна Мостин,— сказал Питер.— Но она уже была здесь. Раньше.

— Да, она уже побывала здесь,— согласился Дон,— в образе актрисы.

Во взгляде Питера были удивление и благодарность.

— Я недавно прояснил для себя один непонятный факт, Питер,— сообщил Дон,— вот буквально на днях.— Он посмотрел на паренька, дрожащего в кресле,— однако ты, похоже, понял гораздо больше меня, и тебе понадобилось для этого куда меньше времени.

— Он сказал, что это я,— произнес Питер, и лицо его скривилось,— он сказал, что он — это я... Я убью его!

— Мы сделаем это вместе,— сказал Дон.

— Они здесь потому, что здесь я,— продолжал Дон.— Рикки Готорн предположил, что, как только я присоединился к нему, Сирсу и Льюису, эти существа — эти силы — «пробудились». Возможно, если б не мой приезд, все ограничилось бы мертвыми овцами, или коровами, или чем-то подобным, и на этом закончилось. Но это маловероятно, Питер. Я не мог не приехать — и они это прекрасно знали. И теперь они могут вытворять все, что им взбредет в голову.

Питер перебил его:

— Все, что ей взбредет в голову.

— Верно. Но мы не беспомощны. Мы можем нанести ответный удар и сделаем это. Мы постараемся избавиться от них любым способом. Я обещаю тебе.

— Но ведь они и так мертвые,— удивился Питер.— Как же их убить? Я точно знаю, что они мертвые: от них такая вонь...

Он снова начал соскальзывать в панику, и Дон пожал его руку:

— Я знаю все — благодаря легендам. Эти существа не новы. Они живут столетия... А то и дольше. О них рассказывают, о них пишут на протяжении многих веков. Я думаю, это то, что люди всегда называли вампирами и оборотнями,— они стоят за всеми легендами и историями о привидениях. И в самих легендах — а я считаю, что так оно и было в прошлом,— люди всегда находили способ заставить их умереть вновь. Осиновый кол в сердце, серебряные пули — помнишь? Главное — то, что они могут быть уничтожены. И если их берут серебряные пули, значит, применим пули. Но, по-моему, они нам не понадобятся. Ты жаждешь мести, я тоже — это главное.

— Но это только они,— сказал Питер, в упор глядя на Дона.— А она? Что с ней делать?

— Вот это уже будет потруднее. Она — генерал. Но в истории полно мертвых генералов.— Ответ Дона, хоть и поверхностный, все же немного успокоил паренька.— А сейчас, Питер, самое время рассказать мне обо всем. Начни с того, как погиб Джим, если все началось с этого. Чем больше деталей ты припомнишь, тем больше поможешь нам. Так что попытайся рассказать все.

— Почему ты никому не рассказывал об этом? — спросил он Питера, когда тот закончил.

— Потому что был уверен, что никто, кроме вас, мне не поверит. Вы слышали музыку.

Дон кивнул.

— Меня б сочли психом. Решили бы, что я сочиняю байки типа марсианских — как мистер Скейлс.

— Это не совсем так. Клуб Фантазеров поверит тебе. Надеюсь.

— То есть мистер Джеймс, мистер Готорн и...

— Да.— Они переглянулись, зная, что Льюиса нет в живых.— Этого достаточно, Питер: нас четверо против нее.

— Когда начнем? И с чего?

— Сегодня вечером я встречаюсь с остальными. Тебе, я думаю, следует вернуться домой. И побыть с отцом.

— Он не поверит мне. Точно не поверит. Никто, кроме вас, не...— Голос его стих.

— Хочешь, я пойду с тобой?

Питер покачал головой.

— Я схожу, если хочешь.

— Нет, я просто ничего ему не буду рассказывать. Бесполезно. Позже все расскажу.

— Что ж, может, так и лучше. И если в этом тебе понадобится моя помощь — можешь на нее рассчитывать. Питер, по-моему, ты вел себя чертовски смело. Немногие из взрослых мужчин способны на такое, окажись они в подобной ситуации. А после всего ты будешь действовать еще более уверенно, вот увидишь. Возможно, тебе придется защищать отца — так же, как и себя самого. И прошу тебя, никому не открывай дверь — кто бы ни звонил в нее.

Питер кивнул:

— Не открою. Можете не сомневаться. И все же, почему они здесь? Почему здесь *она*?

— Вот это я и попытаюсь выяснить сегодня вечером.

Питер поднялся с кресла и направился было к двери, но, сунув руки в карманы, нащупал в одном скомканную брошюру:

— Да, забыл! Тот тип в голубой машине, когда подвез меня к дому мистера Бенедикта, дал мне вот это.

Он вытащил «Сторожевую Башню», подошел к столу и разгладил брошюрку. Под названием большими черными буквами на дешевой шершавой бумаге было напечатано: «Доктор Рэбитфут ввел меня во грех».

Дон разорвал книжонку пополам.

11

Гарольд Симс брел по краю леса, злясь на себя и на Стеллу. Обувь и низ брючин намокли — ботинки, похоже, он безнадежно загубил. А что не загублено? Он потерял работу, а когда наконец решился предложить Стелле уехать с ним, после недель колебаний и размышлений об этом, он и ее потерял. Черт, с чего она взяла, что его просьба была лишь сиюминутным порывом? Неужто она знает его больше, чем он сам? Он скрипнул зубами.

«Она ошиблась, думая, что я не помню, сколько ей лет: меня это как раз очень даже волновало».

— Я пришел к этой сучке с чистыми руками, с открытой душой, — громко произнес он и увидел, как слова облачками пара слетают с губ. Она предала его. Она оскорбила его. И никогда — теперь он понял — она не воспринимала его всерьез.

«Да и кто она, если разобраться? Старая вешалка, костлявая стерва без малейших признаков морали. А что касается интеллекта — так вообще ничтожество. И потом, с ней, наверное, невозможно ужиться. Вы только послушайте, что она говорит о Калифорнии — автофургон и бутерброды! Крестьянка! Ей самое место здесь — в Милбурне. С коротышкой-ханжой мужем под боком, болтающим о старых фильмах...»

— Что? — спросил он, услышав короткий, резкий всхлип совсем рядом.

— Вам помочь?

Никто не отзывался. Уперев руки в бедра, Симс огляделся.

Звук явно исходил от человека и похож был на вскрик боли.

— Я смогу помочь вам, если скажете, где вы, — крикнул Гарольд. Постояв немного, он пожал плечами и пошел туда, откуда, как ему показалось, донесся этот странный звук.

И остановился в то же мгновение, как увидел тело, распростертое под елью.

Это был мужчина — вернее, то, что от него осталось. Симс с трудом заставил себя взглянуть на него. И тут же пожалел об этом — его чуть не стошнило. Он отвернулся, помедлил, потом решил, что посмотреть все же надо. В ушах бешено заколотился пульс. Гарольд склонился над обезображенной головой. С ужасом он узнал Льюиса Бенедикта. А рядом — труп собаки. В первый момент ему показалось, что окровавленная собака была оторванной частью тела Льюиса.

Весь дрожа, Симс выпрямился. Бежать! Какой бы зверь ни растерзал Льюиса, он наверняка бродил еще где-то поблизости — трагедия произошла едва ли не минуту назад.

Затем раздался треск ветвей, и от страха Гарольд уже не мог бежать. Какое-то крупное животное продиралось к нему из-за елей. Гризли! Симс раскрыл рот — но крика не получилось.

Еловые лапы вытолкнули к нему грузного мужчину с лицом, похожим на хеллоуинскую тыкву. Он тяжело дышал, а в руках держал массивный мушкетон, нацеленный в живот Симсу:

— Стоять! — приказал незнакомец.

Симс решил, что вот сейчас этот жуткого вида тип снесет ему половину туловища, и его кишечник опорожнится.

— Следовало бы пристрелить тебя на месте! — крикнул мужчина.

— Прошу вас...

— Но тебе повезло, убивец. Ты сейчас пойдешь со мной, мы доедем до первого телефона и вызовем полицию, ясно? Ты зачем убил Лью-исса, а?

Симс не в силах был отвечать, понимая лишь, что этот ужасный мужик не собирается его убивать, и Отто, зайдя сзади, ткнул его стволом ружья в спину:

— А ну, шагом марш! Shiescorp! Живо! March Schnell.

12

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

Сидя в машине у дома Эдварда Вандерлея, Дон поджидал Сирса и Рикки. С удивлением он обнаружил в себе все те чувства, которые пришлось пережить Питеру, однако паренек словно был упреком его страху. За несколько дней Питер Барнс понял и сделал гораздо больше, чем он и друзья его дядюшки — более чем за целый месяц.

Дон взглянул на лежавшие рядом две книги, которые он взял в библиотеке перед приходом Питера. Они подтвердили догадку, мелькнувшую у него во время разговора с тремя друзьями у Сирса: кажется, он понял, с чем они столкнулись. И Джеймс с Готорном сегодня прояснят все окончательно. А тогда, если их история состыкуется с его догадкой, он сделает то, для чего его позвали в Милбурн: они услышат от него объяснения — даже если эти объяснения поначалу покажутся бредом. И все же рассказ Питера и брошюра «Сторожевая Башня» доказывали, что они уже давно попали в полосу событий, которым сумасшествие дало бы лучшее толкование, нежели здравомыслие. Если рассудок у него и у Питера пришел в негодность, то Милбурн, по их образцу, тоже разрушается. Из-под обломков и трещин выползают Грегори, Фэнни и их хозяйка — те, кого им предстоит уничтожить.

«Даже ценой своих жизней,— думал Дон.— Ведь мы единственные, кому это по силам».

Из круговерти снегопада выплыли огни фар. Через мгновение Дон увидел контуры высокого темного авто-

мобилия, остановившегося на противоположной стороне улицы. Фары погасли. Сначала Рикки, за ним Сирс выбрались из черного «бьюика». Дон оставил свою машину и поспешил вдогонку.

— На этот раз Льюис,— сказал ему Рикки.— Слышали?

— Нет. Но предполагал.

Сирс, прислушивавшийся к ним, нетерпеливо кивнул:

— Предполагали. Рикки, дай ему ключи.— Когда Дон открыл дверь, за его спиной раздалось ворчание Сирса.— Надеюсь, вы расскажете нам, на чем основывалось это ваше предположение. Поскольку Хардести вообразил себя народным глашатаем, я организую ему вотум недоверия.

Они вошли в темную прихожую; Сирс нащупал выключатель.

— Сегодня днем ко мне приходил Питер Барнс,— сказал Дон.— Он видел, как Грегори Бэйт убивал его мать. И он видел то, что можно было бы назвать призраком Льюиса.

— О боже,— выдохнул Рикки.— О, бедная Кристина!

— Давайте включим отопление, а потом поговорим,— потребовал Сирс.— Если здесь разразится катастрофа, я хочу, по крайней мере, встретить ее согретыми.

Они разбрелись по цокольному этажу и начали снимать чехлы с мебели.

— Мне будет очень не хватать Льюиса,— произнес Сирс.— Я вечно цеплял его, но я его любил. Он был душой нашей компании. Как и ваш дядя.— Он бросил пыльный чехол на пол.— А теперь он в окружном морге — очередная жертва, «предположительно подвергшаяся нападению хищного животного». Друг Льюиса обвинил в убийстве Гарольда Симса. В иной ситуации это выглядело бы комично... Давайте осмотрим кабинет вашего дяди, а также включим наконец отопление. Я больше так не могу.

Сирс повел их в большую комнату в задней части дома; по пути туда Рикки включил котел.

— Кабинет был здесь.

Он щелкнул выключателем, помещение осветилось, и показались старый кожаный диван, письменный стол с электрической пишущей машинкой, шкафчик с картотекой, ксерокс; широкая полка, выступающая под несколькими, более узкими, а на ней — выстроенные в ряд белые узкие коробки с записями, соседствующие с катушечным и кассетным магнитофонами.

— В коробках, я полагаю, записи, с которыми он работал над книгами?

— Наверно.

— И никто из вас сюда не заходил после его смерти?

— Никто, — ответил Сирс, осматриваясь в хорошо оборудованном кабинете.

Комната пробуждала воспоминания о Доне более детальные, чем любая фотография его хозяина: она полностью отражала суть человека, удовлетворенного и счастливого в своей работе. Это впечатление помогло понять смысла следующих слов Сирса:

— Стелла, очевидно, сообщила вам, что мы боялись заходить сюда. В ее словах есть доля истины. Однако я считаю, что основная причина — это чувство вины.

— И одна из причин, по которой вы пригласили меня в Милбурн.

— Да. Думаю, что все мы, за исключением Рикки, полагали, что вы... — он махнул руками, как будто отталкивая что-то от себя, — рассеете наши угрызения совести. И больше всех надеялся Джон Джеффри. В этом и суть ретроспективного взгляда.

— Потому что была вечеринка у Джеффри.

Сирс отрывисто кивнул и повернулся выйти:

— Где-то на заднем дворе должны были оставаться дрова. Может, разожжем камин?

— Мы думали, что эту историю мы не расскажем никогда и никому, — начал Рикки десять минут спустя. На пыльном столе перед диваном стояли бутылка «Олд Пар-

ра» и стаканы.— Разжечь камин было отличной идеей. По крайней мере, будет на что нам с Сирсом смотреть. Не говорил ли я вам, что все началось тогда, когда я спросил Джона о самом дурном в его жизни поступке? Он ответил, что никому в этом не признается, и рассказал вместо этого историю о привидениях. Эх, не надо было спрашивать... Я ведь знал, что было самым ужасным. Мы все это знали.

— Тогда зачем же спросили?

Рикки громко чихнул, и Сирс сказал:

— Случилось это в 1929 году, в октябре. Давным-давно. Когда Рикки спрашивал Джона о самом дурном поступке, все наши мысли были об одном — о вашем дядюшке Эдварде: всего неделя минула со дня его смерти. О Еве Галли мы тогда едва вспоминали.

— Ну вот, а теперь мы точно перешли Рубикон,— сказал Рикки.— До того момента, как прозвучало это имя, у меня не было уверенности в том, что мы решимся все рассказать. Поскольку мы здесь, считаю, что нам не следует останавливаться. Что бы ни рассказал вам Питер Барнс, пусть это покамест подождет, если вы по окончании рассказа еще захотите оставаться с нами в одной комнате. Полагаю, то, что с ним произошло, должно иметь отношение к случаю с Евой Галли... Так. Я тоже проговорился.

— Рикки был категорически против того, чтоб мы поведали вам о Еве Галли,— сказал Сирс.— Когда я писал вам письмо, он считал, что будет ошибкой снова перетрачивать все это. Пожалуй, мы согласны были с ним. Я-то уж точно, без колебаний.

— Я думал, это только замутит воду,— проговорил в нос Рикки,— и не имеет никакого отношения к нашим проблемам. Страшилки, ночные кошмары, нехорошие предчувствия. Четыре выживающих из ума идиота. Следовало бы повнимательнее отнестись к девушке, просившейся к нам на работу. А теперь, когда погиб Льюис...

— Слушай, Рикки,— вспомнил Сирс,— а ведь мы так и не отдали Льюису запонки Джона!

— Забыли...— Рикки отпил виски.

Они с Сирсом уже погружались в воспоминания — в мрачный колодезь давней истории, и Дон, сидя рядом с ними, почувствовал себя невидимкой.

— Так что же случилось с Евой Галли? — осторожно напомнил он.

Сирс с Рикки переглянулись. Затем Рикки опустил глаза, а его друг уставился на огонь камина.

— Очевидно и несомненно,— проговорил он,— то, что мы убили ее.

— Вы двое? — выбитый из равновесия, спросил Дон. Он ожидал совсем другого.

— Все мы,— ответил Рикки,— Клуб Фантазеров. Ваш дядя, Джон Джеффри, Льюис, Сирс и я. В октябре 1929-го. Через три недели после Черного Понедельника, когда разразился кризис. Даже здесь, в Милбурне, можно было тогда разглядеть признаки паники. Отец Лу Прайса, бывший тоже брокером, застрелился в своем офисе. А мы убили девушку по имени Ева Галли. Не умышленно. Нам никто и никогда не предъявлял никаких обвинений — даже в непредумышленном убийстве; никто так ничего и не узнал. Иначе разразился бы страшный скандал.

— Мы бы не вынесли этого,— подхватил Сирс.— Рикки и я только начали карьеру адвокатов в фирме мистера Готорна, Джон лишь за год до этого получил диплом врача. Льюис был сыном священника. Мы все были в одинаковом положении. Нас бы это убило. Если не сразу, то со временем.

— Поэтому мы и пришли к решению, которое попытались выполнить,— вставил Рикки.

— Да,— сказал Сирс.— Мы сотворили недостойное, страшное дело. Если б нам было тогда не по двадцать три, а по тридцать три, мы бы, скорее всего, вызвали полицию и уповали на милость правосудия. Но мы были так молоды, а Льюис — совсем еще подросток. В общем, мы попытались скрыть содеянное. А потом, в итоге...

— А в итоге,— продолжил Рикки,— мы стали похожи на персонажей одной из наших историй. Или вашего романа. Последние месяцы я вновь и вновь переживал заключительные десять минут того кошмара. Я и сейчас слышу наши голоса, я помню каждое произнесенное слово, когда мы клали ее в машину Уоррена Скейлса...

— Давай-ка сначала,— перебил Сирс.

— Хорошо, начнем сначала.

— Итак,— заговорил Рикки,— все началось со Стрингера Дэдама. Он собрался на ней жениться. Ева Галли не успела прожить и двух недель в нашем городе, как Стрингер начал с ней заигрывать. Он был старше нас с Сирсом — тридцать один или тридцать два — и был во всех отношениях готов к женитьбе. С помощью девиц Дэдам он заправлял фермой старого полковника и конюшнями. Трудился от зари до зари; у него были неплохие практические задумки. Ежели вкратце, этот процветающий, здравомыслящий парень был завидным женихом для любой городской девицы. А также хорош собой. Моя жена утверждала, что красивее мужчин она никогда не встречала. Все девушки, что были чуть постарше школьниц, бежали за ним. Однако, когда приехала Ева Галли — со своими деньгами, и столичными манерами, и прогрессивными взглядами,— Стрингер потерял голову. Она сразу купила тот дом на Монтгомери-стрит...

— Какой дом на Монтгомери-стрит? — спросил Дон.— В котором жил Фредди Робинсон?

— Ну, конечно. Тот самый, что напротив дома Джона. Теперь — дом миссис Мостин. Так вот, она его купила, обставила мебелью, привезла рояль и граммофон. А еще она курила папиросы, и пила коктейли, и носила короткую прическу — типичная столичная девушка.

— Да не совсем,— возразил Сирс.— Она не казалась пустышкой или взбалмошной. Была прекрасно образована, очень много читала, вела интеллигентные беседы. Ева

Галли была очаровательной женщиной. Как бы ты описал ее внешность, Рикки?

— Клер Блум девятнадцатых-двадцатых годов,— не задумываясь, ответил Рикки.

— Типичный Рикки Готорн. Попросите его описать кого-нибудь, и он назовет вам имя киноартиста. Хотя, признаюсь, описание довольно меткое. Ева Галли была воплощением всей той новизны, что бросалась в глаза с первого взгляда на девушку,— той новизны, что даже в мизерной толике была в диковинку для жителя Милбурна. Но, кроме того, в ней была удивительная утонченность... изящество — этакая аура непорочной праведности.

— Это правда,— кивнул Рикки.— И еще нас невероятно привлекала в ней некая загадочность — как в вашей Альме Мобли. Ничего, кроме туманных намеков и легких упоминаний, мы не знали о ее прошлом — Ева жила в Нью-Йорке, провела какое-то время в Голливуде, снимаясь в немых кино. Сыграла небольшую роль в романтической картине под названием «Китайская жемчужина». Фильм режиссера Ричарда Бартельмеса.

Дон вынул из кармана клочок бумаги и записал на нем имя.

— В ней явно прослеживались итальянские предки, но Стрингеру она как-то сказала, что бабушка и дедушка ее матери были родом из Англии. Судя по всему, отец Евы был очень состоятельным человеком, но в детстве она осиротела, и ее воспитывали родственники в Калифорнии. Вот и все, что мы знали о ней. Она сказала, что переехала сюда в поисках тишины и уединения.

— Женщины попытались забрать ее себе под крылышко,— продолжал Сирс.— Она была для них настоящей находкой, волшебным колодезем. Обеспеченная девушка, пренебрегающая Голливудом, с утонченными манерами и благородных кровей — буквально каждая жен-

щина милбурнского света посылала ей приглашения. Мне кажется, они мечтали приручить ее.

— Да, сделать ее понятной и такой же, как они. Верно — приручить ее. Дело в том, что, помимо ее достоинств, было в ней еще кое-что. Какая-то обреченность. Льюис тогда обладал романтическим воображением и говорил мне, что Ева Галли напоминает аристократку, принцессу или кого-то в этом роде, отвергнувшую свой двор и отправившуюся в изгнание — доживать свои дни в провинции.

— Да, нас она тоже необычайно волновала, — добавил Сирс. — Разумеется, нам она казалась недостижимой. Мы идеализировали ее. Изредка мы виделись с ней...

— Наносили визиты, — уточнил Рикки.

— Именно. Наносили ей визиты. Она вежливо отказывала всем женщинам, но не отвергала пятерых юных повес, что обивали порог ее дома по субботам или воскресеньям. Ваш дядя Эдвард был первым из нас. У него оказалось больше решимости, чем у остальных четверых. К тому времени все уже знали, что Стрингер Дэдам потерял голову от любви к Еве Галли, а потому за ее спиной, точно строгую дуэнью, мы неизменно видели маячившего жениха. Эдварду удалось найти лазейку в условностях. Он навестил Еву — она была необычайно мила с ним, и вскоре визиты к ней стали обычными для всех пятерых. Стрингеру, похоже, не было до этого дела. Он любил нас, хотя жил в совсем другом мире.

— В мире взрослых, — пояснил Рикки, — как и Ева. Притом что она была ненамного старше нас — года на два, на три, хотя ей можно было дать и двадцать. Наши визиты были исключительно благопристойными. Разумеется, кое-кто из женщин постарше думал, что они носили скандальный характер. Отец Льюиса именно так и считал. Но мы были достаточно раскрепощены в социальном смысле этого слова, чтобы не задумываться об этом. Как только Эдвард проторил к Еве дорожку, мы стали нано-

силь визиты всей компанией примерно раз в две недели. Мы слишком ревновали ее друг к другу, чтобы позволить кому-то из нас в одиночку являться к ней. Это было великолепно. Мы не замечали, как летело время в те вечера. В принципе ничего исключительного не происходило: даже наши беседы были совсем обыкновенными. Но в те часы, что мы проводили с мисс Галли, мы словно попадали в какое-то сказочное королевство. Мы были без ума от нее. И ни один из нас не забывал, что она — невеста Стрингера.

— Люди в те времена не росли и не развивались так стремительно, — сказал Сирс. — Нынче все это — юноши, едва переступившие порог своего двадцатилетия и поклоняющиеся двадцатипятилетней женщине, словно недосягаемой жрице, — может показаться смехотворным. Но именно так мы о ней думали, так к ней относились — недостижимая! Она принадлежала Стрингеру, и все мы были уверены, что после свадьбы мы останемся такими же желанными гостями в ее доме.

Два старых адвоката немного помолчали в тишине. Они смотрели на огонь в камине Эдварда Вандерлея и потягивали виски. Дон не торопил их, догадавшись, что подошел ключевой момент истории и они продолжат, как только соберутся с силами.

— Мы чувствовали и вели себя, как беспольные существа в этом пре-фрейдистском раю, — наконец продолжил Рикки. — Нами владела платоническая очарованность. Порой мы даже танцевали с Евой, но, держа ее в объятиях, наблюдая, как она двигается, мы и не помышляли о сексе. Даже невольно. Боже упаси... Что ж, рай этот разрушился в октябре 1929-го, вскоре после обвала фондовой биржи и смерти Стрингера Дэдама.

— Рай умер, — отозвался эхом Сирс, — а мы взглянули дьяволу в лицо.

Он повернул голову к окну.

— Взгляните, какой снег,— сказал Сирс.

Дон и Рикки проследили за его взглядом: за окном разгулялась настоящая пурга.

— Если жене Омара Норриса удастся найти своего супруга, ему придется затемно приниматься за расчистку улиц.

Рикки вновь пригубил виски.

— Стояла тропическая жара...— Дону показалось, будто октябрь пятидесятилетней давности растопил нынешний бушующий снежный шторм.— В том году молотья закончилась рано. Поговаривали, что постоянная забота о деньгах помутила рассудок Стрингера. Девушки Дэдам говорили: нет, это не так, в то утро он ходил к дому мисс Галли. И там будто бы он что-то видел.

— Стрингер сунул руки в молотилку,— сказал Сирс,— и сестры винили в этом Еву. Умирая, он лежал на их кухонном столе, закутанный в одеяла, и что-то силился сказать. Однако составить осмысленную фразу из обрывков его слов было невозможно.

— «Похороните ее»,— вот первое, что разобрали, и второе: «Разрежьте ее на куски»,— он будто увидел то, что случилось потом с ним самим.

— Это не все,— добавил Рикки.— Девушки Дэдам рассказывали, что он выкрикивал что-то еще... но крики перемежались стонами боли, и они не были уверены, что правильно расслышали. «Змея-сова». Или «змеиная кожа». И все. В общем, бессвязный бред. Он так и умер на этом столе и был с почестями похоронен несколько дней спустя. Ева Галли не явилась на похороны. Подгорода пришло на Плезант Хилл, не было лишь невесты покойного. Это умаслило злые языки.

— Женщины постарше, женщины, приглашениями которых она пренебрегла,— молвил Сирс,— ополчились на нее. Обвинили в гибели Стрингера. Как минимум у половины из них были дочери на выданье, и до появления в

городе Евы Галли каждая мамаша таила надежду выдать дочку замуж за такого видного жениха. Они утверждали, что Стрингеру стало известно нечто непристойное о своей невесте: брошенный муж или незаконный ребенок — что-то в этом духе. И они предали ее анафеме.

— Мы растерялись и не знали, что делать,— заговорил Рикки.— Мы боялись идти к ней после смерти Стрингера. Видите ли, мы думали: может, она горюет — неутешная вдова, не успевшая стать женой. Вообще-то наши родители должны были утешать ее, а не мы. Если бы мы навестили ее, женщины города устроили бы страшный скандал. Так что мы... выжидали — и страшно беспокоились. Никто не сомневался, что мисс Галли соберет вещички и вернется в Нью-Йорк. Но разве мы могли забыть наши восхитительные посиделки?!

— Понимаете, наши встречи с ней могли бы стать еще более волшебными, более трогательными,— сказал Сирс,— теперь, когда мы осознали, какую страшную потерю она пережила. Идеал — и романтическая дружба, ведомая светом этого идеала.

— Сирс прав,— кивнул Рикки.— Теперь мы идеализировали ее еще больше. Она стала символом печали, символом горя, разбитого сердца. Единственное, о чем мы тогда мечтали,— это навестить ее. Мы послали Еве записку с нашими соболезнованиями и пошли бы сквозь огонь, чтоб увидеться с ней. Единственное, что было для нас непреодолимым,— железная стена социальных условностей, отторгившая ее от нас. И не было в той стене ни щелки, ни трещинки...

— Короче, мы не могли. Тогда она пришла к нам,— сказал Сирс.— В тот самый дом, где жил тогда ваш дядя. Эдвард был единственным из нас, имевшим собственный дом. Мы собрались там поговорить и выпить яблочной водки. Поговорить о том, что же нам делать.

— И поговорить о ней,— добавил Рикки.— Знакомо ли вам стихотворение Эрнста Доусона: «Я предан тебе,

Цинара!»? Льюис отыскал его и прочел нам. Его строки буквально пронзили нас. «Бледные одинокие лилии...» Потрясенные, мы выпили еще водки. «Греми, музыка, лейся, вино...» Боже, какие мы были идиоты! В общем, в один прекрасный вечер — в тот роковой вечер — Ева пришла в дом Эдварда.

— И она была в ярости,— сказал Сирс.— Она была вне себя, просто пугающая. Она ворвалась, словно буря.

— Ева сказала, что ей одиноко,— продолжал Рикки,— что она устала от этого проклятого города, населенного ханжами. Она хотела пить и танцевать, и ей плевать было, кто и что подумает. Сказала, что этот мертвый городишко вместе со всеми своими дохлыми, жалкими людишками может лететь в тартарары — ей мало дела. И если мы — мужчины, а не сопливые мальчишки, мы проклянем этот город тоже.

— Мы онемели,— сказал Сирс.— Это была не наша недостижимая богиня, а расшвырявшая фурия, ругавшаяся почище пьяного матроса. Как... как панельная девка. «Громче, музыка, лейся, вино». Что хотели — то и получили. У Эдварда были небольшой граммофон и кое-какие пластинки. Она велела нам завести его и поставила самый яростный джаз, какой нашелся. Она была просто неистова! Это походило на помешательство — мы в жизни не видели, чтоб женщина так себя вела, а ведь для нас она была, говоря образно, величеством, кем-то вроде между Мэри Пикфорд и статуей Свободы. «Ну-ка, танцуй со мной, гаденыш!» — сказала она Джону, и он так перепугался, что едва осмеливался касаться ее. Глаза Евы метали молнии.

— Я думаю, то, что мы видели, была ненависть,— молвил Рикки,— к нам, к городу, к Стрингеру... Лютая ненависть, бурлящая. Буря ненависти. Сущий циклон. В танце Ева поцеловала Льюиса, и он отпрыгнул, словно она обожгла его. Он уронил руки, и она подскочила к Эдварду, схватила и заставила танцевать с ней. Лицо ее было ужас-

но в своей свирепости. Эдвард был самым языкастым из нас, но он тоже был слишком потрясен неистовством Евы — наш рай рушился на глазах, и она топтала, обращала его в пыль каждым своим шагом, жестом, словом. В нее словно вселился дьявол. Знаете, когда женщина в ярости, она может найти в себе силу колоссальной концентрации, достаточной, чтоб разорвать мужчипу на куски, — эта ярость обрушивается на вас, как удар грузовика. Примерно так все и было. «Ну что, сопляки, может, выпьем?» — крикнула она. Мы выпили.

— Это было ужасно, — покачал головой Сирс. — И, помоему, я чувствовал, к чему все шло. А мы были слишком юны и неопытны, чтобы знать, как вести себя в такой ситуации.

— Не могу сказать, чувствовал ли я, к чему все шло, — с сомнением произнес Рикки, — но это пришло. Она попыталась совратить Льюиса.

— Это был наихудший выбор, — с горечью сказал Сирс. — Льюис был совсем мальчишка. До этого вечера он, может, целовал девушку всего раз в жизни, и, несомненно, не более того. Мы все любили Еву, однако Льюис, пожалуй, больше всех, — помните, именно он отыскал стихотворение Доусона. А поскольку он больше всех боготворил ее, то он сильнее всех был потрясен ее поведением в тот вечер и ее неопишуемой ненавистью.

— И она прекрасно знала об этом, — сказал Рикки. — Она наслаждалась, видя, что Бенедикт настолько шокирован, что не в состоянии вымолвить ни слова. И когда она, оттолкнув Эдварда, направилась к Льюису, он застыл в ужасе. Словно увидел свою мать, ведущую себя подобным образом.

— Свою мать? — спросил Сирс. — Пожалуй. По крайней мере, это даст вам представление обо всей глубине потрясения — и его, и нашего. Льюис онемел. Ева прижалась к нему — ее руки, как змеи, обвилились вокруг него — и поцеловала. Со стороны казалось, что она втянула в рот

половину его лица. Вы только представьте себе — эти полные ненависти поцелуи, вся ее ярость, впившаяся в ваши губы. Это все равно что целовать лезвие бритвы. Когда она откинула назад голову, лицо Льюиса было измазано помадой. В другой ситуации это показалось бы смешным, но в тот момент ужаснуло. Он был словно вымазан кровью.

— Эдвард подошел к ней и сказал: «Успокойтесь, мисс Галли» — или что-то подобное. Она резко развернулась к нему, и мы вновь почувствовали взрыв ненависти, обрушившейся на нас. «А-а, ты тоже хочешь, Эдвард? — протянула она. — В очередь! Я хочу Льюиса первым! Мой маленький Льюис такой хорошенький!»

— И тогда, — сказал Готорн, — она повернулась ко мне. «И тебе кое-что перепадет, Рикки. И тебе, Сирс. Всем достанется. Но сначала хочу Льюиса. Я хочу показать ему, что ж такого невыносимого увидел Стрингер Дэдам, когда подглядывал в мое окно». И начала расстегивать блузку.

— «Пожалуйста, мисс Галли», — взмолился Эдвард, — вспоминал Сирс, — но она велела ему заткнуться и продолжала снимать блузку. Она не носила лифчика. Грудь ее были, как ровные крепкие яблоки. Она выглядела невероятно распутной. «Ну, малыш Льюис, посмотрим, на что ты способен?» И она опять присосалась к его лицу.

— Мы тогда вроде догадались, что ж такое видел Стрингер в ее окне, — сказал Рикки. — Он, вероятно, увидел, как Ева Галли занималась любовью с другим. Мысль об этом, ее обнаженность и то, что она вытворяла с Льюисом, повергли нас в глубокий моральный шок. Мы чувствовали омерзение. Наконец я и Сирс взяли Еву за плечи и оторвали от Льюиса. И тогда она начала изрыгать ругательства. Это было так гадко! «Вам что, так вас и разэтак, не потерпеть?! Вы, маленькие такие-сякие, и туда и сюда и так далее и так далее...» — Она принялась расстегивать юбку, не переставая осыпать нас площадной бранью. Эдвард чуть не плакал. «Ева, — молил он, — прошу вас, не

надо». Юбка упала к ее ногам, и она переступила через нее. «А что такого, мальчик-одуванчик? Боишься посмотреть, какова я без юбки?»

— Потом она сняла нижнюю юбку и пошла, танцуя, к Вандерлею,— продолжал Сирс.— «Мне кажется, я должна попробовать кусочек тебя»,— сказала она и потянулась к нему — к его шее. Эдвард влепил ей пощечину.

— От души,— добавил Рикки.— А она отвесила ему еще более оглушительную. Со всей силы. Звук был, как ружейный выстрел. Джон, Сирс и я были чуть живы, мы едва не теряли сознание. Мы чувствовали себя совершенно беспомощными. И не могли двигаться.

— Если б могли, нам бы удалось остановить Льюиса,— сказал Сирс.— Но мы стояли, точно оловянные солдатики, и безмолвно наблюдали за ним. Льюис сорвался, как самолет на взлете,— он буквально пролетел через комнату и врезался в нее. Он рыдал — и вот так, рыдая и воя, бросился на нее. Бенедикт сбил ее с ног, как заправский футболист. Оба они рухнули, как разбомбленное здание. Грохот был сравним по силе с обвалом Черного Понедельника... Ева уже не поднялась.

— Она ударилась головой об угол камина,— глухо сказал Рикки.— Льюис запрыгнул ей на спину и занес было кулаки, но даже он увидел кровь, текущую у нее изо рта...

Два старых адвоката задыхались от волнения.

— Вот и все,— спустя некоторое время заговорил Сирс.— Она была мертва. Мы, как зомби, стояли над ней, обнаженной и неживой. Льюиса вырвало здесь же, на пол, и остальные были близки к этому. Мы не могли поверить случившемуся — тому, что мы сделали. Это не может служить оправданием, но мы были в самом настоящем шоке. Я думаю, какое-то время мы стояли, дрожа в тишине.

— Потому что тишина эта была безмерной,— сказал Рикки.— Она обрушилась на нас, как этот снегопад. Наконец Льюис проговорил: «Надо вызвать полицию». «Нет,— возразил Эдвард,— нас же посадят в тюрьму. За убийство».

— Сирс и я попытались убедить его, что никакого убийства не было, но Эдвард возразил: «Хороши же вы будете, когда вас лишат права адвокатской практики. После всего случившегося». Джон проверил у Евы пульс и дыхание, хотя одного взгляда на нее было достаточно, чтобы убедиться: она мертва. «Я думаю, это убийство,— сказал он.— Мы пропали».

— Рикки спросил, что же делать, и Джон ответил: «У нас только один выход — спрятать тело. И спрятать там, где его никогда не найдут». Мы смотрели на это тело, на окровавленное лицо и чувствовали свое поражение — Ева победила. Такое было у всех ощущение. Ее ненависть спровоцировала нас на нечто, очень близкое к убийству. И теперь мы гадали, как его скрыть, как решиться сделать страшный в своей безнравственности шаг. И мы решились...

— И где вы решили спрятать ее тело? — спросил Дон.

— В шести милях за городом был старый пруд. Очень глубокий — футов двадцать. Сейчас там его уже нет. Его засыпали и построили на том месте торговый центр.

— У машины Льюиса было пробито колесо,— сказал Сирс,— и мы, завернув труп в простыню и оставив с ним Льюиса, отправились в город искать Уоррена Скейлса. Мы знали, что он приехал с женой за покупками. Он был добрым малым и любил нас. Мы договорились сообщить ему впоследствии, что разбили его машину, и купить ему новую, получше,— мы с Рикки должны были заплатить львиную долю суммы.

— Уоррен Скейлс был отцом того фермера, что теперь охотится за марсианами? — спросил Дон.

— Эльмер был его четвертым ребенком и первым сыном. Его тогда еще и в проекте не было. Итак, мы отправились в центр, отыскиали Уоррена и пообещали ему вернуть машину примерно через час. Затем вернулись к Эдварду домой и положили тело в машину. Вернее, попытались положить его туда.

— Мы так нервничали,— продолжил Рикки,— мы были ужасно напуганы и растеряны, мы все еще не осознавали, что случилось и что же мы делали. И никак не могли затащить ее. «Занесите сначала ноги»,— предложил кто-то, и мы вновь попытались втянуть тело на заднее сиденье. Простыня задиралась и спадала, и Льюис начал ругаться, что голова не помещается; мы вытащили труп наполовину, и тогда Джон закричал, что она пошевелилась. Эдвард обозвал его идиотом и сказал, что она никак не может шевелиться — мол, врач он или нет?

— В конце концов нам все же удалось посадить ее на заднем сиденье, а Рикки и Джон сели по бокам. Поездка через весь город была жуткой.— Сирс помедлил, глядя на огонь.— Боже мой... Я вел машину. Я только сейчас это вспомнил. В волнении никак не мог вспомнить, куда же я еду, и проскочил нужный поворот миль на пять-шесть. Потом все же кто-то подсказал мне. И мы свернули на узкую грязную дорогу, ведущую к пруду.

— Все казалось таким отчетливым,— сказал Рикки.— Каждый листик, каждый камушек — плоским и отчетливым, как рисунок в книге. Мы выбрались из машины, и окружающий мир словно ударил нас по глазам.

— «Господи, зачем, зачем мы все это делаем?» — спросил Льюис. Он плакал.

— Эдвард вернулся и сел за руль,— сказал Сирс.— Машина стояла в десяти—пятнадцати ярдах от пруда, глубина начиналась резко, сразу же у берега. Он включил зажигание. Я повернул заводную рукоятъ. Эдвард включил первую передачу, заклинил педаль газа и выскочил. Машина поползла вперед.

Оба снова умолкли и взглянули друг на друга. «И тогда...— проговорил Рикки, и Сирс кивнул.— Я не знаю, как сказать об этом...»

— И тогда мы кое-что увидели,— сказал Сирс.— Нам померещилось. А может, и нет.

— Я знаю,— сказал Дон,— вы увидели ее. Живой.

С усталым изумлением Рикки посмотрел на него:

— Вы правы. В заднем стекле показалось ее лицо. Она глядела на нас и ухмылялась. Жутко и глумливо. Мы чуть не попадали со страху. В следующую секунду машина с громким всплеском врезалась в воду и начала тонуть. Мы рванулись к ней, пытаясь заглянуть в боковые окна. Мне, помню, было очень страшно. Я же знал, что она умерла еще там, в комнате,— я знал это. Джон нырнул в тот момент, когда машина пошла ко дну. Выйдя на берег, он сказал, что заглянул в боковое окно и...

— И увидел, что на заднем сиденье никого нет,— закончил Сирс.— Так он сказал.

— Машина затонула. Вероятно, она до сих пор там, погребенная под тридцатью тысячами тонн засыпки,— предположил Рикки.

— Что-нибудь еще произошло? — спросил Дон.— Прошу вас, попытайтесь вспомнить. Это важно.

— Произошли две вещи,— сказал Рикки.— Однако мне необходимо подкрепиться.— Он налил себе виски и, прежде чем начал говорить, выпил.— Джон Джеффри заметил рысь на другом берегу пруда. Мы тоже видели ее. И перепугались еще больше — чувство вины ударило по нам с новой силой, оттого что нас видели. Даже если это и было животное. Оно мелькнуло светлым пятном хвоста и скрылось в лесу.

— А пятьдесят лет назад рыси не были здесь редкостью?

— Напротив. Может, где-то дальше к северу. Тем не менее мы не ошиблись. Второй странностью было то, что дом Евы сгорел. Когда мы вернулись в город, то увидели толпу соседей, наблюдавших, как пожарные пытаются справиться с огнем.

— Кто-нибудь из них видел, как загорелось?

Сирс покачал головой, и Рикки продолжил:

— Очевидно, все произошло само собой. Это еще больше усугубило нашу горе, словно из-за нас еще и случился пожар.

— Один из пожарных сообщил нечто очень странное,— вспомнил Сирс.— У нас был такой замученный вид, что он решил, будто мы беспокоимся о соседних зданиях: как бы огонь не перекинулся на них. Он сказал, что ближайшие дома в безопасности, потому что огонь стихает. По его наблюдениям, было похоже, что дом взорвался вовнутрь. Он не мог объяснить, что это значит, но именно так ему показалось. И огонь охватил лишь часть здания, второй этаж. Я поднял голову и понял, что он имел в виду.

— Окна! — воскликнул Рикки.— Окна были разбиты, рамы сломаны, но внизу не валялось ни стеклышка — они влетели вовнутрь.

— Сильное сжатие,— сказал Дон.

Рикки кивнул:

— Точно. Я не смог припомнить этого слова. Однажды я видел, как взорвалась таким же образом лампочка. Как бы там ни было, пожар уничтожил второй этаж, однако первый остался невредимым. Через пару лет семья купила то, что осталось от дома, и перестроила его. Мы окунулись в работу, а люди перестали судачить и гадать, что произошло с Евой Галли, и позабыли о ней.

— Только не мы,— сказал Сирс.— Хотя мы никогда не говорили об этом. Лет пятнадцать—двадцать назад нам довелось серьезно поволноваться, когда строители начали засыпать пруд, однако машину не обнаружили. Они похоронили ее — буквально. И все, что в ней находилось.

— А в ней ничего не было,— сказал Дон.— Ева Галли здесь. Она вернулась.

— Вернулась? — вскинул голову Рикки.

— В образе Анны Мостин. А до этого она побывала здесь Анн-Вероникой Мор. Альмой Мобли она представилась мне в Калифорнии и убила моего брата в Амстердаме.

— Мисс Мостин? — недоверчиво спросил Сирс.

— Именно это и убило Эдварда? — спросил Рикки.

— Я уверен. Скорее всего, он увидел то же, что и Стрингер: она позволила ему увидеть *это*.

— Никогда не поверю, что мисс Мостин связывает что-либо с Евой Галли, Эдвардом или Стрингером, — заявил Сирс. — Сама эта идея просто нелепа.

— Что «это»? — спросил Рикки. — Что она позволила им увидеть?

— То, как она меняет облик, — сказал Дон. — Думаю, она заранее планировала это, зная наверняка, что испугает Дэама до смерти. — Дон посмотрел на двух пожилых друзей. — И еще. Я уверен, что ей наверняка известно о том, что мы здесь сегодня собрались. Потому что мы — ее незавершенное дело.

14

МИСС НОВЫЙ ОРЛЕАН

— Меняет облик... — проговорил Рикки.

— Как же, облик она меняет, — вновь недоверчиво проворчал Сирс. — Так вы утверждаете, что эта Ева Галли, и маленькая актриса Эдварда, и наша секретарь суть один и тот же человек?

— Не человек. То же самое существо. Как, вероятно, и рысь, которую вы видели на другом берегу пруда. Совсем не человек, Сирс. Когда вы почувствовали ненависть Евы Галли в тот вечер в доме моего дядюшки, вам удалось постичь ее истинную сущность. Я думаю, она явилась к вам, чтобы спровоцировать всех пятерых на нечто страшное, гибельное для вас, — чтобы разрушить вашу чистоту и невинность. Однако получился своего рода рикошет, ударивший по ней и ранивший ее. Что ж, по крайней мере это свидетельствует о ее уязвимости. А теперь она вернулась мстить. И мне заодно. Она использовала меня, чтобы добраться до моего брата, но знала, что я в итоге появлюсь здесь. И тогда она сможет перебить нас поодиночке.

— Это та самая идея, о которой вы обещали нам рассказать? — спросил Рикки.

Дон кивнул.

— Да что же в конце концов убеждает вас в том, что эта идея не является нелепостью? — возмутился Сирс.

— Питер Барнс, во-первых, — ответил Дон. — Я уверен, это должно убедить вас, Сирс. Если нет — я прочту вам кое-что из книги, и это будет еще одним доказательством. Но прежде всего — Питер Барнс. Сегодня он поехал к Льюису, как я уже говорил вам... — И Вандерлей изложил по порядку все случившееся с Питером: поездка к заброшенному вокзалу, смерть Фредди Робинсона, гибель Джима Харди в доме Анны Мостин и, наконец, трагические события сегодняшнего утра. — Так что я считаю доказанным тот факт, что Анна Мостин и есть та самая «хозяйка», «покровительница», о которой упомянул Грегори Бэйт. Она манипулирует Грегори и Фэнни — Питер говорит, он подсознательно чувствовал, что Грегори кто-то управляет, что он был похож на свирепую собаку, повинующуюся приказам зловещего хозяина. Объединившись, они хотят уничтожить весь город. Как Доктор Рэббитфут из замысла моего романа.

— То есть они пытаются вдохнуть жизнь в события вашего романа? — спросил Рикки.

— Похоже на то. Они называют себя ночными сторожами. Они игривы. Задумайтесь над инициалами: Анна Мостин, Альма Мобли, Анн-Вероника Мор. Видите, как она забавляется, — она хотела, чтобы мы обратили внимание на эту схожесть. Я уверен, что она наслала на нас Грегори и Фэнни потому, что Сирс видел их раньше. Или же когда-то, много лет назад, они возникли на его пути оттого, что она знала, что использует их в будущем, то есть теперь. И вовсе не случайно я, увидев Грегори в Калифорнии, подумал, что он похож на оборотня.

— Почему же не случайно, если он — не то, что вы утверждаете? — спросил Сирс.

— Я этого не утверждаю. Но существа типа Анны Мостин или Евы Галли стоят за спиной каждого призрака и каждой легенды о сверхъестественном, когда-либо напи-

сальной или рассказанной,— ответил Дон.— Они — творцы всего пугающего нас в сверхъестественном. В сказках и рассказах мы делаем их легко управляемыми. В своих историях мы по крайней мере пытаемся показать, что нам по силам расправиться с ними. Грегори Бэйт не более оборотень, чем Анна Мостин. Он то, что люди называют оборотнем. Или вампиром. Он питается живой человеческой плотью. Он запродал себя покровителю в обмен на бессмертие.

Дон взял в руки одну из книг, которые он захватил с собой.

— Это справочник, справочник по фольклору, мифологии и легендам. Здесь есть большой раздел, озаглавленный «Перевоплощение, или Изменение облика», написанный профессором Р. Д. Джемисоном. Вот послушайте: «Хотя не предпринималось никаких мер по систематизации сведений о фактах перевоплощения, количество их, обнаруженное во всех уголках планеты, представляет собой цифру астрономическую». Он пишет, они отыщутся в фольклоре буквально каждого народа. И развивает свою мысль на трех страницах — это самый пространственный раздел справочника. Боюсь, мы мало что полезного можем почерпнуть отсюда, разве что лишний раз убедимся в том, что о подобных странностях люди начали говорить тысячи лет назад. К сожалению, Джемисон не уточняет, какими способами — если они вообще существуют — в народных легендах можно бороться и побеждать этих существ. Но послушайте, какими словами он заканчивает свое повествование: «Проведенные исследования перевоплощений лис, выдр и т. д. довольно тщательны, но упускают центральную проблему перевоплощения как такового. Превращения в легендах народов мира неразрывно связаны с галлюцинациями и психическими отклонениями. Пока данный феномен в обеих областях не будет досконально изучен, мы не способны превзойти общего наблюдения, что фактически ничто кажущееся не является реальностью».

— Аминь,— сказал Рикки.

— Вот именно. Ничто не реально, что нам грезится. Эти существа успешно убеждают вас в том, что вы сходите с ума. Так оно и произошло с каждым из нас — мы чувствовали нечто и видели, а потом спорили сами с собой и сомневались в увиденном. Этого не может быть, уговаривали мы себя, так не бывает. Однако — бывает, мы видели это своими глазами. Вы видели, как Ева Галли поднялась с заднего сиденья, а мгновением позже вы видели ее в образе рыси.

— Попробуйте представить,— сказал Сирс,— что у одного из нас случайно оказалось бы ружье и он подстрелил ту рысь. Что бы произошло?

— Я думаю, вы бы увидели что-либо невероятное, но не могу вообразить, что именно. Возможно, она бы издохла. Возможно, превратилась бы во что-то или в кого-то другого, а может, охваченная болью, претерпела бы сразу несколько перевоплощений подряд. Не знаю...

— Столько вариантов...— буркнул Рикки.

— Это все, чем мы располагаем.

— Если примем вашу версию.

— Если у вас есть лучшая, я выслушаю ее. Но от Питера Барнса мы узнали, что случилось с Фредди Робинсоном и Джимом Харди. А также я связался с агентом Анн-Вероники и выяснил кое-что о мисс Мор. Она, образно выражаясь, пришла из ниоткуда. Не нашлось ни одной записи о ней в городе, откуда, по ее словам, она родом. Потому что их и не могло быть — она никогда не была Анн-Вероникой Мор, до того самого дня, когда записалась в актерскую студию. Она просто появилась, такая внешне благовидная, со всеми необходимыми документами и справками, перед дверью театра, зная, что это прямой путь к Эдварду Вандерлею.

— Тогда они — существа, которые, по-вашему, реальны,— представляют еще большую опасность: они обладают прозорливостью,— заметил Сирс.

— Да, они невероятно прозорливы и мудры. Они любят шутки, они чрезвычайно дальновидны и, как индейский Маниту, любят рисоваться, выставлять себя напоказ. Вторая книга приводит прекрасный пример этого.— Дон взял со стола книгу и показал им ее корешок.— «Таким был мой путь», автор Роберт Мобли. Художник, дочь которого назвалась Альма Мобли. Я сделал большую ошибку, до сих пор не заглянув в его автобиографию. Теперь я уверен, она хотела, чтобы я прочел ее и обнаружил игру слов в ее настоящем и прошлых именах. Четвертая глава называется «Темные тучи» — автобиография написана далеко не блестяще, но я хотел бы процитировать вам несколько абзацев из этой главы.

Дон раскрыл книгу на заложенной странице; ни один из старых адвокатов не пошевелился.

«Даже в такую, несомненно, счастливую и удачливую жизнь, каковой была моя, вторгались темные и горестные периоды и оставались в ней месяцами и годами неизгладимой печали. Год 1958-й был одним из них; пожалуй, лишь швырнув себя в водоворот работы, я смог в том году поддержать свой рассудок в полном здравии. Разглядывая солнечные акварели и исполненные строгой симметрии этюды в масле, характерные для моих работ предыдущих пяти лет, люди спрашивали меня о стилистической перемене, которая повлекла так называемый сверхъестественный период моего творчества. Сейчас я могу лишь сказать, что психика моя была тогда, скорее всего, нестабильна, и полный разброд чувств и ощущений нашел выражение в работе, которую я буквально насильно заставлял себя выполнять.

Самый мучительный период моей жизни начался смертью матери, Джессики Огуд Мобли, чье влияние и мудрые советы были...» Здесь я пропущу пару страниц.— Дон поискал в книге.— А вот, слушайте: «Второй, более тягостной потерей была смерть от собственной руки моего старшего восемнадцатилетнего сына Шелби. Я упо-

мяну здесь лишь те обстоятельства его смерти, что непосредственно вызвали упомянутый сверхъестественный период, ибо эта книга посвящена, главным образом, творчеству в моей жизни. Однако должен здесь упомянуть, что мой сын был человеком беззаботным, простодушным и энергичным, и я уверен, что лишь колоссальный моральный шок, непредвиденное внезапное столкновение с невероятным злом могли толкнуть его на самоубийство.

Вскоре после смерти моей матери просторный дом рядом с нашим был приобретен явно процветающей, привлекательной женщиной лет сорока, вся семья которой состояла из четырнадцатилетней племянницы, находившейся под ее опекой после смерти родителей девочки. Миссис Флоренс де Пейсер, особа приветливая, но довольно сдержанная, была женщиной с очаровательными манерами; она проводила зимы в Англии, как и мои родители: по сути, она казалась, скорее, представительницей другой эпохи, и я порой подумывал, не написать ли мне ее акварельный портрет. Она коллекционировала картины (я обратил на это внимание, побывав у нее в гостях) и даже неплохо знала мои работы — хотя мой абстракционизм того периода едва ли имел что-то общее с ее французскими символистами! Но несмотря на все обаяние миссис де Пейсер, главной прелестью ее дома очень скоро стала племянница. Красота Ами Монктон была почти божественной, и мне порой кажется, что это было самое женственное существо на свете. Каждое ее движение — входила ли она в комнату или наливала чашку чая — было исполнено удивительной грации. Девочка была само очарование, самообладание и скромность, деликатность и утонченность, как (признаюсь, пожалуй, даже более утонченна) Пенси Осмонд, ради которой Изабель Арчер Генри Джеймса с такой готовностью принесла себя в жертву. Ами была желанной гостьей в нашем доме: она произвела впечатление на обоих моих сыновей».

— Это была она,— поднял глаза Дон,— четырнадцатилетняя Альма Мобли под управлением миссис де Пей-

сер. Бедняга Мобли не ведал, что он впустил в свой дом. Он продолжает: «Несмотря на то что Ами была ровесницей Уитни, моего младшего сына, именно Шелби — чувственный Шелби — сблизился с ней. Поначалу я думал: то, что он уделяет столько времени девочке на четыре года младше его самого, является всего лишь свидетельством хорошего воспитания Шелби. И даже когда я подметил явные признаки влюбленности (бедный Шелби краснел при одном упоминании ее имени), мне и в голову не приходило, что они не отказывают себе в поступках отвратительных, унижительных или просто преждевременных. По правде говоря, это было одной из самых светлых отрад моей жизни — наблюдать, как мой высокий, красивый сын прогуливается по саду с очаровательным ребенком. И я ничуть не удивился, а скорее даже слегка обрадовался, когда Шелби категорично заявил мне, что, когда ей исполнится восемнадцать, а ему двадцать два — он женится на Ами Монктон.

Спустя несколько месяцев я стал замечать, что Шелби стал все более замыкаться в себе. Он перестал интересоваться друзьями и последние месяцы своей жизни был всецело сосредоточен на семействе де Пейсер и мисс Монктон. А незадолго до этого у них появился слуга — мрачной наружности и похожий на латиноамериканца Грегорио. Я невзлюбил Грегорио с первого взгляда и даже пытался предостеречь на его счет миссис де Пейсер, но она ответила, что знает его и его семью уже много лет и что он прекрасный шофер.

В своем кратком повествовании могу лишь сказать, что в последние недели жизни внешность моего сына стала крайне изможденной, а поведение — исключительно замкнутым. Я впервые повел себя с Шелби как суровый отец и запретил ему общаться с семьей де Пейсер. Его поведение наводило меня на мысль о том, что под влиянием Грегорио он и девочка пробовали наркотики, а возможно, и недозволенное сладострастие. Пагубное и унижающее

человеческое достоинство семя — марихуану — даже в те времена можно было отыскать в бедных кварталах Нового Орлеана. И еще меня страшило то, что они чересчур увлекались креольским мистицизмом. Подобное занятие прекрасно сочетается с наркоманией.

Во что бы ни был вовлечен Шелби, результат оказался трагичен. Он не подчинился моим приказам и втайне продолжал часто наведываться в дом де Пейсер. В последний день августа он вернулся домой, взял мой служебный револьвер, который хранился у меня в спальне, в ящике комода, и выстрелил в себя. И именно я, работавший в домашней студии, услышал выстрел и обнаружил тело.

То, что за этим последовало, несомненно, было результатом шока. Мне не пришла в голову мысль вызвать полицию или «скорую помощь»: не помню, как я вышел из дома, почему-то вообразив, что помощь уже прибыла. Я очутился на дороге. Я искал особняк миссис де Пейсер. И то, что я увидел там, чуть не лишило меня чувств.

Мне показалось, я заметил шофера Грегорио, стоявшего у окна верхнего этажа и презрительно усмехавшегося мне оттуда. Злорадство и враждебность, казалось, исходили от него плотной волной. Он ликовал. Я попытался закричать и не смог. Затем я опустил взор — и увидел кое-что пострашнее. Ами Монктон оказалась возле угла дома, она пристально смотрела на меня, но лицо ее было серьезным, абсолютно спокойным и бесстрастным. И ее ноги не касались земли! Казалось, Ами парила в девяти-десяти дюймах над травой. Беззащитный перед этими людьми, я чувствовал такой ужас, что прижал ладони к лицу. Когда через несколько мгновений я убрал их и поднял глаза — никого не было.

Миссис де Пейсер и Ами прислали цветы на похороны Шелби, правда, к тому времени они уже уехали в Калифорнию. И хотя я тогда убедил себя, как уверен и поныне, что видение девочки и шофера мне пригрезилось, — я сжег те цветы, не позволив украсить ими гроб Шелби. Картины моего так называемого сверхъестественного пе-

риода, которые я предлагаю теперь обсудить, были прямым порождением этой трагедии».

Дон взглянул на двух пожилых собеседников:

— Я лишь сегодня прочитал это. Вы поняли, что я имел в виду, говоря, что они любят рисоваться и шутить? Они хотят, чтобы их жертвы знали или, по крайней мере, подозревали, что с ними происходит. Роберт Мобли пережил шок, едва не выбивший его из колеи, и тогда родились чуть ли не лучшие картины в его творчестве; Альяма хотела, чтобы я прочитал об этом и узнал, что она жила в Новом Орлеане с Флоренс де Пейсер под другим именем и убила юношу — скорее всего так же, как убила моего брата.

— Почему же Анна Мостин до сих пор не расправилась с нами? — спросил Сирс. — У нее на это была масса возможностей. Не буду скрывать, я вполне удовлетворен тем, что вы нам рассказали, — но чего она ждет? Почему мы трое не погибли, как остальные?

Рикки откашлялся.

— Актриса Эдварда, помнится, сказала Стелле, что я буду достойным противником. Я думаю, она дожидается того момента, когда мы точно будем знать, что нам противостоит.

— То есть этот момент настал, — добавил Сирс.

— У вас есть план? — спросил Рикки.

— Нет, лишь кое-какие идеи. Я сейчас поеду в отель, соберу вещи и вернусь сюда. Возможно, в магнитофонных записях дяди мы найдем какую-нибудь полезную информацию. И еще я хочу побывать в доме Анны Мостин. Надеюсь, вы пойдете со мной. Может, и там мы отыщем что-нибудь.

— А что, если путь туда окажется для нас последним? — усмехнулся Сирс.

— Нет, я думаю, их там уже нет. Этой троице известно, что мы сначала попытаемся обыскать дом. У них для нас уже давно припасено что-то другое, и не там.

Дон посмотрел на Рикки и Сирса:

— И последнее. Как спрашивал Сирс: что бы случилось, если б вам удалось подстрелить рысь? Вот это мы и должны выяснить. На сей раз мы должны подстрелить рысь, что бы это ни означало.— Вандерлей улыбнулся.— А зима, похоже, будет лютая.

Сирс Джеймс пробурчал что-то утвердительно, а Рикки спросил:

— Каковы, на ваш взгляд, шансы на то, что нам троим и Питеру Барнсу удастся увидеть конец всего этого?

— Очень слабые,— ответил Сирс.— Но вы, несомненно, с успехом выполнили то, о чем мы вас просили.

— Будем сообщать кому-нибудь? — спросил Рикки.— Ублажим Хардести?

— Абсурд,— фыркнул его друг.— Нас тут же упекут в сумасшедший дом.

— Пусть все думают, что мы боремся с марсианами,— сказал Дон.— Сирс прав. Но могу побиться об заклад, что...

— Что?

— Бьюсь об заклад, что ваша безупречная секретарша завтра на работу не выйдет.

Оставшись в доме дядюшки один, Дон подбросил в камин дров и уселся на пригретое Готорном место на диване. Снег заметал крыши домов и переплеты оконных рам, а ему припомнился теплый вечер: одуряющий запах горячей листвы, воробей, вспорхнувший на перила, и сверкнувшие глаза на бледном лице возлюбленной, что обернулась к нему с порога. И обнаженная девушка у черного прямоугольника окна, взглянувшая на него через плечо и прошептавшая слова, смысл которых лишь сейчас дошел до Вандерлея: «Ты призрак». Ты, Дональд. Ты. Неуместное озарение, понимание загадки истории с привидениями в самой середине повествования.

II

ГОРОД В ОСАДЕ

Нарцисс плакал, глядя на свое отражение в пруду. Когда его друг, проходивший мимо, осведомился о причине, Нарцисс сказал:

— Я плачу оттого, что потерял невинность.

— Тебе следовало бы горевать о том, что ты когда-то обладал ею, — отвечал ему друг.

1

Милбурне декабрь, город накануне Рождества. Этот месяц в Милбурне, хранящем долгие традиции, всегда был особенным: ириски из кленового сахара, веселый каток на реке, разноцветные лампы на деревьях и в витринах, катание на лыжах с холмов, вздымающихся сразу же за городом. В декабре, укрытый слоем снега в несколько дюймов, Милбурн неизменно приобретал праздничный, почти волшебный вид. На площади обязательно устанавливалась высокая нарядная елка, и Элеонор Харди украшала электрической гирляндой парадный вход отеля «Арчер». В торговом центре «Янг Бразерс» детишки выстраивались в очередь перед Санта-Клаусом и выставляли свои непрекращаемые рожде-

ственные требования, и лишь те, что постарше, замечали: и внешнею, и запашком Санта слегка напоминал Омара Норриса. (Декабрь всегда примирял Омара не только с женой, но и с самим собой — он урезал свои аппетиты на спиртное ровно вполовину и важно говорил немногим закадычным дружкам, что ему придется подхалтуривать в магазине.) Как прежде его отец, Норберт Клайд запрягал старые сани и гордо проезжал по всему городу, а потом катал детей — чтоб знали и помнили, как звенят настоящие бубенчики, чтоб почувствовали, каково это — лететь в санях, запряженных парой добрых рысаков, по лесной дорожке и дышать лесным воздухом, напоенным густым ароматом хвои. И, как когда-то Уоррен Скейлс, Эльмер открывал проход на одно из своих пастбищ и пускал горожан покататься с горки, высившейся на самом краю его владений, — там всегда можно было увидеть с полдюжины пикапов, выстроившихся вдоль изгороди, и с полдюжины молодых пап, буксирующих в Эльмерову гору пластмассовые «тазики», груженные счастливой ребятней. Кто варил на кухне ириски, кто жарил каштаны в камине. Хэмфри Стэлледж вкручивал красные и зеленые лампочки над стойкой бара. Милбурнские женушки радостно обменивались рецептами рождественских пирогов и пирожных; мясники принимали заказы на двадцатифунтовых индеек и раздавали рецепты подливки. Первоклашки вырезали из цветной бумаги елочки и лепили их на окна класса. Старшеклассники же больше сосредоточивались на хоккее, чем на английском или истории, и мечтали о пластинках, которые они купят на чеки, полученные на Рождество от тетюшек и дядюшек. Клубы «Киванис», «Ротери» и «Джейси» устраивали грандиозный праздничный вечер в танцевальном зале отеля «Арчер», вызвав в подкрепление трех барменов из Бингэмптона, и жертвовали несколько тысяч долларов пенсионному фонду. А после Рождества все возвращались на работу — кто с больной головой, кто с расстройством желудка...

В этот год готовилось несколько торжественных ужинов, и хозяйки так же пекли рождественские пироги — однако декабрь в Милбурне был другим. Люди, встречая знакомых в «Янг Бразерс», говорили друг другу не: «Скоро Рождество — как чудесно, не правда ли!» — а в основном: «Надеюсь, этот снег все же прекратится». Омар Норрис сидел в своем бульдозере целыми днями, и младшие продавцы говорили, что согласятся влезть в его костюм Санты только после того, как это одеяние отвезут на фумигацию; мэр и помощники Хардести установили на площади огромную ель, но у Элеонор Харди не было никакого желания украшать подъезд отеля — она выглядела такой одинокой и несчастной, что, взглянув на нее, чета туристов из Нью-Йорка решила продолжить путь дальше — до ближайшего отеля. И Норберт Клайд, впервые за все годы, оставил сани в сарае и не угостил лакомством рысачков: с того момента, как он увидел *это* на своем дворе, он впал в странную депрессию. Частенько можно было слышать, как он говорил в «Хэмфрис» или другом баре, что окружной сельхозагент не в состоянии отличить собственной задницы от своего локтя и что, если в людях еще осталась хоть капля здравого смысла, им стоит повнимательнее отнестись к Эльмеру Скейлсу: в этот год он не открывал ворота и не пускал никого кататься с горки, забывал о еде, напроочь забросил стихоплетство — и ночи напролет караулил у окна с заряженным ружьем на коленях. Его ребятишки, чувствовавшие себя изгоями, хозяйничали на горке. А снег все валил и валил; сугробы сначала прикрыли заборы и живые изгороди, затем стало заносить крылечки и цокольные этажи. В течение третьей и четвертой недель декабря школы закрывались восемь раз: отопление средней школы вышло из строя, и руководство распорядилось закрыть ее до середины января, когда инженер из Бингэмптона сможет наконец приехать в город. Через несколько дней закрылась и начальная школа: дороги стали ненадежны, и после того, как школьный автобус

за одно утро застрял дважды, родители решили, что лучше их детям пока посидеть дома. Ровесники Рикки и Сирса — те, что хранили память города, — вспоминали зимы 1947 и 1926 годов, когда на недели прерывалось транспортное сообщение с Милбурном, и кончалось топливо, и старики (бывшие в те годы не старше Сирса и Рикки) умирали от переохлаждения, как Виола Фридриксон с золотисто-каштановыми волосами и игривым лицом кошечки.

Нынешним декабрем Милбурн совсем не походил на зимний городок с рождественской открытки, а скорее напоминал осажденную деревню. Лошади девиц Дээд, забытые даже старой Нетти, голодали и умирали в своих стойлах. Люди, как никогда, в основном сидели дома, и одни с трудом сохраняли самообладание, другие не выдерживали. Филип Кнейфлер, один из новых милбурнцев, расчищавший подъездную дорожку, воротился домой и поколотил жену — после того как сломался его снегомет. Ронни Бирама, племянника Харлана Ботца, приехавшего с флота домой на каникулы, возмутила совершенно безобидная фраза человека, стоявшего рядом с ним в баре, и он сломал бедолаге нос — моряк бы ему и челюсть сломал, если б два бывших одноклассника Ронни не выкрутили задире руки за спину. Два шестнадцатилетних подростка — Билли Бирам (брат Ронни) и Энтони Ортега — слегка помяли мальчишку помладше за то, что он не подчинился их требованию прекратить болтовню во время вечернего сеанса «Ночи живых мертвецов» в «Риальто». Повсюду в милбурнских семьях жены затевали яростные споры с мужьями — о детях, о деньгах, о телепередачах. Священник пресвитерианской церкви Святого Духа — той самой, настоятелем которой был когда-то отец Льюиса, — однажды вечером за две недели до Рождества закрылся в неотапливаемом помещении и рыдал, каляся и молился всю ночь, поскольку решил, что сошел с ума: ему показалось, он видел босоногого мальчика-Исусу-

са, стоящего на гребне сугроба на церковном дворе и умоляющего выйти к нему.

В универсаме «Бэй Три» Рода Флэглер выдрала клоч светлых волос с головы Битси Андервуд, потому что та хотела взять три последние упаковки салфеток, на которые Рода было нацелилась: поскольку город оказался отрезан, полки и склады магазинов пустели. В Холлоу безработный бармен Джим Блазек зарезал насмерть повара-мулата по имени Вашингтон де Соуза, потому что высокий мужчина с бритой головой и в морской форме сказал Блазеку, что де Соуза якшается с его женой.

В течение шестидесяти двух дней, с первого декабря по тридцать первое января, умерли естественной смертью десять милбурнцев: Джордж Флейшнер (62 года) от инфаркта, Уитни Рада (70 лет) от недоедания, Габриель Фиш (58 лет) от обморожения, Омар Норрис (61 год) от контузии и последующего переохлаждения, Марион Ле Саж (73 года) от инсульта, Этель Берт (76 лет) от болезни Ходжкина, Дила Гриффин (5 месяцев) от гипотермии, Харлан Ботц (55 лет) от инфаркта, Нетти Дэдам (81 год) от паралича, Пенни Дрэггер (18 лет) от шока. Большинство из них умерли в период наиболее интенсивного снегопада, и их тела, как и тела Вашингтона де Соуза и нескольких других, пришлось собрать вместе и держать накрытыми простынями в одной из камер предварительного заключения маленькой тюрьмы Уолтера Хардести: фургон из окружного морга не мог пробиться в Милбурн.

Город замкнулся в себе — даже каток на реке опустел. Поначалу все было, как обычно: как только рассветало, двадцать—тридцать старшеклассников, вперемишку с малышкой, чертили расчищенный участок льда во всех направлениях — настоящая гравюра Курьера или Ивса. Однако если для старшеклассников, носившихся по катку, смерть трех старушек и четырех стариков принесла не больше страданий, чем посещение дантиста, то новость о другой потере ударила по ним, как оплеуха, как только

они вышли к замерзшей реке. Джим Харди лучше всех в Милбурне катался на коньках, и их довольно простенькие парные номера с Пенни Дрэгер казались ровесникам не менее восхитительными, чем выступление олимпийских чемпионов по фигурному катанию. Питер Барнс катался почти так же хорошо, но в этом году он отказался выходить на лед; даже в редкие погожие дни он сидел дома. Но как же им не хватало Джима! Даже когда прежде тот иной раз появлялся утром на катке с красными глазами и заросшими щетиной щеками, он вдохновлял всех ребят — невозможно было, глядя на него, не стараться кататься лучше. А теперь и Пенни не появлялась. Как и Питер Барнс, она уединилась. И вскоре остальные любители коньков сделали то же самое: с каждым днем каток все больше и больше заносило снегом, и все труднее становилось его расчищать, и мальчишки, занимавшиеся этим, уже не думали, что Джим Харди в Нью-Йорке; с ним, полагали они, должно быть, что-то стряслось — что-то такое, о чем им не хотелось всерьез задумываться. Задолго до того, как опасения их подтвердились, они уже знали, что Джима нет в живых.

Кларк Маллигэн не стал хлопотать о доставке нового диснеевского фильма, который он всегда заказывал к Рождеству, и весь сезон гонял ужастики. Иногда на вечерних сеансах в зале сидело человек восемь, а иногда и дватри; бывало, по вечерам он ставил первый ролик «Ночи живых мертвецов», зная, что будет единственным зрителем. На воскресные утренники обычно прибегали десять—пятнадцать ребятишек, уже не раз посмотревших эту картину, но ничего другого он придумать никак не мог. И Кларк начал пускать их бесплатно. С каждым днем он терял немного денег, однако, по крайней мере, «Риальто» давал ему повод не торчать дома; пока линии электропередач не оборвало, он мог сидеть в тепле и при деле, а большего ему и не хотелось. Однажды ночью, выйдя из кинобудки посмотреть, не пролез ли кто через пожарную

дверь, он увидел в зале Пенни Дрэгер рядом с женщиной в черных очках, с лицом, смахивающим на волчью морду. Кларк поспешил обратно в кинобудку, однако он был уверен, что, прежде чем успел отвернуться, незнакомец ему ухмыльнулся. Маллигэн не знал, отчего, но это нанутило его — причем изрядно.

Впервые в жизни горожане столкнулись с такой враждебностью беспощадной стихии, грозившей погубить их, едва только они дадут слабину. Если не встать поутру и не очистить крышу от снега, стропила могли треснуть под его тяжестью, а дом — превратиться в жалкую развалюху, нежилую до самой весны; мороз порой был таким свирепым, что столбик термометра опускался ниже двадцати по Фаренгейту, и если кто-то чуть задерживался на улице, перебегая от машины к дому или наоборот, то мог услышать, как ветер хихикает где-то во внутреннем ухе, зная, что человек всецело в его власти.

Это был один враг — пока самый опасный, но известный. Однако после того, как Уолт Хардести и один из его помощников опознали тела Джима Харди и Кристины Барнс и по городу прошел слух о том, в каком состоянии были найдены трупы, жители Милбурна поплотнее задернули шторы и включили телевизоры, вместо того чтобы отправиться на вечеринку к соседям, и гадали, на самом ли деле медведь загрыз красавчика Льюиса Бенедикта. А когда, как Милли Шин, они обратили внимание на то, с какой силой вьюга бьется в ставни, а уровень снега подбирается к подоконнику, они стали в страхе думать, что же еще должно случиться. И милбурнцы, как и их город, замкнулись в себе — захлопнулись, закрылись, — и мысли уже пошли лишь о выживании. Кое-кто вспоминал, как Эльмер Скейлс стоял перед статуей на площади, размахивая ружьем, разглагольствуя о марсианах и призывая к крестовому походу против них. И только четверо знали, кто же был настоящим врагом, опаснее, чем убийственная зима.

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

— В новостях показывали, в Буффало погода еще хуже, — сказал Рикки, обращаясь больше к себе самому, так как думал, что остальным это не интересно.

Сирс вел «линкольн» «по-сирски»: всю дорогу к дому Эдварда, где они подобрали Дона, и теперь обратно, в западную часть города, он, сторбившись за рулем, тащился со скоростью пятнадцать миль в час. И сигналил на каждом перекрестке и повороте, предупреждая пешеходов и водителей, что не собирается останавливаться.

— Перестань болтать, Рикки, — бросил он и вновь прогудел, пересекая Уит Роу и поворачивая к северной части площади.

— Зачем ты сигналишь — ведь горит зеленый? — показал Рикки.

— Уфф. А может, кто-то еще едет слишком быстро, чтобы остановиться.

Дон на заднем сиденье затаил дыхание и молил, чтобы огонь светофора на другом конце площади переключился на зеленый до того, как Сирс доедет до него. Они миновали отель, и Дон наблюдал, как на Мэйн-стрит сначала загорелся желтый, затем зеленый — как раз в тот момент, когда Сирс всей пятерней надавил на кнопку гудка и длинный черный автомобиль, словно галеон, вплыл в русло центральной улицы.

Даже при включенных фарах единственными хорошо различимыми объектами были красные и зеленые глазки гирлянды на рождественской елке перед отелем. Все было смазано снежной крутовертью. Несколько встречных машин сначала обозначили себя мутными желтыми парами фар, а затем проплыли мимо огромными бесформенными чудищами: Дону удавалось разглядеть их цвет лишь в то мгновение, когда они равнялись с их машиной.

— И что же мы, когда приедем, будем делать там, если вообще что-нибудь будем делать? — спросил Сирс.

— Просто осмотрим дом.

Рикки воззрился на Вандерлея весьма красноречиво, и Дон ответил на его немой вопрос:

— Нет. Я не думаю, что она там. Или Грегори.

— Вы взяли с собой оружие?

— У меня его вообще нет. А вы?

Рикки кивнул и вытащил кухонный нож:

— Глупо, конечно, я знаю, но...

Дон так не думал; он пожалел, что у него не было ножа, а еще лучше — огнемета или гранаты.

— Чисто любопытства ради — о чем вы сейчас думаете? — повернулся к нему Сирс.

— Я? — переспросил Дон. Машину начало медленно заносить в сторону, и Сирс слегка крутанул руль, выравнивая ее.

— Да.

— Я припомнил кое-что из прошлого. Когда я был студентом подготовительных курсов на Среднем Западе, нам предстояло выбрать себе колледж, и преподаватели частенько рассказывали нам о «Востоке». Они хотели, чтобы мы отправились именно «на Восток». Это чистейшей воды снобизм, и моя школа, невероятно старомодных традиций, была верна себе в этом. Однако лучше бы их волновало, чтобы выпускники школы поступали в Гарвард, или Принстон, или Корнелл, или, на худой конец, в университет на Восточном побережье. Они проговаривали «Восток» с таким благоговением, с каким мусульманин произносит «Мекка»... И вот я здесь, на Востоке.

— А вы, значит, поехали на Восток? — спросил Рикки. — Я ни разу не слышал, чтобы Эдвард рассказывал об этом.

— Нет. Я поехал в Калифорнию — туда, где верят в мистицизм. Там не охотились на ведьм, а устраивали с ними ток-шоу.

— Омар почему-то никогда не доезжает до Монтгомери-стрит, — проворчал Сирс.

Дон взглянул в окно и с удивлением увидел, что за разговором они незаметно добрались до конца улицы Анны Мостин. Сирс был прав. На Мэпл, где они теперь находились, на двухдюймовом, плотно утрамбованном слое снега виднелись следы протекторов и глубокие борозды от ножа трактора; улица напоминала белую реку, пробившую себе русло меж высоких белых берегов. А на Монтгомери снег был нетронут — слой как минимум в четыре фута. Кто-то недавно брел пешком прямо по середине, и глубокие провалы следов уже заносило свежим снегом.

Сирс заглушил двигатель, оставив включенными габариты.

— Если уж мы решились на это, ждать нет смысла.

Они выбрались из машины. Сирс поднял меховой воротник пальто и шумно вздохнул:

— Подумать только, совсем недавно я отказывался ступить на пастбище Нашего Вергилия, едва присыпанное первым снежком.

— А мне ненавистна сама мысль о том, чтобы опять войти в этот дом, — во весь голос заявил Рикки.

Все трое вглядывались сквозь снежную рябь в темный силуэт здания.

— Честно говоря, мне никогда не приходилось вламываться в чужой дом, — сказал Сирс. — Как вы предполагаете это сделать?

— Питер говорил, что Джим Харди разбил стекло задней двери. Все, что нужно, — это подойти к ней и повернуть ручку.

— А если мы их увидим. Вдруг они ждут нас?

— Тогда зададим им трепку почище сержанта Йорка, — сказал Рикки. — Если удастся. Вы помните сержанта Йорка, Дон?

— Нет, — ответил Дон, — я даже не помню Оди Мерфи. Пойдемте.

Он шагнул в сугроб, оставленный бульдозером. Лоб его уже настолько замерз, что казался стальной пластиной,

вживленной в кожу. Когда они с Рикки забрались на вершину сугроба, то повернулись к Сирсу, стоявшему, как маленький мальчик, с вытянутыми руками, и потащили его наверх. Сирс обвалился на гребень сугроба, словно кит, вылетевший на риф, и затем уже втроем они нарушили почти нетронутую снежную белизну Монтгомери-стрит.

Снег был выше колена. Дон догадался, что два старика ждут, когда он двинется первым, и побрел по улице к дому Анны Мостин, стараясь ступать в глубокие следы, оставленные кем-то ранее. Рикки пошел уже по его следам. Сирс же, взяв немного в сторону, тяжело шагал по целине.

Они пробивались к дому почти двадцать минут. Когда все трое наконец остановились у цели, Дон заметил, что Сирс и Рикки опять выжидательно смотрят на него, и понял: они не двинутся, пока он их не заставит.

— Одно радует — внутри будет теплее,— приободрил он их.

— Мне ненавистна сама мысль о том, чтобы опять войти в этот дом,— повторил Рикки, но уже не так громко.

— Ты уже говорил,— напомнил Сирс.— С той стороны, Дон?

— Да, пойдемте за дом.

Он снова прокладывал путь. Пока они буквально плыли по пояс в снегу, за спиной все время чихал Рикки. Как некогда Джим Харди и Питер Барнс, они остановились у окна боковой стены дома и заглянули в него — комната была пуста.

— Никого,— сказал Дон и двинулся за угол.

Он нашел разбитое Джимом оконце и, как только Рикки встал рядом с ним на ступеньку заднего крыльца, протянул руку и повернул ручку кухонной двери. Тяжело дыша, подтянулся Сирс.

— Входите скорее,— сказал Сирс.— Я замерзаю.

Это было одно из самых смелых заявлений, какие приходилось слышать Дону, и ответить на него он должен был с не меньшим мужеством. Он толкнул дверь и шагнул в кухню Анны Мостин. Сирс и Рикки последовали за ним.

— Ну, вот мы и пришли,— сказал Рикки.— Подумать только, пятьдесят лет... Разделимся?

— Что, страшно, Рикки? — спросил Сирс, нетерпеливо стряхивая снег с пальто.— Я поверю в этих упырей только в том случае, если увижу их. Вы с Доном можете осмотреть комнаты наверху. А я обойду этот этаж и подвал.

И если предыдущее заявление было проявлением мужества, то это, подумал Дон, являлось дружеским самопожертвованием, ибо никто из них не хотел оставаться здесь один.

— Договорились,— сказал он.— Я тоже буду удивлен, если нам что-то удастся обнаружить. Ну что ж, начнем.

Выйдя из кухни в коридор первым, Сирс скомандовал:

— Ступайте. За меня не волнуйтесь. Так мы сэкономим время, и чем быстрее управимся, тем лучше.

Дон был уже на лестнице, но Рикки вдруг задержался и повернулся к Сирсу:

— Если увидишь что-нибудь — кричи.

3

Дон и Рикки остались одни на лестнице.

— Здесь все было совершенно иначе,— сказал Рикки.— Все было по-другому, понимаете? Тогда здесь было так красиво. Комнаты внизу — и ее комната там, наверху. Очень красиво...

— И у Альмы дома тоже,— сказал Дон.

Рикки слышал тяжелые шаги Сирса. Его вдруг охватила тревога.

— Что такое? — встрепнулся Вандерлей.

— Ничего.

— Скажите. У вас так изменилось лицо...

Рикки покраснел.

— Это дом, который нам снился. Помните — наши ночные кошмары? Голый пол, голые стены, пустые комнаты — кто-то тяжело ходит внизу, прямо как сейчас Сирс. Именно с этого и начинался кошмар. В том сне мы лежали в спальне — вон там, наверху, — показал он на лестницу, — на последнем этаже. — Рикки поднялся на пару ступенек. — Мне надо посмотреть. Я должен заглянуть в ту комнату. Может, это поможет... остановить кошмары.

— Я иду с вами, — сказал Дон.

Дойдя до площадки, Рикки резко остановился.

— То, о чем Питер вам рассказывал... Не здесь ли все произошло? — Он показал на темный широкий мазок на стене.

— Здесь. На этом месте Бэйт убил Джима Харди. — Дон невольно слотнул. — Давайте лучше не останавливаться...

— Я не против, если мы разделимся, — быстро проговорил Рикки. — Почему бы вам не осмотреть бывшую спальню Евы и комнаты, что выходят на следующую площадку, а я пройду по верхнему этажу, хорошо? Так будет быстрее. Если я что-то найду, я позову вас. Мне тоже не терпится поскорее убраться отсюда — мне здесь не по себе.

Дон согласно кивнул. Рикки пошел наверх, а Дон повернул и распахнул дверь в спальню Евы Галли.

Тишина и запустение. Затем шум невидимой толпы: приглушенное шарканье ног, шепоты, шуршание бумаги. Поколебавшись, Дон шагнул в пустую комнату, и дверь вдруг с треском захлопнулась у него за спиной.

— Рикки? — спросил он, слыша, что его голос не громче этих странных шепотов.

Сумрачный свет иссяк, и с того мгновения, как он перестал видеть стены, Дону показалось, что комната стала

намного просторнее — потолок и стены раздвинулись вверх и вширь, оставив его в нематериальном пространстве, выхода из которого он не знал. Холодный рот прижался к его уху, и Дон услышал (или подумал?): «Добро пожаловать». Он резко выбросил руку в боковом свинге к источнику звука, запоздало подумав, что рот, как и приветствие, были всего лишь мысленными. Кулак встретил пустоту.

Словно в шутку желая наказать его, кто-то сделал ему подсечку, и Дон больно приземлился на руки и колени. Под ладонями он ощутил ворс ковра — тот постепенно приобретал синий цвет — и понял, что снова может видеть окружающее. Вандерлей поднял голову и увидел стоящего перед ним седоволосого мужчину в блейзере того же цвета, что и ковер, и серых слаксах над начищенными до зеркального блеска черными мокасинами; блейзер прикрывал небольшое аристократическое брюшко. Мужчина печально и сочувствующе улыбнулся ему сверху вниз и протянул руку; за его спиной еще кто-то шевельнулся. Дон сразу же понял, кто это был.

— Не ушибся, Дон? — спросил седоволосый. — Держи руку. — Он помог подняться. — Молодец, что решился. Мы ждали тебя.

— Я вас знаю, — сказал Дон, — вас зовут Роберт Мобли.

— Ну, разумеется. Ты же читал мои мемуары. Хотя ты не очень-то любезно отзывался о них. Но это неважно, мой мальчик, совсем неважно. Можешь не извиняться.

Дон оглядел комнату — необъятных размеров пол был слегка покат и оканчивался небольшой сценой. Дверей нигде не было видно, и блеклые стены вздымались почти на соборную высоту: где-то вверху мигали крошечные лампочки. Под этим фальшивым небом собралось человек пятьдесят—шестьдесят — как будто на вечеринку. В верхнем конце комнаты, где расположился небольшой бар, Дон заметил Льюиса Бенедикта в куртке хаки и с бу-

тылкой пива в руке. Он беседовал с мужчиной в сером костюме с ввалившимися щеками и ясными печальными глазами — это был, вероятно, доктор Джон Джеффри.

— Вы здесь, наверное, с сыном? — спросил Дон.

— С Шелби? Конечно. Вон Шелби, — кивнул он в направлении юноши, улыбнувшегося ему в ответ. — Мы собрались здесь в ожидании одного необычного представления, которое обещает быть поистине захватывающим.

— И все ждали меня?

— Разумеется, Дональд! Без тебя ничего бы не получилось.

— Я ухожу.

— Уходишь? Да что с тобой, мальчик мой, ты не можешь уйти вот так! Тебе же надо отдать распоряжение к началу представления — и потом, ты, наверное, уже заметил, что здесь нет ни одной двери. Тебе совершенно нечего опасаться — тебе ничто и никто не угрожает. Это же всего лишь развлечение, вот увидишь — театр теней, картины... И все.

— Идите к черту! — сказал Дон. — Мы это уже проходили.

— Ты имеешь в виду Ами Монктон? Господи, да она еще совсем ребенок. Ты себе не представляешь...

Но Дон уже отвернулся и пошел к дальней стене.

— Не делай этого, юноша, — крикнул Мобли вслед. — Ведь ты должен остаться с нами до окончания представления!

Дон толкнул обеими руками стену, чувствуя, что все в комнате смотрят на него. Стена была покрыта материей, напоминающей зеленое сукно, но под ней скрывалось что-то холодное и твердое, как металл. Он взглянул наверх, на подмигивающие светлые точки. Потом похлопал ладонью по стене: ни задрапированной двери, ни глухого отзвука — ничего, кроме сплошной стальной поверхности.

Невидимое освещение угасло, а следом и имитация звезд. Двое держали его — один за руку, другой за плечо.

Они силой развернули его лицом к сцене, освещенной единственным лучом прожектора. В центре желтого круга света появилась афиша, а на ней надпись:

**«РЭБИТФУТ ДЕ ПЕЙСЕР ПРОДАКШНЗ»
ИМЕЕТ ЧЕСТЬ ПРЕДСТАВИТЬ**

Из темноты вынырнула рука с табличкой поменьше:

«Краткое вступительное слово от нашего спонсора»

Занавес взмыл вверх и явил взору телевизионный экран. Дону сначала показалось, что там пусто, потом он начал различать детали на бледном экране — красная кирпичная стена, «снег», ставший вдруг настоящим снегом. Внезапно полная картина словно вылетела на него с экрана.

Это был вид Монттомери-стрит с острого высокого угла — очевидно, с крыши дома Анны Мостин. И сразу же появились действующие лица. Он, Сирс Джеймс и Рикки Готорн стояли посередине улицы: он и Рикки вглядывались в дом, пока были в кадре, потом — Сирс, смотревший себе под ноги, будто второй кадр намеренно показали в контраст первому. Звука не было, и Дон не мог вспомнить, что они сказали друг другу перед тем, как отправиться к дому. Следующие три быстрых кадра: три лица крупным планом — с инеем на бровях они напоминали морских пехотинцев, проводивших операцию по очистке захваченной территории от противника где-то в Арктике. У Рикки было усталое лицо с явными признаками сильной простуды. Ему было очень плохо — на улице Дон не заметил этого.

Потом в кадре появилась его рука, тянущаяся к разбитому оконцу. Наружная камера проводила их троих в дом, затем вторая — через кухню в темную прихожую и коридор. Еще один немой разговор; третья камера повела Дона и Рикки вверх по лестнице, Рикки остановился, показал рукой на кровь на стене. Его интеллигентное лицо исказилось болью — Дон вспомнил это выражение. По-

том они разделились, и Дон исчез с экрана в тот момент, когда он открывал дверь в спальню Анны Мостин.

Дон с тревогой смотрел, как камера продолжала вести Рикки вверх по лестнице. Потом в кадре возник пустой коридор с силуэтом Рикки — Готорн помедлил на площадке и продолжил путь наверх. Следующий кадр: Рикки ступает на последний этаж, пробует первую дверь и входит в комнату.

Теперь в самой комнате: Рикки проходит в дверь, а камера следит за ним, как притаившийся враг. Готорн тяжело дышит, осматривается с открытым ртом и широко распахнутыми глазами — он узнал комнату из своего сна. Камера начала наползать на него. Затем она — или тварь, глазами которой все это виделось, прыгнула.

Две руки схватили Рикки за горло и начали душить. Рикки боролся, силясь оттолкнуть запястья убийцы, но был слишком слаб, чтобы разжать хватку. Пальцы сжимались все сильнее, Рикки умирал: не так «аккуратно», как имитируют смерть актеры в кино, а — суетливо, панически, с выпученными глазами и высунутым окровавленным языком. Его спина беспомощно выгнулась, жидкость потекла из глаз и носа, лицо начало чернеть.

«Питер Барнс говорит, что они заставляют видеть, грезить наяву,— подумал Дон,— именно это сейчас и происходит».

Рикки Готорн умер на его глазах, на двадцатишестидюймовом цветном экране.

4

Рикки с трудом заставил себя открыть дверь первой спальни второго этажа. Лучше бы он остался дома со Стеллой. Ее так потрясла смерть Льюиса, хотя она и не знала подробностей, которые поведал Питер Барнс.

«Может, вот здесь, сейчас все и закончится»,— подумал он и вошел в комнату.

И чуть не упал: ноги подкосились, дыхание перехватило. Это была комната из его сна — каждый атом ее, казалось, был наполнен страданиями Клуба Фантазеров. Это здесь каждый из них в страхе обливался холодным потом; на этой самой кровати — сейчас на ней лежало серое одеяло, брошенное поперек голого матраца, — каждый из них мучился, обездвиженный и беспомощный. На этой кровати, как прикованные, они ждали, когда их жизнь оборвется. Эта комната была не для живых — ее холодная, зловещая мрачность являлась символом смерти.

Он вспомнил, что Сирс сейчас или очень скоро окажется в подвале. Но в отличие от сна того зверя из подвала не было, как не было и дрожащего Рикки, прикованного к постели. Он медленно повернулся, охватывая взглядом все помещение.

На боковой стене была единственная деталь не из сна: небольшое зеркало.

«Свет мой, зеркальце, скажи... Кто от ужаса дрожит?»

«Не я», — сказала курочка-пеструшка.

Рикки обогнул кровать и подошел к зеркалу. Вися прямо напротив окна, оно отражало кусочек белого неба. Мелкие снежинки проплывали по его поверхности и исчезали за деревянной рамкой.

Когда Рикки подошел еще ближе к зеркалу, слабый ветерок скользнул к его лицу. Он чуть наклонился вперед, и несколько легких снежинок выпорхнули и растаяли на его щеке.

И сделал ошибку, посмотрев прямо в зеркало, которое он было принял за маленькое открытое оконце.

Перед ним всплыло лицо — такое знакомое лицо, дикое и растерянное. Затем он увидел, как Эльмер Скейлс, спотыкаясь, бредет по снегу с ружьем в руке. Как и при первом своем появлении, фермер оказался весь в крови; лицо с торчащими ушами было ободрано до кости, однако что-то в его жутком облике заставило Рикки подумать:

он видел что-то красивое — Эльмер всегда мечтал увидеть что-нибудь необычайно красивое. Эта мысль как бы пузырьком выплыла на поверхность памяти Рикки и лопнула. Эльмер что-то кричал в бушующую вьюгу, вскинув к плечу ружье и паля во что-то маленькое, разнося его в кровавые клочья...

Затем Эльмер и его мишень исчезли, и теперь Готорн глядел в спину Бенедикта. Лицом к Льюису стояла обнаженная женщина, беззвучно шевеля губами. «Писание,— прочел Рикки по движению губ,— видишь Писание в пруду, Льюис?» Женщина не была живой, как и не была красивой, однако Готорн разглядел признаки ответного чувства и страсти на мертвом лице и понял, что перед ним жена Льюиса. Он попытался повернуться и уйти, но обнаружил, что не в состоянии двинуться с места.

В тот момент, когда женщина и Льюис сблизились вплотную, оба они растаяли, и Рикки увидел Питера Барнса, прячущегося за углом дома... нет, уже в самом доме. Он никак не мог вспомнить, в каком — но в очень знакомом ему. Такой знакомый уголок комнаты, старый вытертый ковер, закругленная светлая стена, лампа... И мужчина с лицом, напоминающим волчью морду, навис над Питером Барнсом, скалясь в ухмылке белыми, слегка выступающими вперед зубами. На этот раз не прилетела вьюга, не сжалась над Рикки и не укрыла завесой снега страшную сцену: существо, нагнувшись над сжавшимся в комок Питером, схватило его и, как лев убивает газель, сломало ему хребет. И так же, как лев, с рыком впилося зубами в тело и начало есть.

5

Сирс Джеймс исследовал комнаты на первом этаже дома и ничего не нашел. «Да вообще ничего,— думал он,— мы здесь, скорее всего, не найдем. Из-за одиноко валяющегося пустого чемодана вряд ли стоило в такую погоду сюда тащиться». Он вернулся в прихожую, услышал

шаги Дона, бесцельно бродившего где-то этажом выше, и быстро осмотрел кухню. Мокрые отпечатки — их собственные — темнели на полу. Единственный стакан мутно отсвечивал на пыльном буфете. Пустая раковина, голые полки. Сирс потер озябшие руки и пошел назад в прихожую.

«А теперь Дон простукивает стены — ищет скрытую в стене панель», — подумал Сирс и покачал головой. Тот факт, что они трое еще оставались живы и свободно бродили по дому, доказывал ему, что Ева уехала отсюда, ничего здесь не оставив.

Он открыл подвальную дверь. Деревянные ступеньки вели вниз, в крошечную тьму. Сирс нащупал выключатель, и лампочка осветила лестницу: показались ступени и цементный пол внизу, однако круг света заканчивался футами в семи-восьми от последней ступени. Это было единственным освещением здесь, понял Сирс, а значит, подвалом никогда не пользовались. Робинсонам было недосуг переоборудовать его в убежище или кладовую.

Он спустился на несколько ступенек и вгляделся в темноту. То, что он увидел, было похоже на любой милбурнский подвал: он шел под всем зданием, футов семь в глубину, со стенами из окрашенных бетонных блоков. Секция старого забора притулилась к дальней стене и отбрасывала многорукую тень, угасающую в сумраке; у боковой стены стояли высокий ребристый котел для горячей воды и две отключенные железные раковины.

Сверху донесся глухой удар, и сердце у Сирса екнуло: нервы были напряжены больше, чем он себе в этом признавался. Вскинув голову и обернувшись вверх, к началу спуска, он напряженно вслушивался — вдруг кто позовет на помощь, но было тихо: наверное, просто дверь хлопнула.

«Спускайся, Сирс, поиграем в прятки в темноте».

Джеймс сделал шаг вниз и увидел свою длинную тень, вытянувшуюся по цементному полу.

«Скорее, Сирс».

Он не слышал слов, звучащих в его мозгу, не видел ни образов, ни видений: но ему скомандовали, и он последовал за своей изломанной тенью вниз.

«Иди-ка, полюбуйся, какое я тебе приготовила развлечение».

Он ступил на цементный пол и ощутил прикосновение тошнотворного возбуждения, которое не было его собственным.

Сирс резко обернулся, испугавшись чего-то, подкрадывавшегося к нему из-за деревянной лестницы. Закуток под ней, освещенный полосами света меж ступенями, был пуст. Никого. Ему предстояло покинуть зыбкую безопасность освещенного пятачка пола и осмотреть темные углы подвала.

Он двинулся вперед, искренне сожалея, что не захватил с собой ножа, а тень его укорачивалась, отсекаемая границей мрака. И тут Сирса оставили последние сомнения.

— Боже мой! — вырвалось у него.

Джон Джеффри вышел на слабый свет возле секции забора.

— Сирс, мой старый добрый друг,— сказал он абсолютно бесстрастным голосом.— Хвала небесам, ты пришел! Они говорили мне, но я не знал... то есть я...— Джон помотал головой.— Все так перепуталось...

— Не подходи ко мне,— проговорил Сирс.

— Я видел Милли,— сказал Джон.— Представляешь, она не пустила меня на порог. Но я предупредил ее... То есть я просил ее предупредить тебя и все остальных. Кое о чем... О чем же? Не могу припомнить...— Он поднял измощенное лицо и скривил рот в жуткой улыбке.— Я перешел. Помнишь, Фэнни тебе говорил об этом? В твоей истории? Вот так... Я перешел, а Милли теперь не... не откроет... э-э...— Он прижал ладонь ко лбу.— О, это просто ужасно, Сирс. Помоги мне!

Джеймс, не в силах вымолвить ни слова, попятился от него.

— Прошу тебя... Странно. Снова здесь. Они заставили меня прийти сюда и дожидаться тебя. Пожалуйста, помоги мне, Сирс. Хвала небесам, ты здесь,— повторил он.

Пошатываясь, Джеффри пересек границу света, и Сирс заметил тонкий слой серой пыли, покрывавшей его лицо, и вытянутые вперед руки, и босые ступни. Джеффри двигался, как дряхлый больной старик, на его глазах тоже виднелась пыль с потеками высыхающих слез — все говорило о боли куда красноречивее, нежели его слова и шаркающая походка, и Сирс, вспомнивший рассказ Питера Барнса о Льюисе, чувствовал все же скорее жалость, чем страх.

— Да, Джон,— сказал он, и доктор Джеффри, явно ослепший на свету лампочки, повернулся на звук его голоса.

Сирс шагнул вперед, чтобы коснуться вытянутой руки Джона. В последнюю секунду он закрыл глаза. И почувствовал, как множество иголок несильно укололо его ладонь, а затем — и всю руку до плеча. Когда он открыл глаза, Джона уже не было.

Джеймс споткнулся о лестницу, больно ударившись грудью. Развлечения... Он потерял ушибленное место: сколько он еще встретит таких существ, шатающихся здесь?

И вскоре до него дошло, почему он употребил множественное число. Сирс покинул освещенный участок и, подойдя к прислоненному к стене забору, увидел кучу тряпок, сваленную у дальней стены. Старые туфли, какое-то рваньё: все это жутко напоминало тех овец на ферме Скейлса. Он хотел повернуться и уйти: все, начавшееся с того промозглого дня, когда они с Рикки ездили к Эльмеру, снова повторялось. Сирс наклонился и разглядел безвольно вытянутую руку, прядь светлых волос. Затем в одной из тряпок он узнал пальто Кристины Барнс: оно лежало такое плоское, почти пустое, и укрывало что-то,

тоже плоское и маленькое, что оканчивалось светлой пряжкой,— под ним было тело Кристины.

Крик вырвался сам собой, без его желания — Сирс звал Рикки и Дона; затем он усилием воли взял себя в руки, вернулся к началу лестницы и стал методично и громко выкрикивать их имена.

6

— Значит, вы втроем их и обнаружили,— подытожил Хардести.— Видок у вас не лучше, чем у покойников.

Сирс и Рикки сидели на диване в доме Джона Джеффри, а Дон — в кресле рядом с ними. Шериф, по-прежнему в пальто и шляпе, привалившись к каминной полке, с трудом сдерживал ярость. Мокрые следы его башмаков на ковре, источник нескрываемого раздражения Милли Шин (пока шериф не велел ей выйти), выписывали полукруг по комнате.

— Да и вы не краше,— парировал Сирс.

— Ну, надо думать. Вообще-то в жизни не видел таких трупов, как те два. Даже Фредди Робинсон был не настолько плох. А вы, Сирс? Видели что-нибудь подобное? А?

Тот отрицательно покачал головой.

— Нет. Вы чертовски правы. И никто такого не видел. Я собираюсь положить их в КПЗ — пусть ждут мясного фургона. И мне, как последнему сукиному сыну, предстоит отвезти миссис Харди и мистера Барнса на опознание. А может, вы сделаете мне одолжение, мистер Джеймс?

— Это ваша работа, Уолт,— отозвался Сирс.

— Черт! Моя работа, говорите? Моя работа — выяснять, кто все это вытворяет, а вы, два старых сыча, будете рассиживать тут, да? И конечно же, вы нашли их совершенно случайно. Просто случайно вломились именно в этот дом, просто случайно поехали покататься в такую поганую погоду. Господи, подумать только, что вы способ-

ны тайком забраться в чужой дом! Да мне следует запечатать всю вашу милую троицу вместе с этими жмуриками. Вместе со съеденным Льюисом Бенедиктом, и этим ниггером Соузой, и Гриффеном, замерзшим до смерти, потому что его хиппи-мама и хиппи-папа оказались такими раздолбаями, что не позаботились поставить обогреватель в детской! Вот чем мне надо заниматься, ясно?! — Хардести, уже не в состоянии сдерживаться, плюнул в камин и врезал ногой по решетке. — Господи, да я уже поселился в этой поганой тюрьме! Взять бы вас, козлов, за шиворот, посадить туда и посмотреть, как вам это понравится.

— Уолт, — сказал Сирс, — остыньте.

— Конечно. Клянусь Богом, если б на вашем месте был кто-то другой, а не пара столетних ушлых адвокатов, я б именно так и сделал.

— Послушайте, Уолт, — спокойно сказал Сирс, — если вы хоть на минутку перестанете нас оскорблять, мы скажем вам, кто убил Джима Харди и миссис Барнс. И Льюиса.

— Как же, скажете вы. Черта с два...

На мгновение воцарилась тишина; ее нарушил Хардести:

— Ну? Я все еще здесь.

— Убийца — женщина по имени Анна Мостин.

— Здорово. Прекрасно! Лучше не придумашь. Анна Мостин. Ну-ну. Это был ее дом — значит, это она. Отличная работа. Так... И что же она сделала — высосала их, как сырое яйцо? А кто их в этот момент придерживал — ведь ни одной женщине в одиночку не удержать этого психа Харди? А?

— Верно, ей помогли, — кивнул Сирс. — Мужчина, называющий себя Грегори Бэйтом или Бентоном. А теперь соберитесь, Уолт, потому что сейчас вам расскажут самое главное и... трудное для понимания. Бэйта нет в живых уже почти пятьдесят лет. И Анна Мостин...

Тут вмешался Рикки:

— Шериф, вы отчасти были правы с самого начала. Помните, мы осматривали овец Эльмера? И вы рассказали нам о серии других инцидентов, происходивших в шестидесятых годах?

Налитые кровью глаза Хардести округлились.

— Это такой же случай,— сказал Рикки.— И виновники те же. Только здесь они убивают людей.

— А причем тут Анна Мостин? — спросил Хардести; он весь напрягся.— Она что — вампир? Привидение?

— Что-то вроде этого,— подтвердил Сирс.— Изменяющая облик: так, наверное, будет понятнее.

— Где она сейчас?

— Как раз это мы и хотели выяснить, когда отправились в ее дом.

— И это все, что вы собирались рассказать мне? Больше ничего?

— Больше ничего.

— Интересно, способен ли кто так лихо врать, как столетний адвокат,— сказал Хардести и снова плюнул в камин.— Лады. А теперь я вам скажу пару слов. Я запрошу сведения об этой Анне Мостин. Это все, что я сделаю. А вы, два старых филина, и этот малый можете хоть всю зиму охотиться на привидений — мне плевать. Вы спятели, вот что я понял, у вас крыша окончательно съехала. И если я отловлю этого чертова убийцу, который дует пиво, и жрет гамбургеры, и катает детей на машине по воскресеньям,— я тогда высвистаю вас и от души рассмеюсь вам в физиономии. А потом буду долго радоваться, наблюдая, как народ без смеха не сможет слышать ваши имена. Вам понятно?

— Не орите на нас, Уолт,— тихо молвил Сирс.— Мы все хорошо поняли вас. Как поняли и еще кое-что.

— И что же, черт возьми?

— Что вы напуганы, шериф. Но в этом вы далеко не одиноки.

РАЗГОВОР С ДЖИ

- А ты правда моряк, Джи?
- Угу.
- Много повидал?
- Да.
- А почему ты так долго торчишь в Милбурне? Тебе разве не надо возвращаться на свой пароход?
- Отпуск.
- А почему ты ничего не делаешь, только в кино ходишь?
- Неохота.
- Знаешь, мне так нравится с тобой.
- Угу.
- Но почему ты никогда не снимаешь очки?
- Неохота.
- Когда-нибудь я сама сниму их.
- Потом.
- Обещаешь?
- Обещаю.

РАЗГОВОР СО СТЕЛЛОЙ

- Рикки, что с нами происходит? Что происходит с Милбурном?
- Происходит страшное. Сейчас я не хочу говорить тебе. Позже, когда все закончится.
- Ты пугаешь меня.
- Мне самому страшно.
- А мне страшно, потому что страшно тебе.
- Минуту Готорны молчали, обнявшись.
- Ты знаешь, что убило Льюиса?
- Думаю, да.
- Знаешь, я обнаружила в себе потрясающую вещь. Оказывается, я трусиха. Так что, пожалуйста, не рассказы-

вай мне. Да, я сама просила, но лучше не надо. Я просто хочу знать, когда это кончится.

— Мы с Сирсом постараемся ускорить финал. С помощью молодого Вандерлея.

— Он может помочь вам?

— Может. Он уже очень помог.

— Только бы этот ужасный снег перестал.

— Да. Но он не перестанет.

— Рикки, тебе было очень трудно со мной? — Стелла приподнялась на локте и посмотрела ему в глаза.

— Труднее, чем с любой другой женщиной. Но я очень редко мечтал о другой.

— Мне очень жаль, что я делала тебе больно. Рикки, я никого и никогда не любила так, как тебя. Несмотря на все мои приключения. И знаешь, теперь все кончено.

— Догадываюсь.

— Он был отвратителен. Он сидел в моей машине, и именно в тот момент меня поразила мысль, насколько же ты лучше его. И я его прогнала. — Стелла улыбнулась. — Он орал на меня. Орал, что я сука.

— Иногда так и есть.

— Иногда... Знаешь, мы чуть не нашли там тело Любиса.

— А я-то ломал голову, как Симс там очутился.

Снова воцарилось молчание. Рикки обнимал жену за плечи, глядя прямо перед собой и мысленно видя ее вечно молодой профиль. Если бы она выглядела иначе — смог бы он так долго терпеть все? Но если бы она выглядела иначе, она не была бы Стеллой — подобное предположение было абсурдным.

— Скажи мне кое-что, мой хороший, — шепнула она. — А кто была та женщина, о которой ты «очень редко мечтал»?

Рикки рассмеялся; через мгновение они смеялись оба — впервые за эти дни.

Дни текли незаметно, точно в спячке: Милбурн застыл, придавленный все увеличивающимся снежным покровом. Владельцы гаражей снимали трубки с телефонов и положили рядом, зная, что не в состоянии выполнить заявки на очистку: все снегоуборочные были в круглосуточной работе; Омар Норрис, садясь в трактор, прятал в каждом глубоком кармане пальто по бутылке и вдвое перевыполнял свою обычную норму по засыпке и утрамбовыванию припаркованных легковушек, по нескольку раз утюжа ножом одну и ту же улицу. Иногда, вернувшись в муниципальный гараж, он был настолько пьян, что заваливался спать прямо в конторке бригадира, не в состоянии дойти до дома. Выпуски «Горожанина» стояли в перевязанных кипах в углу типографии — мальчишски-разносчики не являлись за ними. В конце концов Нед Роулз закрыл редакцию на неделю и, раздав сотрудникам рождественские премии, отправил их по домам.

— В такую непогоду, — напутствовал он их каламбуром, — ничего не должно случиться страшнее непогоды. Желаю вам веселого Рождества.

Но даже в неподвижном городе кое-что происходило. Десятки машин слетали с дороги и, ткнувшись носом в кювет, оставались на месте, пока их совсем не заносило снегом. Уолтер Барнс просиживал у телевизора, питаясь исключительно выпивкой, и смотрел бесконечные шоу — не включая звука. Питер готовил еду.

— Я многое могу понять, — говорил Уолтер сыну, — но, черт возьми, я уверен, что это мне непонятно! — И продолжал молча и безостановочно пить.

В пятницу поздно вечером Кларк Маллигэн зарядил первый ролик «Ночи живых мертвецов», готовя проектор к субботнему показу, выключил везде свет, набросил дужку сломанного замка на пожарную дверь и вышел в метель. На улице возле пустой машины он обнаружил тело Пенни Дрэгер, наполовину занесенное снегом. Кларк

бил ее по щекам, растирал запястья, но ничто не могло вернуть ей дыхание или изменить выражение лица: Джи наконец позволил ей снять с него темные очки.

И Эльмер Скейлс наконец-то встретился с марсианином.

10

Это произошло за день до Рождества. Праздничная дата уже ничего не значила для Эльмера. Много недель он занимался своей рутинной работой; ослепленный яростным нетерпением, он рывкал на ребятишек и шлепал их, если те подходили близко, а все рождественские приготовления взвалил на плечи жены — ей пришлось и покупать подарки, и устанавливать елку, оставив Эльмера в покое до тех пор, пока ему не надоест сидеть ночи напролет и караулить то, чего нет, — а если что и есть, оно не будет дожидаться, пока его подстрелят.

В канун Рождества миссис Скейлс и дети отправились спать пораньше, а Эльмер остался сидеть в кухне с ружьем на коленях и листом бумаги и карандашом на столе справа от него.

Стул Эльмера был развернут к окну, и при выключенном на кухне свете он видел далеко вперед — аж до самого овина. За исключением тех участков, что он расчистил, снег всюду был глубиной по пояс: вполне достаточно, чтоб замедлить рывок любой твари, охотившейся за его скотинкой. Эльмеру не нужен был свет, чтобы записывать случайные строки, складывавшиеся в его голове: он даже не смотрел на листок. Он мог записывать, не отрывая глаз от окна.

«А летом старые деревья так высоки — хоть прыгай и лети».

И еще:

«Боже, Боже, труд фермера — тяжелое бремя».

Или:

«Что-то, но не белка, шуршит под застрехой...»

Всплывавшие как бы сами собой строки — Эльмер знал это — были не поэзией, а сплошной чепухой, но все же их стоило записывать, потому что они приходили ему на ум. Иногда они являлись сразу по нескольку — как чей-то диалог с его отцом, — и эти фрагменты были тоже зафиксированы им: «Уоррен, ты не дашь нам свой автомобиль? Обещаем вернуть его вскорости. Вскорости. Срочное дело».

Скейлсу казалось, будто сейчас в темной кухне рядом с ним был его отец, пытавшийся что-то втолковать ему об упряжке старых лошадей: «Это хорошие лошадки, присматривай за ними, сын, они твои кормильцы, без них тебе трудно будет тянуть семью в восемь ртов; кони уже не молоды, но старый конь борозды не портит (а кони-то уже двадцать лет как сдохли!)» — и опять что-то насчет автомобиля. «Не забудь, сынок, эти два мальчишки-адвоката разбили мою машину, врезались в столб или что-то в этом роде; они вернули за нее деньги наличными, но впредь не надо доверять таким молокососам, неважно, насколько богаты их папочки...» Скрипучий голос старого отца звучал, словно наяву. Эльмер все записал, мешая со строчками стихов, которые не были стихами.

Потом он заметил движение — темный силуэт со светящимися глазами плыл сквозь ночь и снег к его окну. Эльмер уронил карандаш, схватил ружье и чуть было не пальнул сквозь оконное стекло, но вовремя сообразил, что существо не собирается убегать: оно знало, что Эльмер здесь, и явилось за ним.

Скейлс отпихнул стул и поднялся. Он похлопал себя по карманам, убедившись, что они набиты патронами, затем поднял ствол и прицелился, поджидая, пока существо подойдет настолько близко, чтобы можно было его разглядеть.

Силуэт приближался, и Эльмера начали одолевать сомнения. Если оно знало, что всю дорогу от овина сидит у него на мушке, то почему не удирало? Он взвел курки. Те-

перь оно вышло на расчищенную дорожку меж двух больших сугробов, и Эльмер наконец разглядел, что оно намного ниже, чем ему показалось в первый раз.

Когда же оно сошло с дорожки и по снегу подошло к его окну и прижало к стеклу лицо, Эльмер увидел, что это ребенок.

Ошеломленный, Эльмер опустил ружье. Он не мог стрелять в ребенка. Лицо в окне вглядывалось в него с отчаянной мольбой — это было лицо страдания, лицо человеческого отчаянья. С горящими глазами оно умоляло его выйти, сжалиться над ним, спасти его.

Все еще слыша голос отца за спиной, Эльмер пошел к двери. Держа ружье в одной руке и взявшись за щеколку другой, он немного помедлил. Потом отворил дверь.

Морозный воздух и снежная пыль дунули в лицо. Ребенок стоял на дорожке, отвернув голову. Кто-то произнес:

— Спасибо, мистер Скейлс!

Эльмер резко обернулся на голос и увидел высокого мужчину, стоявшего слева на сугробе. Он маячил на гребне, легкий как перышко, и кротко улыбался ему сверху. Лицо его было изжелта-бледным, а глаза, показалось Эльмеру, являли странное, вибрирующее средоточие сотен оттенков золота.

Он был невероятно красивым — ничего красивее фермер в жизни не видал, — и Эльмер понял, что никогда не найдет в себе сил выстрелить в него.

— Вы... ты... а почему... ух... — промямлил Эльмер.

— Вот именно, мистер Скейлс, — чуть улыбнулся красавец и без всякого усилия опустился с вершины сугроба на дорожку. Когда он оказался лицом к лицу с Эльмером, фермеру показалось, будто глаза незнакомца лучатся великой мудростью.

— Ты не марсианин, — сказал Эльмер. Он даже не ощущал холода.

— Нет, конечно. Я часть тебя, Эльмер. Теперь ты это понял, правда?

Скейлс машинально кивнул.

Красивое создание положило руку ему на плечо:

— Я пришел поговорить с тобой о твоей семье. Ты ведь хочешь отправиться с нами, да, Эльмер?

Тот снова кивнул.

— Тогда тебе необходимо кое о чем позаботиться. В настоящий момент ты слегка... не в себе, так? Ты себе представить не можешь, Эльмер, сколько гадостей причинили тебе окружающие. Боюсь, ты должен кое-что узнать о них.

— Поведай мне,— попросил Эльмер.

— С удовольствием. И ты знаешь, что надо будет сделать?

Эльмер согласно прикрыл глаза.

11

Тем же вечером несколько часов спустя Уолт Хардести проснулся в своем кабинете и заметил, что на полях его «стэтсона» появилось новое пятно: он во сне опрокинул стакан с остатками «Бурбона».

— Уроды,— пробурчал он, имея в виду помощников, затем вспомнил, что помощники давно разошлись по домам и два дня их здесь не будет.

Шериф поставил стакан и проморгался. Свет в неряшливом кабинете больно бил в глаза, однако казался до странности блеклым — приглушенным и розоватым; таким он бывал ранним весенним утром в Канзасе сорок лет назад. Хардести кашлянул и потер глаза, чувствуя себя, как тот тип из старой сказки, заснувший однажды вечером и проснувшийся седым и бородатым столетним стариком.

— Черт бы всех побрал,— хрипло пробормотал Уолт и как следует прокашлялся. Потом потер пятно на шляпе рукавом рубашки, но оно было еще сырым и не отошло. Он поднес шляпу к носу. «Что за черт!» — подумал он и

пососал темно-коричневое пятно. Хлопок, пыль, немного виси и противный привкус мокрого фетра.

Хардести подошел к раковине, прополоскал рот и нагнулся к зеркалу. «Знаменитый шляпосос», — ухмыльнулся он, удовлетворенный своим отражением, и хотел было отвернуться, но вдруг заметил, что за спиной слева дверь в коридор к камерам открыта настежь.

Этого быть не могло. Он открывал дверь лишь тогда, когда Леон Черчилль или кто-то другой из помощников притаскивал очередной труп, чтоб сгрузить в камеру к остальным, ожидавшим машины из окружного морга. В последний раз это было тело Пенни Дрэгер — он припомнил, как ее, когда-то шелковистые, черные волосы свисали грязными сосульками. Хардести потерял счет времени с тех пор, как были найдены тела Джима Харди и Кристины Барнс и усилился снегопад, но он думал, что Пенни здесь уже, по крайней мере, дня два, — и с тех самых пор дверь ни разу не открывали. А теперь — пожалуйста, нарасташку, словно один из компаний мертвецов решил прогуляться, но, увидев шерифа спящим в кабинете, вернулся в камеру и укрылся простышкой.

Хардести обошел стол, зацепив его на ходу, остановился, подровнял его, подошел к двери и захлопнул ее; чуть постоял, а затем направился в коридор к камерам. Там он остановился перед железной дверью, к которой не прикасался с того дня, когда привезли тело дочери Дрэгеров, — она тоже была не заперта.

— Госсподи, — насупился Хардести, поскольку, если у помощников имелись ключи от первой двери, то от этой ключ был лишь у него одного. Шериф снял его со связки, болтавшейся на ремне рядом с кобурой, вставил в скважину и услышал щелчок — замок закрылся. Секунду он тупо разглядывал ключ, словно ждал, что тот сам по себе откроет дверь, а затем попытался повернуть его: как никогда с трудом, но ключ повернулся. Шериф медленно потянул дверь на себя.

Ему припомнилась бредовая версия Сирса Джеймса и Рикки Готорна, которую они пытались навязать ему: что-то в духе фильмов ужасов Кларка Маллигэна. «Это просто дымовая завеса, скрывающая то, что им на самом деле известно. Надо быть полным идиотом, чтоб поверить в нее. Будь они помоложе, начистил бы им физиономии... Да они просто насмехались надо мной, определенно что-то зная. Если б они не были адвокатами...»

Со стороны камер донесся звук.

Хардести дернул дверь и шагнул в узкий бетонный коридор с камерами. Даже здесь, в темноте, воздух, казалось, наполнял розоватое неясное свечение. Тела лежали под простынями — точно мумии в музее. Не мог он слышать никакого звука, показалось — разве что стена тюрьмы треснула от мороза.

Шериф понял, что трусит, и теперь презирал себя за это. Он не смог бы уже определить, кто и где конкретно лежит, — их так много, так много тел под простынями... Правда, трупы, сложенные в первой камере справа, он точно помнил: Джим Харди и миссис Барнс — и этим двоим уже никогда не произнести ни единого звука.

Уолт взглянул на них сквозь прутья решетки. Тела были положены на пол у дальней стены, под нарами, — две неподвижные белые фигуры. Здесь полный порядок. «Погоди-ка...» — подумал шериф, пытаясь припомнить тот день, когда их сюда привезли. А разве он положил миссис Барнс не на нары? Он же точно помнит, что... Хардести впился взглядом в трупы. «Погоди-ка, минутку, минутку», — напрягал он память, и вдруг даже тут, в холодном неотопливаемом колодце коридора, он взмок. Маленький, закутанный во все белое, сверток (он припомнил: ребенок Гриффенов, замерзший насмерть) лежал на нарах.

— Да что за черт! — громко сказал он. — Да не может быть!

Он же положил малыша рядом с Союзой, в камеру напротив.

Единственное, чего ему сейчас безумно хотелось, — запереть все двери, откупорить свежую бутылочку и убраться отсюда немедленно, однако он открыл дверь в камеру и вошел. Должно же быть какое-то объяснение: например, один из помощников вернулся и переложил тела, освободил немного места — вдруг еще подвезут... Но и этого быть не могло без его ведома и участия (ключ-то один!)... Он посмотрел на светлые волосы Кристины Барнс, выбившиеся из-под простынки. А ведь секунду назад простыня была аккуратно обернута вокруг головы.

Он попытался к выходу из камеры, теперь уже совершенно не в состоянии стоять рядом с телом Кристины, и, оказавшись на пороге, в панике оглядел остальные трупы. Все было не так — словно каждое тело чуть сдвинулось, перевернулось на бок, или повернуло голову, или скрестило ноги, пока он стоял спиной к ним. Уолт застыл на пороге камеры, и ему было жутко оттого, что он стоит спиной к остальным мертвецам, но он был не в силах оторвать глаз от Кристины Барнс. Ему показалось, что ее волосы, как пена, выползают из-под простыни.

А когда Хардести быстро взглянул на маленький сверток на нарах, ноги едва не подкосились. Шерифу показалось, что мертвый ребенок заворочался, и макушка лысой головки просунулась из простыни — гротескная пародия на роды.

Хардести выскочил в темный коридор. Хотя он и не видел, как они двигаются, но весь был охвачен дикой, панической и отчетливой уверенностью в том, что все тела в камерах пришли в движение, — если б он чуть подольше остался там, они бы развернулись и потянулись к нему все, словно иголки к магниту.

Из последней камеры, пока еще пустой, донесся неприятный, сухой, скрипучий звук. Смешок. Хардести вздрогнул и начал пятиться, пока не наткнулся спиной на металлическую дверь, тут он резко развернулся, вылетел из коридора и с грохотом захлопнул ее.

ЗАПИСИ ЭДВАРДА

Дон, ссутулившись у окна, с беспокойством смотрел в направлении Хавен-лэйн — они должны были приехать еще пятнадцать—двадцать минут назад. Если только Сирс не сел за руль — тогда неизвестно, сколько они будут тащиться от дома Рикки со скоростью пять—десять миль в час, ежеминутно рискуя на перекрестках и у светофоров. Одно успокаивало — попав, не дай бог, на такой скорости в аварию, они останутся живы. Однако в этом случае они могут застрять где-то по пути между домом Рикки и его дяди и, беззащитные, без машины, в глубоком снегу, стать легкой добычей Грегори.

Дон отошел от окна и спросил Питера:

— Хочешь кофе?

— Да нет, спасибо. Не видно?

— Пока нет. Должны вот-вот появиться.

— Жуткая ночь. Пожалуй, хуже не было.

— Думаю, нам недолго осталось их ждать, — сказал Дон. — Твой отец не возражал, что ты уходишь из дому в канун Рождества?

— Нет, — ответил Питер, и лицо его, изменившись, впервые за вечер приняло несчастное выражение. — Он... Он так переживает, не может никак успокоиться. Он даже не спросил, куда я иду. — Губы Питера задрожали, и Дон видел, с каким трудом парень сдерживался, чтоб не разрыдаться.

Дон снова подошел к окну и, прижав ладони к холодному стеклу, всмотрелся:

— О, кто-то едет.

Питер поднялся и встал рядом.

— Тормозят. Это они.

— Мистер Джеймс сейчас живет у мистера Готорна?

— Мы решили, что так безопасней. — Он наблюдал, как Сирс с Рикки, выйдя из машины, пробиваются по сугробам к дорожке.

— Хотел вам кое-что сказать,— проговорил за его спиной Питер, и Дон повернулся к нему лицом.— Я очень рад, что вы с нами.

— Питер,— сказал Вандерлей,— если мы сумеем справиться с этими тварями до того, как они с нами, то это в основном благодаря тебе.

— Мы справимся,— тихо произнес юноша, и Дон, идя к двери, подумал о том, что и он рад, что Питер с ними.

— Входите,— сказал он гостям.— Питер уже здесь. Как ваша простуда, Рикки?

Готорн покачал головой:

— Стабильна. Есть что-нибудь новенькое?

— Да, на пленках дяди. Давайте, помогу вам раздеться. Минутой позже он вел адвокатов по коридору.

— Да, пришлось здорово попотеть, пока нашел нужные записи,— говорил он на ходу.— Дядя, оказывается, никак не помечал их.— Дон открыл дверь в кабинет.— Поэтому вы видите то, что видите.

Пустые белые коробки и магнитофонные катушки лежали чуть ли не по всему полу. Стол тоже был завален коробками.

Сирс сбросил катушку с кресла и опустился в него; Рикки присел на плетеный стул у стены с книжными полками.

Дон подошел к столу.

— Кажется, у дяди Эдварда существовала какая-то систематизация записей, однако я так и не смог разобраться, в чем она заключалась. И прежде чем я отыскал пленки с Мор, мне пришлось прослушать все.— Он сел за стол.— Будь я романистом другого жанра, мне б не пришлось задумываться над сюжетом новой книги. Тут бездна их. Дядюшке изливали столько грязи, что Вудварду и Бернстайну и не снилось.

— Как бы там ни было,— констатировал Сирс, вытянув ноги и рассыпав при этом стопку коробок,— вы нашли, что искали. Давайте займемся этим.

— Напитки на столе,— сказал Дон.— Вам они потребуются. Прошу вас.

Пока Сирс и Рикки наливали себе виски, а Пит — колу, Дон объяснял им процедуру записи.

— Он просто оставлял магнитофон включенным — очевидно, хотел зафиксировать все сказанное собеседником. Причем не только во время самого интервью, но также во время еды, выпивки, просмотра телевизора — важно было ухватить каждый момент. Поэтому собеседник иногда оставался здесь один, а запись шла. И мы сейчас прослушаем несколько именно таких моментов.— Дон развернулся вместе со стулом и включил магнитофон.— Я перемотал пленку заранее, так что мне не понадобится обращать ваше внимание на что-то конкретное. Он нажал «Play», и голос Эдварда Вандерлея наполнил комнату:

— ...Значит, он поколотил вас за то, что вы истратили деньги на уроки актерского мастерства?

Девичий голос отвечал:

— Нет. Он бил меня лишь за то, что я есть.

— Что вы сейчас об этом думаете?

Недолгое молчание, затем ее голос:

— Не могли бы налить мне что-нибудь выпить? Мне трудно говорить об этом.

— О, да, конечно, я понимаю. «Кампари» с содовой?

— Вы помните. Как мило!

— Я мигом.

Скрип стула, шаги; дверь закрылась.

Несколько секунд последовавшей за этим тишины Дон не сводил глаз с Рикки и Сирса. Оба они глядели на крутящиеся с легким шипением магнитофонные катушки.

— Мои старые друзья сейчас слушают меня? — Голос был другим, старше, резче, суше.— Хочу с вами поздороваться.

— Это Ева,— сказал Сирс,— голос Евы Галли.— Вместо страха его лицо налилось гневом.

Рикки выглядел так, будто его простуда резко усилилась.

— Расставание после нашей последней встречи было настолько унижительным и бесчестным, что я хочу, чтоб все вы знали: я отлично запомнила вас. Тебя, милый Рикки, и тебя, Сирс,— каким достойным мужем ты стал! И тебя, красавчик Льюис. Как же тебе сегодня повезло: ты слушаешь меня! А ты никогда не задумывался над тем, что было бы, если б ты сам пошел в спальню девочки вместо того, чтобы посылать туда жену? И бедный противеньский Джон — разреши заранее поблагодарить тебя за праздничный ужин. Я собираюсь от души повеселиться на нем, Джон, а также хочу оставить тебе подарочек — подарок на память для всех вас.

Дон снял пленку с магнитофона, сказав:

— Ничего пока не говорите. Сначала послушайте вторую.

Он поставил другую катушку и перемотал ее, поглядывая на счетчик. Потом включил воспроизведение.

Эдвард Вандерлей:

— Вы не хотите немного прерваться? Я могу организовать небольшой ленч для нас с вами.

— Да, будьте любезны. И не беспокойтесь за меня. Я просто посижу тут и посмотрю ваши книги, пока все приготовят.

Когда Эдвард вышел из комнаты, из динамиков вновь раздался голос Евы Галли:

— Привет, мои закадычные друзья! А ваш юный друг с вами?

— Не ты, Питер,— сказал Дон.— Это она обо мне.

— Дон Вандерлей здесь? Дон, я жду не дождусь вновь повидаться с тобой. И ты знаешь, я это сделаю. Я нанесу визит каждому из вас и персонально отблагодарю за то, как вы со мной обошлись когда-то. И я надеюсь, вы с нетерпением ждете невероятных событий, которые я припасла для вас.

Затем она начала делать небольшие паузы, словно хватывала фразы из разных глав:

— Я перенесу вас туда, где вы никогда не бывали.

— И буду смотреть, как жизнь вытекает из вас.

— И буду смотреть, как вы подыхаете, точно насекомые. Насекомые.

Дон остановил магнитофон.

— Есть еще одна запись, которую я хотел бы поставить, но, думаю, вы поняли, почему я решил, что вам следовало прослушать эти.

Рикки все еще был в шоке:

— Она знала. Она знала, что мы все соберемся здесь... и будем слушать ее. Ее угрозы...

— Однако она обращалась к Льюису и Джону, — сказал Сирс. — Это главное.

— Вот именно. Вы понимаете, что это означает? Она не может в точности предвидеть события, она лишь может строить довольно неплохие догадки. Она думала, что кто-то из вас прослушает эти записи вскоре после смерти моего дяди. И будет жить в страхе целый год — до того момента, как она отпразднует годовщину смерти Эдварда убийством Джона Джеффри. Она не сомневалась, что вы напишете мне и что я приеду сюда и вступлю во владение унаследованным домом. Мой приезд был частью ее плана.

Голос с певучим южным акцентом раздался из мощных колонок:

— Дон. Как мы с тобой были счастливы! Разве мы не любили друг друга, Дон? Мне было так горько расставаться с тобой — правда, я покидала Беркли с разбитым сердцем. Ты помнишь запах разогретых солнцем листьев в тот вечер, когда ты провожал меня? И где-то вдали лаяла собака? О, как это было чудесно, Дон! И посмотри, что ты со всем этим сделал! Я так гордилась тобой. Ты беспрестанно думал обо мне, ты стал так близок мне. Я хотела, чтобы ты понял, чтобы ты увидел и узнал все, и распахнул свой ра-

зум и свою душу навстречу тем невероятным возможностям, которыми мы обладаем. Я пыталась донести это до тебя через рассказы о Таскере Мартине и ХХХ...

Дон нажал на «Стоп».

— Альяма Мобли,— пояснил он.— Думаю, вам дальше будет неинтересно.

Питер Барнс пошевелился в кресле:

— Чего она хочет?

— Убедить нас в своем всемогуществе. Запугать нас до такой степени, что мы сдадимся.— Он наклонился вперед над столом.— Однако эти записи доказывают, что она не всесильна. Она делает ошибки. Как ошибаются и ее упыри. Их можно победить.

— Однако вы не Кнут Рокни, и это отнюдь не игра,— подавал голос Сирс.— Я еду домой. Вернее, домой к Рикки. Если, конечно, вы не припасли еще парочку призраков для прослушивания.

Всех удивил Питер, ответивший ему:

— Мистер Джеймс, вы меня извините, но, по-моему, вы не правы. Это как раз и есть большая игра. Дурацкое выражение, и я знаю, почему вы употребили его, но избавиться от этих жутких вещей или существ — это сейчас самое главное. И я рад, что мы выяснили, что они порой ошибаются. Я думаю, сарказм сейчас неуместен, это неправильно. Вы бы так не вели себя, если бы видели их... если б видели, как они убивают.

Дон ожидал, что Сирс сейчас обрушится на паренька, раздавит словами, но адвокат просто допил виски и, подавшись вперед, спокойно заговорил:

— Ты забываешь: я видел их. Я знал Еву Галли, и я видел, как она, мертвая, села на заднем сиденье и устала в окно. И я знаю того зверя, что убил твою мать, и знаю его жалкого малолетнего брата — того, что держал тебя и заставлял смотреть. Когда он был всего лишь умственно отсталым школьником, я пытался спасти его от Грегори — возможно, так же, как ты пытался спасти от него

свою мать,— и так же, как и ты, потерпел неудачу. Как и ты, я в душе кипаю от негодования и оскорбления, когда слышу этот голос, в любом ее обличье,— все мое существо буквально встает на дыбы от негодования при звуке этого ввинчивающегося в тебя голоса. Несомненно, таким образом она потешается над нами — после всего, что она сделала. Очевидно, я всего лишь имел в виду, что меня устроят некие более конкретные действия.— Он тяжело поднялся.— Я уже старик, и я привык выражать свои мысли так, как сочту нужным. Боюсь, что порой я бываю груб,— Сирс улыбнулся мальчику,— отчего тоже немудрено мысленно закипеть от негодования и встать на дыбы. Однако надеюсь, ты проживешь достаточно долгую жизнь, чтобы понять всю прелесть этого.

«Если мне когда-либо потребуется адвокат,— подумал Дон,— ты будешь моим единственным выбором».

Похоже, что и Питера убедили слова Сирса:

— Не знаю, удастся ли мне достичь такого мастерства,— сказал он, возвращая Сирсу улыбку.

«Что ж,— размышлял Дон, когда все ушли,— голоса с пленок потерпели неудачу: прослушивание еще крепче сплотило их четверых. Критика Питера в адрес Сирса, полная юношеского максимализма, в то же время была и наградой, и Сирс по достоинству оценил ее».

Дон вернулся к магнитофону и, нахмурившись, нажал на кнопку «Play». Вкрадчивый поначалу, ее радостный голосок продолжал:

— ...и об Алане Маккични, и все другие истории, которыми я старалась прикрыть от тебя истину. И это правда, я страстно желала, чтоб ты понял: твоя интуиция намного сильнее и тоньше, чем у кого бы то ни было. Ты удивил даже Флоренс де Пейсер. Но что хорошего это дало? Как твоя Рэйчел Вэрни, я живу на свете с тех самых пор, как этот континент освещали лишь маленькие лесные кост-

ры, с тех самых пор, как люди одевались только в кожу и шкуры,— и даже в те времена люди ненавидели нас, а мы платили им взаимностью. Твой род такой добродушный, и самодовольный, и самонадеянный — внешне,— и такой неврастеничный, трусливый, так лелеющий себя — внутренне. По правде, мы терпеть вас не можем оттого, что находим вас бесконечно скучными. Мы бы давно уже покончили с вашей цивилизацией, но сознательно жили на ее окраинах, вызывая восстания, и междоусобицу, и местную панику. Мы поселились в ваших снах и воображении, потому что только в них вы интересны.

Дон, ты делаешь роковую ошибку, если недооцениваешь нас. Разве можно победить облако, мечту, поэму? Человечество полностью в плену своего воображения, и когда вы хотите найти нас — ищите в своем воображении, в собственных снах. Но, несмотря на все эти разговоры о воображении, мы неумолимо реальны — реальны, как ножи,— поскольку разве они тоже не есть инструменты воображения? И если мы захотим напугать вас, мы напугаем вас до смерти. Потому что вы умрете, Дон. Сначала твой дядя, затем доктор, потом Льюис. Потом Сирс, а за Сирсом — Рикки. А следом за ними — и все остальные, кого бы вы ни призвали в помощь себе. Вообще-то, Дональд, ты уже мертвец. Так что с тобой покончено. И Милбурн умрет вместе с тобой.— Певучий луизианский акцент улетучился; из голоса исчезла даже женственность. В нем не осталось вообще ничего человеческого.— Я потрясу Милбурн до основания, Дон. Я и мои друзья вытянем клещами душу из этого жалкого городишка и раскрошим его кости своими клыками.

Зашипела пустая пленка, и Дон, сняв катушку с магнитофона, сунул ее в коробку. Двадцать минут спустя он рассовал все катушки по коробкам, сложил в стопки, затем перенес их в гостиную и долго, методично скармливал их огню камина: они дымились, извивались, и неприятно

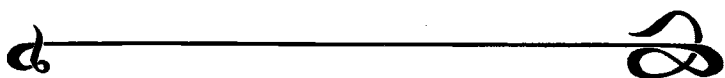
пахли, и наконец таяли, черно пузырясь на пылающих поленьях. Если б Альма видела его сейчас, она бы смеялась.

«Ты уже мертвец, Дональд».

— Черта с два! — громко сказал он. Он вспомнил измученное лицо Элеонор Харди, так быстро съеденное старостью; Альма десятилетиями потешалась над ним и Клубом Фантазеров, принижая их достижения и конструируя их трагедии, прячась во мраке за фальшью маски, выжидая момент для смертельного прыжка.

«И Милбурн умрет вместе с тобой».

— Если только мы не ударим первыми,— сказал он пламени,— если только мы на этот раз не подстрелим рысь.

III

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ КЛУБА ФАНТАЗЕРОВ

«Разве можно победить облако, мечту, поэму?»
Альма Мобли

— А что есть невинность? — спрашивал Нарцисс друга.

— Это значит воображать, что жизнь твоя — тайна, — отвечал его друг. — А точнее, воображать, что есть какая-то тайна между тобой и зеркалом.

— Понимаю, — сказал Нарцисс. — Это недуг, который вылечивается любованием своим отражением.

1

В коло семи утра Рикки Готорн повернулся на кровати и застонал. Чувства паники и тревоги наполняли его, темнота настораживала: надо скорее вставать, надо что-то делать, чтобы предотвратить какую-то страшную трагедию.

— Рикки? — пробормотала рядом Стелла.

— Все хорошо, все хорошо, — ответил он и сел.

Окно на противоположной стене спальни смотрело в серую темень с редкой рябью лениво падающих белых хлопьев, огромных, напоминавших снежки. Рикки слышал, как колотится сердце: бум! бум! Кто-то был в страшной опасности; за мгновение перед пробуждением он увидел образ и знал, кто это был,— во сне. Теперь же он знал лишь то, что нельзя ему оставаться в постели. Он отвернул одеяло и спустил ногу на пол.

— Опять кошмар, милый? — хрипло шепнула Стелла.

— Нет. Не волнуйся, Стелла, все нормально.— Он погладил ее плечо и поднялся с постели. Желание срочно действовать, торопиться не отпускало. Рикки сунул ноги в тапочки, натянул поверх пижамы халат и тихо подошел к окну.

— Хороший мой, ты чем-то расстроен? Иди ко мне.

— Не могу.

Рикки потер лицо. Ощущение тревоги все еще билось в груди, как птица,— тревоги о том, что кто-то, очень близкий, сейчас в смертельной опасности. Снег преобразил задний двор Готорнов в цепь блуждающих белых хребтов и ущелий.

И именно снег помог вспомнить: снег, дунувший на него из зеркала в доме Евы Галли, краткое видение Эльмера Скейлса, бегущего, пошатываясь, по глубокому снегу, и его лицо, искаженное принудительной обязательностью перед командующей безжалостной красотой. Поднимающего ружье — и разносящего выстрелом что-то маленькое в кровавые клочья. Желудок Рикки словно перевернулся, сильная боль передалась внутренностям. Он прижал ладонь к животу и снова застонал. Ферма Эльмера Скейлса! Там началась последняя сцена агонии Клуба Фантазеров.

— Рикки, что случилось?

— Я что-то видел в зеркале,— сказал он, выпрямившись, поскольку боль отступила, и понял, что для Стеллы его слова полная бессмыслица.— Я имею в виду... что-то с Эльмером. Мне надо срочно ехать к нему.

— Рикки, семь утра, Рождество.
— Это не имеет значения.
— Ну, как же ты поедешь. Позвони ему сначала.
— Да,— сказал он, уже на пути из спальни,— я попробую.

Готорн вышел на площадку лестницы — а тревога все звенела, лилась по жилам (бум! бум!),— рванулся в гардеробную и, похватав одежду, подбежал к лестнице, торопясь и одеться, и успеть позвонить.

Снизу донесся явственный шум. Рикки положил руку на перила и спустился.

Сирс, полностью одетый, с переброшенным через руку зимним пальто, вышел ему навстречу. Присущее Джеймсу на протяжении всей жизни выражение агрессивной вежливости исчезло с его лица, сменившись тревожной напряженностью.

— И ты тоже...— сказал Сирс, видя ту же напряженность на лице Рикки.— Извини, если разбудил.

— Я только что проснулся,— ответил Рикки.— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Возьми меня с собой.

— Не вмешивайся,— сказал Сирс.— Все, чего я хочу, это выйти отсюда, немного оглядеться — убедиться, что все в порядке. Я чувствую себя, как кошка на сковородке.

— Стелла подсказала дельную мысль. Давай сначала попробуем успокоиться. А потом съездим вдвоем.

Сирс покачал головой:

— Ты будешь сдерживать меня, Рикки. В одиночку мне безопаснее.

— Перестань.— Рикки положил руку на локоть Сирсу и повернул его к дивану.— Никто никуда не поедет, пока мы не попробуем дозвониться. А потом поговорим, что следует предпринять.

— Да не о чем говорить,— сказал Сирс, однако все же сел. Он развернулся так, чтобы видеть Рикки, взявшего телефон и поставившего его на кофейный столик.— Ты помнишь его номер?

— Конечно.

Рикки закончил набор. Гудки, гудки, гудки... Рикки дождался десятого... двенадцатого. А сердце все так же бешено билось: бум! бум!

— Бесполезно,— буркнул Сирс.— Я поехал. Возможно, и не получится: такие дороги...

— Сирс, еще так рано,— сказал Рикки, опуская трубку,— может, спят и не слышат звонка.

— В семь?..— Сирс взглянул на свои часы.— В семь десять рождественского утра? В доме, где восемь детей? Что-то не похоже. Нет, там явно неладно, и если мне удастся все же добраться до фермы, я по крайней мере попытаюсь сделать так, чтобы не случилось худшее. Я не собираюсь дожидаться, пока ты оденешься.— Сирс встал и начал надевать пальто.

— Может, лучше позвонишь Хардести? Пусть вместо тебя съездит. Ты же знаешь, что я видел там, в доме.

— Ты шутишь, Рикки? Хардести! Не говори глупостей. Эльмер не будет стрелять в меня. И мы оба это знаем.

— Не будет,— печально подтвердил Рикки,— но так тревожно на душе, Сирс. Ева что-то такое творит — как тогда, с Джоном... Мы не должны позволить ей разъединить нас. Если мы разбежимся кто куда — ей будет легче переловить нас поодиночке. О, я уверен, я точно знаю, что-то ужасное происходит там, но ты можешь навлечь еще большую беду, если поедешь туда один.

Сирс посмотрел сверху на умоляющего его Рикки, и нетерпение на его лице растаяло.

— Стелла никогда не простит мне, если я возьму тебя, такого простуженного, с собой. И Дону понадобится по меньшей мере полчаса, чтоб добраться сюда. Рикки, не задерживай меня.

— Мне никогда не удавалось заставить тебя делать то, что ты не хочешь делать.

— Верно,— сказал Сирс и застегнул пальто.

— Ты неисправим, Сирс.

— Да все такие. Ты можешь назвать кого-нибудь, кто «исправим»? Я и так уже потерял столько времени, так что не держи меня и не заставляй выслушивать, как ты будешь отправлять правосудие, вспоминая Гитлера, Альберта де Сальвио, или Рихарда Шпека, или...

— Господи, что за чушь вы городите?! — Стелла стояла на пороге гостиной и поправляла руками волосы.

— Прибей гвоздями к дивану своего мужа и вливай в него горячее виски, пока я не вернусь, — сказал Сирс.

— Не отпускай его, Стелла, — попросил Рикки, — ему нельзя ехать одному.

— Это срочно? — спросила она.

— Ради всего святого... — тихо проговорил Сирс, и Рикки кивнул.

— Тогда пусть едет. Надеюсь, ему удастся завести машину.

Сирс развернулся в сторону прихожей, и Стелла сделала шаг в сторону, пропуская его. Но прежде чем выйти, он оглянулся еще раз взглянуть на Рикки и Стеллу:

— Я вернусь. Не волнуйся за меня, Рикки.

— По-моему, ты понял, что уже, кажется, слишком поздно.

— По-моему, «слишком поздно» было пятьдесят лет назад, — сказал Сирс, повернулся и ушел.

2

Сирс надел шляпу и вышел, такого морозного утра он не помнил: словно десятки жал тут же впились в уши и кончик носа, а через несколько секунд — и в незакрытую часть лба. Он осторожно двигался по скользкой тропинке, заметив, что в эту ночь, впервые за три недели, нападало намного меньше снега, чем в предыдущие: всего дюймов шесть-семь. А это означало, что у него были неплохие шансы добраться на «линкольне» до автострады.

Ключ вошел в замок лишь наполовину: нетерпеливо чертыхаясь, Сирс выдернул его и стянул с руки перчатку,

чтобы достать зажигалку. Холод сразу вцепился в пальцы, но зажигалка выплюнула пламя, и Сирс поводил его язычком по ключу. В тот момент, когда ключ накалился так, что Сирс едва не вскрикнул, он вставил его в скважину. Дверца открылась.

Затем последовали бесконечные попытки завести двигатель: Сирс сжал зубы и мысленными приказами помогал стартеру. Он вдруг вспомнил лицо Эльмера Скейлса, каким видел его во сне, — тот пристально глядел на него безумными, ничего не видящими глазами, и говорил: «Приезжайте, мистер Джеймс, я не ведаю, что творю, ради всего святого, приезжайте скорее». Двигатель скрежетал и плевался, затем наконец схватился. Сирс утопил педаль газа, заставив мотор взречься, а затем несколько раз подвигал машину вперед и назад, пробуждая ее от спячки и уминая державшие ее невысокие сутробы.

Развернув «линкольн» носом к улице, Сирс вытащил из бардачка скребок, вылез из машины и очистил восьмидюймовый прямоугольник на ветровом стекле прямо напротив руля. Остальное растопит печка.

— Кое о чем тебе лучше не знать, Рикки, — обратился он к самому себе, думая об отпечатках детских босых ног на снегу, вот уже третий день появляющихся под окном его комнаты. В первое утро он плотно задернул шторы на случай, если Стелла зайдет прибраться; на второй день он понял, что у Стеллы довольно бессистемный подход к ведению уборки в доме: ни за какие посулы она не войдет в гостевую комнату, а скорее будет покорно дожидаться, когда их уборщица из Холлоу сможет наконец добраться до ее дома. Два утра подряд детские ноги пятнали снег, неумолимо подбиравшийся к самому окну. Сегодня же, после того как безумное лицо Эльмера бесцеремонно вытолкнуло его из сна, Сирс увидел следы уже на подоконнике. Сколько пройдет времени, пока Фэнни не появится уже в доме Готорнов, весело топоча по лестнице вверх и вниз? Если Сирсу удастся увести его, он, возможно, выиграет больше времени для Рикки и Стеллы.

А между тем, ему надо ехать к Эльмеру Скейлсу... Скорее, ради всего святого. Рикки, несомненно, тоже получил сигнал тревоги, но, к счастью, Стелла оказалась дома и помогла удержать его.

«Линкольн» выкатился на улицу и начал пробивать себе путь в снегу. «Еще один плюс,— подумал Сирс.— В такое время рождественского утра на улице можно встретить разве что Омара Норриса».

Сирс отогнал от себя лицо и голос Эльмера и сосредоточился на дороге. Омар, кажется, опять работал всю ночь, потому как почти все центральные улицы Милбурна были выскоблены до нижнего слоя утрамбованного, смерзшегося снега. Единственной опасностью на этих улицах были занос, скольжение и последующее столкновение с похороненной под снегом машиной... Он представил себе, как Фэнни Бэйт забирается на подоконник, поднимает раму, проскальзывает в дом, приюхиваясь к запаху человечины... Да нет, на окнах ставни и запоры, к тому же Сирс проверил: внутренние рамы надежно закрыты.

Возможно, он ошибался; возможно, ему следовало развернуться и возвратиться домой к Рикки.

И в то же время Сирс понимал, что не сможет так поступить. Он не остановился на красном сигнале светофора в конце площади и снял ногу с педали акселератора; машина пошла боком — пусть своим ходом катит мимо отеля. Нельзя возвращаться: голос Эльмера, казалось, звучал уже громче, еще слышнее были нотки боли, замешательства («*Господи, Сирс, у меня голова кругом, что же здесь творится...*»). Адвокат чуть повернул руль и выровнял «линкольн»; единственным трудным участком оставалось шоссе — эти несколько миль предательских подъемов и спусков, кюветы там по обеим сторонам полны разбившихся или застрявших машин... Может, придется и пешком добираться.

«Боже мой, откуда столько крови?.. Похоже, эти бродяги все-таки доконали меня, и мне так страшно, Сирс, мне так страшно...»

Сирс слегка нажал на педаль газа.

3

Поднявшись на самый верх по Андерхилл-роуд, он притормозил: здесь оказалось намного хуже, чем он ожидал. Сквозь легкий снегопад и утренний сумрак виднелись красные огни снегоочистителя Омара, невероятно медленно пыхтевшего в направлении шоссе. Девятифутовый сугроб, напоминавший идеальной формы гребень волны, нависал вдоль расчищенного участка улицы. Если он попытается объехать Омара, то наверняка похоронит «линкольн» в снегу.

На какое-то мгновение в нем мелькнул импульс именно так и поступить — утопить в пол акселератор, пролететь на всей скорости спуск и врезаться «линкольном» в снег, пробить в нем путь, обогнав Омара на его едва ползущем троне, и выскочить на шоссе. И Эльмер будто нашептывал ему именно об этом. *«Не останавливайся, мистер Джеймс, поторопись, я не могу больше...»*

Сирс просигналил, всей пятерней нажав на кнопку. Омар оглянулся: увидев «линкольн», он поднял руку с оттопыренным вверх пальцем, и сквозь заднее стекло трактора Сирс увидел его, покачивающегося на сиденье, с лицом, закрытым обледелой лыжной маской, — и понял сразу две вещи. Норрис был пьян и чуть жив от усталости; и он орал Джеймсу, чтобы тот разворачивался и не съезжал с холма. Колеса не удержат «линкольн» на спуске.

Однако настойчивый, умоляющий голос Эльмера не дал ему понять все это.

«Линкольн» на холостом ходу скатился вниз на несколько дюймов. Омар остановил трактор, встал и наполовину высунулся из кабины. Другую руку вытянул в жесте регулировщика. Сирс нажал на тормоз, и «линкольн»

затрясся на неровном утрамбованном снегу. Омар делал круговые движения свободной рукой, чтобы Джеймс разворачивался или сдал назад.

Автомобиль Сирса скользнул еще на несколько дюймов вниз по склону, и он схватился за ручной тормоз, уже думая, не как и куда направлять машину, а лишь бы остановить движение. А Эльмер все твердил: «Сирс... скорее... очень...» — и его высокий умоляющий голос толкал машину вперед.

И тут он увидел Льюиса Бенедикта — тот снизу бежал ему навстречу, размахивая руками, чтобы Сирс остановился; полы куртки хаки хлопали у него за спиной, волосы развевались.

«...Скорее... скорее...»

Сирс снял руку с рычага тормоза и утопил педаль газа. «Линкольн» дернулся вперед, жалобно взвизгнув задними колесами, и полетел к подножию холма, виляя, как рыба хвостом. За фигурой бегущего Льюиса смутно виднелся Омар Норрис, замерший в безмолвном изумлении.

На скорости семьдесят пять миль в час «линкольн» пролетел сквозь Льюиса; Сирс открыл рот и закричал, резко выворачивая руль влево. Машина крутанулась трижды вокруг своей оси и с силой стукнула задним правым крылом в снегоочиститель, прежде чем врезалась в громадный сугроб.

Закрыв глаза, Сирс услышал, как что-то тяжелое с противным и мягким звуком ударилось о ветровое стекло: мгновением позже ему показалось, что воздух вокруг сгустился; а спустя следующую, бесконечно долгую секунду машина резко встала, словно уткнувшись в стену.

Он открыл глаза — темнота вокруг. Голову жгло в том месте, которым он ударился при столкновении. Сирс пощупал лоб — кровь. Другой рукой включил свет в салоне. Лицо Омара Норриса в маске, прижатое к ветровому стеклу, смотрело пустым глазом на пассажирское сиденье. Пять футов снега вцепились в машину, как цемент.

— Вперед, братишка,— раздался низкий голос из-за спины.

Маленькая ладонь с черной землей под ногтями протянулась вперед и погладила Сирса по щеке.

Свирепость собственной реакции поразила Сирса: он заметался из стороны в сторону на сиденье, пытаясь выбраться из-за руля; он совершенно не задумывался о своих действиях, движимый лишь спазматическим отвращением. Щеку жгло в том месте, где ее коснулась детская ладонь; замурованная машина уже наполнилась запахом разложения. Джеймс обернулся: *они* сидели на заднем сиденье, глазели на него с раскрытыми ртами — похоже, он их тоже напугал.

Отвращение к этим грязным тварям буквально взорвало его. Он не умрет покорно в их руках! Резко выдохнув, Сирс подался вперед и, нанеся, пожалуй, первый за шестьдесят лет удар кулаком, задел скулу Грегори и ободрал с нее кожу, коснувшись сырой мягкой плоти. Блестящая жидкость проступила у Бэйта на щеке.

— Ага, так вас можно увечить! — вскричал Сирс.

Рыча, гадкие твари набросились на него.

4

ДВЕНАДЦАТЬ ДНЯ, РОЖДЕСТВО

С первых слов, произнесенных Хардести, Готорн понял, что шериф опять пьян. Когда же тот изрек первые несколько фраз, Рикки уразумел еще одно: Милбурн остался без шерифа.

— Вы знаете, как все оформить,— сказал Хардести и рыгнул.— Так что займитесь этим. Вы меня слышите, Готорн?

— Я слышу вас, Уолт.— Рикки присел на диван и посмотрел на Стеллу, закрывшую лицо руками.

«Как же она сейчас убивается,— подумал он,— что отпустила его одного, что отправила его без благословения, даже не поблагодарив».

Дон сидел на корточках рядом с креслом Стеллы и обнимал ее за плечи.

— Ага, слышите. Ну, слушайте. Я когда-то служил на флоте, слышали, адвокат? В Корее. Заработал три нашивки, слышите меня? — В трубке раздался громкий треск: похоже, Хардести рухнул в кресло и сбил лампу. Рикки не отвечал.— Три проклятушие нашивки. Моряк с печки бряк. Можете называть меня героем, возражать не буду. Короче, не утруждайте себя и не указывайте мне, чтоб я поехал на ферму. Сосед зашел к ним около одиннадцати — обнаружил их. Скейлс их всех порешил. А потом лег под свое треклятое дерево и снес себе полголовы. Полиция штата забрала все тела на вертолете. А теперь скажите-ка мне, адвокат: почему он это сделал? И почему вы знали, что там что-то случилось?

— Потому что когда-то я брал машину у его отца,— сказал Рикки.— Хотя это для вас пустой звук, Уолт.

Дон поднял на него глаза, а Стелла еще сильнее прижала ладони к лицу.

— Пустой звук, черт бы вас взял. Великолепно. Ну, что ж, можете поискать себе другого шерифа. Я завязываю, как только к нам пробьются окружные бульдозеры. И я волен поехать куда глаза глядят — попомните мое слово. Куда угодно! И не из-за того, что тут творится, не из-за той мясорубки, которую устроил Скейлс. Вы и ваши дружки суки-богатеи до сих пор что-то прячете в рукаве — до сих пор! что бы оно ни вытворяло — лучше сидеть и сопеть в трубочку. Я прав? Вырезали всю семью Скейлса. Жди теперь где угодно, правильно? И кто же свалил все это на нашу голову, а, мистер адвокат? Говорите! А?

Рикки молчал.

— Можете называть это Анной Мостин — да только все это ваш обыкновенный адвокатский треп. Дьявол, я

всегда думал, что вы козел, Готорн. Но вот что я скажу вам: если кто-то вдруг покатит на меня бочку, вам не поздоровится. Вы и ваши дружки вечно суетесь и достаете меня своими бредовыми идеями — если вообще у вас еще остались дружки. Вот и займитесь делом. А я буду сидеть тут до того момента, как разгребут дороги. Помощников я разогнал по домам и теперь застрелю первого, кто попытается подойти к участку. Все вопросы потом.

— А как насчет Сирса? — спросил Рикки, зная, что Хардести не заикнется об этом, пока он сам не спросит. — Кто-нибудь видел Сирса?

— О, Сирс Джеймс! Ну да. Очень интересный случай. Полицейские штата и его нашли. Увидели его машину, наполовину заваленную снегом, в самом низу Андерхилл-роуд. Рядом трактор, весь раз... раздолбанный. Можете забрать его и похоронить, где пожелаете, мой маленький друг. Если, конечно, в этом чертовом городе еще не всех порубили на куски или не высосали напрочь. Уфф! — Он опять рыгнул. — Я нажрался, как свинья, адвокат. И буду продолжать в том же духе. А потом отвалю отсюда. И пошли вы все к черту! — Он бросил трубку.

— Хардести сошел с ума, — сказал адвокат. — Сирс погиб.

Стелла зарыдала; вскоре они втроем замкнули круг, положив руки друг другу на плечи, словно ища утешения в этом простом жесте.

— Я остался последний, — проговорил Рикки в плечо жены. — О боже, Стелла. Я последний.

Позднее, тем же вечером, каждый из них (Рикки и Стелла в своей спальне, Дон в гостевой) слышал звуки музыки: шумные трубы и хриплые саксофоны, веселую песню ночи, настоящий соул, плавную и текучую музыку американских низов, — и, вслушиваясь в мелодию, они с возрастающим напряжением улавливали, как растет ее темп, ее веселье и разнузданность. Оркестр Доктора Рэ-битфута праздновал победу.

Миновало невеселое Рождество, и даже соседи перестали видаться друг с другом, а самые отчаянные оптимисты, еще строившие планы на новогодний вечер, по-немногу забыли о них. Все общественные заведения оставались закрытыми — «Янг Бразерс» и библиотека, церкви, аптеки и офисы; на Уит Роу сугробы подобрались к подоконникам первого этажа. Даже бары не работали, и толстый Хэмфри Стэлледж отсиживался в своем доме, что стоял позади ресторана, играл с женой в карты и, прислушиваясь к завыванию ветра, говорил, что, когда снегоуборочные из округа пробьются к ним, он станет снова зарабатывать больше Минта — ведь ничто не гонит народ в бары так, как непогода. Жена его сказала: «Ты рассуждаешь, как могильщик» — и после этой фразы их разговор, как и карточная игра, увяли: все уже знали о Сирсе, и об Омаре Норрисе, и о самом страшном — о том, что сотворил Эльмер Скейлс. Казалось, если достаточно долго прислушиваться к легкому шороху падающего снега, услышишь не только то, что он шепчет тебе, что ждет тебя, но узнаешь и какую-то страшную тайну — тайну, способную окрасить твою жизнь в черный цвет. Некоторые жители Милбурна внезапно просыпались по ночам в три, в четыре часа и думали, что им снится один из детей Скейлса, стоящий в ногах у кровати и ухмыляющийся. И не могли никак вспомнить, который же из мальчиков им явился — то ли Дэви, то ли Батч или Митчелл, однако вот он — стоит рядом, ребра просвечивают сквозь кожу на худеньком теле, изможденное лицо светится...

Со временем все узнали и о Хардести: как он стал добровольным затворником в своем участке в компании всех этих страшных тел, сложенных в камерах. У обоих мальчишек Пиграмов имелись снегоходы, и они как-то причадили к двери участка, чтобы проведать шерифа — а точнее, проверить, на самом ли деле он свихнулся, как

говорят взрослые. Едва лишь они слезли со снегоходов, как в окне появилась отекая, испитая физиономия и приникла к стеклу: Хардести погрозил мальчишкам пистолетом и заорал, что, если они сейчас же не стянут эти чертовы лыжные маски и не покажут ему свои лица, то лиц у них вообще не останется. Многие рассказывали, что знают человека, приятель которого клянется, что, проходя мимо шерифовой конторы, слышал, как Хардести орал и визжал — не на кого-то конкретно, а может, просто на себя самого или, может, на того, кто в подобную погоду может запросто разгуливать по Милбурну, свободно проскальзывая в сновидения и свободно покидая их, прячась по темным углам; на того, кто заводит по ночам эту музыку — такую, на первый взгляд, радостную и праздничную, а на самом деле пробуждающую самые мрачные и злоеющие чувства. И люди прятали головы в подушки, уговаривая себя, что это где-то играет радио или ветер фокусничает, — они выдумывали все что угодно, лишь бы до последнего мгновения не верить и не ведать о том, что там, за их окнами, в городе, поселилось нечто такое, что делает эти звуки такими пугающими.

Питер Барнс поднялся с постели в эту ночь, тоже услышав музыку и подумав, что на сей раз братья Бэйты, Анна Мостин и Донов Доктор Рэбитфут пришли именно за ним. (Хотя в то же время он сознавал, что причина в другом.) Он запер дверь своей комнаты, забрался в постель и зажал уши ладонями; однако неистовая музыка стала еще громче: с каждым мгновением нарастая, она приближалась по улице.

И прекратилась прямо перед его домом: словно невидимый палец нажал на магнитофоне кнопку «Стоп». Навалившаяся тишина была заряжена еще большей энергией, чем только что звучавшая музыка. Питер, не в силах терпеть это напряжение, тихонько встал с кровати и глянул в окно.

Там, внизу, где он недавно видел своего отца, шагавшего по улице на работу и напоминавшего маленького русского, в серебристом лунном свете выстроилась цепочка людей. Он узнал каждого из стоявших на свежевыпавшем снегу, где когда-то была улица. Задрав кверху головы и глядя на него, застыли с раскрытыми ртами все умершие горожане, и Питер не мог понять, стояли они в его воображении или Грегори Бэйт и его покровительница каким-то образом транслировали их подвижное изображение: а может, тюрьма Хардести и поддюжины могил вдруг вскрылись и выпустили своих обитателей погулять. На него глядели Джим Харди, страховой агент Фредди Робинсон, старый доктор Джеффри и Льюис Бенедикт, и Харлан Ботц — последний недавно скончался, очищая от снега свою дорожку. Омар Норрис и Сирс Джеймс стояли рядом с дантистом. Сердцем Питер потянулся к Сирсу и опять взглянул на адвоката — он понял, отчего вновь зазвучала музыка. Из-за спины мистера Джеймса вышла девушка, и Питер узнал Пенни Дрэгер — ее когда-то привлекательное лицо было пустым и неживым, как у остальных. Маленькая стайка ребятишек окружала высокое тощее пугало с ружьем, и Питер кивнул, шепнув себе: «Скейлс». Затем толпа расступилась, пропуская вперед его мать.

Это был не тот, похожий на Кристину Барнс призрак, встретивший его на парковке у «Бэй Три»: как и из других мертвецов, из матери была выпита жизнь, ее оболочка оказалась слишком пуста, но Питер не впал в отчаянье, лишь сердце его дрогнуло. Кристина сделала несколько шагов вперед, к границе их участка; затем протянула к юноше руки, рот ее беззвучно шевелился. Он знал, что человеческие слова не могут звучать из этих губ, из этого управляемого тела, — возможно, это была лишь мольба о помощи или плач. Она, они — все просили его выйти. Или молили о покое, о сне?

Питер заплакал. Они казались такими испуганными и совсем не страшными. Печальные и жалкие, они стояли под его окном и как будто просто снились ему. Их пригнали сюда Бэйты и хозяйка, надеясь заполучить его, Питера Барнса. Слезы стыли на щеках. Юноша отвернулся от окна. «Господи, сколько же их, сколько их...»

Он упал навзничь на кровать и долго лежал, уставясь в потолок. Скоро они уйдут... А вдруг утром он выглянет из окна и опять увидит их внизу, вмерзших в сугробы? И тут вновь взметнулась музыка, взорвавшись ярко-красной вспышкой,— да, они уходят, маршируя в такт ликующему оркестру Рэбитфута.

Когда музыка замерла вдалеке, Питер встал и опять подошел к окну. Точно. Ушли. Даже не оставили следов на снегу.

Он спустился в темную гостиную и увидел полосу света, выбивавшуюся из-под двери телевизионной комнаты. Питер легонько толкнул дверь.

Телевизор показывал светлые, беспорядочно движущиеся точки, по которым вниз плыла черная полоса и, скрываясь за рамкой экрана, вновь появлялась сверху. Стойкий, густой запах виски наполнял комнату. Отец с открытым ртом лежал в кресле, откинувшись на спинку и чуть похрапывая,— галстук развязан, кожа на лице и на шее желто-серая, как пергамент. Почти опустошенная бутылка и полный стакан соседствовали на столе. Питер подошел к телевизору и выключил его. Затем легонько потряс отца за плечо.

— М-м-м.— Отец открыл мутные сонные глаза.— Пит... Что за музыка?

— Тебе приснилось.

— Сколько времени?

— Почти час.

— Я думал о твоей матери... Ты так похож на нее, Пит. Мои волосы, ее лицо. В этом тебе повезло.

— Я тоже думал о ней.

Отец выбрался из кресла, потер щеки и взглянул на юношу абсолютно трезво:

— Ты повзрослел, Пит. Странно. Я только сейчас заметил, что ты стал мужчиной.

Питер, взволнованный, не отвечал.

— Не хотел тебе говорить: сегодня днем мне звонил Эд Винути, а он слышал от полицейских штата. Эльмер Скейлс, фермер, — помнишь, недалеко от города? Оформлял у нас закладную. Помнишь его детишек? Эд сказал, что Эльмер убил их. Всех. Перестрелял детей, потом застрелил жену, а потом — себя. Питер, город сходит с ума...

— Пойдем спать, — сказал сын.

6

Несколько дней Милбурн оставался недвижим — как та карточная игра Хэмфри Стэлмеджа, брошенная им после того, как у его жены вырвалось слово, показавшееся им обоим верхом неприличия: могильщики и могилы были запретной темой, поскольку все в городе хорошо знали или были родственниками тех, чьи тела покоились под простынями в тюрьме. Люди просиживали у телевизоров, готовили себе размороженные полуфабрикаты — и молились, чтобы не оборвало линии электропередач. Люди избегали друг друга. Выглянув в окно и увидев пробирающегося в глубоком снегу к входной двери соседа, невольно можно было принять его за таинственное существо, трансформированное стихией в свое дикое, свирепое и небрежное подобие: и поймешь, что он кинется на любого, кто посмеет заглянуть в тот магазин, где он покупает еду себе и своей семье. Его уже коснулась паутина чар той неистойой музыки, что все чаще звучала по ночам.

Если старого доброго Сэма (помощника управляющего шиномонтажной мастерской и аса в покере) или старого доброго Эйса (пожарного на пенсии, работающего на обувной фабрике в Эндикотте, невероятно скучного,

пославшего своего сына в медицинский колледж) не было поблизости и они не следили за вами голодным взглядом, означавшим: «Чего уставился, ублюдок?» — значит, все обстояло куда хуже: вам уже никто не угрожал, потому что угрожать было некому. Улицы стали проходимы лишь для пешеходов. Девятифутовые, двенадцатифутовые заносы, непрекращающаяся метель, нависшее тусклое небо. Дома на Хавен-лэйн и Мелроуз-авеню выглядели брошенными: крепкие ставни и плотные шторы отторгали жителей от окружающего. Город выглядел так, словно все его жители лежали под простынями в камерах Хардести.

Между Рождеством и Новым годом простые горожане, изредка вспоминаящие о Еве Галли или Стрингере Дэдаме и о Клубе Фантазеров как о коллекции музейных экспонатов (если вообще когда-то думали о них), ложились спать все раньше и раньше — поначалу в десять, затем в поддесятого, — потому что навязчивая мысль о жуткой погоде за окном вызвала желание закрыть глаза и не открывать их до рассвета. И если дни были пугающими, то ночи — просто ужасающими. Ветер носился по улицам, бился в двери и ставни, два-три раза в каждую ночь его порывы сотрясали стены, словно штормовые валы, причем с такой силой, что мигал свет. Мальчишки Пиграмов слышали ночью какой-то стук в окно своей комнаты, а утром увидели на сугробе отпечатки босых ног. Неутешный Уолтер Барнс был не единственным в городе, кто решил, что город сходит с ума.

В последний день уходящего года мэр города смог наконец обойти трех помощников шерифа и приказал им вытащить Хардести из участка и отправить в больницу — мэр боялся, что, если они не расчистят улицы, начнется мародерство. Он назначил Леона Черчилля исполняющим обязанности шерифа — это был самый крупный и самый тупой из помощников, однако самый послушный — и сказал ему, что если он не приведет в порядок трактор Омара Норриса и не займется уборкой снега, то

мгновенно лишится работы. Так что в канун новогоднего праздника Леон Черчилль отправился в муниципальный гараж, осмотрел трактор и обнаружил, что тот не так уж плох. «Линкольн» Сирса погнул кое-где лопасти снегомета, но все остальное было в рабочем состоянии. В то же самое утро за первый час уборки работы он заработал столько похвал от мэра, сколько Омар Норрис не сумел за всю жизнь.

Но когда помощники пробудились в конторе шерифа, они обнаружили лишь пустую комнату и провонявшую раскладушку. Уолт Хардести исчез — очевидно, за эти четыре дня. От него остались четыре пустые бутылки из-под «Бурбона» — ни записки, ни намек на то, куда он отправился, и, разумеется, никаких признаков той выворачивающей внутренности паники, охватившей его, когда он, оторвав голову от стола, чтобы подкрепиться виски, услышал шум из камер. Поначалу Хардести показалось, что он слышит чей-то разговор, затем звук, похожий на тот, что производит мясник, бросая шмат мяса на колоду. Не-е-ет, он не станет дожидаться, пока тот, кто там шумит, пойдет по коридору сюда, а наденет-ка он шляпу, пальто и тихонько ретируется на улицу, в метель. Уолт оделся быстро и четко, как курсант по команде, но вдруг чья-то рука ухватила его за локоть и спокойный голос проговорил прямо в ухо:

— Вот и встретились, шериф?..

Когда трактор Леона раскопал его, Уолт Хардести напоминал статую — искусно вырезанную из слоновой кости статую девяностолетнего старика.

7

Вопреки предсказаниям синоптиков о продолжении снегопада в течение первой недели января он шел всего лишь два дня. Хемфри Стэаледж опять открылся, работая в баре в одиночку — Анни и Энни были заперты бездо-

рожем в своем селе,— обнаружил, что торговля идет куда лучше, чем он предполагал. Он простаивал за стойкой по шестнадцать часов и, когда жена приходила сделать гамбургеры, говорил ей:

— Ну вот, видишь, дороги немного разгребли, ребята теперь могут сесть за руль, и первое место, куда они направляются,— это бар. Где и сидят целый день. Это тебе о чем-нибудь говорит?

— Ты все сам сказал,— отвечала она.

— В любом случае, погода для выпивки — в самый раз! — радовался Хэмфри.

Погода для выпивки? Пожалуй. Более того: Дон Вандерлей, подъезжая с Питером Барнсом к дому Готорнов, размышлял о том, что в этот сумрачный день, все еще невероятно морозный, погода напоминала разум человека, надрвавшегося в стельку. Не было ни одной из тех вспышек сверхъестественной яркости, которые он видел в Милбурне несколько недель назад,— ни свечения дверей и изгородей, ни внезапных необъяснимых цветных переливов. Никакого волшебства. Все, что не было белым, выглядело тусклым и безжизненным; не было солнца, и не было четких теней, а все, что находилось в тени, казалось чересчур темным.

Вандерлей бросил взгляд через плечо на крепко перевязанный сверток на заднем сиденье. Их жалкое примитивное оружие, найденное в доме Эдварда. Теперь, когда у него созрел план и они втроем были готовы дать бой, даже эта унылая погода пророчила им поражение. Хорошенькое воинство: он, да взвинченный семнадцатилетний паренек, да старенький простуженный адвокат. На какое-то мгновение их затея представилась ему комично-безнадежной. Однако без этих смельчаков не оставалось бы даже надежды.

— А помощник шерифа чистит хуже Омара,— раздался голос Питера справа.

Это было сказано лишь для того, чтобы прервать молчание, но Дон кивнул: мальчик был прав. Леон явно испытывал затруднения с тем, чтобы удерживать нож на нужной высоте, и после того как трактор проезжал по улице, она приобретала необычный террасный вид. Трех-четырехдюймовая разница в уровнях поверхности заставляла их машину двигаться, как карусельный паровозик. На обеих сторонах улицы здесь и там валялись сбитые почтовые ящики — Черчилль цеплял их краем ножа.

— На этот раз мы хоть что-то попытаемся сделать, — то ли сказал, то ли спросил Питер.

— Попробуем попытаться, — ответил Дон, глянув сбоку на него. Барнс напоминал молоденького солдата, побывавшего за две недели в дюжине перестрелок: смотришь на него — и ощущаешь горечь спаленного адреналина.

— Я готов, — сказал парень. Слыша непоколебимость в его словах, Дон почувствовал, как напряжены у Питера нервы, и задумался, сможет ли этот мальчик, уже сделавший намного больше, чем он сам и Рикки, вынести еще одно испытание.

— Погоди немного, ты еще не знаешь, что я задумал, — сказал Вандерлей. — Может, ты откажешься. И это будет в порядке вещей. Я пойму, Питер.

— Я готов, — повторил паренек, и Дон почувствовал, как тот весь содрогнулся. — И что же вы задумали?

— Еще раз наведаться в дом Анны Мостин, — ответил он. — Я все объясню у Рикки.

Питер тихонько вздохнул:

— Я все равно готов.

8

— Это было частью сообщения на пленке с Альмой Мобли, — сказал Дон.

Рикки Готорн, сидя на диване и чуть подавшись вперед, смотрел не на Дона, а на упаковку одноразовых плат-

ков на столе перед ним. Питер Барнс метнул взгляд на Вандерлея и тут же отвел в сторону, устало привалившись головой к спинке дивана. Стелла укрылась наверху, успев, однако, при встрече обжечь Дона предостерегающим взглядом.

— Послание адресовано мне, и мне не хотелось бы обсуждать его с кем бы то ни было, — объяснил он. — Особенно с тобой, Питер. Хотя... Возможно, ты представляешь себе его характер.

— Столкновение разумов, — молвил Рикки.

— Да. Но я долго размышлял над одной ее фразой, которая может подсказать нам, где ее искать. Я думаю, она намеренно дала эту подсказку или намек — назовите как угодно.

— Продолжайте, — сказал Готорн.

— Она говорила, что мы — человечество — живем в плену своего воображения. Так что, если мы хотим взглянуть на нее или на одного из них, мы должны искать их в нашем воображении, в наших снах.

— В наших снах, — повторил Рикки. — Понятно. Она имеет в виду Монтгомери-стрит. Что ж, мне следовало бы раньше догадаться, что с этим домом мы в тот раз не закончили. Мы сознательно не взяли тебя с собой тогда, — повернулся он к Питеру. — Теперь же у тебя гораздо больше причин не ходить туда. Что скажешь?

— Я должен идти, — ответил Питер.

— Вероятно, именно это она и имела в виду, — продолжал Рикки, все еще изучая осторожным взглядом Питера. — Сирсу, Льюису, Джону и мне — всем нам каждую ночь снился этот дом на протяжении года. И когда мы с Сирсом и Доном побывали там, когда нашли твою мать и Джима, она не стала непосредственно атаковать нас психологически, но явилась к нам в воображении. И если есть в этом хоть капля утешения, то сама мысль о возвращении туда пугает меня до ужаса.

Питер кивнул.

— Меня тоже.— И, будто испуг Рикки придавал ему немного мужества, спросил: — Что в пакете, Дон?

Дон вытянул руку и взял с кресла тугой сверток.

— Всего лишь две вещи, которые я подобрал в доме. Возможно, они нам пригодятся.

Он положил сверток на стол и раскатал его. Друзья увидели топор с длинной ручкой и охотничий нож.

— Все утро я точил и смазывал их. Топор был весь в ржавчине — Эдвард колол им дрова для камина. А нож этот подарил актер, который снимался с ним, — когда дядя опубликовал о нем книгу. Красивый нож.

Питер склонился пониже над столом и взял нож:

— Тяжелый.

Он повертел кинжал в руках: восьмидюймовое лезвие с безжалостным скосом на кончике острия и желобком во всю длину, резная рукоять искусной ручной работы — нож явно предназначался лишь для одной цели. Это было орудие убийства. Хотя нет, припомнил Дон, нож только так выглядел — его изготовили специально под руку того актера, для хорошего кадра. Лежавший же рядом топор был грубым и лишенным всякого изящества.

— У Рикки свой нож, — сказал Дон. — Питер, можешь взять нож Боуи. Я возьму топор.

— Выходим прямо сейчас?

— А чего ждать?

— Погодите, — заволновался Готорн. — Я схожу наверх и предупрежу Стеллу. Я скажу, что, если мы через час не вернемся, пусть звонит тому, кто сейчас замещает шерифа... кому угодно, и пусть присылают машину к дому Робинсона.

Он повернулся и начал подниматься по лестнице.

9

— Мы опять войдем с заднего двора, — сказал Дон Готорну в машине, когда они подъехали к дому. Рикки кивнул. — Надо постараться действовать как можно тише.

— Не волнуйтесь за меня,— сказал Рикки. Дон подумал, что никогда еще не видел Рикки таким слабым и старым.— А знаете, я видел тот фильм, откуда пришел ваш нож. Довольно продолжительный эпизод. Человек расплавил кусок метеорита или астероида и сделал из него лезвие ножа. Вероятно, думая, что...— Рикки прервался, тяжело дыша, и, убедившись, что Питер тоже слушает, продолжил: — Вероятно, думая, что нож будет обладать необыкновенными особенностями. Самый твердый металл, не известный до сих пор на планете. Волшебный как бы. Из космоса...— Рикки улыбнулся.— Типичная киношная глупость. Хотя нож довольно симпатичный.

Питер вытащил нож из кармана короткого шерстяного пальто, и секунду все они — слишком взволнованные, чтобы сознавать свое ребячество,— смотрели на него.

— Открытый космос питал воображение полковника Боуи,— проговорил Рикки.— В кино.

— Боуи...— начал было Питер, припоминая что-то из уроков истории десятого класса, и резко замолчал. «Боуи умер в Аламо». Парень глотнул, помотал головой и повернулся лицом к дому Галли. Вот что следовало вынести из уроков Джима Харди: доброе волшебство рождалось только из человеческих действий, а злое — из-за любого темного угла.

— Вперед,— сказал Дон и строго посмотрел на Питера, призывая хранить молчание.

Они руками отгребли снег от задней двери и, стараясь держаться единой группкой, вошли внутрь. Питеру дом показался таким же темным, как в ту ночь, когда они с Джимом побывали в нем. Пока Дон не повел их в кухню, юноша был уверен, что не отважится перешагнуть порог. И даже тогда он на мгновение испугался, что упадет в обморок или закричит от страха,— в сумраке дома ему грезились шепоты.

В прихожей Вандерлей указал на подвальную дверь. Питер и Рикки достали из карманов ножи, а Дон отворил дверь и повел друзей за собой в подвал.

Питер чувствовал, что лестница и подвал — самое страшное для него место. Он быстро глянул вниз, под ступени, и увидел лишь оборванную паутину. Затем они с Доном медленно пошли к секции забора, а Рикки двинулся вдоль другой стены: длинный нож казался Барнсу крепким и надежным в его руке. Даже зная, что сейчас ему придется взглянуть на то место, где Сирс нашел тело его матери и Джима Харди, Питер уже понял, что не отключится, не закричит, не выкинет что-либо ребяческое: нож словно передал ему крепость закалки своего лезвия.

Они дошли до глубокой тени справа от забора. Без малейших колебаний Дон шагнул в нее, Питер — за ним, еще крепче сжав в руке нож. «Нужно рубить сплеча», — вспомнилось ему из какого-то приключенческого рассказа. Если не держать нож лезвием вниз, его труднее выбить у тебя. Рикки обходил забор слева — его била дрожь.

Дон опустил топор, и оба мужчины заглянули под скамейку у дальней стены. Питера передернуло: на этом месте и нашли тела. По тому, как выпрямились Дон и Рикки, он понял: сейчас здесь не было ничего и никого — так что пока он закончит осматривать свой угол. Питер еще раз наклонился и тоже заглянул под скамейку. Темная бетонная стена, серый цементный пол. Он поднялся.

— Остался верхний этаж, — прошептал Дон, и Рикки кивнул.

Уже в прихожей, у лестницы, Питер украдкой глянул через плечо, чтобы убедиться — не стоит ли за спиной, скалясь, как тогда, Грегори в черных очках, а затем поднял глаза наверх. Рикки повернулся и вопросительно посмотрел на него. Барнс кивнул — мол, порядок — и последовал за ним.

Перед дверью спальни Рикки остановился и качнул головой. Питер крепко сжал рукоять ножа: очевидно, это та

самая комната, что снилась старикам, и, что бы это ни означало, именно в ней он видел Фредди Робинсона, именно здесь он сам чуть не погиб.

Вандерлей обошел Рикки и взялся за ручку двери. Готорн коротко взглянул на него, сжал губы и вновь кивнул. Дон открыл дверь. Питер заметил, как тоненькая струйка пота вдруг побежала с виска писателя, и весь похолодел. Поднимая топор, Дон быстро шагнул за порог. Ноги сами внесли Питера в комнату — точно кто-то втянул его за невидимую веревку.

Он резко — словно выхватывая ее фрагменты фотовспышками — осмотрел спальню: Дон, ссутулившись, с поднятым к плечу топором, стоял сбоку; пустая кровать; пыльный пол; голая стена; окно, которое когда-то, будто много лет назад, Питеру удалось открыть; Рикки Готорн с открытым ртом за его спиной; стена с маленьким зеркалом на ней. Больше ничего.

Дон опустил топор — напряжение понемногу сходило с его лица. Рикки пошел вперед крадучись, словно хотел дотошно изучить каждый дюйм комнаты и убедиться, что ни Анна Мостин, ни Бэйты здесь не прячутся. Питер заметил, что уже не так сильно сжимает в руке нож, — расслабился. Комната была безопасна. И если так, то и весь дом — тоже. Он взглянул на Дона: уголки губ писателя чуть приподнялись — он улыбался.

Питер вдруг почувствовал, что со стороны он выглядит по-дурацки: стоит тут на пороге и улыбается Дону, — и тоже пошел вперед, еще раз обходя уголки комнаты, только что проверенные Рикки. Под кроватью — ничего. В шкафу — пусто. Барнс подошел к дальней стене — на поясище чуть дернулась мышца. Питер коснулся пальцами стены — холодная. И грязная, на пальцах остался серый налет. Юноша повернулся к зеркалу.

Испугав всех, Рикки громко закричал:

— Не смотри в зеркало, Питер!

Слишком поздно. На Барнса дохнул легкий ветерок. Парень невольно наклонился вперед и приблизил лицо, чтобы всмотреться повнимательнее. Его отражение таяло и становилось смутным бледным абрисом — и там, за этим абрисом, медленно выплывало лицо женщины. Оно было незнакомо Питеру, но ему показалось, что он без памяти в нее влюблен: крошечные милые веснушки, развевающиеся пушистые светлые волосы, добрые лучистые глаза, изумительно очерченные нежные губы. Сердце юноши замерло от охватившего чувства, и он понял: ее лицо таит нечто такое, что выше его понимания. В нем и надежды, и радость, и ссоры, и измены — все то, чего ему никогда больше не испытать. Питер ощутил всю незначительность, поверхностность и бедность его взаимоотношений с девушками, которыми прежде увлекался, и обнаружил в себе бездну неистраченной нежности... И она, вся устремленная к нему, заговорила:

«Замечательно, Питер. Ты хочешь стать одним из нас. Ты должен стать одним из нас. Ты уже один из нас».

Он не двигался и ничего не отвечал, потом кивнул и сказал:

— Да.

«И твои друзья тоже. Ты будешь жить вечно, и жизнь твоя станет песней — моей песней, — ты будешь со мной и с ними вечно, и мы полетим, как песня. Тебе нужно всего лишь пустить в ход свой нож, Питер. Ты знаешь, что надо делать, просто подними свой нож, подними руку, замахнись, подними нож и повернись...»

Подняв нож, юноша уже разворачивался, и тут зеркало начало падать, еще продолжая напевно говорить, ударилось об пол и разбилось.

— Это очередной трюк, Питер, — раздался голос Рикки. — Мне следовало предупредить тебя, но я боялся разговаривать. Всего лишь трюк.

Питер все еще в замешательстве глядел вниз, на осколки, затем, очнувшись, задрожал и обнял Рикки.

Выпустив Готорна из объятий, Барнс склонился над одним из осколков, прикрыв лицо от него ладонью. Все так же струился легкий ветерок — «...станет песней — моей песней». Юноша почувствовал, как Рикки рядом весь напрягся: половинка нежного чувствительного рта виднелась из-под его ладони. Питер наступил каблуком на разбитое зеркало, затем приподнял ногу и опустил еще раз, и еще, и еще, превращая серебристое стекло в тысячу кусочков шарады.

10

Через пятнадцать минут они уже ехали к центру города.

— Она хочет сделать нас такими же, как Грегори и Фэнни, — сказал Питер. — Именно это она имела в виду: жить вечно. Хочет превратить нас в таких же тварей.

— Мы не должны ей это позволить, — молвил Дон.

— Иногда вы говорите так смело... — Питер покачал головой. — Она сказала, что я уже стал одним из них. Потому что, когда я видел, как Грегори превратился в... вы знаете... он сказал, что он — это я. Вот и Джим был таким. Просто пер напролом. Никогда не останавливаясь, ни в чем не сомневаясь.

— Тебе нравилось это в Джиме, — сказал Дон, и Питер кивнул, на лице его блеснули слезы. — Мне бы это тоже понравилось, — добавил Дон. — Сильные, энергичные люди притягивают к себе.

— Но она же знает, что я — слабое звено, — сказал Питер и закрыл лицо руками. — Она пыталась использовать меня, и ей это почти удалось. Посредством меня она могла расправиться и с вами, и с Рикки.

— Разница между тобой — между всеми нами — и Грегори Бэйтом, — сказал Дон, — в том, что Грегори хотел, чтобы его использовали. Он шел на это сознательно. Он искал этого.

— Но ей почти удалось заставить меня тоже захотеть,— повторил Питер.— Боже, как я их ненавижу.

Рикки заговорил с заднего сиденья:

— Они забрали твою мать, Питер, почти всех наших друзей и брата Дона. Мы все ненавидим их. И ей по силам сделать то же самое с кем угодно из нас.

— Остановите машину,— вдруг воскликнул Питер.— Стойте! — Он засмеялся.— Я знаю, где они. «В вашем воображении!» — Его смех, сродни истерическому, взвился дрожащим фальцетом.— Ведь так она сказала? «Ищите в вашем воображении»? А что у нас не закрывалось, что работало в пургу, в снегопад?

— Ради бога, о чем ты? — спросил Дон, разворачиваясь на сиденье лицом к Питеру, внезапно ставшему таким открытым и уверенным.

— Вот о чем! — оживленно сказал Питер, и Дон проследил в направлении его вытянутого пальца.

На другой стороне улицы сияла неонем гигантская красная вывеска: «РИАЛЬТО».

А под ней, черными буквами чуть помельче, виднелось последнее доказательство мудрости Анны Мостин: «*Ночь живых мертвецов*».

11

Стелла в шестидесятый раз посмотрела на наручные часики и резко встала, чтобы сверить их с часами на каминной полке. Каминные часы, как обычно, спешили на три минуты. Рикки с друзьями уехали минут тридцать—тридцать пять назад. Она вспомнила, как его тревога в рождественское утро передалась ей, как она чувствовала тогда, что, если Рикки не предпримет что-то, не начнет действовать немедленно — случится нечто ужасное. Теперь же Стелла была уверена, что, если она сейчас же, сию секунду не помчится к дому Робинсона — нечто ужасное случится уже с Рикки.

Ей было велено ждать час, но час — это слишком долго. Что бы там ни страшило ее мужа и Клуб Фантазеров, оно жило в том доме и сейчас подкарауливало его там. Стелла никогда не считала себя феминисткой, однако давным-давно убедилась, как мужчины ошибаются, воображая, будто могут делать все самостоятельно. Именно их Милли Шин запирали за ними двери, это им мерещилась всякая ерунда, когда их мужья умирали или бросали их. Если какая-то непредвиденная катастрофа уносила мужей, они в страхе съеживались, прячась за женской пассивностью и повиновением, и покорно дожидались оглашения завещания.

Рикки простодушно решил, что она не годится им в помощники — дескать, даже от подростка больше толку. Стелла еще раз глянула на часы. Еще минуту долой.

Женщина спустилась и надела пальто; затем сняла его, засомневавшись: а вдруг и вправду она не сможет им помочь?

— Чушь, — громко сказала Стелла, вновь надела пальто и вышла из дому.

Слава богу, снегопад стих: а Леон Черчилль, который заглядывался на нее с тех пор, как ему стукнуло двенадцать, уже расчистил некоторые улицы. А Аин Шоу из автосервиса — еще одно платоническое завоевание — расчистил подъездную дорожку к дому Готорнов. В этом пристрастном мире Стелла не чувствовала угрызений совести, пользуясь выгодами, которые дарила ей внешность. Она без труда завела машину (отвергнутый Стеллой Лин почти с нежностью заботился о двигателе ее «вольво») и вырулила по дорожке на улицу.

Со всей возможной скоростью, какую позволяло скользкое неровное покрытие, миссис Готорн мчалась к Монтгомери-стрит. Прямой проезд был блокирован занесенными улицами, и она устремилась по тем, что успел разгрести Леон. Получался солидный крюк, и Стелла, стиснув зубы, застонала. Прокручивая в голове схему

улиц, по которым ей придется кружить, она набрала скорость, с какой обычно ездила по городу в нормальную погоду. Пороги, борозды, канавки, оставленные Леоном, то и дело подбрасывали машину; и женщина иногда больно ударялась об руль. Сворачивая на Скул-роуд, она не обратила внимания, что уровень покрытия там резко обрывается на семь дюймов. Когда передняя подвеска ударилась об утрамбованный снег, Стелла утопила акселератор, по-прежнему думая о кружных путях к Монтгомери-стрит.

Корма машины завалилась, снесла металлическое ограждение и почтовый ящик, «вольво» закрутилась, продолжая лететь вперед: в панике Стелла вывернула руль как раз в тот момент, когда машина клонула носом на очередной террасе, оставленной Черчиллем. «Вольво» легла на бок, бешено крутя колесами, а затем, все еще двигаясь вперед, завалилась на металлическое ограждение.

— Дьявол! — прошипела Стелла, вцепившись в руль и тяжело дыша. Приказав себе не дрожать, она распахнула дверцу и посмотрела вниз. Если развернуться на сиденье и свесить ноги вниз, то до земли будет лишь три-четыре фута. А машину придется бросить здесь — без тягача ее с изгороди не стащить. Стелла развернулась, опустила ноги, глубоко вздохнула и оттолкнулась от кресла.

Приземлилась она тяжело, но удержалась на ногах и пошла вниз по Скул-роуд, даже не оглянувшись на «вольво». С дверью нараспашку и ключом в замке зажигания машина висела на ограждении, как сломанная игрушка. «Бог с ней, скорее к Рикки!» В четверти мили впереди вставало мутным темно-коричневым силуэтом здание средней школы.

Только до Стеллы дошло, что придется голосовать, как из серой дымки за спиной показалась голубая машина. Женщина повернулась и вытянула руку с поднятым вверх большим пальцем.

Голубой автомобиль приблизился и начал тормозить. Стелла опустила руку, как только машина поравнялась с

ней. Нагнувшись и взглянув в окно, она увидела за рулем пухлого мужчину, который улыбнулся ей кротко и дружески. Незнакомец открыл правую дверь.

— Это противоречит моим принципам, но вы, похоже, очень спешите.

Стелла села и откинулась на спинку сиденья. Затем, когда машина тронулась, опомнилась:

— О, прошу вас, извините, я только что попала в аварию и еще не совсем пришла в себя. Мне надо...

— Прошу вас, миссис Готорн,— проговорил мужчина, повернувшись к ней с улыбкой,— не утруждайте себя, отдышитесь. Вы, кажется, ехали на Монтгомери-стрит. Нет нужды волноваться. Все это было ошибкой.

— Вы знаете меня? — изумилась Стелла.— Но откуда вам известно...

Незнакомец заставил ее умолкнуть, с боксерской резкостью выбросив руку и схватив за волосы.

— Какие мягкие,— сказал он, и его голос, минуту назад такой застенчивый, так вязавшийся с его наружностью, стал невероятно тихим.

12

Дон первым увидел тело Кларка Маллигэна. Владелец кинотеатра лежал на ковре за конфетным автоматом — еще один труп со следами зверского аппетита братьев Бэйт.

— Да, Питер,— проговорил Вандерлей, отворачиваясь от тела,— ты прав. Они здесь.

— Мистер Маллигэн? — тихо спросил Питер.

Рикки подошел к автомату и заглянул за него.

— О, нет! — Он вытянул из кармана нож.— А мы все еще не знаем, что надо делать, так ведь? Единственное, что нам известно,— это осиновые колья или серебряные пули, или...

— Нет,— сказал Питер,— ничего этого не нужно. У нас все есть.— Он был очень бледен и старался не смот-

реть на труп Маллигэна. Вандерлей никогда не видел Питера таким: на его лице были лишь решимость и полное отрицание страха.— Так в легендах люди расправлялись с вампирами и оборотнями или с тем, что они так называли. А они ведь могли применять что угодно.— Он с вызовом посмотрел на Дона.— Вы ведь думаете точно так же?

— Да.— Дон не стал добавлять, что одно дело — теоретизировать, удобно расположившись в комнате, и совсем другое — поставив на карту свою жизнь.

— Я тоже,— сказал Питер. Он держал нож лезвием вверх и сжимал его с такой силой, что Дону передавалось напряжение мускулов его руки.— Я точно знаю: они здесь. Пойдемте.

И тут заговорил Рикки, сказав то, что казалось таким простым и очевидным:

— У нас нет выбора.

Дон, подняв топор и прижав лезвие к груди, тихо подошел к входу в зрительный зал и скользнул внутрь. Остальные последовали за ним.

Прижавшись спиной к стене темного кинозала, он поразился: вот уж никак не думал, что крутится фильм. Гигантские силуэты с яростным воем метались по экрану. Вероятно, Бэйты расправились с Кларком Маллигэном не более часа назад. Кларк запустил фильм — как всегда делал с тех пор, как начались снегопады,— после чего спустился в холл, где его и поджидали Грегори и Фэнни.

Дон чуть продвинулся по крайнему проходу вдоль стены, напряженно вглядываясь в темный кинозал. Когда глаза его привыкли к темноте, он разглядел лишь уходящие вдаль ряды закругленных спинок кресел. Тяжелое лезвие топора Вандерлей прижал к груди. Голова гудела от криков и резких звуков фильма. Зал был пуст. Из всех зрителей, что враги устраивали им, это несомненно было самым странным — ужасы на экране, суматошные вопли и музыка выплескивались в темноту кинозала.

Писатель посмотрел в сторону Питера — даже в сумраке видно было выражение его лица. Вандерлей показал юноше на дальний проход; затем нагнулся вперед разглядеть Готорна, представлявшегося отсюда тенью на стене, и дал понять жестом, чтобы все двигались к широкому центральному проходу. Питер сразу же пошел к последнему ряду. Рикки, медленно направившийся к центру, нашел глазами Барнса и Вандерлея. В таком порядке они и шли, проверяя каждый ряд.

«А что, если Рикки наткнется на них? — подумал Дон. — Успеем мы к нему на подмогу?»

Адвокат, держа нож у бедра, двигался вперед по центральному проходу, поворачивая голову то направо, то налево, словно искал потерянный билет, — он действовал так же основательно, как и в доме Анны Мостин.

Дон двигался «в связке» с остальными и напряженно всматривался в темноту между рядами кресел. Конфетные фантики, обрывки бумаги, сиденья в линию — некоторые драные, некоторые со сломанными подлокотниками. А впереди, вверху фильм демонстрировал непрерывную вереницу образов, и Дон воспринимал их как несвязанные кадры, выхватываемые им, когда он отрывал глаза от пола. Мертвецы, лезущие из могил, бешено несущиеся автомобили, искривленное ужасом лицо девушки... Дону вдруг показалось, что он видит фильм о себе самом в подвале Анны Мостин.

Но нет, конечно же, это лишь кадр из кино — и мужчина не похож на него, и подвал другой. А на экране семья забаррикадировалась в погребе, и по залу разнесся грохот захлопывающихся дверей. Может, так надо противостоять им? Забиться в нору и ждать, когда они уйдут... Залечь, спрятаться, закрыть глаза и надеяться на то, что они схватят твоего брата, друга — любого, но не тебя... вот чего хотят, понял он, и что делают ночные сторожа. Ему показалось, что зал наполнился зрителями — жертвами Грегори, а потом он заметил, что Рикки и Питер с удивлением

оглянулись на него. Он отстал на два ряда. Дон нагнулся, некоторое время тупо разглядывая смятую упаковку от попкорна, а затем поспешил вперед.

Дойдя до нижнего ряда и ничего не обнаружив, Дон и Питер отправились к центральному проходу, к Рикки.

— Никого, — сказал Дон.

— Они здесь, точно, — шепнул Питер. — Они должны быть здесь.

— Есть еще кинобудка, — сказал Дон, — и туалеты. И у Маллигэна должно быть что-то вроде кабинета.

На экране хлопнула дверь: жизнь обнесла себя стеной, а смерть штурмовала эту стену.

— Может, на балконе? — предположил Питер и посмотрел на экран. — А что там, за ним? Как туда попасть?

Опять бухнула дверь. Ненатуральные голоса киногероев, полные надуманных эмоций, летели из динамиков.

Дверь открылась с резким металлическим щелчком — и вновь с грохотом захлопнулась.

— Ну, конечно, — сказал Рикки, — вот где они должны..

Но двое других не слушали его. Они поняли, что это был за звук, и теперь смотрели в сторону прохода, в освещенный длинный коридор справа от экрана. Над коридором светилась надпись «Выход».

Фонограмма с ревом падала на них, гигантские тени были заняты в какой-то пантомиме — достаточно романтической, чтобы соответствовать музыке фильма, — однако все прислушивались к звукам другого характера, что доносились из коридора и напоминали легкие сухие хлопки в ладоши: это был звук шлепающих по полу босых ног.

В конце коридора появился ребенок и замер у границы света. Он посмотрел в их сторону — явление сельской нищеты из тридцатых годов; маленький мальчик, болезненно худой, с тенями под глазами, оборванный, струйка слюны стекает с нижней губы. Мальчик поднял руки, вытянул их перед собой, соединив ладони вместе, и показал

ими, как будто закрывает и открывает тяжелый металлический засов. Затем откинул голову назад и захихикал; и снова показал, как он закрывает тяжелую дверь.

— Мой брат говорит вам, что все выходы перекрыты,— донесся голос сверху. Они резко развернулись и увидели Грегори на сцене рядом с красными занавесями, обрамлявшими экран.— Но трех отважных путешественников такая мелочь не остановит, правда? Вы ведь пришли по наши души, верно? Особенно вы, мистер Вандерлей,— аж из самой Калифорнии! Мы с Фэнни очень сожалеем, что не успели как следует представиться вам там.— Он спокойно вышел на середину сцены, и изображение, преломившись, замелькало по его телу.— И вы всерьез думаете, что можете что-то сделать с нами при помощи таких средневековых орудий? Ну что ж, джентльмены...— Грегори распахнул руки, глаза его засветились. А по нему все бежали искаженные тени: огромная ладонь, падающая лампа, слетающая с петель дверь.

И наряду со всем Дон заметил, что Бэйт продемонстрировал все, о чем рассказывал Питер: прекрасную дикцию, правильную речь, театральные манеры — иллюзорную оболочку, что скрывала невероятную концентрацию этой неумолимой и безжалостной машины.

Бэйт улыбался им со сцены.

— Начнем! — проревел он.

Дон отскочил в сторону, услышав, как что-то вихрем пронеслось мимо, и увидел, как Фэнни врезался в Питера. Никто из них не видел, как ребенок пришел в движение; однако тот уже сидел верхом на Барнсе, прижимая его руки к полу, и визг босоногого терялся в воплях из фильма.

Дон взмахнул топором, но почувствовал, как сильная рука сжала запястье.

«Бессмертны,— прошептал кто-то,— хочешь стать таким же?»

— Разве ты не хочешь жить вечно? — спросил его Бэйт, дохнув смрадом в лицо.— Даже если придется для

этого умереть? Неплохая сделка, договоримся по-христиански, а?

Грегори легко развернул его, и Дон почувствовал, как силы вытекают из него, как будто рука Бэйта вытягивала их магнитом. Другой рукой Грегори взял его за подбородок и вздернул лицо кверху, заставляя Дона смотреть ему в глаза. Он вспомнил рассказ Питера о том, как умер Джим Харди, как Бэйт высосал из него жизнь глазами, но не смотреть было невозможно: казалось, пол ушел из-под ног, а сами ноги сделались водой; на дне сверкающего золота глаз была бесконечная мудрость, но под ней — полная анархия, неизмеримая жестокость, жуткий холод, убийственный ветер, несущийся над зимним лесом.

— Эй, ублюдок,— смутно донесся до него голос Рикки, и тяготение Бэйта вдруг ослабло, ноги у Дона как будто наполнились песком, а голова оборотня повернулась к нему в профиль — медленно, как во сне. Непонятно откуда неся страшный шум, и профиль Бэйта скользнул в сторону: Грегори оттолкнул его.

— Получай, тварь! — крикнул Рикки, и Дон, лежа грудью на топоре (зачем ему теперь топор?), полузажатый под первым рядом, сонно смотрел, как Рикки медленно замахивается и вонзает нож в шею Фэнни.

— Плохо,— прошептал он.— Нет...— И уже больше не будучи уверен, что все происходящее не является частью гигантского действия, мелькавшего на экране, увидел, как Грегори свалил старика вниз, на неподвижное тело Питера Барнса.

13

— Не стоит шуметь, да, миссис Готорн? Слышите? — сказал мужчина, крепко держа ее за волосы, и больно их потянул.

Стелла кивнула.

— Вы меня хорошо поняли? Вам нет нужды бежать на Монтгомери-стрит — абсолютно никакой. Вашего му-

жа там нет. Он не нашел там, что искал, и отправился куда-то еще.

— Кто вы?

— Друг друга. Хороший друг хорошего друга.— Все еще держа ее за волосы, незнакомец потянулся через руль, включил передачу автоматической коробки и медленно тронул машину.— И мой друг жаждет встречи с вами.

— Пустите,— сказала Стелла.

Он дернул ее к себе.

— Хватит, миссис Готорн. У вас впереди восхитительная встреча. Так что — хватит. Иначе я вас прибью — прямо здесь, а этого мне ох как не хочется. А теперь пообещайте мне, что будете сидеть тихо. Мы едем в Холлоу. Договорились? Шуметь не будем?

Стелла, крайне запуганная, в ужасе оттого, что он вот-вот вырвет ей клок волос, выдавила:

— Да.

— Разумно.— Незнакомец разжал пальцы, волосы выскользнули, и его ладонь прижалась к ее виску.— Какая вы красивая, Стелла.

Женщина отстранилась от его руки.

— Не шумим?

— Не шумим,— выдохнула она, и он опустил вторую руку на руль. Стелла оглянулась и через заднее стекло не увидела ни одной машины: лишь ее «вольво», оседавшая забор, уменьшалась в размерах.

— Вы хотите убить меня,— сказала она.

— Если только вы сами вынудите меня к этому, миссис Готорн. Я человек довольно религиозный. И мне претит даже мысль о том, чтобы лишить человека жизни. Мы, пацифисты, знаете ли...

— Мы?

Он скривил губы в легкой иронической улыбке и показал пальцем на заднее сиденье. Стелла обернулась и увидела на заднем сиденье несколько дюжин брошюр «Сторожевой Башни».

— Значит, этот ваш друг хочет убить меня. Как Сирса, Льюиса и всех остальных.

— Это не совсем так, миссис Готорн. Ну, может, почти как мистера Бенедикта. Это отдельный случай. Однако могу вас уверить, что мистер Бенедикт увидел множество необычного и интересного, прежде чем ушел в мир иной.— Они проезжали мимо здания школы. Стелла услышала знакомый звук и не сразу поняла, какой: она в панике оглянулась и увидела снегоочиститель, вгрызающийся в двенадцатифутовый сугроб.

— Вообще-то,— продолжал незнакомец,— можно смело утверждать, что он хорошо пожил на этом свете. А что до вас, то вашему опыту позавидовали бы многие — вы проникнете взором в тайну, миссис Готорн, в тайну, существовавшую в вашей культуре на протяжении столетий. Кое-кто с радостью отдал бы жизнь за такую возможность. Особенно с тех пор, как имеется альтернатива довольно беспорядочно умереть здесь.

Вот и трактор остался позади. До следующей очищенной от снега улицы, Хардинг-лэйн, оставалось футов двадцать, и Стелла почувствовала, как ее безопасность тает с каждой минутой, как каждое мгновение приближает ее к смертельной опасности, а она сидит и пассивно дожидается развязки, скованная волей этого религиозного маньяка.

— А знаете, миссис Готорн,— сказал мужчина,— поскольку вы так сговорчивы, что...

Стелла со всей силы ударила его каблуком сапога по лодыжке. Он взвизгнул от боли и развернулся к ней. Она бросила корпус к рулю, пытаясь втиснуться между ним и мужчиной, который начал колотить ее по голове, и направить машину в сугроб, оставленный снегоуборочной.

«Только бы Леон оглянулся!» — молила она, однако машина почти беззвучно ткнулась в снег.

Мужчина оттянул ее от руля и с силой прижал спиной к двери. Стелла замахнулась обеими руками и ударила его

по лицу, но он навалился на нее всем телом и уклонился от удара. «Сидеть! — прозвучал резкий мысленный приказ, и Стелла едва не потеряла сознание. — Глупая, глупая женщина!»

Она широко раскрыла глаза и посмотрела на нависшее над ней, чрезмерно пухлое лицо: крупные поры на мясистом носу, пот на лбу, маленькие, налившиеся кровью глазенки — лицо педантичного маленького мужчины, читающего нотаии любителям ездить автостопом. Он хлестал ее по щекам, с каждым ударом приговаривая: «Глупая женщина!» — и брызгая слюной ей в лицо.

Хрипя от напряжения, незнакомец просунул ей между ног колено и потянулся обеими руками к горлу.

Стелла заметалась из стороны в сторону, и ей удалось просунуть руку к его подбородку. Но это не помогло. А он продолжал сдавливать ей горло, и голос в мозгу все твердил: «Глупая... глупая... глупая... глупая...»

И тут она вспомнила.

Стелла уронила руки, дотянулась до своего лацкана правой рукой, нащупала жемчужную головку шляпной булавки. И из последних сил вонзила ее прямо ему в висок.

Заплывшие глазки вылезли из орбит, и монотонно повторявшееся в ее голове слово превратилось в удивленный лепет нескольких голосов: «Что... что... она... не надо... шпига... женщина... что...» Руки мужчины ослабили хватку, разжались, и он каменной глыбой упал на Стеллу.

Вот тогда она завизжала.

Стелла с трудом открыла дверь и вывалилась спиной из машины. Прежде чем перевернуться, она некоторое время лежала на снегу, хватая ртом холодный воздух и чувствуя во рту вкус крови, грязного снега и каменной соли. Оттолкнувшись, она встала на четвереньки, посмотрела на лысоватую голову, свисавшую с края сиденья, всхлипнула и поднялась на ноги.

Стелла повернулась спиной к машине и пустилась бежать вниз по Скул-роуд к Леону Черчиллю, который стоял на подножке трактора и рассматривал что-то темное, вывороченное им из-под снега.

— Леон! — крикнула она, перейдя на шаг, и помощник шерифа обернулся к ней.

Леон еще раз глянул через плечо на темный предмет и, спрыгнув на снег, поспешил ей навстречу. Стелла была совершенно обезумевшая и, конечно, не заметила, что он шокирован не меньше ее. Схватив ее за руки, Черчилль развернул ее и выпалил:

— Ох-миссис-Готорн-взгляните-что-я-откопал-что-с-вами-вы-попали-в-аварию-миссис-Готорн?

— Я только что убила человека. Я попросила его подвезти меня. Он набросился на меня. Я воткнула булавку ему в голову. Я убила его.

— Набросился? — переспросил Леон. — Он оглянулся на трактор и затем повернулся к ней. — Давайте-ка сходим, посмотрим. Это там? — показал он рукой на голубую машину. — Вы что, врезались в сугроб?

По дороге к машине она пыталась объяснить, как все вышло.

— Моя машина налетела на забор, я вышла и проголосовала, а когда села, он напал на меня. Он избил меня. У меня была длинная булавка...

— Да нет, похоже, вы не убили его, — сказал Леон и снисходительно взглянул на нее.

— Только не надо меня успокаивать.

— В машине никого, — сказал Леон. Обняв Стеллу за плечи, он повернул ее лицом к распахнутой двери: переднее сиденье было пусто.

Стелла чуть не лишилась чувств.

Леон удержал ее и попытался объяснить:

— Понимаете, очевидно, у вас после аварии был не-большой стресс, этот парень подвез вас, хотел помочь, а вы, видать, отключились ненадолго. Вы, наверно, ушибли

голову. Давайте я отвезу вас домой на тракторе, миссис Готорн?

— Его нет...— сказала Стелла.

Огромная белая собака вскочила на сугроб у угла соседнего дома, прошла по его вершине и прыгнула вниз, на дорогу.

— Да, пожалуйста, отвезите меня, Леон,— сказала Стелла.

Леон бросил обеспокоенный взгляд на школу:

— Конечно, тем более мне срочно надо в участок. Пожалуйста, никуда не уходите, я сейчас подгоню трактор.

— Отлично.

— Не шибко комфортная колесница,— добавил Леон и улыбнулся ей.

14

— Итак, мистер Вандерлей,— произнес Бэйт,— вернемся к предмету нашей беседы.— Он двинулся по проходу к Дону.

Визги, вопли, звуки драки наполняли кинозал.

«Жить вечно... Жить вечно...»

Дон вытянул ноги, оцепенело глядя на груды тел внизу у сцены. Искривившееся лицо Рикки виднелось из-под тела босикомого ребенка. Питер Барнс лежал под всеми, руки его слабо шевелились.

— Нам следовало обо всем договориться еще два года назад,— промурлыкал Бэйт.— Мы бы избежали стольких бед. Вы помните, что было два года назад, не так ли?

Дон услышал голос Альмы Мобли: «Его зовут Грег. Он знает всех и каждого в Новом Орлеане» — и вспомнил этот момент так четко, словно на мгновение перенесся на два года назад: вот он стоит на углу Беркли и потрясенно смотрит на женщину в тени навеса над баром «Ласт Риф». Тягостное чувство предательства сковало его движения.

— Стольких бед,— повторил Бэйт.— Однако это делает настоящий момент еще страшнее, вы не находите?

Питеру удалось наполовину выбраться из-под тел. Шека его была залита кровью.

— Альма,— с трудом вымолвил Дон.

Бледное лицо Бэйта просияло:

— Верно. Ваша Альма. И Альма вашего брата. Не забывайте о Дэвиде. Правда, с ним не удалось поразвлечься.

— Поразвлечься...

— Ага, поразвлечься. Мы любим развлечения. Но только истинные развлечения, так как их у нас бездна. А сейчас посмотрите-ка на меня снова, Дональд,— Холодно улыбаясь, он протянул руку, чтобы поднять Вандерлея с пола.

Питер застонал: он полностью выбрался. Дон взглянул на него и увидел, что Фэнни тоже зашевелился, перевернулся — его изможденное лицо застыло в немом крике.

— Они ранили Фэнни,— сказал Дон, заморгав, и увидел руку Бэйта, медленно тянущуюся к нему. Он резко выбросил ноги вперед и оттолкнулся от Грегори, двигаясь так быстро, как никогда в жизни. Вандерлей вскочил на ноги, находясь на полпути между Грегори и Питером, который еще смотрел на изворачивавшегося Фэнни.

— Они ранили Фэнни,— повторил Дон, и мысль об агонии мальчишки электрическим током прошла сквозь него. Он вновь стал слышать оглушающие звуки фильма.

«Жить вечно...»

— А ты не будешь,— сказал он Бэйту и посмотрел под кресла. До топора было не дотянуться.

— Не буду?..

— Не будешь жить вечно.

— Мы живем намного дольше вас,— сказал Бэйт, и внешний лоск культуры его голоса и речи с треском разорвался, обнажив звериную жестокость. Дон попятился к Питеру, глядя не в глаза Грегори, а на его рот.

— А ты не проживешь и минуты,— добавил Бэйт и шагнул к нему.

— Питер...— скомандовал Дон и оглянулся через плечо на паренька.

Питер занес нож над извивающимся Фэнни.

— Давай! — крикнул Дон, и Питер вогнал нож в грудь мальчишке. Что-то белое брызнуло вверх зловонным гейзером из грудной клетки Фэнни.

Сбив Дона с такой силой, что он перелетел через первый ряд, Грегори с воем метнулся к Питеру.

Сначала Рикки решил, что уже умер, и лишь страшная боль в спине свидетельствовала о том, что это не так; затем он увидел затоптанный палас прямо перед глазами и услышал крик Дона: значит, все еще жив. Он повернул голову: последнее, что он помнил, — как полоснул ножом по шее Фэнни, а в следующее мгновение в него словно локомотив врезался.

Что-то задвигалось рядом. Подняв голову, он увидел, как из голой груди Фэнни бьет фонтан высотой в ярд. Белые маленькие черви расползались по бледной коже. Рикки откатился в сторону и, хотя спина его болела так, словно была сломана, все же заставил себя сесть.

Рядом с ним Грегори Бэйт, оторвав Питера от пола, оглушительно взвыл. Лучик кинопроектора зацепил руки Грегори и тело Питера, и мельтешащие черно-белые кляксы секунду двигались по ним. Продолжая выть, Бэйт швырнул Питера в экран.

Рикки огляделся и, не увидев своего ножа, поднялся на колени и пополз, ощупывая пол. Его пальцы сомкнулись на костяной рукояти — длинное лезвие отразило слабый серый свет. Фэнни бился рядом и придавил его руку, затем выдавил тоненькое «и-и-и», вылетевшее вместе с мертвым воздухом. Рикки выхватил нож из-под спины Фэнни, почувствовав, как намокла рука, и с усилием встал.

Грегори в этот момент забирался на сцену, чтобы проскочить в дыру, пробитую Питером в экране, и Рикки, выбросив вперед свободную руку, ухватил его за толстый воротник жилета. Грегори мгновенно рассвирепел, его реакция была стремительной, как кошачья, и Рикки с

ужасом понял, что вот сейчас Бэйт его убьет, если он не успеет сделать единственной правильной вещи.

Прежде чем Бэйт успел пошевелиться, Рикки со всей силы воткнул ему в спину нож.

И перестал что-либо слышать — ни шума кинофильма, ни последних криков Фэнни. Он замер, не выпуская костяной рукояти ножа, оглушенный чудовищностью только что содеянного им. Бэйт упал навзничь, и Рикки на всю жизнь запомнилось его лицо: глаза, полные утраченного ветра и вьюги, и распахнутый рот, точно черная пещера.

— Дрянь,— прошептал Рикки, едва сдерживаясь, чтоб не разрыдаться.

Дон с топором в руках выкарабкивался из-за сидений, в отчаянной спешке пытаясь добраться до Бэйта до того, как тот успеет разорвать Готорна; затем вдруг увидел, как мощное тело зверя вдруг начало оседать, и Рикки, задышавшись, оттолкнул его от себя. Грегори рухнул на спину посреди сцены, затем поднялся на колени. Из рта его сочилась жидкость.

— Отойдите, Рикки,— сказал Дон, но старый адвокат застыл недвижим.

Бэйт пополз к нему.

Вандерлей шагнул к Рикки, Бэйт вскинул голову и взглянул прямо ему в глаза.

«Жить вечно...»

Дон резко занес топор над головой и опустил остро оточенное лезвие на шею Бэйту. Следующим ударом Вандерлей отрубил ему голову.

Питер ползком выбрался из-за экрана, ослепленный болью и лучом проектора. Он с трудом преодолел несколько футов, что отделяли его от центра сцены, вслушиваясь в вопли и гадая, успеет ли он добраться до ножа до того, как Грегори Бэйт его заметит,— по крайней мере, он

будет в состоянии еще спасти жизнь Дону. Затем, когда луч остался в стороне, юноша увидел, что делает Дон. Безголовый Грегори корчился под ударами топора; рядом беспомощно перекашивался с боку на бок Фэнни, покрытый белой пеной.

— Дайте я,— прохрипел Питер, и оба — Рикки и Дон — повернули к нему бледные лица.

Питер слез со сцены, взял топор у Дона, от слабости чуть не выронив его,— истерика и ненависть ослабили первый удар. И вдруг Барнс ощутил прилив сил, почувствовал себя сильным, как лесоруб, распаленным и невесомым, боль его ушла, и он еще раз, уже с легкостью размахнулся и опустил топор; и еще, и еще — а затем развернулся к Фэнни.

Когда на полу остались лишь лоскутья кожи и осколки костей, порыв морозного ветра вдруг закрутил зловонные останки, и они взмыли к лучу прожектора с такой силой, что Питер отлетел в сторону.

Юноша нагнулся и подобрал с пола нож Боуи.

— Ей-богу...— проговорил Рикки и рухнул на сиденье первого ряда.

Когда они в нетерпеливой спешке покидали кинотеатр, хромающие, ошеломленные, оглушенные,— ветер метался по пустому залу, задирая афиши, подбрасывая обертки конфет и пакетики из-под чипсов, словно ища выхода; и когда они добрались до дверей, ветер опередил их, первым рванувшись наружу, чтобы влиться в бушевавшую на улице, в самую жестокую за эту зиму вьюгу.

15

Пробиваясь сквозь пургу, Дон с Питером почти несли Рикки на руках. Теперь в доме Готорнов будет двое выздоравливающих. Питер так и объяснил отцу:

— Пап, я останусь у мистера и миссис Готорн — переночую у них. Нам с Доном Вандерлеем пришлось

практически волоком притащить мистера Готорна домой. Он лежит, и она тоже в постели, чуть жива после аварии...

— Сегодня днем столько машин побилось,— ответил отец.

— Нам удалось вызвать врача, он пришел, дал ей снотворного, а у мистера Готорна страшная простуда, и доктор сказал, что может перейти в пневмонию, если Рикки не отлежится, так что мы с Доном побудем тут, надо поухаживать за ними...

— Погоди, Питер, ты хочешь сказать, что был с этим Вандерлеем и мистером Готорном?

— Да,— ответил Питер.

— Ну, что ж, очень жаль, что ты не позвонил мне перед уходом. Я страшно волновался. Ты — все, что у меня осталось в этой жизни.

— Прости, папа.

— Ладно, по крайней мере, я знаю, что ты у хороших людей. И постарайся вернуться домой сразу, как только управишься, но не вздумай выходить, пока не стихнет пурга.

— Хорошо, папа,— сказал Питер и повесил трубку, радуясь тому, что голос отца был трезвым, а еще больше — что отец не стал задавать других вопросов.

Они с Доном приготовили для Рикки бульон и отнесли в гостиную, где тот прилег отдохнуть, чтобы не беспокоить Стеллу в спальне.

— Не понимаю, что со мной,— сказал Рикки.— Будто ноги отнялись. Будь я один, так и замерз бы там насмерть.

— Будь любой из нас там один...— Дон не стал договаривать.

— Или если б нас было только двое,— подхватил Питер,— они бы легко с нами расправились.

— Верно, однако мы пошли вместе,— быстро проговорил Рикки.— Дон не ошибся в них. Так что две трети дела позади.

— Вы хотите сказать, что нам надо найти *ее*? — спросил Питер. — Думаете, получится?

— Получится, — сказал Дон. — Возможно, Стелла нам что-нибудь расскажет. Может, она что-то узнала, что-то слышала... Не сомневаюсь, тип в голубой машине — это тот самый, что охотился за тобой. Надо постараться спросить ее сегодня вечером.

— Сомневаюсь... — покачал головой Питер. — Вон как метет. Даже если миссис Готорн что-то и расскажет, нам не отъехать от дома.

— Значит, пойдем пешком, — сказал Дон.

— Если надо, пойдем пешком, — проговорил Рикки и устало откинулся на подушки. — А знаете, теперь Клуб Фантазеров — это мы с вами. Мы трое. После гибели Сирса я думал... я считал, что остался один. Я ощутил колоссальную потерю. Сирс был моим лучшим другом; он был мне как родной брат. И пока живу, я буду очень скучать по нему. Но я точно знаю: когда Грегори загнал Сирса в угол, тот задал ему мощную трепку. Когда-то он сделал все, что было в его силах, чтобы спасти Фэнни, и я уверен, в этот раз, когда пришел его час, он тоже сделал все, что мог, — может, даже лучше, чем кто-либо из нас, окажись мы один на один с ними.

Рикки поставил пустую супную чашку на столик у кровати.

— И родился новый Клуб Фантазеров, и все мы здесь. И нет ни виски, ни сигар, и одеты мы неправильно — и, боже мой, только взгляните на меня! Я даже без бабочки! — Он потрогал широкий воротник пижамной куртки и улыбнулся друзьям. — И еще кое-что новенького. Больше не будет ни одной страшной истории. И никаких ночных кошмаров. Слава богу.

— Я не уверен насчет ночных кошмаров, — заметил Питер.

После того как Питер Барнс отправился в отведенную ему комнату прилечь на часок, Рикки сел на кровати и открыто взглянул на Дона Вандерлея сквозь очки.

— Дон, когда вы только приехали сюда, вы поняли, что пришли мне не по душе. Мне не нравилось то, что вы здесь, и до тех пор, пока я не осознал, что вы во многом похожи на своего дядю, я вас не воспринимал всерьез как личность. Но нет нужды сейчас говорить, что все переменялось, правда? Господи, я болтаю, как сорока! Что, интересно, было в шприце, который врач вколол мне?

— Убойная доза витаминов.

— Да? Мне намного лучше. Я так взбудоражен. Простуда еще держится, конечно, но она так давно живет во мне, что мы уже сдружились с ней... Послушайте, Дон. После всего, что мы пережили, вы стали очень близки мне. И если Сирс был мне как брат, то вы — как сын. А если откровенно, то ближе, чем сын. Мой Роберт не может со мной разговаривать, а я — с ним. Это длится с тех пор, как ему исполнилось четырнадцать. Так что, кажется, я готов духовно усыновить вас, если вы не возражаете.

— Я слишком польщен, чтобы возражать, — тихо сказал Дон и взял Рикки за руку.

— Вы уверены, что он вколол мне витамины?

— Абсолютно.

— Если наркотик дает такой эффект, я, кажется, начинаю понимать, почему Джон стал ими увлекаться. — Готорн лег и прикрыл глаза. — Когда все закончится — если доживем, разумеется, — давайте не терять друг друга. Я повезу Стеллу в Европу. И завалю вас открытками оттуда.

— Договорились, — сказал Дон и начал было что-то говорить, но Рикки уже спал.

Вскоре после десяти вечера Питер и Дон ужинали на кухне, приготовив себе стейки в гриле, салат и отыскав у Рикки в комнате бутылку бургундского. Еще одна тарелка

— Еще что-нибудь помните? — спросил Дон. — Он не говорил, куда везет вас?

— К другу, — сказала Стелла и содрогнулась. — Он сказал, я узнаю тайну. А еще говорил о Льюисе.

— И ничего не сказал, где этот его друг?

— Нет. Пойдите... Нет. — Она опустила взгляд на тарелку, затем немного отодвинула от себя поднос. — Бедный Льюис... Прошу вас, не надо больше вопросов.

— Пожалуй, вам лучше оставить нас одних.

Питер и Дон были уже в дверях, когда Стелла сказала:

— Я вспомнила. Он говорил, что везет меня в Холлоу. Точно.

— На сегодня достаточно, — сказал Рикки. — До завтра, джентльмены.

Утром Питер и Дон, спустившись вниз, с удивлением увидели на кухне Рикки. Он взбивал яйца, то и дело останавливаясь, чтобы промокнуть нос очередной салфеткой из лежавшей под рукой упаковки.

— Доброе утро. Хотите помочь мне поразмышлять о Холлоу?

— Вам же надо лежать, — сказал Дон.

— Черта с два мне надо лежать! Вы чувствуете, как близки мы к цели?

— Я чую лишь запах будущей яичницы, — сказал Дон. — Питер, достань-ка тарелки из буфета.

— А сколько в Холлоу домов? Пятьдесят? Шестьдесят? Не больше. И она в одном из них.

— Нас дожидается, — сказал Дон, и Питер, раскладывая тарелки на кухонном столе, на мгновение замер и поставил последнюю тарелку чуть медленнее. — А снегу за ночь напало не меньше двух футов. И он все идет. Правда, метель стихла, но к обеду может разыгаться снова. По всему штату объявлено чрезвычайное положение в связи с заносами. Вы собираетесь прогуляться до Холлоу и стучать там во все двери подряд?

— Нет, я хочу, чтоб мы с вами поразмышляли немного,— сказал Рикки и разложил болтунью по тарелкам.— Давайте поджарим немного тостов.

Когда на столе появились тосты, апельсиновый сок и кофе, все трое сели завтракать. Рикки, сидя за столом в голубом халате, казался бодрым, энергичным, чуть не ликующим. И явно был поглощен мыслями о Холлоу и Анне Мостин.

— Это единственный район города, который нам почти не знаком,— сказал Рикки.— Потому-то она и сидит там. Она пока не хочет, чтоб мы отыскиали ее. Вероятно, она уже знает, что осталась без помощников. И планы ее откладываются. Ей понадобится подкрепление — что-то наподобие Бэйтов или ее самой. Был один, да Стелла его устранила при помощи шляпной булавки.

— Почему вы решили, что он был единственным? — спросил Питер.

— Потому что мы столкнулись бы с другими, будь они здесь.

Немного помолчали.

— Так что, я думаю, она затаилась — в пустом здании скорее всего,— пока не появятся остальные. Она не ждет нас. Она думает, что по такому снегу мы просто не дойдем.

— Она будет мстить,— сказал Дон.

— А может, ей тоже страшно.

Питер вскинул голову:

— Почему вы так сказали?

— Потому что однажды, много лет назад, я помог убить ее. И вот еще что. Если мы не поторопимся найти ее, все, что нам удалось сделать, пропадет зря. Стелла и мы трое выиграли немного времени для всего города, но как только откроются дороги...— Рикки откусил кусочек тоста.— Начнется кое-что пострашнее. Она будет не просто мстить — она взбесится. Дважды мы останавливали ее.. Так что давайте обдумаем, как будем действовать в Холлоу. Не откладывая.

— Это район, где раньше жили слуги? — спросил Питер.— Тогда ведь у всех были слуги.

— Да,— сказал Рикки,— и есть еще одна мысль. Я вспоминаю, что она сказала Дону на пленке: «В своем воображении». Одно такое место мы нашли, и я уверен, оно было не единственным. Но ума не приложу...

— Вы знаете кого-нибудь оттуда? — прервал Дон.

— Конечно. Я прожил здесь всю жизнь. Но я не вижу никакой связи с...

— А каким был Холлоу раньше? — спросил Питер.— В старые времена?

— В старые времена? Ты хочешь сказать, во времена моего детства? О, совсем другим, намного привлекательнее, чем теперь. И намного чище. Чутьочку вульгарным. Тогда он считался районом городской богемы. В Милбурне жил художник — оформлял журнальные обложки. Он как раз обитал там, у него была живописная седая борода, и он носил пелерину — он выглядел именно так, как должен выглядеть настоящий художник. О, сколько времени мы проводили в Холлоу! Там был бар с джазовым оркестром. Льюис обожал ходить туда — потанцевать. Немного похожий на «Хэмфрис Плаэйс», но поменьше и гораздо уютнее.

— С оркестром? — спросил Питер, и Дон тоже поднял голову.

— О, да,— мечтательно сказал Рикки, не замечая, как остальные взволновались.— Небольшой, всего шесть-восемь инструментов, но, как теперь говорят, классный.— Он собрал тарелки, опустил их в раковину и залил горячей водой.— Да, Милбурн был очень мил в те годы. Мы много гуляли, проходя пешком несколько миль вниз к Холлоу и обратно: послушать музыку, выпить кружку-другую пива; иногда выезжали за город.— Погрузив руки в мыльную воду, Рикки вдруг резко замолчал.— Боже ты мой! Я знаю. Знаю! — Не выпуская из рук тарелку, с которой стекала пена, он повернулся к друзьям.— Эдвард! По-

нимаете? Эдвард ведь жил в Холлоу. Мы все время ходили в Холлоу к нему в гости. Именно туда он переехал, когда захотел купить себе дом. Я тогда работал в фирме моего отца, и он очень ворчал по поводу того приобретения.— Рикки уронил тарелку и перешагнул осколки, не заметив этого.— Владелец дома был у нас первым чернокожим клиентом. И дом еще стоит! Городской совет приговорил его прошлой весной, и в этом году его должны снести. Это мы сосватали Эдварду дом — Сирс и я.— Рикки вытер руки полами халата.— Вот так. Бывший дом Эдварда — и есть «в своем воображении».

— Потому что в доме Эдварда...— начал Дон, поняв, что адвокат абсолютно прав.

— Умерла Ева Галли, и начались наши кошмары,— закончил Рикки.— Ей-богу, теперь она не уйдет.

16

Все теплые вещи Рикки, что нашлись в доме, они натянули на себя, напялив несколько слоев нижнего белья, по две рубашки — Питеру и Дону не удалось застегнуть их,— по два свитера; по две пары носков. Дон даже умудрился втиснуть ноги в старые высокие хозяйские ботинки на шнуровке. Впервые Рикки с благодарностью подумал о своей коллекции одежды.

— Нам предстоит долгий путь,— сказал он, копаясь в коробке с шерстяными шарфами,— поэтому надо обернуть лица вот этим. Отсюда до Холлоу примерно три четверти мили. Слава богу, город маленький. Когда нам было по двадцать, мы частенько ходили отсюда до дома Эдварда и обратно раза по три в день.

— Вы уверены, что найдете дом? — спросил Питер.

— Абсолютно уверен,— сказал Рикки.— Так. Теперь давайте проверим, как мы оделись.— Закутанный в сто одежек, каждый из них напоминал снежного человека.— А шапки? У меня столько шапок! — Он нахлобучил на го-

лову Питера меховую шапку, сам надел красную охотничью кепку, которой было лет сто, а Дону сказал: — Вот эта мне чуть великовата, — и протянул ему мягкую зеленую твидовую кепку; она пришлась писателю впору. — Надевал ее на рыбалку с Джоном Джеффри. Один-единственный раз. Ненавижу рыбалку.

Поначалу одежда Рикки держала тепло; пока они шли под легким снегом, щурясь от резкого белого света, навстречу им попались несколько человек, штурмовавших тротуары и подъездные дорожки с лопатами и снегометами. Дети в разноцветных комбинезонах играли в сугробах — яркие подвижные пятна на ослепительной снежной белизне. Было плюс пять по Фаренгейту, и мороз покусывал незакрытые участки лиц.

Идти было трудно даже до того момента, как переменилась погода. Сначала начали остывать и мерзнуть ступни, ноги быстро утомлялись от ходьбы по глубокому снегу. Вскоре друзья прекратили разговоры, отнимавшие слишком много сил. Пар от дыхания оседал на толстой шерсти шарфов, и влага замерзала. Дон понял, что температура стремительно падает — он в жизни не видал такого; снегопад усилился, пальцы в перчатках стали замерзать, и ноги, кажется, тоже.

Когда путники завернули за угол и посмотрели вниз, на улицу, прятавшуюся за длинным, высоким, порой футов в пятнадцать, гребнем снежного заноса, Дон подумал, что они напоминают полярных исследователей со старинной фотографии — обреченных, отрезанных на краю земли, с почерневшими губами и обмороженной кожей. Маленькие беззащитные фигурки на фоне необъятного, волнистого снежного безмолвия.

На полпути к Холлоу Вандерлей уже был уверен, что температура упала ниже нулевой отметки. Его шарф превратился в жесткую ледяную маску. Холод больно впился в руки и ступни. Он, Рикки и Питер буквально с боем

пробились через площадь, поднимая ноги из глубокого плотного снега и наклоняясь вперед, чтобы сделать следующий шаг. Елка, установленная мэром и помощниками в центре площади, виднелась отсюда, как белый холм с беспорядочно торчащими из него зелеными лапами. Расчищая Мэйн-стрит и Уит Роу, Омар Норрис сбил ее и завалил снегом.

Когда они дошли до светофоров, все вокруг посерело, и снег уже больше не сверкал: он казался таким же серым, как и воздух. Дон поднял голову: тысячи тысяч снежинок крутились под плотными тучами. Они были одни. Вниз по Мэйн-стрит, как перевернутые блюда, торчали из снега крыши автомобилей. Все дома были заперты. Свежий снег уже нападал у подъездов. Быстро темнело.

— Рикки? — позвал он. Во рту был привкус мерзлой шерсти, а щеки, не закрытые шарфом, горели.

— Уже недалеко, — задыхаясь, проговорил Готорн. — Идите, не волнуйтесь за меня.

— Как ты, Питер?

Парень глянул на Дона из-под снега — шапку всю замело.

— Слышали, что сказал босс? Вперед.

Новый снежный заряд поначалу показался слабым и незначительным; но когда они миновали три квартала, ветер усилился, и ноги стали казаться Дону двумя ледяными глыбами, больно впаявшимися в лодыжки. Следующий заряд обрушился уже с поистине штормовой силой: снег не падал и не закручивался в игривые спирали, а несясь вниз по диагонали, и порывы метели были как океанские валы. Снег жалил. Как только путники выбирались на вершины высоких сугробов, он бил им прямо в грудь и лицо, толкая назад, не давая вдохнуть.

Готорн упал навзничь, потом сел с прямой спиной — как кукла на снегу. Питер нагнулся к нему и протянул

руку. Дон обернулся — не понадобится ли его помощь — и пошатнулся от удара ветра в спину. Он окликнул:

— Рикки?

— Мне надо... посидеть. Немножко.

Он тяжело дышал, и Вандерлей представлял, как больно мороз царапает ему горло, как обжигает легкие.

— Осталось два-три квартала, — проговорил Рикки. — Боже, мои ноги...

— Меня тут опарашила мысль: а вдруг ее там нет?

— Да там она, — уверенно сказал Рикки и, взявшись за руку Питера, поднялся. — Это рядом. Пойдемте.

Повернувшись лицом к ветру, Дон на мгновение ослеп; затем разглядел тысячи белых точек, летящих ему навстречу плотным слоем — словно линия атаки. Обширные полупрозрачные полосы снежной пелены отрезали Рикки и Питера, и он с трудом разглядел, как адвокат махнул ему рукой: мол, вперед.

Дон не понял, когда они очутились в Холлоу: в пурге все кварталы виделись одинаковыми. Возможно, дома здесь чуть более обветшали; может, немного меньше света было в окнах, казавшихся недостижимо далекими. Когда-то он писал в своем дневнике, что дома здесь напоминают красно-кирпичные здания тридцатых годов, — нынче мысль об этом представлялась невыразимо отдаленной. Сейчас темно-серый кирпич домов пятнали прямоугольники окон. И несмотря на то что кое-где сквозь щели в шторах и ставнях сочился свет, район казался зловещим и абсолютно заброшенным. Дону вспомнилась еще одна опрометчивая мысль из дневника: если беда обрушится на Милбурн, она придет не из Холлоу. Беда пришла в Милбурн как раз отсюда, из Холлоу, в солнечный октябрьский день пятьдесят лет назад.

Трое друзей стояли в круте жидкого света от уличного фонаря; Рикки, пошатываясь, вглядывался через улицу в три абсолютно одинаковых, высоких кирпичных дома напротив. Даже сквозь шум ветра Дон слышал, как он тяжело, со свистом дышит.

— Там,— хрипло сказал Рикки.

— Который из них?

— Не могу сказать,— ответил адвокат и покачал головой, сразу окутавшись снежным облаком, слетевшим с охотничьей кепки.— Не могу.

Он напряженно всматривался в метель, словно пригнувшись и подавшись вперед, как гончая. Здание справа, здание в центре. Здание слева. Опять здание в центре. Готорн поднял руку с ножом и показал на окна третьего этажа. Занавесок не было, а на одном окне была открыта створка.— Вон там. Комната Эдварда. Да, это там.

Фонарь над ними погас, и вокруг стало совсем темно.

Дон пристально разглядывал окна пустого дома, почти не сомневаясь, что вот сейчас увидит в одном из них лицо, которое маняще покивает им,— и страх сильнее, чем мороз, сковал его.

— Ну вот, дождались,— сказал Рикки.— Бурей обвало линии электропередач. Вы не боитесь темноты?

Они побрели через улицу.

17

Дон толчком открыл парадную дверь, и они вошли в прихожую. Там стянули с лиц шарфы; в выстуженном помещении дыхание облачками пара вылетало изо рта. Питер отряхнул снег с шапки и пальто. Никто не заговаривал. Рикки прислонился к стене: похоже, у него уже не хватит сил на то, чтобы одолеть лестницу. Мертвая лампочка висела над головами.

— Пальто,— шепнул Дон, боясь, что отсыревшая одежда будет сковывать движения. Он положил топор на пол, расстегнул пальто и бросил его. За пальто последовал второй шарф; грудь и руки все еще были стянуты узкими свитерами, однако плечам стало намного свободней. Питер тоже снял пальто и помог раздеться Рикки.

Видя их призрачно-белые лица в темноте, Вандерлей подумал: может, этот бой — последний; они вооружены

тем же, чем расправились с Бэйтами, но все трое невероятно ослабели. Глаза Рикки были закрыты, спина прислонена к стене, мышцы расслаблены; лицо напоминало по смертную маску.

— Рикки? — прошептал Дон.

— Минутку...— Рикки поднес к лицу трясущуюся руку и подышал на пальцы. Затем тяжело вздохнул, надолго задержал воздух и шумно выдохнул.— Порядок. Вам лучше идти первыми. Я прикрою тыл.

Дон нагнулся и подобрал топор. Питер за его спиной вытер об рукав лезвие ножа Боуи. Дон нащупал каблуком нижнюю ступеньку и шагнул на нее. Затем оглянулся. Рикки стоял за Барнсом, держась за стену рукой. Его глаза были опять закрыты.

— Мистер Готорн, может, вы останетесь? — прошептал Питер.

— Ни за что на свете.

И они начали подниматься, ведомые Доном. Когда-то состоятельные и перспективные молодые адвокаты, врач и семнадцатилетний сын священника ходили по этим ступеням: каждый из них был почти ровесником века. И по этим же ступеням поднялась женщина, которую они все боготворили, как он боготворил Альму Мобли. Вандерлей дошел до второй площадки и посмотрел вверх, на последний пролет лестницы. Частичкой разума он мечтал увидеть открытую дверь, пустую комнату, снег, наметенный из открытого окна...

Но вместо этого Дон увидел то, что заставило его отшатнуться. Питер заглянул ему через плечо и кивнул; и наконец Рикки догнал их и посмотрел на дверь, выходящую на верхнюю площадку.

Фосфоресцирующий свет просачивался из щели под дверью, заливая мягким зеленым сиянием саму дверь и последние ступени лестницы.

Друзья бесшумно поднялись наверх.

— Раз, два...— Дон вцепился свободной рукой в перила.— Три!

Втроем они навалились на дверь, и она слетела с петель. Каждый из них отчетливо услышал одно и то же слово — только голос для каждого из пришедших был различен:

— Здравствуйте.

18

Дон Вандерлей, совершенно потеряв ориентацию, резко обернулся на голос брата. Теплый свет заливал все вокруг, в уши ударил звук городского транспорта. Ноги и руки ломило от холода, и он боялся, что отморозил их, — однако вокруг было лето. Лето в Нью-Йорке. Он почти мгновенно узнал этот уголок.

Это был район Восточных Пятидесятых, очень знакомый Дону, потому что рядом — где-то совсем рядом — располагалось кафе с вынесенными на улицу столиками, где он всегда встречался с Дэвидом, когда тот навещался в Нью-Йорк.

Это не являлось галлюцинацией — или это была не просто галлюцинация. Он и впрямь находился сейчас в Нью-Йорке, и на дворе стояло лето. Дон почувствовал в руке тяжесть и, опустив глаза, увидел в ней топор. Топор? Зачем?.. Он разжал пальцы, и топор словно выпрыгнул из ладони. Брат позвал его:

— Дон! Я здесь!

Да, он нес топор... Они видели зеленый свет... Он повернулся...

— Дон?

Он посмотрел через улицу и увидел на той стороне Дэвида: живой, здоровый и с виду невероятно процветающий, брат стоял у одного из столиков, улыбался и махал ему рукой. Это был именно Дэвид — в легком голубом костюме, огромных дымчатых очках, дужки которых прятались в его выгоревших светлых волосах.

— Очнись! — перекрыл голос брата шум улицы.

Дон потер лицо замерзающими руками. Очень важно не показать брату своего смущения — Дэвид пригласил его на ленч. Дэвид должен что-то рассказать ему.

Нью-Йорк?

Несомненно, это был Нью-Йорк, и это был несомненно Дэвид — удивленно глядевший на него, светившийся радостью от встречи с ним и полный нетерпения начать свой рассказ. Дон посмотрел вниз, на тротуар. Топор исчез. Лавируя между машинами, писатель перебежал улицу и попал в объятия брата, в облако его сигар, хорошего шампуня, одеколона «Арамис»... Он — здесь, и Дэвид — жив.

— Как чувствуешь себя? — спросил брат.

— Я не здесь, а ты мертвый, — сорвалось у него с губ.

Дэвид взволнованно посмотрел на него, затем спрятал удивление за улыбкой.

— Знаешь, давай-ка присядем, братишка. И больше не говори таких вещей. — Дэвид придержал его за локоть и подвел к стулу под одним из зонтиков. «Мартини» со льдом в слезящемся стакане дожидалось его на столике.

— Я не собираюсь... — начал Дон. Он тяжело опустился на стул. Сильное движение Манхэттена струилось по улице; на другой стороне Вандерлей прочитал название французского ресторана, блестящее золотом на черном стекле. Даже его замерзшие ноги чувствовали, как нагрелся асфальт.

— Как же, не собираешься, — усмехнулся Дэвид. — Я заказал тебе стейк, правильно? Не думаю, чтоб ты хотел бы пообедать чем-то очень уж изысканным. — Он с симпатией смотрел на Дона через стол. Глаза прятались за модными очками, однако все лицо Дэвида излучало доброту и радость. — Кстати, как тебе мой костюм? Я нашел его в твоём шкафу. Теперь, поскольку ты выписался из больницы, тебе придется побегать по магазинам, обновить свой гардероб. Можешь пользоваться моим кредитом у Брукса, хорошо?

Дон оглядел себя: телесного цвета летний костюм, коричневый с зеленым галстук, коричневые легкие туфли. На фоне элегантного Дэвида все выглядело немного старомодным и дешевым.

— А теперь взгляни на меня и скажи: похож я на мертвеца? — сказал, улыбаясь, Дэвид.

— Нет.

Дэвид радостно вздохнул:

— Ну слава богу. Порядок. Ты заставил меня немного поволноваться, дружок. Теперь: ты что-нибудь помнишь о том, что произошло?

— Нет. Я был в больнице?

— У тебя был колоссальный упадок сил, братишка. У докторов глаза на лоб лезли: они с подобным не сталкивались. Одной ногой стоял в могиле. Это случилось сразу же, как ты закончил ту книгу.

— «Ночной сторож»?

— Какую же еще. Ты буквально отключился — а когда приходил в себя, начинал говорить что-то и все время нес какой-то бред о том, будто я умер, а Альма Мобли — это нечто ужасное и загадочное. Ты словно витал где-то в космосе. Если ты ничего не помнишь — так это последствия шоковой терапии. Теперь нам надо привести тебя в порядок. Я говорил с профессором Либерманом, и он пообещал подписать тебе контракт на следующий год: ты ему очень по душе, Дон.

— С Либерманом? Да нет, он же сказал, что я...

— Это было до того, как он узнал, насколько серьезно ты был болен. В общем, я увез тебя из Мексики и поместил в частную клинику в Ривердейле. И оплатил лечение. Сейчас принесут стейк. Допивай свой «Мартини».

Дон послушно выпил. Такой знакомый вкус...

— Почему мне так холодно? — спросил он Дэвида. — Замерзаю.

— Это последствия лечения. — Брат похлопал его по руке. — Они сказали, что пару дней ты будешь вот так се-

бя чувствовать: озноб, смущение, неуверенность в себе — а потом все пройдет. Уверяю тебя.

Официантка принесла их заказ. Дон позволил ей забрать недопитый «Мартини».

— Ты говорил такие странные вещи,— между тем рассказывал ему брат.— Теперь, когда ты пришел в себя, ты сам поразишься, когда услышишь. Ты думал, что моя жена — какое-то чудовище, убившее меня в Амстердаме, причем тебя было не переубедить. Врач сказал, что это ты так переживаешь ту потерю: потому-то ты так не хотел приехать ко мне и поговорить обо всем. Ты заиклился на мысли о том, что все описанное в твоём романе произошло на самом деле. Когда ты отправил рукопись своему агенту, ты засел в номере отеля, ничего не ел, не мылся — даже не поднимался со стула, чтоб сходить в туалет. Пришлось лететь в Мехико вызволять тебя.

— А где я был час назад? — спросил Дон.

— Тебе делали укол успокоительного. Потом посадили тебя на такси и велели привезти сюда. Я подумал, тебе захочется снова посидеть тут. Место тебе знакомо.

— Я целый год пролежал в больнице?

— Больше. Почти два. А в последние несколько месяцев резко пошел на поправку.

— Но почему я ничего не помню?

— Все просто. Потому что не хотел помнить. Тебе самому кажется, что ты появился на свет пять минут назад. Но постепенно чувство времени вернется к тебе. И память вернется. Ты можешь отдохнуть в нашем доме на Лонг-Айленде — солнце, песочек, море, женщины. Заманчиво?

Дон поморгал и огляделся вокруг. Тело содрогалось от холода. Незнакомая высокая женщина шла по направлению к ним, ее тянула огромная овчарка на поводке — женщина была стройной и загорелой, солнцезащитные очки подняты на волосы; на мгновение она показалась символом того, что являлось реальностью, — средоточием

всего того, что не грезилося и не снилось, что было не вымыслом, а восприятием здравого рассудка. Она была случайной, просто прохожей. Неужели все, что ему рассказывал Дэвид, и сам Дэвид — правда?

— Да насмотришься еще на женщин,— рассмеялся брат,— не сжигай глаза о первую встречную.

— Ты женат на Альме,— молвил Дон.

— Разумеется. Ей не терпится повидаться с тобой. И знаешь,— сказал Дэвид, продолжая улыбаться и держа вилку с аккуратно отрезанным кусочком мяса,— она даже немного польщена твоей книгой. Говорит, что внесла свой вклад в литературу! Но вот что я тебе скажу...— Дэвид подвинул стул ближе к столу.— Подумай о последствиях — если то, что ты утверждаешь в книге, правда. Если, конечно, подобные существа реальны — а ты уверял, что это так.

— Я знаю,— сказал Дон,— я думал...

— Погоди. Дай договорить. Ты понимаешь, какими ничтожными мы в этом случае кажемся им? Сколько мы живем? Несчастные шестьдесят—семьдесят лет. А они — века, сотни веков. И становятся теми, кем захотят. Наши жизни рождаются в результате случайности, совпадения, слепой комбинации генов — а они создают себя по своему хотению. Конечно, они нас возненавидят. И будут правы. Живя бок о бок с ними, мы будем им омерзительны.

— Нет,— возразил Дон,— это ошибка. Это неправильно. Они жестоки и беспощадны, они живут смертью...— Он почувствовал, что сейчас ему станет плохо.— Ты не должен так говорить.

— Вся твоя беда в том, что ты заиклился на этой своей сказке — хоть ты уже и не участник ее, ты не перестанешь ее мысленно сам себе пересказывать, она живет где-то в уголке твоей памяти. Знаешь, твой лечащий врач сказал мне, что твой случай — первый в его практике. Когда ты перебрасываешься из одного состояния в другое, ты перебрасываешь себя именно в эту сказку. Ты бро-

дишь по коридору клиники и разговариваешь с людьми, которых нет рядом. Ты словно репетируешь роль какого-то своего внутреннего спектакля. Все врачи были просто потрясены. Они заговаривали с тобой, и ты отвечал им — но отвечал так, будто вел разговор с каким-то парнем по имени Сирс или с другим — его звали Рикки...— Дэвид улыбнулся и покачал головой.

— И чем заканчивалась история? — спросил Дон.

— А?

— Чем эта сказка закончилась? — Писатель положил вилку, подался корпусом вперед и впился глазами в ласковое лицо брата.

— Они не пустили тебя, — сказал Дэвид. — Боялись, что ты можешь погибнуть. Понимаешь, в этом-то и проблема. Ты выдумал своих фантастических красивых созданий, а потом «вписал» себя в сюжет в роли их врага. Но они непобедимы. И неважно, сколько ты приложишь усилий и каких, — они всегда в конце концов выйдут победителями.

— Да нет, это не... — начал Дон. Все не так: он припоминал лишь смутные наброски «истории», о которой говорил Дэвид, но был твердо уверен, что брат не прав.

— Врачи сказали, что это самый необычный способ самоубийства, к какому прибегнул романист. Ни о чем подобном им еще не доводилось слышать. И они не могли позволить тебе погубить себя, понимаешь? Им пришлось вытаскивать тебя оттуда.

Дон сидел будто на морозном ветру.

— Здравствуй и добро пожаловать вновь, — сказал Сирс. — Нам всем снился один сон, но ты, по-моему, первым из нас его увидел, причем прямо на нашем собрании.

— Что? — вскинул голову Рикки и увидел перед собой любимую библиотеку Сирса: застекленный книжный стеллаж, кожаные кресла, составленные в круг, темные окна. Прямо напротив него Сирс затягивался сигарой и смотрел на него, как ему показалось, с легким раздраже-

нием. Льюис и Джон при черных галстуках держали в руках стаканы с виски и, как и Сирс, выглядели скорее взволнованными, чем раздраженными.

— Какой сон? — спросил Рикки и помотал головой. Он тоже был в смокинге: по этой сигаре, по уютному полумраку, по тысяче милых, знакомых деталей он узнал последнюю встречу Клуба Фантазеров.

— Ты задремал, — подал голос Джон. — Сразу же, как закончил свою историю.

— Историю?

— А затем, — продолжал Сирс, — ты посмотрел прямо на меня и заявил: «Ты мертв».

— Ох. Опять кошмар, — вздохнул Рикки. — А, да. Да неужели я так сказал? Господи, я так замерз...

— В наши годы немудрено: вялое кровообращение, — сказал доктор Джеффри.

— Какое сегодня число?

— М-да, отключился ты на совесть, — поднял брови Сирс. — Девятое октября.

— А Дон здесь? Где Дон? — Рикки в панике закрутил головой, оглядывая библиотеку, словно племянник Эдварда мог прятаться где-то под креслом.

— Ну, знаешь, Рикки... — рассердился Сирс. — Если ты не помнишь: мы только что голосовали о том, чтобы отправить ему письмо. И вряд ли он объявится здесь до того, как письмо будет написано.

— Мы должны рассказать ему о Еве Галли, — сказал Рикки, вспомнив голосование. — Обязательно.

Джон тонко улыбнулся, а Льюис откинулся на спинку кресла, глядя на Рикки, как на помешанного.

— Ты делаешь удивительно противоречивые заявления, — сказал Сирс. — Джентльмены, поскольку нашему другу определенно надо поспать, предлагаю объявить вечер ночью.

— Сирс, — позвал Рикки, ощутив внезапный толчок другого воспоминания.

— Да, Рикки?

— Когда мы встретимся в следующий раз — это будет в доме Джона, — не рассказывай свою историю. Ты не должен ее рассказывать. Последствия ее будут ужасны.

— Посиди-ка здесь немного, Рикки, — приказал Сирс и сделал знак остальным выйти из комнаты.

Он вернулся с только что прикуренной сигарой и бутылкой.

— Похоже, тебе не помешает выпить. Видать, сон у тебя был нехороший.

— А долго я спал? — Он услышал, как внизу на улице Льюис пытается завести своего «моргана».

— Минут десять. Не больше. Так что там насчет моей будущей истории?

Рикки открыл рот, попытался припомнить и повторить то, что несколько минут назад казалось ему таким важным, но вдруг понял, что выглядит довольно глупо:

— Даже не знаю... Что-то насчет Евы Галли...

— Могу пообещать тебе, что даже не заикнусь об этом. И думаю, что все остальные — тоже. Так будет лучше, тебе не кажется?

— Нет. Нет. Мы должны... — Рикки понял, что сейчас опять заговорит о Дональде Вандерлее, и покраснел. — Это, наверное, тоже приснилось мне. А что, у тебя открыто окно, Сирс? Я просто ооченел. И так устал. Не могу себе представить, что...

— Годы. Только и всего. Наш жизненный отрезок близится к концу, Рикки... Но мы долго прожили, правда?

Готорн покачал головой.

— Джон уже умирает. Ты обратил внимание, какое у него лицо?

— Да, кажется, обратил... — сказал Рикки, припомнив начало их нынешней встречи, будто прошло уже много лет, и тень, перечеркнувшую лоб Джона Джеффри.

— Смерть — вот что ты увидел. К несчастью, это правда, мой старый друг. — Сирс ласково улыбнулся ему. —

Я столько думал об этом, и ты припомнил Еву Галли — и все разволновались... Знаешь, о чем я думал? — Сирс затаился сигарой и тяжело подался всем телом вперед. — Мне кажется, что Эдвард умер не своей смертью. Мне кажется, перед ним вдруг встало видение такой шокирующей неземной красоты, что организм простого смертного не выдержал потрясения. И еще мне кажется, что мы в своих историях уже целый год постоянно балансируем на границе этой красоты.

— Нет, только не красоты, — сказал Рикки, — скорее, ужасного.

— Погоди. Я хочу, чтобы ты представил возможность существования расы неких существ — могучих, всезнающих, красивых созданий. Если бы они существовали, они бы ненавидели нас. По сравнению с ними мы казались бы скотом. Они жили бы веками — сотнями веков, и мы с тобой представлялись бы им детьми. Они не зависели бы от случайностей, совпадений или слепой комбинации генов. И они были бы правы в своей ненависти к нам: рядом с ними мы такие незначительные... — Сирс поднялся, поставил стакан и начал рассказывать по комнате. — Ева Галли. Вот когда мы упустили свой шанс. Рикки, мы могли бы узнать такое, ради чего стоило бы отдать наши жалкие жизни.

— О, я вспомнил! — воскликнул Рикки. — Бэйты. О них ты не должен рассказывать.

— А, с этим все давно кончено, — сказал Сирс. — Все в прошлом. — Он подошел к Рикки, облокотился на кресло и посмотрел на друга сверху вниз. — Боюсь, что теперь все мы — *hors commerce* или *hors de combat*?

— Ну, что касается тебя — то *hors de combat*, — сказал Рикки, припоминая, что об этом они уже говорили. Ему было совсем худо; тело ломило — так он не простужался ни разу в жизни.

Сирс еще ближе склонился к нему.

— Это можно сказать обо всех нас, Рикки.— Сирс вынул изо рта сигару и потянулся пощупать его горло.— Я думал, это мне показалось, что у тебя припухли гланды. Тебе повезет, если ты не умрешь от пневмонии.

Огромная ладонь Сирса сомкнулась вокруг горла Рикки.

Готорн беспомощно чихнул.

— Прислушайся к моим словам,— продолжал Дэвид.— Ты понимаешь, насколько это важно? Ты поставил себя в такое положение, при котором единственным логическим выходом была твоя смерть. И хотя ты сознательно наделил этих существ всеми мыслимыми пороками и сделал их воплощением зла, подсознательно ты понял, насколько они совершенны по сравнению с людьми. Вот почему твоя «сказка» была так опасна, и для тебя — в первую очередь. Как считает твой врач, подсознательно ты чувствовал, что они хотят убить тебя. И ты сам себе напридумывал, будто хочешь отдать им свою жизнь. Это опасные симптомы, малыш.

Дон покачал головой.

Дэвид положил вилку и нож:

— Давай поставим эксперимент. Я могу доказать тебе, что ты хочешь жить. Хорошо?

— Я знаю, что хочу жить.— Дон бросил взгляд на такую неоспоримо реальную улицу и увидел неоспоримо реальную женщину, идущую вверх по противоположной стороне, овчарка продолжала тянуть ее за поводок. «Нет: идущую не вверх,— немного подумав, понял он,— а спускающуюся, потому что она только шла по этой стороне вниз». Все напоминало фильм, в котором одного и того же статиста показывали снятым в разных эпизодах, в различной обстановке или декорациях, и это раздражало излишним напоминанием о том, что сюжет — это всего лишь вымысел. Однако — вон она, следующая по пятам

красивой собаки, не вымысел, а участница уличного движения, его часть.

— Я докажу тебе. Вот сейчас я возьму тебя руками за горло и чуть сдавлю. Когда захочешь, чтобы я перестал, скажешь — и я остановлюсь.

— Но это нелепо.

Брат быстро протянул к нему руки и сжал горло.

— Стоп,— сказал Дон.

Дэвид напряг мускулы и резко встал со стула, толкнув столик в сторону. Графин опрокинулся, и вино забулькало на скатерть. Никто из обедающих ничего не заметил — все продолжали жевать и разговаривать неоспоримо реально, нанизывая неоспоримо реальную еду и отправляя ее в неоспоримо реальные рты.

— Стоп,— попытался повторить Дон, но руки Дэвида сжимали горло слишком сильно, и звука не получилось. Лицо у брата было сосредоточенным, как у человека, занятого приготовлением отчета или охотящегося за мухой; он опрокинул ногой стол.

Затем лицо Дэвида изменилось и стало уже не его лицом, а мордой оленя с красивыми ветвистыми рогами, или огромной совой, или тем и другим одновременно...

— Здравствуй, Питер. Значит, отважился заглянуть за кулисы,— приветствовал его Кларк Маллигэн, шагнув в сторону от двери кинобудки и приглашая войти.— Как мило, что вы привели его, миссис Барнс. Мне порой так одиноко здесь. Что случилось? Пит, ты что-то грустный сегодня.

Питер открыл было рот, затем закрыл и наконец выдавил:

— Я...

— Можешь поблагодарить его, Питер,— сухо сказала мать.

— Это, наверное, его так фильм разволновал,— сказал Маллигэн.— Он на многих так действует. Сам-то я про-

смотрел его уже сотни раз, но все равно еще берет за душу. Питер, да это всего лишь кино.

— Кино? — спросил Питер. — Да нет... мы же поднимались по лестнице...

Он поднял руку и заметил, что держит в ней нож Боуи.

— Правильно: на этом и заканчивается ролик. Твоя мама сказала, что ты хотел посмотреть, как тут все крутится-вертится. Поскольку вы сегодня мои единственные зрители, то мы никому не помешаем, правильно?

— Питер, скажи на милость, зачем тебе этот нож? — спросила мать. — Отдай его мне сейчас же.

— Нет, я должен... Мне надо...

Питер шагнул от нее в сторону и растерянно огляделся в кинобудке. Вельветовое пальто на крючке, календарь, трафаретная бумага, припшпиленная к задней стене. И холод такой, будто Маллигэн крутил фильм на улице.

— Успокойся, Пит, — сказал Маллигэн. — Вот смотри, это наши кинопроекторы, последний ролик как раз заряжен вот в этот — видишь, я готовлю все заранее. А вот по этой маленькой отметке на пленке я вижу, сколько секунд осталось до конца ролика, чтобы запустить следующий...

— Чем все кончается? — спросил Питер. — Я что-то никак не соображу...

— О, они все, разумеется, погибают, — сказал Маллигэн. — Какой же еще может быть конец? Когда сравниваешь их с тем, с чем они борются, они кажутся такими жалкими, правда? Они всего лишь незначительные маленькие людишки, а то, что им противостоит, — ну... просто восхитительно. Можешь досмотреть до конца со мной, прямо здесь. Вы не возражаете, миссис Барнс?

— Не возражаю, — сказала Кристина, проскальзывая между ними, — а то там, внизу, он прямо в транс какой-то впал. Отдай мне нож, Питер.

Питер отвел руку с ножом за спину.

— О, прекрасно, сейчас он все увидит, миссис Барнс,— обрадовался Маллигэн и запустил второй проектор.

— Что увижу? — спросил Питер.— Я продрог до костей.

— Обогреватели неисправны. Я тут скоро опухну от холода. Что увидишь? Сначала убивают двоих, ну, а потом... Нет, лучше посмотри сам.

Юноша пригнулся к узкому окошечку и увидел, как яркий луч проектора, расширяясь, упирается в экран пустаго кинозала «Риальто»...

Рядом с ним, невидимый, громко чихнул Рикки Готорн, и все вокруг опять начало меняться. Стены киобудки заколыхались, Питер увидел, как что-то метнулось в сторону, и какое-то животное с огромной головой отскочило, как будто Рикки чихнул прямо на него, а затем Кларк Маллигэн вернулся на место со словами: «Здесь такая напряженная сцена»,— но голос его дрожал, а мать повторила: «Питер, отдай мне нож».

— Опять трюк,— сказал парень,— очередной гнусный трюк.

— Питер, не груби,— сказала мать.

Кларк Маллигэн обеспокоенно взглянул на него, и Питер, припомнив совет из какой-то старинной сказки, воткнул нож Боуи в пухлый живот Маллигэна. Мать завизжала, уже начав таять, как и все вокруг, а Питер вцепился в костяную рукоять обеими руками и, как рычаг, дернул ее вверх. Он взвыл от горя и жалости, а Маллигэн упал спиной на проекторы, свалив их с пьесталов.

19

— О Сирс! — Рикки жадно глотнул воздух. Горло нестерпимо жгло.— О мои бедные друзья! — Какое-то мгновение они снова были живы, рядом с ним, и это хрупкое скоротечное мгновение вобрало в себя все — повторная

потеря друзей и их такого удобного мирка печальным эхом пронеслась сквозь все его существо, и глаза его зацепало от слез.

— Рикки, Рикки,— донесся голос Дона, такой реальный, и Готорн повернул голову. Увидев, что творится на полу комнаты, он сел.— Питеру это удалось!

Питер стоял в шести футах в стороне от них и напряженно глядел на тело женщины, лежавшее рядом. Дон стоял на коленях, потирая шею. Встретив его глаза, Рикки прочел в них ужас и боль. Затем они оба взглянули на Анну Мостин.

Поначалу она выглядела в точности такой же, какой впервые появилась в приемной на Уит Роу: девушка с милым, симпатичным лицом и темными волосами — даже сейчас Рикки разглядел черты интеллекта и фальшивой человечности на ее овальном лице. Ее рука сжимала костяную рукоять, торчавшую точно в центре грудной клетки; темная кровь стекала из глубокой раны на пол. Редкие снежинки, залетая в окно, опускались на искаженное гримасой лицо и прикрытые веки.

Вдруг Анна резко распахнула глаза, и Рикки внутренне сжался, решив, что сейчас она заговорит. Но эти красивые глаза ни на чем не сосредоточивались — она, кажется, уже не узнавала никого из троих. Кровь волной хлынула из раны, следующая волна залила тело и подступила к коленям Рикки и Дона; Анна чуть улыбнулась — и третья волна устремилась с груди на пол.

Лишь краткое мгновение сквозь кожу мертвой женщины — как будто труп Анны Мостин был оболочкой, полупрозрачным саркофагом поверх другой материи — они наблюдали извивающуюся и корчащуюся жизнь. Не просто олень или сова, не просто тело человека или животного — под распахнутым ртом Анны Мостин оказался другой распахнутый рот, и под телесной оболочкой Анны Мостин — иное, сдавленное, тело. Все двигалось, отчаянно и свирепо боролось за жизнь; оно крутилось и ме-

нялось, переливаясь, как масляная пленка,— и гневно сверкнуло на них в тот момент, когда было еще видимым; затем почернело и угасло. На полу осталась лежать мертвая женщина.

В следующую секунду ее лицо сделалось белым, как мел, щеки ввалились, конечности скрючились под ударом невидимого ветра. Женщина распрямилась, словно листок бумаги, брошенный в огонь, став совершенно плоской — все тело будто свернулось вовнутрь. Она затрепетала и начала усыхать прямо на глазах — сперва вдвое меньше, затем вчетверо; в ней уже не осталось ничего человеческого, просто клочок искаженной плоти, извивающийся и уменьшающийся под ударами невидимого ветра.

Казалось, сама комната испустила вздох облегчения. Зеленый призрачный свет — тысячи маленьких огоньков — заливал все вокруг. Останки тела Анны Мостин вздрогнули в последний раз и исчезли, поглотив сами себя. Рикки, вытянувшись вперед и опершись уже на колени и руки, увидел, как снежинки укрывают то место, где только что ее тело закрутило вихрем и унесло в забвение.

В тринадцати кварталах от них здание, что стояло напротив дома Джона Джеффри на Монтгомери-стрит, взорвалось вовнутрь. Милли Шин услышала грохот взрыва и, подбежав к окну, успела увидеть, как фасад дома Евы Галли свернулся, словно картонка, а затем разлетелся по кирпичикам — вся конструкция рухнула в уже ревущий огонь, прямо в его центр.

— Рысь! — выдохнул Рикки.

Дон оторвал взгляд от точки на полу, откуда исчезла Анна Мостин, и увидел воробья, сидевшего на подоконнике открытого окна. Птичка склонила голову набок, разглядывая всех троих: Дон и Рикки начали потихоньку подползать к окну, а Питер все смотрел на опустевший пол — и тут воробей вспорхнул и вылетел из окна.

— Неужели конец? — спросил Питер. — Все кончено?

— Да, Питер, — сказал Рикки. — Все кончено.

Двое взрослых, взглянув друг на друга, согласно кивнули. Дон поднялся и как бы лениво и нехотя подошел к окну: ничего, лишь уставшая, понемногу стихающая вьюга. Он повернулся к Питеру и обнял его.

20

— Как вы себя чувствуете? — спросил Дон.

— Он спрашивает, как я себя чувствую! — Рикки сидел, привалившись к подушкам на кровати госпиталя в Бингэмптоне. — В пневмонии мало приятного. Она неблагоприятно сказывается на организме. Желаю вам никогда этим не болеть.

— Постараюсь, — сказал Дон. — Вы едва не умерли. Вам повезло: только-только открыли дорогу, и «скорая» привезла вас сюда. Если б вы не выкарабкались, пришлось бы мне самому этой весной везти вашу жену во Францию.

— Только не говорите этого Стелле. А то она примчится сюда и повыдергивает все эти трубочки. — Он криво улыбнулся. — Она так мечтает о Франции, что готова укатить туда даже с таким самонадеянным молодым человеком, как вы.

— Сколько они собираются держать вас здесь?

— Еще две недели. Вообще-то я не так уж плох. Стелла умудрилась застрашать сестер, так что уход за мной просто великолепный. Кстати, спасибо за цветы.

— Мне не хватает вас. Питер тоже скучает.

— Да, — просто сказал Рикки.

— Так все странно, что случилось с нами... Вы стали мне так дороги, и Питер... и Сирс, как... как никто, пожалуй, с тех пор, как расстался с Альмой Мобли.

— Ну, мое-то мнение об этом вам известно. Я все вам выболтал под действием того укола, что мне сделал тогда

молодой доктор. Клуб Фантазеров умер, да здравствует Клуб Фантазеров... Сирс как-то сказал мне: как он хотел бы быть не таким старым. Тогда он застал меня врасплох, но сейчас я соглашусь с ним. Я очень хотел бы увидеть Питера Барнса взрослым — хотел бы помочь ему. Прошу вас, сделайте это за меня. Мы обязаны ему жизнью, согласитесь.

— Конечно. Вот только мы ничем не обязаны вашей простуде.

— Я полностью был сбит с толку там, в той комнате.

— Как и я.

— Что ж, да хранит Бог Питера. Я рад, что вы ему не сказали.

— Да уж. Он достаточно хватил горя. Но рысь надо подстрелить.

Дон кивнул.

— Потому что,— продолжал Рикки,— в противном случае она вернется. И будет возвращаться снова и снова — до тех пор, пока мы и все наши родственники не погибнут. Я слишком долго взращивал и воспитывал своих детей, чтобы мучиться мыслью о том, что им предстоит так страшно закончить жизнь. Мне неприятно говорить об этом, но придется: это ложится на ваши плечи.

— Разумеется,— сказал Дон,— ведь именно вы закончили с Грегори и Фэнни. А Питер — с их хозяйкой. Так что мне предстоит довершить дело.

— Я вам не завидую. Но очень верю в вас. Вы забрали нож?

— Да, подобрал с пола.

— Отлично. Будет жаль, если он снова потеряется. Вы знаете, там, в той комнате, я нашел ответ на вопрос, долго мучивший и Сирса, и меня, и других. Кажется, я понял, что было причиной сердечного приступа вашего дяди.

— Я, кажется, тоже,— сказал Дон.— Я только не знал, что вы тоже это заметили.

— Бедный Эдвард. Очевидно, он вошел в пустую комнату Джона, предполагая в худшем случае увидеть актрису в постели с Фредди Робинсоном. А она вместо этого — что? Сорвала с себя маску.

Теперь Рикки выглядел очень уставшим, и Дон поднялся, чтобы уйти. Он положил на столик у кровати пачку газет и пакет с апельсинами.

— Дон? — Даже голос старого адвоката выдавал усталость.

— Да?

— Перестаньте баловать меня. Аучше застрелите меня рысь.

21

Спустя три недели Рикки наконец выписали из больницы. Снегопады и метели полностью прекратились; Милбурн, освободившись от снежной осады, выздоравливал, приходил в себя и набирался сил так же уверенно, как и старый адвокат. Поставщики добрались до продовольственных магазинов и супермаркетов. Рода Флэглер встретила Битси Андервуд в «Бэй Три Маркете», густо покраснела и кинулась к ней с извинениями за выданный клок волос.

— О, это были ужасные дни, — сказала Битси. — Ведь я бы поколотила вас, возьми вы первой ту проклятушую пачку салфеток.

Школы впускали учеников; бизнесмены и банкиры, возвращаясь к работе, открывали ставни и жалюзи и уныло глядели на кипы документов, скопившихся на столах; на улицах Милбурна с каждым днем все больше появлялось любителей прогулок и пробежек. Анни и Энни, очаровательные официантки Хэмфри Стэлледжа, погоревали по Льюису Бенедикту и вышли замуж за своих сожителей; они забеременели одна за другой с разницей в неделю. Если родятся мальчики, они назовут их Льюисами.

Кое-какой бизнес так и не возродился: несколько человек разорились — ведь аренду и налог на собственность приходилось платить даже в том случае, если собственность оказалась погребена под снегом. Другие закрылись по более мрачным причинам. Леота Маллигэн подумывала было вместо мужа управлять «Риальто», однако продала кинотеатр и участок занимаемой им земли по франчайзингу* и через полгода вышла замуж за брата Кларка: Ларри был не таким романтиком, как Кларк, но зато человеком надежным и компанейским и к тому же любил ее стряпню. Рикки потихоньку закрывал свое дело, однако молодой адвокат из города уговорил его продать и адвокатскую практику, и доброе имя фирмы. Новый владелец оставил в штате Флоренс Куаст и сменил таблички у кабинетов и у парадной двери здания. «Готорн и Джеймс» теперь стала называться «Готорн, Джеймс и Уиттэкер».

— Жаль, что его фамилия не По,— пошутил Рикки, однако Стелла сказала, что это не смешно.

Все это время Дон ждал. Когда он виделся с Рикки и Стеллой, они говорили только о туристических проспектах, заваливших их кофейный столик; когда встречался с Питером Барнсом, разговор шел о Корнелле, о писателях, книги которых паренек читал, о том, как тяжело привыкает его отец к потере Кристины. Дважды Дон с Рикки ездили на Плэзант Хилл и клали цветы на все могилы, появившиеся там после похорон Джона Джеффри. В одну линию тянулись могилы Льюиса, Сирса, Кларка Маллигэна, Фредди Робинсона, Харлана Ботца, Пенни Дрэгер, Джима Харди — так много могил, столько пядей земли, еще не осевшей. А когда она осядет, всем поставят памят-

* Франчайзинг — специальный вид лицензирования, когда компания — владелец известной торговой марки — предоставляет другой компании право ставить эту торговую марку на свою продукцию, но при этом получает право контроля над качеством и т. д. продукции компании-франчайзера.

ники. Кристину Барнс похоронили чуть подальше, на двойном участке, купленном Уолтером Барнсом. Семья Эльмера Скейлса покоилась ближе к вершине холма, на семейном участке Скейлсов, приобретенном когда-то дедом Эльмера, вымытый временем каменный ангел охранял их покой. К его ногам они тоже всегда клали цветы.

— Пока никаких следов рыси,— сказал Рикки, когда они возвращались в город после очередной поездки на кладбище.

— Пока нет,— ответил Дон. Оба они знали, что, когда придет время, это будет не рысь; и что ожидание может тянуться месяцы, годы.

Дон много читал, с нетерпением ждал обедов и ужинов с Рикки и Стеллой, смотрел телевизор, не пропуская ни одного фильма и сериала; выяснил, что совершенно не в состоянии писать. Он ждал. И часто просыпался по ночам в слезах. Ему тоже надо было лечиться.

В середине марта, в темный промозглый день, напомнивший тот, когда начались несчастья Клуба Фантазеров, почтовый фургон доставил тяжелую посылку из нью-йоркской кинопрокатной компании. Два месяца понадобилось, чтобы отыскать копию «Китайской жемчужины».

Дон зарядил дядин проектор, повесил экран — его руки так задрожали, что пришлось трижды прикуривать сигарету. Всего несколько движений по подготовке к просмотру единственного фильма Евы Галли возродили злое видение Грегори Бэйта в «Риальто» — там, где все они могли погибнуть. Он понял: его страшило то, что в фильме у Евы Галли будет лицо Альмы Мобли.

Он подключил динамики на тот случай, если кому-то пришло в голову озвучить фильм: снятая в 1925 году, «Китайская жемчужина» была немой. Когда он запустил проектор и сел смотреть, держа в руках стакан с виски для храбрости, он заметил, что титры изменены тиражной

компанией. Это была не просто «Китайская жемчужина», а номер 83 в серии «Классика немого кино»; помимо музыки, был добавлен голос диктора. А это означало, понял Дон, что фильм подвергнется серьезной редакции.

«Одна из величайших звезд эры немого кино», — звучал бесстрастный голос диктора, и на экране появился актер, прогуливающийся якобы по улице Сингапура. Вокруг сновали голливудские филиппинцы и японцы, одетые малайцами, — предполагалось, что они должны были изображать китайцев. Диктор продолжал описывать карьеру Бартельмеса, а затем рассказал вкратце историю о мечте, об украденной жемчужине, о сфабрикованном обвинении в убийстве. Первую треть фильма вырезали. Бартельмес приехал в Сингапур в поисках настоящего убийцы, укравшего «знаменитую жемчужину Востока». Помогала ему в этом Вильма Бэнки, владелица бара, «часто посещаемого портовым отребьем», — но «как девушка из Бостона, она обладала добрым и горячим сердцем»...

Дон отключил звук. Минут десять он наблюдал, как молодой актер с накрашенными губами задумчиво смотрит на Вильму Бэнки, расшвыривает крестьянского вида «портовое отребье», бежит туда-сюда по лодкам; он надеялся, что, если Ева Галли появится в этой урезанной версии, он узнает ее сразу. Бар Вильмы Бэнки приютил нескольких работавших там женщин легкого поведения, которые под видом посетительниц томно потягивали напитки из высоких стаканов. Лица некоторых проституток были простыми и невыразительными, некоторые же — просто сногсшибательными. Любая из них, думал Дон, могла оказаться Евой Галли.

И вдруг из задрапированной двери бара появилась девушка (искусственный туман клубился за спиной) и, надув губки, недовольно уставилась в камеру. Дон увидел ее чувственное большеглазое лицо и похолодел. Он поспешно включил звук.

«...пресловутая Сингапурская Сэл,— прогудел диктор.— Доберется ли она до нашего героя?» Конечно же, это была не пресловутая Сингапурская Сэл, а чистейший вымысел того, кто накропал этот глупый сценарий; но Дон сразу понял, что перед ним — Ева Галли. Она медленно прошла через бар и приблизилась к Бартельмесу; затем погладила его по щеке. Убрав руку, села ему на колено и ударом подбросила его ногу кверху. Актер свалился на пол. «Вот она какова, Сингапурская Сэл», — злоратно произнес диктор.

Дон снова отключил динамики, остановил проектор и, отмотав эпизод с Евой Галли назад, просмотрел его еще раз.

Он предполагал, что она удивительно красива, однако понял, что ошибался. Под густым гримом скрывалось приятное, но обыкновенное лицо; эта девушка ничем не напоминала Альму Мобли. Было заметно, что ей нравилось быть актрисой, нравилось исполнять роль честолюбивой девицы — ей безумно хотелось стать звездой! Как и Анн-Вероника Мор, она была в своей стихии; даже Альма Мобли могла бы оказаться хорошей киноактрисой: ее покорно-неподвижное лицо стало бы своеобразным трафаретом для тысяч героинь. Однако в 1925 году она допустила просчет: камера обнажила слишком много ее, и то, что видел Дон, глядя на Еву Галли, не очень-то радовало глаз. Даже Анна Мостин при внимательном рассмотрении — например, на вечере у Барнсов — казалась холодно-порочной, управляемой силой воли. Порой они могли будить любовь к себе, однако не обладали ничем для ответного чувства. Единственное, что в конце концов обнаруживалось в них, — это пустота. Иногда они искусно маскировали ее, но никогда — до конца, и это было их самой главной ошибкой вживления. И Дон понял, что теперь увидит и распознает это в чем бы то ни было и где бы то ни было — в любом ночном стороже, прикинувшемся мужчиной или женщиной.

В начале апреля его навестил Питер Барнс. Парень, похоже, почти пришел в себя после страшных событий зимы. Он повалился в кресло и провел руками по лицу:

— Извините, что потревожил вас. Если вы заняты, я пойду.

— Ты можешь приходить ко мне всегда, когда захочешь,— сказал Дон.— Не раздумывая. Правда, Питер. Я тебе всегда очень рад. И это не просто слова.

— Спасибо... В общем-то, я надеялся, вы скажете что-то в этом роде. Рикки уезжает через пару недель, да?

— Да. В следующую пятницу я везу их в аэропорт. Они ждут не дождутся этой поездки. Так возбуждены. Но если ты хочешь увидеть Рикки, я могу позвонить ему. Он придет.

— Нет, пожалуйста, не надо. Достаточно того, что я вас дергаю...

— Ради бога, Питер. Да что стряслось?

— Просто мне так мутно было все эти дни. Я хотел увидеть вас.

— Я рад, что ты пришел. Так что случилось?

— Я все время вижу маму. В смысле, она все время снится мне. Как будто я возвращаюсь в дом Льюиса и вижу, как Грегори Бэйт снова хватает ее,— причем выглядит он так, как тогда, в «Риальто», когда он корчился на полу. Все эти его ошметки кружатся так... будто отказываясь умирать.— Питер чуть не плакал.

— Ты говорил с отцом об этом?

Питер кивнул:

— Пытался. Я хотел ему рассказать все, но он не слушал. То есть слушал, но пропускал мимо ушей. И смотрел на меня так, словно мне пять лет и я сочиняю все на ходу. Так что я остановился, не успев толком начать.

— Не суди его, Питер. Тот, кто не был с нами,— не поверит. Если он успел послушать часть твоего рассказа и не

сказал тебе, что ты сумасшедший, значит, вероятно, этого было достаточно. Какая-то частичка его разума слушала тебя. Может, какая-то частичка верит услышанному. Знаешь, мне кажется, есть еще одна проблема. По-моему, ты боишься, что, избавившись от ужаса и страха, ты забудешь мать, предашь память о ней. Твоя мать любила тебя. И теперь ее нет, она умерла страшной смертью, но она вкладывала свою любовь в тебя семнадцать или восемнадцать лет, и в тебе живет много этой любви. Единственное, что ты можешь, — хранить ее.

Питер кивнул.

— Когда-то я знал девушку, — продолжал Дон, — проводившую все свободное время в библиотеке, и у нее была подруга, которая уберегала ее от людской подлости. Мне не известно, как повернулась ее жизнь, но я знаю точно: никто никого не может уберечь от предательства. Или от боли. Или от горя. Все, что в твоих силах, — постараться не дать сломить себя и продолжать идти вперед, пока не преодолеешь беду.

— Да, я понимаю, — сказал Питер, — но это кажется таким трудным...

— У тебя получается. Ты пришел ко мне и рассказал все — это значит, ты идешь вперед и преодолеваешь беду. Поездка в Корнелл — еще один большой шаг. На тебя свалится столько дел, что ты просто не сможешь заикливаться на Милбурне.

— Можно к вам приехать еще? После вступительных?

— Можно. Всегда, когда захочешь, — в любое время. И если меня не будет в Милбурне — я сообщу тебе, где меня найти.

— Спасибо, — сказал Питер.

23

Рикки слал ему открытки из Франции; иногда заходил Питер, и Дон замечал, что страшные воспоминания паренька понемногу отходят на второй план. Питер оживал:

у него появилась подружка, тоже собирающаяся в Корнелл.

Но это был еще хрупкий мир, и Дон продолжал ждать. Он никогда не показывал Питеру своего напряжения, а оно росло с каждой неделей.

Он наблюдал за всеми приезжающими в Милбурн, ему даже удавалось проверять имена всех новых постояльцев отеля «Арчер», но ни один из них не вызывал в нем того чувства холодной угрозы, какое охватило его во время просмотра кино пятидесятилетней давности. Несколько раз по ночам, выпив лишнего, Дон набирал номер телефона Флоренс де Пейсер и говорил:

— Это Дон Вандерлей. Анна Мостин умерла.

В первый раз поднявший трубку на другом конце просто бросил ее; на второй раз женский голос отозвался:

— Это мистер Вильямс из банка? Боюсь, что ваша ссуда аннулирована, мистер Вильямс.

На третий раз голос оператора сообщил ему, что такого номера не существует.

Другой причиной растущего беспокойства был тот факт, что деньги Вандерлея таяли. На его банковском счету оставалось не больше трехсот долларов — а если он будет продолжать столько пить, денег хватит едва ли на пару месяцев. И придется искать работу в Милбурне — тогда у него не останется времени на патрулирование улиц и магазинов в поисках существа, появление которого пророчила Флоренс де Пейсер.

Когда было тепло, Дон ежедневно по два-три часа просиживал на скамейке близ детской площадки в единственном городском парке.

«Ты должен помнить о том, что эти появления периодичны,— говорил он себе.— Ты должен помнить, что Ева Галли поставила себе срок в пятьдесят лет, чтобы расправиться с Клубом Фантазеров. Ребенок, незаметно подрастающий где-то в Милбурне, возможно, даст ему и Питеру передышку лет в пятнадцать—двадцать, прежде чем

начнет свою игру с ними. И тогда выяснится, что все его знали с детства; и это случится в Милбурне; и он не будет замечен так, как любой приезжий. На этот раз ночной сторож будет более осторожен. Единственное, что может сократить срок его выжидания, это то, что он захочет выстулпить до естественной смерти Рикки,— так что, возможно, он должен набрать силу лет через десять.

Сколько же ему должно быть сейчас? Восемь-девять. Или десять.

Если...»

24

Вот так Вандерлей и нашел ее. Поначалу он очень сомневался, наблюдая за девочкой, появившейся как-то в полдень на детской площадке. Она не была красивой, ее нельзя было даже назвать хорошенькой — угрюмая и напряженная, всегда в грязном платьице. Остальные дети сторонились ее, но детям это свойственно; и эта атмосфера отстраненности от них, вынуждавшая ее в одиночку качаться на качелях или копать в песочнице, могла быть всего лишь извечной самозащитой ребенка от неприятия ровесниками.

Однако дети, наверное, быстрее, чем взрослые, распознавали истинное различие.

Дон понял, что нельзя терять ни дня. Раздумывать было некогда: на счету оставалось сто двадцать пять долларов. Но если он похитит девочку и увезет, а потом выяснится, что ошибся,— кем он тогда будет? Маньяком?

Теперь он стал приходить на детскую площадку с ножом, привязанным к боку под рубашкой.

Даже если он прав и девочка — та самая «рысь», она может упорно играть свою роль. Если он увезет малышку, она способна причинить ему непоправимый вред, не проявив своей сути и дождавшись, когда их настигнет полиция. Тем не менее ночному сторожу нужна их смерть: и если он прав, девочка не позволит вмешаться полиции

или другим законным структурам, чтобы наказать его за похищение. Она придумает более замысловатое решение.

Девочка, похоже, не замечала его, но вдруг стала появляться в его снах — сидя сбоку и изучая его бесстрастным взглядом, и ему казалось, что, даже когда она рассеянно качается на качелях, погруженная в свои мысли, она украдкой поглядывает на него.

У Дона был единственный намек на то, что этот ребенок не так обычен, как кажется, и он вцепился в эту ниточку с фанатичным отчаяньем. Увидев ее в первый раз, Вандерлей похолодел.

Он стал завсегдатаем парка — неподвижный человек, давно не стриженный и редко бреющийся; подходя к детской площадке, можно было не сомневаться в его присутствии, как и в присутствии на ней качелей, скамейки, песочницы... Ранней весной Нед Роулз опубликовал о Вандерлее небольшую заметку в «Горожанине», и его узнавали, но не досаждали. Он был писателем — очевидно, работал над замыслом новой книги; он владел недвижимостью в Милбурне. Если люди и считали его странным, им нравилось, что у них в городе есть свой, хорошо известный чудак; и потом все знали, что он хороший друг Готорнов.

Дон закрыл счет в банке, сняв все деньги наличными; он потерял сон и не мог заснуть, даже крепко выпив; он сознавал, что снова перед ним маячит упадок сил, как тогда, после смерти Дэвида. Каждое утро, прежде чем отправиться в парк, он прилеплял нож Боуи к боку.

Если он ничего не предпримет, в один прекрасный день он просто не встанет с постели — его нерешительность вырастет в каждый атом тела, парализует его. Выхода у него не оставалось.

Как-то утром Дон поманил одного из игравших рядом ребяташек, и мальчик неуверенно подошел к нему.

— Как зовут вон ту девочку? — спросил он, показав на нее пальцем.

Мальчик смущенно помялся, поморгал и ответил:

— Анжи.

— А фамилия?

— Не знаю.

— А почему с ней никто не играет?

Мальчик, наклонив голову набок, взглянул на него искоса; затем, решив, что ему можно доверять, подался вперед, сложил ладони трубочкой у губ и по большому секрету сообщил:

— Потому что она страшная.

И тут же убежал, а девочка все так же безучастно качалась: вперед-назад, выше и выше.

Анжи. На теплой скамейке, под жарким солнцем, в одиннадцать утра — он задрожал от холода.

Той ночью, в середине какого-то суматошного сна, Дон свалился с кровати и, шатаясь, поднялся на ноги, держась за лоб. Голова страшно болела — казалось, она разбилась на мелкие осколки, как упавшая на пол тарелка. Вандерлей побрел на кухню за стаканом воды и аспирином и увидел — или подумал, что увидел, — Сирса Джеймса, сидевшего за столом в гостиной и раскладывавшего пасьянс. Призрак посмотрел на него с отвращением и сказал:

— Пора бы взять себя в руки, а? — И вновь занялся пасьянсом.

Дон вернулся в спальню и, пошвыряв одежду в чемодан, положил нож Боуи на комод и закатал его в рубашку.

В семь утра, не в силах больше ждать, он поехал в парк, сел на свою скамью.

Девочку он увидел в девять — она шла по сырой траве. На ней было неизменное старое розовое платье; двигалась она быстро, как всегда погруженная в свою отчужденность. Впервые с того дня, как Дон стал нести здесь вахту, они были вдвоем. Он кашлянул, и девочка посмотрела прямо на него.

И он как будто понял: все эти недели, что он торчал тут, как привязанный к скамейке, и боялся за свой рассудок, а

она сосредоточенно играла сама с собой,— несомненно, все эти недели он был участником ее игры. Даже его сомнения, до сих пор не оставлявшие его, были частью ее игры. Она утомила, ослабила его, высосала соки, измучила — точно так же, как измучила Джона Джеффри, прежде чем вынудила прыгнуть с моста в замерзающую реку... Если он не ошибся.

— Ты,— сказал Дон.

Девочка села на качели и посмотрела через площадку на него.

— Это ты.

— Что вам надо?

— Иди сюда.

Она поднялась и зашагала к нему. Он ничего не мог с собой поделать — он боялся ее. Не дойдя до него двух футов, девочка помедлила и взглянула непроглядными черными глазами.

— Как тебя зовут?

— Анжи. Никто со мной никогда не разговаривает.

— А фамилия?

— Анжи Мессина.

— Где ты живешь?

— Здесь. В городе.

— Где именно?

Она неопределенно махнула рукой в восточном направлении — в сторону Холлоу.

— Ты живешь с родителями?

— Они умерли.

— Тогда с кем же ты живешь?

— Просто с людьми.

— Ты когда-нибудь слышала о женщине по имени Флоренс де Пейсер?

Она помотала головой: вполне вероятно, что так оно и было.

Вандерлей поднял голову к солнцу — он весь взмок и не мог говорить.

- Что вам надо? — повторила она вопрос.
- Пойдем со мной.
- Куда?
- Поедем покатаемся.
- Ладно.

Весь дрожа, Дональд поднялся со скамейки.

«Как просто. Неужели так просто...»

Никто не видел, как они ушли.

Каким был твой самый дурной поступок? Это ты похитил одинокую девочку-сиротку и ехал без сна, питаясь урывками, воруя деньги, когда кончились свои... Это ты нацеливался острием ножа в худенькую детскую грудь.

Что же было самым страшным? Не цель, а средство достижения, не сам акт, а его замысел: стремительно раскручивающийся назад фильм перед твоим мысленным взором.

Эпилог

МОТЫЛЕК В МОРИЛКЕ

бери нож,— раздался голос его брата.— Ты слышишь меня, Дон? Спрячь его.

Вандерлей открыл глаза и увидел, что он в ресторане; золотистый свет заливает улицу. Дэвид сидит за столом напротив, такой же красивый, излучающий участие — но одетый в какой-то мятый мешок, бывший когда-то костюмом; лацканы серые от мелкой пыли, из швов торчат белые нитки, плесень покрывает рукава.

Перед ним стояли тарелка со стейком и наполовину опустошенный стакан вина; в левой руке Дон держал вилку, в правой зажал костяную рукоять ножа Боуи.

Дон расстегнул пуговицу рубашки и опустил в открывшийся проем нож.

— Я устал от этих трюков,— сказал он.— Ты не мой брат, и я не в Нью-Йорке. Мы в номере мотеля во Флориде.

— И ты совершенно не выспался,— усмехнулся брат.— Ты ужасно выглядишь.— Дэвид облокотился на

стол и поднял на лоб большие дымчатые очки.— Но возможно, ты и прав. Этим тебя уже не проведешь, правда?

Дон покачал головой. Даже глаза Дэвида были неимоверно похожи; это даже казалось кощунством — как точно она подделала его глаза.

— Это доказывает, что я не ошибся,— сказал Дон.

— Насчет той девочки в парке, что ли? Разумеется, ты не ошибся. Ты и должен был найти ее — неужели до тебя еще не дошло?

— Дошло.

— Вот только через пару часов маленькая Анжи, несчастная сирота, опять окажется в парке. А через десять-двенадцать лет ей будет столько же, сколько сейчас Питеру Барнсу, правильно? К сожалению, бедняга Рикки покончит с собой задолго до этого.

— Покончит с собой?

— Это так легко устроить, дорогой мой брат.

— Не называй меня братом.

— Ох, да ведь мы на самом деле братья,— сказал Дэвид и улыбнулся, щелкнув пальцами.

В номере мотеля сидел состоятельного вида чернокожий мужчина, удобно устроившись в кресле: глядя Дону в глаза, он отстегнул саксофон от цепочки на шее.

— Ну, а меня-то вы, конечно, знаете,— сказал он и положил саксофон на соседний стол.

— Доктор Рэбитфут.

— Знаменитый. Прославленный.

У музыканта было тяжелое волевое лицо, но вместо кричащего менестрельского наряда, придуманного Доном, на нем оказался мятый коричневый костюм в более светлую радужную полоску темно-красного, почти коричневого цвета; и сам он казался помятым, уставшим от кочевой жизни на колесах балаганчика. Выражение глаз Доктора Рэбитфута было таким же вялым и безразличным, как у девочки, но белки были слегка желтоватыми, будто фортепианные клавиши.

— Я не очень хорошо представлял себе вас.

— Неважно. Я не обидчивый. Нельзя же все на свете предусмотреть. Кстати, вы очень многого не предусмотрели.— Вкрадчивый, с придыханием голос музыканта был одного тембра с его саксофоном.— Несколько легких побед вовсе не означают, что война вами выиграна. Я уже столько народу предупреждал об этом. Ну, попался я вам тут — а с собой-то что вы будете делать? Куда от себя денетесь? Вот один пример того, о чем вам не стоит забывать, Дон.

— Мы наконец-то один на один, лицом к лицу,— сказал Дон.

Доктор Рэбитфут, задрав подбородок, рассмеялся.

И тут же, под этот смех, который чуть не оглушил его, Дон очутился в квартире Альмы Мобли, окруженный восхитительными и полными воспоминаний предметами: все стояло на своих местах, и Альма сидела перед ним на диване.

— Ну, тоже мне, удивил! — сказала она, все еще смеясь.— Лицом к лицу — насколько я помню, эту позу мы пробовали столько раз! И макушка к хвостику — тоже.

— Я презираю тебя. Эти превращения уже начинали действовать на него: желудок горел, висок ломило.

— Я думала, ты уже справился с переживаниями,— сказала она своим звонким, солнечным голосом.— В конечном счете ты знаешь о нас больше, чем кто-либо на планете. Если тебе не нравятся наши характеры, мог бы по крайней мере с уважением отнестись к нашим возможностям.

— Не с большим уважением, чем к дешевым трюкам иллюзиониста из ночного клуба.

— Тогда мне придется научить тебя уважать их,— сказала она и подалась всем телом вперед.

И это уже был Дэвид — верхняя часть черепа снесена, челюсть сломана, кожа ободрана, все лицо кровоточит.

— Дон? Ради бога, Дон... помоги мне! Господи, Дон.— Дэвид корчился на бухарском ковре и стонал.— Сделай что-нибудь, умоляю тебя...

«Больше не могу», — подумал Дон. Он обежал вокруг брата, зная, что, если только склонится над его телом, Дэвид убьет его, распахнул дверь квартиры Альмы, выкрикнул: «Нет!» — и увидел, что оказался в душной, пропахшей потом комнате, битком набитой народом, — в каком-то ночном клубе («Ага, это потому, что я упомянул ночной клуб, — подумал он. — Она уцепилась за это слово и швырнула меня сюда»), где чернокожие и белые сидели вперемешку за маленькими круглыми столиками лицом к сцене.

Доктор Рэбитфут сидел на краю сцены, кивая ему. Саксофон был вновь пристегнут к цепочке, и музыкант перебирал клавиши, говоря:

— Видите ли, молодой человек, вам придется уважать нас. Мы же можем сделать из ваших мозгов кукурузную кашу. — Он оттолкнулся, спрыгнул со сцены и пошел к Дону. — Очень, очень скоро, — тут уже голос Альмы Мобли ворвался в его слух, — вы не будете соображать, где находитесь, что делаете, все в вашей голове перемешается, перепутается, вы будете не в состоянии отличить ложь от правды. — Чернокожий улыбнулся. Затем, подняв саксофон и протянув его Дону, продолжил опять голосом Доктора: — Держите. Возьмите эту трубу. Я могу говорить маленьким девочкам, что изливающейся из нее музыкой я посылаю им свою любовь, — и это может оказаться ложью. Или могу сказать, что я голоден, и это будет чертовски верно. Или могу сказать что-то красивое, и кто узнает — где правда, а где ложь? Это дело очень непростое, понимаете?

— Здесь слишком жарко, — сказал Дон. Ноги его дрожали, голова шла кругом. Остальные музыканты настраивали инструменты, некоторые подходили к пианино и нажимали «ми», другие быстренько прогоняли гаммы: Вандерлей боялся, что, если они заиграют, музыка разнесет его на куски. — Может, выйдем?

— Пожалуйста. — Желтизна вокруг зрачков Доктора Рэбитфута светилась.

Барабанщик всплеснул кимвалом, и густая нота баса, как птица, затрепетала во влажном воздухе зала, неприятно отозвавшись в желудке; оркестр грянул, ударив звуком, точно огромным молотом.

И Дон шел уже вдоль тихоокеанского пляжа с братом, оба босиком, над головами скользили чайки, и ему не хотелось смотреть на Дэвида, на котором был тот же жуткий могильный саван, и он глядел на воду, и видел повсюду игривые, переливчатые слои масляной пленки.

— У них все схвачено,— говорил Дэвид,— они так долго изучали нас — от самых истоков, понимаешь? Поэтому нам их не одолеть — поэтому я и выгляжу сейчас вот так. Тебе может несколько раз повезти, как тогда в Милбурне, но поверь мне, большего они тебе не позволят, теперь тебе не уйти. И это не так уж плохо.

— Разве? — прошептал Дон, уже готовый поверить всему, и оглянулся на Дэвида — на его искалеченную голову — и увидел за их спинами, на утесе, «коттедж», в котором они с Альмой прожили несколько дней когда-то, тысячи лет назад.

— Это похоже на мой первый рабочий день,— объяснял Дэвид.— Мне казалось, я такой крутой... Дон, господи, я думал, переверну этот мир вверх дном. Но эти парни, пожилые адвокаты Сирс и Рикки, они знали столько трюков, они были скользкими — как угри, понимаешь? И единственное, что перевернулось вверх дном,— это я. Так что мне пришлось еще многому поучиться, братишка, у них я чувствовал себя учеником. И я решил, что, если хочу чего-то добиться, мне надо стать таким, как они. Вот так я и выбился в люди.

— Сирс и Рикки? — спросил Дон.

— Они. Готорн, Джеймс и Вандерлей. А разве не так?

— В какой-то степени так,— сказал Дон оранжевому солнцу.

— В большой степени. И вот что ты обязан знать, Дон. Ты должен научиться почитать тех, кто совершеннее

тебя. Научиться покорности. Почтительности, если хочешь. Понимаешь, эти ребята — они живут вечно, они бессмертны, и они знают нас до мельчайшей клеточки. Когда ты думаешь, что припер их к стене, они выворачиваются и встают свежими, как цветочки,— прямо как старые адвокаты из моей первой фирмы. Но я научился уважать их, понимаешь, и теперь у меня есть все это.— И Дэвид обвел жестом дом на утесе, океан, солнце...

— Все это,— сказала Альма рядом с ним в памятном белом платье,— и я тоже. Как говорит твой саксофонист, это — непростое дело.

Слои масляной пленки на воде стали шире, и переливающиеся цвета заиграли уже прямо у его ног.

— Все, что тебе надо, сынок,— сказал за спиной Доктор Рэбитфут,— это найти выход. Решиться. У тебя сосулька в животе и шип в голове, и ты такой измученный, как три недели лета в Джорджии. Ты у финишной черты. Ищи выход, сынок.

— Выход,— повторил Дон, уже готовый сдаться, и обнаружил, что стоит перед высокой деревянной перевернутой дверью, воткнутой в песок. На уровне глаз был приколот листок бумаги. Вандерлей сделал шаг вперед и прочитал:

«Гостиница “Галф Глимпе Мотор”

1. Администрация просит всех гостей отъезжать не позже полудня, в противном случае необходимо оплатить номер за последующие сутки.

2. Мы с уважением относимся к вашей собственности — пожалуйста, берегите нашу.

3. Пользоваться сковородками, грилями или кипяtilьниками в номерах запрещается.

4. Администрация сердечно приветствует вас и желает приятного отдыха и целенаправленного отъезда.

Администрация»

— Понимаешь? — сказал Дэвид из-за спины. — *Целе-направленного* отъезда. Делай то, что рекомендует администрация. Вот об этом-то я и говорил тебе. Открывай, Дон.

Дон открыл дверь и прошел в нее. Палящее флоридское солнце обрушилось на него, жала сверху и отражаясь маревом от асфальта парковки. Перед ним стояла Анжи, держась за открытую дверь машины. Дон пошатнулся и прислонился к заднему крылу красного «шевроле»; мужчина, похожий на Адольфа Эйхмана, замурованный в своей цементной будке, повернул голову и уставился на него. Его очки в золотой оправе выстрелили солнечными зайчиками.

Вандерлей забрался в машину.

— Ну, а теперь поезжай, — раздался голос Доктора Рэ-битфута, развалившегося на заднем сиденье. — Ты нашел выход, который искал, не так ли? Теперь у тебя все получится.

Дон вырулил с парковки:

— Куда дальше?

— Куда дальше? — Негр захихикал, а затем оглушительно загоготал. — К нам. У тебя одна дорога. А мы по пути сойдем где-нибудь за городом, вон, видишь?

Конечно, он отлично это видел: поворачивая на авто-страду, идущую от Панамы, он обнаружил не дорогу, а широкое поле, пеструю травяную скатерть; вдали крутилась мельница.

— Не надо, — сказал Дон, — не делайте этого.

— Все в порядке, сынок. Езжай.

Дон взглянул вперед, увидел желтую разделительную полосу автострады, жадно глотнул воздуха. Он так устал, что мог запросто уснуть за рулем.

— Парень, от тебя несет, как от козла. В душ бы тебе.

Только мелодичный голос стих, как на ветровое стекло обрушился ливень. Дон включил дворники и, когда стекло на мгновение очистилось, разглядел полосы дождя, поли-

вающие убежавшее вдаль шоссе. Вокруг внезапно потемнело.

Вандерлей закричал и, ничего не соображая, надавил на акселератор.

Машина рванулась вперед, дождь захлестал в открытое окно. Они пробили ограждение автострады и рухнули вниз на берег.

Он ударился головой об руль и понял, что автомобиль переворачивается; его подбросило на сиденье, затем еще раз, потом машина выровнялась, клюнула носом и скатилась к железнодорожным путям и берегу залива.

Альма Мобли стояла на рельсах, вытянув руки, будто это могло остановить их: она вся светилась, как лампочка. Между тем машина протряслась через пути и, набирая скорость, понеслась к выезду на автостраду.

— Чертов лжец! — заорал Рэбитфут, рванулся к нему, а затем — назад, к двери.

Дон почувствовал резкую боль в боку, схватился за него рукой и нащупал нож. Он рванул рубашку, крича что-то бессвязное, и когда негр вновь навалился на него, встретил его лезвием.

— Чертов... лжец, — успел прохрипеть Рэбитфут.

Нож с глухим стуком попал в ребро, глаза музыканта расширились, рука сомкнулась на запястье Дона, но Вандерлей надавил изо всех сил — длинное лезвие скользнуло по ребру и нашло сердце.

Лицо Альмы Мобли появилось перед ветровым стеклом, свирепое и красное, как у ведьмы, она дико завизжала. Голову Дона прижало к шее Рэбитфута; он почувствовал, как на его руку хлынула кровь.

Машина заглохла уже в воде, и тело мужчины съезжилось, как тело Анны в старом доме. Дон оторвался от еще теплой шеи Рэбитфута и заметил, что ливень прекратился: солнечные лучи насквозь пробивали искаженную, ме-

тушууюся по заднему сиденью форму. Из-под дверей в салон хлынула вода, ее крутящиеся потоки, поднимаясь, стремились влиться в последний танец Доктора Рэбитфута. Карандаши и карты приподняло, смыло с приборной доски и тоже закружило.

Тысячи голосов слились в оглушительный визг.

— А теперь ты, ублюдок,— прошептал Дон в ожидании стопа духа, что обитал в этой исчезающей форме.

Вертящийся в водовороте карандаш вдруг нырнул в никуда: пульсирующий зеленоватый свет неожиданно и резко залил все вокруг, как фотовспышка.

— Ажец,— прошипел голос из ниоткуда.

Машину резко качнуло вперед-назад, и лучи того же ослепительного света — словно автомобиль превратился в призму — метнулись из центра крутящегося в салоне водяного вихря.

Дон нацелился на точку в нескольких дюймах над центром водоворота и резко выбросил к ней руки, швырнув корпус вперед в то же мгновение, как услышал, что замершее шипение голоса превратилось в злое устойчивое жужжание.

Его ладони сомкнулись вокруг такого маленького создания, что он было подумал: промахнулся! Инерция броска кинула Дона вперед: руки ткнулись в стекло, и он кувырнулся с сиденья в воду.

То, что он зажал в ладонях, ужалило его.

«Пусти меня!»

Его ужалило еще раз — руки, казалось, уже сжимали футбольный мяч. Он крепче сцепил ладони и перекатил добычу в левый кулак.

«Отпусти!»

Дон плотнее прижал пальцы к ладони и почувствовал еще один укол, прежде чем оглушительный голос в голове увял до тонкого вибрирующего визга.

Заплакав от боли, но больше — от дикого чувства триумфа, словно излучавшегося каждой клеточкой тела, Дон

правой рукой взял нож с пропитавшегося водой сиденья и, преодолев сопротивление волн, толкнул дверь.

Голос в мозгу изменился — загудел, как охотничий горн. Оса дважды ужалила его, резко обожгла ладонь у основания двух пальцев.

Рыдая, Дон перелез через сиденье и упал в воду по пояс. «Пришло время узнать, что случится с тобой, когда ты подстрелишь рысь». Он выпрямился и увидел кучку людей в семидесяти ярдах от ангаров: они смотрели на него. Очень полный мужчина в форме охранника бежал к воде.

«Время узнать, что случится. Время узнать».

Правой рукой он махнул охраннику, чтоб уходил, а левую уронил в воду, чтобы утопить осу.

Охранник заметил в его руке нож и опустил ладонь на кобуру.

— С вами все в порядке? — крикнул он.

— Уходите!

— Послушай, приятель...

«Отпусти меня!»

Охранник опустил руку, немного попятился, выражение агрессивности на его лице сменилось недоумением.

«Ты должен отпустить меня!»

— Черта с два! — сказал Дон, вышел на песок и упал на колени, еще крепче сжав левую ладонь. — Время подстрелить рысь.

Он поднял нож над ноющей и горячей левой рукой и начал по доле дюйма отгибать пальцы один за другим. Когда показались скребущие лапы и раздувающаяся задняя часть туловища осы, Дон ударил по ней ножом.

«НЕТ! НЕТ! НЕТ! НЕТ! НЕ СМЕЙ!»

Вандерлей повернул руку и выронил отрезанную половинку осы в песок. Затем еще раз полоснул ножом, располовинив то, что оставалось на ладони.

— Эй, мистер... — сказал охранник, подходя по песку поближе. — Вы же располозовали себе руку к чертям.

— Пришлось,— сказал Дон и бросил нож рядом с кусками осы. Густой оглушительный трубный голос в его мозгу перешел в пронзительный, выворачивающий душу крик. Охранник, со все еще красным и растерянным лицом, посмотрел на останки осы, свирепо перекатывающиеся и крутящиеся в песке.

— Оса,— проговорил он.— Мне показалось, что это странный шквал скинул вас... Уфф...— Он провел ладонью по губам.— Она, видать, сильно ужалила вас, а? Госсди, я-то думал, эти твари умирают сразу после того, как... Уфф...

Дон попробовал перевязать раненую руку рубашкой, и охранник кинулся в воду помочь ему.

— Видать, вы хотели отомстить маленькой стерве, а? — предположил охранник.

— Я и отомстил.— Дон встретился глазами с оторопелым взглядом мужчины и рассмеялся.— Получилось!

— Эт-точно! — сказал охранник. Оба опять посмотрели на вертящиеся в мокром песке останки.— Ну, она-то вам не отомстит — эти твари не оставляют призраков.

— Похоже на то.— Дон каблуком нагреб песок на осу. Даже после этого она продолжала бороться: песок шевелился.

— Смоет приливом,— сказал охранник. Он повел рукой в сторону ангаров и кучки любопытных.— Может, нужна наша помощь? Мы можем пригнать грузовик, вытащить отсюда вашу тачку.

— Спасибо, давайте так и сделаем.

— Вы куда-то торопились?

— Да нет, я уже не спешу,— сказал Дон, в это же мгновение осознав, каким будет его следующий шаг. — Но мне надо бы встретиться с одной женщиной в Сан-Франциско.

Они пошли к ангарам. Дон остановился оглянуться — и увидел лишь песок. Сейчас он уже не смог бы найти то место, где похоронил осу.

— Прилив смоег и утащит эту маленькую паразитку аж в Боливию,— сказал тучный охранник.— Забудь о ней, дружище. К пяти часам ее сожрут рыбы.

Дон засунул нож под ремень, и его вдруг накрыло волной любви ко всему смертному, ко всему, кому отмерен коротенький жизненный срок на этой земле, волной нежности ко всем, кто способен дарить жизнь и умирать, ко всем, кто может жить,— вот как эти люди, стоящие на солнцепеке у ангара. Он понимал, что это лишь минутное облегчение,— и в то же время это было загадочным, возможно, святым чувством. «Дорогой Сирс. Дорогой Люис. Дорогой Дэвид. Дорогой Джон — увы, мне не известный. И дорогие Рикки и Стелла, и дорогой Питер. Дорогие братья, дорогое человечество...».

— Для парня, чья машина сейчас гниет в соленой воде, вы выглядите что-то уж чересчур счастливым,— заметил охранник.

— Да,— ответил Дон.— Да, я счастлив. Только не спрашивайте меня почему.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. САЕДУЯ НА ЮГ	7
Часть 1. ПОСЛЕ ВЕЧЕРИНКИ У ДЖЕФФРИ	31
I. КЛУБ ФАНТАЗЕРОВ: ОКТЯБРЬСКИЕ ИСТОРИИ ...	33
II. ВЕЧЕРИНКА У ДЖЕФФРИ	142
Часть 2. МЕСТЬ ДОКТОРА РЭБИТФУТА	171
I. ДРУГАЯ НИВА, НО ЧТО ТАМ ПОСЕЯНО... ..	173
II. АЛЬМА	227
III. ГОРОД	282
Часть 3. ОХОТА НА ЕНОТА	381
I. ЕВА ГАЛЛИ И МАНИТУ	383
II. ГОРОД В ОСАДЕ	477
III. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ КЛУБА ФАНТАЗЕРОВ	521
Эпилог. МОТЫЛЕК В МОРИЛКЕ	611

Литературно-художественное издание

Питер Страуб
ИСТОРИЯ С ПРИВИДЕНИЯМИ

Ответственный редактор *А. Етоев*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *К. Иванов*
Корректоры *В. Дроздова, Л. Пищелева*

В оформлении переплета использована работа
художника *Л. Эдвардса*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Домино»
197198, Санкт-Петербург,
ул. Блохина, 20/7. Тел./факс (812) 325-13-28

ООО «Издательство «Эксмо».
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.**

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 745-89-16.
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

Книжные магазины издательства «Эксмо»:
Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.
Северо-Западная Компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо».
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети:
Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

Подписано в печать с готовых диапозитивов 04.11.2003.
Формат 84х108¹/32. Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 32,76.
Тираж 5000 экз. Заказ 1989.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина.

НЕДЕВРЫ ТУСТУКУ ШЕДЕВРЫ ТУСТУКУ

ПІТЕР
СТРАУБ

Peter Straub

НЕДЕВРЫ ТУСТУКУ ШЕДЕВРЫ ТУСТУКУ